THE LIBRARY OF CONGRESS

Bezobrazov, Vladimir Pavlovich
II

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

SBORNIK GOSUDARSVENNYKH ZNANII

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. БЕЗОБРАЗОВА
II

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: Свящ. М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), В. И. СЕРГѢЕВИЧА (по исторіи русскаго права), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ) и ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ).

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.
—
1874.

JA49
.B47

Въ типографіи В. Безобразова и К° (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи VII

Законъ и административное распоряженіе по русскому праву, *А. Д. Градовскаго*. 1

Эмиграція, кн. *А. И. Васильчикова* 33

Банковые законы и банковая политика, *Н. Х. Бунге* 67

Русская карательная система, *И. Я. Фойницкаго* 97

Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, статья первая, *Ю. Э. Янсона*. 145

Замѣтка о сокращенныхъ срокахъ воинской повинности и обязательномъ обученіи, *Г. С. Сидоренки* 166

Брюссельская международная конференція 1874 г., *Ѳ. Ѳ. Мартенса* . . 181

Русская политика въ отношеніи къ Средней-Азіи. Историческій очеркъ *В. В. Григорьева*. 233

Новѣйшія попытки къ лучшему устроенію призрѣнія бѣдныхъ, *И. Е. Андреевскаго* 262

Привилегіи на изобрѣтенія, *В. И. Вешнякова*. 291

Критика и библіографія.

Русская литература.

Церковь. Православная церковь въ Буковинѣ, соч. Влад. Мордвинова. — *М. Н. Горчакова*. 3

Государственное право (теорія). Исторія политическихъ ученій, соч. Б. Чичерина. — *Г.* 9

Государственное управленіе. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка, соч. М. Владимірскаго-Буданова, часть 1-я. — *И. Андреевскаго*. 20

Международное право. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, соч. Ф. Мартенса, томъ I. — *М* 29

Стр.

Военныя науки. Всеобщая военная исторія, ки. Н. С. Голицына. — *Г. Леера* 32

Франко-нѣмецкая война 1870 — 71 г., переводъ съ нѣмецкаго А. Ритѣера и И. Маслова. — *Г. Леера*. 36

Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Сергѣя Соловьева, томъ XXIII. — *К. Бестужева-Рюмина*. 37

Статистика. Памятныя книжки. —ъ 42

Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, книги 5 и 6. —ъ 46

Опытъ статистическаго Атласа Россійской имперіи, сост. полк. Ильинымъ. —ъ . . . . . —

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ по 1 января 1874 г., изд. 3-е, гр. А. В. Соллогуба. —ъ . . 47

Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной торговли и производительности Россіи, соч. М. Раевскаго, часть I. —ъ. 52

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края, вып. III. —ъ. 53

Гражданское право. Объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ за причиненіе эксплуатаціею вреда лицамъ и имуществу, соч. П. Делярова. — *И. Кауфмана*. . 54

Государственное и народное хозяйство. Реформа нашей кредитной системы, соч. А. Шипова. — *И. Кауфмана* 61

Иностранная литература.

Церковь. Матеріалы для исторіи и статистики церкви и школы въ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ Финляндіи, К. Г. фонъ-Буша. — *М. И. Горчакова* 79

Избраніе Папы и Имперія, соч. Лоренца. — *М. И. Горчакова*. 81

Извлеченія изъ иностранныхъ изданій.

Международное право. Примѣчанія о трактатахъ Соединенныхъ Штатовъ съ другими державами 85

Бумаги, относящіяся къ Вашингтонскому трактату. Женевскій арбитражъ 86

Женевская конвенція во время франко-германской войны, соч. Муанье 87

Отчеты интернаціональнаго комитета о раненыхъ . . . . —

Первыя десять лѣтъ краснаго креста, соч. Муанье. . —

Государственное управленіе. Исторія городскаго устройства въ Германіи, Маурера 88

Происхожденіе германскаго городскаго устройства, А. Гейслера . . . . . —

Лекціи административнаго права Кабанту, изданіе пересмотрѣнное и пополненное, Ж. Ліежоа 92

Стр.

Учебникъ нѣмецкаго административнаго права, соч. Рёслера. I томъ, 2 отдѣлъ 93

Право экспропріаціи, Грюнгута. 95

Колонизація у современныхъ народовъ, Леруа-Больё . . —

Государственное и народное хозяйство. Современная германская пресса рабочихъ, проф. А. Гельда 97

Гражданское право. Прусскіе гипотечные законы 5 мая 1872 г. со введеніемъ и примѣчаніями Вернера 99

Артельное законодательство въ Германіи, Д. Германа Зихерера. 101

Политика гражданскихъ законовъ или наука сравнительнаго законодательства, бар. Ф. де-Порталя 102

Обозрѣніе движенія законодадельства и государственнаго управленія (за первую половину 1874 г.).

Уставъ о воинской повинности. Прочія постановленія по военной части. — Международныя конвенціи. — Высшія государственныя учрежденія. — Государственная служба. — Сословныя права. — Управленіе: общая организація. — Финансы, бюджетъ на 1874 г., гербовый уставъ. — Государственныя имущества. — Государственное хозяйство; желѣзныя дороги; акціонерныя компаніи. — Благотворительность и призрѣніе. — Полиція. — Судебная часть; новыя правила о повѣренныхъ. — Народное образованіе; начальныя училища. 3

Настоящее изданіе должно служить пособіемъ для практической и теоретической разработки разнообразныхъ отраслей знаній, входящихъ въ кругъ государственнаго вѣдѣнія: публичнаго права (церковнаго, государственнаго, международнаго, административнаго), полиціи, финансовъ, государственнаго хозяйства, и военныхъ наукъ, судебной части и статистики, въ ихъ ближайшихъ отношеніяхъ къ государству.

Всѣ упомянутыя науки, изслѣдуя различныя стороны государственной жизни и составляя потому одно цѣлое, имѣютъ въ Западной Европѣ свои особые литературные органы, какихъ у насъ еще не существуетъ. Предлагаемый „Сборникъ“ есть первый у насъ опытъ подобнаго изданія, потребность въ которомъ ощущается по мѣрѣ пробужденія въ публикѣ интересовъ къ сознательному участію въ государственной жизни отечества. Одно изъ самыхъ характеристическихъ свойствъ всѣхъ новѣйшихъ преобразованій, положительно отличающихъ современную намъ эпоху отъ всѣхъ предыдущихъ, состоитъ въ пріобщеніи самого общества къ государственному дѣлу: въ мѣстномъ управленіи, судѣ и отчасти законодательствѣ. Поэтому изслѣдованіе государственныхъ

вопросовъ и обработка нужныхъ для нихъ фактическихъ свѣдѣній не могутъ оставаться въ предѣлахъ одной оффиціальной печати и спеціальныхъ изданій различныхъ вѣдомствъ. Усилить, на сколько это возможно, при нынѣшнихъ условіяхъ нашей печати и наличномъ запасѣ умственныхъ силъ, посвятившихъ себя въ Россіи государственной наукѣ, способы изученія и публичнаго обсужденія ея вопросовъ, — такова задача настоящаго изданія.

Какъ первый, въ своемъ родѣ, опытъ „Сборникъ“ заключаетъ въ себѣ не мало недостатковъ и пробѣловъ, которые редакція вполнѣ сознаетъ и которые она приложитъ свое стараніе исправить въ будущихъ выпускахъ этого изданія, если ему будетъ суждено продолжаться. Пока оно ограничивается двумя томами; второй томъ выйдетъ въ свѣтъ въ началѣ 1875 г. По мѣрѣ накопленія матеріаловъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть изданы новые томы, сроки выхода которыхъ теперь опредѣлить нельзя.

Адресъ редакціи „Сборника“: В. П. Безобразову, Спб., Васильевск. остр., 13 л., № 16.

ЗАКОНЪ

и

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ

по

РУССКОМУ ПРАВУ.

А. Д. ГРАДОВСКАГО,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

«Ut corpora nostra sine mente; sic civitas sine lege, suis partibus ut nervis, ac sanguine et membris uti non potest. Legum ministri, magistratus; legum interpretes, judices; legum denique idcirco omnes servi sumus, ut liberi esse possimus».

Cicero, pro Cluentio, c. LIII.

I.

Раздѣленіе властей законодательной и административной, проведенное въ большинствѣ европейскихъ законодательствъ, нельзя не считать большимъ успѣхомъ въ государственной жизни и однимъ изъ условій ея дальнѣйшаго развитія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ фактъ породилъ довольно сложный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ упроченіе той степени *законности*, какой требуетъ отъ своего управленія каждое цивилизованное общество. Мы говоримъ объ опредѣленіи должнаго отношенія между волею верховной власти, выраженной *въ законѣ*, къ волѣ исполнительной, выраженной въ *административномъ распоряженіи*.

При смѣшеніи законодательной и административной властей въ

старой континентальной Европѣ, вопросъ объ отношеніи воли верховной власти къ дѣйствіямъ ея административныхъ органовъ разрѣшался, въ принципѣ, довольно просто. Верховная власть, говорили тогда, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ права законодательства и высшаго управленія. Она, своими законами, уставами и правилами, указываетъ административнымъ органамъ ихъ задачи, опредѣляетъ порядокъ ихъ дѣятельности, предусматривая, по возможности, каждый ихъ шагъ. Такимъ путемъ всѣ органы государственной власти ставятся въ положеніе установленій *подзаконныхъ*, имѣющихъ одну прямую обязанность: свято и точно исполнять законы и предписанія, исходящія отъ высшей власти. Совокупность этихъ подчиненныхъ установленій есть *власть исполнительная* (pouvoir éxécutif), въ тѣсномъ смыслѣ слова. Распоряженія этой власти не могутъ имѣть самостоятельнаго содержанія: они должны заключать въ себѣ *примѣненіе* общаго закона къ отдѣльному случаю.

Но дѣйствительность дѣлала иные выводы изъ этой схемы, разрѣшавшей, повидимому, такъ просто всѣ отношенія властей. Во-первыхъ смѣшеніе законодательной и высшей административной дѣятельности вело къ тому, что область *законовъ*, какъ нормъ постоянныхъ, общихъ и незыблемыхъ, не была выдѣлена изъ массы распоряженій временныхъ, измѣнчивыхъ, имѣвшихъ въ виду частные случаи. Въ опасномъ сосѣдствѣ съ такими распоряженіями, законы теряли свой характеръ общности и прочности. Они терялись въ массѣ и часто должны были уступать имъ мѣсто.

Во-вторыхъ, *подзаконное* положеніе подчиненныхъ властей, создаваемое этимъ порядкомъ вещей, на дѣлѣ оказывалось призракомъ. Подзаконныя de jure, онѣ, de facto, издавали самостоятельныя распоряженія, часто шедшія въ разрѣзъ съ положительнымъ закономъ. Нельзя видѣть въ этомъ фактѣ только результатъ злоупотребленій подчиненныхъ органовъ власти. Нерѣдко они дѣйствовали такъ подъ вліяніемъ истинныхъ практическихъ потребностей, извѣстныхъ имъ лучше, чѣмъ власти центральной. Но, какъ всякая узурпація, терпимая, но не признанная закономъ, распорядительная дѣятельность исполнительной власти подрывала всѣ основы законности въ управленіи. Законъ игнорировалъ эту дѣятельность, а потому не опредѣлялъ ея границъ и не обезпечивалъ ихъ *отвѣтственностью* органовъ исполнительной власти. Въ итогѣ, вмѣсто „царства закона“, получалось царство произвола.

Публицисты школы Локка и Монтескьё поставили себѣ задачею осуществить это „царство закона“. Но, сражаясь противъ злоупотребленій стараго порядка, они заимствовали свое оружіе отъ него же. Они захотѣли сдѣлать правдою то отношеніе между властями, какое принципіально было уже установлено въ старомъ государствѣ, но не осуществилось практически, вслѣдствіе *смѣшенія властей* законодательной и высшей исполнительной. Конецъ царству произвола, думали они, настанетъ, если съ выдѣленіемъ власти законодательной, выдѣлятся и станутъ особо и самые законы, какъ общія и незыблемыя нормы всѣхъ правоотношеній и дѣйствій органовъ власти. Исполнительная власть будетъ обращена къ прямому своему назначенію, къ точному примѣненію закона по всѣмъ частямъ управленія. Она будетъ обязана и получитъ возможность держаться на почвѣ закона. Она будетъ обязана соблюдать законы, потому-что съ раздѣленіемъ властей, явится возможность установить, на правильныхъ началахъ, отвѣтственность исполнительной власти. Она получитъ возможность держаться на почвѣ права, потому-что, съ раздѣленіемъ властей, ей сообщена будетъ должная самостоятельность, право воздерживать законодательную власть отъ вмѣшательства въ область примѣненія законовъ. При этихъ условіяхъ явится обезпеченіе законности, интересовъ государства и правъ гражданъ.

Нельзя не признать великихъ заслугъ школы, основанной Монтескьё. Благодаря ей, въ сознаніи континентальной Европы выяснилось понятіе закона и законности, затерянное во времена грубаго абсолютизма. Предположенная ею задача основать царство закона — была бы осуществлена, если бы *природа* власти, названной ею исполнительною, и, слѣдовательно, природа ея дѣятельности подходила подъ составленное этими публицистами понятіе. Они исходили изъ того воззрѣнія, что задача исполнительной власти исчерпывается исполненіемъ, примѣненіемъ законовъ, указавшихъ ей извѣстныя обязанности. Ихъ опредѣленіе было основано какъ бы на нѣкоторомъ словотолкованіи. Названіе *исполнительной* власти наводило на ту мысль, что ея задача — исполненіе законовъ. Но государственная практика и теорія XIX вѣка скоро доказали недостаточность такого словотолкованія.

Присматриваясь къ даннымъ государственной практики новаго времени, нельзя не прійти къ заключенію, что различіе между дѣятельностью законодательной и исполнительной властей не

есть чисто внѣшнее, формальное. Мы не можемъ довольствоваться опредѣленіями, что „законодательная власть издаетъ общія нормы, т. е. законы, а исполнительная власть примѣняетъ ихъ къ *отдѣльнымъ* случаямъ“. Напротивъ мы постоянно встрѣчаемъ административныя распоряженія и правила столь-же *общія*, какъ законы, и мы никогда не проведемъ между ними черты различія, если не остановимся на ихъ *внутренней природѣ, цѣли* и *содержаніи*.

Жизнь и дѣятельность государства, въ цѣломъ ея объемѣ, направлена къ осуществленію двухъ различныхъ задачъ.

Во-первыхъ, государство должно дать прочное юридическое опредѣленіе всѣмъ правоотношеніямъ, возникающимъ какъ въ области частнаго, такъ и въ области публичнаго права. Въ виду возможности *сосуществованія* всей массы гражданъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, оно должно опредѣлить *мѣру свободы* каждаго общими и равными для всѣхъ нормами. Въ виду правильнаго раздѣленія труда государственнаго управленія и проведенія границъ между правами государства и признанными правами частныхъ лицъ, — оно должно опредѣлить *кругъ вѣдомства* и *степень власти* каждаго изъ своихъ органовъ. Эта цѣль и достигается *закономъ;* въ этомъ состоитъ главная задача *законодательной власти*. Она имѣетъ въ виду, такъ сказать, организацію государства какъ правильнаго юридическаго установленія. Основываясь на этомъ, мы можемъ опредѣлить законъ по его идеѣ и содержанію. По своей идеѣ, законъ есть юридическая основа всѣхъ правоотношеній, частныхъ и публичныхъ. По содержанію своему, онъ есть *мѣра свободы* каждаго частнаго лица и *граница власти* каждаго органа государства. Частное лицо обязано и въ правѣ видѣть въ законѣ мѣру дозволеннаго и недозволеннаго, мѣру своихъ обязанностей къ государству. Каждый органъ управленія и суда обязанъ искать въ законодательныхъ опредѣленіяхъ границу своей компетенціи и степень своей власти.

Во-вторыхъ, дѣятельность государства обращается на изысканіе *способовъ* и *мѣръ*, необходимыхъ для осуществленія лежащихъ на немъ *задачъ*. Здѣсь мы не имѣемъ уже дѣла съ установленіемъ и опредѣленіемъ какихъ бы то ни было правоотношеній. Мѣры, касающіяся общественной гигіены, народнаго продовольствія, призрѣнія бѣдныхъ, эксплуатаціи соляныхъ копей, добыванія каменнаго угля и т. д., не заключа-

ютъ въ себѣ ничего юридическаго. Правда, организація медицинской, соляной, желѣзнодорожной и т. д. частей имѣетъ свою юридическую сторону: назначеніе мѣстъ, коимъ дается *право* вѣдать эти части, опредѣленіе степени ихъ власти и основныхъ *формъ* ихъ дѣятельности. Но совокупность практическихъ мѣръ, *техника* управленія каждой части, должны оставаться *внѣ* юридическаго опредѣленія, слѣдовательно внѣ дѣятельности законодательной власти. Конечно, законъ можетъ распространить свои опредѣленія и на эти вопросы; но врядъ-ли такая регламентація будетъ полезна. Техническая сторона управленія должна зависѣть отъ условій времени мѣста, сообразоваться съ нимъ. Пріемы преподаванія, лѣснаго хозяйства, руднаго дѣла, сегодня признанные закономъ за наилучшіе, завтра могутъ оказаться несовершенными, вслѣдствіе новыхъ изобрѣтеній, измѣнившихся мѣстныхъ условій и т. д. Здѣсь открывается широкое поприще для свободной и творческой дѣятельности администраціи, для ея *распоряженій*. Исполнительная власть, по ея безпрерывному соприкосновенію съ жизнью, по отсутствію формъ, стѣсняющихъ (по необходимости) дѣятельность власти законодательной, призвана къ самостоятельному осуществленію задачъ управленія, конечно подъ условіемъ отвѣтственности за законность своихъ дѣйствій.

Если эти соображенія вѣрны, то неизбѣжнымъ ихъ послѣдствіемъ является слѣдующее положеніе: *административныя распоряженія имѣютъ самостоятельное содержаніе*. Они не заключаютъ въ себѣ только примѣненія закона къ частному случаю: по своей формѣ и содержанію они могутъ быть также общими правилами, касающимися цѣлаго *ряда* однородныхъ случаевъ, которыхъ не касается законъ.

Такимъ образомъ задача исполнительной власти не исчерпывается „исполненіемъ законовъ“. Конечно, и исполненіе законовъ входитъ въ кругъ ея обязанностей. Мало того; порядокъ приведенія въ дѣйствіе изданныхъ законовъ, разрѣшеніе недоумѣній, возникающихъ при ихъ примѣненіи и т. д., могутъ быть предметомъ общихъ административныхъ распоряженій. Но эта сторона административной дѣятельности есть только *часть* задачъ исполнительной власти, идея которой есть — практическое достиженіе всѣхъ цѣлей государства.

Легко замѣтить, что мы далеко ушли отъ стараго опредѣленія „исполнительной власти“. Но чѣмъ глубже мы убѣждены въ вѣрности и неизбѣжности *новаго* опредѣленія идеи этой власти,

тѣмъ больше должны сознавать, что „царство закона“ при раздѣленіи властей должно держаться на-сторожѣ столько же, если не больше, чѣмъ до раздѣленія. XIX вѣкъ, при раздѣленіи властей, создалъ сильную и самостоятельную администрацію, выступающую съ своими „общими правилами“, дѣйствующими рядомъ съ закономъ. Старое государство было озабочено тѣмъ, чтобы законы и правила, издаваемые высшею властью, исполнялись въ точности, чтобы корысть, дружба, ненависть, родство или кумовство не отклонили исполнителя отъ прямаго исполненія долга. Новое государство, вооруженное гласностью и болѣе или менѣе дѣйствительными средствами отвѣтственности администраціи, не на столько уже опасается *личныхъ злоупотребленій* ея органовъ, грубыхъ противузаконныхъ *дѣйствій*. Оно опасается, чтобы эмансипированная исполнительная власть не поставила своихъ *общихъ* распоряженій на мѣсто закона. Если прежде можно было опасаться неисполненія закона вслѣдствіе личныхъ злоупотребленій отдѣльныхъ его исполнителей, теперь представляется возможнымъ, что администрація, облеченная правомъ распоряженія, парализируетъ законъ, превратитъ его въ мертвую букву. Такая возможность даже грознѣе старой опасности. Прежде злоупотребленіе выступало наглядно, во всей наготѣ. Каждый зналъ, что никто не имѣетъ права издавать никакихъ общихъ правилъ, кромѣ высшаго правительства, и что всякій долженъ былъ исполнять ихъ въ точности. Слѣдовательно всякое должностное лицо, посягнувшее на изданіе какого нибудь „правила“, или неисполнившее въ точности правила изданнаго, было законопреступникомъ явнымъ. Теперь администрація облечена легальнымъ правомъ издавать общія распоряженія; при изданіи ихъ она можетъ руководствоваться законами по крайнему своему разумѣнію. Не впадая ни въ какія злоупотребленія, она можетъ, вслѣдствіе превратнаго пониманія смысла законовъ, издать распоряженіе, подрывающее силу закона, нарушающее права частныхъ лицъ. Законъ будетъ парализованъ и парализованъ больше, чѣмъ это было при „старомъ порядкѣ“. Тогда законъ не исполнялся въ 8 мѣстахъ по личнымъ злоупотребленіямъ, но исполнялся въ 2, и этого было достаточно для спасенія достоинства закона „въ принципѣ“. Теперь законъ можетъ не исполняться *вездѣ* и по принципу, по добросовѣстному, быть можетъ, убѣжденію.

При такихъ условіяхъ понятно, почему каждое государство, осуществившее, болѣе или менѣе, начало раздѣленія властей,

облекшее администрацію правомъ самостоятельныхъ распоряженій, должно принять мѣры для охраненія обязательной силы закона на случай его столкновенія съ распоряженіемъ.

Мѣры эти могутъ быть весьма различны, смотря по условіямъ политическаго быта каждой страны. Но всѣ онѣ имѣютъ въ виду одну общую цѣль: лишеніе незаконнаго распоряженія обязательной силы, *отмѣну* его, въ полномъ составѣ. Всѣ онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, суть водоизмѣненіе трехъ основныхъ началъ: *права представленія*, даваемаго подчиненнымъ мѣстамъ въ случаѣ полученія ими неправильныхъ распоряженій, права *судебнаго контроля*, коимъ облекаются суды при разсмотрѣніи дѣлъ о неисполненіи распоряженій администраціи частными лицами, и *право жалобъ*, даруемое частнымъ лицамъ и общественнымъ установленіямъ, ради огражденія ихъ правъ, въ случаѣ ихъ нарушенія путемъ административнаго распоряженія.

Въ этой статьѣ мы намѣрены разсмотрѣть вопросъ объ административномъ распоряженіи по *русскому праву* и, на первый разъ, не во всемъ его объемѣ. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ постановленій нашего права о распоряженіяхъ, исходящихъ отъ правительственныхъ органовъ исполнительной власти, въ тѣсномъ смыслѣ. Вопросы о словесныхъ высочайшихъ повелѣніяхъ, о наказахъ судебнымъ мѣстамъ и о постановленіяхъ мѣстъ общественнаго управленія не войдутъ въ предѣлы этого изслѣдованія.

II.

Наши основные законы освящаютъ начало, въ силу котораго основаніемъ всѣхъ дѣйствій правительства долженъ быть *законъ*, изданный Верховною властью [1]). Каждый законъ не можетъ быть изданъ иначе, какъ за собственноручнымъ подписаніемъ Императора [2]). Онъ сохраняетъ свою силу до тѣхъ поръ, пока не будетъ отмѣненъ другимъ, равнымъ ему закономъ [3]). Словесное повелѣніе Государя, объявленное министромъ или другимъ уполномоченнымъ къ тому лицомъ, въ случаѣ коллизіи съ закономъ,

---

[1]) Зак. Осн., ст. 47.
[2]) Тамъ-же, ст. 54.
[3]) Тамъ-же, ст. 72 и 73.

уступаетъ ему мѣсто. На всѣ правительственныя мѣста и лица возлагается *обязанность* не чинить исполненія по такимъ повелѣніямъ, впредь до разрѣшенія коллизіи установленнымъ порядкомъ [1]). Тѣмъ менѣе подчиненныя мѣста, не исключая и высшихъ, могутъ присвоивать себѣ хотя-бы самую малую долю законодательной власти. „Никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона“ [2]).

Но, продолжаетъ въ примѣчаніи 51 ст. Осн. Зак., мѣры, „пріемлемыя къ *исполненію* закона или учрежденія, существующаго, и не отмѣняющія никакихъ законовъ предыдущихъ, но служащія къ единому *разрѣшенію недоумѣній* или *затрудненій* въ образѣ *исполненія*, также *общія подтвержденія* существующихъ узаконеній, не составляютъ сами по себѣ новаго закона“ [3]).

Совокупность этихъ правилъ опредѣляетъ какъ отношеніе исполнительной власти къ законодательной, такъ и компетенцію первой по изданію распоряженій. Законодательная власть, во всемъ ея объемѣ, сосредоточивается въ рукахъ власти Верховной. Распоряженія, исходящія отъ исполнительныхъ властей, могутъ касаться единственно мѣръ, необходимыхъ для лучшаго *исполненія* закона, для *разрѣшенія недоумѣній* или *затрудненій* въ порядкѣ этого *исполненія* или, наконецъ, общихъ *подтвержденій* объ исполненіи изданнаго закона.

Въ такомъ смыслѣ опредѣляются права разныхъ установленій въ ихъ спеціальныхъ учрежденіяхъ. Сенату, какъ хранилищу законовъ [4]), дается право наблюдать за исполненіемъ законовъ, разрѣшать „ихъ силою“ различныя затрудненія и недоразумѣнія [5]). Тоже право дается и министерствамъ. Сущность министерской власти опредѣляется слѣдующимъ постановленіемъ: „министерства установлены на тотъ конецъ, чтобы непрерывнымъ ихъ дѣйствіемъ и надзоромъ *доставить законамъ скорое и точное исполненіе* [6]). Поэтому имъ предоставлено между прочимъ: а) „Разрѣшеніе, силою существующихъ законовъ и учрежденій, всѣхъ

---

[1]) Тамъ-же, ст. 55, 66, 77.
[2]) Тамъ-же, ст. 51.
[3]) Ср. Учр. Минист., ст. 254.
[4]) Осн. Зак., ст. 56.
[5]) Учр. Сен., ст. 26.
[6]) Учр. Мин., ст. 190.

затрудненій, встрѣчающихся при исполненіи. б) Принятіе всѣхъ мѣръ, нужныхъ къ дѣйствію законовъ“ [1]).

Легко замѣтить, что законодательство наше установляетъ и защищаетъ принципъ, опровергнутый теоріею и практикою XIX ст. и, какъ мы увидимъ ниже, нашею современною практикою. Оно исходитъ изъ того предположенія, что распоряженія администраціи не могутъ имѣть *самостоятельнаго содержанія*, что онѣ заключаютъ въ себѣ только порядокъ примѣненія изданныхъ законовъ.

Логическимъ послѣдствіемъ такого начала является непомѣрное расширеніе области законодательства. Желая сдѣлать изъ администраціи только исполнительницу законовъ, оно должно было поставить себѣ цѣлью точное опредѣленіе каждаго ея шага. Отсюда — появленіе въ нашемъ сводѣ постановленій, носящихъ имя законовъ, но не долженствующихъ быть предметомъ законодательства. „Нѣкоторые отдѣлы постановленій о промышленности фабричной и заводской, справедливо замѣчаетъ г. Ренненкампфъ, въ своей юридической энциклопедіи, устава лѣснаго, горнаго, ближе подходятъ къ техническимъ и сельско-хозяйственнымъ руководствамъ, нежели къ законодательнымъ нормамъ.“ Отсюда, во-вторыхъ, смѣшеніе законодательнаго матерьяла, гдѣ къ небольшому числу законовъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ, примѣшана масса правилъ характера административнаго. Редакторы свода 1832 г. не исполнили и не могли исполнить завѣта великой Екатерины — отдѣлить законы отъ не законовъ [2]). Сперанскій горько жаловался на эту неудачу.

Но, не смотря на такое весьма опредѣленное направленіе Свода, современное законодательство должно было уступить практическимъ потребностямъ. Вѣроятно оно уступало этимъ нуждамъ

---

[1]) Тамъ-же, ст. 194.

[2]) Ср. Наказъ, ст. 440—446. «Всѣ права (собственно *уложеніе*, code des lois, какъ сказано во французскомъ подлинникѣ) должно раздѣлить на три части. Первой части заглавіе (titre) будетъ: *законы*; вторая пріиметъ названіе: *учрежденія временныя* (réglements); третьей части дастся имя: *указы* (ordonnances). Подъ словомъ законы разумѣются всѣ тѣ установленія (institutions), которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться и таковыхъ числу быть не должно великому. Подъ названіемъ *временныя учрежденія* разумѣется тотъ порядокъ, которымъ всѣ дѣла должны отправляемы быть, и разные о томъ наказы и уставы (la forme dont toutes les choses doivent se faire et les differentes instructions, relatives à cette forme). Имя *указы* заключаетъ въ себѣ все то, что для какихъ нибудь дѣлается приключеній, и что только есть случайное или на чью особу относящееся, и можетъ со временемъ перемѣниться.»

и прежде; но въ настоящее время распорядительная власть администраціи сдѣлалась болѣе наглядною и болѣе правомѣрною.

Многіе изъ новѣйшихъ законодательныхъ актовъ предоставляютъ администраціи право издавать распоряженія по предметамъ, которыхъ они сами не коснулись. Развитіе нѣкоторыхъ частей положенія о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, устава акцизнаго, положенія о с.-петербургскомъ градоначальствѣ и т. д. предоставлено отдѣльнымъ министерствамъ по принадлежности. Мало того, нѣкоторыя управленія (правда, въ видѣ опыта и на опредѣленный срокъ) дѣйствуютъ безъ законодательныхъ регулятивовъ, основываясь на распоряженіяхъ административной власти. Таково почтовое управленіе. Не нужно имѣть особенной наблюдательности, чтобы видѣть, какое значеніе административныя распоряженія получили именно въ наше время.

Силою вещей наше административное право вступаетъ въ новый фазисъ развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ настало время опредѣлить и оцѣнить средства, представляемыя нашимъ законодательствомъ для обезпеченія *законности* распоряженій. Прежде чѣмъ позволить себѣ какіе-либо выводы и предположенія, необходимо собрать въ одно цѣлое всѣ наличныя постановленія, имѣющіяся въ распоряженіи науки и практики. Но, приступая къ такой работѣ, полезно заключить эту главу нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Обезпеченіе законности административнаго распоряженія зависитъ главнымъ образомъ отъ степени признанія въ данномъ законодательствѣ начала *закономѣрнаго повиновенія*, въ противуположность *повиновенію пассивному*. При наложеніи на органы администраціи и на частныхъ лицъ обязанности *пассивнаго* повиновенія *каждому* распоряженію, изданному высшею исполнительною властью, различіе между закономъ и распоряженіемъ исчезаетъ само собою, ибо они фактически получаютъ одинаковую обязательную силу. Какъ ни важно установленіе *отвѣтственности* исполнительной власти за превышеніе своей компетенціи, но эта отвѣтственность можетъ получить практическое значеніе только подъ условіемъ признанія указаннаго нами болѣе общаго и высшаго принципа. Право возбужденія отвѣтственности представителей исполнительной власти есть одно изъ послѣдствій закономѣрнаго повиновенія, одно изъ средствъ противодѣйствія распоряженіямъ, несогласнымъ съ закономъ,— но средство далеко не единственное.

Его нельзя назвать и главнымъ при современномъ положеніи исполнительной власти. Отвѣтственность органовъ администраціи, т. е. совокупность невыгодныхъ юридическихъ послѣдствій, связанныхъ съ нарушеніемъ закона, поражаетъ *отдѣльныхъ лицъ и ихъ дѣйствія*. Но, съ точки зрѣнія установленія согласія между закономъ и распоряженіемъ, важна не судьба этихъ лицъ и дѣйствій, а судьба самого распоряженія, противорѣчащаго закону. При современной общности распоряженій, при самостоятельности ихъ содержанія, самый вопросъ объ отвѣтственности лицъ, его издавшихъ, можетъ быть возбужденъ только послѣ того, какъ обсужена степень законности распоряженія и когда, въ случаѣ незаконности, послѣдовала его *отмѣна*. Такимъ образомъ *средства къ отмѣнѣ незаконнаго распоряженія въ цѣломъ его составѣ* составляютъ существенный вопросъ современнаго публичнаго права, въ сравненіи съ которымъ вопросъ объ отвѣтственности администраціи имѣетъ подчиненное (хотя и важное) значеніе.

Мы должны разсмотрѣть этотъ первенствующій вопросъ въ двоякомъ отношеніи: 1) относительно органовъ самой администраціи и 2) относительно частныхъ лицъ и общественныхъ установленій.

III.

Со временъ Петра Великаго, наше законодательство стремилось осуществить начало закономѣрнаго повиновенія, по крайней мѣрѣ въ кругу *правительственныхъ установленій*. 20 января 1724 г. Петръ Великій издалъ замѣчательный указъ, гласившій слѣдующее: „Всѣмъ подчиненнымъ, какъ въ Сенатѣ и Синодѣ, такъ во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ мѣстахъ всего государства, гдѣ какія дѣла отправляются, быть въ послушаніи у своихъ командировъ, *во всемъ, что не противно указу*. А ежели что противно, того отнюдь не дѣлать, *подъ наказаніемъ, яко преступнику указа*, но долженъ командиру своему тайно объявить, что то противно указамъ, и ежели не слушаетъ, то *протестовать и доносить* вышнему надъ тѣмъ командиромъ, кто приказываетъ, а ежели и въ томъ такожъ увидитъ противность, то генералъ-прокурору, или въ небытность

его оберъ-прокурору; а ежели въ нихъ усмотритъ въ томъ противность, то доносить Его Величеству самому, но чтобы была самая истина. А ежели явится неправда, за то наказанъ будетъ самъ, якобы онъ то сдѣлалъ“ [1]). Послѣднія слова указа объясняются тѣмъ, что Петръ Великій вообще затруднялъ личныя къ нему обращенія, настаивая на томъ, чтобы всѣ недоразумѣнія разрѣшались силою изданныхъ уже законовъ самими административными мѣстами.

Основная мысль указа 1724 г. можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) неисполненіе приказаній, противныхъ закону, есть *обязанность*, соблюденіе которой предписывается подъ страхомъ наказанія. 2) Подчиненныя мѣста, для противодѣйствія незаконнымъ требованіямъ начальства, вооружаются правами *протеста и представленія высшему правительству*.

Постановленія Петра послужили исходною точкою для позднѣйшаго законодательства. Они лежатъ въ основаніи и нынѣ дѣйствующаго права. Подобно указу 1724 и современное законодательство ищетъ обезпеченія правомѣрности распоряженій: а) въ признаніи необязательности незаконныхъ распоряженій для мѣстъ подчиненныхъ и б) въ установленіи самостоятельной отвѣтственности подчиненныхъ мѣстъ и лицъ. Этихъ началъ держится, между прочимъ, уложеніе о наказаніяхъ. Изъ общей обязанности безпрекословно повиноваться начальству, оно дѣлаетъ исключеніе въ пользу того случая, когда требованіе послѣдняго противузаконно (ст. 393). Подчиненный, исполнившій незаконное приказаніе начальства, подвергается наказанію вмѣстѣ съ послѣднимъ, хотя и въ меньшей степени (ст. 403).

Самостоятельная отвѣтственность подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, препятствующая имъ превращаться въ пассивное орудіе высшей администраціи, прикрываться *ея* отвѣтственностію — можетъ быть разсматриваема какъ стимулъ къ противодѣйствію незаконнымъ распоряженіямъ [2]). Самое противодѣйствіе, по началамъ нашего права, выражается въ пріостановленіи исполненія по сомнительному распоряженію и въ представленіи возникшаго сомнѣнія на разрѣшеніе высшему правительству.

---

[1]) П. С. З. № 4423.

[2]) См. Б. Констанъ, Cours de politique constitutionnelle, т. I, стр. 90 и слѣд.

Право представленія обставлено различными условіями, смотря по степени государственнаго значенія того мѣста, отъ котораго вышло данное распоряженіе. Эти условія различны: 1) по отношенію къ Сенату и 2) къ разнымъ органамъ исполнительной власти.

Порядокъ и юридическія послѣдствія представленій относительно указовъ Сената опредѣлены 76 ст. основныхъ законовъ. По силѣ этой статьи каждое *губернское* присутственное мѣсто, усмотрѣвъ въ указѣ Сената что либо противное законамъ или интересу Императорскаго Величества, обязано, не исполняя указа, представитъ о томъ Сенату. Но если Сенатъ найдетъ это представленіе неосновательнымъ и подтвердитъ свой указъ, то присутственное мѣсто обязано „учинить уже непремѣнное и безмолвное исполненіе“.

При изъясненіи 76 ст. необходимо имѣть въ виду, что она извлечена, какъ указываетъ ссылка, изъ *генеральнаго регламента коллегіямъ* 1720 г., гл. II. Сопоставляя ее съ этимъ историческимъ источникомъ, нельзя не замѣтить, что она въ значительной степени отступаетъ отъ него и что вообще логическій ея смыслъ долженъ бы быть шире смысла буквальнаго.

Начиная съ вопроса меньшей важности, нельзя не спросить, почему 76 ст. ведетъ рѣчь только о правѣ представленія *губернскихъ мѣстъ?* Генеральный регламентъ даетъ это право *коллегіямъ*, т. е., бывшимъ *центральнымъ* установленіямъ. Правда, коллегіи, постепенно уничтоженныя Екатериною II въ столицѣ, были перенесены въ губерніи подъ именемъ палатъ. Слѣдовательно съ формальной стороны редакторы 76 ст. были правы, замѣнивъ слово „коллегія“ словомъ губернское присутственное мѣсто. Но духъ и смыслъ великаго историческаго памятника переданъ ими невѣрно. Въ какое положеніе поставлены другія мѣста и лица, не входящія въ кругъ губернскихъ установленій, но подчиненныя Сенату и получающія отъ него указы (по 221 ст. учр. Сен.)?

Во-вторыхъ, 76 ст. отступаетъ отъ генеральнаго регламента еще въ болѣе существенномъ вопросѣ, именно по вопросу о послѣдствіяхъ *вторичнаго предписанія* Сената. По смыслу 76 ст. должно быть „непремѣнное и безмолвное исполненіе“. Въ генеральномъ регламентѣ этотъ вопросъ разрѣшался нѣсколько иначе. Послѣ подтвержденія, отвѣтственность за исполненіе указа, показавшагося коллегіи противозаконнымъ, возлагалась на Сенатъ („то Сенатъ въ томъ отвѣтъ дать повиненъ“), а коллегія должна

была его исполнить. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нее возлагалась обязанность донести объ этомъ Государю „а ежели не извѣститъ, то коллегіумъ вся подвержена будетъ тому наказанію по силѣ вреды.“ Основные законы не дѣлаютъ этой оговорки, предоставляя, такимъ образомъ, *окончательное* разсмотрѣніе законности сенатскихъ указовъ самому Сенату. Нельзя однако не замѣтить, что въ сводѣ губернскихъ учрежденій имѣется постановленіе, несогласное съ 76 ст. Мы говоримъ о 96 ст. II т., дающей губернскимъ мѣстамъ право доводить до Высочайшаго свѣдѣнія о противузаконныхъ распоряженіяхъ начальства, хотя бы они были подтверждены Сенатомъ. [1])

Законность *министерскихъ* распоряженій должна быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, съ точки зрѣнія согласія ихъ съ законами вообще, и во-вторыхъ, со стороны ихъ *компетентности* по роду дѣлъ, такъ какъ каждое министерство (на основаніи 217 ст. учр. мин.) не должно входить въ управленіе дѣлъ, ввѣренныхъ другому министерству.

Основные законы имѣютъ въ виду лишь первую, общую точку зрѣнія. На основаніи 78 ст. каждое начальство, подчиненное министру, обязано представлять о его распоряженіи, несогласномъ съ законами, прежде всего ему. Въ случаѣ подтвержденія съ его стороны, дѣло представляется на окончательное разрѣшеніе въ Сенатъ. Эти постановленія повторяются какъ въ учрежденіи министерствъ (ст. 234), такъ и въ сводѣ губернскихъ учрежденій (ст. 286,743). Такимъ образомъ Сенатъ поставленъ судьею законности распоряженій, исходящихъ отъ министерствъ, въ случаѣ сомнѣнія въ этой законности.

Затѣмъ учрежденіе министерствъ предписываетъ особыя правила на случай нарушенія министромъ своей компетенціи. На основаніи 237 ст. учр. мин. „сила всѣхъ предписаній ограничивается тѣмъ кругомъ дѣлъ, который установленъ для каждаго министерства.“ Подчиненное мѣсто, получивъ некомпетентное предписаніе министра, обязано, не исполняя его, испросить разрѣшеніе отъ того министра, къ которому относится предметъ предписанія (ст. 238). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, право дальнѣйшихъ протестовъ (т. е. переносъ дѣла на разрѣшеніе сената) передается начальству другого вѣдомства.

---

[1]) Это объясняется тѣмъ, что редакторы 76 ст. осн. зак. основали свои опредѣленія на генеральномъ регламентѣ, а редакторы 96 II т. — на приведенномъ выше указѣ Петра Великаго 1724 г.

На подобныхъ же основаніяхъ построены отношенія мѣстныхъ установленій къ предписаніямъ, исходящимъ отъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и другихъ начальствующихъ лицъ [1]).

IV.

Принципъ законномѣрнаго повиновенія довольно удачно проведенъ нашимъ законодательствомъ въ области правительственныхъ установленій. Это и не представляло особенныхъ затрудненій. Средства противодѣйствія незаконнымъ распоряженіямъ легко могли быть найдены, такъ сказать, въ общемъ порядкѣ дѣлопроизводства присутственныхъ мѣстъ. Каждое изъ нихъ облечено правомъ *представлять* о несогласіи полученнаго предписанія съ закономъ, какъ оно представляетъ о его практическихъ неудобствахъ и другихъ недоразумѣніяхъ и затрудненіяхъ. Мы не будемъ пока входить въ оцѣнку практическихъ результатовъ этого права представленій: это будетъ сдѣлано ниже. Но со стороны формальной, приведенныя выше узаконенія, за устраненіемъ нѣкоторыхъ недомолвокъ и противорѣчій, представляютъ довольно стройную систему.

Гораздо больше затрудненій представилось нашему законодательству при примѣненіи начала законномѣрнаго повиновенія къ *обществу* и къ *частнымъ лицамъ*. Затрудненія эти и отразились на характерѣ законоположеній. Нельзя не согласиться, что вообще вопросъ объ отношеніи частныхъ лицъ и общества къ административнымъ распоряженіямъ въ высшей степени труденъ. Что значитъ признать за частными лицами и общественными учрежденіями право законномѣрнаго повиновенія? Значитъ ли это признать за ними право самимъ судить о законности распоряженія и, въ случаѣ убѣжденія въ незаконности его, неповиноваться ему, даже положительно сопротивляться приведенію его въ дѣйствіе?

Нечего доказывать, что ни одно государство не согласится провозгласить право открытаго, насильственнаго сопротивленія распоряженіямъ ея органовъ. „Власть, говоритъ *Бернеръ*, ежели она не желаетъ утратить совершенно свой авторитетъ, не можетъ

---

[1]) Св. З. II т., ст. 334, 686, 96 и т. п.

поставить рѣшеніе о правомѣрности своихъ дѣйствій въ зависимость отъ взглядовъ тѣхъ, противъ кого направлены эти дѣйствія.“ Но, прибавляетъ онъ, вслѣдъ за другими писателями, приказанія власти „видимо не облеченныя въ законную форму и очевидно противузаконнаго содержанія, безъ сомнѣнія считаются по общему праву необязательными.“ [1]).

Но именно вопросъ о томъ, какъ сдѣлать необязательными подобныя распоряженія, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ законодательства.

При разрѣшеніи его должно имѣть въ виду нѣсколько истинъ, выясненныхъ наукою и практикою европейскихъ государствъ. Во-первыхъ, должно различать между *неповиновеніемъ* и *сопротивленіемъ* власти. Неповиновеніе есть актъ, такъ сказать, пассивный, состоящій въ неисполненіи требованій власти. Сопротивленіе есть активное противодѣйствіе мѣрамъ правительства, соединенное съ насиліемъ или угрозами противъ его органовъ. Понятно само собою, что сопротивленіе заключаетъ въ себѣ всѣ признаки преступнаго дѣйствія и преслѣдуется уголовнымъ порядкомъ. Каждое законодательство должно озаботиться тѣмъ, чтобы органы исполнительной власти не относились къ пассивному неповиновенію какъ къ сопротивленію и своими мѣрами не вызвали бы въ дѣйствительности сопротивленія и безпорядковъ.

Единственнымъ исходомъ изъ этого сложнаго вопроса представляется слѣдующее начало. Государство, облагая наказаніемъ сопротивленіе и даже неповиновеніе властямъ, должно предоставить *суду* право судить о степени *законности* распоряженій, вызвавшихъ неповиновеніе, и не должно облекать карательною властью административныя мѣста. Такимъ образомъ государство сдѣлаетъ незаконныя распоряженія *недѣйствительными* (т. е. неимѣющими уголовной санкціи), не провозглашая анархическаго права гражданъ на неповиновеніе. Авторитетъ же власти будетъ поддержанъ тѣмъ, что оцѣнка законности ея дѣйствій, будетъ принадлежать не личному усмотрѣнію частнаго лица, а органу государства — суду.

Но судебный контроль надъ законностію распоряженій не разрѣшаетъ занимающаго насъ вопроса во всемъ его объемѣ. Судъ имѣетъ дѣло съ *отдѣльными дѣйствіями* административныхъ

---

[1]) Учебникъ уголовнаго права, т. II, стр. 237 и слѣд. русскаго перевода.

органовъ, основанными на какомъ-либо *общемъ* распоряженіи; онъ разбираетъ поступки подчиненныхъ, примѣняющихъ распоряженіе лицъ, но не имѣетъ дѣла съ властью, издавшею его. Слѣдовательно судебный приговоръ можетъ парализировать примѣненіе общаго распоряженія in specie, къ отдѣльнымъ случаямъ, но не можетъ отмѣнить обязательной силы распоряженія in genere. Отсюда возникаетъ необходимость *права жалобъ* высшему установленію, имѣющему возможность *отмѣнить* незаконное распоряженіе *въ цѣломъ его составѣ.*

Право судебнаго контроля и право жалобы — таковы формы и средства противодѣйствія незаконнымъ распоряженіямъ, предоставленныя, въ той или другой формѣ, современному обществу.

Обращаясь къ русскому законодательству, нельзя не замѣтить прежде всего, что оно весьма слабо разграничиваетъ понятія неповиновенія и сопротивленія властямъ. Уложеніе о наказаніяхъ (ст. 262 и слѣд.) по формѣ даже отождествляетъ эти понятія. Ст. 262 начинается со словъ: „всякій явно и упорно *не повинующійся или сопротивляющійся какой либо власти* и т. д.“ Вообще весь этотъ отдѣлъ отличается большою неточностію терминологіи. Такъ вмѣсто выраженій неповиновеніе и сопротивленіе, въ немъ встрѣчается и слово *противодѣйствіе*, какъ равнозначущее съ предыдущими (ст. 269). Но изъ самаго содержанія этого раздѣла (разд. IV, гл. I) видно, что уложеніе предусматриваетъ главнымъ образомъ, если не единственно, случаи открытаго сопротивленія власти, именно, вооруженнаго возстанія (ст. 263), возстанія невооруженнаго (265), сопротивленіе исполненію судебныхъ опредѣленій (270), угрозы (272) и т. д. Случай пассивнаго неповиновенія предусматривается исключительно 273 ст., постановляющей: „если и безъ явнаго возстанія или сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, *нѣсколько человѣкъ* не исполнятъ *какое либо* предписаніе сихъ властей, и уклонятся отъ исправленія какихъ либо *законныхъ* государственныхъ или общественныхъ повинностей, то, и т. д.“ Такимъ образомъ уложеніе придаетъ особо преступный характеръ только неповиновенію, послѣдовавшему по предварительному уговору между *нѣсколькими* лицами, слѣдовательно неповиновенію, могущему легко перейти въ насильственное сопротивленіе власти. Подобное неповиновеніе карается закономъ наравнѣ со случаями явнаго сопротивленія власти, т. е. независимо отъ законности или незаконности распоряженій, подавшихъ поводъ къ непови-

новенію. Ст. 273 прямо употребляетъ выраженіе: „какое-либо предписаніе“. Правда, она черезъ строку упоминаетъ о неисполненіи *законныхъ* повинностей. Но это выраженіе относится именно къ *повинностямъ*, не касаясь характера предписанія.

Пассивное неповиновеніе, въ собственномъ смыслѣ, предусмотрѣно въ 29 статьѣ уст. о наказ., налаг. миров. судьями. Она (мы имѣемъ въ виду первую ея часть) редактирована слѣдующимъ образомъ: „За неисполненіе *законныхъ* распоряженій, требованій, или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій, когда *симъ уставомъ* не опредѣлено за то иного наказанія, виновные подвергаются и т. д.“

При опредѣленіи объема дѣйствія этой статьи, необходимо имѣть въ виду, что она, въ качествѣ общаго постановленія, не распространяется на дѣйствія, предусмотрѣнныя спеціальными узаконеніями. Къ послѣднимъ относятся, во-первыхъ, дѣйствія, предусмотрѣнныя нѣкоторыми статьями самаго мироваго устава; во вторыхъ, дѣйствіе, воспрещенное 273 ст. уложенія о наказаніяхъ. При существованіи послѣдней статьи остается въ силѣ начало, по которому неповиновеніе *нѣсколькихъ лицъ, съ общаго ихъ согласія*, воспрещается безусловно, независимо отъ характера распоряженія, по поводу котораго обнаружилось неповиновеніе. Такимъ образомъ 29 ст. примѣняется исключительно къ случаямъ неповиновенія *одного лица*, безъ предварительнаго уговора съ другими. Въ этомъ смыслѣ опредѣлено пространство дѣйствія 29 ст. и рѣшеніемъ кассаціоннаго департамента [1]). Но съ другой стороны, примѣненіе занимающей насъ статьи обусловливается *законностію* неисполненнаго распоряженія, вслѣдствіе чего на судью возлагается обязанность убѣдиться въ законности требованія, неисполнителей котораго преслѣдуетъ административная власть. Это начало прямо вытекаетъ изъ буквальнаго смысла 29 ст. и подтверждено рѣшеніями уголовнаго кассаціоннаго департамента [2]). „Распоряженіе можетъ быть признано незаконнымъ и обвиняемый можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности, хотя бы онъ не обжаловалъ въ установленный срокъ этого распоряженія и даже далъ подписку въ его исполненіи“ [3]).

---

[1]) Р. У. К. Д. 1869 г. № 677.

[2]) См. тезисы, подкрѣпленные рѣшеніями Сената въ М. У., изд. проф. *Таганцева*, стр. 36 и слѣд.

[3]) Тамъ же.

Такимъ образомъ начало судебнаго контроля, въ зародышѣ по крайней мѣрѣ, введено новыми учрежденіями.

Остановимся теперь на томъ, что сдѣлано въ нашемъ законодательствѣ относительно другаго условія закономѣрнаго повиновенія, именно *права жалобы*.

V.

При разсмотрѣніи права жалобы, мы будемъ имѣть въ виду: 1) права, предоставленныя частнымъ лицамъ, и 2) права, дарованныя общественнымъ и сословнымъ собраніямъ.

1) Русское законодательство допускаетъ два рода жалобъ. Ст. 244 II т. Св. Зак. узаконяетъ право жалобы на губернскія присутственныя мѣста. Ст. 259 учр. минист. даетъ право жалобы на дѣйствія министровъ; она восполняется 9 ст. учрежденія Коммиссіи Прошеній, дающею право жалобы Императорскому Величеству „на неправильныя дѣйствія и распоряженія *высшихъ* судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ или начальствующихъ лицъ“ (п. 2). Но всѣ означенныя постановленія имѣютъ въ виду жалобы, какъ средства *возбужденія отвѣтственности* должностныхъ лицъ и просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки, ими причиненные, нисколько не касаясь прошеній о пересмотрѣ и отмѣнѣ неправильныхъ распоряженій. Жалобы на *преступленія* по должности, соединенныя съ просьбою о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные этимъ преступленіемъ, [1]) не имѣютъ, по нашему законодательству, характера *иска*, вчинаемаго судебнымъ порядкомъ. Онѣ приносятся начальству обвиняемаго, отъ коего зависитъ его опредѣленіе. На опредѣляемыхъ Высочайшею властью на должности не выше 4-го класса онѣ подаются въ первый департаментъ Сената [2]). Наконецъ жалобы на должностныхъ лицъ первыхъ трехъ классовъ приносятся Государю Императору [3]). Но просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные дѣйствіями должностныхъ лицъ, не заключающими въ себѣ признаковъ преступленія, въ силу новыхъ судебныхъ уста-

[1]) 677 и слѣд. ст. 1-й части X т. Св. Зак.
[2]) Уст. гражд. суд. 1085.
[3]) Учрежд. Коммиссіи прош. ст. 9: учрежд. мин. ст. 259 п. 1-й.

вовъ, получили значеніе дѣйствительныхъ *исковъ*. „Вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные *нерадѣніемъ*, *неосмотрительностію* или *медленностію* должностнаго лица административнаго вѣдомства, отыскиваются по общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства [1]). Иски о вознагражденіи предъявляются, смотря по іерархическому положенію отвѣтчика-чиновника, окружному суду, судебной палатѣ или кассаціонному департаменту Сената [2]). Судебныя установленія разсматриваютъ дѣла этого рода въ особыхъ присутствіяхъ, составленныхъ изъ лицъ судебнаго и административнаго вѣдомствъ [3]).

Прочія постановленія о жалобахъ имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ занимающему насъ предмету. Такова напримѣръ 943 ст. II т. Св. Зак., опредѣляющая, что жалобы на губернское правленіе съ цѣлью отмѣны его постановленій приносятся въ Сенатъ особо установленнымъ порядкомъ. Подобныя же правила существуютъ и относительно другихъ губернскихъ мѣстъ. Но подъ именемъ этихъ „частныхъ жалобъ“ врядъ ли можно разумѣть просьбы объ отмѣнѣ общихъ распоряженій губернскихъ прошеній и другихъ мѣстъ, въ цѣломъ ихъ составѣ. Въ этомъ случаѣ разумѣются жалобы, приносимыя Сенату на отдѣльныя постановленія этихъ мѣстъ, касающіяся спеціально опредѣленныхъ частныхъ лицъ. Что касается высшихъ административныхъ органовъ, то законодательство наше еще скупѣе на точныя опредѣленія относительно порядка обжалованія ихъ постановленій.

Право Сената принимать жалобы отъ частныхъ лицъ на министерства и право частныхъ лицъ приносить ихъ вытекаетъ, правда, изъ общихъ опредѣленій компетенціи Сената. Законодательство наше опредѣляетъ Сенатъ, какъ хранилище законовъ (56 ст. осн. зак.). Ему принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія (ст. 2 учр. Сената). Всѣ мѣста и установленія Имперіи, въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены ему. Изъятіе сдѣлано для нѣкоторыхъ установленій (ст. 1). Спеціально первому департаменту Сената принадлежитъ, между прочимъ, общій надзоръ за дѣйствіями разныхъ мѣстъ управленія (ст. 30). Ближайшимъ образомъ надзоръ Сената простирается на министерства и губерн-

---

[1]) Уставъ Гражд. суд. ст. 1316.
[2]) Тамъ же, 1317.
[3]) Тамъ же, 1320—1322.

скія мѣста (ст. 229 и 230). Но, давая Сенату такія обширныя права, возлагая на него надежду въ охраненіи законности, учрежденія наши не установляютъ однако точнаго и яснаго порядка отмѣны неправильныхъ распоряженій особенно высшихъ административныхъ органовъ. Ст. 229 учр. Сената имѣетъ въ виду не этотъ вопросъ, но одинъ изъ способовъ возбужденія *отвѣтственности* министровъ. Въ этомъ смыслѣ она буквально соотвѣтствуетъ послѣдней части 259 ст. учр. министерствъ.

Гораздо полнѣе изложены права Сената относительно жалобъ, поступающихъ въ него отъ *общественныхъ и сословныхъ собраній*. Это не удивительно, такъ какъ современныя положенія объ этихъ собраніяхъ составлялись подъ вліяніемъ болѣе развитыхъ воззрѣній на задачу правительственной администраціи и ея отношенія къ органамъ *самоуправленія*.

Право коллективныхъ жалобъ предоставляется нашимъ законодательствомъ исключительно признаннымъ обществамъ и сословіямъ лицъ. Коллективныя прошенія отъ случайныхъ собраній лицъ строго воспрещаются 158 ст. устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Но собранія и установленія, признанныя закономъ, пользуются этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ. Не говоря уже объ обширныхъ правахъ, предоставленныхъ дворянскимъ собраніямъ, нельзя не обратить вниманія на постановленія новыхъ положеній объ органахъ нашего самоуправленія.

Самое подробное постановленіе объ этомъ предметѣ содержится въ ст. 8 новаго городового положенія, гдѣ читаемъ:

„Въ случаѣ наложенія на городъ неустановленныхъ закономъ податей, тягостей или службъ, а равно другихъ, относящихся до города неправильныхъ распоряженій правительственныхъ, земскихъ или сословныхъ установленій, городское общественное управленіе можетъ обращаться къ *губернатору* для принятія зависящихъ отъ него мѣръ къ возстановленію законнаго порядка; если же ходатайство его симъ путемъ не можетъ быть удовлетворено, а равно въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій со стороны *губернатора или высшихъ административныхъ властей*, ему предоставляется приносить жалобы непосредственно въ Правительствующій Сенатъ по 1-му департаменту“. Ст. 11 земскихъ учрежденій также предоставляетъ имъ приносить жалобы Сенату на „относящіяся до нихъ распоряженія начальника губерніи и высшихъ административныхъ властей“. Подобное же

постановленіе содержится въ 51 ст. Положенія о крестьянахъ, хотя оно редактировано съ меньшею опредѣлительностію.

Роль Правительствующаго Сената, какъ инстанціи, контролирующей дѣятельность министерствъ въ дѣлѣ истолкованія новыхъ положеній, достаточно извѣстна каждому, кто слѣдитъ за „Собраніемъ Узаконеній“. Для нашей цѣли достаточно будетъ одного примѣра. Самарское губернское земское собраніе возбудило вопросъ о томъ, могутъ ли представители казны и удѣловъ, назначаемые въ уѣздныя земскія собранія на основаніи 40 ст. положенія о з. у., быть избираемы въ губернскіе гласные? Министръ внутреннихъ дѣлъ, на разрѣшеніе котораго поступило означенное сомнѣніе, сообщилъ самарской губернской управѣ, что „такъ какъ члены уѣздныхъ земскихъ собраній отъ вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ присутствуютъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ на *равныхъ* правахъ со всѣми прочими членами онаго [1]), то нѣтъ сомнѣнія, что помянутыя лица могутъ быть избираемы въ губернскіе гласные, при чемъ лица эти, пріобрѣтя званіе губернскаго гласнаго, будутъ являться въ губернское собраніе не какъ представители казны и удѣла,.... а какъ члены собранія по выбору земства.“

При нѣкоторомъ знакомствѣ съ содержаніемъ и духомъ земскихъ учрежденій, легко замѣтить, что данное сообщеніе министра внутреннихъ дѣлъ невѣрно примѣнило статьи закона. Правительство предоставило себѣ, для защиты казенныхъ и удѣльныхъ интересовъ, назначать чиновниковъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣльнаго въ составъ какъ уѣзднаго, такъ и губернскаго земскихъ собраній [2]). И тамъ, и здѣсь эти лица пользуются равными правами съ прочими гласными. Сенатъ, основываясь на точномъ смыслѣ закона, изъяснилъ, что представители казны въ уѣздныхъ собраніяхъ могутъ быть избираемы и въ члены уѣздныхъ управъ [3]). Но если представителямъ казны даются всѣ права гласныхъ въ кругу тѣхъ земскихъ установленій, куда они назначены, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы они могли не-

---

[1]) Указъ Сената 13 августа, 1865 г.

[2]) Полож. о зем. учр., ст. 40, 41, 55.

[3]) Даже и въ этомъ смыслѣ равенство представителей казны съ прочими гласными представляетъ большія неудобства, какъ это видно, изъ заявленія самого Сената. Именно въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губ. чиновникъ вѣдомства госуд. им. *Никитинъ* былъ избранъ въ члены управы. Чрезъ нѣсколько времени, вслѣдствіе увольненія его изъ вѣдомства госуд. имуществъ, онъ, не имѣя собственнаго ценза, долженъ былъ отказаться и отъ званія члена управы.

реходить въ другой кругъ съ тѣми же правами. Въ сообщеніи министра говорилось совершенно вѣрно, что представители казны въ уѣздномъ земскомъ собраніи будучи избраны въ гласные губернскаго собранія, явятся въ немъ не представителями казны, а уѣзднаго земства — т. е. измѣнятъ свою юридическую природу. Но вопросъ заключается именно въ томъ, возможно ли такое превращеніе безъ нарушенія прямаго смысла закона? Возможно ли оно въ виду того, что губернскіе гласные, на основаніи 51 ст., избираются на три года, а полномочіе представителямъ казны дается на данный съѣздъ и можетъ быть отнято на слѣдующій? При утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса, возможность осуществленія полномочія, даннаго земствомъ, будетъ поставлена въ зависимость отъ полномочія правительственнаго. Представитель казны, избранный въ губернскіе гласные, принужденъ будетъ сложить свое званіе, если его начальство не возобновитъ данныхъ ему полномочій на новый съѣздъ.

Эти и другія соображенія побудили самарское губернское собраніе не согласиться съ сообщеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ и представить дѣло на разрѣшеніе Сената. Первое общее собраніе не замедлило возстановить истинный смыслъ закона и отвергнуть начала, изложенныя въ названномъ сообщеніи [1]).

VI.

Мы разсмотрѣли и сгруппировали, на сколько это позволяетъ объемъ небольшой статьи, всѣ средства, существующія въ нашемъ законодательствѣ для поддержанія силы закона въ его отношеніи къ административному распоряженію. Теперь возможно оцѣнить значеніе приведенныхъ постановленій и указать на нѣкоторыя необходимыя и возможныя у насъ улучшенія по данному предмету.

Нельзя не согласиться, что въ нашемъ законодательствѣ видно твердое намѣреніе поддержать силу закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ приходитъ въ коллизію съ распоряженіями подчиненныхъ властей. Не одно законодательство (напримѣръ французское) могло бы позавидовать такому установленію, какимъ, *по*

[1]) Собр. узак. и расп. Правит. 1871 г., № 78, узак. № 738.

идеѣ своей, является Правительствующій Сенатъ. Но врядъ-ли можно сказать, чтобы практическія, техническія подробности и условія нашего права давали всѣ средства къ осуществленію такого намѣренія. Въ этомъ отношеніи оно нуждается въ существенныхъ улучшеніяхъ. Притомъ не должно думать, чтобы такое общее начало какъ *законность* управленія могло быть обезпечено извѣстными частными измѣненіями по предмету спеціально насъ занимающему. Степень ея осуществленія зависитъ отъ общаго строя законодательства, требуетъ всесторонніхъ соображеній и улучшеній.

Понятно само собою, что опредѣленіе отношенія между закономъ и распоряженіемъ немыслимо, прежде всего безъ точнаго разграниченія *понятій* того и другого. Это врядъ-ли возможно при большихъ несовершенствахъ нашего свода, при несовременномъ его воззрѣніи на задачу административныхъ распоряженій,— воззрѣніи, потерявшемъ, какъ мы видѣли, всякое практическое значеніе. Нельзя сказать, чтобы въ нашихъ законодательныхъ сферахъ не было сознанія этихъ недостатковъ. Еще въ 1858 г. послѣдовало оффиціальное заявленіе о необходимости точно опредѣлить: что̀ именно въ нашемъ законодательствѣ должно составлять законъ, и что̀ административное распоряженіе. Было бы, конечно, большою ошибкою думать, что этотъ обширный и, по существу своему, вполнѣ *практическій* вопросъ можетъ быть разрѣшенъ одною общею формулою. Общія формулы даются *наукою* и свойственны ей; онѣ должны руководить законодателя при изданіи законовъ. Но врядъ-ли онѣ могутъ имѣть мѣсто въ самомъ законодательствѣ. Граница между закономъ и административнымъ распоряженіемъ можетъ быть проведена только въ каждомъ данномъ случаѣ, примѣнительно къ каждому отдѣльному законоположенію. При изданіи даннаго закона относящагося къ той или другой части управленія, *въ немъ самомъ* должно быть опредѣлено, что̀ законодатель предоставляетъ распорядительной власти администраціи. Только въ этомъ случаѣ и возможно опредѣлить точно и ясно границы распоряженія; только въ этомъ случаѣ судъ и „хранилище законовъ“ будутъ въ состояніи судить, на сколько распоряженіе согласно съ закономъ, послужившимъ ему основаніемъ. Законодательство наше, до извѣстной степени, усвоиваетъ себѣ этотъ пріемъ. Но онъ не возведенъ еще на степень общаго правила, и сводъ ограничивается прежними общими формулами, практическое значеніе которыхъ сомнительно.

Обращаясь къ средствамъ *огражденія* силы закона, нельзя не согласиться, что въ нашемъ правѣ логически и откровенно проведено то начало, что правительственныя мѣста и лица *обязаны* „не чинить исполненія“ по распоряженіямъ, противорѣчащимъ закону, и представлять о нихъ Сенату. Но практическое значеніе этого начала зависитъ отъ общихъ условій гражданской службы и отъ организаціи административныхъ установленій. Примѣненіе его возможно при извѣстной независимости служащихъ и при самостоятельности учрежденій. Нельзя сказать чтобы Уставъ о службѣ гражданской и учрежденія различныхъ мѣстъ вполнѣ удовлетворяли этимъ требованіямъ. Если 76 и слѣд. ст. осн. зак., и 96 и 285 ст. II т. требуютъ отъ должностныхъ лицъ законномѣрнаго повиновенія, то служебное ихъ отношеніе по уставу о службѣ гражданской способно привести ихъ къ повиновенію пассивному. Трудно ожидать обильныхъ представленій отъ лицъ, коихъ судьба и самое нахожденіе на службѣ вполнѣ зависятъ отъ начальствъ, противъ которыхъ должны быть сдѣланы эти представленія. Конечно, начало несмѣняемости и независимости не можетъ быть примѣнено ко всѣмъ ступенямъ служебной іерархіи. Высшая администрація должна имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи совокупность лицъ, составляющихъ, такъ сказать, ея „физическую силу“. Но врядъ ли полезно ставить въ условія пассивнаго повиновенія членовъ тѣхъ мѣстъ, коимъ поручается не простое исполненіе распоряженій своего начальства, но *управленіе* тою или другою частью, на основаніи *закона* и подъ руководствомъ высшаго правительства. Таковы наши губернскія установленія. Говоря о нихъ, мы не можемъ не коснуться замѣчательнаго явленія, совершающагося на нашихъ глазахъ.

Петръ Великій, всю жизнь свою стремившійся основать управленіе на началахъ закона, видѣлъ лучшій оплотъ законности въ *коллегіальномъ* устройствѣ правительственныхъ мѣстъ. Его идеи были усвоены и Екатериною II. Съ учрежденіемъ министерствъ единоличное начало снова вступило въ свои права. Началу коллегіальному было отведено мѣсто въ установленіяхъ губернскихъ и въ Сенатѣ, получившемъ порученіе „хранить законы“. Конечно, трудно было поддержать равновѣсіе между этими двумя началами. Принципъ единоличный дѣлалъ быстрые успѣхи, на которые съ опасеніемъ смотрѣли уже Трощинскій и графъ Мордвиновъ. Но наибольшее развитіе единоличной власти въ администраціи принадлежитъ именно нашему времени. Фактъ этотъ мало обра-

щаетъ на себя вниманія. Общественное мнѣніе, занятое несомнѣнными успѣхами нашего законодательства въ области судоустройства, въ дѣлѣ организаціи самоуправленія и т. д., не замѣчаетъ поворота въ устройствѣ административныхъ мѣстъ. Большинство изъ нихъ (казенная палата, управленіе государственными имуществами) утратило свой коллегіальный характеръ. Необходимость существованія другихъ подвергнута сомнѣнію (губернскія правленія). Фактъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы не остановить всеобщаго вниманія. Сопоставляя его съ требованіями закономѣрнаго повиновенія, выраженными нашимъ закономъ, можно сомнѣваться, что послѣднее сохранитъ свое практическое значеніе.

Право судебнаго контроля и право жалобы находятся въ иномъ положеніи.

Право суда контролировать законность распоряженій и требованій администраціи, прежде чѣмъ онъ примѣнитъ карательныя мѣры къ лицамъ, неисполнившимъ эти требованія, признано *новымъ* законодательствомъ. Принципъ совершенно новый и неизвѣстный прежнему праву, благодаря господствовавшему смѣшенію судебной и административной властей, причемъ первая являлась нерѣдко служебнымъ орудіемъ второй. Но, на первый разъ, новому началу отведено довольно скромное мѣсто въ одной изъ отраслей судебныхъ установленій; судебный контроль осуществляется мировыми судьями въ кругу дѣйствій, предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Легко замѣтить, что названный принципъ проникъ въ наше законодательство не чрезъ формальное право (т. е. не чрезъ новые законы о судоустройствѣ и судопроизводствѣ), а чрезъ право матеріяльное, т. е. чрезъ новый уставъ о наказаніяхъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что дальнѣйшее развитіе зависитъ также отъ успѣховъ матерьяльнаго уголовнаго права, примѣняемаго коренными судами, т. е. уложенія о наказаніяхъ. Нельзя не замѣтить, что I глава IV раздѣла уложенія, заключающая въ себѣ постановленія о неповиновеніи и сопротивленіи власти, принадлежитъ къ числу наименѣе обработанныхъ и наиболѣе нуждающихся въ обработкѣ, такъ какъ отъ ея совершенства зависитъ установленіе правильныхъ отношеній между закономъ и распоряженіемъ.

Постановленія о *правѣ жалобы* представляютъ два совершенно разнородные элемента. Одни изъ нихъ создались подъ вліяніемъ того убѣжденія прежняго времени, что администра-

тивная власть есть только исполнительница законовъ и что ея распоряженія заключаютъ въ себѣ только примѣненіе закона къ отдѣльному случаю или установляютъ общій порядокъ исполненія. Поэтому каждое дѣйствіе исполнительной власти, несогласное съ закономъ, есть преступленіе по должности, предусмотрѣнное 338 и слѣд. ст. уложенія о наказаніяхъ; оно есть поводъ къ возбужденію отвѣтственности должностнаго лица и однимъ изъ способовъ такого возбужденія является жалоба. Такимъ характеромъ отличаются постановленія относительно жалобъ частныхъ лицъ. Правда, наше законодательство знаетъ жалобы и на неправильныя постановленія присутственныхъ мѣстъ, поданныя съ цѣлью *отмѣны* такихъ постановленій, безъ возбужденія чьей-либо отвѣтственности. Но, въ данномъ случаѣ, имѣются въ виду жалобы не на *общія* распоряженія, а на постановленія присутственныхъ мѣстъ, касающіяся конкретныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ.

Другія постановленія создались подъ вліяніемъ новыхъ идей о мѣстномъ самоуправленіи. Они логически вытекали изъ того начала, что дѣятельность органовъ самоуправленія, опираясь на данное имъ Верховною властью положеніе, должна быть обезпечена отъ распоряженій бюрократическихъ органовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчатъ закону и могутъ парализировать его дѣйствіе. Въ предѣлахъ закона, каждый органъ самоуправленія дѣйствуетъ вполнѣ независимо (гор. пол. ст. 5; зем. учр. ст. 6). Но для обезпеченія его самостоятельности, для огражденія неприкосновенности самыхъ Положеній, необходимо было дать мѣстнымъ собраніямъ право жалобы на неправильное распоряженіе во *всемъ* его объемѣ, съ цѣлью ходатайствовать о полной его отмѣнѣ. Замѣчательно, что идеи, создавшія новыя учрежденія, видоизмѣнили взглядъ и на право жалобъ, предоставленное частнымъ лицамъ. Это видно изъ 149 ст. городоваго положенія, постановляющей, что „жалобы на незаконность такихъ опредѣленій и постановленій городскихъ думъ, которыя были утверждены министромъ вн. дѣлъ или губернаторомъ, когда, по свойству предмета, не можетъ быть начато иска по ст. 148, приносятся Правительствующему Сенату (по первому департаменту)“. Какого рода жалобы имѣетъ въ виду 149 ст., ясно показываетъ оговорка, сдѣланная ею словами: „когда, по свойству предмета, не можетъ быть начато иска по ст. 148“. Эта послѣдняя статья даетъ частнымъ лицамъ право *иска*, въ

случаѣ нарушенія ихъ *гражданскихъ правъ* дѣйствіями городоваго управленія. Слѣдовательно 149 ст. имѣетъ въ виду жалобы на распоряженія общія и характера административнаго. Правильность такого вывода подтверждается изслѣдованіемъ свойства тѣхъ постановленій думы, которыя подлежатъ утвержденію губернатора или министра вн. дѣлъ. Такъ утвержденію министра подлежатъ: постановленія объ устройствѣ и порядкѣ дѣйствій торговой полиціи въ губернскихъ городахъ; о порядкѣ дѣйствій городскихъ управъ и, гдѣ есть, торговыхъ депутацій за производствомъ торговли; измѣненія утвержденныхъ плановъ и новые планы для губернскихъ городовъ (ст. 111—113); объ отдачѣ впервые участковъ принадлежащихъ городу земель въ чье либо исключительное пользованіе, о назначеніи и размѣрѣ платы за пользованіе различными сооруженіями, воздвигнутыми на счетъ города, о займахъ и поручительствахъ, отъ имени города, превышающихъ опредѣленную сумму и т. д. (122—124). Постановленія, утверждаемыя губернаторомъ, касаются также предметовъ, исчисленныхъ въ 111 — 113 и 122 ст., если они изданы не для губернскихъ городовъ, а для городовъ уѣздныхъ, заштатныхъ и посадовъ.

Ясность только что приведенныхъ постановленій могла бы служить полезнымъ примѣромъ, если бы рѣчь зашла о точномъ формулированіи права жалобъ на распоряженія, не только *утверждаемыя* министерствами, но и на издаваемыя ими самими. Должно надѣяться, что изъ двухъ направленій, избранныхъ нашимъ законодательствомъ относительно жалобъ, изъ которыхъ одно соотвѣтствуетъ устарѣлому взгляду на исполнительную власть, а другое вытекаетъ изъ современныхъ практическихъ требованій, — побѣда принадлежитъ послѣднему. Организація права жалобы на новыхъ основаніяхъ необходима уже потому, что право распоряженія получило большое развитіе и большій просторъ.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, краеугольнымъ камнемъ всѣхъ улучшеній по занимающему насъ вопросу должна быть организація учрежденія, являющагося, въ глазахъ закона, первымъ его хранителемъ. Судебная реформа 1864 г. дала новую жизнь и новое значеніе сенату *судебному*. Но *административные* департаменты сената и главный изъ нихъ — первый — остались внѣ реформы и довольствуются средствами прежняго времени. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія формально-законодательной, по идеѣ,

первый департаментъ является блюстителемъ законности, облеченный правомъ пресѣкать всѣ извѣстныя ему уклоненія отъ закона. Но соотвѣтствуютъ ли этому праву практическія средства къ его осуществленію? Въ какой степени Сенатъ имѣетъ практическую возможность слѣдить за всѣми распоряженіями административныхъ мѣстъ, имѣющими общее значеніе?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ отчасти служить записка, составленная министерствомъ юстиціи въ 1865 г., вскорѣ послѣ обнародованія судебныхъ уставовъ. Говоря о недостаточности нынѣшнихъ средствъ административныхъ департаментовъ, министерство замѣчало, между прочимъ: „при семъ нельзя не обратить вниманія еще на одно обстоятельство, касающееся настоящаго предмета: состоявшимися въ послѣднее время нѣкоторыми узаконеніями предоставлено ближайшее примѣненіе сихъ узаконеній тѣмъ министерствамъ, по вѣдомству коихъ послѣдовали эти узаконенія, и вслѣдствіе сего министерства издаютъ отъ себя подвѣдомственнымъ начальствамъ пояснительные циркуляры и инструкціи, которыя, служа руководствомъ помянутымъ начальствамъ, въ то же время близко касаются другихъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ, а между тѣмъ циркуляры и инструкціи сіи обнародываются въ разныхъ изданіяхъ, коихъ полученіе необязательно для всѣхъ правительственныхъ учрежденій, а тѣмъ болѣе для частныхъ лицъ. Посему и въ видахъ единства и сосредоточенія *всего, что касается общихъ правительственныхъ распоряженій*, слѣдовало бы постановить, чтобы всякое циркулярное предписаніе министровъ и всѣ поясненія законовъ, въ видѣ инструкціи, касающіяся разныхъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ, и издаваемыя министерствами въ силу предоставленной имъ особыми законами власти, были опубликованы въ сенатскихъ вѣдомостяхъ и только тогда считались обязательными для всѣхъ. При этомъ необходимо подтвердить о точномъ исполненіи общаго закона (учр. мин. ст. 211, п. 6), по которому во всѣхъ случаяхъ, когда предстанетъ нужда сдѣлать общее (циркулярное) предписаніе, въ поясненіе или подтвержденіе существующихъ правилъ и учрежденій, министры должны представить о томъ на разрѣшеніе Сената.“

Приведенное мѣсто заключаетъ въ себѣ два требованія, существенно различныхъ. Во-первыхъ, министерство полагало необходимымъ, чтобы обязательная сила каждаго *общаго* предписанія министровъ зависѣла отъ ихъ опубликованія въ сенатскихъ из-

даніяхъ. Это требованіе предварительной общеизвѣстности распоряженій удовлетворено отчасти учрежденіемъ Правительственнаго Вѣстника, какъ центральнаго органа для обнародованія всѣхъ правительственныхъ распоряженій. Кромѣ того, кассаціонныя рѣшенія Сената признали, по крайней мѣрѣ относительно примѣненія 29 ст. м. у., что „дѣяніе можетъ быть признаваемо ослушаніемъ требованія полиціи только въ томъ случаѣ, если это запрещеніе было *извѣстно* обвиняемымъ или, покрайней мѣрѣ, *опубликовано* установленнымъ порядкомъ“ [1]).

Но затѣмъ, министерство юстиціи полагало необходимымъ подтвердить силу правила, содержащагося въ 211 ст. учр. мин. 211 ст. гласитъ, что дѣла *исполнительныя общія* представляются на разрѣшеніе Правительствующаго Сената, между прочимъ, тогда, „когда предстанетъ нужда сдѣлать общее (циркулярное) предписаніе въ поясненіе или подтвержденіе существующихъ правилъ и учрежденій (п. 6)“. Нельзя не согласиться, что при точномъ примѣненіи этого правила Сенатъ былъ бы вооруженъ правомъ *противиться обнародованію* общихъ распоряженій, противорѣчащихъ закону. Но необходимо точно опредѣлить, какія именно распоряженія должны подлежать предварительному разрѣшенію Сената. Самъ законъ, повидимому, имѣетъ въ виду только распоряженія, касающіяся разныхъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ. Ст. 211 была написана въ то время, когда министерства не были еще облечены правомъ изданія разныхъ постановленій, *въ развитіе* существующихъ законовъ, какъ теперь. При современныхъ условіяхъ и эти постановленія административной власти должны бы подвергаться предварительному контролю Сената, при чемъ послѣдній долженъ быть облеченъ правомъ не допускать до обнародованія распоряженія, противныя законамъ.

Существеннымъ возраженіемъ противъ такого порядка можетъ явиться то, что необходимость предварительнаго разрѣшенія Сената лишитъ административныя мѣста столь важной для нихъ *быстроты* дѣйствій. Но быстрота, необходимая для принятія чисто исполнительныхъ мѣръ, врядъ-ли можетъ быть поставлена въ достоинство тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ изданіи общихъ правилъ, неисполненіе которыхъ можетъ быть обложено наказаніемъ, — правилъ, могущихъ поколебать силу закона.

---

[1]) Таганцевъ, назв. изд., стр. 37.

Право *противиться обнародованію* неправильнаго распоряженія есть важное право, заключающееся, въ зародышѣ, въ учрежденіи Сената. Но оно можетъ касаться только нѣкотораго рода дѣлъ и, во всякомъ случаѣ, оно есть только дополненіе къ болѣе общему и важному праву — праву *кассаціи* всѣхъ распоряженій и дѣйствій административныхъ мѣстъ, признанныхъ неправильными, послѣ ихъ обнародованія. Задача современнаго законодательства состоитъ, сколько намъ кажется, въ преобразованіи перваго департамента Сената въ *верховное административное судилище*, поставленное на стражѣ закона и правъ частныхъ лицъ. Учрежденіе новыхъ кассаціонныхъ департаментовъ по дѣламъ судебнымъ даетъ хорошій образецъ для аналогической организаціи департамента административнаго. Нельзя не обратить вниманія на то, что подобное преобразованіе перваго департамента нисколько не предполагаетъ коренной реформы сенатскаго учрежденія. Наше законодательство, начиная съ Петра Великаго, достаточно полно опредѣляло, чѣмъ *долженъ быть* Сенатъ. Настало, кажется, время превратить это „долженъ быть“ въ практическое *есть*, т. е. опредѣлить способы и средства осуществленія идеи Сената. Оно зависитъ а) отъ лучшей организаціи перваго департамента; б) отъ болѣе точнаго опредѣленія отношенія Сената ко всѣмъ органамъ административной власти; в) отъ болѣе общаго и подробнаго опредѣленія порядка жалобъ; г) отъ улучшенія условій дѣлопроизводства въ первомъ департаментѣ, преимущественно отъ болѣе широкаго развитія гласности.

Послѣднее соображеніе, на которое мы хотѣли бы обратить вниманіе, касается чисто технической, но также существенной стороны дѣла. Наши основные законы отводятъ довольно мѣста праву *представленія* подчиненныхъ мѣстъ относительно противузаконныхъ распоряженій. Статьи эти были написаны въ то время, когда въ правѣ представленія видѣли единственную мѣру для поддержанія законности. Не настала ли пора занести въ основные законы начала, проникшія въ нашъ общественный бытъ, благодаря реформамъ послѣдняго времени, начала, подъ вліяніемъ которыхъ у насъ зарождается право судебнаго контроля, и право жалобы получаетъ болѣе широкое основаніе? Занесенныя въ основные законы, подобныя правила получили бы болѣе прочности и общности, чѣмъ теперь, когда они разсѣяны въ разныхъ частяхъ свода, въ спеціальныхъ учрежденіяхъ и положеніяхъ.

Въ заключеніе должно сказать, что статья эта не имѣла въ виду разрѣшить вопросъ во всей его полнотѣ. Мѣсто не позволило намъ остановиться на многихъ подробностяхъ, на многихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Но, намъ кажется, что приведенныхъ соображеній достаточно для того, чтобы настоящая статья могла быть названа „мотивированнымъ возбужденіемъ вопроса“.

ЭМИГРАЦІЯ [1].

Кн. А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА.

I.

Въ этой статьѣ мы хотимъ разсмотрѣть переселенія не въ общемъ экономическомъ и этнографическомъ ихъ значеніи, а только въ соціальномъ, какъ статистическій фактъ, служащій признакомъ глубокаго разстройства хозяйственнаго быта въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы.

Мы считаемъ нужнымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе этого явленія и изслѣдовать его причины, потому что самый тотъ фактъ, о коемъ мы свидѣтельствуемъ, разстройство народнаго хозяйства, очень часто отвергается какъ клевета на высокую культуру европейскихъ народовъ. И дѣйствительно въ современной цивилизаціи представляется столько полезныхъ и блистательныхъ сторонъ, что за ними очень легко могутъ скрыться мрачныя черты этого общественнаго строя, и такъ какъ общій итогъ улучшеній и общая сумма народнаго богатства безспорно возрастаютъ, то понятно, что частныя жалобы и обвиненія, взводимыя противъ этого строя, съ перваго взгляда кажутся пристрастными и преувеличенными нареканіями.

---

[1]) Настоящая статья есть отрывокъ изъ обширнаго сочиненія о землевладѣніи, надъ которымъ трудится нынѣ почтенный авторъ; поэтому многіе вопросы, лишь затронутые въ этой статьѣ, будутъ ближе разсмотрѣны имъ въ другихъ частяхъ его сочиненія. *Ред.*

За неимѣніемъ никакихъ мѣръ и вѣсовъ для измѣренія благосостоянія народа, мы однако думаемъ, что однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ степени этого благосостоянія можетъ служить *большее или меньшее стремленіе жителей къ водворенію въ данной странѣ и на оборотъ признакомъ недовольства своимъ бытомъ — стремленіе къ переходу, выходу изъ своего отечества въ чужіе края.*

Правда, это послѣднее стремленіе можетъ также проистекать и изъ другихъ побужденій кромѣ экономическихъ соображеній, напримѣръ изъ политическаго и религіознаго преслѣдованій, и въ прежніе времена эти причины и порождали переходъ большихъ массъ народа изъ однѣхъ странъ въ другія; но грозныя времена гоненій за вѣру миновали, политическія смуты хотя и вліяютъ на выселеніе нѣкоторыхъ политическихъ преступниковъ, но въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ; всюду водворились вѣротерпимость и свобода совѣсти; крестьяне вышли на полную волю, фабричные городскіе рабочіе освободились отъ притѣсненія цѣховъ, гильдій, ремесленныхъ управъ.

И вотъ въ то же самое время, какъ устроилась гражданская равноправность, открывается во всей Европѣ, но преимущественно въ плодороднѣйшихъ ея частяхъ, какъ южная Германія, или въ свободнѣйшихъ странахъ, какъ Англія, неодолимое стремленіе низшихъ классовъ къ выселенію и переходу въ другія земли, такъ что въ дѣйствительности оказывается, что первое право, коимъ воспользовался простой народъ по превозглашеніи правъ человѣка, первое употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ дарованной ему свободы, было стремительное бѣгство съ первобытныхъ мѣстъ жительства, изъ благословленныхъ странъ, гдѣ высокая культура, казалось, обезпечивала ему всѣ блага жизни.

Изъ этого, я думаю, можно заключить, что во внутреннемъ, хозяйственномъ строѣ этихъ странъ имѣется какой нибудь существенный порокъ, ибо переселеніе составляетъ въ быту простолюдина одну изъ самыхъ тяжкихъ крайностей, такое предпріятіе, на которое онъ рѣшается не прежде, какъ испытавъ всѣ другія средства выхода изъ бѣды, и мѣра эта признается столь стѣснительною, что она во всѣхъ законодательствахъ составляетъ уголовную кару за самыя тяжкія преступленія. Поэтому, если мы видимъ, что ежегодно, въ теченіи полустолѣтія, нѣсколько сотъ тысячъ гражданъ образованнѣйшихъ странъ свѣта налагаютъ сами на себя такое же наказаніе, какое грозитъ преступникамъ, и

отправляются въ ссылку по тому же пути, по коему водятъ каторжниковъ, то мы изъ этого должны заключить, что положеніе этихъ людей достигло такой степени угнетенія, что всякія лишенія, труды и риски имъ кажутся предпочтительнѣе настоящаго ихъ хозяйственнаго быта.

На это обыкновенно возражаютъ, что частное явленіе не можетъ служить доводомъ для оцѣнки общаго состоянія народа, что переселенцы составляютъ незначительный процентъ населенія и притомъ худшую, разгульную часть рабочихъ сословій, по дурному поведенію или безпокойному нраву не уживающихся въ благодатной средѣ образованныхъ обществъ; что разстройство, обѣдненіе или даже погибель нѣкоторой части рабочихъ слабосильныхъ или лѣнивыхъ есть общій непреложный законъ человѣческихъ обществъ, и пр.

Противъ этой аргументаціи мы постараемся представить факты и числа ея опровергающія и доказывающія, во-первыхъ, что большая часть эмигрантовъ вовсе не заслуживаетъ такихъ упрековъ и состоитъ, напротивъ, изъ людей трудолюбивыхъ и бережливыхъ; во-вторыхъ, что они выселяются большими массами и преимущественно не изъ тѣхъ областей, гдѣ населеніе наиболѣе густое, но изъ тѣхъ странъ, гдѣ землевладѣльческое сословіе завладѣло большею частью государственной территоріи, и въ-третьихъ что эмиграція можетъ служить не столько масштабомъ для измѣренія степени нищеты, въ которую впали рабочіе классы, сколько указаніемъ, признакомъ ихъ неимущества и общаго неудовлетворительнаго состоянія низшихъ сословій земледѣльцевъ и поденьщиковъ, не имѣющихъ осѣдлости и собственности.

Однимъ словомъ, эмиграціонное движеніе составляетъ только одно отдѣльное проявленіе того соціальнаго разстройства, которое постигло нѣкоторыя страны Европы, и по числу переселенцевъ надо заключить, что несравненно большая часть народа находится въ хозяйственномъ положеніи еще несравненно худшемъ.

Самый актъ переселенія, рѣшимость покинуть родину и родимый очагъ, порвать связи родства и общежитія, требуетъ такой энергіи, такого усилія воли, къ какому способны не многіе; при томъ же переселеніе въ тѣ отдаленные края, куда стремится современное эмиграціонное движеніе, требуетъ значительныхъ расходовъ, простирающихся, какъ мы увидимъ ниже, до нѣсколькихъ сотъ рублей на семейство. Изъ этого слѣдуетъ (и мы подтвердимъ это положительными свѣдѣніями), что тотъ разрядъ жителей, изъ коего набирается

главная масса эмигрантовъ, составляетъ не послѣдній, низшій классъ неимущихъ, впавшихъ въ безвыходную нищету, а верхній слой этого низшаго и бѣднѣйшаго класса, сохранившій еще послѣ тяжкихъ испытаній и всякихъ житейскихъ невзгодъ и силу воли, достаточную для перенесенія всѣхъ трудностей такого хозяйственнаго переворота, и нѣкоторыя, хотя и скудныя средства для покрытія расходовъ. Это большею частью, за исключеніемъ Ирландцевъ, люди трудолюбивые и смѣтливые, уставшіе отъ европейскаго быта (Europa-Müde), проигравшіеся въ азартной игрѣ наемнаго труда и ставящіе на послѣднюю ставку послѣднія свои сбереженія и силы. Но позади ихъ остаются еще въ низшихъ слояхъ тѣхъ же обществъ толпы другихъ неимущихъ, лишенныя и этихъ послѣднихъ средствъ, и не прибѣгающихъ къ переселенію только потому, что не имѣютъ матеріальной возможности предпринять длинный путь и вынести тяжкіе труды переѣзда и новаго водворенія.

Съ этой точки зрѣнія мы и просимъ читателя разсмотрѣть факты, нами здѣсь представленные: они даютъ эмиграціи совершенно другое значеніе, чѣмъ то, которое ей обыкновенно приписываютъ экономисты и публицисты нѣмецкой школы; она проистекаетъ не отъ густоты населенія, а отъ дурнаго, неравномѣрнаго размѣщенія жителей и отъ тягостнаго положенія, въ которое поставлено было крестьянство во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ. Ирландія населена менѣе, чѣмъ Англія, Мекленбургъ менѣе, чѣмъ средняя Германія, наши остзейскія губерніи менѣе, чѣмъ центральныя; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ эмиграція открылась и продолжается подъ вліяніемъ соціальныхъ причинъ, изъ коихъ главная, исключительная — *господство сословно-помѣстнаго элемента.*

II.

Эмиграціонное движеніе проявляется въ настоящее время въ наибольшихъ размѣрахъ въ двухъ странахъ, населенныхъ, или, вѣрнѣе сказать, покоренныхъ саксонской расой, въ Англіи и Германіи, изъ коихъ въ первой считается на квадратную милю 5489 жителей, во второй 4026. Въ земляхъ франкскихъ и романскихъ или даже въ тѣхъ, гдѣ эти расы смѣшались съ германской и

англосаксонской, эмиграція несравненно слабѣе, а именно въ Бельгіи, гдѣ населенія 9346 на кв. м., въ Голландіи — 6131, въ Италіи — 4916, во Франціи — 3819 Въ послѣднихъ двухъ государствахъ она даже совершенно ничтожна, хотя многіе департаменты Франціи и нѣкоторыя области Италіи населены вдвое и втрое гуще, чѣмъ сѣверо-восточная Германія или горная Шотландія.

Этотъ фактъ подалъ поводъ къ нѣсколько одностороннему заключенію, будто бы при мелкомъ землевладѣніи, существующемъ во Франціи, низшіе классы вполнѣ удовлетворены и обезпечены и такъ довольны своимъ земельнымъ бытомъ, что не ищутъ лучшаго; однимъ словомъ, что аграрный строй Франціи есть лучшій, полнѣйшій типъ демократическаго землевладѣнія. Мы представимъ впослѣдствіи противъ этого мнѣнія нѣкоторыя возраженія, а здѣсь только замѣтимъ, что отсутствіе эмиграціоннаго движенія не можетъ служить, въ этомъ отношеніи, доказательствомъ, ибо въ Испаніи и Италіи, гдѣ, напротивъ, преобладаетъ крупное землевладѣніе, эмиграція еще слабѣе, чѣмъ во Франціи, а въ прирейнскихъ областяхъ Германіи, гдѣ приняты со временъ Наполеона I поземельныя положенія и порядки наслѣдованія Франціи, переселенія, наоборотъ, усиливаются съ каждымъ годомъ.

Общее направленіе эмиграціи и колонизаціи указываетъ на другое основное въ нихъ явленіе: *есть народы и цѣлыя расы, болѣе склонныя по природѣ своей къ переселеніямъ, другія менѣе,* и въ особенности франко-латинское племя не расположено къ основанію новыхъ колоній и не способно къ водворенію на новыхъ мѣстахъ. Это объясняется очень просто характеристикой этихъ народовъ; нравъ ихъ, пылкій, но не настойчивый, живой и предпріимчивый, но не находчивый, дѣлаетъ ихъ неспособными къ той тяжкой борьбѣ, которая требуется для основанія новыхъ жительствъ, и полная неудача, постигшая всѣ ихъ колоніи въ Новомъ Свѣтѣ, плачевная исторія алжирской колоніи, въ наше время, ясно доказываютъ эту неспособность.

Къ этому надо прибавить слѣдующее очень важное соображеніе: въ полуденныхъ странахъ, подъ благословеннымъ небомъ Франціи или Италіи, бѣдность не сопряжена съ такими лишеніями и физическими страданіями, какъ на сѣверѣ, пища умѣреннѣе, обувь и одежда проще и дешевле; при равной степени неимущества, итальянскій лазарони выноситъ несравненно менѣе страданій, чѣмъ ирландскій нищій или лифляндскій латышъ,

и главное различіе между соціальнымъ бытомъ сѣверныхъ и южныхъ народовъ состоитъ въ томъ, что первые не могутъ существовать безъ крова, очага, топлива и зимней одежды, и стремятся неуклонно къ осѣдлости и домовитости.

Это прямо указываетъ, что эмиграція, проистекающая отъ крайней нищеты, должна быть болѣе свойственна обитателямъ суровыхъ сѣверныхъ странъ и что вообще *пролетаріатъ становится болѣе тяжелымъ, невыносимымъ въ полуночныхъ земляхъ;* въ исторіи древней цивилизаціи римской, греческой, въ Италіи, Испаніи, пролетаріатъ не имѣлъ такихъ горькихъ послѣдствій и такого страшнаго вида, потому что нищіе могли обойтись и безъ жилища, грѣясь на солнцѣ и ночуя на улицѣ въ грязныхъ лохмотьяхъ; но чѣмъ выше на сѣверъ стали восходить гражданскія общества, тѣмъ тягостнѣе становились лишенія, налагаемыя нищетой, невыносимѣе бродяжничество и тѣмъ болѣе ясно и громко заявлялись ропотъ и неудовольствіе низшихъ классовъ, лишенныхъ по разнымъ причинамъ собственныхъ жилищъ и осѣдлости.

Эмиграція дѣйствуетъ въ отношеніи пролетаріата какъ *охранительный клапанъ*, выпускающій излишніе пары изъ котла; она даетъ выходъ тревожной дѣятельности народныхъ массъ, замкнутыхъ въ слишкомъ тѣсной средѣ современныхъ обществъ; поэтому въ тѣхъ государствахъ, гдѣ эмиграція сдѣлалась нормальнымъ явленіемъ, какъ въ Англіи и Германіи, соціальныя смуты какъ-будто нѣсколько укрощаются, по крайней мѣрѣ не доходятъ до революціонныхъ и междуусобныхъ браней, между тѣмъ какъ французское общество, лишенное этого охранительнаго снаряда, бродитъ и вскипаетъ періодически [1]).

III.

Главными предметами нашихъ изслѣдованій будутъ два государства Англія и Германія. По исчисленіямъ, которыя мы приведемъ ниже въ подробностяхъ, оказывается, что съ 1815 года по 1870 г. выселилось изъ Англіи около 7 мил. жителей, изъ

[1]) Нельзя также не принять въ соображеніе государственнаго строя Великобританіи кореннымъ образомъ отличнаго отъ всей континентальной Европы и предотвращающаго революціонныя смуты. *Ред.*

Германіи не менѣе (а вѣроятно гораздо болѣе) 3 милліоновъ, итого, не считая другихъ странъ, 10 милліоновъ. Населеніе этихъ двухъ государствъ было въ 1815 году 50 милліоновъ, а въ 1870 году 70 милліоновъ, и принимая для всего періода среднее число 60 милліоновъ, мы получимъ пропорцію эмигрантовъ къ общему числу жителей какъ 1 : 6 или 16,5%.

Мы приняли только этотъ періодъ 55-лѣтній отъ 1815 г. до 1870 г., потому что только съ этого 1815 года начали, въ Англіи и отчасти въ Германіи, вести общій счетъ переселенія; но уже въ прошломъ столѣтіи большія массы выходцевъ перешли въ англійскія колоніи; въ Восточную и Западную Индію выселялось около 100,000 ежегодно; въ однѣ голландскія колоніи ушло въ 1700—1719 г.—105,972 эмигранта, а съ 1747 — 1766 г. — 162,598. Но общихъ итоговъ за прежніе годы свести нельзя, и потому мы предпочли наши изслѣдованія начать съ 1815 года, съ котораго и открывается сначала въ Англіи, потомъ и въ Германіи періодическое, ежегодное, и съ каждымъ годомъ усиливающееся эмиграціонное движеніе.

Прежде всего мы должны здѣсь отмѣтить существенное различіе, которое открывается съ перваго взгляда между характеромъ и послѣдствіями эмиграціи въ этихъ двухъ странахъ.

Въ Англіи изъ общаго числа эмигрантовъ, показанныхъ до 1866 г., переселилось въ Соединенные Штаты . .	3,785,789
въ Австралію и др. англійскія колоніи	2,215,202
въ другія страны только	132,401

Изъ Германіи, напротивъ, вся эмиграція направляется въ страны совершенно чуждыя германскому племени и большею частью въ Соединенные Штаты; общихъ чиселъ мы не могли найти, но изъ отдѣльныхъ свѣдѣній видимъ, что напримѣръ въ 1854 г. изъ общаго числа 181,028 нѣмецкихъ выходцевъ прибыло въ Америку 165,513; съ 1819 по 1855 годъ показывается по нѣмецкимъ статистикамъ (Gäbler) всѣхъ эмигрантовъ изъ Германіи 1,799,853, а по другимъ американскимъ свѣдѣніямъ прибыло нѣмцевъ въ одинъ Нью-Іоркъ и всего въ 20 лѣтъ — 1847 до 1866 — 1,345,619. Это соображеніе очень важно для правильной оцѣнки эмиграціи: въ Англіи, переселеніе происходитъ почти на половину внутри государства, изъ метрополіи, коренной земли въ колоніи, и если при томъ сообразить, что и другая половина эмигрантовъ, переходящая въ Соединенные Штаты,

находитъ въ своемъ новомъ отечествѣ общественную среду, родную англійской, свой языкъ и свои нравы, то можно сказать, что англійская эмиграція нисколько не ослабляетъ ни могущества Великобританіи, ни культурныхъ и соціальныхъ силъ англо-саксонскаго племени.

Дѣло другое въ Германіи; такъ какъ германскія государства не имѣютъ колоній, то вся эмиграція направляется въ чужія страны; всякое переселеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и выселеніе; эмигранты, выходя изъ своего отечества, перемѣщаются въ общества совершеннно имъ чуждыя, впадаютъ въ среду, устроенную на другихъ началахъ, съ другими нравами, нарѣчіями, и должны поэтому постепенно перерождаться и терять свою народность; поэтому германская раса отъ эмиграціи терпитъ прямой убытокъ; германская культура, расплываясь по другимъ странамъ, отчасти ихъ оплодотворяетъ, но сама утрачиваетъ свою интенсивную силу и удѣляетъ другимъ народностямъ избытки своихъ рабочихъ и культурныхъ средствъ.

Хотя нѣмецкіе правители и писатели не охотно выставляютъ эту слабую сторону своей національности, но однакоже въ новѣйшее время экономисты обратили вниманіе на это явленіе и его послѣдствія, и различая переселеніе въ колоніи отъ выхода въ чужія страны, называютъ первое Kolonisatorische Auswanderung (Roscher, Grund. d. Nation. Oecon. § 260), описываютъ невыгодныя послѣдствія для нѣмецкихъ земель усиливающейся эмиграціи и, сожалѣя о недостаткѣ колоній, указываютъ на необходимость пріобрѣсти на востокѣ запасныя территорій для водворенія выходцевъ изъ Германіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ самое это движеніе, видимо, скрывается. Какъ въ оффиціальныхъ, такъ и въ частныхъ изданіяхъ публикуются только отрывочныя свѣдѣнія изъ Бремена, Гамбурга о числѣ эмигрантовъ, отплывшихъ изъ этихъ портовъ; правительства всѣми средствами противодѣйствуютъ переселеніямъ, и многочисленные совѣтники, пасторы, помѣщики и публицисты предостерегаютъ сыновъ Германіи отъ легкомысленной эмиграціи, утверждая, что нигдѣ они не обрѣтутъ такихъ высокихъ благъ цивилизаціи, какими пользуются въ славномъ своемъ отечествѣ.

Но предостереженія эти, какъ видно изъ свѣдѣній о послѣднихъ годахъ, мало имѣютъ успѣха, и съ тѣхъ поръ, какъ прусскій милитаризмъ водворился въ Германіи, переселенія еще усилились. Впрочемъ уже и прежде главный контингентъ эмигрантовъ состоялъ

изъ молодыхъ людей, призываемыхъ къ рекрутскому жеребью (militär-pflichtig), и изъ нихъ образовался особый разрядъ, который въ оффиціальныхъ отчетахъ показывался отдѣльно подъ именемъ тайныхъ выходцевъ (heimliche Auswanderer); въ Пруссіи въ 9 лѣтъ, 1855 — 1864, считалось противъ 128,708 явныхъ эмигрантовъ 48,756 тайныхъ выходцевъ, т. е. военныхъ дезертировъ; въ Австріи въ 1851 году было только (?) 864 вольныхъ (freie Auswanderer) и 1,865 тайныхъ переселенцевъ. Вообще въ этомъ послѣднемъ государствѣ свѣдѣнія объ эмиграціи очевидно скрываются, и въ оффиціальныхъ отчетахъ за 1850 — 1868 годы показано всего 57,726 переселенцевъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что однихъ Чеховъ вышло изъ Австріи въ Россію и Америку нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ.

Намъ нужно было оговорить эти обстоятельства, чтобы оправдать себя въ неполнотѣ и нѣкоторой сбивчивости показаній относительно нѣмецкой эмиграціи: она отчасти умышленно скрывается, отчасти сама собой ускользаетъ отъ исчисленія, потому что большею частью происходитъ втайнѣ, въ видѣ бѣгства отъ военной службы.

IV.

Эмиграція изъ Англіи началась съ 1815 года. До того времени она не имѣла постояннаго характера, хотя и происходила въ большихъ размѣрахъ уже въ 16 и 17 столѣтіяхъ. Но это были или спекулятивныя предпріятія частныхъ лицъ, получившихъ земли въ даръ отъ казны, или поселенія выходцевъ, бѣжавшихъ отъ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій; такъ населялись многіе штаты Сѣверной Америки подъ предводительствомъ предпріимчивыхъ вождей — Walter Raleigh'a въ Виргиніи (1584 г.), Smitha (1607 г.) и William Penn'a въ новой Англіи, лорда Baltimor въ Мариландѣ, или толпами квакеровъ, пуритановъ, диссидентовъ такъ называемыхъ отцевъ-эмигрантовъ (pilgrim fathers 1621 г.).

Въ 18 столѣтіи начали уже обнаруживаться другія побужденія къ эмиграціи, не политическія, а хозяйственныя и соціальныя. Въ 1709 году, вслѣдствіе одного неурожайнаго года и суровой зимы, рабочіе впали въ нѣкоторыхъ графствахъ Англіи въ

такую нищету, что правительство рѣшилось предложить имъ даровой проѣздъ въ Америку на счетъ казны и выселило такимъ образомъ до 30,000 человѣкъ.

Въ слѣдующіе годы и въ продолженіи всего 18 вѣка эти выходы возобновлялись изрѣдка, но всегда въ эпохи хозяйственнаго разстройства, неурожая и голода, и въ такихъ размѣрахъ, что парламентъ нѣсколько разъ принужденъ былъ издавать акты, запрещающіе переселеніе (въ 1719, 1750, 1785 годахъ).

Въ концѣ прошлаго столѣтія они сдѣлались явленіемъ довольно частнымъ, и слѣдующія обстоятельства вліяли на усиленіе эмиграціи: во-первыхъ, законъ о бѣдныхъ и общественномъ призрѣніи; между тѣмъ какъ фабриканты и фермеры жаловались на недостатокъ рабочихъ и дороговизну заработной платы, мѣстныя церковныя общества (parish) и во главѣ ихъ лорды-вотчинники (landlords), напротивъ, заботились объ умножающемся числѣ неимущихъ, которые, падая на попеченіе прихожанъ, ежегодно возвышали расходы и сборы по вѣдомству общественнаго призрѣнія, и старались всѣми средствами ихъ сбывать, перегоняя нищихъ изъ одного прихода въ другой; когда же новыми распоряженіями правительства эти переселенія были нѣсколько стѣснены, то многія приходскія общества и вотчинники прибѣгли къ выселенію и назначали даже особыя суммы для вспомоществованія выходцамъ. Во-вторыхъ, въ Сѣверной Шотландіи и горныхъ графствахъ, называемыхъ Highlands, дѣйствовали другія причины, тоже усилившія переселеніе; крупные землевладѣльцы, коимъ принадлежатъ огромныя пространства нагорной Шотландіи, находили свой расчетъ замѣнять хлѣбопашество овцеводствомъ, и поэтому, возвышая арендную плату на земли и притѣсняя арендаторовъ, заставляли ихъ выселяться, а фермы, хутора присоединяли къ своимъ хозяйствамъ и превращали ихъ въ скотные дворы и овчарни.

Наконецъ въ Ирландіи вліяло на эмиграцію общее положеніе землевладѣнія и крестьянъ. Въ этой странѣ, какъ извѣстно, вся поземельная собственность принадлежитъ англійскимъ лордамъ, которые, имѣя свое жительство въ другихъ частяхъ Англіи, и не занимаясь хозяйствомъ, сдаютъ свои земли въ аренду; но такъ какъ сдача по мелкимъ участкамъ оказывается съ одной стороны болѣе выгодной, а съ другой, для отсутствующаго землевладѣльца затруднительна, то ирландскіе помѣщики устроили въ своихъ помѣстьяхъ систему двойной аренды, т. е. сами отъ себя сдаютъ цѣлыя фермы одному арендатору или прикащику (middleman), а

ему предоставляютъ передавать земли по мелкимъ частямъ въ оброчное содержаніе крестьянамъ. Пользуясь этимъ правомъ, въ отсутствіи самихъ вотчинниковъ, сдѣлавшись почти безотчетными и неограниченными, прикащики-арендаторы дробили господскія запашки на самыя мелкія полосы и возвышали непомѣрно наемную плату на земли; общее разстройство крестьянскаго сословія слѣдовало быстрыми шагами за таковой грубой эксплуатаціей, оброчныя статьи дорожали, съемщики разорялись, и, какъ къ послѣднему убѣжищу отъ гнета землевладѣльцевъ, несчастные Ирландцы прибѣгли къ переселенію.

И такъ общія причины, породившія эмиграцію въ Англіи, были чисто хозяйственныя; землевладѣльцы находили свой расчетъ замѣнять хлѣбопашество скотоводствомъ и овцеводствомъ и залужали пахатныя земли, разводя на нихъ многолѣтнія кормовыя травы — для этаго они упраздняли фермы, срывали крестьянскіе дворы, на мѣсто ихъ заводили овчарни и скотные дворы и присоединяли къ своимъ господскимъ запашкамъ угодья, отобранныя у крестьянъ; это называлось *clearing of estates,* буквально *очищеніе помѣстій;* хозяева упраздненныхъ фермъ, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ въ званіи поселянъ, переходили затѣмъ въ разрядъ безземельныхъ батраковъ и многіе изъ нихъ на попеченіе общества и приказовъ общественнаго призрѣнія; расходы и сборы на призрѣніе неимущихъ росли; для избѣжанія возрастающихъ тягостей кормленія неимущихъ сельскія общества и землевладѣльцы сначала переселяли призрѣваемыхъ изъ одного прихода въ другой; наконецъ когда и эта пересылка людей по этапу оказалась мѣрой дорогой и притомъ неудовлетворительной, приступлено было къ окончательному выселенію, — и открылся періодъ эмиграціи.

Переворотъ этотъ совершался въ продолженіи цѣлаго 18 столѣтія, и замѣчательно, что время наивысшаго политическаго торжества Англіи было и время гибельнаго перелома въ хозяйственномъ быту англійскаго народа. Когда въ 1815 году она, затративъ милліарды, наконецъ вышла побѣдительницей изъ 20-лѣтней борьбы съ Франціей, укрыла моря всего свѣта своимъ военнымъ и торговымъ флотомъ, достигла промышленнаго благосостоянія, военной славы, всемірной торговли и небывалаго въ лѣтописяхъ другихъ народовъ государственнаго богатства, тогда-то въ тотъ же 1815 годъ открылось такое бѣдственное положеніе низшихъ классовъ того же англійскаго народа, что расходы обще-

ственнаго призрѣнія достигли (въ 1817 г.) громадной суммы 65 милліоновъ рублей въ одинъ годъ, и что въ томъ же году началось выселеніе изъ Англіи въ Америку съ быстро возрастающей и съ тѣхъ поръ уже не прекратившейся прогрессіей.

Всѣхъ выходцевъ изъ Англіи было:

Въ 1815 — 1819	годахъ	97,779,	въ 1	годъ	15,559
„ 1820 — 1829	„	216,114	„ 1	„	21,611
„ 1830 — 1839	„	699,314	„ 1	„	66,931
„ 1840 — 1849	„	1,494,786	„ 1	„	149,478
„ 1850 — 1859	„	2,439,585	„ 1	„	243,958
„ 1860 — 1869	„	1,839,099	„ 1	„	183,909
Въ 55 лѣтъ		6,786,677,	въ годъ		123,394

Изъ этого видно, что за исключеніемъ незначительнаго пониженія за послѣднее десятилѣтіе во все продолженіе настоящаго столѣтія выселеніе Англичанъ постоянно усиливалось; оно нѣсколько уменьшилось, въ шестидесятыхъ годахъ, по случаю междуусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, но въ послѣдніе годы вновь возрастаетъ и доходитъ до 216,000 эмигрантовъ въ годъ.

Въ продолженіи этого 55-лѣтняго періода были, разумѣется, нѣкоторыя колебанія, но всѣ они были въ связи съ хозяйственными обстоятельствами; въ 1825—1826 г., неурожай довелъ сельскихъ обывателей до такой крайности, что назначена была помощь отъ казны и на казенный счетъ вывезено было изъ Англіи 95,000 человѣкъ. Введеніе паровыхъ машинъ также подѣйствовало на выселеніе и въ 1832 г. число выходцевъ возросло до 163,140.— Затѣмъ въ слѣдующіе годы внезапное развитіе промышленности повліяло благотворно на бытъ рабочихъ, эмиграція уменьшилась до 32,222 человѣкъ въ 1838 г., но это былъ только краткій и послѣдній промежутокъ; въ 1840 г. устройство на всѣхъ фабрикахъ Ланкастера бумагопрядильнаго станка вдругъ утроило число выходцевъ; ихъ было:

въ 1840	году	90,743
„ 1841	„	118,592
„ 1842	„	128,344

Наконецъ послѣ небольшаго промежутка въ 1847 году открылась въ Ирландіи болѣзнь картофеля и переселеніе приняло размѣры небывалые: въ 10 лѣтъ съ 1845 — 1854 выселилось 2,668,154 ч., въ одинъ 1854 годъ выселилось 427,833 чел.

Всего же съ 1815 г. вышло изъ великобританскихъ королевствъ 6,786,677 человѣкъ, что составляетъ на общее число жителей 29,321,000 (въ 1861 г.) около 20%, или 1 эмигрантъ на 5 жителей.

Но эти цифры не даютъ еще вѣрнаго понятія о дѣйствительной пропорціи между выходцами и жителями, потому что наибольшее число первыхъ относится къ наименьшему числу вторыхъ, а именно больше половины всѣхъ выходцевъ принадлежатъ Ирландіи; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ общаго счета ирландскихъ эмигрантовъ за весь періодъ съ 1815 по 1870 г., но въ теченіи 21 года (1835 — 1855) ихъ было 3,053,294 на общее число жителей 8,175,124 (въ 1846 г.), или на 100 37 эмигрантовъ.

Чтобы прослѣдить въ полномъ его значеніи соціальный вопросъ, нынѣ волнующій Европу, намъ нужно будетъ часто возвращаться къ этому зеленому острову, какъ называютъ Ирландію англійскіе поэты, потому что въ ней мы увидимъ лучшій образецъ такого общества, гдѣ полная личная свобода и политическая полноправность совпадаютъ съ самой тяжкой неволей въ хозяйственномъ быту и крайней нищетой. Переселенія составляютъ только одну изъ сторонъ этой мрачной картины и служатъ мѣрой для опредѣленія размѣровъ этихъ золъ и ключомъ къ ихъ уразумѣнію.

Въ 1830 г. (годъ іюльской революціи во Франціи) начались въ Ирландіи подъ предводительствомъ извѣстнаго агитатора О'Конеля политическія волненія; хотя они причинили нѣкоторыя заботы правительству, но по экономическимъ понятіямъ того времени послужили только статьею обвиненія противъ самихъ ирландцевъ и приписывались ихъ грубости и лѣни, точно такъ, какъ бѣдность крестьянъ въ Россіи приписывается только пьянству и праздности. И въ Англіи тоже (до 1830 г.) никто не давалъ себѣ труда вникнуть въ причины, развращающія простой народъ, и принимать мѣры противъ корня зла, вмѣсто того, чтобы сѣтовать на его проявленія. Но корень открылся въ Англіи прежде или по крайней мѣрѣ яснѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, благодаря полной свободѣ печати и слова, а именно въ слѣдующемъ фактѣ, который поразилъ практическій смыслъ этого сметливаго народа. По переписи 1832 г. оказалось, что населеніе Ирландіи въ теченіи 10 лѣтъ (1821 — 1830) умножилось на 967,574 души, на 14%, что въ бѣднѣйшей части графства

Connaught приращеніе доходило до 22%, а по ревизіи 1841 г. оказалось всѣхъ жителей 8,250,000, болѣе противъ 1821 г. на 1,448,173 чел.

Это чрезмѣрное размноженіе бѣднѣйшаго населенія устрашило Англичанъ; они еще не сознавали главныхъ и коренныхъ причинъ зла, но уже предвидѣли и предсказывали гибельныя его послѣдствія и приступили къ новой системѣ управленія: 1) преобразовано было положеніе о призрѣніи бѣдныхъ, усиленъ сборъ на бѣдныхъ (poor tax), устроены новые рабочіе дома (Workhouses), и ассигнованы казенныя суммы на ихъ содержаніе; 2) приняты были рѣшительныя мѣры къ поощренію переселеній, учреждено главное управленіе подъ названіемъ Colonial-Emigration-Comissioners (въ 1840 году), по акту Парламента (1843 г.) предписано приказамъ общественнаго призрѣнія принимать на свой счетъ одну часть расходовъ на выселеніе $^1/_3$, если землевладѣлецъ, въ помѣстьи коего водворенъ переселенецъ, принимаетъ на себя другую часть $^2/_3$, въ 1849 г. установлено, что помѣщики могутъ вступать въ соглашеніе съ приказами о возвращеніи имъ части издержекъ на выселеніе рабочихъ, и что бѣднѣйшимъ изъ нихъ выдается вспомоществованіе отъ казны.

Послѣ неурожайнаго 1847 года наступило страшное бѣдствіе и общій итогъ неимущества выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Годъ.	Число эмигрантовъ.	Число неимущихъ призрѣваемыхъ.	Расходы на призрѣніе.
1849.	219,000	620,747	2,062,752
1850.	214,000	307,970	1,070,499
1851.	254,000	209,187	570,372
1852.	225,000	171,418	530,626
1853.	329,937	141,822	595,192

Окончательный итогъ нищенства и переселеній можетъ быть подведенъ такъ: съ 1844 г. по 1861 г. населеніе Ирландіи, которое до того времени прибывало по 14% въ годъ, уменьшилось съ 8,300,000 на 5,746,000, т. е. на 2,554,000, а такъ какъ эмигрантовъ въ эти 14 лѣтъ выбыло всего изъ Ирландіи 2,209,389, то надо предположить, что остальное число недостающихъ жителей, около 345,000 человѣкъ, умерло отъ болѣзней и голода.

Въ послѣднее 10-ти-лѣтіе замѣтно нѣкоторое улучшеніе: число эмигрантовъ уменьшилось съ 329,937 (въ 1854 г.) до 52,981

(въ 1598 г.), число призрѣваемыхъ съ 620,747 (въ 1849 г.) до 52,154 (въ 1867 г.); число преступниковъ, присужденныхъ къ наказанію, было въ 1853 г. 8,714, а въ 1867 г. — 2,733.

Англія уже готовилась отпраздновать торжество умиротворенія Ирландіи; уже министры и ораторы прославляли во всѣхъ своихъ рѣчахъ благія послѣдствія либеральной своей политики, уже всѣ вопросы экономическаго благосостоянія казались порѣшенными и соглашенными, когда внезапно возникъ мятежъ феніевъ и поднялъ вопросъ новый, вопросъ земельный, настоящую задачу XIX вѣка.

Между тѣмъ переселеніе, упавши въ 1859 году до 50,000 человѣкъ, нынѣ вновь усилилось и въ послѣдніе годы доходитъ до 200,000 человѣкъ въ годъ.

V.

Германія, какъ мы выше сказали, стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ Англіи по числу выходцевъ, ежегодно переселяющихся въ другія страны; но здѣсь представляются особенныя трудности для описанія этого движенія: нѣмецкія правительства и писатели какъ будто бы согласились скрывать дѣйствительное положеніе этого дѣла, и признавая выселеніе невозвратимой потерей для нѣмецкаго племени, публикуютъ о немъ только отрывочныя и неполныя свѣдѣнія; оффиціальныхъ отчетовъ вовсе не издается; свѣдѣнія, какія имѣются, позаимствованы или изъ вѣдомостей, публикуемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ о прибывшихъ нѣмцахъ, или же изъ частныхъ объявленій объ эмигрантахъ, отплывшихъ изъ германскихъ портовъ (Бремена, Гамбурга) въ Америку.

Поэтому общій обзоръ переселеній изъ Германіи выходитъ очень неполный.

Вообще нѣмцы, точно такъ какъ и соплеменные имъ англосаксы, очень склонны къ переселенію, и уже въ 17 столѣтіи начали переходить цѣлыми обществами въ чужія земли; но настоящій постоянный характеръ правильнаго передвиженія приняло переселеніе, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи, въ началѣ настоящаго столѣтія и подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ, хозяйственнаго разстройства и притѣсненій помѣстнаго сословія.

Въ 1817 — 1818 году число выходцевъ простиралось уже до 30,000 — за тѣмъ уменьшилось до 24,000. Съ 1830 г. вновь возрасло до 33,000, а послѣ неурожая 1847 года и политическихъ смутъ 1848 г. достигло 100,000 и вскорѣ послѣ въ 1854 г.— 251,931. Затѣмъ, точно такъ, какъ и въ Англіи, сдѣланы повороты въ общественномъ мнѣніи; неудачныя попытки многихъ выходцевъ, ошибки и обманы разныхъ подрядчиковъ, выписавшихъ поселенцевъ, и разорившія ихъ, пріостановили на время переселенія; въ 1855 году возвратились изъ Америки въ Германію обратно до 30,000 человѣкъ; нѣкоторыя компаніи, основанныя для переселенія, между прочимъ Майнцское княжеское общество (Mainzer Fürstenverein), состоявшее изъ членовъ высшей аристократіи съ владѣтельнымъ принцемъ von Solms во главѣ, впали въ полную несостоятельность, и безсовѣстныя продѣлки американскихъ и нѣмецкихъ агентовъ внушили въ Германіи всеобщія опасенія. Но, 1865 г. эмиграція начала вновь усиливаться и доходитъ отъ 100 до 200 тысячъ въ годъ.

Всего выселилось изъ Германіи съ 1815 г. по 1855 годъ 1,799,853.

Въ	1856 году . . .	98,753
„	1857 „ . . .	115,756
„	1858 „ . . .	53,266
„	1859 „ . . .	45,100
„	1860 „ . . .	49,669
„	1861 „ . . .	35,427
„	1862 „ . . .	27,740
„	1863 „ . . .	38,263
„	1864 „ . . .	57,446
„	1865 „ . . .	83,451
„	1866 „ . . .	108,840
„	1867 „ . . .	117,591
„	1868 „ . . .	101,989
„	1869 „ . . .	101,571
„	1870 „ . . .	?
„	1871 „ . . .	270,000
„	1872 „ . . .	155,595
	Итого . . .	3,160,310

Свѣдѣнія эти мы позаимствовали изъ Статистики Колба (Hand-

buch der vergleichenden Statistik 6 Ausg. 1871. S. 6) они извлечены изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Чтобы судить о прогрессивномъ ходѣ эмиграціи, мы приведемъ еще слѣдующую таблицу (Histoire de l'Emigration p. Duval): въ одинъ портъ Нью-Іоркъ прибыло нѣмцевъ:

въ 10 лѣтъ	1819—28	всего	46,300	въ 1	годъ	4,630
„ „ „	1829—38	„	200,900	„ 1	„	20,090
„ „ „	1839—48	„	537,919	„ 1	„	53,791
„ 8 „	1849—56	„	1,021,324	„ 1	„	126,415

Но ни тѣ, ни другія свѣдѣнія не полны и въ нихъ вовсе пропущены: а) всѣ выходцы изъ Австріи, гдѣ публикуютъ только число эмигрантовъ, добровольно заявившихъ о своемъ переселеніи, между тѣмъ какъ бѣглые и тайные эмигранты вовсе не упоминаются, а число ихъ по одному показанію на 1851 г. вдвое больше, чѣмъ число явныхъ выходцевъ; b) всѣ эмигранты въ Австралію, Южную Америку и Канаду и вообще во всѣ страны, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ вышеприведенныя числа основаны только на двухъ источникахъ, на показаніяхъ портоваго начальства Нью-Іорка и на отчетахъ о мореплаваніи портовъ Бремена и Гамбурга.

Поэтому можно безошибочно положить, что эмиграція изъ Германіи съ 1815 по 1869 г. простирается по меньшей мѣрѣ на 3 милліона человѣкъ, и причисляя къ нимъ 7 милліоновъ эмигрантовъ изъ Англіи, мы получаемъ громадный итогъ 10 милліоновъ выходцевъ изъ двухъ государствъ.

Но не смотря на эту крупную цифру, ошибочно было бы воображать себѣ, что эмиграція можетъ уравновѣсить приращеніе народонаселенія и пріостановить развитіе пролетаріата въ серединной Европѣ; по самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ ежегодный приростъ жителей составляетъ въ Англіи около 150 тысячъ или 5,6% всего населенія, и такъ какъ эмиграція въ послѣдніе годы почти достигаетъ того же числа, то можно предположить, что въ Великобританскихъ королевствахъ она достигла полнаго нормальнаго своего предѣла; съ 1821 по 1861 годъ населеніе Великобританіи умножилось на около 8 милліоновъ жителей, а эмиграція за эти годы достигла до цифры около 6 милліоновъ. Въ Германіи съ 1818 по 1865 годъ населеніе увеличилось на 14,704,500, а эмиграція за это время достигла только 2 мил.; въ Пруссіи ежегодный приростъ населенія составляетъ около 150

тысячъ, въ Австріи 300 т. Изъ этого видно, что въ нѣмецкихъ земляхъ выселеніе жителей еще далеко не уравновѣшиваетъ приращенія ихъ, и надо предполагать, что по примѣру Англіи оно будетъ еще постоянно возрастать, покуда не достигнетъ этого равновѣсія, т. е. отъ 300 до 400 тысячъ эмигрантовъ въ годъ.

Изъ этого можно, какъ я думаю, заключить, что это явленіе, новое въ лѣтописяхъ стараго европейскаго свѣта, открывшееся въ началѣ настоящаго столѣтія, только что вступаетъ нынѣ въ органическій строй современныхъ обществъ и что собственно для германской расы, обитающей въ сердцѣ Европы, эмиграціонный вопросъ есть еще новая задача, не успѣвшая проявить всѣхъ своихъ послѣдствій и полнаго своего развитія.

VI.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ и различнаго значенія эмиграціи въ Англіи и Германіи приняты были въ этихъ государствахъ и совершенно различныя, даже противуположныя системы, по этому предмету, управленія. Между тѣмъ какъ въ первомъ правительство и сами ландлорды поощряли и облегчали переселеніе, во второмъ оно встрѣтило дружное, озлобленное противодѣйствіе всѣхъ имущественныхъ классовъ, опасавшихся вздорожанія рабочихъ платъ, и всѣхъ нѣмецкихъ правителей, устрашенныхъ выходами людей, подлежащихъ рекрутству. Въ Баваріи въ особенности приняты были уже въ началѣ столѣтія строгія мѣры противъ эмиграціи; приказомъ 1804 года наложена была пошлина въ 10% на имущества, вывозимыя эмигрантами; вообще до 1846 года эмиграція преслѣдовалась во многихъ нѣмецкихъ княжествахъ и королевствахъ какъ преступленіе, и большая часть эмигрантовъ показывалась въ числѣ бѣглыхъ и дезертировъ.

Въ 1848 году сдѣланы были разныя предложенія для переселеній, въ разныхъ городахъ Германіи открылись частныя общества для направленія и вспомоществованія эмигрантамъ; Баденское правительство, придерживаясь болѣе либеральной политики, предлагало предоставить всѣмъ сельскимъ жителямъ право вольнаго перехода съ условіемъ, чтобы они уступали свои земли общинамъ, къ коимъ приписаны; Франкфуртскій сеймъ два

раза въ 1849 г. и 1856 г., разбирая этотъ вопросъ, приходилъ къ заключенію, что необходимо дать праву переселенія законную твердую основу.

Но всѣ эти предначертанія не состоялись; Баварія еще усилила свои репрессивныя мѣры; отъ эмигрантовъ требовалось предъявленіе свидѣтельства о пріемѣ ихъ въ подданство другаго государства или залога въ 1,200 гульденовъ (720 р.); правительство подъ разными предлогами задерживало выдачу паспортовъ, покуда переселенцы, проживъ послѣднія свои сбереженія, отложенныя для путевыхъ расходовъ, не отказывались отъ переѣзда, при чемъ многіе изъ нихъ окончательно разорялись и гибли; въ Гессенѣ и Мекленбургѣ по настоянію помѣщиковъ-рыцарей предложены были противъ эмигрантовъ самыя безсмысленныя мѣры, напримѣръ герцогъ Гессенъ-Кассельскій издалъ приказъ, коимъ запрещалось выдавать свидѣтельства на переселеніе, если рабочій не представитъ формальнаго удостовѣренія, что онъ въ своемъ отечествѣ не сыскалъ работы; въ Мекленбургѣ, прозорливое правительство, желая удержать сельскихъ рабочихъ батраковъ въ холостомъ состояніи, разрѣшало имъ вступать въ бракъ только съ условіемъ, чтобы они выселялись изъ герцогства; если же они, женившись, не исполняли даннаго обязательства или впослѣдствіи возвращались на родину съ семьями, то ихъ сажали въ рабочіе дома (Landarbeitshaus).

Но понятно, что всѣ эти усилія помѣстнаго сословія и драконовскіе законы, ими введенные, не могли преодолѣть естественныхъ причинъ, порождающихъ эмиграцію: въ Южной Германіи нѣкоторыя правительства, запрещая переходы въ извѣстныхъ случаяхъ, въ другихъ, напримѣръ при совершенномъ обѣдненіи нѣкоторыхъ общинъ, ихъ поощряли или даже принимали самые расходы эмиграціи на свой счетъ. Въ Баваріи, гдѣ добровольный выходъ строго преслѣдовался, казна въ 1855 г. выселила въ Канаду цѣлое сельское общество, состоявшее изъ 228 обывателей, впавшихъ въ совершенную нищету; въ Баденѣ эта система выселенія на казенный счетъ приняла большіе размѣры; въ оффиціальныхъ отчетахъ указывается, что нѣкоторыя общины очень поправились въ своемъ хозяйственномъ быту вслѣдствіи предложенія правительства выселить неимущихъ жителей въ Америку, при чемъ часть расходовъ принималась на казенный счетъ.

Таковые расходы и субсидіи достигли въ нѣкоторыхъ ча-

стяхъ Германіи довольно крупныхъ суммъ: въ Баденѣ издержано было казной съ 1840 г. по 1865 г. гульденовъ 1,951,852 (1,171,113 руб.) на 104,998 эмигрантовъ, независимо отъ расходовъ, принятыхъ обществомъ на себя. Въ Виртембергѣ назначена была постоянная, годовая субсидія въ 50,000 гульд. округу Heilbronn (на Некерѣ) для облегченія переселеній. По примѣрному расчету, средняя стоимость путевыхъ расходовъ полагалась въ 92 гульдена для переѣзда изъ сѣверо-германскихъ портовъ въ Америку, но въ дѣйствительности они были выше и составляли обыкновенно 110 — 120 гульд. (66 — 72 руб.) на человѣка, считая въ томъ числѣ и малолѣтнихъ.

Какъ изъ этого видно, нѣмецкіе правители, при своемъ узкомъ взглядѣ на всѣ явленія народной жизни, смотрѣли на эмиграцію только какъ на административное средство сбывать бѣднѣйшихъ жителей и тѣхъ, которые, при полнѣйшей своей несостоятельности, должны пасть на попеченіе общественнаго призрѣнія; всѣхъ же людей бодрыхъ и, главное, годныхъ для службы задерживали самыми стѣснительными способами. Но какъ безсильна эта запретительная политика въ дѣлахъ народнаго хозяйства вообще, это всего лучше доказывается безпрерывнымъ умноженіемъ числа переселенцевъ въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ они строжайше преслѣдовались. Въ Баваріи по средней сложности выселялось въ 1 годъ:

	Всего.	Въ 1 годъ.
въ 5-лѣтній періодъ 1835—1840 г.	32,057	6,411
1841—1850 „	28,963	5,792
1851—1855 „	54,990	10,998
1856—1860 „	114,995	14,995

Въ Баварскомъ Палатинатѣ при населеніи около 600 тысячъ душъ выселилось въ теченіи 1834 — 1864 г. 102,189 жителей. Кромѣ того показывается безъ вѣсти пропавшихъ (?) 55,928, итого 158,107, что составляетъ болѣе 26% всего числа жителей; при этомъ число тайныхъ выходцевъ (heimliche Auswanderer), бѣжавшихъ отъ рекрутской повинности, простиралось въ теченіи 18 лѣтъ (1851 — 1869 г.) до 35,997 человѣкъ.

Изъ Виртемберга выселилось въ средней сложности въ годъ:

въ 1843 — 47 г.	4,681
„ 1848 — 52 „	6,175
„ 1853 — 57 „	11,507

Въ 6 лѣтъ 1858 — 63 г. переселенія уменьшились до средняго числа 3,843 человѣкъ въ годъ. Но съ 1866 г. и со времени введенія прусской военной организаціи они снова усилились и въ послѣдніе 3 года, 1866 — 69, простирались до 6,495 человѣкъ въ годъ. Всего съ 1812 по 1869 годъ было выходцевъ изъ Виртемберга 233,443 по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, и кромѣ того по частнымъ показаніямъ сельскихъ начальствъ около 130,000 бѣглыхъ, что составляетъ около $^1/_5$ всего населенія королевства (1,770,000).

Въ Гессенъ-Касселѣ, гдѣ переселенія достигли громадной пропорціи 1 на 79 жителей въ годъ, правительство тщательно скрывало число эмигрантовъ, сознавая, что это явленіе есть прямое послѣдствіе его реакціонерной и притѣснительной политики; извѣстно только, что въ теченіи 3 лѣтъ 1852 — 1855 вышло изъ герцогства 28,000, въ годъ 9,333 чел., и что народонаселеніе всей страны въ теченіи 9 лѣтъ 1849 — 1858 уменьшилось на 33,149 жителей.

Въ Великомъ Герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтъ въ теченіи настоящаго столѣтія выселилось (1822 — 1867 г.) — 178,751, въ 9 лѣтъ (1846 — 1855) — 81,706. Общее число жителей въ послѣднее время упало съ 853,315 (въ 1864 г.) на 823,138 (1867 г.). Въ три года убыло 30,177 жителей.

Самую печальную страницу нѣмецкаго сельскаго быта представляетъ, какъ извѣстно, Мекленбургъ, отечество самаго закоренѣлаго юнкерства. Въ этомъ крошечномъ герцогствѣ, въ 249 кв. м. съ 500,000 жителей, при исключительномъ покровительствѣ дворянскимъ и помѣстнымъ привиллегіямъ, высказались, можетъ быть для поученія другихъ великихъ державъ, всѣ гибельныя послѣдствія этой политики. При этомъ надо замѣтить, что Мекленбургъ принадлежитъ къ самымъ малонаселеннымъ частямъ средней Европы (на квадр. милѣ 2,298 жителей,— густота, равная населенію многихъ нашихъ губерній, и вдвое меньшая, чѣмъ среднее населеніе Германіи). Поэтому въ этой странѣ эмиграціонное движеніе не можетъ уже быть приписано тѣснотѣ и малоземелью, а должно быть отнесено непосредственно къ соціальнымъ и хозяйственнымъ стѣсненіямъ; это положеніе мы опишемъ подробно впослѣдствіи; здѣсь же представимъ, какъ прямой результатъ общественнаго разстройства, ходъ эмиграціи изъ герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго.

Она долго скрывалась правительствомъ мекленбургскимъ,

какъ и прочими германскими владыками, и потому до 1850 г. мы никакихъ свѣдѣній о переселеніяхъ изъ этого герцогства не могли найдти; въ 1852 — 1854 годахъ число переселенцевъ было 20,000, въ 1856 г. — 5,500, въ 1857 г. около 8,000, затѣмъ въ послѣдующіе годы уменьшилось до 934 человѣкъ (въ 1860 г.), но съ тѣхъ поръ вновь возрастаетъ и въ 1864 г. достигло 5,507 человѣкъ.

Это составляетъ въ годъ болѣе 1% всѣхъ жителей, но отношеніе это распредѣляется различно по разнымъ классамъ жителей; изъ всего числа эмигрантовъ $^2/_3$, около 66%, принадлежатъ къ сословію батраковъ и поденщиковъ; и изъ нихъ 11% къ городскимъ сословіямъ, 30% къ крестьянскимъ поселеніямъ въ казенныхъ имѣніяхъ и 59% къ помѣщичьимъ имѣніямъ, такъ что въ этихъ послѣднихъ число выходцевъ относится къ общему числу обывателей (на частныхъ земляхъ водворенныхъ) какъ 1,78 : 100 или какъ 1 къ 56 жителямъ.

Таковая огромная пропорція переселеній, сильнѣйшая во всей Европѣ, кромѣ Ирландіи, имѣла послѣдствіемъ, что въ этой странѣ крупнаго землевладѣнія движеніе народонаселенія пріостановилось и число жителей въ нѣкоторые періоды даже уменьшилось въ общей сложности, не смотря на то, что въ городахъ оно очень быстро возрастало; такъ въ теченіи 1851 — 54 г. населеніе уменьшилось на 3,073 души, между тѣмъ какъ въ то же время въ смежныхъ областяхъ Пруссіи годовой приростъ населенія составлялъ 1%. Особенно быстро пустѣли помѣщичьи имѣнія, и въ 7 лѣтъ число жителей, водворенныхъ на частныхъ земляхъ, уменьшилось на 4,770 душъ, въ 1851 г. было 141,466, въ 1856 г. только 136,696. Во всемъ герцогствѣ приращеніе населенія составляло въ 9-лѣтній періодъ 1849 — 58 г. всего 7,754 души, а такъ какъ въ это время число новорожденныхъ превышало число умершихъ на 66,419, то надо заключить изъ этой разницы (66,419 — 7,754 = 58,665), что послѣднее число 58,665 означаетъ людей выселившихся, бѣжавшихъ или пропавшихъ безъ вѣсти.

Такимъ образомъ подъ глазами всей высокообразованной Германіи, въ нѣсколькихъ часахъ переѣзда изъ Берлина, Гамбурга и другихъ первопрестольныхъ столицъ нѣмецкой культуры, и не въ средніе вѣка феодальнаго владычества, а во второй половинѣ XIX-го столѣтія, происходитъ и развивается систематическое выселеніе сельскихъ обывателей, и въ такихъ размѣрахъ,

что естественный законъ приращенія рода человѣческаго пріостановленъ распоряженіями привиллегированнаго помѣстнаго сословія.

VII.

Чтобы разъяснить настоящій характеръ европейской эмиграціи, мы должны изслѣдовать, изъ какихъ слоевъ общества и классовъ народа она набирается; мы уже выше замѣтили, что ошибочно было бы воображать себѣ, что эмиграція выноситъ изъ густо-населенныхъ странъ тѣ слои населенія, которые ихъ наиболѣе обременяютъ, то есть тотъ разрядъ бѣднѣйшихъ нищихъ обывателей, которые не имѣютъ никакихъ средствъ пропитанія; этотъ послѣдній низшій классъ неимущихъ очень мало участвуетъ въ эмиграціонномъ движеніи и остается на мѣстахъ жительства по неимѣнію средствъ для путевыхъ расходовъ. Главная масса переселенцевъ состоитъ изъ другаго высшаго разряда людей, тоже очень бѣдныхъ, но успѣвшихъ скопить посредствомъ усиленной работы, строгой бережливости или отъ распродажи своего домашняго скарба сумму или часть суммы, нужной для переселенія и перваго водворенія.

По отчетамъ англійской колоніальной коммиссіи въ 1859 году изъ общаго числа 120 тысячъ эмигрантовъ, потребовали пособія отъ казны только. 12,978
Переселились на собственный свой счетъ 107,634
Изъ этого числа было простыхъ рабочихъ. . . . 23,286
Мастеровъ и ремесленниковъ. 3,402
Фермеровъ 4,439
Служанокъ и нянекъ 7,109
Разночинцевъ 1,454

Въ Виртембергѣ въ 1869 году изъ общаго числа эмигрантовъ 3,429 было:

Земледѣльцевъ 880
Фабричныхъ и ремесленниковъ 1,794
Купцовъ и торговцевъ 271

Въ этихъ числахъ показаны только взрослые люди и домохозяева, кромѣ женъ и дѣтей, и изъ нихъ видно, что около по-

ловины переселенцевъ въ Англіи и болѣе $^2/_3$ въ Виртембергѣ принадлежитъ къ среднимъ классамъ ремесленнымъ и торговымъ.

Расходы, нужные на переселеніе въ Соединенные Штаты, слагаются изъ слѣдующихъ статей: 1) Фрахтъ пассажира и дорожное его продовольствіе, которые расчитываются изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ въ 4 фунта ст. (28 р.), изъ Пруссіи 41 тал., изъ Южной Германіи 92 гульд. (55 р.). 2) Расходовъ на прожитіе въ Америкѣ перваго времени, полагая примѣрно 2 — 3 недѣли до пріисканія службы и работы и на первоначальное обзаведеніе. На все это вмѣстѣ съ фрахтомъ полагается изъ Англіи 15 — 22 фун. (105 — 154 р.), изъ сѣверной Германіи 195 тал. (195 р.), изъ южной 424 гульд. (около 250 р.).

При переселеніяхъ, производившихся на казенный счетъ, въ Англіи считали 22 фунта стерл. на душу для переѣзда и водворенія въ Канадѣ, и изъ этой суммы (154 руб.) закупалось для каждой семьи по 1 коровѣ, нѣсколько сѣмянъ для посѣва и провіантъ на 12 мѣсяцевъ. Въ Виртембергѣ выдавалось переселяемымъ изъ казны при отправкѣ 11 гульденовъ, на путевые расходы 70 и при пріѣздѣ въ Америку 11, итого 92 гульд.; пособія эти были впрочемъ очень недостаточны и пополнялись изъ общественныхъ суммъ.

Изъ этого видно, что для семейнаго домохозяина, полагая въ средней сложности 4 души въ семействѣ, нужна сумма изъ Англіи около 600 руб., изъ Пруссіи 800, изъ Баваріи и Бадена 1,000; и Американцы дѣйствительно показываютъ, что каждый эмигрантъ привозитъ съ собой среднимъ числомъ (за исключеніемъ Ирландцевъ) около 280 руб.

Въ Пруссіи по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1849 г. вывезено было:

8,780 эмигрантами	1,713,730 тал.
На одного выходитъ.	195 „
Въ 4 г. съ 1858 по 1861 г.	
24,359 эмигрантами. . . .	13,311,815 „
На одного приходится	546 „

Въ Баваріи въ 25 лѣтъ (1835 — 1860 г.) насчитано у 244,232 эмигрантовъ всего имущества, вывезеннаго въ Америку, 61,937,487 гульд., что составляетъ на одного 249 гульд. = 149 рублей.

Въ Виртембергѣ въ 3 года 1858, 1859 и 1869 было 12,828

эмигрантовъ и при нихъ имущества 5,934,277 гульд., на одного 462 гульд. = 277 руб.

Въ Баденѣ было:

	Переселенцевъ.	У нихъ имущества. Гульд.	Выдано пособій. Гульд.	На одного приходилось: имущества.	пособій.
Съ 1840 — 1849 г.	23,996	5,700,880	176,363		
» 1850 — 1855 »	62,444	7,529,417	1,601,783		
» 1840 — 1865 »	104,998	17,015,207	1,951,830		

И такъ по показаніямъ оффиціальнымъ, большею частью собраннымъ отъ самихъ эмигрантовъ, они вывозятъ среднимъ числомъ на голову отъ 149 р. (по свѣдѣніямъ изъ Баваріи) до 544 р. (въ Пруссіи). Но разумѣется, что эти показанія гораздо ниже дѣйствительности, ибо большая часть вывозимаго имущества ускользаетъ отъ исчисленій правительственныхъ агентовъ, и значительный процентъ эмигрантовъ вовсе скрывается въ нѣмецкихъ земляхъ отъ правительства. Въ Баденѣ, гдѣ, какъ сказано, эмиграція поощряется, все-таки оказывается, что въ 25 лѣтъ (1840 – 65) противъ 104 т. вольныхъ переселенцевъ было приблизительно около 60 т. тайныхъ (heimliche) и у нихъ полагалось примѣрно имущества около 19 мил. гульденовъ. Если принять общій итогъ нѣмецкой эмиграціи съ 1815 по 69 г. въ 3 милліона, то по расчетамъ нѣмецкихъ экономистовъ, капиталъ, вывезенный ими изъ Германіи, долженъ приблизительно составить около 1½ милліярд. талеровъ.

VIII.

Эта общая характеристика эмиграціи еще подтверждается другимъ фактомъ, — громадная сумма денегъ высылается переселенцами обратно изъ Америки, отчасти для вспомоществованія своимъ родственникамъ, отчасти для помѣщенія въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Очевидно, что еслибъ эмигранты были большею частью разгульные бродяги, какъ ихъ обыкновенно обзываютъ иные публицисты, то они бы не заботились о бѣднякахъ, оставшихся на родинѣ, и прогуливали бы заработанныя деньги въ своемъ новомъ отечествѣ; очевидно также, что еслибъ неимущество было обыкновеннымъ послѣдствіемъ лѣни и праздности, еслибъ бѣдность низшихъ классовъ въ Европѣ слѣдовало

приписывать, какъ это часто дѣлаютъ, винѣ самихъ рабочихъ, ихъ мотовству, пьянству, разгульному житью, то не понятно бы было, чтобы тѣ же люди, переплывъ черезъ море, такъ радикально и внезапно исправлялись бы отъ всѣхъ своихъ пороковъ, и находили средства не только содержать себя безбѣдно, но еще откладывать запасные капиталы и надѣлять ими своихъ родственниковъ [1]).

Суммы, высылаемыя обратно изъ Америки европейскими переселенцами, очень значительны; въ Англіи эмиграціонная коммиссія ведетъ имъ особый счетъ, собирая свѣдѣнія съ почты и отъ банкировъ, черезъ конторы коихъ переводятся денежныя суммы; счетъ этотъ, разумѣется, далеко не полный, такъ какъ въ него не входятъ деньги, пересылаемыя черезъ частныя руки, и многіе банкирскіе дома, какъ объясняются сами коммиссары въ своихъ отчетахъ, прямо отказываются отъ предъявленія своихъ счетовъ. Такъ какъ въ отчетахъ этихъ ирландскіе эмигранты отдѣляются отъ прочихъ, то для насъ особенно интересно узнать, какія сбереженія могли сдѣлать эти именно переселенцы, составляющіе бѣднѣйшую и слабѣйшую часть всей европейской эмиграціи и самый послѣдній разрядъ рабочихъ классовъ Европы. Въ теченіи 14-ти лѣтъ, съ 1847 по 1860 г., выслана была одними этими путями, по почтѣ и черезъ банкировъ (и не всѣхъ), ирландскими выходцами обратно въ Ирландію громадная сумма 11,214,596 фунтовъ стерлинговъ, или 89,716,768 руб.

Такимъ образомъ оказывается, что эти несчастные Ирландцы, предметъ высокомѣрной жалости своихъ могущественныхъ владыкъ Англичанъ, на которыхъ испоконъ вѣку сыплются нареканія, и большею частью справедливыя, въ пьянствѣ, развратѣ, лѣности и всевозможныхъ порокахъ, что эти же самые люди, переходя изъ той соцьяльной среды, въ которой они родились, въ новую, привольную и просторную, возвращаютъ въ покинутое ими прежнее свое отечество сумму, почти равную той, которую Англія тратитъ на призрѣніе неимущихъ въ Ирландіи; изъ этого, какъ намъ кажется, можно заключить, что европейскій пролетаріатъ и всѣ проистекающія изъ него соцьяльныя язвы исходятъ не изъ

---

[1]) Нельзя также опускать изъ виду, что переселеніе въ новыя страны часто дѣйствуетъ благотворнымъ образомъ на самую нравственность переселенцевъ, освѣжаетъ и перерождаетъ ихъ нравственныя силы. *Ред.*

порочныхъ нравовъ людей и даже не изъ ихъ невѣжества и грубости, а единственно изъ того безпріютнаго и безземельнаго положенія, къ коему они были приговорены во всей Европѣ [1]) и полнѣйшимъ образцомъ коего служитъ Ирландія. Правда, эти блудные сыны зеленаго острова не сразу вступаютъ въ новую колею производительнаго труда и обыкновенно проводятъ первое время своего переселенія въ самомъ буйномъ разгулѣ, гдѣ многіе изъ нихъ окончательно погибаютъ; но вскорѣ высокая задѣльная плата и дешовая цѣна земельныхъ угодій имъ указываютъ другой житейскій путь; они удаляются изъ вертеповъ приморскихъ городовъ, углубляются въ степи и лѣса и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ прилежнаго труда, получаютъ возможность поселиться на собственныхъ купленныхъ земляхъ.

IX.

Мы должны еще разъ возвратиться къ одному обстоятельству, весьма важному для характеристики эмиграціоннаго движенія въ Европѣ, а именно къ главной чертѣ различія между переселеніями изъ Англіи и изъ Германіи.

Въ Англіи и особенно въ Ирландіи они происходятъ почти исключительно подъ вліяніемъ одной причины— аграрнаго строя англійской земли, неопредѣленности арендныхъ условій, полновластія вотчинниковъ, ландлордовъ и обезземеленья крестьянскаго сословія.

Въ Германіи вліяютъ на эмиграцію двѣ причины, одинаково сильныя: во-первыхъ, отчасти, хотя и въ меньшей степени, тѣ же самыя, какъ и въ Англіи, неправильное распредѣленіе поземельнаго владѣнія, чрезмѣрное преобладаніе землевладѣльческаго элемента и постепенное поглощеніе крестьянскихъ имуществъ дворянскими помѣстьями во всей сѣверной части Германіи, въ Мекленбургѣ, Помераніи и другихъ; но кромѣ того, сильное дѣйствіе на эмиграцію имѣетъ и воинская повинность, организован-

---

[1]) Кромѣ Великобританіи, было бы, кажется, правильнѣе говорить о *малоземеліи*, чѣмъ о безземеліи земледѣльческаго класса въ западной Европѣ, такъ какъ въ континентальной Европѣ крестьянское народонаселеніе всюду имѣетъ усадьбы и земли въ своей собственности. *Ред.*

ная въ Германіи, какъ извѣстно, на началахъ всесословной обязательной службы.

Вся категорія такъ называемыхъ тайныхъ выходцевъ (heimliche Auswanderer) принадлежитъ къ этимъ классамъ очередныхъ рекрутъ (militär-pflichtige), бѣжавшихъ отъ германской культуры, когда она сдѣлалась такъ взыскательна, что потребовала для своей обороны поголовнаго ополченія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, гдѣ милитаризмъ особенно развитъ и гдѣ военныя силы содержатся въ полномъ комплектѣ, переселенцы-дезертиры были уже и до послѣднихъ войнъ очень многочисленны.

Въ Пруссіи ихъ считалось по оффиціальнымъ спискамъ въ 1856—1864 г., всего за 9 лѣтъ, 48,576, цѣлый армейскій корпусъ. Въ Баваріи въ 19 лѣтъ (1851—1869 г.)—35,997. Но пропорція эта значительно усилилась послѣ военныхъ реформъ, предпринятыхъ Пруссіей и по ея настоянію введенныхъ въ прочихъ государствахъ Германіи, и хотя общія свѣдѣнія объ этомъ щекотливомъ для народнаго самолюбія предметѣ не публикуются, но по отрывочнымъ показаніямъ нѣкоторыхъ сельскихъ и городскихъ обществъ можно судить о возрастающей прогрессіи этого рода переселеній: въ 1868 г. изъ одного округа (Apenrade) бѣжало въ Данію 889 людей, подлежащихъ военной повинности: въ другомъ (Flensburg) изъ 977 очередныхъ рекрутъ собралось къ жеребью только 240, изъ коихъ годныхъ оказалось 36! всѣ прочіе 737 были въ бѣгахъ. Въ сельскихъ (округахъ) обществахъ того же округа изъ 937 призванныхъ явилось 543 и принято было 83!

Въ Данцигѣ уголовная палата приговоромъ 17-го іюля 1869 г. присудила 187 человѣкъ къ тюремному заключенію за уклоненіе отъ рекрутской повинности и самовольную отлучку. Въ городахъ Sensburg'ѣ бѣглыхъ оказалось 526, въ Marienwerder'ѣ 104, въ Торнѣ 212, въ Graudenz'ѣ 115— всего въ 8 округахъ не явилось 3,164 очередныхъ рекрутъ.

Въ 1869 году показано людей, уклонившихся отъ военной службы (refracteurs), въ 10 округахъ 2,484; въ 1870 г. въ 7 округахъ 1,389 Каждый изъ этихъ округовъ (Kreise) имѣетъ въ средней сложности около 50,000 жителей, и такихъ округовъ всего въ Пруссіи 400; если принять среднее число людей, уклонившихся отъ призыва, въ 250 на одинъ округъ (а въ 1868 г. оно было больше), то на всю Пруссію приходится въ годъ 100,000.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ нѣмецкихъ журналахъ, эмиграціонное движеніе возросло въ Германіи въ послѣдніе годы до 150,000 человѣкъ, и надо предвидѣть, что оно не остановится, покуда не пріостановится и развитіе военной организаціи Германской имперіи.

И такъ, переселенія имѣютъ два различныя значенія въ Англіи и на континентѣ; въ первой, гдѣ воинской повинности не существуетъ, они происходятъ исключительно подъ вліяніемъ аграрныхъ и соціяльныхъ замѣшательствъ; но въ Германіи къ нимъ еще присоединяется и политическая причина, тяжкій гнетъ всесословной военной службы. Въ сущности и эта вторая причина совпадаетъ съ первой, такъ какъ уклониться отъ рекрутской повинности посредствомъ бѣгства и выселенія могутъ только тѣ изъ обывателей, которые не владѣютъ недвижимымъ имуществомъ; вотъ почему въ великороссійскихъ губерніяхъ при осѣдлости и домовитости всѣхъ крестьянъ случаи побѣга отъ рекрутскаго набора гораздо рѣже, чѣмъ въ остзейскихъ и западныхъ губерніяхъ, гдѣ подъ вліяніемъ иныхъ историческихъ сословныхъ отношеній завелся многолюдный классъ безземельныхъ батраковъ; такимъ образомъ выходитъ, что большая часть бездомныхъ пролетаріевъ находятъ возможность укрыться временно или даже навсегда отъ рекрутской очереди и что бремя этой повинности ложится всякій разъ съ большею тяжестью на имущественные классы, потому что имъ бѣжать отъ своихъ домовъ и земель некуда.

Если еще при этомъ вспомнить сказанное выше, что англійскіе эмигранты, переѣзжая въ Америку или даже въ Австралію, перемѣщаются въ среду имъ вообще родственную и сохраняютъ близкія сношенія съ своей родиной, между тѣмъ какъ Нѣмцамъ, бѣжавшимъ изъ отечества и присужденнымъ заочно къ уголовной казни, всякій путь возвращенія прегражденъ, то понятно, что эмиграція въ тѣхъ громадныхъ размѣрахъ, которые она приняла въ послѣднее время, внушаетъ въ Германіи гораздо болѣе опасеній, чѣмъ въ Англіи. Нѣмецкіе экономисты, сравнивая это явленіе въ двухъ странахъ, называютъ англійскую эмиграцію — колонизаціонною (Kolonisatorische Auswanderung), имѣющею болѣе характеръ перемѣщенія, перехода, чѣмъ выселенія, выхода; и дѣйствительно, если принять въ соображеніе, что главное затрудненіе хозяйственнаго быта въ Англіи есть избытокъ рабочихъ силъ и дороговизна предметовъ потребленія, то эмиграція служитъ лучшимъ

средствомъ для возстановленія равновѣсія между предложеніемъ и спросомъ на него, если при томъ рабочія и производительныя силы не теряются государствомъ и только перечисляются изъ одной области въ другую, изъ метрополіи въ колоніи. Но у насъ въ Германіи (такъ пишутъ нѣмецкіе экономисты) дѣло представляется иначе; наши выходцы, переселяясь въ Россію, Америку, Австралію, составляютъ безвозвратную утрату для своего отечества и своей народности; они дѣлаются производителями и поставщиками другихъ народовъ и даже соперниками и врагами своихъ прежнихъ соотечественниковъ, и единственное средство для спасенія нашей національной культуры отъ постепеннаго истощенія (такъ заключаютъ эти экономисты) есть пріобрѣтеніе собственно германскихъ колоній, въ малонаселенныхъ областяхъ Венгріи, Турціи, Австріи, колоній, которыя служили бы вмѣстѣ и твердымъ оплотомъ противъ всякихъ покушеній славянскихъ племенъ (ein festes Bollwerk gegen jede Slavengefahr).

Къ этимъ словамъ германскаго ученаго (Wilhelm Roscher, Die Grundlagen der National-Oeconomie. 8 Auflage § 260) мы позволимъ себѣ прибавить отъ себя нѣсколько дополнительныхъ соображеній. Напрасно надѣются публицисты германскаго племени помочь своему горю занятіемъ чужихъ земель подъ нѣмецкія колоніи; мы выше уже видѣли, и всѣ новѣйшія статистическія изслѣдованія это подтверждаютъ, что большая часть эмигрантовъ уходятъ изъ Германіи отъ двухъ причинъ: отъ безземелья и отъ воинской повинности; поэтому если бы въ нѣмецкихъ колоніяхъ удержалась та же военная организація, какъ въ Германіи, то эмиграція все-таки же не перемѣнила бы своего теченія и продолжала бы идти въ тѣ страны, гдѣ имѣются пустыя земли и нѣтъ военной службы; если же, что крайне сомнительно, нѣмецкое правительство рѣшилось бы дать колонистамъ льготу отъ рекрутскихъ наборовъ, то, правда, колоніи населились бы мгновенно, но Германская имперія могла бы остаться безъ армій.

И такъ, надо признать, что средняя Европа находится въ отношеніи къ эмиграціи въ положеніи крайне затруднительномъ; и если съ одной стороны избытокъ рабочихъ и культурныхъ средствъ, густота народонаселенія и малоземелье указываютъ ей, какъ и Англіи, на переселеніе, какъ на единственное средство исправить это чрезмѣрное пресыщеніе — то съ другой стороны шаткость политическаго положенія германскаго племени, окруженнаго съ запада и востока непріязненными народами, и необхо-

димость поддержать свою военную силу въ полномъ составѣ, заставляютъ ее сопротивляться переселеніямъ и преслѣдовать самовольную отлучку, какъ военное и государственное преступленіе. Поэтому можно сказать, что положеніе Англіи въ отношеніи къ эмиграціонному вопросу есть нормальное, правильное, такое, что оно можетъ быть регулировано и при нѣкоторомъ содѣйствіи правительства имѣть очень полезное вліяніе на улучшеніе хозяйственнаго быта народа, водворяемаго на новыхъ привольныхъ мѣстахъ жительства. Въ Германіи, напротивъ, съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ, вопросъ этотъ намъ кажется безъисходнымъ, ибо, поощряя и облегчая эмиграціонное движеніе въ виду хозяйственныхъ интересовъ одной части жителей, нѣмецкое племя вмѣстѣ съ тѣмъ должно отрекаться отъ другой части населенія и терять безвозвратно, уступать другимъ странамъ и народамъ лучшую, бодрую и трудолюбивую часть своихъ рабочихъ классовъ.

X.

Такъ какъ мы имѣли въ виду не полное описаніе эмиграціоннаго движенія, а только указаніе главныхъ его свойствъ и вліянія на общественный бытъ, то мы отмѣтили главныя черты, которыя мы считаемъ нужнымъ изложить здѣсь:

I. Европейская эмиграція приняла особенный характеръ нормальнаго, періодическаго явленія только съ начала настоящаго столѣтія и съ тѣхъ поръ развивается прогрессивно, достигнувъ повидимому максимума въ Англіи, но еще постоянно усиливаясь въ Германіи и другихъ странахъ средней Европы, такъ что это движеніе находится еще въ періодѣ развитія и, вѣроятно, при быстромъ усовершенствованіи путей сообщенія приметъ вскорѣ еще большіе, небывалые размѣры.

II. Главнѣйшимъ побужденіемъ къ переселенію оказывается не столько абсолютная густота населенія, сколько стѣсненіе, причиняемое одними классами народа другимъ вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія поземельной собственности, и большая часть выходцевъ принадлежатъ къ тѣмъ областямъ Англіи и Германіи, гдѣ населеніе менѣе густо, чѣмъ въ другихъ, но гдѣ помѣстное сословіе завладѣло большею частью территоріи. Такими главными источниками эмиграціи, гдѣ ежегодныя переселенія достигли уже

пропорціи 1% всѣхъ жителей, являются все такія страны или провинціи, въ коихъ крупное землевладѣніе и вотчинныя права преобладаютъ и поддерживаются законодательствомъ или помимо закона вліяніемъ и происками помѣстнаго сословія, а именно Ирландія, горная Шотландія, Мекленбургское, Гессенъ-Кассельское герцогства и другія.

III. Большинство эмигрантовъ состоятъ не изъ бѣднѣйшихъ, нищихъ, чернорабочихъ, а изъ ремесленниковъ, торговцевъ, фермеровъ и вообще людей не вовсе еще разоренныхъ и неимущихъ, но сохранившихъ еще нѣкоторый достатокъ, нѣкоторыя сбереженія, которыя они спѣшатъ помѣстить въ другихъ странахъ, не находя выгоднаго помѣщенія въ своихъ отечествахъ.

IV. Люди эти составляютъ, безспорно, лучшую часть рабочихъ классовъ, самую бережливую, трудолюбивую и бодрую. Это ясно доказывается, во-первыхъ, крупными цифрами суммъ, вывозимыхъ эмигрантами, отъ 280 до 546 руб. на душу, и во-вторыхъ, громадными сбереженіями, которыя они реализируютъ въ Америкѣ и отчасти высылаютъ обратно въ Европу.

На этихъ главныхъ чертахъ европейской эмиграціи мы просимъ читателя остановить свое вниманіе.

XI.

Мы собственно имѣли въ виду предпослать этотъ обзоръ прочимъ предметамъ нашихъ изслѣдованій только какъ вступленіе или предисловіе къ предположенному нами сочиненію о землевладѣніи, и описать главныя черты эмиграціоннаго движенія, какъ доказательство дѣйствительнаго глубокаго разстройства соцьяльныхъ отношеній въ Европѣ.

Мы хотѣли при этомъ опровергнуть мнѣніе, очень распространенное между поверхностными наблюдателями народной жизни, мнѣніе, будто бы соцьяльныя смуты происходятъ исключительно отъ ложнаго пониманія самими рабочими своихъ интересовъ, отъ подстрекательства неблагонамѣренныхъ людей, волнующихъ народныя толпы, и вообще отъ искуственныхъ и насильственныхъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ настоящимъ улучшеніемъ народнаго быта.

Что разстройство этого быта глубокое, что оно не вымышленный или преувеличенный предлогъ, а дѣйствительная причина дѣйствительнаго неудовольствія — это, какъ намъ кажется, свидѣтельствуетъ и подтверждаетъ эмиграція — фактами и числовыми данными.

Факты эти не раскрываютъ еще въ полномъ объемѣ всей язвы пауперизма; для полнѣйшаго изслѣдованія европейскаго пролетаріата надо бы къ списку эмигрантовъ приложить еще списки призрѣваемыхъ и неизвѣстное число негласныхъ нищихъ, не попадающихъ ни въ число эмигрантовъ, ни въ заведенія общественнаго призрѣнія, уволенныхъ по неимуществу (pour cause d'indigence) отъ всякихъ податей и сборовъ, и много другихъ категорій, ускользающихъ отъ всякихъ исчисленій.

Но изъ всѣхъ этихъ многоразличныхъ проявленій и послѣдствій неимущества, самый достовѣрный матеріалъ для изслѣдованій его причинъ даетъ намъ эмиграція.

Она, во-первыхъ, доказываетъ, что гнетъ безземельнаго состоянія сдѣлался для простаго народа такъ невыносимъ, что онъ предпочитаетъ страшный рискъ переселенія, и тяжкій трудъ водворенія на новыхъ мѣстахъ, всѣмъ удобствамъ жизни въ благоустроенныхъ государствахъ стараго свѣта. Во-вторыхъ, она же, эмиграція, указываетъ, отчего люди бѣгутъ изъ своихъ отечествъ и чего они ищутъ: они уходятъ отъ тѣхъ порядковъ, которые лишили ихъ осѣдлости, отобрали у нихъ земли и предали ихъ произволу землевладѣльцевъ и капиталистовъ, и ищутъ за морями, за океанами ничего болѣе, какъ участка земли, или такой работы, которая дала бы возможность пріобрѣсть на заработанныя деньги уголокъ полевыхъ угодій за дешовую цѣну, съ избой, дворомъ и огородомъ.

Наконецъ, эмиграція даетъ намъ еще и третье указаніе, важнѣйшее изъ всѣхъ, что этотъ классъ неимущихъ чернорабочихъ не состоитъ изъ такихъ разгульныхъ или лѣнивыхъ негодяевъ, какъ обзываютъ ихъ очень часто европейскіе правители и публицисты, или покрайней мѣрѣ, что ихъ порочность скорѣе должна быть приписана той общественной средѣ, въ которой они были замкнуты, чѣмъ имъ самимъ и ихъ природному нраву; иначе непонятно бы было, чтобы люди, праздношатающіеся по кабакамъ и непотребнымъ домамъ европейскихъ городовъ, внезапно исправлялись при переходѣ въ другія страны и, подымая нови, корчуя пни, или разчищая лѣса, превращались бы въ трудолюбивыхъ и бережливыхъ домохозяевъ и заботливыхъ отцовъ семейства, вы-

сылающихъ милліонныя суммы обратно въ Европу на прокормленіе своихъ отсталыхъ братьевъ или престарѣлыхъ родителей.

Эти данныя должны служить исходными положеніями для дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій; они свидѣтельствуютъ о фактѣ, который насъ поражаетъ своею многознаменательностію, а именно, что соцьяльныя смуты, волнующія современную Европу, имѣютъ положительное *основаніе* и опредѣленную *цѣль*; *основаніе* ихъ то, что большая часть народовъ этой части свѣта находится въ состояніи вѣчной рабочей кабалы, не имѣя осѣдлости и собственности и работая весь свой вѣкъ изъ рода въ родъ на другихъ, на хозяевъ — *цѣль* ихъ, отчасти безсознательно проявляющаяся въ эмиграціи, есть стремленіе къ пріобрѣтенію недвижимаго имущества въ полную собственность, стремленіе, которое въ Европѣ удовлетворено быть не можетъ по относительной дешевизнѣ труда и дороговизнѣ недвижимыхъ имуществъ вообще и поземельной собственности въ особенности. [1])

---

[1]) Въ заключеніе этого любопытнаго очерка одного изъ крупнѣйшихъ соцьяльныхъ явленій современной Европы, мы позволимъ себѣ замѣтить, что переселеніе есть всемірно-историческій фактъ, который сопутствуетъ, въ томъ или другомъ видѣ, въ той или другой степени, всѣ періоды исторіи, и безъ котораго были бы даже немыслимы развитіе и распространеніе человѣческой культуры. Поэтому нельзя смотрѣть на эмиграцію, въ общей ея совокупности, какъ на болѣзненное и аномальное явленіе, хотя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оно и вызывается недугами и неустройствами общества. И такъ, почтенный авторъ совершенно правъ, разсматривая движеніе западно-европейской эмиграціи какъ послѣдствіе болѣе или менѣе неудовлетворительныхъ соцьяльныхъ и политическихъ условій каждой страны, но тѣмъ не менѣе она исторически необходима и благодѣтельна для распространенія европейской цивилизаціи въ другихъ частяхъ свѣта. *Ред.*

БАНКОВЫЕ ЗАКОНЫ
И
БАНКОВАЯ ПОЛИТИКА

Н. Х. БУНГЕ,

ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

I.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ.

Вопросы, подлежащіе рѣшенію банковаго законодательства, не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, въ теченіи долгаго времени, относились къ опредѣленію положенія и правъ правительственныхъ или привилегированныхъ кредитныхъ учрежденій. На западѣ, къ важнѣйшимъ правамъ такихъ банковъ относился выпускъ оборотныхъ билетовъ и одна изъ первыхъ задачъ банковой политики состояла въ обезпеченіи свободнаго и безостановочнаго размѣна билетовъ на монету. Но вмѣстѣ съ развитіемъ частной предпріимчивости и кредитнаго хозяйства, кругъ предметовъ, входящихъ въ область банковаго законодательства, значительно разширился: экономическая политика коснулась не только опредѣленія мѣры участія частныхъ непривилегированныхъ банковъ въ сдѣлкахъ, составлявшихъ достояніе казенныхъ и монопольныхъ кредитныхъ учрежденій, не только регулированія банковаго обращенія, но также условій для учрежденія банковъ, отвѣтственности ихъ участниковъ передъ публикою, свойства и

размѣра производимыхъ операцій, отношенія послѣднихъ къ складочному капиталу и къ банковой наличности и пр. На этотъ путь вступили сначала законодательства Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, потомъ Франціи, Германіи и Россіи, и замѣчательно, что не только практика, но даже теорія очень долго не настаивали на примѣненіи начала laissez faire и притомъ въ то время, когда школа свободы промышленности господствовала на каѳедрахъ и въ совѣтахъ государственныхъ людей. Только съ половины настоящаго столѣтія ученіе о „свободѣ банковъ“ пріобрѣтаетъ многочисленныхъ послѣдователей, къ числу которыхъ относится извѣстный нѣмецкій экономистъ А. Вагнеръ. Въ статьѣ своей, помѣщенной въ словарѣ Ренцша (Handwörterbuch der Volkswirthschaftslehre v. Dr. Rentsch. 1870) Вагнеръ устанавливаетъ слѣдующія основанія банковой политики.

1) „Государство не должно ни поощрять учрежденіе банковыхъ товариществъ, ни препятствовать ихъ возникновенію.“

2) „Къ банкамъ слѣдуетъ примѣнять общій законъ о товариществахъ или объ акціонерныхъ обществахъ.“

3) „Нѣтъ никакого повода примѣнять къ банковымъ пайщикамъ начала неограниченной имущественной отвѣтственности.“

4) „Законъ объ акціонерныхъ товариществахъ, въ примѣненіи къ банкамъ, долженъ требовать: а) большей гласности, и согласно съ этимъ періодической и возможно частой публикаціи банковыхъ счетовъ (Status), а также представленія годовыхъ или даже полугодовыхъ отчетовъ, и б) подчиненія банковаго управленія личной отвѣтственности за неточности въ публикуемыхъ счетахъ и отчетахъ. Полезно установить за этимъ правительственный контроль.“

5) „Государству не слѣдуетъ вмѣшиваться въ составленіе банковыхъ уставовъ. Въ общемъ банковомъ законѣ должны содержаться лишь извѣстныя общія обязательныя для банковъ постановленія, напр. относительно гласности. Затѣмъ банки должны подлежать общимъ законамъ; государство не должно запрещать банку занятіе тѣми или другими операціями, опредѣлять способъ веденія и размѣры послѣднихъ. Государство не можетъ подчинить банки вполнѣ необходимому матеріальному контролю; онъ только ослабитъ отвѣтственность директоровъ и предусмотрительность банковыхъ вѣрителей. Многія изъ обыкновенныхъ предписаній банковыхъ уставовъ, введенныя государствомъ, сами по себѣ не имѣютъ ни какой цѣли; другія, внушенныя добрымъ намѣреніемъ,

не осуществляются этимъ путемъ. Поэтому государству не слѣдуетъ запрещать банкамъ спекуляціи фондами за свой счетъ, или покупки собственныхъ акцій, а также установлять опредѣленное отношеніе между обязательствами банка (напр. депозитами) и собственнымъ капиталомъ или кассовою наличностію, вообще же опредѣленнаго размѣра покрытіе для пассива. Государство должно предоставить банкамъ опредѣленіе величины складочнаго капитала, накопленія и ежегоднаго приращенія своего резервнаго фонда, порядокъ распредѣленія чистаго дохода, открытіе отдѣленій, назначеніе условій для пріема вкладовъ, для учета, для ссудъ подъ залоги, и пр.“

6) „Государство не должно давать банкамъ особыхъ юридическихъ правъ, изъятій изъ общегражданскаго и торговаго права и финансовыхъ преимуществъ.“

7) „Государство должно отказаться отъ матеріальнаго контроля и отъ надзора за банками.“

Приведенныя положенія, излагая программу промышленной свободы въ самомъ широкомъ объемѣ, содержатъ въ себѣ совершенно вѣрное теоретическое начало: свобода составляетъ необходимое условіе для развитія хозяйственной жизни и для врачеванія экономическихъ недуговъ; но слѣдуетъ замѣтить, что обществу необходимо дорасти до умѣнья пользоваться свободою и ея цѣлебною силою. Банковая свобода плодотворна только тамъ, гдѣ масса населенія въ состояніи составить себѣ правильное сужденіе о дѣятельности банковъ; гдѣ лица, принимающія непосредственное участіе въ основаніи кредитныхъ учрежденій, относятся къ дѣлу совершенно трезво, безъ увлеченій, съ правильною оцѣнкою послѣдствій того или другого образа дѣйствій. Банки суть такія учрежденія, которыя втягиваютъ въ свою сферу интересы не единичныхъ лицъ, но цѣлыхъ группъ населенія и даже всего общества; ихъ вліяніе на промышленность и на народное хозяйство оказывается всеобъемлющимъ, ихъ увлеченія и ошибки отзываются на экономической дѣятельности цѣлой страны и часто простираются за предѣлы послѣдней; наконецъ банки легко обращаются въ средство для спекуляціи, для легкой наживы на счетъ народной производительности и народныхъ сбереженій. Вотъ почему въ дѣлѣ банковомъ нельзя ограничить роль государства невмѣшательствомъ; вотъ почему нельзя обойтись безъ законодательства, установляющаго извѣстныя границы для дѣятельности кредитныхъ учрежденій. Законъ, насколько это бываетъ возможнымъ, долженъ

оградить безопасность ввѣряемыхъ банкамъ капиталовъ, обезпечить правильное и постоянное содѣйствіе кредита промышленности, устранить спекулятивную эксплуатацію народнаго достоянія ловкими игроками, скрывающимися подъ личиною меценатовъ предпріимчивости, раздавателей кредита; наконецъ самая широкая свобода не исключаетъ юридическихъ нормъ, установляемыхъ не ради стѣсненія частныхъ лицъ, общественной ихъ дѣятельности, а въ видахъ доставленія каждому возможности пользоваться тѣми правами, которыя ему предоставлены.

Но тамъ, гдѣ начинается юридическая организація хозяйственнаго порядка, возникаютъ величайшія практическія трудности. Законъ долженъ соотвѣтствовать уровню гражданскаго и экономическаго развитія общества; онъ долженъ ограждать возможное пользованіе свободою; онъ долженъ имѣть въ виду опредѣленныя цѣли, признанныя благотворными, и примѣнять средства, которыми онѣ могутъ быть достигнуты, безъ всякаго ущерба для законныхъ интересовъ частныхъ или общественныхъ.

Долгій, купленный дорогою цѣною опытъ показалъ, что ошибочная экономическая политика и основанное на ней законодательство нерѣдко останавливаютъ промышленное развитіе страны, вводятъ безполезныя стѣсненія, оставляютъ безъ должнаго вниманія требованія, возникающія въ обществѣ; наконецъ, преслѣдуя цѣли очевидно полезныя средствами совершенно недѣйствительными, приносятъ только одинъ вредъ, поселяя въ умахъ публики обманчивое убѣжденіе, что уставъ банка охраняетъ кліентовъ послѣдняго отъ всякихъ потерь.

II.

ДВИЖЕНІЕ БАНКОВОЙ СИСТЕМЫ ВЪ РОССІИ.

Изъ предъидущаго явствуетъ, что потребность въ законодательствѣ, регулирующемъ устройство частныхъ банковъ, возникала всегда и вездѣ, вслѣдъ за ихъ появленіемъ; въ Россіи она явилась послѣ преобразованія кредитныхъ установленій въ 1859 — 1860 годахъ. Не касаясь обстоятельствъ, которыя вызвали это преобразованіе, слѣдуетъ замѣтить, что русская банковая система до начала 1860 годовъ имѣла исключительно государ-

ственное, можно сказать, казенное устройство. Сводъ Законовъ 1857 г. отличаетъ кредитныя установленія *государственныя*— общія и мѣстныя (приказы общественнаго призрѣнія), и *частныя*, какъ общественныя, такъ и учрежденныя частными людьми. Къ частнымъ отнесены городскіе общественные банки, для которыхъ былъ изданъ первый нормальный уставъ 10 іюня 1857 года.

Такихъ частныхъ банковъ, т. е. общественныхъ и учрежденныхъ частными лицами (за исключеніемъ дворянскихъ банковъ и кредитныхъ кассъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, а также крестьянскихъ кассъ подъ разными названіями у казенныхъ крестьянъ, въ военныхъ поселеніяхъ и пр.) существовало въ 1857 г. всего 21; основной капиталъ ихъ, въ общей сложности, едвали превышалъ полмилліона рублей. При незначительности основнаго капитала, при тѣсномъ кругѣ дѣятельности большей части прежнихъ частныхъ банковъ (нѣкоторые изъ нихъ были учреждены въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ), вліяніе ихъ на промышленность и на торговлю Россіи было ничтожно. Государство сохраняло за собою вполнѣ банковую монополію и относительно выпуска кредитныхъ орудій обращенія, и относительно производства банковыхъ операцій. Предоставивъ закономъ 1857 г. Министру Финансовъ разрѣшать учрежденіе городскихъ общественныхъ банковъ, въ то время, когда впервые были расторгнуты узы, связывавшія частную предпріимчивость, правительство недозволило, однакоже, этимъ банкамъ платить и взимать проценты, соображаясь съ своими средствами и съ положеніемъ денежнаго рынка; оно обязало ихъ руководствоваться нормами, принятыми для государственныхъ кредитныхъ установленій. Опасеніе, что изъ банковъ могутъ потребоваться вклады, внесенные до востребованія, значительно ослабѣвшее въ 1857 г., повидимому не осталось безъ вліянія при введеніи этого ограниченія.

Отсутствіе частныхъ банковъ акціонерныхъ и основанныхъ на началѣ взаимности объясняется впрочемъ не однимъ направленіемъ банковой политики въ правительственной сферѣ. Имъ неблаговолили, это правда; графъ Канкринъ высказывался положительно противъ нихъ; но несомнѣнно, что частные банки не могли возникнуть у насъ въ царствованіе Императора Николая по многимъ другимъ причинамъ; довольно указать на ограниченіе права обязываться векселями (предоставленное только лицамъ торговаго званія), которое отнимало у банковъ, такъ сказать, матеріалъ для учетной операціи, на установившіеся въ самой

торговлѣ обычаи, вмѣсто векселей, выдавать простыя обязательства и вести разсчеты на простой бумагѣ (см. И. Аксакова „Украинскія ярмарки"), наконецъ на трудность соперничать съ государственными кредитными учрежденіями. Эту трудность, конечно, преувеличивали въ 1840-хъ и 1850-хъ годахъ, преувеличивали и въ позднѣйшее время. При переговорахъ объ учрежденіи С.-Петербургскаго частнаго коммерческаго банка, одинъ изъ уважаемыхъ представителей значительнаго столичнаго торговаго дома настаивалъ на невозможности основать частный банкъ безъ пособія со стороны правительства. Никто не разсчитывалъ въ то время на большой приливъ вкладовъ въ частные банки и на возможность пользоваться этимъ средствомъ для кредитныхъ операцій.

Программа, составленная въ 1859 г., когда рѣшено было приступить къ преобразованію существовавшихъ кредитныхъ установленій и къ созданію системы частныхъ банковъ — коммерческихъ и гипотекарныхъ, въ примѣненіи къ дѣлу, была видоизмѣнена въ томъ отношеніи, что правительство отклонило отъ себя только операціи по долгосрочному кредиту, а для кредита краткосрочнаго, вмѣсто коммерческаго банка, учредило государственный, къ которому перешли всѣ операціи его предшественника, сверхъ того завѣдываніе кредитными билетами и ликвидація прежнихъ кредитныхъ установленій, которыя занимались пріемомъ вкладовъ до востребованія и выдачею ссудъ на долгіе сроки [1]). Для частныхъ поземельныхъ банковъ былъ выработанъ нормальный уставъ, который не получилъ утвержденія, но вмѣстѣ съ трудами по этому предмету В. П. Безобразова имѣлъ, однакоже, несомнѣнное вліяніе на развитіе гипотекарнаго кредита въ Россіи. Первымъ банковымъ закономъ, обнародованнымъ послѣ преобразованія кредитныхъ установленій, было положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ, вышедшее въ 1862 г. и дополненное постановленіями 1866 и 1870 годовъ. Съ этого времени, за исключеніемъ дополненій къ положенію о городскихъ общественныхъ банкахъ, не было издано ни одного общаго банковаго закона до 1871, и начала банковаго законодательства вырабатывались при разсмотрѣніи уставовъ банковъ акціонерныхъ и

[1]) Государственному банку предоставлена была впрочемъ ликвидація не займовъ, а вкладовъ, внесенныхъ въ прежнія кредитныя установленія.

обществъ взаимнаго кредита подъ разными названіями. Въ 1871 г. утверждены были въ законодательномъ порядкѣ основанія для банковъ, учреждаемыхъ земствами. Наконецъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 31 мая 1872 г. опредѣленъ былъ порядокъ разрѣшенія банковъ, а также перечислены уставы, по образцу коихъ, съ соблюденіемъ указанныхъ основаній, предоставлено Министру Финансовъ разрѣшать общества взаимнаго кредита, банки коммерческіе и земельные, городскія кредитныя общества и общества для заклада движимостей. Такимъ образомъ, послѣ единственной удавшейся попытки (Положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ) издать нормальныя для банковъ правила, наше законодательство долгое время ограничивалось утвержденіемъ уставовъ отдѣльныхъ кредитныхъ учрежденій, и только послѣ почти десятилѣтняго періода признало возможнымъ установить основныя начала для банковой системы, слагающейся изъ слѣдующихъ видовъ кредитныхъ учрежденій:

А) Изъ банковъ общественныхъ городскихъ и земскихъ.

Б) Изъ банковъ частныхъ:

1) Для долгосрочнаго кредита — а) подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ по преимуществу земледѣльческихъ, съ круговою другъ за друга порукою, и акціонерныхъ (безъ круговой поруки); б) подъ залогъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ — городскихъ кредитныхъ обществъ.

2) Для краткосрочнаго кредита — а) акціонерныхъ коммерческихъ, б) обществъ взаимнаго кредита, в) сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ, на началахъ взаимнаго кредита основанныхъ.

Упомянутыя основныя начала имѣютъ въ виду:

1) Облегченіе порядка, установленнаго для утвержденія банковыхъ уставовъ.

2) Опредѣленіе размѣра основнаго капитала и паевыхъ взносовъ.

3) Присвоеніе банкамъ извѣстной спеціальности, т. е. отдѣленіе кредита краткосрочнаго отъ долгосрочнаго.

4) Опредѣленіе отношенія между основнымъ капиталомъ банка и суммою принятыхъ имъ на себя обязательствъ.

6) Ограниченіе учета соло-векселей.

5) Постановленія о бланковомъ кредитѣ.

7) Распредѣленіе банковой прибыли.

8) Установленіе банковой отчетности.

III.

ОБЛЕГЧЕНІЕ ПОРЯДКА УТВЕРЖДЕНІЯ БАНКОВЫХЪ УСТАВОВЪ.

Облегченія, относительно порядка разрѣшенія банковыхъ учрежденій, состояли въ предоставленіи административной власти, т. е. Министру Финансовъ, права утверждать уставы банковъ. До 1857 г. каждый банковый уставъ разсматривался въ законодательномъ порядкѣ. Со времени изданія положеній для городскихъ общественныхъ банковъ 1857 и 1862 г., предоставлено Министру Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшать учрежденіе такихъ банковъ съ тѣмъ, чтобы Высочайшія Его Императорскаго Величества повелѣнія испрашивались лишь по тѣмъ предметамъ, по которымъ сіе требуется общими узаконеніями и которые не разрѣшаются нормальнымъ положеніемъ о городскихъ общественныхъ банкахъ. Второй шагъ къ разширенію правъ администраціи сдѣланъ былъ закономъ 17 мая 1871 г., по которому предоставлено было Министру Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшать, съ соблюденіемъ утвержденныхъ основаній, банки, проектированные земствами, какъ для краткосрочнаго, такъ и для долгосрочнаго кредита. Одни лишь отступленія отъ указанныхъ основаній подлежали разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ. Наконецъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 31 мая 1872 г. Министру Финансовъ предоставлено утверждать собственною властію уставы акціонерныхъ коммерческихъ банковъ, обществъ взаимнаго кредита, городскихъ кредитныхъ обществъ съ круговою отвѣтственностію заемщиковъ, поземельныхъ банковъ на круговомъ ручательствѣ заемщиковъ основанныхъ, акціонерныхъ поземельныхъ банковъ, обществъ для заклада движимостей. Уставы упомянутыхъ учрежденій, равно измѣненія въ уставахъ существующихъ установленій, утверждаются собственною властію Министра Финансовъ, по перечисленнымъ въ законѣ образцамъ, съ нижеслѣдующими ограниченіями:

1) Министръ Финансовъ утверждаетъ уставы акціонерныхъ банковъ съ основнымъ капиталомъ не свыше пяти милліоновъ рублей.

2) Учрежденіе вновь акціонерныхъ коммерческихъ банковъ въ столицахъ и тѣхъ городахъ, въ которыхъ существуетъ хотя одинъ изъ такихъ акціонерныхъ банковъ, пріостанавливается, впредь до особаго разрѣшенія.

3) При учрежденіи вновь земельныхъ банковъ акціонерныхъ или на круговомъ ручательствѣ заемщиковъ основываемыхъ, соблюдается условіе, чтобы въ одной и той же губерніи не допускалось совмѣстное дѣйствіе болѣе двухъ изъ такихъ банковъ, кромѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита.

Предоставленіе Министру Финансовъ права утверждать банковые уставы освобождаетъ кредитныя учрежденія отъ медленнаго по существу дѣла разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, который сохраненъ для всѣхъ прочихъ акціонерныхъ предпріятій. Медленность имѣла безспорно очень невыгодныя стороны. Успѣхъ всякаго предпріятія, а въ томъ числѣ и банковаго, зависитъ отъ своевременнаго его осуществленія; мѣсяцы и даже годы, протекающіе между временемъ, когда оно было задумано и когда было позволено приведеніе его въ исполненіе, дѣлаютъ иногда несбыточнымъ то, что вначалѣ представляло всѣ шансы успѣха. За тѣмъ, для возникающаго предпріятія очень важна увѣренность въ томъ, въ какой формѣ и съ соблюденіемъ какихъ условій оно можетъ состояться. Всѣ эти неудобства нынѣ устранены. Остается разсмотрѣть въ какой мѣрѣ ограниченія правъ административной власти и установленіе облегченнаго порядка для утвержденія банковыхъ уставовъ могутъ способствовать прочному развитію кредита въ Россіи.

Ограниченіе права Министра Финансовъ утверждать банковые уставы тѣмъ, что онъ не можетъ разрѣшать учрежденіе акціонерныхъ банковъ съ капиталомъ свыше 5 милліон. руб., не можетъ быть признано стѣснительнымъ для народной предпріимчивости и имѣетъ очень понятное основаніе. Банкъ съ капиталомъ свыше 5 милл. составляетъ уже не мѣстное, а государственное предпріятіе, и для такого рода учрежденій санкція законодательной власти можетъ быть не лишнею.

Второе ограниченіе, касающееся числа банковъ акціонерныхъ, не представляетъ столь же очевиднаго мотива. Оно явилось тогда, когда банковая горячка была особенно сильна и какъ разъ наканунѣ реакціи, когда многіе банки, задуманные не для удовлетворенія потребности въ кредитѣ, а ради легкой наживы учредителей на счетъ продажи акцій съ премію, не могли осуще-

ствиться. Главныя, встрѣченныя ими препятствія состояли въ безденежьи, обнаружившемся на рынкѣ, и въ невозможности собрать весь основной капиталъ въ назначенный для сего срокъ. Если правительство имѣло въ виду обуздать этою мѣрою спекуляцію, то едва ли оно устранило послѣднюю, а тѣмъ болѣе вызвавшія ее причины. Запрещеніе основывать банки въ городахъ, гдѣ предшественники ихъ дѣйствовали съ успѣхомъ, повело къ проектированію банковъ въ Псковѣ, въ Каменецъ-Подольскѣ, Бердичевѣ, Керчи и пр., въ городахъ, неимѣющихъ торговаго значенія. Нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій не состоялись, а нѣкоторые изъ тѣхъ, которыя открыли свои дѣйствія, едва ли имѣютъ впереди блестящую будущность. Что же касается причины, вызывающей спекулятивное учрежденіе банковъ, то она заключается, главнымъ образомъ, въ недостаточной конкуренціи между акціонерными банками и въ возможности извлекать изъ дѣла слишкомъ большія прибыли; между тѣмъ устраненіе конкуренціи можетъ только усиливать монопольную прибыль. Наконецъ, если упомянутое ограниченіе имѣетъ въ виду упрочить положеніе существующихъ банковъ, то едва ли промышленность выигрываетъ отъ отсрочки или задержки открытія новыхъ кредитныхъ учрежденій тамъ, гдѣ существующіе банки продолжаютъ давать непомѣрныя прибыли. Единичные банки, сохраняя монополію на извѣстномъ рынкѣ, могутъ легко и щедро давать кредитъ, иногда въ такихъ случаяхъ, когда не мѣшало бы пріудержаться, но всегда заставляютъ за него дорого платить.

Средство, которое подѣйствовало очень успѣшно на обузданіе спекуляціи, состояло въ обязательствѣ собрать весь основный капиталъ въ теченіи извѣстнаго срока. Такое обязательство потребовало отъ учредителей болѣе значительныхъ затратъ и уменьшило шансы прибыли въ первые годы существованія банка, которому пришлось подумать прежде всего о помѣщеніи своихъ средствъ, а затѣмъ уже объ извлеченіи выгодъ изъ разности въ процентахъ, платимыхъ по вкладамъ и взимаемыхъ по учетамъ и по ссудамъ.

Запрещеніе, относящееся къ учрежденію земельныхъ банковъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже дѣйствуютъ два банка, кромѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита, едвали можетъ быть объяснено однимъ желаніемъ обуздать спекуляцію, хотя, конечно, и наши земельные акціонерные банки выродились въ спекулятивныя учрежденія. Правительство могло имѣть въ виду устраненіе соперни-

чества между банками, относительно высоты оцѣнокъ принимаемыхъ въ залогъ имуществъ, а слѣд. относительно размѣра ссудъ; но такое соперничество возможно и тамъ, гдѣ дѣйствуютъ только два гипотекарныхъ банка. Ограниченіе имѣетъ даже невыгодную сторону, устраняя возможность учрежденія кредитныхъ товариществъ, на взаимномъ ручательствѣ основанныхъ, тамъ, гдѣ дѣйствуютъ уже два земельныхъ акціонерныхъ банка. Такъ напр. въ губ. Кіевской и Волынской, гдѣ дѣйствуютъ Кіевскій и Полтавскій акціонерные земельные банки, не могутъ быть допущены кредитныя товарищества для поземельнаго кредита съ круговою порукою, учрежденія, представляющія наибольшія гарантіи, относительно умѣренности оцѣнокъ, прочности и дешевизны кредита. Противъ этого можно возразить, что въ означенныхъ губерніяхъ дѣйствуетъ также общество взаимнаго поземельнаго кредита; но, не говоря о томъ, что оно доступно не для всѣхъ [1]) нельзя не замѣтить, что до возстановленія металлическаго обращенія, займы, производимые въ немъ на монету, представляютъ неудобства для землевладѣнія, и самое общество, учрежденное для всего государства, не устраняетъ необходимости въ мѣстныхъ гипотекарныхъ банкахъ. Независимо отъ сказаннаго, слѣдуетъ присовокупить, что два акціонерные земельные банка могутъ лишить земство права основать свой банкъ въ данной мѣстности, въ силу закона 1872 г.

Представленныя соображенія приводятъ къ разсмотрѣнію вопроса: составляетъ ли соперничество банковъ благо или зло? При рѣшеніи этого вопроса необходимо обратить вниманіе на различіе между банками акціонерными и основанными на круговомъ ручательствѣ участниковъ-товарищей.

Соперничество между акціонерными банками можетъ быть и пагубнымъ, и благотворнымъ: пагубнымъ, если оно ведетъ къ рискованнымъ операціямъ, и разсчитано на выгоды, ради сбыта акцій въ руки менѣе знакомыхъ съ положеніемъ банка пайщиковъ; благотворнымъ, если оно, при солидности операцій, ведетъ къ удешевленію кредита. Но если устраненіе соперничества не исключаетъ возможности рисковыхъ операцій, то дешевизна кредита внѣ конкурренціи банковъ совершенно немыслима. Остается, слѣдовательно, не стѣсняя учрежденія новыхъ банковъ, устранять поводы къ спекулятивнымъ разсчетамъ на быстрое возра-

---

[1]) По крайней мѣрѣ въ западныхъ губерніяхъ.

станіе прибылей и вмѣстѣ съ тѣмъ на возвышеніе цѣны акцій, въ видахъ перепродажи или игры.

Современная практика не можетъ быть признана совершенно несостоятельною въ пріисканіи средствъ для достиженія указанной цѣли, хотя надо сознаться, что эти средства нельзя признать специфическими. Обязательство, налагаемое новѣйшими уставами коммерческихъ банковъ собрать въ короткій срокъ весь складочный капиталъ, значительно ослабляетъ спекуляцію на возвышеніе цѣны паевъ акціонерныхъ банковъ. Необходимость сдѣлать значительную затрату удерживаетъ многихъ игроковъ отъ участія въ учредительствѣ. Возможность воспользоваться преміею, благодаря большому дивиденду, отдаляется до той поры, когда весь складочный капиталъ будетъ помѣщенъ, и когда банку удастся производить свои операціи при помощи вкладовъ. Самая премія, при полной оплатѣ, относится не къ первоначальному взносу, а ко всей оплаченной акціи, и чѣмъ значительнѣе достоинство, т. е. размѣръ суммы, на которую выпускаются акціи, тѣмъ вѣроятнѣе, что послѣднія останутся въ рукахъ болѣе солидныхъ пріобрѣтателей, принимающихъ болѣе дѣятельное участіе въ судьбѣ предпріятія, и представляя менѣе годный матеріалъ для спекулятивной перепродажи, сразу попадутъ, по крайней мѣрѣ отчасти, въ такъ называемыя „твердыя руки.“ При легкости же основанія соперничествующихъ банковъ, очевидно, что шансы спекуляціи будутъ очень слабы. Опасенія, внушаемыя соперничествомъ акціонерныхъ банковъ, не могутъ относиться къ обществамъ взаимнаго кредита, къ банкамъ, основаннымъ на круговой порукѣ какъ для долгосрочнаго, такъ и краткосрочнаго кредита. Здѣсь соперничество не приноситъ даже никакихъ выгодъ, напротивъ увеличеніе числа банковъ ограничиваетъ лишь размѣры операцій каждаго и уменьшаетъ общій итогъ прибылей, поглощаемыхъ расходами на содержаніе большаго числа служащихъ; но появленіе нѣсколькихъ банковъ, основанныхъ на началѣ взаимности, свидѣтельствуетъ, что въ данной мѣстности есть группы лицъ, которыя не желаютъ имѣть общихъ дѣлъ, а предпочитаютъ принять поруку другъ за друга въ своемъ кругу, и по своимъ дѣламъ. Такія группы могутъ сложиться для дѣлъ, или для интересовъ, составляющихъ отдѣльное цѣлое, и нѣтъ повода къ тому, чтобы стремиться къ сліянію учрежденій, неимѣющихъ достаточнаго къ этому повода. Есть у насъ города (Рига),

гдѣ дѣйствуютъ три общества взаимнаго кредита и не было еще жалобъ на раздробленіе силъ.

Быть можетъ жалобы выскажутся со временемъ, но тогда сліяніе обществъ можетъ совершиться само собою, простымъ переходомъ членовъ изъ одного въ другое и ликвидаціею учрежденій, которыя имѣютъ наименѣе задатковъ для процвѣтанія.

Облегченія, дарованныя учрежденію банковъ, имѣютъ, однакоже, и темную сторону. Разрѣшеніе дается администраціею; власть, которая разрѣшаетъ, имѣетъ несомнѣнное право отказа. Такимъ образомъ, личныя воззрѣнія администраціи составляютъ рѣшающій моментъ. Пока эти воззрѣнія будутъ таковы, какими они были доселѣ, можно быть увѣрену, что развитіе системы частныхъ банковъ не потерпитъ ущерба, но съ перемѣною лицъ, судьба кредитныхъ учрежденій можетъ измѣниться, хотя бы дѣйствовали прежніе законы. Поэтому, нельзя не признать, что установленіе твердыхъ правилъ, при которыхъ для учрежденія банка достаточно было бы предъявить уставъ для надлежащей регистраціи, имѣло бы несомнѣнныя преимущества. Административная власть могла бы сохранить за собою надзоръ за соблюденіемъ всего, что предписано относительно открытія и дѣятельности банковъ, предоставляя возникновеніе послѣднихъ разсчетамъ капиталистовъ.

IV.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ РАЗМѢРА ОСНОВНАГО КАПИТАЛА И ПАЕВЫХЪ ВЗНОСОВЪ.

Наименьшій размѣръ основнаго капитала городскихъ общественныхъ банковъ — въ 10,000 руб. — былъ установленъ еще Положеніемъ въ 1862 г.

Размѣръ основнаго капитала акціонерныхъ банковъ и паевыхъ взносовъ опредѣленъ впервые закономъ 31 мая 1872 г.

„Основной, дѣйствительно внесенный, акціонерный капиталъ банка долженъ составлять не менѣе 500,000 руб., акціи же не должны быть выпускаемы ниже суммы 250 р.“ Высшій размѣръ въ пять милліоновъ, установленъ лишь для банковъ, разрѣшаемыхъ Министромъ Финансовъ.

„При опредѣленіи высшей и низшей нормъ 10% взносовъ,

дѣлаемыхъ членами обществъ взаимнаго кредита (съ каковыми нормами соразмѣряется кредитъ, открываемый обществомъ каждому члену), слѣдуетъ наблюдать, чтобы опредѣленный уставомъ высшій размѣръ 10% взноса не превышалъ болѣе, чѣмъ въ 50 разъ, назначенный по тому же Уставу низшій размѣръ взноса и чтобы, сообразно съ симъ, высшій размѣръ кредита, открываемаго членамъ, не превышалъ болѣе, чѣмъ въ 50 разъ, низшій размѣръ кредита коимъ могутъ пользоваться члены, сдѣлавшіе взносы."

Наименьшій размѣръ основнаго дѣйствительно внесеннаго акціонернаго капитала составляетъ такимъ образомъ общую обязательную норму. Назначеніе ея далеко не излишне: при капиталѣ въ полмилліона, акціонерные банки могутъ возникать только въ дѣйствительно торговыхъ городахъ; въ городахъ же, не имѣющихъ значительной торговли и развитой промышленности, всегда возможно учрежденіе городскихъ общественныхъ банковъ съ капиталомъ не менѣе 10,000 руб., и обществъ взаимнаго кредита, для которыхъ размѣръ основнаго капитала не опредѣленъ.

Равнымъ образомъ совершенно правильно назначеніе довольно высокаго достоинства акцій (250 р.). Устраненіе отъ участія въ акціонерныхъ банкахъ мелкихъ пайщиковъ совершенно раціонально въ видахъ обузданія спекуляціи. Наконецъ, опредѣленіе отношенія между высшимъ и низшимъ взносомъ въ обществахъ взаимнаго кредита, безъ установленія низшаго размѣра, можетъ имѣть только благотворные результаты. При господствующей у насъ на практикѣ низшей нормѣ взносовъ въ 10 руб., высшій взносъ составитъ 500, а открытые кредиты членамъ составятъ отъ 100 до 5000 рублей. Такія границы могутъ только способствовать болѣе однородному составу обществъ, изъ которыхъ иныя могутъ образоваться для болѣе мелкихъ, а другія для болѣе крупныхъ операцій.

V.

СПЕЦІАЛИЗАЦІЯ БАНКОВЫХЪ ОПЕРАЦІЙ.

Наша банковая политика, предоставляя Министру Финансовъ разрѣшеніе банковъ по извѣстнымъ образцамъ, опредѣляетъ какія операціи имъ позволены и какія не разрѣшены. Хотя А. Вагнеръ высказывается категорически противъ опредѣленія круга дѣятельно-

сти банковъ, хотя Курсель-Сенёль допускаетъ, что банковыя операціи могутъ представлять безконечно разнообразныя сочетанія и считаетъ полезнымъ развитіе среди сельскаго населенія кредита, основаннаго не только на личномъ довѣріи, но и на обезпеченіи землями, съ правомъ выпуска закладныхъ листовъ; тѣмъ не менѣе спеціализація занятій составляетъ необходимую принадлежность хорошо устроенныхъ предпріятій, и если въ этомъ дѣлѣ рѣшающій голосъ долженъ принадлежать учредителямъ, то нѣтъ сомнѣнія, что приведеніе кредитныхъ операцій къ извѣстнымъ типамъ и устраненіе комбинацій искусственныхъ и излишнихъ оказывается, по крайней мѣрѣ, не безполезнымъ. Были примѣры, что банки возникали, въ обществахъ развитыхъ, подъ видомъ другихъ промышленныхъ и торговыхъ товариществъ и этимъ путемъ обходили законъ. Въ обществахъ менѣе развитыхъ, гдѣ долголѣтнею практикою еще не выработаны нормы для банковой дѣятельности, установленіе послѣднихъ необходимо, лишь бы только онѣ не были выкроены по образцамъ, которые составляютъ плодъ рутины, и чтобы выработанные для извѣстныхъ условій, они не примѣнялись въ средѣ, гдѣ такихъ условій не существуетъ.

Наше банковое законодательство отдѣляетъ банки для кредита долгосрочнаго, гипотекарнаго, отъ банковъ для кредита краткосрочнаго, коммерческаго, но допускаетъ нѣкоторыя изъятія. Такъ городскіе общественные банки могутъ выдавать ссуды на сроки до 12 лѣтъ; банки гипотекарные могутъ выдавать краткосрочныя ссуды на сроки отъ 1 до 3 лѣтъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы эти ссуды не превышали $^1/_{10}$ итога всѣхъ выданныхъ ссудъ. Наконецъ коммерческимъ банкамъ разрѣшено принимать срочные вклады. Такимъ образомъ соединеніе операцій краткосрочныхъ съ долгосрочными допускается въ извѣстной мѣрѣ съ тою лишь особенностью, что законъ главнымъ образомъ разрѣшаетъ банкамъ коммерческимъ занимать на болѣе долгіе сроки, а гипотекарнымъ выдавать краткосрочныя ссуды. Подобныя постановленія представляются вполнѣ раціональными, и быть можетъ разрѣшеніе всѣмъ банкамъ выпускать облигаціи, не представляя опасности для кредита, въ извѣстныхъ случаяхъ, оказалось бы даже благотворнымъ. Наконецъ, въ видѣ исключенія слѣдовало бы допустить соединеніе долгосрочнаго кредита съ краткосрочнымъ въ сельскихъ банкахъ, по установленіи болѣе правильнаго укрѣпленія правъ на крестьянскую собственность.

VI.

ОТНОШЕНІЕ МЕЖДУ СКЛАДОЧНЫМЪ КАПИТАЛОМЪ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ БАНКА.

Банковое законодательство наше, сначала въ частныхъ уставахъ, а потомъ и въ общихъ постановленіяхъ, опредѣлило отношеніе между складочнымъ капиталомъ и обязательствами банка. Исключеніе сдѣлано для гипотекарныхъ банковъ, на взаимномъ круговомъ ручательствѣ основанныхъ, и для обществъ взаимнаго кредита, непринимающихъ вкладовъ отъ постороннихъ лицъ.

Городскіе общественные банки могутъ принимать на себя обязательства, непрывышающія основной и запасный капиталы, болѣе чѣмъ въ 10 разъ.

Если обязательства банка превышаютъ эту норму, то онъ обязанъ ежегодно причислять къ основному капиталу половину своихъ прибылей (Указъ 25 декабря 1870 г.).

Земскія кредитныя учрежденія должны руководствоваться правиломъ, по которому сумма выпущенныхъ листовъ, обезпеченныхъ основнымъ капиталомъ, безъ круговаго ручательства заемщиковъ, не должна превышать сей капиталъ болѣе какъ въ десять разъ. Такая же норма принята для земскихъ кредитныхъ учрежденій, занимающихъ краткосрочнымъ кредитомъ, и не основанныхъ на началахъ взаимнаго кредита операціи ихъ должны быть обезпечены основнымъ банковымъ капиталомъ на сумму, не менѣе $^1/_{10}$, принимаемыхъ на себя банкомъ обязательствъ. (17-го мая 1871 г.).

Банки коммерческіе, по общему правилу, обязаны придерживаться такого же отношенія между своимъ капиталомъ и принятыми на себя обязательствами, за исключеніемъ Московскаго общества коммерческаго кредита, обязательства котораго могутъ превышать капиталъ банка въ 25 разъ.

Общества взаимнаго кредита, которыя принимаютъ вклады отъ постороннихъ лицъ, могутъ принимать на себя обязательства, превышающія ихъ оборотный и резервный капиталы не болѣе какъ въ 10 разъ (Московское купеческое) и даже въ 5 разъ (Кіевское городское).

Для сельскихъ банковъ принято отношеніе между капиталомъ

и обязательствами какъ 1 къ 2, къ 5, къ 10, къ 16 и даже вовсе неопредѣлено.

Для земельныхъ акціонерныхъ банковъ постановлено, чтобы выпущенные ими закладные листы не превышали ихъ складочнаго и запаснаго капиталовъ болѣе, чѣмъ въ 10 разъ.

Ограниченіе цифры обязательствъ банка опредѣленнымъ ихъ отношеніемъ къ собственному банковому капиталу имѣетъ цѣлію удержать развитіе кредитныхъ операцій въ извѣстныхъ предѣлахъ, причемъ самыя операціи должны сдѣлаться болѣе надежными и сумма, которою располагаетъ банкъ, для обезпеченія лицъ, ведущихъ съ нимъ дѣла, отъ потерь, болѣе достаточною для ихъ покрытія.

Очевидно, что въ интересѣ банка, т. е. въ видахъ увеличенія его прибылей, необходимо работать возможно меньшимъ собственнымъ капиталомъ и возможно большею суммою ввѣряемыхъ банку вкладовъ, но чрезмѣрное приращеніе послѣднихъ ведетъ нерѣдко къ изысканію способовъ для невѣрныхъ помѣщеній. Банкамъ угрожаетъ, по общему правилу, опасность, не вслѣдствіе медленнаго и малаго, а слишкомъ быстраго и обильнаго прилива средствъ, для которыхъ имъ необходимо найти помѣщеніе во что бы то ни стало; въ противномъ случаѣ, имъ будутъ предстоять неизбѣжныя потери отъ уплаты процентовъ по вкладамъ, остающимся незатраченными, кассовыми средствами. Между тѣмъ, развитіе операцій во что бы то ни стало увлекаетъ банкъ въ дѣла рисковыя, въ спекуляціи, которыя лишаютъ кредитное учрежденіе надлежащей солидности.

Опасность для коммерческихъ банковъ отъ чрезмѣрнаго возрастанія вкладовъ существуетъ и для банковъ гипотекарныхъ, при легкости помѣщенія облигацій и при быстромъ возрастаніи цѣны на недвижимости, что, въ свою очередь, бываетъ слѣдствіемъ широкаго и щедро раздаваемаго кредита.

Еслибы даже банки не вели слишкомъ рисковыхъ операцій, то при непомѣрномъ увеличеніи принятыхъ ими на себя обязательствъ, исполненіе послѣднихъ, въ пору потрясенія общественнаго довѣрія, можетъ оказаться крайне затруднительнымъ. Сокращенія коммерческихъ кредитовъ, для удовлетворенія востребованій по вкладамъ и неисправности въ платежахъ по долгосрочному кредиту, могутъ представить тѣмъ меньшія трудности, чѣмъ значительнѣе собственный капиталъ банка, и чѣмъ ниже та пропорція, въ которой обязательства банка превышаютъ этотъ

капиталъ. Наконецъ, банкъ есть въ извѣстной степени страховое учрежденіе; принимая вклады и раздавая ихъ въ учетъ и въ ссуды, или же выпуская закладные листы или облигаціи, банкъ принимаетъ на себя рискъ этихъ помѣщеній; онъ отвѣчаетъ и передъ вкладчиками за уплату процентовъ, и за возвратъ капитала, и передъ владѣльцами закладныхъ листовъ за исправную уплату процентовъ и погашенія. Понятно, что во всякомъ страховомъ учрежденіи должно существовать извѣстное отношеніе между капиталомъ, служащимъ для обезпеченія отъ потерь и общею суммою страховыхъ операцій. Если одинъ милліонъ рублей страховаго капитала составляетъ достаточное обезпеченіе для извѣстнаго рода сдѣлокъ въ 10 мил. руб., то нельзя сказать, чтобы тотъ же милліонъ могъ покрывать рискъ, представляемый такими же сдѣлками на сумму въ 100 милліоновъ. Потеря, превышающая 1% банковыхъ затратъ, можетъ сдѣлать банкъ съ капиталомъ въ 1 милл., затрачивающій 100 милл., несостоятельнымъ.

Вопросъ объ опредѣленіи отношенія между основнымъ капиталомъ и обязательствами банка очень мало разработанъ въ литературѣ, а на практикѣ проведенъ лишь въ уставахъ нашихъ и немногихъ западно-европейскихъ банковъ.

Въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о банкахъ можно указать, между прочимъ, на слѣдующее мнѣніе Джильбарта, относящееся къ банкамъ коммерческимъ: „Хотя пропорція, которая должна находиться между капиталомъ и обязательствами банка, должна быть различна для разныхъ банковъ, но мы, быть можетъ, не впадемъ въ заблужденіе, если скажемъ, что капиталъ банка не можетъ быть менѣе $^1/_3$ его обязательствъ. Я полагалъ бы исключить изъ этихъ обязательствъ всѣ, кромѣ возникающихъ изъ выпуска билетовъ и пріема вкладовъ. Если билеты и депозиты вмѣстѣ взятые превышаютъ въ три раза складочный капиталъ, то банкъ долженъ увеличить послѣдній. Можно сказать, что банкъ отвѣтственъ и по векселямъ, выданнымъ имъ на своихъ лондонскихъ агентовъ, и въ платежѣ по векселямъ, которые имъ бланкированы и переучтены, — положимъ; но въ обоихъ случаяхъ публика имѣетъ еще другое, кромѣ банковаго обезпеченія“. (Gilbart. Practical treatise on banking. 1865. Vol. 1, p. 154). Это мнѣніе имѣетъ большой вѣсъ, но Джильбартъ не намекаетъ ни однимъ словомъ, чтобы рекомендуемое имъ отношеніе между складочнымъ капиталомъ и обязательствами банка слѣдовало ввести въ законъ; онъ только совѣтуетъ

банкамъ придерживаться указаннаго отношенія и затѣмъ полагаетъ необходимымъ соблюсти его при извѣстныхъ лишь обязательствахъ банка — вкладахъ и банковыхъ оборотныхъ билетахъ, а не всѣхъ вообще, причемъ онъ исключаетъ положительно переучетъ векселей и отвѣтственность банка, какъ векселедателя, по векселямъ, по которымъ назначены имъ другіе плательщики.

Въ банковомъ законодательствѣ Западной Европы и Соединенныхъ Штатовъ принятое у насъ ограниченіе далеко не составляетъ общаго правила. Въ Соединенныхъ Штатахъ его не существуетъ нынѣ, а массачусетскій законъ 1829 года, обилуя разнаго рода нормами, — для выпуска билетовъ, для долговъ банковъ кромѣ вкладовъ, для затратъ и пр., — предоставлялъ неограниченное право для пріема вкладовъ.

Въ Англіи не постановлено никакихъ границъ для обязательствъ банковъ, и нѣкоторыя изъ акціонерныхъ кредитныхъ учрежденій въ началѣ 1870-хъ годовъ имѣли обязательствъ на сумму, превышавшую болѣе, чѣмъ въ 10 разъ ихъ капиталъ. Во Франціи, учетная контора можетъ принимать процентные вклады на текущій счетъ на сумму не свыше, какъ въ $1^1/_2$ раза противъ своего складочнаго капитала.

Повидимому дѣйствующій у насъ законъ объ отношеніи между капиталомъ и обязательствами банка имѣетъ въ виду удержать кредитныя учрежденія отъ чрезмѣрнаго развитія операцій, неизбѣжнаго при огромномъ приливѣ вкладовъ, и дать въ складочномъ капиталѣ достаточное обезпеченіе лицамъ, которыя ведутъ съ банками дѣла. Собственно говоря, законъ долженъ замѣнить или восполнить собственную предусмотрительность банковаго управленія, которое въ случаѣ прилива вкладовъ, ненаходящихъ помѣщенія, должно понижать платимые проценты, вмѣсто того, чтобы поддерживать во что бы то ни стало развитіе рисковыхъ операцій. Но эта цѣль едва ли оказывается достижимою, не только при законной, довольно широкой нормѣ, допускаемой нашимъ законодательствомъ, но и при болѣе тѣсной, рекомендуемой Джильбартомъ самимъ банкамъ. Опасность заключается не въ пассивѣ, не въ количествѣ вкладовъ, не въ размѣрѣ переучета векселей, а въ активѣ, въ свойствѣ затратъ, въ ихъ благонадежности и легкости реализаціи банковаго портфеля. Никакое отношеніе между собственнымъ капиталомъ банка и его обязательствами не можетъ помѣшать учету дутыхъ, ничего не стоющихъ векселей, оказанію кредита лицамъ, неза-

служивающимъ довѣрія, ссудамъ подъ акціи раззорившихся компаній или подъ процентныя бумаги, неимѣющія цѣнности, и хотя бы обязательства банка не превышали его капитала, ничто не мѣшаетъ, при такихъ операціяхъ, не только раззоренію акціонеровъ банка, но и лишенію вкладчиковъ всякой надежды на возвратъ ввѣренныхъ имъ капиталовъ. Не трудно понять, что земельный банкъ, который выдалъ бы заемщикамъ въ ссуду не 60% дѣйствительной стоимости ихъ имущества, а суммы, превышающія цѣнность послѣдняго, можетъ раззорить не только пайщиковъ, но и владѣльцевъ облигацій, и что складочный капиталъ, въ сущности необходимый лишь для правильной уплаты процентовъ и погашенія, оказался бы недостаточнымъ для покрытія потерь. Если опасность для публики, имѣющей дѣла съ банкомъ, уменьшается вмѣстѣ съ обязательствами банка, то полное устраненіе опасности возможно лишь въ томъ случаѣ, когда банкъ работаетъ только своимъ собственнымъ капиталомъ, когда онъ перестаетъ удовлетворять своему назначенію, когда онъ отказывается отъ роли посредника и страховщика. Равнымъ образомъ, совершенно понятно, что чѣмъ незначительнѣе складочный капиталъ банка, чѣмъ безопаснѣе, правильнѣе и обширнѣе его операціи, тѣмъ болѣе выигрываютъ и акціонеры банка на получаемомъ дивидендѣ, и кредитующіяся въ немъ лица, платящія меньшую страховую премію, и вкладчики, получающіе большій процентъ по ввѣреннымъ ими капиталамъ.

Принятое въ большинствѣ нашихъ банковыхъ уставовъ отношеніе между капиталомъ и обязательствами банка какъ 1 : 10 на столько широко, что банкамъ нельзя жаловаться на эту мѣру, какъ на стѣсняющую ихъ свободу. Невыгодныя послѣдствія, въ особенности при недостаточномъ соперничествѣ между банками, при невозможности для вкладчика выбрать тотъ или другой банкъ для помѣщенія своихъ сбереженій, и вслѣдствіе этого при необходимости для него подчиниться невыгоднымъ условіямъ относительно размѣра процентовъ, могли бы обнаружиться въ большей мѣрѣ только въ такомъ случаѣ, если бы принятое отношеніе было какъ 1 : 3, или какъ 1 : 5. И такъ, установленное ограниченіе само по себѣ безвредно, но изъ того, что оно безвредно, еще не слѣдуетъ, чтобы оно сообщало прочность нашей системѣ банковаго кредита, или чтобы оно приводило къ значительному увеличенію основныхъ банковыхъ капиталовъ, хотя такого увеличенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрицать нельзя.

VII.

БЛАНКОВЫЙ КРЕДИТЪ.

На основаніи закона 31 мая 1872 г., „разрѣшаемые коммерческимъ банкамъ для ихъ кліентовъ, такъ называемые бланковые кредиты (т. е. платежи за счетъ сихъ лицъ, превышающіе наличность текущаго ихъ счета, или сумму залоговой стоимости представленныхъ ими обезпеченій) не должны превосходить въ совокупности одной десятой доли основнаго (дѣйствительно внесеннаго) и запаснаго капиталовъ банка, и не могутъ простираться срокомъ долѣе 30 дней, по истеченіи коихъ, если произведенные банкомъ платежи не будутъ пополнены наличными деньгами, или обезпечены залогами, банковое управленіе должно приступить ко взысканію, подъ отвѣтственностію своихъ членовъ."

Вопросъ о бланковомъ кредитѣ былъ предметомъ оживленныхъ преній на съѣздѣ представителей коммерческихъ банковъ въ Петербургѣ, въ концѣ 1873 г. Изъ преній этихъ выяснилось, что бланковый кредитъ неуловимъ для законодательства, и что строгія предписанія, изданныя 31 мая 1872 г., объ отвѣтственности членовъ банковаго управленія, могутъ имѣть практическое примѣненіе лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда банкомъ понесены дѣйствительныя потери при несоблюденіи закона, и когда въ средѣ акціонеровъ возникнетъ вопросъ о взысканіи съ членовъ банковаго управленія.

Выше было сказано, что бланковый кредитъ неуловимъ для законодательства, — неуловимъ потому, что, при всей кажущейся ясности этого понятія, трудно опредѣлить характеръ вещественнаго обезпеченія бланковаго кредита, а еще труднѣе, или почти невозможно, выдѣлить въ балансѣ операціи по бланковому кредиту, не превративъ балансъ въ подробную вѣдомость, и не усложнивъ счетоводства до приведенія его въ совершенную запутанность.

Въ заключеніе, должно замѣтить, что опасность бланковаго кредита заключается не въ его размѣрахъ и не въ его продолжительности, а въ томъ, кому онъ оказывается. Бланковый кредитъ по сношеніямъ съ пошатнувшеюся фирмою, хотя бы и срокомъ на 30 дней, не можетъ быть приравненъ къ кредиту 2-хъ,

3-хъ мѣсячному, по дѣламъ съ фирмою, пользующеюся вполнѣ упроченнымъ положеніемъ. Что же касается размѣровъ бланковаго кредита, ограниченныхъ по закону 31 мая 1872 г. $^1/_{10}$ дѣйствительно внесеннаго складочнаго и запаснаго капиталовъ, то трудно допустить, чтобы банку съ капиталомъ въ $1^1/_2$ мил. не приходилось поручать своимъ корреспондентамъ - банкирамъ или банкамъ въ другихъ городахъ получать платежей по векселямъ на сумму не болѣе 150,000 руб., не говоря о другихъ операціяхъ, по которымъ бланковый кредитъ неизбѣженъ. Поэтому совершенно справедливыя опасенія относительно бланковаго кредита, отразившіяся въ нашемъ законодательствѣ, едвали устраняются принятыми мѣрами. Точное соблюденіе закона болѣе чѣмъ сомнительно, и едва ли не было бы полезнѣе предоставить самимъ банкамъ принимать мѣры для обезпеченія бланковаго кредита.

VIII.

ОГРАНИЧЕНІЕ УЧЕТА СОЛО-ВЕКСЕЛЕЙ.

При учрежденіи первыхъ коммерческихъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита, имъ предоставлялось неограниченное право принимать къ учету соло-векселя, обезпеченные не только товарами и процентными бумагами, но и недвижимыми имуществами.

Въ уставахъ Кіевскаго промышленнаго банка и другихъ позднѣйшихъ кредитныхъ учрежденій уже были сдѣланы болѣе или менѣе значительныя ограниченія. Кіевскому промышленному банку дозволено было принимать къ учету соловекселя, обезпеченные недвижимыми имуществами на сумму не свыше половины складочнаго капитала; наконецъ по закону 31 мая 1872 г. „учетъ векселей съ одною подписью (соло-векселей) безъ обезпеченія, или съ обезпеченіемъ недвижимымъ имуществомъ, не допускается вовсе.

Нѣтъ сомнѣнія, что учетъ соло-векселей, даже съ обезпеченіемъ недвижимыми имуществами, представляетъ опасность такъ называемой мобилизаціи недвижимыхъ имуществъ и притомъ въ формѣ наименѣе къ тому пригодной. Банкъ, затрачивая свои оборотныя средства, и въ особенности вклады до востребованія, на учетъ такихъ соло-векселей, легко можетъ быть поставленъ въ невозможность возвращать вклады по востребованію, если долж-

ники его по соло-векселямъ воспользовались кредитомъ для долгосрочныхъ затратъ. Въ случаѣ отлива вкладовъ, банку придется сокращать кредитъ, что возможно только въ отношеніи къ лицамъ, которыя располагаютъ свободными средствами; другими словами, удовлетворяя требованіямъ минуты, банкъ только ухудшитъ свойство своего портфѣля, оставляя въ активѣ лишь такіе долги, на свободную реализацію которыхъ имѣетъ слабыя надежды. Уменьшить долги кредитующихся лицъ, которымъ учетъ соло-векселей служитъ для долгосрочныхъ помѣщеній, напр. для постройки домовъ, можно только путемъ протестовъ, взысканій и отчужденія обезпеченій,—мѣрами, при употребленіи которыхъ банкъ можетъ признать себя счастливымъ, если, раззоряя своихъ должниковъ, онъ самъ не понесетъ чувствительныхъ потерь, потому что при отчужденіи обезпеченій, принятыхъ даже по низкой оцѣнкѣ, нельзя разсчитывать на выгодную продажу и на полученіе наличныхъ денегъ за имущества цѣнностію въ нѣсколько сотень и, быть можетъ, въ нѣсколько милліоновъ рублей.

При всемъ томъ, хотя соло-векселя представляютъ наиболѣе искушеній для превращенія краткосрочнаго кредита въ долгосрочный, зло заключается не въ формѣ, а въ мѣрѣ и способѣ пользованія кредитомъ по соло-векселямъ, обезпеченнымъ недвижимыми имуществами.

Для правильнаго рѣшенія вопроса: когда и при какихъ условіяхъ учетъ соло-векселей, обезпеченныхъ недвижимыми имуществами, не представляетъ опасности для операцій коммерческаго банка? — необходимо разсмотрѣть порядокъ происхожденія векселей вообще, и превращеніе возникающихъ изъ нихъ обязательствъ изъ краткосрочныхъ въ долгосрочныя.

Векселя могутъ возникать или изъ дѣйствительной продажи товаровъ и другихъ имуществъ, или изъ денежныхъ займовъ, или изъ взаимнаго соглашенія, ради пользованія кредитомъ по учету— дутые векселя (accomodation bills) и соло-векселя. Векселя перваго рода, именно возникшіе изъ дѣйствительной продажи товаровъ, считаются самыми лучшими краткосрочными кредитными обязательствами; ихъ обезпечиваетъ та цѣнность, которая была перемѣщена посредствомъ векселя; они, какъ полагаютъ нѣкоторые экономисты, представляютъ собою нѣчто реальное, — товары. Такъ дѣйствительно и бываетъ, но не всегда, а тогда лишь, когда торговля на кредитъ ведется правильно, когда ею не овладѣла необузданная спекуляція. При господствѣ послѣдней

товары быстро переходятъ изъ рукъ въ руки, и при каждой продажѣ (не говоря уже о фиктивной) возникаютъ новые векселя, которые доставляютъ обильный учетный матеріалъ, пользующійся репутаціею лучшаго качества, но въ сущности не такой благонадежный, какъ обыкновенно полагаютъ. Десять векселей, которые были выданы при перепродажѣ одного и того же товара, не имѣютъ уже въ немъ своего представителя; самъ товаръ сдѣлался предметомъ игры, и гамбургскій погромъ 1857 г. доказалъ, что кризисъ банковый возможенъ (даже и безъ выпуска банковыхъ билетовъ) при существованіи не малаго количества торговыхъ товарныхъ векселей.

Наконецъ товарные обороты даютъ бытіе долгосрочному кредиту, если купецъ ведетъ свою торговлю не на свои наличныя деньги, а на кредитъ, требующій непрерывнаго возобновленія, и даже въ другомъ, болѣе худшемъ смыслѣ, если неудачные торговые обороты заставляютъ кредитора, по наступленіи срока платежа по векселямъ, принимать новые векселя, при чемъ если не весь долгъ, то покрайней мѣрѣ часть долга не имѣетъ другаго обезпеченія, кромѣ надежды на лучшее будущее.

Векселя, возникающіе изъ денежныхъ займовъ, не имѣютъ гарантіи, представляемой торговыми товарными векселями. Тотъ, кто взялъ вексель, выданный за товаръ, разсчитываетъ, что товаръ будетъ проданъ, и что вырученныя отъ продажи деньги составятъ готовый матеріалъ для платежа. Тотъ, кто далъ деньги и получилъ за нихъ вексель, можетъ разсчитывать лишь на то, что занятой капиталъ будетъ употребленъ для краткосрочныхъ операцій, для оборота, а не для затратъ; но эта увѣренность возникаетъ не изъ свойства оборота, а изъ знакомства съ дѣлами должника.

Такое же знакомство предполагается при банковомъ кредитѣ по дутымъ векселямъ, которые составляютъ, въ сущности, заемъ изъ банка денегъ однимъ лицомъ, за поручительствомъ другаго лица, или даже нѣсколькихъ лицъ.

Нѣтъ ничего опаснѣе какъ дутые, безденежные векселя, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ векселей болѣе распространенныхъ, а если плательщикомъ по нимъ назначается банкирскій домъ, то иногда нельзя отрицать даже правильности ихъ происхожденія. Банкирская фирма открываетъ кредитъ фабриканту, положимъ въ 100,000, фабрикантъ пишетъ на банкира вексель „по сему моему векселю уплатите мнѣ 20,000“ и съ акцептомъ банкира

учитываетъ векселъ въ банкѣ. Если кредитъ фабриканта правильно оцѣненъ банкиромъ, если векселъ находится въ рукахъ лица, которое ведетъ дѣйствительныя и хорошія дѣла, то учетъ такого векселя не только относится къ будущему производству, какъ полагаетъ Маклеодъ, но даже къ настоящему. Фабрикантъ, вмѣсто того, чтобы продать товаръ на кредитъ и учесть товарный векселъ, предпочитаетъ сохранить за собою свободу распорядиться наличнымъ товаромъ и воспользоваться кредитомъ, открытымъ ему у банкира и въ банкѣ, для пріобрѣтенія денежнаго капитала, въ которомъ нуждается производство. Дутые векселя могутъ быть выданы и въ формѣ простыхъ векселей (соло), и въ формѣ переводныхъ, они могутъ имѣть надписателей и поручителей; все различіе между тѣми изъ нихъ, которые влекутъ за собою погибель и раззореніе, и тѣми, которые представляютъ болѣе естественный способъ пользованія кредитомъ, состоитъ въ томъ, возникаютъ ли они изъ потребностей промышленности и торговли, или же созданы спекуляціею и для спекулятивныхъ цѣлей. Главная опасность, представляемая дутыми векселями, состоитъ въ томъ, что они служатъ легкимъ средствомъ для добыванія денегъ, ради осуществленія мечтательныхъ плановъ, ради рисковыхъ операцій, игры на цѣнѣ товаровъ или биржевыхъ цѣнностей, или наконецъ ради затратъ, которыя дѣлаютъ всякую срочную уплату невозможною. Солидный негоціантъ, по справедливому замѣчанію Маклеода, задумается принять на себя обязательство, которое не затруднится подписать человѣкъ ничего не имѣющій за душою; послѣднему безразлично принять на себя долгъ въ 1,000 р., или въ милліонъ.

Очевидно, что учетныя учрежденія также точно обязаны и могутъ сдѣлать правильную оцѣнку векселей, созданныхъ кредитомъ, какъ они обязаны и могутъ оцѣнивать благонадежность торговыхъ векселей, возникающихъ изъ товарныхъ сдѣлокъ; ибо эти послѣдніе векселя, въ силу правильнаго ихъ происхожденія, не представляютъ еще ручательства въ платежѣ.

Назначеніе соло-векселей съ обезпеченіями именно и состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить собою болѣе дорогой кредитъ по векселямъ, возникающимъ изъ денежныхъ займовъ, и по векселямъ безденежнымъ, дутымъ, акцептованнымъ банкирами. Солидность кредита отъ этого нисколько не страдаетъ, а краткосрочный характеръ сдѣлки зависитъ не отъ ея наружной формы, а отъ назначенія занятаго капитала, отъ назначенія, которое должно

быть извѣстно учитывающему вексель кредитному учрежденію. Гипотекарная подкладка соло-векселя ничѣмъ не хуже бланка, сдѣланнаго на оборотѣ кредиторомъ, снабдившимъ заемщика деньгами, или акцепта со стороны банкира.

Кредитъ по соло-векселямъ изъ краткосрочнаго обращается въ долгосрочный, если банкъ совершенно пренебрегаетъ оцѣнкою промышленной дѣятельности лица, которому открывается кредитъ; если банкъ полагаетъ, что съ принятіемъ обезпеченія, онъ все сдѣлалъ, что требуется для безопасности операціи.

Наше банковое законодательство, запрещая учетъ соло-векселей, обезпеченныхъ недвижимыми имуществами, разрѣшаетъ, однакоже, учетъ соло-векселей, обезпеченныхъ фондами, акціями, облигаціями, закладными листами, товарами и драгоцѣнными вещами; но подъ такого рода обезпеченія могутъ быть получены ссуды, и если для подкрѣпленія кредита требуютъ еще соловекселя, то очевидно потому, что обезпеченіе признается ненадежнымъ и что вексель служитъ источникомъ личнаго кредита. Въ сущности же обезпеченіе акціями, представляющими нерѣдко извѣстную сумму затратъ или долю въ недвижимомъ имуществѣ, ничѣмъ не лучше, чѣмъ обезпеченіе домами, фабриками и заводами. Какую цѣну можетъ имѣть обезпеченіе акціями, если выпустившее ихъ товарищество сдѣлало уже заемъ подъ залогъ принадлежащей ему недвижимости, учло соло-векселя, обезпеченные выработанными имъ товарами, задолжало по векселямъ, учтеннымъ, полученнымъ имъ за проданный товаръ, и наконецъ задолжало по векселямъ, выданнымъ за купленное для переработки суровье?

Такимъ образомъ очевидно, что соло-векселя, обезпеченные недвижимыми имуществами, болѣе надежны, чѣмъ обезпеченные акціями, которыя не могутъ быть признаны и вѣрнымъ средствомъ для устраненія изъ круга дѣятельности коммерческихъ банковъ такихъ операцій, которыя угрожаютъ имъ затрудненіями, вслѣдствіе превращенія оборотнаго движимаго капитала въ затраченный и постоянный. Опыты прошлаго громко говорятъ, что банки испытывали потери не столько отъ того, что они принимали обезпеченія неудобныя для быстрой реализаціи, сколько отъ того, что обезпеченія не представляли достаточной цѣнности, и наконецъ преимущественно отъ того, что векселя, учтенные ими, не имѣли никакого обезпеченія и представляли собою фиктивныя цѣнности.

IX.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ БАНКОВОЙ ПРИБЫЛИ.

Ст. 8-я закона 31 мая 1872 г. относительно распредѣленія банковой прибыли содержитъ въ себѣ въ высшей степени полезное и справедливое правило, именно: „Отчисленіе особыхъ премій изъ прибылей банка на учредительскіе паи и акціи не допускается“. Эту привилегію выговорили себѣ учредители нѣкоторыхъ банковъ, въ томъ числѣ Кіевскаго частнаго коммерческаго: устраненіе ея, на будущее время, не только въ интересѣ акціонеровъ, но и въ видахъ ослабленія спекуляціи со стороны учредителей.

X.

УСТАНОВЛЕНІЕ БАНКОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ.

Публикованіе банковыхъ балансовъ или счетовъ, а также полугодовыхъ или по крайней мѣрѣ годовыхъ подробныхъ отчетовъ составляетъ одно изъ главныхъ условій правильнаго веденія банковаго дѣла, и не одни регламентаторы, но и приверженцы свободы промышленности, напр. А. Вагнеръ, совершенно основательно настаиваютъ на томъ, чтобы публичная банковая отчетность имѣла вполнѣ документальный характеръ, ограждающій интересы какъ пайщиковъ, такъ и постороннихъ лицъ, ведущихъ съ банками дѣла.

По закону 31 мая 1872 г., Министру Финансовъ предоставлено „установлять для публикуемыхъ кредитными учрежденіями балансовъ обязательную форму, съ показаніемъ отдѣльными итогами каждаго рода производимыхъ операцій, согласно ихъ уставамъ, и, въ нужныхъ случаяхъ, требовать отъ правленій сихъ учрежденій надлежащихъ объясненій.“ Этимъ постановленіемъ возведено на степень общаго правила положеніе, которое встрѣчается въ уставахъ всѣхъ банковъ и обязываетъ ихъ публиковать свои балансы. Въ законѣ умалчивается объ обязанности банковъ представлять свои отчеты Министру Финансовъ, что,

однакоже, требуется уставами отдѣльныхъ учрежденій. Вообще, законъ 31 мая, въ отношеніи къ банковой отчетности, не имѣетъ надлежащей полноты и не обставленъ условіями, обезпечивающими соблюденіе всего, что требуется для того, чтобы отчетность банковъ не уклонялась отъ истины и соблюдалась во всей строгости. Изъ двухъ видовъ банковой отчетности такъ называемые банковые балансы, или состояніе счетовъ, даютъ понятіе, о размѣрѣ наличности банка, его средствъ и лежащихъ на немъ обязательствъ, о размѣрѣ его затратъ, вырученной прибыли, или понесенной потери: но они не позволяютъ сдѣлать оцѣнки банковыхъ операцій. Какъ бы совершенно ни было установленное подраздѣленіе банковыхъ счетовъ, оно никогда не раскроетъ не только многихъ подробностей, которыя позволяютъ судить объ осторожности банковаго управленія и о безопасности производимыхъ операцій, но даже, безъ надлежащихъ разъясненій, не можетъ дать вѣрнаго понятія, что должно разумѣть подъ тою или другою рубрикою.

Выраженія „условные вклады“, „спеціальные счеты“, въ особенности „корреспонденты“ — въ высшей степени растяжимы и подъ послѣдній терминъ могутъ быть подведены какія угодно операціи. Даже такія рубрики какъ „учетъ векселей“, „ссуды подъ процентныя бумаги“, не позволяютъ по приводимымъ цифрамъ сдѣлать сколько нибудь правильное заключеніе о томъ, какъ ведутъ банки свои дѣла. Два банка, съ равнымъ основнымъ капиталомъ, съ одинаковыми средствами, съ равными затратами по учету и по ссудамъ подъ процентныя бумаги, могутъ находиться въ неодинаковомъ положеніи, даже при осторожномъ веденіи операцій, если одинъ банкъ ведетъ дѣла съ крупными торговыми домами, а другой банкъ съ среднею и мелочною торговлею; одинъ выдаетъ ссуды подъ публичные фонды, а другой подъ промышленныя бумаги; различіе между обоими можетъ оказаться еще болѣе рѣзкимъ, если учетъ одного поддерживаетъ биржевыя спекуляціи, учетъ другаго — солидно организованныя промышленныя предпріятія, если ссуды одного выдаются въ большомъ размѣрѣ подъ акціи съ неустановившимся курсомъ, ссуды другаго — въ ограниченномъ размѣрѣ и только подъ биржевыя цѣнности, отличающіся устойчивостію курса.

Очевидно, что цифры банковыхъ счетовъ становятся краснорѣчивыми, когда представляется ихъ анализъ, а не тогда, когда онѣ приводятся какъ итоги по той или другой операціи. Въ

еженедѣльныхъ и даже въ ежемѣсячныхъ балансахъ подобный анализъ довольно затруднителенъ, по крайней мѣрѣ для банковъ, неимѣющихъ достаточнаго личнаго состава и хорошо приспособленнаго къ подобной цѣли счетоводства. Но въ полугодовыхъ отчетахъ, а тѣмъ болѣе въ годовыхъ, упомянутый анализъ совершенно необходимъ и не представляетъ большихъ трудностей. Согласно съ этимъ, слѣдовало бы требовать по учету:

1) Классификаціи кредитующихся лицъ по роду ихъ торговли и промышленности съ подраздѣленіемъ на категоріи, по размѣрамъ открытаго имъ кредита, напр. до 5,000, отъ 5 до 10 т., отъ 10 до 20 т., отъ 20 до 50 т. и т. д.

2) По ссудамъ — классификацію по роду бумагъ, принятыхъ въ залогъ, съ подраздѣленіемъ на гарантированныя и негарантированныя, а еще лучше съ подраздѣленіемъ на роды и виды тѣхъ и другихъ и съ указаніемъ, сколько процентовъ выдавалось въ ссуду съ биржевой цѣны. Для земельныхъ банковъ, можно было бы сдѣлать классификацію ссудъ по размѣру ихъ вообще, и въ частности по размѣру выдачъ подъ десятины земель, имѣющихъ различное сельско-хозяйственное назначеніе въ разныхъ мѣстностяхъ.

Подобнаго рода отчетность, при показаніи итоговъ каждой операціи за истекшіе 3—5 лѣтъ, при сводѣ итоговъ каждой операціи по всѣмъ банкамъ въ городѣ, затѣмъ въ данной мѣстности, и наконецъ во всей странѣ, позволила бы сдѣлать оцѣнку банковыхъ операцій и обсудить насколько возрастаніе кредита объясняется естественнымъ развитіемъ торговли и промышленности. Сведеніе итоговъ по городамъ, гдѣ находится нѣсколько банковыхъ учрежденій, могло бы быть возложено на Конторы и Отдѣленія Государственнаго Банка; сведеніе итоговъ для отдѣльныхъ мѣстностей, на которыя можно было бы раздѣлить Россію, и для всего государства, слѣдовало бы поручить администраціи, которая занимается банковою статистикою. Такіе матеріалы были бы несравненно полезнѣе и для публики, и для банковъ, чѣмъ перепечатываніе мѣстныхъ балансовъ въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ изданіяхъ, при чемъ самый матеріалъ никогда не бываетъ полонъ.

Недостаточно, однакоже, установить правильную публикацію банковыхъ счетовъ и отчетовъ, необходимо еще дать имъ надлежащую достовѣрность. Законы о банковой отчетности останутся мертвою буквою, если не будетъ опредѣлена уголовная отвѣт-

ственность за неточность и искаженіе публикуемыхъ цифръ, и не будутъ указаны лица, на которыхъ падаетъ эта отвѣтственность.

Обставивъ должными гарантіями точность публикуемыхъ банками цифръ, надо разсчитывать на то, что члены банковой администраціи, ревизоры, акціонеры и наконецъ печать исполнятъ свою обязанность. Если же заинтересованныя въ дѣлѣ лица и представители интеллигенціи не могутъ составить себѣ вѣрнаго понятія о томъ, что дѣлается въ томъ или въ другомъ банкѣ, или же въ кредитныхъ учрежденіяхъ вообще, тогда не на кого пенять, въ случаѣ бѣды. Правительственная опека ничего не можетъ сдѣлать для несовершеннолѣтнихъ, если ей приходится располагать силами людей недостаточно созрѣвшихъ, которые сами не могутъ взвѣсить того, о чемъ судятъ, или даже понять переданное на ихъ обсужденіе.

РУССКАЯ

КАРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА.

И. Я. ФОЙНИЦКАГО,

ДОЦЕНТА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

«Тою бо мѣрою, ею же мѣрите, возмѣрится вамъ».
Евангеліе отъ Луки, гл. VI, ст. 38.

I.

Наше правительство занято теперь серьозными работами по преобразованію дѣйствующей карательной системы. Мысль о необходимости его почти одновременно родилась въ двухъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, вѣдающихъ дѣла внутренней политики, и заняла до того солидное мѣсто въ ряду ихъ постоянныхъ занятій, что каждое изъ нихъ признало необходимымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе для образованія въ своей средѣ особой коммиссіи, съ цѣлью всесторонняго и тщательнаго обсужденія этого вопроса. Коммиссія, учрежденная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, болѣе ранняя по времени, работавшая въ послѣдніе дни подъ предсѣдательствомъ графа В. А. Соллогуба, извѣстна читающему міру Россіи подъ именемъ тюремной; представители ея приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы ознакомиться съ положеніемъ тюремнаго дѣла на Западѣ и въ Россіи, и часть выработаннаго ими проэкта тюремнаго преобразованія

уже находится въ разсмотрѣніи государственнаго совѣта. Другая, порученная руководству сенатора Фриша, поставила болѣе широкія рамки для своихъ работъ, именно пересмотръ всей дѣйствующей карательной системы, изображенной въ I раздѣлѣ уложенія о наказаніяхъ. Коммиссія эта также имѣла подъ руками богатый матеріалъ, преимущественно уголовные кодексы Запада, и пришла къ выводамъ, заслуживающимъ полнаго вниманія. Однако, несмотря на близкую связь задачъ, которыя преслѣдовались этими коммиссіями, результаты ихъ работъ далеко не представляютъ желательнаго единства, и государственный совѣтъ, призванный взвѣсить ихъ предложенія, неминуемо будетъ поставленъ въ серьёзное затрудненіе при той розни требованій и принциповъ въ области одного и того же вопроса, которая замѣчается въ проектахъ коммиссій гр. Соллогуба и сенатора Фриша. Обѣ онѣ, преслѣдуя задачи однородныя, призванныя разрѣшить одинъ и тотъ же вопросъ карательной политики, дѣйствовали совершенно самостоятельно и отдѣльно, и каждая взглянула на дѣло съ иной точки зрѣнія. Коммиссія гр. Соллогуба заботилась прежде и больше всего о лучшемъ устройствѣ тюремъ, поставивъ себѣ, такимъ образомъ, исключительно задачи исполнительнаго свойства. Коммиссія сенатора Фриша обратила въ своихъ работахъ преимущественное вниманіе на другую сторону дѣла, на взаимное отношеніе между различными родами наказаній, а также на отношеніе наказанія къ преступленію. У первой не доставало юридической почвы, у второй было весьма мало данныхъ изъ прошлаго опыта карательныхъ системъ, преимущественно русской. Та и другая вели свои работы, не условившись предварительно въ существѣ и цѣляхъ наказанія, не выяснивъ внутреннихъ законовъ, заправляющихъ развитіемъ и состояніемъ карательной системы. Мѣсто почвы эмпирической, расчищенной согласно логическимъ началамъ мышленія и оплодотворенной дозрѣвшими идеями о преступленіи и наказаніи, въ работахъ ихъ, къ сожалѣнію, занимало субъективное отношеніе къ карательнымъ мѣрамъ. Вотъ почему онѣ дали не желательное сходство въ выводахъ, а полное ихъ разнообразіе; потому же ни та, ни другая Коммиссія не оказались въ силахъ предложить строго выдержанную карательную систему, проникнутую живительною струею какой-либо цѣльной идеи, а каждая, напротивъ, рекомендуетъ аггрегатъ карательныхъ мѣръ, изъ которыхъ однѣ вызваны къ жизни однимъ порядкомъ представленій, другія — совершенно противуполож-

нымъ, и совмѣстное существованіе которыхъ можетъ дать весьма печальные для уголовнаго правосудія результаты. Такъ напр. коммиссія гр. Соллогуба, взявшая девизомъ тюремную реформу и исправленіе бывшихъ преступниковъ раціональными мѣрами тюремнаго содержанія, въ тоже время принимаетъ безъ возраженій начало пожизненнаго лишенія свободы, стоящее въ полномъ антагонизмѣ со всѣми ожиданіями пенитенціаристовъ. Съ другой стороны, коммиссія сенатора Фриша, возстающая противъ института лишенія правъ (въ томъ видѣ, какъ оно практикуется дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ), справедливо называя его несоотвѣтствующимъ условіямъ современности и качествамъ раціональнаго наказанія, предлагаетъ институтъ гражданской смерти pur et simple, еще менѣе соотвѣтствующій научнымъ требованіямъ. Мы глубоко убѣждены, что это—промахи невольные, объясняемые лишь бѣдностью родной юридико-политической литературы, которая еще не успѣла съ достаточною увлекательностью и положительностью намѣтить пути работамъ законодательнымъ. Мы убѣждены, что только подъ этимъ условіемъ работа законодателя можетъ быть живою и производительною.

Каждое, повидимому самое единичное, самое частное постановленіе власти законодательной, входитъ въ общую систему законодательныхъ мѣропріятій и отражается на ней своими специфическими красками; съ другой стороны, общая система законодательства—результатъ юридическихъ представленій и убѣжденій народа, накопленныхъ въ теченіи его долгаго историческаго роста — оказываетъ несомнѣнное вліяніе на всѣ частныя распоряженія законодателя, и потому-то весьма не рѣдки примѣры, что мнимый реформаторъ, повидимому ломавшій частными распоряженіями всю прежнюю систему права, оказывался на самомъ дѣлѣ рабомъ силы взаимныхъ внутреннихъ сцѣпленій юридическихъ началъ, донельзя слабыхъ каждое въ отдѣльности. Его преобразованія быстро разлетались въ пыль, или даже становились новыми опорами началъ, которыя онъ, въ глубинѣ своей души, считалъ отмѣняемыми. Отсюда съ достаточною ясностью открывается, что непремѣнное условіе успѣшности какого бы то ни было преобразованія законодательнаго—ознакомиться съ духомъ и внутренними пружинами существованія дѣйствующей законодательной системы по цѣлой опредѣленной группѣ вопросовъ; выяснить, желательно ли упроченіе ея, или, напротивъ, она до того разошлась съ наросшими потребностями жизни, что требуетъ капитальной передѣлки; опредѣлить порознь

для каждой мѣры, какіе институты отзываются духомъ прежней системы и какова должна быть природа новыхъ мѣропріятій, на которыя ставятъ запросъ новыя условія. Для подготовки къ этой многотрудной задачѣ относительно законодательства русскаго, необходимо прежде всего изслѣдовать почву, подлежащую разработкѣ, и найти точный критерій для опредѣленія ея свойствъ, ея силъ и тѣхъ мѣръ, которыя могутъ дать богатую жатву, будучи привитыми къ ней. Эмпирическій пріемъ, удерживающій мысль въ строгихъ границахъ фактовъ, обогащающій ее опытнымъ матерьяломъ изъ исторической и современной жизни народовъ, можетъ сослужить прекрасную службу при разрѣшеніи этихъ вопросовъ. И такъ какъ всякая карательная мѣра есть результатъ цѣлой системы представленій о преступленіи и наказаніи, характеризующихъ данную эпоху, то для опредѣленія достоинства первыхъ необходимо выяснить себѣ истинный характеръ вторыхъ, и только путемъ такого пріема законодатель будетъ гарантированъ отъ опасности вносить въ свои новыя постановленія мѣры, всѣми чертами принадлежащія иному порядку представленій, иному циклу задачъ и интересовъ.

II.

Бросая съ этой точки зрѣнія взглядъ на прожитую исторію уголовнаго правосостоянія, мы замѣчаемъ въ ней два крайнія, явно антагонирующія между собою, направленія.

Господство одного направленія, болѣе ранняго по времени, можетъ быть названо *царствомъ чувства*, непосредственнаго, неограниченно властвовавшаго въ самыхъ мелкихъ проявленіяхъ уголовной юстиціи.

Господство втораго направленія, лишь въ послѣднее время пустившаго глубокіе корни въ уголовные законы народовъ, есть *царство соглашенія* или *права*, введеніе мудрой политики въ дѣло уголовнаго правосудія, соглашеніе интересовъ карающаго и караемаго.

Опредѣлить эти направленія, значитъ, въ то же время, опредѣлить природу карательныхъ мѣръ, свойственныхъ каждому изъ нихъ, относительную годность или негодность путей, выбираемыхъ реформаторами.

Человѣкъ молодой культуры въ высшей степени безъискусственно относится къ нарушеніямъ юридическаго порядка, которыя совершаются противъ него и его кружка. Руководимый въ своей дѣятельности лишь голосомъ чувства, которое еще не успѣло запастись признаніемъ многообразныхъ интересовъ нарушителей и цѣлаго общества, онъ относится къ факту нарушенія какъ къ непосредственной личной обидѣ, а потому и дѣло юстиціи сводитъ къ физической за него отплатѣ, къ мести. Раннія страницы исторіи уголовнаго права не знаютъ мѣръ наказанія, за то знаютъ месть въ ея разнообразныхъ формахъ, которыя окрѣпающая власть мало-по-малу стремится регулировать. Субъективное отношеніе карающаго къ условіямъ и интересамъ караемаго, полное игнорированіе самостоятельнаго значенія послѣднихъ органами суда и расправы, страстность законодательныхъ постановленій и судебныхъ приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ — вотъ характеристическія черты этого царства чувства, періода мести, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Тогда еще не ставятъ вопроса: „зачѣмъ наказывать“, а только „за что?“ Этотъ послѣдній вопросъ, въ свою очередь, въ виду смѣшенія субъективнаго съ объективнымъ, свойственнаго раннимъ страницамъ культуры, человѣкъ разрѣшаетъ исключительно съ точки зрѣнія своего интереса и воспринимаетъ лишь грубыя внѣшнія его стороны. Большое уже облегченіе для наказываемаго, когда уголовный кодексъ начинаетъ склоняться на сторону принципа: око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь.

Таковъ основной лозунгъ этого направленія. Сперва во главѣ его стоялъ отдѣльный индивидъ, потерпѣвшій отъ нарушенія; въ его рукахъ цѣликомъ находилось jus gladii, которымъ онъ распоряжался для мести обидчику. Затѣмъ, индивидъ утрачиваетъ полноту своей карательной власти и передаетъ ее обществу; преступленіе становится нарушеніемъ публичнымъ, наказаніе — публичною местью, vindictum publicum. Обладатели власти общественной мало-по-малу выдѣляются изъ сферы управляемыхъ, обособляются въ отдѣльное прочное тѣло и, нивелируя прочіе интересы, ставятъ выше всѣхъ свои собственные, создаютъ для нихъ уголовную санкцію съ субъективной окраской; является „государево слово и дѣло“, грозной памяти laesiones Majestatis, вызывающія отплату въ формѣ царской опалы, государевой мести. Какъ ни различны эти послѣдовательныя историческія формы разсматриваемаго направленія, основной характеръ ихъ всюду

остается одинъ и тотъ же: уголовное нарушеніе формулируется какъ (частная, общественная или государева) личная обида, наказаніе не перестаетъ быть дѣломъ мести [1]).

Отсюда слѣдующіе выводы для карательной системы. Мстя преступнику, карающій видѣлъ въ немъ только нарушителя своего интереса, не замѣчая человѣка. Ученіе о вмѣненіи до такой степени чуждо этому порядку; что въ началѣ его человѣкъ ставился на одну доску съ животными: убійство съ его точки зрѣнія могло быть произведено не только вмѣняемымъ субъектомъ, но и свиньею, буйволомъ, лошадью [2]). Когда принципъ соотвѣтствія между карою и виною началъ пробивать себѣ путь въ уголовное законодательство, онъ могъ найти для себя, въ условіяхъ того времени, лишь весьма грубую форму матеріальнаго, внѣшняго тальона. Преступное нарушеніе бралось съ его внѣшней стороны, и какъ-разъ то зло, которое оно представляло собою, старались примѣнить къ виновному: око за око, зубъ за зубъ. Внутренняя сторона дѣйствія, степень энергіи преступнаго намѣренія, родъ мотивовъ, а тѣмъ менѣе характеръ условій, вызвавшихъ преступный актъ, не оказывали почти никакого вліянія на вѣсы уголовнаго правосудія [3]). Таковъ первый выводъ этого направленія, названнаго нами царствомъ (непосредственнаго) чувства въ исторіи уголовной юстиціи.

Второй выводъ. Чувство обиды находитъ себѣ выходъ только въ отплатѣ за нее, въ причиненіи обидчику какого-нибудь лишенія, вознаграждающаго или, по крайней мѣрѣ, успокоивающаго потерпѣвшаго отъ преступленія. Отсюда ведетъ свое начало выраженіе „зло наказанія“, ставшее знаменитымъ въ формулѣ Гуго Гропія: poena est malum passionis quod infligitur ob malum actionis. Всякая мѣра воздаянія считалась умѣстною для кары, если она представляла собою лишеніе или зло для наказываемаго, и элементъ зла не только былъ одною изъ составныхъ частей наказанія, но даже проникалъ его со всѣхъ сторонъ, и вытѣ-

---

[1]) Ср. предисловіе *Hélie* къ курсу уголовнаго права Rossi, изд. 1863; *Holtzendorf*, Handbuch des deutschen Strafrechts, т. I стр. 17 и сл., 51 и сл.; *Rein*, Kriminalrecht der Römer, стр. 41 и слѣд., 356 и слѣд., 466 и слѣд.; *Сухово*, Обычнонародныя и княжескія наказанія по древне-русскому уголовному праву, въ Юрид. Вѣстникѣ, 1874.

[2]) *Geib*, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, II, 197 и слѣд.

[3]) *Loiseleur*, Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. Paris. 1862.

снялъ всѣ другіе элементы. Зло и наказаніе стали синонимами. Законодательство и судебная практика изощряли свои силы въ пріисканіи золъ, наиболѣе ощутительныхъ для обидчика, и строили карательную систему на тѣлесныхъ и соціальныхъ лишеніяхъ. Наказаніе считалось тѣмъ лучше, чѣмъ тяжеле степень представляемаго имъ лишенія, чѣмъ рельефнѣе выступала въ немъ эта струя зла. Какъ часто въ запыленныхъ памятникахъ уголовнаго законодательства того времени намъ приходится, при назначеніи поражающихъ своею жестокостью каръ, встрѣчать еще приказъ о нещадномъ ихъ исполненіи! [1])

Третій выводъ. Месть смотритъ только на прошедшее, на сдѣланное: quia peccatur. Зло, которымъ она угрожаетъ обидчику, составляетъ всецѣло воздаяніе за зло обиды. Цѣлей, лежащихъ въ будущемъ, оно не преслѣдуетъ. Карательнымъ мѣрамъ того времени совершенно чужды задачи общественной пользы, которая, какъ убѣдилъ опытъ, можетъ быть достигнута въ томъ только случаѣ, если наказаніе преслѣдуетъ задачи индивидуальнаго блага наказываемаго. Только одинъ мотивъ, лежащій въ будущемъ, сквозитъ иногда въ уголовныхъ постановленіяхъ этого періода — мотивъ устрашенія: наказать крѣпко, „чтобы другимъ неповадно было такъ дѣлать“, [2]) „чтобы на то смотря иные такова беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали“ [3]). Но этимъ выражалось лишь желаніе, чтобы наказанія были извѣстны всякому, кто захочетъ быть обидчикомъ, чтобы онъ зналъ напередъ, что его не минетъ тяжелая рука мстителя; въ сущности, такое постановленіе ничѣмъ, кромѣ цвѣтистости, не разнится отъ лаконическаго приказа XII таблицъ: qui membrum rupit, talio esto. Цѣли, лежащія въ будущемъ, преслѣдуются здѣсь и тамъ не природою наказанія, а угрозою закона. Въ карательной системѣ разсматриваемаго направленія мы еще не замѣчаемъ той уголовно-политической струи, которая характеризуетъ наше время.

Отдѣльныя карательныя мѣры, выборъ которыхъ опредѣлялся этими взглядами, стояли въ полной отъ нихъ зависимости. Вся-

---

[1]) Соборное уложеніе 1648, ст. 4, гл. II: «и его самого зжечь безъ всякаго милосердія», ст. 19: «и его самого за то казнить смертію безъ всякія пощады»; санкція эта встрѣчается очень часто, особенно во гл. XXII.

[2]) Напр. Соборное уложеніе, ст. 9 гл. III; ст. 55, 56 гл. XXI и многія другія мѣста.

[3]) Ст. 26, гл. XXII Соб. улож. 1648.

кая кара должна была носить характеръ зла, лишенія, слѣдующаго за зломъ преступленія. Выборъ въ этой области былъ весьма богатый. На первомъ планѣ стояло зло физическое или тѣлесное страданіе; отсюда получились смертная казнь, наказанія членовредительныя и тѣлесныя въ тѣсномъ смыслѣ, различнаго рода бичеванія, цѣпи, кандалы и т. д. Затѣмъ слѣдовало зло соціальное, состоявшее въ лишеніи тѣхъ выгодъ, которыя индивидъ имѣлъ какъ членъ общежитія; отсюда — изгнаніе, конфискація, шельмованіе, гражданская смерть, вѣчное заточеніе, клейменіе. Не преслѣдуя цѣлей, лежащихъ въ будущемъ, карательныя мѣры большею частью были моментальны по исполненію; но преступникъ, разъ объявленный врагомъ общества, оставался имъ на всю жизнь; мало-по-малу выяснялась необходимость намѣтить, указать его другимъ гражданамъ: поэтому-то въ важнѣйшихъ случаяхъ моментальныя по исполненію наказанія стали соединяться съ вѣчными или долговременными послѣдствіями — за бичеваніемъ слѣдовали клейменіе или вѣчное лишеніе правъ; актъ шельмованія, требовавшій отъ палача какого-либо получаса времени, сопровождалъ наказаннаго безчестіемъ до гробовой доски. Между преступникомъ и остальнымъ обществомъ наказаніе стремилось поставить непреодолимую преграду, выдѣляя преступниковъ въ особый классъ. Подобныя вѣчныя послѣдствія, составляющія удѣлъ позднѣйшихъ періодовъ этого направленія, имѣли двоякую задачу: причинить зло и уберечь общество отъ злодѣя. Онѣ казались тѣмъ болѣе необходимыми, что моментальность исполненія каръ лишала наказаніе возможности оказывать продолжительное дѣйствіе на наказываемаго, такъ что послѣдній возвращался домой тѣмъ же, какимъ онъ былъ до наказанія.

Таковы существенныя черты царства чувства въ области уголовной расправы. Но что же сталось съ нимъ, къ какимъ результатамъ привели рекомендованныя имъ мѣры?

Результаты ихъ были вполнѣ отрицательнаго свойства. Кара, сведенная къ понятію зла какъ къ своей исходной и заключительной точкѣ, не въ состояніи была дать ничего, кромѣ зла. Подъ тяжестью лишеній, имѣвшихъ своею единственною задачею причинить наказываемому боль, не выставлявшихъ никакого болѣе солиднаго оправданія своей необходимости и справедливости, наказываемый ожесточался противъ мстителя и всего уголовнаго правосудія, становился дѣйствительнымъ врагомъ общества: такимъ дѣлало его не преступленіе, какъ думала карающая власть,

а именно наказаніе. Толпы лицъ, выдѣленныхъ изъ полноправнаго общества, тѣмъ тѣснѣе смыкались между собою, и со всею яростью безправія, со всѣмъ отчаяніемъ попраннаго чувства человѣческаго достоинства, угрожали своимъ безтактнымъ мстителямъ. Многіе изъ нихъ падали въ неравной борьбѣ, но другіе успѣли-таки стяжать печальную извѣстность на аренѣ зла и преступленій, куда ихъ выбросила карающая власть. Она лишала ихъ семьи и крова, средствъ заработать и создать ихъ вновь путемъ честнаго труда; она закрывала имъ доступъ въ общество честныхъ людей, попирала ихъ честь и личное достоинство, — чего-же было ожидать при такомъ порядкѣ вещей, какъ не ожесточенныхъ враговъ правительства и общества, возведшихъ въ добродѣтель всякое противодѣйствіе закону и суду?

Прочное начало паденію этого направленія въ умахъ людей положено стараніями гуманистовъ и филантроповъ, такъ блистательно выступившихъ на поприще дѣятельности въ концѣ прошлаго столѣтія. Когда благородныя усилія ихъ дали ростки мысли о естественныхъ правахъ человѣка какъ человѣка, неотъемлемыхъ, священныхъ для законодателя; когда они успѣли выяснить, что всякія попытки отнятія такихъ правъ и не достигаютъ своей цѣли, и вредны для общежитія; когда человѣческая личность и ея блага стали цѣниться дороже, потребовали болѣе внимательнаго къ себѣ отношенія и достигли его; тогда-то царство чувства въ области уголовнаго правосудія начинаетъ распадаться, человѣчество приходитъ къ другимъ взглядамъ на существо и задачи карательной системы, выдвигаетъ къ жизни иное направленіе, котораго классическая древность коснулась только въ лицѣ своихъ величайшихъ умовъ, Платона и Аристотеля. Выяснить существо его и отличіе отъ предъидущаго составляетъ теперь нашу ближайшую задачу.

III.

Бросая взглядъ на постановленія уголовныхъ кодексовъ новѣйшаго времени, мы замѣчаемъ, что картина уголовной расправы значительно усложнилась, въ систему уголовно-юридическихъ взглядовъ вошли идеи, неизвѣстныя прежнимъ эпохамъ. Карающій перестаетъ относиться къ актамъ преступной дѣятель-

ности съ тѣмъ непосредственнымъ, безпровѣрочнымъ чувствомъ обиды, которое характеризуетъ разсмотрѣнную нами эпоху уголовнаго правосостоянія Онъ не сливается болѣе съ потерпѣвшимъ и стоитъ отъ обиды дальше его; это болѣе отдаленное положеніе даетъ ему возможность отнестись къ дѣлу хладнокровнѣе, взвѣсить интересы обѣихъ сторонъ, ставшіе правами въ силу соглашенія, и дать имъ надлежащій выходъ. „Слѣпая страсть — справедливо замѣчаетъ профессоръ вѣнскаго университета Меркель — перестала быть основою человѣческаго правосудія; его современная характеристическая черта — забота о благѣ преступника, какъ о необходимой ступени для достиженія блага общественнаго.“ Вопросъ объ участіи личности въ преступленіи, о внутренней винѣ ея, сталъ однимъ изъ самыхъ серьозныхъ пунктовъ уголовно-судебной дѣятельности и науки права. Среди другихъ разнообразныхъ явленій соціальной жизни — говоритъ проф. Таганцевъ — преступленіе перестало казаться исключительно предметомъ слѣпаго ужаса и отвращенія, отъ котораго мы ищемъ защиты въ безсознательной мести; оно для насъ предметъ изученія, — оно симптомъ общественной болѣзни, заслуживающей серьознаго вниманія мыслителя. Самъ преступникъ пересталъ быть для уголовнаго правосудія предметомъ ненависти, страданія котораго служили должнымъ удовлетвореніемъ оскорбленному чувству справедливости, — для него теперь преступникъ правоспособный субъектъ, по отношенію къ которому общественныя обязанности не только не прекратились, но, напротивъ, скорѣе расширились [1]). Карательная дѣятельность теряетъ прежній характеръ мести или частной войны между обиженнымъ и обидчикомъ, пріобрѣтая спокойствіе и авторитетъ судебнаго разбирательства. Начало внѣшняго соотвѣтствія между карою и виною совершенно изгнано изъ области уголовнаго права; смѣнившее его начало внутренняго соотвѣтствія, съ весьма узкимъ первоначально фундаментомъ оцѣнки, мало по малу расширяетъ его, основываясь не только на элементахъ вины, которые входятъ въ законный составъ даннаго преступленія, но и на обстоятельствахъ, лежащихъ внѣ его, если только онѣ могутъ свидѣтельствовать о степени уклоненія личности отъ требованій законности и справедливости: система увеличивающихъ и уменьшающихъ вину

[1]) *Таганцевъ*, Уложеніе о наказаніяхъ. Его характеристика и оцѣнка. Журналъ Гражд. и Угол. Права, 1873, № 1, стр. 2 и слѣд.

обстоятельствъ, притомъ не только легальныхъ, но и зависящихъ отъ усмотрѣнія суда, проникла во всѣ уголовные кодексы новаго времени и кладетъ рѣзкую границу между теперешнею оцѣнкою преступленія и тою, когда каждое преступленіе было обложено безусловно опредѣленными наказаніями.

Но еще глубже различіе господствующаго въ настоящее время порядка уголовнаго правосостоянія отъ прежняго въ области взглядовъ на карательную систему вообще и на образующія ея карательныя мѣры въ частности. Здѣсь, подъ вліяніемъ идей новаго порядка, явился цѣлый отдѣлъ новыхъ положеній уголовнаго права, претендующій даже на значеніе самостоятельной науки — именно отдѣлъ карательной или уголовной политики. Отрѣшаясь отъ судебно-казуальнаго взгляда на преступленіе какъ на случайный и единичный актъ свободной человѣческой дѣятельности, уголовная политика видитъ въ немъ явленіе, представляющее одинъ изъ симптомовъ общаго соціальнаго состоянія. Выходя изъ этого взгляда, она ставитъ положеніе, по которому мѣры государственнаго противодѣйствія преступленіямъ должны быть направлены не столько на отдѣльную личность, совершившую преступный актъ дѣятельности, сколько на общія условія, сдѣлавшія его необходимымъ или возможнымъ. Отсюда вытекаетъ цѣлая система общихъ по своей природѣ и точкѣ-прицѣла мѣропріятій, ставящихъ своею задачею ослабить или даже вовсе парализировать силу условій, создающихъ преступленія, и наоборотъ, поддержать и развить вліянія другого рода, благопріятныя для общества, какъ задерживающія преступный образъ дѣятельности. Само наказаніе включается въ систему этихъ мѣръ, становясь однимъ изъ звѣньевъ въ этой длинной, строго цѣлесообразной цѣпи. Оно перестаетъ быть синонимомъ зла безцѣльнаго, назначаемаго исключительно за прошлое зло преступленія, и, не теряя почвы справедливости, стремится къ пользѣ общественной и индивидуальной. Это коренное измѣненіе во взглядахъ на общія задачи наказанія произвело уже серьозную реформу въ мѣрахъ карательной дѣятельности. И реформа эта до такой степени глубока, что человѣкъ XVI—XVII столѣтій, нечаянно очутившись въ государствѣ нашихъ дней, спрашивалъ бы себя съ недоумѣніемъ, куда дѣлось наказаніе, что съ нимъ сталось?

Онъ не увидѣлъ бы ни висѣлицъ, которыя, въ доброе старое время, красовались на всѣхъ перекресткахъ и господскихъ дво-

рахъ феодаловъ, знаменуя собою полноту ихъ уголовной юрисдикціи, верховенство ихъ надъ низшими міра сего. Его глаза были бы поражены отсутствіемъ шестовъ, высоко, на показъ всѣмъ, державшихъ остатки четвертованныхъ и колесованныхъ преступниковъ. Его уха не коснулись бы грамогласные кличи судебныхъ приставовъ, возвѣщавшихъ народу о предстоящихъ сожженіяхъ колдуновъ и чародѣевъ, о бичеваніяхъ, урѣзаніяхъ языка, рукъ, ногъ, ушей, носа разныхъ злодѣевъ, о шельмованіяхъ и строгомъ запрещеніи водить съ шельмованными знакомство; онъ не увидитъ даже мрачнаго зданія тюрьмы, гдѣ лишеніе свободы имѣло характеръ тяжкаго тѣлеснаго наказанія, гдѣ узники сидѣли въ пудовыхъ цѣпяхъ и кандалахъ, прикованные къ стѣнѣ, брошенные на грязный полъ сыраго подземелья вмѣсто постели; тюрьмы, вовсе не выпускавшей своихъ заключенныхъ на свободу, или выпускавшей ихъ опозоренными, изувѣченными и съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ глубокою пропастью между ними и обществомъ честныхъ людей, съ глубокою ненавистью къ покаравшей ихъ общественной власти; словомъ, той тюрьмы, на воротахъ которой красовалось дантовское: lasciate ogni speranza, voi ch' entrate.

Все это *въ принципѣ* стало уже прошлымъ, грустною, но пережитою страницею исторіи.

Очутившись въ современномъ обществѣ, человѣкъ, вмѣсто затѣйливости въ жестокостяхъ кары, нашелъ бы законодателя занятымъ другою, несравненно болѣе благородною задачею. Его теперь занимаетъ вопросъ не о томъ, сколько назначить ударовъ — 200, 300 или 500 — и какимъ инструментомъ — плетью, кнутомъ или кошкою; ни даже вопросъ (самъ по себѣ) о числѣ дней задержанія въ тюрьмѣ или о томъ, приковать ли заключаемаго къ стѣнѣ на $1\frac{1}{2}$ или 2 аршина, дать ему пудовые или тридцати-фунтовые кандалы. Въ кабинетахъ криминалистовъ почетное мѣсто занимаютъ теперь не трактаты о пыткахъ, а изслѣдованія природы преступленій и раціональныхъ мѣръ противодѣйствія имъ: сочиненія Беккаріи, Филанджіери, Мэконочи, Крафтона, Гольцендорфа вытѣснили фоліанты Карпцова, Жусса, Вуглана. Практическіе дѣятели въ области законодательной, расширивъ поле критики вводимыхъ ими постановленій, рѣшаются теперь предлагать ихъ не иначе, какъ подъ условіемъ цѣлесообразности и пользы ихъ для общежитія и отдѣльныхъ индивидовъ. Наука права ставитъ требованіе, чтобы преступ-

леніе отдѣлялось отъ лица преступника [1]). Въ результатѣ мы видимъ, что уже почти всѣ прежнія мѣры наказанія вытѣснены, мѣсто ихъ заступила тюрьма: но не тюрьма, приковывавшая своихъ узниковъ къ стѣнѣ и игравшая роль тѣлеснаго наказанія, а тюрьма какъ институтъ государственной нравственности, какъ уплата долга общественнаго предъ преступниками. Она стала учрежденіемъ принудительнаго воспитанія для лицъ, дотолѣ заброшенныхъ и не имѣвшихъ возможности воспользоваться благодѣтельными результатами семейнаго и общественнаго воспитанія; она не увѣчитъ преступника и не разстраиваетъ систему его органическихъ силъ сыростью, голодомъ и холодомъ, а, напротивъ, заботится о поддержаніи его здоровья, совершенствуетъ его физику, упражняетъ его мускулы, помня, что здоровье и органическія силы — одно изъ весьма серьозныхъ условій возможности честнаго труда; мало того: она всѣми силами старается, чтобы преступникъ не палъ бы низко въ своихъ глазахъ, не утратилъ силы воли, и орудіями своей дѣятельности выбираетъ не столько мѣры физическаго принужденія, сколько мѣры духовнаго воздѣйствія. „Въ тюремныхъ узникахъ прежде всего нужно стараться возбудить стремленіе къ свободному соревнованію къ цѣлямъ тюремнаго начальства, не только не убивая, но даже развивая свободу иниціативы, не только не парализируя, но даже поддерживая его надежды на лучшую жизнь“ — таковъ девизъ новѣйшихъ пенитенціаристовъ. Вѣрные своей программѣ, они положили въ основу новѣйшей тюремной дѣятельности изученіе личности заключеннаго, ея силъ и главнымъ образомъ ея недостатковъ и потребностей, давая раціональное и согласное съ цѣлями общежитія направленіе первымъ, устраняя почву вторыхъ, доставляя возможность законнаго удовлетворенія третьихъ. Для нихъ нѣтъ болѣе высшихъ и низшихъ сословій, къ членамъ которыхъ нужно примѣнять различные вѣсы справедливости — содѣйствуя господству од-

---

[1]) *Ренненкампфъ*, Очерки юридической энциклопедіи, стр. 46: «нужно принять во вниманіе, что существуетъ нерѣдко прямая и видимая связь между настроеніями личными, вліяніями общественными и совершеннымъ преступленіемъ, и потому необходимо отдѣлять преступленіе отъ лица преступника. Первое, какъ положительное зло, должно устранять всѣми мѣрами предупрежденія и пресѣченія. Къ послѣднему необходимо отнестись со всею осторожностью и снисхожденіемъ, какое можетъ быть соглашено съ порядкомъ и спокойствіемъ общества, и наказывать не столько за совершонное имъ зло, сколько за отсутствіе у него сопротивленія ему».

нихъ, научая подчиненности другихъ; но за то есть лица разныхъ темпераментовъ, убѣжденій, вѣрованій, различныхъ возрастовъ и половъ, степеней образованія и имущественнаго достатка, имѣющихъ вліяніе на складъ ихъ силъ, потребностей и средствъ удовлетворенія ихъ. Выставивъ начало равенства предъ закономъ, новѣйшая эпоха уголовнаго правосостоянія смягчила его рѣзкости въ сферѣ конкретнаго началомъ индивидуализированія. По новости дѣла, трудъ этотъ еще не успѣлъ принести всѣхъ ожидаемыхъ отъ него результатовъ, даже не завершилъ еще своего теченія, такъ что самимъ дѣятелямъ остаются темными нѣкоторыя его стороны; тѣмъ не менѣе, программа его въ общихъ чертахъ уже намѣчена, основные принципы выставлены и первыя, хотя весьма слабыя попытки его, уже увѣнчались успѣхами, которые нельзя было не признать колоссальными въ сравненіи съ результатами опыта прежнихъ вѣрованій.

Правда, для этого потребовались громадныя усилія. Пришлось совершенно отказаться отъ принципа моментальности наказаній по исполненію, такъ какъ достиженіе поставленныхъ задачъ прежде всего требовало времени: высѣчь человѣка можно въ полчаса, пополнить же недостатки его воспитанія, исправить его мудрено даже въ полгода. Только зло можетъ быть причиняемо моментально, добро же требуетъ продолжительныхъ стараній. Но за то, съ другой стороны, наказаніе могло сдать въ архивъ прежній принципъ вѣчности, въ силу котораго наказываемый терпѣлъ невыгодныя послѣдствія своего состоянія до гробовой доски; вѣчныя праволишенія, вѣчное изгнаніе, вѣчная ссылка, даже вѣчное тюремное заключеніе не мирятся съ началами современнаго направленія. Оно наложило бы на себя руки, признавъ удержаніемъ элемента вѣчности безсиліе своихъ собственныхъ мѣръ; оно парализировало бы благодѣтельные результаты послѣднихъ, поставивъ наказываемому непреодолимую преграду воспользоваться тѣмъ матерьяломъ, который ему сообщила тюрьма.

Выяснивъ существо и различіе изложенныхъ эпохъ исторіи уголовнаго правосостоянія, мы получили солидный фундаментъ для оцѣнки дѣйствующей карательной системы нашего отечества. Намъ остается рѣшить, принадлежитъ ли она первому или второму пласту правосостоянія, или обоимъ вмѣстѣ, и тогда самъ собою поставится вопросъ, который наука вправѣ и обязана сдѣлать законодателю.

IV.

Въ исторіи русскаго уголовнаго законодательства роль рѣшительнаго момента въ поворотѣ отъ началъ одного направленія къ началамъ другаго играетъ не Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, не Воинскій Регламентъ Петра Великаго, ни даже Наказъ императрицы Екатерины, а постановленіе, гораздо болѣе близкое къ нашему времени — указъ 17 апрѣля 1863 г. За нимъ стоитъ великая заслуга уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ принципѣ, а не только для привиллегированныхъ случаевъ, какъ дѣлалось прежними постановленіями законодательства; съ 17 апрѣля 1863 года тѣлесныя наказанія стали исключеніемъ изъ общаго правила, до того же времени исключеніемъ было изъятіе отъ этого наказанія. Оно составляло главнѣйшую часть карательныхъ мѣръ общей реппрессіи, кладя свои рѣзко-оттѣненные штрихи на другія ея части. Лишеніе свободы, составлявшее въ болѣе тяжкихъ видахъ наказаній необходимую прибавку къ тѣлесному бичеванію, носило его характеристическія черты: оно было лишеніемъ физическимъ, тѣлеснымъ и преслѣдовало только задачи зла. Существованіе тѣлесныхъ наказаній въ общей карательной лѣстницѣ не оставалось безъ весьма серьёзныхъ послѣдствій даже для лицъ привиллегированныхъ состояній: и относительно ихъ наказаніе преслѣдовало задачи зла физическаго, смягчая лишь нѣсколько формы причиненія его.

Было бы, впрочемъ, черезъ-чуръ смѣло и невѣрно утверждать, что правительство до послѣдней минуты принимало эту систему во всѣхъ ея выводахъ и не пыталось поставить общественную и индивидуальную пользу одною изъ цѣлей наказанія. Еще во времена императора Александра Павловича, по почину членовъ Лондонскаго человѣколюбиваго тюремнаго общества братьевъ Вининговъ, верховная власть въ Россіи и наиболѣе интеллигентная часть ея приближенныхъ горячо заинтересовались участью тюремныхъ узниковъ. Не говоря уже о самоотверженіи, доходившемъ въ эту славную эпоху русской аристократіи до геройства, съ которымъ знатнѣйшія особы мужескаго и особенно женскаго пола посѣщали низшихъ братьевъ въ самыхъ грязныхъ мѣстахъ ихъ позора и угнетенія, тогда было положено прочное начало тюремному законодательству, продолжающему дѣй-

ствовать до нашихъ дней. Идеи блага, сознаніе государственныхъ обязанностей передъ преступниками, глубоко проникаютъ его постановленія. Въ уставахъ о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ замѣтно желаніе законодателя не только наказывать преступниковъ, но и помочь имъ выбиться съ дороги зла и преступленій на путь чести и добра.

Но мѣры XIV т. свода законовъ, прекрасныя сами по себѣ, обречены были на полное безсиліе въ карательной системѣ, главнымъ звѣномъ которой объявлены тѣлесныя наказанія. Наличность послѣднихъ въ высшей степени затрудняла, подчасъ даже вовсе отнимала возможность нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ, оставляя въ рукахъ тюремнаго начальства лишь кое-какія заботы о матерьяльномъ ихъ бытѣ; тюрьма оставалась въ филантропическомъ періодѣ своего развитія, не будучи въ состояніи подняться до значенія одного изъ политическихъ институтовъ внутренней жизни народной [1]). Притомъ, даже филантропическая струя тюремной дѣятельности не могла течь безпрепятственно и далеко не исчерпала своего содержанія, встрѣчая на каждомъ шагу серьозныя преграды въ общемъ характерѣ наказанія, который намѣчался законами уголовными. Благодаря постановленіямъ ихъ, наказываемый унижался при самомъ началѣ наказанія, выдавался униженнымъ и на униженіе тюремному начальству, затѣмъ выходилъ изъ тюрьмы униженнымъ же и на униженіе общества. Филантропамъ, при такомъ порядкѣ вещей, оставалось принимать на себя лишь оффиціальныя заботы объ арестантскомъ пайкѣ, установленномъ самимъ закономъ, о его одеждѣ, жилищѣ, да изрѣдка о доставленіи ему средствъ утѣшенія, даваемыхъ его религіей.

Только съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній открылась возможность послѣдовательно провести взглядъ на преступника какъ на человѣка, имѣющаго свои потребности, удовлетвореніе которыхъ необходимо даже во имя интересовъ самаго общества. Только съ той минуты, когда тюремному начальству стали выдавать лицъ, не униженныхъ передъ тѣмъ публично, ему могъ быть поставленъ запросъ на мѣры нравственнаго воздѣйствія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла мы найдемъ, однако, что указъ 17 апрѣля намѣтилъ лишь поворотъ отъ одного на-

---

[1]) См. мою замѣтку: «Тюремная реформа и тюрьмовѣдѣніе», въ Журн. Граж. и Угол. Права, 1874 г. № 1.

правленія карательной системы къ другому, далеко еще не закончивъ этого движенія. Преградами къ рѣшительной постановкѣ новыхъ началъ для карательной дѣятельности вообще и, въ частности, для дѣятельности тюремной оказываются у насъ обстоятельства двоякаго рода.

Съ одной стороны, общее уголовное и тюремное законодательства, т. е., выражаясь конкретнѣе, томъ XV и Уставы о содержаніи подъ стражею и о ссыльныхъ тома XIV-го Св. Зак., сложились и развились совершенно независимо другъ отъ друга: каждое изъ нихъ преслѣдовало особыя задачи, каждое черпало свои начала въ особомъ порядкѣ идей, между тѣмъ какъ то и другое призваны были служить одной цѣли. Отсюда вытекало и вытекаетъ, что судъ совершенно игнорировалъ начала тюремнаго законодательства, строго примѣняя постановленія XV тома; органы же тюрьмы, наоборотъ, связаны точнымъ смысломъ судебнаго приговора и не въ силахъ отрѣшиться отъ того взгляда на преступника, который установляется спеціальнымъ по этому предмету законодательствомъ — уложеніемъ о наказаніяхъ. Начала послѣдняго кладутъ свой рѣшительный колоритъ на обрисовку тюремной дѣятельности, подрывая стремленія тюремнаго законодательства. Ихъ непримиримая рознь находитъ выходъ въ полномъ подчиненіи послѣднихъ первымъ. Всѣмъ, знакомымъ съ практикою нашихъ тюремъ, извѣстно, что таково именно фактическое рѣшеніе этого вопроса.

Съ другой стороны, уголовное законодательство до нашихъ дней удерживаетъ принципы и мѣры, существованіе которыхъ препятствуетъ устраненію элемента мести изъ наказанія и его раціональной постановкѣ. Указъ 17 апрѣля отмѣнилъ тѣлесныя наказанія; но режимъ тѣлесныхъ наказаній въ карательной системѣ шелъ гораздо далѣе бичеваній, клейменія и другихъ формъ непосредственнаго причиненія тѣлесной боли: имъ создана цѣлая сѣть побочныхъ мѣръ, наложены специфическія краски на все уголовное правосостояніе. Его выводами усѣяны были всѣ ступени лѣстницы наказаній. Между тѣмъ, указъ 17 апрѣля совершенно не коснулся ихъ, предоставивъ имъ существовать въ прежнемъ объемѣ и видѣ. Положеніе, созданное такими пріемами законодательной дѣятельности, не могло не быть въ высшей степени двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ.

Выходъ изъ него — наша ближайшая потребность.

Въ интересахъ его скорѣйшаго разрѣшенія намъ необходимо

прослѣдить, какія именно мѣры дѣйствующей карательной системы, удержанныя послѣ 17 апрѣля, обязаны своимъ существованіемъ исключительно порядку тѣлесныхъ наказаній и несовмѣстимы съ началами новаго направленія, замѣченнаго нами въ уголовномъ правѣ цивилизованныхъ народовъ.

Сюда относятся: институтъ лишенія и ограниченія правъ въ его современной обрисовкѣ дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ; неравенство многихъ наказаній для лицъ разныхъ сословій; удержаніе въ лѣстницѣ наказаній такихъ карательныхъ мѣръ, которыя покоятся всецѣло на традиціи прежняго порядка, достигая лишь цѣлей зла или лишенія, напр. ссылка на житье; недостаточно широкое проведеніе начала индивидуализированія въ уголовныхъ законахъ, лишающее судебную и исполнительную власти возможности спеціализировать выбираемыя ими мѣры по условіямъ и потребностямъ конкретныхъ случаевъ; преобладаніе элемента тѣлесной боли въ самомъ лишеніи свободы, какъ результатъ сословныхъ различій и праволишеній, завѣщанный прежнимъ порядкомъ кары; и, наоборотъ, чувствительный недостатокъ въ немъ той политической струи, которая въ состояніи сдѣлать изъ тюрьмы серьозный соціяльный институтъ борьбы съ преступностью.

Показать несовмѣстимость этихъ мѣръ и пробѣловъ съ современными характеромъ и задачами кары — таковъ ближайшій предметъ дальнѣйшаго изложенія.

V.

Лишеніе и ограниченіе правъ глубоко проникаютъ въ карательную систему дѣйствующаго русскаго законодательства. Среднія и высшія ступени ея лѣстницы построены главнымъ образомъ на этомъ институтѣ. Практикуется онъ въ весьма широкихъ и разнообразныхъ формахъ, а именно:

а) По объему различаются три вида лишенія правъ: maximum — лишеніе всѣхъ правъ состоянія; medium — лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и minimum — ограниченіе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Первый видъ соотвѣтствуетъ *почти* во всѣхъ своихъ чертахъ французскому институту граж-

данской смерти, mort civile, — упраздненному закономъ 31 мая 1854 года; второй и третій напоминаютъ германскіе Entziehung и Untersagung der bürgerlichen Ehrenrechte.

б) По карательной природѣ — лишеніе правъ разсматривается или какъ необходимая часть другого наказанія, или какъ ближайшее послѣдствіе самаго преступленія.

в) Кромѣ этихъ формъ есть еще особенныя, стоящія внѣ общей лѣстницы наказаній, примѣняемыя лишь въ спеціально указанныхъ закономъ случаяхъ и распадающіяся на безсрочныя и срочныя лишенія и ограниченія правъ.

За исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ послѣдняго рода, лишеніе правъ по русскому законодательству есть институтъ пожизненный, сопровождающій осужденнаго къ уголовнымъ и тяжкимъ исправительнымъ наказаніямъ до гробовой доски. Примѣненіе его безусловно обязательно для суда во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ необходимымъ назначить одно изъ уголовныхъ или высшихъ исправительныхъ наказаній, и приговоренный къ нему не имѣетъ никакихъ регулярныхъ средствъ избавиться отъ этой общественной анаѳемы. Будь его жизнь по отбытіи наказанія безупречнѣе жизни сотни другихъ гражданъ вмѣстѣ взятыхъ, будь на его сторонѣ масса шансовъ безопаснаго и даже полезнаго для общества обладанія этими правами — за нимъ ни въ какомъ случаѣ не признается право добиваться ихъ возвращенія. Судебный приговоръ срастается — по средневѣковому выраженію — съ его костями, ему нѣтъ больше доступа въ полноправное общество.

Въ этой окраскѣ институтъ пораженія правъ, какъ мѣра пожизненная, безусловно обязательная для суда и абсолютная въ своемъ исполненіи, противорѣчитъ и юридическимъ, и еще болѣе уголовно-политическимъ задачамъ современнаго наказанія.

Съ юридической точки зрѣнія онъ оказывается мѣрою, не удовлетворяющею задачамъ справедливости и государственной правомѣрности.

Его *относительная несправедливость* состоитъ въ томъ, что лишеніе правъ легче для болѣе испорченныхъ преступниковъ, не дорожащихъ своимъ общественнымъ положеніемъ, чѣмъ для менѣе испорченныхъ; тяжесть его, такимъ образомъ, стоитъ въ обратномъ отношеніи со степенью порочности и преступности наказываемыхъ.

Его *абсолютная несправедливость* вытекаетъ изъ безуслов-

ности и недѣлимости этой мѣры. Эти ея качества отнимаютъ у суда всякую возможность обращать въ своемъ приговорѣ вниманіе на многообразные оттѣнки преступности, заставляя его примѣнять одно и то же наказаніе за различныя вины [1]).

Государственная *неправомѣрность* нашего института лишенія правъ вытекаетъ изъ его широкаго объема. Сфера правъ личности слагается изъ нѣсколькихъ категорій правъ. Однѣ даютъ лицу возможность оказывать вліяніе на политическую дѣятельность болѣе или менѣе обширныхъ общественныхъ кружковъ; это — политическія полномочія. Ихъ государство можетъ признать, можетъ не признать за данною личностью. Другія позволяютъ ей примѣнять свои силы и способности въ такой сферѣ дѣятельности, которая соприкасается съ интересами и безопасностью неопредѣленнаго множества лицъ, напр. въ сферѣ медицинской практики, адвокатуры, государственной службы и т. п. Здѣсь право государственнаго veto подлежитъ не меньшему сомнѣнію. Но есть третья группа правъ, къ которой государство стоитъ въ совершенно иномъ отношеніи; таковы право на честный трудъ и на пользованіе его плодами, право на честный семейный союзъ, вообще такія права, совокупность которыхъ образуетъ юридическое понятіе гражданской личности и безъ которыхъ остается только физическій человѣкъ, предоставленный всецѣло своимъ матерьяльнымъ инстинктамъ. Гарантированіе правъ этой категоріи, такъ называемыхъ *гражданскихъ*, составляетъ *общую* обязанность государства для всѣхъ живущихъ на его территоріи безъ различія, — обязанность, не зависящую ни отъ сословныхъ положеній, ни отъ личныхъ достоинствъ того или другаго индивида [2]). Въ каждомъ обществѣ среди собственниковъ можно найти лицъ высокодобродѣтельныхъ и отчаянныхъ негодяевъ; семейныя связи заключаются всѣми безъ различія, и отъ этого интересъ общественный страдаетъ несравненно менѣе, чѣмъ еслибы государство вздумало поставить эти отношенія въ зависимость

---

[1]) *Дюмонъ*, Code pénal progressif, стр. 111, въ ряду возраженій противъ гражданской смерти приводитъ между прочимъ слѣдующее: La mort civile est une fiction; est il digne de la gravité du législateur de fonder une peine sur une fiction? Quelle n'est pas d'ailleurs l'inegalité de cette peine, qui, pour quelques condamnés, équivaut à la mort même; qui pour d'autres, n'ajoute à leur état ni privation ni infamie?

[2]) *Gerber*, Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts, Leipzig 1869, стр. 37 и слѣд.; *Zachariae*, Deutsches Staats- und Bundesrecht, Göttingen, 1865, I, стр. 443 и слѣд.; *Rey*, Traité des principes généraux du droit et de législation, стр. 234; *Wahlberg*, Die Ehrenfolgen der Strafrechtlichen Urtheile, 1865.

отъ спеціяльнаго дозволенія или запрета. Отсюда необходимый выводъ — что лишеніе этихъ правъ не должно слѣдовать за лицомъ, оставляющимъ за собою тюремныя стѣны и вступающимъ въ среду свободнаго общества. Авторитетъ богатаго опытомъ Запада подкрѣпляетъ его силу. Выше уже замѣчено, что mort civile отмѣнена во Франціи закономъ 1854 г., какъ мѣра, несоотвѣтствующая достоинству государства — органа некомпетентнаго къ ней при современномъ пониманіи его задачъ [1]). Въ Германіи противъ вѣчнаго лишенія чести, кромѣ многихъ литературныхъ дѣятелей, [2]) возстало цѣлое юридическое сословіе; предложеніе Штэссера объ изгнаніи его изъ уголовнаго кодекса, внесенное въ 3-й Съѣздъ юристовъ, было встрѣчено весьма сочувственно, и такіе почтенные дѣятели германской науки, какъ Вехтеръ и Ги-Глюнекъ, взялись быть его референтами [3]). Представленія этого съѣзда были услышаны составителями германскаго уголовнаго Уложенія 1870 г., которое, въ сравненіи съ прусскимъ, знаетъ институтъ лишенія правъ чести въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ [4]). По англо-американскому законодательству человѣкъ, отбывшій самые тяжкіе виды лишенія свободы, дѣлаясь свободнымъ, получаетъ eo facto права личности во всей ихъ полнотѣ, и только для досрочно-освобожденныхъ, по указанный судебнымъ приговоромъ срокъ наказанія, существуютъ нѣкоторыя ограниченія [5]).

Къ этимъ, весьма серьознымъ *юридическимъ* соображеніямъ противъ института лишенія правъ какъ мѣры пожизненной, безусловной въ своемъ примѣненіи и охватывающей не только политическія полномочія, но и гражданскія права личности, присоединяются не менѣе вѣскія *соображенія уголовной политики.*

---

[1]) *Chauveau Adolph et Faustin Hélie.* Théorie du Code pénal, 1863, Paris, I, стр. 159 и слѣд.; еще раньше закономъ 15 марта 1850 г., правительству было предоставлено возвращать приговореннымъ къ вѣчному наказанію пользованіе ихъ правами въ мѣстѣ ссылки. *Chauveau et Hélie,* I, 170.

[2]) *Wick,* Ueber Ehrenstrafen und Ehrenfolgen, Rostock, 1853; *Wahlberg,* Die Ehrenfolgen и пр. 1865; противъ этой мѣры были также Миттермайеръ, Гэльшнеръ, Гольцендорфъ и др.

[3]) Verhandlungen des 3ten deutschen Juristentages. Berlin, 1863, Zweiter Band, стр. 406—437.

[4]) Ср. §§ 31—36 Общегерманскаго Уложенія съ §§ 11, 12, 21—23 Прусскаго Угол. Улож. 1851 года.

[5]) *Du Cane,* An account of the Convict prisons in England, London, 1872; перепечатано въ Transactions of the International Penitentiary Congress held in London, July 3—13, 1872, стр. 285—347.

Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить противорѣчіе этой мѣры съ задачами, которыя современность ставитъ наказанію. Когда кара преслѣдовала исключительно задачи зла, законодателю незачѣмъ было вдумываться въ организацію ее: стоило предписать, чтобъ данное лишеніе было примѣнено къ преступнику. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ самыми тяжкими преступниками и не надѣясь переработать ихъ своими мѣрами наказанія, государство выбрасывало ихъ за бортъ общественный; цѣль эту спеціально преслѣдовали: смертная казнь, изгнаніе, членовредительныя наказанія въ связи съ клейменіемъ, и, наконецъ, институтъ лишенія правъ, создавшій особый классъ людей, отдѣленный отъ честнаго общества глубокою соціяльною пропастью, не долженствовавшій приходить съ нимъ въ соприкосновеніе [1]). Но что же сталось съ этими мѣрами? Отчасти подъ напоромъ гуманизма, а еще болѣе вслѣдствіе развитія правильныхъ идей въ государственной дѣятельности, смертная казнь вымираетъ весьма явственно [2]); изгнаніе окончательно сдано въ архивъ, благодаря развитію международныхъ отношеній [3]); клейменіе не давало обществу тѣхъ гарантій, которыхъ отъ него ожидали, а институтъ праволиченія также оказался не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для безопасности общественной. Создаваемое имъ изолированное положеніе наказанныхъ сообщаетъ имъ духъ товарищества и прочную организацію беззаконія, столь гибельныя для остальнаго общества, отдѣлить же ихъ отъ послѣдняго оно не можетъ, такъ какъ de facto безправые живутъ среди того же общества полноправныхъ гражданъ и могутъ ежеминутно вредить ему. По этимъ именно соображеніямъ прежнія мѣры наказанія, моментальныя по исполненію и вѣчныя по дѣйствію, замѣнены другими, продолжительность исполненія которыхъ даетъ государственнымъ органамъ возможность вліять на личность узниковъ, направляя ихъ духовныя и матерьяльныя силы согласно съ цѣлями общежитія. Убѣдившись, что рано или поздно осужденныхъ преступниковъ придется воротить въ среду свободнаго общества и что всякія

---

[1]) *Holtzendorff*, Handbuch des deutschen Strafrechts, II, стр. 431 и слѣд., 60 и слѣд., 120 и слѣд., статью Гольцендорфа; *Fissot*, Introduction philosophiques à l'étude du droit penal et de la réforme pénitentiaire. Ouvrage couronné à l'Academie des Sciences morales et politique. Paris, стр. 784, 1276 и слѣд.

[2]) *Кистяковскій*, О смертной казни, Кіевъ.

[3]) *Holtzendorff*, Die Deportation als Strafmittel, Leipzig, 1859.

преграды, установляемыя между тѣмъ и другими, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью окажутся безсильною фикціею, законодательство принимаетъ этотъ выводъ безъ возраженій, но зато пускаетъ въ дѣло систему мѣръ, расчитанныхъ на предупрежденіе его вредныхъ или опасныхъ сторонъ. Наказанія становятся продолжительными по исполненію, но ихъ вѣчныя послѣдствія совершенно отбрасываются.

Иное мы видимъ въ системѣ русскаго законодательства. Вѣчныя послѣдствія удерживаются имъ не только для уголовныхъ, но и для тяжкихъ исправительныхъ наказаній. Замѣчательно, что обѣ коммиссіи, работавшія согласно Высочайшему порученію по вопросу о реформѣ русской карательной системы, и имѣвшія совершенно правильные взгляды на измѣнившіяся задачи наказанія, удерживаютъ ихъ въ лѣстницѣ наказаній. Существенныя заботы той и другой были обращены на дѣло тюремной реформы, каждая ставитъ тюрьмѣ въ обязанность подготовить своихъ узниковъ къ свободной жизни и удержать ихъ отъ рецидива, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одна не хочетъ отказаться отъ института лишенія правъ, принадлежащаго совершенно иному пласту карательной политики. Мы не можемъ не протестовать противъ этой попытки примиренія непримиримыхъ, одно другому враждебныхъ, взаимно себя ослабляющихъ институтовъ. Идеи, лежащія въ основаніи мѣръ моментальныхъ по исполненію и вѣчныхъ по дѣйствію съ одной стороны, и мѣръ продолжительныхъ по исполненію съ другой, расходятся во всѣхъ своихъ точкахъ. Тамъ все построено на недовѣріи къ личности преступника, на убѣжденіи въ полной и безповоротной его нравственной испорченности; здѣсь — на надеждѣ встрѣтить въ немъ чувствительныя струны добра и правды, могущія выработать его въ полезнаго члена общества. Тамъ выходятъ изъ мысли, что злая воля, разъ укоренившись, живетъ постоянно въ человѣкѣ и составляетъ единственную причину его преступныхъ актовъ; здѣсь злая воля расчленяется на свои составные элементы, открывается связь ихъ съ массою другихъ условій, лежащихъ внѣ личности преступника, и является увѣренность, что съ измѣненіемъ ихъ можетъ быть измѣнено и направленіе воли. Тамъ, наконецъ, вѣрятъ въ возможность, оставляя преступника среди общества, изолировать его и сдѣлать безвреднымъ при помощи фиктивныхъ преградъ; здѣсь опытъ расшаталъ эту вѣру, показалъ ея полное несогласіе съ дѣйствительностью и поставилъ на ея мѣсто

другое убѣжденіе, что безопасность общественная лежитъ не въ такихъ фиктивныхъ преградахъ, а въ извѣстномъ, дружественномъ цѣлямъ общежитія, настроеніи воли бывшихъ преступниковъ, достигнуть котораго почти невозможно при институтѣ вѣчнаго праволишенія. Идеи эти генерически различны, онѣ не могутъ быть практикуемы одновременно.

Для доказательства этихъ общихъ положеній будетъ не лишнимъ взглянуть на связь оспариваемаго института съ дѣломъ тюремной реформы. Мы утверждаемъ, что послѣдняя не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ безплоднымъ экспериментомъ, стоющимъ массу денегъ и не принесущимъ ничего въ результатѣ, если эта реформа не соединится съ реформою законоположеній о лишеніи правъ. Система послѣднихъ противорѣчитъ всѣмъ тѣмъ началамъ, на которыхъ основаны ожиданія пользы отъ раціональной тюремной дѣятельности.

Такъ: 1) тюрьма новаго времени, въ противоположность прежней, должна прежде всего убѣдить своихъ узниковъ въ справедливости наказанія, въ томъ, что государство караетъ ихъ не изъ мести, не изъ злобы, а по тяжкой необходимости, и что мѣры его расчитаны на благіе результаты, какъ для общества, такъ и для каждаго отдѣльнаго узника [1]). Институтъ же праволишенія и по объему отнимаемыхъ правъ, и по вѣчности его лишаетъ тюремное начальство возможности привить къ тюремнымъ арестантамъ это убѣжденіе; при существованіи его кара остается безполезною местью.

Во-вторыхъ, на тюрьмѣ лежатъ теперь такъ называемыя исправительныя или воспитательныя задачи. Для достиженія этой цѣли, тюремная политика рекомендуетъ „дѣйствовать заодно съ человѣческой природой преступниковъ, а не противъ нея;“ [2]) другими словами — открыть каждому узнику, желающему по освобожденіи стать твердо на дорогу честнаго труда, перспективу благосостоянія и довольства, которыхъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ достигнуть путемъ преступной дѣятельности. Этимъ пріобрѣтается весьма сильный исправительный импульсъ, говорящій каждому узнику понятнымъ для него голосомъ интереса.

---

[1]) См. ст. *Brockway*'я: The ideal of a true prison system for the state, въ Transactions цинцинатскаго тюремнаго конгресса, Albany 1871, стр. 38 и слѣд.

[2]) International Congress of the Prevention and Repression of Crime, Washington, 1872, стр. 176, положеніе Мэкономи: Prison discipline, to be truly reformatory, must work with nature, not against it.

Разсматриваемый же нами институтъ праволишенія вырываетъ изъ рукъ тюремнаго начальства и это средство дѣятельности; вмѣсто радужной, оно можетъ показать своимъ узникамъ лишь самую невзрачную будущность жизни, неизбѣжно ожидающую ихъ за тюремными стѣнами даже при самыхъ прочныхъ желаніяхъ вступить на путь честнаго труда; вмѣсто законныхъ гарантій ихъ личности — вѣчное безправіе, вмѣсто возможности заслужить общественный почетъ путемъ усилій честной дѣятельности — вѣчное безчестіе. Многія области труда останутся для него навсегда закрытыми, и даже въ открытыхъ онъ по гробъ осужденъ играть роль парія.

На тюрьмѣ, въ третьихъ, лежатъ задачи внѣшняго предупрежденія преступленій, которыя въ отличіе отъ исправительныхъ или внутренняго предупрежденія, возлагаютъ на карательную политику государства обязанность устранить по возможности всѣ тѣ условія, которыя по освобожденіи узниковъ могутъ наталкивать ихъ на новыя преступленія [1]). Институтъ лишенія правъ и здѣсь является весьма серьознымъ тормазомъ для государства. Имъ, съ одной стороны, значительно уменьшается сумма средствъ для достиженія экономической обезпеченности, такъ какъ лишеннымъ правъ de jure и еще болѣе de facto закрыты многія области честнаго труда и отнята обезпеченность пользованія правами оставленныхъ; съ другой — онъ отрываетъ наказаннаго отъ той общественной среды, мнѣніемъ которой онъ привыкъ дорожить, и бросаетъ его въ новую, совершенно чуждую среду, которую онъ привыкъ презирать. Словомъ, съ какой бы стороны мы не взглянули на функціи раціональной тюремной системы и на институтъ праволишенія. вездѣ и всегда мы встрѣчаемъ между ними полнѣйшій разладъ: захотите вы ввести досрочное освобожденіе — всѣ хорошія стороны его парализуются вѣчнымъ лишеніемъ правъ и остаются лишь дурныя; найдете вы нужнымъ провести въ тюрьмахъ раціональную классификацію арестантовъ, тотчасъ окажется, что распредѣлять нечего: законъ уравнялъ всѣхъ подъ знаменемъ безправія; найдете вы необходимымъ остановиться на системѣ отмѣтокъ, на началѣ постепенности или прогрессивности тюремныхъ мѣропріятій, на другихъ формахъ индивидуализированія мѣръ тюремной дѣятельности, или упрочить свободное попечительство о заключенныхъ

[1]) *Bittinger*, Responsibility of society for the causes of crime, въ цинцинатскихъ Transactions, Albany 1872, стр. 278 и слѣд.

— вездѣ, на каждомъ шагу ваши благія начинанія разобьются въ прахъ о то состояніе полнаго или частичнаго, но во всякомъ случаѣ вѣчнаго, безправія, которое устанавливается уложеніемъ о наказаніяхъ.

Но, быть можетъ, эти невыгоды выкупаются хорошими сторонами института лишенія правъ, на столько серьезными, что разсматриваемый институтъ долженъ быть цѣликомъ принятъ въ карательную систему? Быть можетъ, имъ доставляется обезпеченность общественнаго спокойствія противъ нарушеній бывшихъ тюремныхъ узниковъ? Нѣтъ, теорія и опытъ говорятъ противное. Извѣстенъ парадоксъ Вихерна: „высокая тюремная стѣна — не стѣна“, парадоксъ, развитый въ томъ именно смыслѣ, что тюрьма, которая поставитъ задачею безусловно изолировать своихъ узниковъ отъ интересовъ остальнаго общества съ цѣлію доставить безопасность послѣднему, дастъ діаметрально противоположные результаты. Бывшій преступникъ и общество ставятся такою системою дѣятельности во враждебные лагери и она узаконяетъ непріятельскія дѣйствія каждой стороны. Еще болѣе примѣняется это опасеніе къ тюрьмѣ, которая опоясываетъ своихъ узниковъ оградою безправія. Что, въ самомъ дѣлѣ, дала она русской жизни? Классъ смирныхъ тюремныхъ арестантовъ, сознающихъ свое безсиліе и смиренно ожидающихъ крохи общественной трапезы? Нѣтъ, она создала бродяжество, грозное своимъ положеніемъ внѣ закона, гордящееся имъ и издѣвающееся надъ всѣми правами. Обезпеченность общественную? Нѣтъ, она дала убійства и грабежи, какъ будничныя, совершенно нормальныя явленія; она развила аристократію преступленія, героевъ тюрьмы, съ которыхъ тюремное народонаселеніе беретъ грустныя примѣры. Быть можетъ, она успѣла заселить какія либо отдаленныя наши колоніи? Опять таки нѣтъ, она только ввела въ убытки государственные финансы. И всѣ затраты, которыя будутъ положены на тюрьму, принесутъ нуль въ рубрикѣ „польза“, если мы не откажемся рѣшительно отъ этого института. Тюремные дѣятели будутъ удивляться, что всѣ усилія ихъ остаются безъ успѣха; болѣе крайніе изъ нихъ начнутъ кричать объ испорченности русской натуры, о неисправимой закоренѣлости русскаго преступника, и приведутъ общество — къ смертной казни. Только впослѣдствіи окажется, что удивляться было нечему, что причины безплодія реформы лежали не въ самой идеѣ тюремнаго заключенія, а въ дурной ея постановкѣ: но тогда будетъ уже поздно.

Таково первое возраженіе уголовной политики противъ разсматриваемаго института. Переходимъ къ дальнѣйшимъ.

Лишеніе правъ *противорѣчитъ современному соціальному строю* и такимъ образомъ нарушаетъ одно изъ коренныхъ началъ уголовной политики, согласно которому мѣры карательной системы должны стоять въ полномъ соотвѣтствіи съ условіями общественной жизни. Этотъ институтъ перешелъ къ намъ отъ тѣхъ историческихъ эпохъ, когда общество было разбито на нѣсколько сословій, разобщенныхъ между собою; одни считались высшими, другіе — низшими, члены однихъ имѣли въ своихъ рукахъ всѣ гражданскія и политическія права, члены другихъ находились въ болѣе или менѣе полномъ подчиненіи. Тогда лишеніе правъ, какъ мѣра наказанія, имѣло свое соціальное raison d'être; оно завершало лѣстницу общественныхъ классовъ въ ея нижнихъ ступенькахъ и создавало сословіе, стоявшее въ тѣсной связи съ рабствомъ. Таковъ институтъ servitutis poenae въ параллель рабству по римскому законодательству и различныя, связанныя съ нимъ степени деградаціи. Тому же требованію іерархическаго склада общества отвѣчали деградаціи каноническаго права, лишеніе дворянства съ переводомъ въ низшіе классы по прежнимъ германскимъ и дѣйствующему русскому законодательству (ст. 47 улож. о наказ.). Въ эпоху существованія сословныхъ различій, до того рѣзкихъ, что цѣлые классы общества могли быть объявляемы „презрѣнными", vilains, и не заслуживающими полноты гражданскихъ правъ, подобные переводы въ видѣ наказанія имѣли не только свое бытовое объясненіе, но и оправданіе; классы, находившіеся въ презрѣніи, не имѣли чего терять отъ такого перевода, а для наказываемаго онъ былъ дѣйствительнымъ и весьма тяжкимъ лишеніемъ. Теперь-же порядокъ сословнаго государства кончилъ свою историческую жизнь, притомъ не только на Западѣ, но и въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, державною волею Царя-Освободителя не призваны-ли и у насъ всѣ классы народные къ равному пользованію правами гражданскими, ставшими подъ непосредственную охрану престола? Не получили-ли даже самые низшіе, по прежнимъ взглядамъ, народные классы, благодаря той-же державной волѣ, участіе въ государственной жизни страны предоставленнымъ имъ мѣстомъ въ земскихъ собраніяхъ и на скамьѣ присяжныхъ? Не достаточно-ли ясна мысль, столь счастливо руководящая правительственною дѣятельностью со времени освобожденія крестьянъ, предоставить каждому классу обществен-

ному почетное положеніе въ государствѣ и ни одинъ изъ нихъ не дѣлать предметомъ презрѣнія? А если такъ, то у института лишенія правъ въ формѣ перевода изъ высшихъ общественныхъ классовъ въ низшіе, нормально существующіе, совершенно ушла почва. Съ большимъ еще правомъ можно выставить и защищать это положеніе относительно института лишенія правъ, какъ мѣры, выдѣляющей наказываемаго въ искуственно создаваемый ею классъ безправныхъ: начало законности, пустившее уже прочные корни въ систему нашей государственной жизни, обѣщающее въ будущемъ правильный и крѣпкій ростъ, не мирится съ состояніемъ чьего-бы то ни было безправія. Въ государствѣ, понявшемъ свое истинное назначеніе — быть ревнителемъ и охранителемъ правъ, немыслимъ болѣе этотъ классъ людей [1]).

Въ подкрѣпленіе нашего протеста противъ института лишенія правъ по русскому законодательству, мы можемъ сослаться еще на *антинаціональность его на русской почвѣ*. Историческія свидѣтельства показываютъ, что институтъ этотъ — нерусскаго происхожденія, [2]) и прививался очень туго къ нашей жизни „западниками съ лѣвой стороны“. Но, какъ замѣчено выше, и на западѣ онъ уже утратилъ своихъ защитниковъ, а въ Россіи почвы для него меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Нигдѣ нѣтъ такого обширнаго бродячаго населенія, создаваемаго безправіемъ и сѣющаго кругомъ себя беззаконіе, нигдѣ нѣтъ такой настоятельной потребности привязать къ обширной территоріи рѣдкое населеніе законными гарантіями его интересовъ, какъ именно въ Россіи. Не только уголовная, но и общегосударственная политика, протестуя противъ лишенія правъ какъ мѣры антинаціональной, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ его положительный вредъ для общества въ виду современныхъ условій нашего соціальнаго быта.

Замѣчательно, что въ самомъ законодательствѣ мы встрѣчаемъ признаніе опасности проведенія началъ уложенія о наказаніяхъ во всей ихъ послѣдовательности, и потому-то законодатель, пиша ихъ одною рукою, другою даетъ мѣры, которыя явно предназначены къ тому, чтобъ хотя до нѣкоторой степени парализовать

---

[1]) См. *Gerber*, Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts, Leipzig, 1869, стр. 30 и сл., 37 и слѣд.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. мой рефератъ I-му съѣзду русскихъ юристовъ по вопросу о лишеніи правъ въ Ж. Гр. и Уг. Пр. 1874, № 5.

вредъ института праволиченія. Этотъ именно характеръ носятъ постановленія т. XIV уст. о ссыльныхъ, которыми лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія предоставляются не только права на имущество, пріобрѣтенное на мѣстѣ ссылки (ст. 576, 578, 631 и др. уст. о ссыльн.), но даже возвращается *прежнее* движимое ихъ имущество, взятое ими съ собою въ мѣсто ссылки (ст. 579, 676 и др.); принимаются мѣры для поощренія ихъ браковъ, со всѣми законными послѣдствіями, наступающими для полноправныхъ гражданъ (ст. 678 и др.), и даже открывается перспектива участвовать въ общественной дѣятельности на правахъ свободныхъ крестьянъ, лишь-бы только, съ момента водворенія ихъ на поселеніи, истекъ 10-лѣтній срокъ, который, при особенныхъ заслугахъ или примѣрномъ поведеніи, можетъ быть сокращаемъ мѣстнымъ начальствомъ (ст. 728—734, 738). Всѣ эти постановленія непонятны при институтѣ пожизненнаго лишенія правъ, но въ высшей степени цѣлесообразны съ интересами ссыльнаго населенія, и на нихъ можно цѣликомъ опереть возраженія, которыя сдѣланы нами противъ другихъ постановленій русскаго законодательства, установляющихъ пожизненное лишеніе правъ состоянія. Самъ законодатель признаетъ невозможнымъ послѣдовательное ихъ проведеніе въ жизнь, и, лишивъ подвергающагося уголовному наказанію всѣхъ правъ состоянія, немедленно возвращаетъ ему, какъ ссыльно-поселенцу, и право на имущество, и права семейственныя, и даже права политическія. Онѣ лишь на короткое время отсрочиваются наказаніемъ, и наказанный поступаетъ не въ особый классъ безправныхъ — какъ желаетъ уложеніе о наказаніяхъ, — а въ нормальный, хотя и низшій, классъ полноправныхъ гражданъ. Можетъ показаться даже, что въ виду такого положенія дѣла всякій протестъ противъ началъ уложенія — лишь пустая кабинетная тонкость. Однако, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, онъ оказывается совершенно практическимъ. Наше законодательство ослабляетъ силу общаго начала, содержащагося въ уложеніи, особеннымъ постановленіемъ, которое относится *только* къ лицамъ, лишеннымъ *всѣхъ* правъ состоянія; такъ что двѣ остальныя категоріи лицъ — лишенныя всѣхъ особенныхъ правъ и ограниченныя въ нѣкоторыхъ правахъ — стоятъ въ положеніи, гораздо болѣе неблагопріятномъ, чѣмъ наиболѣе тяжкіе преступники. Для нихъ не существуетъ такого льготнаго особеннаго закона, какъ для послѣднихъ, и наказаніе уголовное, которое законъ объявляетъ болѣе тяжкимъ, въ дѣйствительности

менѣе тяжко, чѣмъ наказаніе исправительное. Для человѣка, подвергнутаго лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, нерѣдко прямой расчетъ заслужить наказаніе уголовное, слѣдовательно совершить новое преступленіе, такъ какъ этимъ путемъ онъ можетъ воротить себѣ полноту гражданскихъ правъ. Эта аномалія настоятельно требуетъ выхода.

Обозрѣвая все сказанное выше, мы приходимъ къ заключенію, что реформа дѣйствующихъ постановленій русскаго законодательства по вопросу о лишеніи правъ — дѣло первостепенной важности. Необходимость ея вызывается требованіями справедливости, уголовной и общегосударственной политики. Она должна быть направлена къ изгнанію этого института изъ системы нашего законодательства и предложенію на его мѣсто другихъ мѣръ, болѣе способныхъ гарантировать общественную безопасность и болѣе соотвѣтствующихъ современному взгляду на наказаніе. Въ какихъ именно размѣрахъ слѣдуетъ вычеркнуть постановленія о лишеніи правъ изъ системы законодательства — вопросъ спеціальной разработки, подробное аргументированіе котораго было-бы неумѣстно въ настоящей статьѣ. Достаточно сказать, что лишеніе правъ *гражданскихъ*, какъ послѣдствіе наказанія, теперь-же можетъ и должно быть сдано въ архивъ безъ всякихъ ограниченій; важнѣйшія соображенія въ пользу этого взгляда приведены выше. Что-же касается потери политическихъ полномочій, а также права исполнять какую либо отрасль занятій, въ добросовѣстномъ отправленіи которой заинтересовано все общество (напр. заниматься медицинскою практикою и т. под.), то внѣ всякаго спора стоятъ лишь пожизненныя формы этихъ лишеній: и имъ—мѣсто въ архивахъ прошлаго. Другія же, срочныя ихъ формы, будутъ имѣть своихъ противниковъ, но не останутся и безъ защитниковъ. Теперь, кажется, окончательная ихъ отмѣна была-бы преждевременною; тюрьма еще не достигла той степени развитія, стоя на которой она была бы въ состояніи возвращать обществу его преступниковъ исправленными гражданами, перевоспитанными въ духѣ общежитія; пока — это только идеалъ тюремныхъ задачъ, къ сожалѣнію, еще далекій отъ исполненія. „Придетъ время – говоритъ профессоръ Іонъ, когда можно будетъ совсѣмъ отказаться отъ наказаній, падающихъ на гражданскую честь и сопровождающихъ бывшихъ арестантовъ за тюремныя двери. Но требовать теперь полнаго ихъ устраненія, значило бы выставлять требованіе, осуществить которое при дан-

ныхъ условіяхъ нѣтъ возможности. Теперь, скорѣе, слѣдуетъ выходить изъ начала, что предположеніе неудовлетворительности современной тюремной дѣятельности и возможное зло отъ непризнанія за освобождаемыми всѣхъ правъ, немедленно при раскрытіи имъ дверей тюрьмы, все-таки есть меньшее зло, чѣмъ то, которое могло бы произойти, если бы каждый освобождаемый изъ тюрьмы *преступникъ* немедленно былъ бы объявленъ достойнымъ пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и свободные граждане, никогда не подвергавшіеся наказанію“ [1]). Въ виду этихъ соображеній, мы склоняемся болѣе въ пользу временнаго сохраненія лишеній нѣкоторыхъ политическихъ правомочій и полномочій, имѣющихъ общественный характеръ, пока тюремная реформа не сдѣлаетъ ихъ излишними; весьма важно, однако, чтобъ при назначеніи ихъ судъ имѣлъ возможность сообразоваться съ конкретною обстановкою даннаго дѣла и чтобъ ему были предоставлены средства возвращать отнятыя права, если приговоръ о лишеніи ихъ успѣлъ уже принести пользу до истеченія назначеннаго въ немъ срока [2]).

VI.

Переходимъ теперь къ другому явленію, характеризующему дѣйствующее уголовное законодательство Россіи и отмѣченное нами въ ряду явленій, препятствующихъ раціональной постановкѣ нашей карательной системы. Мы говоримъ о *сословной розни*, установляемой имъ въ дѣлѣ уголовнаго правосостоянія.

Было бы совершенно ошибочно думать, что пенитенціарная дѣятельность вводитъ всѣхъ тюремныхъ узниковъ въ однѣ и тѣ же неизмѣнныя рамки своихъ мѣропріятій и не соглашается отступать ни для кого отъ самыхъ мелкихъ частностей напередъ установленныхъ правилъ. Напротивъ, никогда еще вниманіе къ обстановкѣ, силамъ и способностямъ каждаго узника не практи-

---

[1]) *John*, Entwurf mit Motiven zu einem Strafgesetzbuche für den Norddeutschen Bund; стр. 125 и слѣд.

[2]) Читателей, желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ, я отсылаю къ названному выше моему реферату о лишеніи правъ. См. также приведенныя въ цитатахъ сочиненія Вальберга и Вика.

ковалось въ такой степени, какъ со времени провозглашенія своихъ началъ пенитенціаристами. Дѣйствовать за-одно съ человѣческой природой, а не противъ нея — таковъ ихъ лозунгъ; а чтобы провести его въ жизнь, необходимо изучить каждаго арестанта, подмѣтить всѣ его наклонности, способности и потребности, и расчитывать свои мѣры по обстановкѣ, ожидающей каждаго ихъ узника за тюремными стѣнами.

Тѣмъ не менѣе, однако, введеніе сословной розни въ наказаніе стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ политическими началами тюрьмовѣдѣнія. Принадлежность человѣка къ опредѣленному сословію не только ничего не говоритъ о его способностяхъ и наклонностяхъ, но весьма нерѣдко не даетъ даже указанія на его занятія, на обстановку, ожидающую его по освобожденіи, и на ту сферу дѣятельности, въ которую онъ долженъ будетъ вступить, покидая тюремныя стѣны. Такъ напр., среди дворянъ есть весьма значительное число занимающихся свободными занятіями и, въ частности, государственною и общественною службою, но нерѣдки также примѣры дворянъ, посвящающихъ себя торговлѣ, сельскохозяйственнымъ занятіямъ, ремесламъ и промысламъ; степень умственнаго развитія, горизонтъ нравственныхъ представленій, однообразіе убѣжденій и взглядовъ, и вообще силъ и потребностей, далеко не обусловливаются узкими предѣлами какого либо одного сословія, и наоборотъ, между членами однихъ и тѣхъ же сословій въ этихъ отношеніяхъ могутъ встрѣчаться болѣе глубокія различія, чѣмъ между членами разныхъ сословій. Между тѣмъ начало сословной розни выходитъ изъ мысли, что потребности и силы человѣка зависятъ отъ его сословнаго названія, а не отъ него самого; становясь девизомъ карательной дѣятельности, оно игнорируетъ личность какъ личность, топя ее въ званіи дворянина, мѣщанина, купца, крестьянина и т. под. Карательной дѣятельности напередъ предписывается, какъ она должна держать себя относительно каждаго сословія, и такимъ образомъ богатое разнообразіе жизни скрывается отъ глазъ тюремныхъ дѣятелей, застывая въ болѣе или менѣе произвольныхъ классификаціяхъ человѣческаго рода.

Именно эта вредная сторона сословной розни замѣчается въ постановленіяхъ русскаго уголовнаго и еще болѣе русскаго тюремнаго законодательства. Первое вводитъ для привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ сословій разные роды наказаній, расчитанные исключительно на сословныя различія, и потому со-

вершенно забывающіе личныя различія. Второе идетъ еще дальше. Оно вводитъ начало сословной розни съ напередъ установленными правилами для каждаго сословія въ среду внутренней тюремной дѣятельности, и такимъ образомъ, съ одной стороны, заставляетъ тюремное начальство прикидывать свои мѣры на разный аршинъ, съ другой, заставляетъ тюремное начальство забывать индивидуальную физіономію своихъ узниковъ за ихъ сословною кличкою. Первое нарушаетъ чувство справедливости, столь щепетильное — какъ показалъ опытъ — среди арестантовъ, если они замѣчаютъ, что ихъ цѣнятъ не по личнымъ достоинствамъ, а по принадлежности къ тому или другому сословію; второе препятствуетъ успѣшному ходу исправительной и предупредительной дѣятельности тюрьмы, затрудняя для тюремнаго начальства возможность принимать мѣры, которыя могли бы оказаться наиболѣе цѣлесообразными въ каждомъ данномъ случаѣ.

Характерны въ этомъ отношеніи многія правила „особаго положенія объ исправительномъ заведеніи въ С.-Петербургѣ“, которыя, по мысли законодателя, должны были служить основаніемъ для всѣхъ тюремныхъ начальствъ исправительныхъ мѣстъ наказанія и потому цѣликомъ внесены въ уставы о содержащихся подъ стражею. Статьи 473 — 478 ихъ подробно обозначаютъ, какія именно занятія „приличествуютъ“ всѣмъ вообще состояніямъ, какія приличествуютъ людямъ чиновнымъ обоего пола и какія — людямъ простаго состоянія того или другого пола, а ст. 472 требуетъ отъ начальства исправительнаго заведенія, чтобы при выборѣ работъ обращалось вниманіе не на ту обстановку, которая ожидаетъ узника за тюремными стѣнами, не на обезпеченіе ему возможности честной жизни путемъ честнаго труда по освобожденіи, а именно на его „состояніе“, т. е. на принадлежность его къ тому или другому сословію. Постановленія эти коренятся не въ требованіяхъ пенитенціарной дѣятельности, а въ томъ порядкѣ представленій, по которому многіе виды занятій объявляются „низкими“, „неприличными“ для членовъ высшихъ сословій. Тюрьмовѣдѣніе отказалось отъ этого взгляда на дѣло, считаетъ всякій трудъ приличнымъ для человѣка, стремится возбудить въ арестантахъ уваженіе и любовь ко всякому труду, выбирая для каждаго тѣ виды его, которые способны наиболѣе доставить ему независимое и честное существованіе по освобожденіи.

Подъ вліяніемъ идеи сословныхъ различій, въ русской карательной системѣ, сохранилась мѣра, за которою теперь осталось

только историческое объясненіе. Это — ссылка на житье въ противоположность ссылкѣ на поселеніе. При существованіи тѣлесныхъ наказаній для лицъ непривиллегированныхъ, эта мѣра имѣла прочное мѣсто въ карательной системѣ, представляя замѣну ихъ для лицъ привиллегированныхъ; тогда высшія исправительныя наказанія для первыхъ состояли въ тѣлесномъ бичеваніи и лишеніи свободы, слѣдовательно въ двойномъ лишеніи; являлась необходимость создать такое же двойное лишеніе для лицъ привиллегированныхъ — и вотъ, законодатель присоединяетъ для нихъ лишеніе свободы къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи европейской или азіатской Россіи. Съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній для лицъ непривиллегированныхъ двойственность тяжкихъ исправительныхъ наказаній отпала, для лицъ же привиллегированныхъ удержалась прежняя, — но не болѣе, какъ по традиціи. Въ самомъ дѣлѣ, ссылка на житье, соотвѣтствовавшая прежде тѣлеснымъ бичеваніямъ, оказывается въ высшей степени не политичной и сама по себѣ, и особенно для той среды наказываемыхъ, къ которой она примѣняется. Ее, очевидно, нельзя объяснить соображеніями колонизаціи, такъ какъ члены привиллегированныхъ классовъ представляютъ изъ себя наименѣе пригодный для этого матерьялъ; она не только не противодѣйствуетъ рецидиву, но даже создаетъ для него богатую почву, ставя ссылаемаго въ безпомощное положеніе въ странѣ ему незнакомой, и отводя ему такія сферы дѣятельности, къ которымъ онъ вовсе не привыченъ. Поэтому уничтоженіе разсматриваемой мѣры для привиллегированныхъ, проэктированное коммиссіями сенатора Фриша и гр. Соллогуба, должно признать серьозною ихъ заслугою.

Въ близкой связи съ вопросомъ о сословности нашего общаго уголовнаго и тюремнаго законодательствъ стоитъ вопросъ объ *особенныхъ* карательныхъ системахъ для нѣкоторыхъ сословій. Относительно ихъ съ большею еще силою слѣдуетъ повторить соображенія, приведенныя выше: если особенности карательныхъ мѣропріятій вызываются лишь особеннымъ взглядомъ государства на іерархическое положеніе даннаго сословія въ общественной лѣстницѣ, онѣ не выдерживаютъ критики передъ лицемъ пенитенціарной науки; только тѣ особенности, которыя вызываются особеннымъ характеромъ государственныхъ запросовъ по отношенію къ данной категоріи арестантовъ, которыя, слѣдовательно, имѣютъ въ виду ихъ особенныя потребности по освобожденіи, не существующія для другихъ категорій арестантовъ, могутъ быть

принимаемы тюрьмовѣдѣніемъ во вниманіе. Съ этихъ точекъ зрѣнія, должны быть обсуждаемы особенныя карательныя системы, извѣстныя русскому законодательству. Изъ нихъ наиболѣе широкая — военно-уголовная система, имѣющая свое уголовное законодательство, свои суды, свои тюремныя инструкціи, свои тюремныя учрежденія. Противъ нихъ нечего было бы сказать, еслибы они были вызваны только исключительными потребностями войска, не существующими для другихъ сферъ общественной жизни, и не шли за предѣлы ихъ. Но особенности русской военно-уголовной системы далеко оставляютъ ихъ за собою и многія ея начала могутъ быть объяснены только прежнимъ взглядомъ на солдатъ, какъ на особое сословіе въ государствѣ, занимавшее весьма низкое и подчиненное мѣсто на лѣстницѣ общественныхъ классовъ. Въ самомъ дѣлѣ, наше военно-уголовное законодательство писано главнымъ образомъ для солдатъ, особенныя военно-тюремныя учрежденія еще болѣе носятъ солдатское назначеніе. Офицеры не подвергаются заключенію ни въ военной тюрьмѣ, ни тѣмъ менѣе въ военно-исправительныхъ ротахъ. Начала военно-уголовнаго и военно-тюремнаго законодательствъ относительно солдата выработаны еще въ ту эпоху, когда воинская повинность считалась унизительною обязанностью низшихъ классовъ общественныхъ, когда отъ солдатчины можно было откупаться, нанимать за себя рекрута, но не изъ членовъ высшихъ сословій, для которыхъ подобная сдѣлка признавалась унизительною; когда само правительство вело торгъ рекрутскими квитанціями, и когда по сдаваемымъ въ солдаты людямъ справлялась полная соціяльная тризна: онъ не считался болѣе членомъ общегражданскаго общества, уплачивалъ въ послѣдній разъ свои подати (ст. 367, п. а ст. 373 и п. 4 ст. 374 уст. рекр. изд. 1862 г.) и оплакивался всѣми близкими, какъ умирающій. Солдатское состояніе считалось до того унизительнымъ, что оно могло быть назначаемо въ наказаніе за пороки и преступленія, военная служба разсматривалась какъ наказаніе для лицъ дурнаго поведенія, о которыхъ были представлены „достаточныя и неподлежащія сомнѣнію доказательства, что всѣ средства исправленія его остались безуспѣшными“ (ст. 419 п. 8 уст. рекр. изд. 1862 г.), „надъ коими безуспѣшно испытаны были всѣ мѣры къ исправленію“ (ст. 422 тамъ же). Сроки службы были такъ велики, что молодой рекрутъ возвращался домой дряхлымъ инвалидомъ, навсегда оторваннымъ отъ своей прежней жизни и среды. Эта обстановка, разумѣется,

должна была сообщить воинскому состоянію характеръ особаго сословія, подчиненнаго своимъ правиламъ, жившаго отдѣльною жизнью. Съ своей стороны, законъ какъ бы умышленно исполнилъ все отъ него зависѣвшее, чтобы сдѣлать военную службу унизительною для человѣка, превратить солдатство въ обязанность самыхъ низшихъ сословій, если члены ихъ не успѣли скопить достаточно денегъ, чтобъ купить за себя солдата, по частному найму или у правительства, и такимъ образомъ отдѣлаться отъ этого позора слабыхъ и угнетенныхъ.

Естественнымъ результатомъ такого порядка вещей была особенная военно-карательная система, расчитанная на войско, какъ на особое сословіе въ государствѣ. Солдатство было состояніемъ унизительнымъ, офицерство — состояніемъ почетнымъ, принадлежавшимъ другому сословію; при этомъ капитальномъ различіи въ общественномъ положеніи, и уголовные законы, относившіеся къ тому и другому, не могли быть одинаковы. Строгое начало устрашенія и грубыя, съ унизительнымъ характеромъ, мѣры наказанія — таковъ удѣлъ первыхъ; участь вторыхъ значительно легче. Разряды штрафованныхъ, члены которыхъ теряли послѣдній остатокъ независимости и права чести, удержанный для солдатъ, всасывали въ себя провинившихся въ самыхъ незначительныхъ нарушеніяхъ нижнихъ чиновъ, не имѣвшихъ особыхъ правъ состоянія. Одиночныя тюрьмы для самыхъ легкихъ проступковъ, совершонныхъ солдатами, дающія ему кличку „острожника“ на всю дальнѣйшую жизнь, между тѣмъ какъ офицерство, за значительную часть тѣхъ же проступковъ, отдѣлывается заключеніемъ на гауптвахтѣ, съ которымъ общественное мнѣніе не соединяетъ такого позорящаго значенія, — таковы ближайшіе результаты этого направленія.

Но державная воля, высказанная въ указѣ 1-го января текущаго года, положила конецъ унизительному взгляду на солдата. Изъ полупозорной обязанности низшихъ сословій, военная повинность стала „святымъ дѣломъ“, „священною обязанностью каждаго русскаго подданнаго“ (слова Высочайшаго манифеста 1-го января 1874 года). Кадры войскъ должны замѣщаться теперь не во имя беззащитнаго положенія низшихъ сословій, а „именемъ дорогой всѣмъ намъ отчизны“. Признано, что сила государствъ не въ одной численности войскъ, но „преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ“. Изъ особаго замкнутаго и униженнаго сословія, какимъ было прежде

войско, оно стало всесословнымъ и, притомъ, краткосрочнымъ состояніемъ. Каждый русскій гражданинъ, можетъ сдѣлаться членомъ войска, не переставая быть гражданиномъ. По немъ не справляютъ, какъ прежде, соціальную тризну, его не заставляютъ при поступленіи въ войско расчитаться окончательно и безповоротно съ обществомъ (ср. ст. 367, п. а, ст. 373 и п. 4 ст. 392 уст. рекрут. изд. 1862 г. со ст. 25 и 26 устава 1 января 1874 г.). Наймы запрещены, торгъ солдатами уничтоженъ (ст. 2 уст. 1-го января). Военное состояніе перестало быть наказаніемъ для лицъ порочныхъ и преступныхъ, даже болѣе — имъ закрытъ входъ въ него (ст. 13 уст. 1 января).

Эти радикальныя измѣненія въ общественной постановкѣ воинскаго состоянія требуютъ соотвѣтствующихъ перемѣнъ и въ области уголовнаго законодательства, предназначаемаго для войска. Уставъ о воинской повинности 1-го января, со свойственной ему предусмотрительностью, постановилъ, что состоящіе въ запасѣ подлежатъ дѣйствію общихъ законовъ (ст. 27), а въ случаѣ преступленій и проступковъ подсудны уголовному суду гражданскаго вѣдомства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, спеціально указанныхъ случаевъ, соприкасающихся съ ихъ военно-служебными обязанностями (ст. 30). Но регулированіе постановленій уголовнаго права и судопроизводства для лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, выходило изъ сферы задачъ разсматриваемаго акта, и потому мы не находимъ въ немъ ничего по этому вопросу. Военно-уголовная система, дѣйствовавшая до 1-го января, продолжаетъ существовать и послѣ этого знаменательнаго, въ исторіи нашего войска, дня.

Мы видѣли, что такое положеніе дѣла ненормально. Реформа въ этой области по указаннымъ выше основаніямъ — одна изъ ближайшихъ потребностей нашего уголовнаго законодательства [1]).

VII.

Вводя массу особенностей въ карательную систему по сословнымъ различіямъ наказываемыхъ, дѣйствующее русское законодательство, тѣмъ не менѣе, весьма скупо на *начало индивидуа-*

[1]) По этому вопросу я имѣлъ случай высказаться подробнѣе въ № 190 «Судебнаго Вѣстника» за 1874 годъ.

лизированія успѣвшее уже стать лозунгомъ современности въ сферѣ уголовнаго правосостоянія. Пробѣлъ этотъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, вызывается нерѣдко именно сословностью карательныхъ постановленій нашего права; но, кромѣ того, онъ имѣетъ и другія причины, такъ что наказаніе можно сдѣлать гораздо болѣе индивидуальнымъ, чѣмъ въ настоящее время у насъ, удерживая даже цѣликомъ всѣ сословныя различія, извѣстныя какъ XV, такъ и XIV томамъ свода законовъ.

Подъ началомъ индивидуализированія въ уголовномъ правѣ [1]), разумѣется, съ одной стороны, такое свойство уголовнаго закона, которое даетъ суду возможность обращать въ своемъ приговорѣ вниманіе на всѣ, даже самые мельчайшіе оттѣнки виновности; съ другой — такое качество наказанія, которое позволяетъ исполнительному начальству примѣнять мѣры, годныя не только для средняго человѣка, но для каждаго наказываемаго индивидуально. Юридически, начало индивидуализированія находитъ свое объясненіе и оправданіе въ томъ, что наказаніе должно соотвѣтствовать винѣ; и такъ какъ законодатель, обладающій даже наибольшею предусмотрительностью, не въ силахъ исчерпать своими постановленіями всѣ разнообразія вины, которыя могутъ представиться въ жизни, а только приблизительный средній уровень ея для каждаго преступленія, то ему необходимо призвать къ себѣ судью на помощь и предоставить послѣднему не только выбирать мѣру наказанія въ предѣлахъ указанной закономъ степени, но даже выходитъ за предѣлы законной степени, если конкретный случай вины окажется серьезнымъ уклоненіемъ отъ средняго уровня ея, предусмотрѣннаго въ законѣ. Съ точки зрѣнія уголовной политики начало индивидуализированія также имѣетъ за себя серьезныя основанія; всякая карательная мѣра, какъ мѣра уголовной политики, преслѣдуетъ не столько задачи причиненія зла или лишенія, сколько задачи блага общественнаго, путемъ блага наказываемаго лица. Непріятное въ своемъ исполненіи, каждое наказаніе должно быть полезнымъ въ своихъ результатахъ. Но можетъ-ли законодатель предвидѣть напередъ весь тотъ богатый міръ человѣческихъ разновидностей, характеровъ, наклонностей, потребностей и силъ, съ которымъ лицомъ къ лицу становится исполнительная власть и примѣни-

[1]) *Wahlberg*, Ueber das Princip der Individualisirung in der Strafrechtspflege. Wien, 1869.

тельно къ каждой особенности котораго нужно разсчитывать карательныя мѣры, если она желаетъ добиться отъ нихъ какихъ-либо полезныхъ результатовъ? Законъ, напр., вводитъ въ свою карательную систему заключеніе въ исправительные дома и требуетъ отъ тюремнаго начальства, чтобы оно дѣйствовало въ смыслѣ исправленія присылаемыхъ къ нему арестантовъ. Но сюда присылаются преступники самыхъ различныхъ наименованій — обвиненные за кражу, за противодѣйствіе властямъ, за тѣлесныя поврежденія, за легкіе виды преступленій противъ жизни и т. д. Мало того: подъ каждымъ этимъ наименованіемъ скрывается цѣлый міръ разновидностей. Вотъ привычный и состарѣвшійся въ кражахъ воръ, а рядомъ — его союзникъ, молодой парень, котораго онъ успѣлъ оторвать отъ семьи и уговорить за чаркою водки на преступный союзъ съ собою; тамъ — спеціалистъ кражъ посредствомъ отмычекъ, здѣсь — человѣкъ, нанесшій другому тяжкіе побои или увѣчье подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія за полученную обиду; тамъ — человѣкъ, хотя и глубоко религіозный, но понимающій религію по своему и полагающій, что она оправдываетъ всякія преступленія за хорошій вкладъ въ церковь; здѣсь — человѣкъ, карьера котораго не удалась и который хочетъ мстить за то цѣлому обществу; нѣкоторыхъ на скамью подсудимыхъ привела горькая нужда и неумѣнье взяться за честный трудъ, другихъ — корыстолюбіе и обманчивая увѣренность, будто бы преступленіе скорѣе ведетъ къ богатству, чѣмъ честная работа. Умѣстно-ли примѣнять ко всѣмъ этимъ случаямъ однѣ и тѣ же мѣры? Не будетъ-ли это скорѣе пенитенціарная алхимія, чѣмъ пенитенціарная политика? Не назоветъ-ли всякій свѣжій человѣкъ такого рода дѣятельность исканіемъ волшебнаго элексира, который долженъ былъ замѣнить всѣхъ докторовъ, всѣ аптеки, всю гигіену?.

Было, дѣйствительно, время, когда пенитенціарная политика напоминала собою алхимію: это — время горячихъ споровъ о такъ называемыхъ тюремныхъ системахъ, время не менѣе горячаго исканія такой универсальной тюремной системы, которая была-бы лѣкарствомъ для всѣхъ арестантовъ отъ всѣхъ преступленій. Много усилій, достойныхъ лучшаго дѣла, потратилось на этотъ трудъ, — но что же онъ далъ въ результатѣ? Онъ убѣдилъ только, что такого волшебнаго элексира противъ соціяльныхъ болѣзней не имѣется точно также, какъ не имѣется его противъ физическихъ болѣзней, какъ не имѣется философскаго камня для добыванія золота. Но какъ исканіе философскаго камня создало химію, точно также

исканіе тюремной системы превратило пенитенціарную алхимію въ пенитенціарную политику, которая задается не абсолютными, а относительными задачами, не подводитъ арестантовъ къ одному знаменателю, а изслѣдуетъ потребности и силы каждаго, приноравливая свои мѣры къ результатамъ такого анализа. Метафизическое обобщеніе (абстракція) уступило свое мѣсто научному разложенію, начало абсолютности смѣнилось началомъ индивидуализированія.

Во имя этого послѣдняго, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ криминалистовъ, г. Неклюдовъ, требуетъ полную реформу процессуальнаго уголовнаго права, предлагая замѣнить условными уголовными приговорами существующіе теперь безусловные [1]), а г. сенаторъ Лебедевъ идетъ еще дальше, предлагая поставить наказаніе всецѣло въ зависимость отъ дискреціонной власти суда и присяжныхъ [2]). Весьма вѣроятно, что предложенія эти вызовутъ энергическую оппозицію, особенно въ той ихъ редакціи, которая предложена г. Лебедевымъ: нельзя не сознаться, въ самомъ дѣлѣ, что она идетъ далеко за предѣлы начала индивидуализированія и угрожаетъ поставить, на мѣсто относительно-опредѣленныхъ законовъ, уголовные законы съ неопредѣленною санкціею, противъ которыхъ уже достаточно ратовали наука и жизнь. Но независимо отъ этихъ „благочестивыхъ пожеланій“, центръ тяжести которыхъ въ будущемъ, можно указать на массу свершившихся фактовъ, вызванныхъ къ жизни сознаніемъ необходимости индивидуализированія карательной дѣятельности. Во имя этого начала, законы съ безусловною санкціею уступили свое мѣсто законамъ относительно-опредѣленнымъ, а въ послѣднихъ размѣры между законнымъ максимумомъ и минимумомъ, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе расширяются. Во имя его-же, введена система смягчающихъ и увеличивающихъ вину обстоятельствъ по усмотрѣнію суда, на тѣ случаи, которые окажутся до того рѣзкими уклоненіями отъ средняго уровня вины, имѣвшагося въ виду у законодателя, что самые крайніе предѣлы относительно-опредѣленной санкціи оказываются неумѣстными, несправедливыми, несоотвѣтствующими дѣйствительной винѣ наказываемаго. Во имя его отъ всякой карательной мѣры требуютъ качество дѣлимости, такъ какъ мѣры,

---

[1]) Темы для перваго съѣзда русскихъ юристовъ г. Неклюдова, «Судеб. Вѣстникъ» 1874 № 180, тема III.

[2]) «Юридическій Вѣстникъ» 1874, книжка 5 и 6, стр. 2 статьи: «О разработкѣ предварительной программы занятій предстоящаго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ».

по своей природѣ недѣлимыя, соотвѣтствуютъ какому либо одному фазису вины, а не всѣмъ, возможнымъ при совершеніи даннаго преступленія.

Обращаясь къ законодательству русскому, мы замѣчаемъ въ немъ весьма слабое развитіе начала индивидуализированія. Здѣсь до сихъ поръ держатся еще мѣры наказанія, по природѣ своей недѣлимыя, каковы смертная казнь и разсмотрѣнные нами виды лишенія правъ. Даже при наказаніяхъ дѣлимыхъ, допускающихъ возможность существованія относительно — опредѣленныхъ уголовныхъ законовъ, отводимые суду размѣры законной степени слишкомъ узки, система смягчающихъ вину обстоятельствъ находится въ зародышевомъ состояніи, и формализмъ, съ его безконечными предположеніями, лишенными реальныхъ корней, на каждомъ шагу, связываетъ уголовно-судебную оцѣнку вины. Достаточно указать, напр., что степень наказанія въ смыслѣ французскаго уложенія, вышедшаго въ 1810 году, есть родъ наказанія въ смыслѣ нашего уложенія; что обыкновенное явленіе по законодательствамъ французскому и германскому — превращеніе crime или Verbrechen въ dèlit или Vergehen на основаніи смягчающихъ вину обстоятельствъ, признаніе которыхъ зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія суда (такъ называемое корекціонизированіе преступленій), между тѣмъ у насъ возможность назначенія по этому основанію исправительныхъ наказаній, вмѣсто назначаемыхъ закономъ уголовныхъ, существуетъ только для немногихъ порубежныхъ случаевъ. Предположенія формальнаго свойства, совершенно устраняющія возможность судебной оцѣнки вины въ тяжести назначаемаго наказанія, проникаютъ постановленія нашего законодательства о рецидивѣ, о соучастіи, о недоносительствѣ и попустительствѣ и во многихъ частныхъ постановленіяхъ о составѣ отдѣльныхъ преступленій. Языкъ тюремнаго законодательства также отличается абсолютнымъ однообразіемъ для всѣхъ положеній арестантовъ, кромѣ сословнаго ихъ положенія, и тюремные законы не знаетъ даже никакихъ попытокъ раціональной классификаціи арестантскаго населенія по характерамъ, роду преступленій, образу жизни и т. д.; достаточно замѣтить, что имъ неизвѣстны даже мѣры ознакомленія съ личностью поступающихъ въ тюрьму, которыя стали уже повсемѣстною аксіомою пенитенціарной политики. Гдѣ же послѣ всего этого возможность борьбы съ рецидивомъ, дающая жизнь и силу пенитенціарному дѣлу?

Еще важнѣе и еще менѣе понятно, что и работы коммис-

сій послѣдняго времени отводятъ едва замѣтное мѣсто началу индивидуализйрованія. Коммиссія графа Соллогуба знаетъ, правда, три различныя системы заключенія соотвѣтственно тремъ степенямъ виновности: каторжныя тюрьмы предназначаются для тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ и построены на началѣ общаго заключенія; исправительные дома — для преступниковъ средней важности, соединяютъ начала одиночнаго и общаго заключенія; смирительные дома предположены, на началѣ одиночнаго заключенія, для менѣе важныхъ преступниковъ. Но правила, постановляемыя для каждаго изъ этихъ видовъ заключенія, объявляются безусловными; отступать отъ разъ принятыхъ однообразныхъ пріемовъ содержанія ни для кого не допускается. Проектъ коммиссіи сенатора Фриша также молчитъ о возможности видоизмѣненій предписываемыхъ тюрьмамъ правилъ дѣятельности, но за то, съ другой стороны, онъ избѣгаетъ дробной регламентаціи этихъ правилъ и открываетъ возможность индивидуализированія ихъ путемъ тюремной практики. Все здѣсь — пока въ будущемъ, которое и должно рѣшить, станетъ ли наша тюремная практика на настоящую дорогу, или пойдетъ по окольнымъ тропинкамъ.

VIII.

Несмотря на отмѣну тѣлесныхъ бичеваній, въ русской карательной системѣ до настоящаго времени весьма явственны остатки прежняго порядка, представляющіе собою серьозный тормазъ для раціональной постановки наказанія. О системѣ праволишеній, имѣющей въ немъ свои корни, мы уже говорили; сюда-же относятся тяжкія тюремно-дисциплинарныя взысканія, установляемыя т. XIV св. зак.: заключеніе въ цѣпи, обязательно предписываемое для арестантовъ нѣкоторыхъ категорій вмѣстѣ съ бритьемъ половины головы; *тяжкая* работа, ставящая себѣ задачей какъ можно болѣе изнурить арестанта, а не возбудить въ немъ любовь къ труду и пріучить его къ честнымъ отраслямъ труда. Въ послѣднее время, съ замѣною каторжныхъ работъ въ Сибири заключеніемъ въ тюрьмахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, построенныхъ близь Харькова (Новоборисоглѣбская и Новобѣлгородская), порядокъ тѣлесныхъ лишеній нѣсколько измѣнилъ свои формы, но принципъ его удержанъ по прежнему: лишеніе сво-

боды стало теперь физическимъ томленіемъ арестанта съ доходящимъ до мелочей надзоромъ, возбуждающимъ и затѣмъ ослабляющимъ нервную систему арестантовъ до nec plus ultra. Къ сожалѣнію, и коммиссіи новѣйшаго времени не избѣгаютъ упрека въ излишнемъ проведеніи начала тѣлесной боли въ наказаніи: онѣ удерживаютъ цѣпи для каторжныхъ и заботятся гораздо болѣе о мѣрахъ физическаго, чѣмъ о мѣрахъ моральнаго воздѣйствія на арестантовъ.

Неумѣстность подобной системы отношенія къ дѣлу тюремъ уже давно сознана въ странахъ, гдѣ тюрьма успѣла достигнуть высокаго развитія. Режимъ тѣлесной боли и тѣлесныхъ лишеній всякаго рода унижаетъ лучшихъ арестантовъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, между тѣмъ какъ тюрьма, показавъ имъ всю низость преступной дѣятельности, должна поднять ихъ для честной жизни. Онъ изнуряетъ человѣка, а отъ тюремной дѣятельности общество ожидаетъ укрѣпленія арестантовъ для честнаго труда и борьбы съ преступными импульсами, которая ожидаетъ ихъ за тюремными запорами. Онъ идетъ противъ натуры человѣческой, а не заодно съ нею. Онъ можетъ создать хорошихъ арестантовъ, исполняющихъ всѣ распоряженія тюремнаго начальства, пока они состоятъ арестантами, но онъ не въ силахъ создать хорошихъ гражданъ.

IX.

Это послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ къ политической струѣ тюремной дѣятельности, которая возбудила къ западной тюрьмѣ вниманіе и сочувствіе тамошняго общества, но которая въ нашей карательной системѣ далеко еще не достигла подобающаго ей развитія. Существо ея состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ каждомъ обществѣ ежегодно совершается болѣе или менѣе значительное число преступленій, создающихъ классъ преступниковъ. Существованіе его въ высшей степени не выгодно для общественной экономіи, и потому общество стремится уничтожить преступленіе, какъ источникъ преступнаго класса. Мѣры, принимаемыя имъ съ этою цѣлью, могутъ и должны быть весьма разнообразны; одну изъ группъ ихъ составляютъ мѣры, направ-

ленныя на личность самихъ преступниковъ. Дѣйствуя на нихъ, оно стремится этимъ путемъ искоренить преступленіе.

Но чтобы дѣятельность эта достигла ожидаемыхъ результатовъ, необходимо изучить причины, создающія преступленія, и дѣйствовать въ смыслѣ устраненія ихъ. Указываемыя [1]) для преступленій причины или условія, ихъ вызывающія, весьма разнообразны; сюда относятъ вліянія физическія, органическія, общественныя и индивидуальныя, здѣсь намѣчаютъ голодъ и страсти, корыстолюбіе и неудавшійся расчетъ, бѣдность, незнаніе честнаго труда и т. д. Но каждый изъ этихъ факторовъ, отдѣльно разсматриваемый, не объясняетъ дѣла; далеко не всѣ бѣдняки и люди, оставшіеся безъ работы, совершаютъ преступленія; мѣстности бѣдныя нерѣдко отличаются меньшею преступностью, чѣмъ мѣстности богатыя. Притомъ, для тюремной дѣятельности мало выгоды отъ знанія этихъ причинъ: сдѣлать человѣка богатымъ, доставить ему работу, надѣлить его другими страстями, она не въ силахъ. На самомъ дѣлѣ, указанныя выше причины вызываютъ преступленія не непосредственно, а черезъ посредство силъ дѣятеля; онѣ дѣлаютъ ихъ возможными потому именно, что дѣятель оказывается не въ состояніи противостоять ихъ напору и удовлетворить возбуждаемыя ими потребности такими путями, которые согласны съ цѣлями общежитія. Это безсиліе его формулируется какъ недостатокъ или порокъ воспитанія, а потому и дѣятельность, направляемая противъ преступника для противодѣйствія преступленію, должна пополнить его пробѣлы, дать ему надлежащее направленіе, словомъ — должна быть дѣятельностью *воспитательною*. [2])

Такова идея, проникающая систему тюремной дѣятельности въ ея современной постановкѣ. Всѣ отдѣльныя тюремныя мѣропріятія, всѣ частныя правила тюремнаго содержанія и тюремной дисциплины, занимаютъ служебную роль по отношенію къ этому общему началу: всѣ онѣ служатъ задачамъ воспитанія въ обшир-

---

[1]) См. *Thonissen*, The Causes of Crime, London, 1858, и *Bittinger*, Responsibility of Society for the Causes of Crime, въ Transactions цинцинатскаго конгресса; *Valentini*, das Verbrecherthum im preuszischen Staate, Leipzig, 1869.

[2]) См. положенія Мэконочи въ International prison Congress, Washington, 1872; *W. Crofton*, the Immunity of habitual criminals; *M. Carpenter*, Our Convicts, т. I, стр. 42 и сл.; статьи *Hubell'я* и *Teliow'я* въ Transactions цинцинатскаго конгресса 1871; положенія лондонскаго конгресса въ его Transactions, 1872 и выше въ настоящей статьѣ, стр. 107.

номъ смыслѣ. Арестантская работа необходима пенитенціарнымъ учрежденіямъ не какъ источникъ дохода, ни тѣмъ менѣе какъ средство изнуренія арестантовъ, а именно какъ одна изъ важныхъ воспитательныхъ мѣръ; въ способахъ содержанія и порядкѣ подчиненности арестантовъ господствуетъ та-же воспитательная идея. Она-же вызвала къ жизни арестантскую школу, бесѣды, визиты въ ихъ новѣйшей обрисовкѣ, классификаціи арестантовъ, тюремную библіотеку; она поставила запросъ на пенитенціарный институтъ для образованія тюремныхъ дѣятелей, на газету для арестантовъ. Ею, и только ею, держатся тюремныя учрежденія на той высотѣ, которая принадлежитъ имъ въ общественномъ мнѣніи запада, а забывая ее становятся негодными даже тѣ тюрьмы, въ которыхъ отдѣльныя мѣры тюремной дѣятельности — арестантская работа, арестантскія прогулки, школа и т. д. — продолжаютъ оставаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: живительный духъ этихъ мѣръ вылетаетъ изъ такихъ тюремъ, остается аггрегатъ распоряженій, слѣпо бредущихъ по невѣдомымъ тропинкамъ и къ невѣдомой цѣли.

Этой-то идеи и недостаетъ дѣйствующей у насъ карательной системѣ. И уложеніе о наказаніяхъ, и XIV т. св. зак., устанавливаютъ различныя карательныя мѣры какъ бы наугадъ, на основаніи самаго грубаго эмпиризма, оставаясь весьма далеки не только отъ сознанія пріемовъ раціональнаго воспитанія преступниковъ, но даже отъ сознанія, что карательныя мѣры, направляемыя противъ преступниковъ, должны имѣть своею задачею противодѣйствіе преступленію. Одинъ изъ рельефныхъ примѣровъ такого отношенія къ дѣлу мы имѣли случай указать выше, говоря о ссылкѣ на житье: для того особеннаго элемента, къ которому примѣняется эта мѣра, она не только не оказывается мѣрою противодѣйствующею преступленіямъ, но даже создаетъ для нихъ новую почву. Редакція постановленій тюремнаго законодательства, прибѣгающая къ языку предположительному — въ немъ часто попадаются выраженія: „кажется, лучше бы“ или „полезно, можетъ быть“ (см. напр. ст. 511 уст. о содержащ. подъ стражею, которая трактуетъ вопросъ въ высшей степени важный для тюремъ—вопросъ классификаціи арестантовъ),—еще нагляднѣе свидѣтельствуетъ, что при составленіи ихъ законодатель не успѣлъ еще выяснить себѣ задачи тюремной дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, предписываемыя имъ отдѣльныя мѣры ея не проникнуты общею воспитательною идеею, а потому представляютъ собою аггрегатъ

мѣропріятій разрозненныхъ и взаимно себя ослабляющихъ; каждое изъ нихъ можно было выкинуть по произволу — что и дѣлалось практикой, каждое можно было измѣнять совершенно независимо отъ цѣлаго. Ближе всего это подтвердилось на постановленіяхъ о классификаціи арестантовъ, которыя, не будучи поставлены въ связь съ общими началами законодательства, никогда не исполнялись въ дѣйствительности. Точно также тюремное начальство весьма легко обходило постановленія объ арестантской работѣ, объ обученіи арестантовъ мастерствамъ и т. под., и только тѣ узаконенія, которыми установлялись карательныя лишенія для наказываемыхъ, исполнялись ими аккуратнѣе, потому именно, что онѣ логически вытекали изъ ясно сознанной уже тогда идеи наказанія какъ зла или лишенія.

Обращаясь къ работамъ коммиссій новѣйшаго времени, мы замѣчаемъ въ нихъ, и особенно въ проектѣ коммиссіи сенатора Фриша, гораздо болѣе отчетливое сознаніе о карательной системѣ, какъ системѣ мѣръ противодѣйствія преступленіямъ черезъ посредство преступниковъ, и въ частности сознаніе, что тюремная дѣятельность, должна быть системою мѣръ предупрежденія причинъ преступленій въ лицѣ объявленныхъ преступниковъ. Эти взгляды не разъ высказывались членами обѣихъ коммиссій, а коммиссія гр. Соллогуба прямо поставила задачею тюрьмы борьбу съ рецидивомъ. Тѣмъ не менѣе, однако, и онѣ обращали больше вниманія на отдѣльныя мѣры тюремной дѣятельности, чѣмъ на общую ея идею, и у нихъ формальная сторона тюремныхъ мѣропріятій затемняетъ общій воспитательный принципъ. Это доказывается главнымъ образомъ обстоятельствами двоякаго рода. Во первыхъ, наши коммиссіи, особенно коммиссія гр. Соллогуба, кладутъ преувеличенныя надежды на отдѣльныя тюремныя мѣры; съ точки зрѣнія послѣдней, арестантская работа сама по себѣ должна сдѣлать чудеса и для финансоваго положенія тюремъ, и для жизни арестантовъ за тюремными стѣнами; поэтому-то другія мѣры, вызываемыя воспитательными задачами тюрьмы — классификація арестантовъ, тюремная школа, тюремная библіотека, тюремныя бесѣды и т. п. — отодвигаются ею очень далеко на задній планъ. Во-вторыхъ, онѣ даютъ весьма ничтожное развитіе такъ называемому началу постепенности и личной инициативы, которое составляетъ непремѣнное условіе тюремнаго воспитанія. Въ силу этого начала каждый арестантъ, поставленный наказаніемъ въ самое неблагопріятное положеніе, долженъ имѣть возможность постепенно выбиться изъ

него путемъ усилій честной дѣятельности, а тюремному начальству должно быть предоставлено право облегчать его участь, по мѣрѣ его успѣховъ въ воспитаніи, или — какъ говорятъ обыкновенно — по мѣрѣ его исправленія. Система отмѣтокъ на Западѣ регулируетъ проведеніе начала постепенности, институтъ досрочнаго освобожденія составляетъ вѣнецъ льготъ, котораго можетъ добиться арестантъ. Въ проектахъ нашихъ коммиссій система отмѣтокъ совсѣмъ неизвѣстна, институтъ досрочнаго освобожденія — и то только для арестантовъ каторжныхъ тюремъ — получилъ частичное и весьма неудовлетворительное развитіе; а именно каторжные, поступающіе на льготный срокъ (для приговоренныхъ къ пожизненной каторгѣ — не ранѣе 20 лѣтъ, а для приговоренныхъ къ срочной каторгѣ — по истеченіи $^2/_3$ назначеннаго судомъ времени), за хорошее поведеніе и работы, содержатся не въ острогѣ, но въ правительственной колоніи, до истеченія срока судебнаго приговора, отправляя въ ней тѣже тяжкія работы, какъ и въ острогѣ. Эта льгота едва-ли можетъ быть признана достаточною для того, чтобы направить всѣ силы арестанта къ наблюденію за собою, и заставить его отказаться отъ привычекъ прежней, порочной жизни.

Разсмотрѣвъ характеристическія черты дѣйствующей у насъ карательной системы и обозначивъ положенія, которыя составляютъ удѣлъ болѣе организованныхъ системъ, мы имѣемъ право заключить словами, выбранными девизомъ предложенной работы: тою бо мѣрою, ею же мѣрите, возмѣрится вамъ. Начало это весьма наглядно подтверждалось въ исторіи карательныхъ мѣръ. Мѣры, преслѣдовавшія только задачи зла для наказываемыхъ, не приносили и обществу ничего кромѣ зла. Полезными онѣ становились тогда только, когда въ нихъ обращалось болѣе вниманія на права и интересы наказываемыхъ.

Читатель можетъ спросить, почему главнѣйшимъ матерьяломъ этой статьи было тюремное заключеніе. Отвѣтъ на это весьма простой: лишеніе свободы, въ настоящее время, составляетъ не только главное, но — во многихъ странахъ — даже единственное наказаніе, за исключеніемъ болѣе мелкихъ взысканій всякаго рода и различныхъ прибавокъ къ нему. Въ послѣднее время къ нему было привлечено вниманіе нашего правительства и общества, его же началами оцѣниваются и другія мѣры карательной системы. Но, посвященный общимъ началамъ карательной политики, настоящій трудъ не могъ останавливаться на ея частныхъ сторонахъ; потому-то

я считалъ невозможнымъ поднимать здѣсь вопросъ о различныхъ видахъ лишенія свободы, какъ безъ постороннихъ прибавокъ, такъ и съ какими либо прибавочными мѣрами, напр. со ссылкою на поселеніе, въ отдаленныя мѣстности. По интересу, возбуждаемому имъ въ послѣднее время, по своей сложности и важности, онъ требуетъ особенной разработки, которая должна составить предметъ спеціально посвященнаго ей труда.

УСТРОЙСТВО
ПРАВИЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Ю. Э. ЯНСОНА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Народная перепись или исчисленіе жителей даннаго государства есть одно изъ важнѣйшихъ дѣйствій правительственной власти. Важность переписи дѣлается совершенно ясною, если мы опредѣлимъ ея задачу. Перепись даетъ не одно только общее число жителей, общее число индивидумовъ, составляющихъ населеніе государства, но она опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ количественномъ отношеніи, тѣ составные элементы, изъ коихъ населеніе слагается; она даетъ матеріалъ для познанія свойствъ народа, существующихъ въ немъ жизненныхъ отношеній, для полнѣйшаго описанія населенія. Понимаемое въ этомъ смыслѣ народоисчисленіе дѣлается дѣйствительно однимъ изъ важнѣйшихъ условій государственнаго управленія, ибо, говоря словами Юсти, если самопознаніе есть первая обязанность разумнаго существа, то, еще въ большей степени, обязанностью мудраго пра-

вительства должно считать познаніе управляемыхъ: управлять народомъ не зная его, не изучая его, есть образъ дѣйствій, противный здравому смыслу. Не будучи, въ тѣсномъ смыслѣ, административнымъ дѣломъ, перепись однако одно изъ необходимыхъ условій правильной и цѣлесообразной правительственной дѣятельности: отсюда логически слѣдуетъ, что перепись населенія есть не только „право“ правительственной власти, но и ея „обязанность“, что она есть не затѣя, не выдумка статистической науки, какъ у насъ многіе думаютъ, но одинъ изъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ актовъ административной власти, требуемыхъ и жизнію, и наукою государственнаго управленія. Какъ ни страннымъ можетъ показаться, что въ статьѣ объ устройствѣ переписи въ Россіи, мы начинаемъ говорить о такихъ простыхъ вещахъ, но повтореніе ихъ казалось намъ необходимымъ въ виду того, что не только образованная часть нашего общества, но и весьма многіе въ средѣ самой администраціи смотрятъ на перепись именно какъ на роскошь, якобы придуманную учеными статистиками и къ Россіи вовсе не подходящую.

Что касается до массы населенія, то она руководится въ своемъ неблагопріятномъ чувствѣ къ переписи тѣми же соображеніями, съ коими она относится ко всякой статистической операціи, представляющей вторженіе внѣшней власти въ индивидуальную сферу: для того, чтобы общество помогало административно-статистическимъ операціямъ нужны значительное развитіе самоуправленія, значительная степень гражданскаго развитія, наконецъ просто привычка. Безспорно, наши статистическія операціи весьма мало могли до сихъ поръ расчитывать на сочувствіе и еще менѣе на содѣйствіе общества, особенно операціи счета населенія; стоитъ вспомнить цѣли такъ называемыхъ у насъ ревизій и способы производства ихъ. Само собою разумѣется, что измѣненія подобнаго взгляда нельзя ожидать въ ближайшемъ будущемъ; но понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что это не должно быть поводомъ къ тому, чтобы отлагать тѣ или другія административно-статистическія операціи, нужныя для успѣшности государственнаго управленія, до болѣе благопріятнаго на нихъ взгляда массы населенія. Это значило бы отдалять выполненіе дѣла, со всѣми его благодѣтельными послѣдствіями, на неопредѣленное время, потому что условія благопріятныя, о коихъ мы говоримъ, создаются при помощи самихъ же административно-статистическихъ операцій.

Причины холодности, даже враждебнаго отношенія болѣе образованныхъ классовъ общества ко всякой статистической операціи, должно, въ свою очередь, видѣть въ незнакомствѣ съ значеніемъ тѣхъ фактовъ, которые добываются путемъ этихъ операцій, съ ихъ значеніемъ и административнымъ и научнымъ. Той же, къ сожалѣнію, причинѣ слѣдуетъ приписать и необлагопріятное отношеніе къ переписи населенія въ литературѣ и отчасти въ самой администраціи. Кромѣ того, здѣсь приходится имѣть дѣло и съ такого рода заблужденіями, которыхъ корень лежитъ въ узкой практичности взгляда, требующаго, чтобы административная статистика служила не самопознанію народа, какъ живаго организма, не высшимъ задачамъ государственнаго управленія, а обыденнымъ цѣлямъ частнаго лица или даннаго кружка, класса лицъ. Не имѣя цѣли вдаваться въ полемику, не можемъ однако не остановиться здѣсь на одномъ изъ тѣхъ соображеній, которыми у насъ стараются доказать, что переписи вообще совершенно излишни.

На первомъ планѣ, здѣсь стоитъ старое и весьма распространенное мнѣніе, что то что, хорошо и полезно въ западной Европѣ, вовсе еще, по этому самому, не непремѣнно хорошо и полезно для Россіи. На сколько мысль эта можетъ быть формулирована въ томъ видѣ, что правительственная дѣятельность каждаго государства должна быть основана не на подражаніи внѣшнимъ формамъ жизни какого либо другаго или какихъ нибудь другихъ народовъ, не на безсмысленномъ заимствованіи чужаго, а на изученіи культурныхъ условій и задачъ своего народа — съ этою мыслью нельзя не согласиться. Но если ее формулировать въ другомъ смыслѣ, — что если другія государства управляютъ на основаніи изученія сказанныхъ условій и задачъ, то это еще не значитъ, что такова должна быть дѣятельность всякаго другаго правительства — та-же мысль будетъ совершеннымъ абсурдомъ. Если перепись населенія признана необходимымъ актомъ правительственной дѣятельности во всѣхъ образованныхъ государствахъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что Россія должна, изъ-за присущихъ ей культурныхъ особенностей, усумниться въ пользѣ ея для себя и искать помимо переписи другихъ способовъ получить тѣ данныя о населеніи, которыя сами противники переписи считаютъ для правительства необходимыми. Есть такія общія истины, общія начала, добытыя наукою и исторіею, которыхъ примѣненіе въ дан-

номъ государствѣ вовсе не лишаетъ его индивидуальности, и которыми оно не можетъ не руководствоваться. Къ числу такихъ общихъ началъ должно быть отнесено и то, по коему *перепись населенія*, произведенная согласно съ выработанными опытомъ и наукою основаніямъ, *служитъ лучшимъ способомъ для полученія правительствомъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ о состояніи народа и количественномъ отношеніи разныхъ элементовъ, его составляющихъ.*

Правда, что на перепись населенія у насъ по большей части смотрятъ съ точки зрѣнія *ревизій*, которыя, какъ извѣстно, имѣли цѣлью опредѣлить одно число податныхъ душъ. Поэтому полагаютъ обыкновенно, что перепись тоже даетъ въ конечномъ результатѣ только общую цифру жителей, и указываютъ на то, что познаніе болѣе точное этой цифры не имѣетъ никакого практическаго значенія; слѣдовательно оно совершенно излишне,— какъ ни странно кажется, чтобы государство не знало числа своихъ подданныхъ. Укажите, говорятъ обыкновенно, хоть на одинъ случай, гдѣ бы общая цифра населенія была бы принята за основаніе административнаго мѣропріятія. Для чего послѣ этого искать въ самомъ дѣлѣ этой ни къ чему не нужной величины.

Едва ли подобныя мысли требуютъ серіознаго опроверженія: до такой степени они лишены всякаго основанія. Во-первыхъ, можно указать прямо на такіе случаи, при которыхъ общая цифра жителей служитъ основаніемъ для правительственныхъ соображеній, и еще на большее число случаевъ, гдѣ за основаніе административныхъ распоряженій принимается населенность. Такъ напримѣръ у насъ раздѣленіе Имперіи, по крайней мѣрѣ Европейской части ея, на губерніи и уѣзды основано главнѣйшимъ образомъ на численности населенія; величина призывныхъ участковъ опредѣляется числомъ душъ мужескаго пола вообще (не однѣхъ ревизскихъ); въ Германской имперіи распредѣленіе таможеннаго дохода между государствами основывается на численности наличнаго населенія и т. д. Во-вторыхъ, перепись даетъ не одно общее число жителей цѣлаго государства. Она даетъ число ихъ для каждой отдѣльной части его территоріи, для каждаго населеннаго пункта, и кромѣ того, что несравненно важнѣе, даетъ составъ населенія по полу, возрасту, семейному состоянію, занятію и пр. Никто, конечно, не скажетъ, чтобы подобнаго рода данныя не служили прямо для раз-

ныхъ практическихъ соображеній какъ правительства, такъ и разныхъ органовъ самоуправленія. Число лицъ, подлежащихъ обязательному обученію, военной повинности, пользующихся полными гражданскими и политическими правами, и тому подобное, суть такіе факты, въ познаніи которыхъ всякая правительственная власть, всѣ органы ея, болѣе или менѣе нуждаются, и тѣмъ болѣе нуждаются, чѣмъ шире становятся ихъ задачи.

Правда, что перепись не можетъ, по извѣстнымъ соображеніямъ, удовлетворять всегда требованію современности. Перепись есть операція періодически повторяющаяся. Но условію современности не можетъ удовлетворять никакая статистическая операція: данныя, точныя сегодня, завтра разойдутся съ дѣйствительностью и степень возникшаго несоотвѣтствія будетъ зависѣть отъ быстроты измѣненія явленія въ дѣйствительности; тѣмъ не менѣе такими данными, какъ единственно возможными, все же руководствуются и будутъ руководствоваться. Далѣе, переписи важны, не только каждая отдѣльно взятая, но еще важны какъ серія правильныхъ, періодически повторяющихся наблюденій надъ жизнію народнаго организма. Наконецъ, переписи не суть единственный источникъ для познанія составныхъ элементовъ населенія: онѣ стоятъ въ тѣсной связи съ другими статистическими операціями и дополняются ими, съ операціями, имѣющими цѣлью слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми измѣненіями, происходящими въ населеніи отъ передвиженія основныхъ элементовъ его въ пространствѣ и во времени. Метрическая регистрація и текущіе списки населенія, вмѣстѣ съ переписями, образуютъ одинъ цѣлый такъ сказать аппаратъ для наблюденія надъ тѣмъ сложнымъ и подвижнымъ фактомъ, который называется населеніемъ данной страны.

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе на настоящее значеніе текущихъ списковъ населенія и на отношенія ихъ къ такъ называемымъ однодневнымъ переписямъ.

Подъ текущею регистраціею, дающею текущіе списки населенія, понимается такая операція, при которой извѣстные правительственные органы слѣдятъ неотступно за каждымъ индивидуумомъ въ населеніи, отъ рожденія до смерти, отмѣчая о немъ всѣ тѣ признаки индивидуальные, хозяйственные, соціальные и пр., какіе правительство считаетъ нужнымъ, для разныхъ практическихъ цѣлей знать. Всѣ населеніе государства, съ территоріею дробится на возможно мелкія счетныя единицы или участки, участки такихъ размѣровъ, которые обеспечивали бы успѣшность

текущаго контроля населенія; въ каждой такой единицѣ указывается органъ, обязанный вести этотъ контроль. Для самой регистраціи заводятся особыя вѣдомости, въ которыя заносится каждое лицо, по извѣстнымъ правиламъ; тутъ объ этомъ лицѣ имѣются всѣ необходимыя справки. Статистическій обликъ этого лица неразрывно съ нимъ перемѣщается и измѣняется, по мѣрѣ перемѣщенія и измѣненія самого субъекта. Цѣль веденія такихъ списковъ состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность и правительственной администраціи, и органамъ самоуправленія имѣть подъ рукою всѣ необходимыя для нихъ данныя о населеніи во всякое время. По текущимъ спискамъ напр. можетъ быть прямо опредѣлено, кто именно въ данное время достигъ даннаго возраста, съ коимъ сопряжено отправленіе воинской повинности, право быть избирателемъ, кто имѣетъ осѣдлость въ данной административной, судебной или другой территоріальной единицѣ и т. под. По такимъ спискамъ можно не только, въ данную минуту, сосчитать жителей даннаго округа, но выдѣлить юридическое населеніе изъ фактическаго, то и другое распредѣлить по возрастамъ, полу, семейному положенію, и проч.

Повидимому, дѣйствительно, текущіе списки могутъ замѣнить вполнѣ переписи. Но для этого необходимо: 1) чтобы они велись съ величайшимъ тщаніемъ, 2) чтобы населеніе, сколько возможно, было неподвижно, 3) чтобы полученіе данныхъ объ отдѣльныхъ лицахъ не было для нихъ отяготительно и не имѣло вида какого нибудь полицейскаго надзора; чтобы данныя эти, такъ сказать; сами притекали въ регистрирующій органъ. Всѣ государства, гдѣ веденіе текущаго контроля доведено до значительнаго совершенства, какъ Швеція, Бельгія, Голландія, имѣютъ особыя постановленія, относящіяся главнымъ образомъ до перехода на жительство изъ одного прихода или общины въ другія и придаютъ выпискамъ изъ текущихъ списковъ большое значеніе юридическое (напр. для удостовѣреніе личности). Но это отнюдь не исключаетъ необходимости періодической провѣрки текущихъ списковъ или ревизіею, какъ въ Швеціи (откуда и наше слово ревизія, въ смыслѣ переписи), или переписью, какъ въ Бельгіи и Голландіи. Съ теченіемъ времени, въ текущихъ спискахъ накопляется достаточное количество неточностей, вызывающихъ неизбѣжность сопоставленія имѣющихся въ нихъ данныхъ съ дѣйствительностью [1].

[1]) Въ Вюртембергѣ въ прежнее время, черезъ каждыя 10 лѣтъ, дѣлались сводки юридическаго населенія изъ посемейныхъ списковъ, которыя вело духо-

Если правильное веденіе списковъ текущаго контроля населенія не исключаетъ необходимости провѣрки ихъ или-же особой переписи, то самое основаніе или заведеніе списковъ невозможно безъ переписи. Послѣдующія переписи могутъ быть сличаемы съ текущими списками; это сличеніе указываетъ статистическимъ органамъ, гдѣ можетъ встрѣтиться или существуетъ неправильность, сомнительность показанія; но завести текущіе списки безъ переписи должно признать положительно невозможнымъ.

Во многихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, ведутся списки разнымъ слоямъ, классамъ населенія, и въ Россіи ведутся они въ особенно изобильномъ числѣ. Но такихъ списковъ не должно смѣшивать со списками текущаго контроля населенія. Изъ сложенія ихъ вмѣстѣ, хотя бы всѣ они въ совокупности обнимали всё населеніе, не выйдетъ все-таки текущихъ списковъ.

При правильномъ устройствѣ текущаго контроля населенія, текущій списокъ имѣетъ каждая регистратурная единица, и въ этомъ спискѣ значатся всѣ лица, находящіяся въ ея предѣлахъ. Предположимъ, что такая единица будетъ волость. Въ волости особымъ лицомъ или лицами ведется книга, въ которой, въ извѣстномъ порядкѣ, записаны *всѣ* находящіеся въ волости, безъ различія сословія, продолжительность пребыванія ихъ и т. д. Противъ каждаго лица въ особыхъ графахъ отмѣчаются: полъ, возрастъ, семейное состояніе, занятіе, мѣсто рожденія, мѣсто отбыванія какихъ либо повинностей (напр. приписка къ призывному участку), родъ пребыванія въ волости (постоянное жительство, временное и пр.) и т. п. Спрашивается, есть ли физическая возможность изъ массы списковъ, опредѣляемыхъ актами о состояніяхъ, окладныхъ и полицейскихъ, составить для нашей волости такой списокъ, который бы соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Сколько тутъ можетъ быть пропусковъ, двойныхъ записей, ошибокъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ существующіе списки сами неполны, невѣрны, не заключаютъ въ себѣ многихъ и весьма многихъ данныхъ, которыя въ текущемъ спискѣ составляютъ необходимую часть того, что въ нихъ должно содержаться. Не говоря уже о предѣлахъ волости, уѣзда, губерніи, но даже для всей Россіи

венство; но практика показала, что текущіе списки не могутъ служить единственнымъ средствомъ для опредѣленія численности населенія: перепись 1867 г. дала *наличное* населеніе на 102,564 чел. (т. е. почти на 6%) менѣе, чѣмъ получалось по текущимъ спискамъ *юридическаго*.

изъ сложенія итоговъ отдѣльныхъ списковъ нельзя получить даже общаго итога населенія. Что же послѣ этого и говорить о народоописаніи на основаніи такихъ списковъ. До чего не возможно составить какой бы то ни было общій списокъ, хотя бы одной части населенія, на основаніи имѣющихся списковъ, доказывается составленіемъ напр. списковъ лицъ, обязанныхъ быть присяжными засѣдателями, или еще лучше составленіемъ призывныхъ списковъ. Напримѣръ въ Петербургѣ (то же самое еще въ большей мѣрѣ вездѣ), множество лицъ вовсе не попадаетъ въ списки тѣхъ, которые подлежатъ повинности присяжныхъ, хотя бы они давно пріобрѣли условія, обязывающія нести ее наравнѣ съ другими. При составленіи призывныхъ списковъ извольте розыскать, на основаніи метрикъ, окладныхъ и обывательскихъ списковъ, кто подлежитъ призыву въ данномъ участкѣ, гдѣ эти лица, живы, умерли-ли они, и т. д. Какія же бы затрудненія пришлось встрѣтить, если бы потребовалось составить списокъ съ обозначеніемъ не одного, а многихъ признаковъ, и не для части, а для всего населенія даннаго участка.

Считая излишнимъ далѣе распространяться здѣсь о текущемъ контролѣ населенія, мы должны сказать, что изученіе текущихъ списковъ, въ томъ видѣ, какъ они должны быть ведены, и практика всѣхъ государствъ, гдѣ только они ведутся, показываютъ: 1) что вновь заведены текущіе списки могутъ быть только на основаніи правильной переписи населенія; 2) что никакіе другіе пріемы для составленія таковыхъ изъ существующихъ частныхъ списковъ не обеспечиваютъ правильности и полноты ихъ, и 3) что существованіе текущихъ списковъ не устраняетъ новыхъ переписей, въ то же время, значительно помогая хорошему выполненію ихъ.

Для Россіи составленіе текущихъ списковъ и устройство текущаго контроля населенія, при развитіи государственной и земской жизни, при усложненіи задачъ правительства и органовъ самоуправленія, при уравненіи всѣхъ классовъ населенія въ политическихъ и гражданскихъ правахъ, въ виду вѣроятнаго преобразованія въ системѣ податей, дѣлается все болѣе и болѣе настоятельнымъ. А это предполагаетъ: *во-первыхъ*, производство правильной переписи въ замѣнъ никуда негодныхъ по существу своему ревизій; *во-вторыхъ*, одновременно съ переписью устройство постоянныхъ счетныхъ участковъ или регистратурныхъ округовъ для текущаго контроля населенія. Мы и не представляемъ себѣ переписи въ

Россіи иначе, какъ именно подъ условіемъ такой организаціи статистики населенія, которая дала бы возможность извлечь изъ этой трудной и дорогой операціи возможно большую практическую пользу и которая облегчила бы и удешевила послѣдующія переписи. Думать же, что возможно замѣнить перепись какимъ нибудь искусственнымъ пріемомъ, въ родѣ того, какимъ въ настоящее время опредѣляется у насъ ежегодно населеніе губерній, — и то *только* по отношенію къ общей цифрѣ его, — или что безъ переписи, посредствомъ разныхъ другихъ способовъ, возможно имѣть полные списки населенія и держать ихъ въ должномъ видѣ, — все это совершенная безсмыслица, которую можно поддерживать исключительно при совершенномъ незнаніи существа этихъ двухъ административно-статистическихъ операцій.

Намъ могутъ указать на примѣръ двухъ государствъ западной Европы: Швецію и Голландію, гдѣ переписей въ собственномъ смыслѣ слова не производится, а дѣлается, въ извѣстные промежутки времени, повѣрка текущихъ списковъ. Примѣръ Швеціи особенно соблазнителенъ, потому что тамъ эта операція называется ревизіею, и самое это названіе Петромъ Великимъ, быть можетъ, взято оттуда. Но въ Голландіи такая повѣрка уже замѣнена переписями, а относительно Швеціи мы должны сказать: во 1) что, кромѣ выраженія своего самодовольства относительно своей статистики, шведскіе статистики не могутъ привести никакихъ доказательствъ тому, что при ихъ способѣ учета населенія, счетъ его дѣйствительно вѣренъ, на столько, на сколько можетъ быть вѣрна перепись; никакого другого способа повѣрки не имѣется, какъ соединеніе текущихъ списковъ и періодическихъ переписей, повѣряющихъ другъ друга; во 2) если и допустить, что шведская ревизія даетъ вѣрную цифру (замѣтимъ, юридическаго только) населенія, то вѣрность эта обеспечивается болѣе двухъ столѣтій существующею и при томъ отличною системою веденія текущихъ списковъ населенія. Само собою разумѣется, что не имѣя никакого правильнаго текущаго контроля населенія, нечего и думать о подражаніи Швеціи.

II.

Прежде чѣмъ отъ этихъ общихъ соображеній о необходимости для Россіи положить наконецъ начало правильной статистики

населенія путемъ производства настоящей народной переписи, перейти къ указанію способовъ выполненія этой операціи, мы считаемъ не лишнимъ намѣтить, въ общихъ чертахъ, теоретическія основанія переписи и существенныя стороны въ организаціи, какую получили лучшія переписи въ западно-европейскихъ государствахъ.

Научныя начала переписей на столько выработаны, въ настоящее время, что о многихъ изъ нихъ не можетъ возникать сомнѣнія ни въ теоріи, ни въ практикѣ.

Изъ свойствъ статистическаго наблюденія и изъ свойствъ населенія, какъ въ высшей степени подвижнаго объекта наблюденія, выводятся слѣдующія общія руководящія для переписи начала:

1) Перепись, какъ всякое статистическое наблюденіе, должна основываться на отмѣткѣ единичныхъ, индивидуальныхъ явленій или фактовъ: она обращается къ каждому лицу въ отдѣльности. Личность исчезаетъ въ общихъ сводахъ, гдѣ являются уже группы, отмѣченныя однимъ общимъ признакомъ, но она есть необходимая исходная точка всей статистической операціи. Неподменная перепись немыслима.

2) Населеніе есть живой организмъ, въ коемъ совершается безпрерывно и постоянно передвиженіе малѣйшихъ частицъ, индивидовъ: оно безпрерывно мѣняется въ своемъ территоріальномъ распредѣленіи, составѣ и т. д. Статистическое наблюденіе должно при переписи уловить такъ сказать это движущееся явленіе въ состояніи покоя. Для этого наблюденіе должно быть мгновенно: оно, какъ фотографическій аппаратъ, должно отпечатать обликъ населенія, съ возможной полнотой и вѣрностью, въ самый короткій промежутокъ времени. Отсюда требованіе *однодневности* переписи и исчисленія *наличнаго населенія*, какъ основанія для нея. Это значитъ, что перепись отмѣчаетъ каждое отдѣльное лицо въ томъ мѣстѣ, гдѣ его застаетъ, и отмѣчаетъ съ тѣми признаками, какіе имѣло оно въ назначенный день.

Само собою разумѣется, что при этомъ имѣется въ виду *все* населеніе даннаго государства или опредѣленной части его.

3) Для элиминированія фактора времени, столь важнаго въ наблюденіи надъ движущимися явленіями, переписи должны быть повторяемы черезъ одинаковые промежутки времени.

Эти три главныя основныя начала переписей на западѣ Европы давно осуществляются на практикѣ, во всѣхъ лучшихъ переписяхъ. Счисленіе жителей производится въ назначенный день,

черезъ опредѣленные промежутки времени, по наличному населенію, черезъ поименную перепись всѣхъ. Разница есть между отдѣльными государствами въ практическихъ пріемахъ, коими достигается осуществленіе означенныхъ основныхъ началъ. Такъ поименное перечисленіе дѣлается однимъ изъ слѣдующихъ способовъ: а) единоличными карточками (bulletins individuels), б) посемейными листками (bulletins de ménage), в) общими поименными списками для счетныхъ участковъ (Aufnahmsbogen), или совокупно двумя способами. Въ виду невозможности практически исполнить перепись въ одинъ день, опредѣляется тотъ или другой день, къ коему должны быть отнесены показанія, назначается опредѣленное, короткое, время для дополнительныхъ записей, повѣрки и т. д. Опредѣляются, различные по государствамъ, но на неопредѣленное будущее, періоды повторенія переписей; организація переписей примѣняется къ спеціальнымъ условіямъ отдѣльныхъ государствъ, устройству въ нихъ статистическихъ органовъ и т. д.

4) Принципіальное разногласіе является въ теоріи переписей по вопросу о содержаніи ихъ. Какія данныя собирать, что спрашивать, на что требовать отвѣта?

Будучи прежде всего административною операціею, перепись конечно должна давать тѣ свѣдѣнія, которыя администрація считаетъ необходимымъ имѣть о населеніи. Но слѣдуетъ-ли ограничиваться этимъ необходимымъ? потомъ, другой вопросъ, каковы размѣры этого необходимаго?

Становясь на точку зрѣнія административнаго права, мы находимъ слѣдующее общее положеніе относительно права государства предлагать вопросы, касающіеся личныхъ отношеній и обязанности частныхъ лицъ отвѣчать на эти вопросы:

Государство, говоритъ Л. Штейнъ [1]), имѣетъ право требовать только такихъ свѣдѣній о жизненныхъ отношеніяхъ личностей, общее знаніе коихъ должно быть считаемо условіемъ развитія общей жизни. Каждый вопросъ, предлагаемый переписью, вопросъ, съ которымъ общественная власть обращается къ лицу, и на который это лицо обязано отвѣчать, долженъ быть мотивированъ указаніемъ опредѣленной административной задачи, для выполненія коей, въ общемъ интересѣ, требуемыя данныя необходимы.

---

[1]) Verwaltungslehre, 1866. II Th. 215.

Отвѣтъ на вопросы чисто научные долженъ быть предоставленъ доброй волѣ каждаго.

Положеніе, высказанное Штейномъ, вызвано отчасти тѣмъ, что дѣйствительно иногда представители чистой науки не знаютъ предѣловъ своей пытливости и не прочь были бы превратить всѣ административно-статистическіе органы въ орудія своихъ изслѣдованій. Но едва-ли положеніе это практически возможно провести во всей его строгости. Начать съ того, что перепись, будучи операціею весьма сложною, требующею большаго расхода, и труда и денегъ, не можетъ повторяться часто, да и частое повтореніе при системѣ текущихъ списковъ не представляется нужнымъ. Такимъ образомъ, въ виду возникающей надобности имѣть, подъ рукою, тѣ или другія данныя о населеніи, администрація не можетъ прямо обратиться къ способу переписи для полученія этихъ данныхъ. Отвѣчать прямо и только на требованія настоящаго момента, переписи не должны и не могутъ. При помощи ихъ должны быть собираемы всѣ данныя, какія могутъ быть собраны, безъ ущерба для достовѣрности ихъ и безъ значительнаго обремененія и населенія и органовъ, производящихъ перепись. Представленіе о томъ, что отвѣты на вопросы, предлагаемые переписью, будутъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе отвѣчающіе будутъ убѣждены, что администрація нуждается для общаго блага въ этихъ отвѣтахъ — въ значительной мѣрѣ идеалистично. Полнота отвѣтовъ, готовность отвѣчать въ значительной степени зависятъ отъ рода вопросовъ, отъ постановки ихъ, отъ отношенія регистрирующихъ органовъ къ населенію и т. д. Масса всегда готова отвѣчать на предлагаемыя ей переписью вопросы, если не видитъ при этомъ ущерба для себя, если понимаетъ, что спрашиваютъ, и если вопросъ такого рода, что есть возможность отвѣчать на него. Что касается до отношенія научныхъ требованій къ практически-административнымъ, то вообще говоря, все что наука можетъ выработать изъ наблюденій надъ жизнію населенія необходимо и въ извѣстной степени, будетъ полезно для него самого и для администраціи. Но независимо отъ этого, уже одно то обстоятельство, что научное наблюденіе въ статистикѣ, по большей части, не можетъ быть вовсе произведено иначе, какъ чрезъ административно-статистическіе органы, говоритъ въ пользу того, что не слѣдуетъ при производствѣ такихъ операцій, какъ переписи, имѣть въ виду исключительно узко-административныя потребности. Факультативность отвѣта, о коей говоритъ Штейнъ, мы

должны рѣшительно отвергнуть при этомъ: статистическая величина должна состоять изъ всѣхъ (на сколько практически возможно) единичныхъ явленій. На предлагаемый вопросъ или должны отвѣчать всѣ, или его не слѣдуетъ предлагать, потому что тогда отношеніе извѣстной части случаевъ къ остающейся неизвѣстною будетъ неопредѣлимо, находясь въ зависимости отъ элемента личнаго произвола каждаго. По нашему мнѣнію, для успѣховъ науки и для пользы самого государства, статистическіе его органы никогда не должны отказываться отъ собиранія какихъ бы то ни было свѣдѣній о населеніи, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ опытность ихъ можетъ предвидѣть безуспѣшность такого собиранія, или когда подобное собираніе будетъ идти въ ущербъ успѣшному функціонированію самихъ органовъ, или сопряжено будетъ съ значительнымъ увеличеніемъ труда и расходовъ. Статистика населенія въ особенности должна быть организована такъ во всѣхъ своихъ частяхъ, чтобы она, во всякое время, могла приносить возможно большую пользу и законодательству, и администраціи, и наукѣ, и жизни [1]).

Очевидно, что a priori невозможно перечислить всѣхъ данныхъ, которыя должны и могутъ быть собираемы переписями. Объемъ ихъ различенъ по мѣсту и времени. Чѣмъ цивилизованнѣе страна, чѣмъ выше ея уровень въ политической и умственной жизни, тѣмъ болѣе широкое поле охватываетъ статистическое наблюденіе.

Есть однако нѣкоторыя такія данныя о населеніи, которыя могутъ быть прямо предметомъ изученія сравнительной статистики, и которыхъ регистрація можетъ быть одинаково возможна покрайней мѣрѣ въ европейскихъ государствахъ. Объемъ этихъ данныхъ опредѣленъ восьмымъ статистическомъ конгрессомъ [2]) слѣдующимъ образомъ:

а) Имя, фамилія, прозваніе.
б) полъ.
в) возрастъ.
г) отношеніе къ главѣ семьи или хозяйства.
д) гражданское состояніе.
е) занятіе.
ж) вѣроисповѣданіе.

---

[1]) Энгель, Zeitschrift der P. S. B. 1873, der Einfluss des Gesetzes etc. стр. 4.
[2]) Резолюціи Петербургскаго конгресса.

з) языкъ.

і) знаніе грамоты.

и) мѣсто рожденія, національность.

к) обыкновенное мѣстопребываніе и характеръ пребыванія въ мѣстѣ переписи.

л) тѣлесные недостатки: слѣпота, глухо-нѣмота, идіотизмъ и кретинизмъ, сумасшествіе.

За немногими исключеніями европейскія государства своими переписями могутъ отвѣчать на всѣ эти рубрики, хотя для нѣкоторыхъ число ихъ нѣсколько велико. За то многія государства, кромѣ означенныхъ, собираютъ еще нѣкоторыя другія свѣдѣнія или тѣ же, съ большими подробностями.

Стараніе многихъ государствъ при этомъ обращено на то главнымъ образомъ, чтобы дать административной статистикѣ возможность выдѣлить изъ наличнаго населенія разные виды юридическаго его состава, какъ-то: населеніе приписное, осѣдлое, подвижное и пр., обозначаемыя неимѣющими впрочемъ общаго вездѣ значенія словами: population de droit, p. domiciliée, p. réelle, Wohnbevölkerung, Wohnsitzbevölkerung и пр. При этомъ имѣются въ виду основанія, спеціально интересующія то или другое государство, и признаки, отмѣчаемые переписями, лишены международнаго значенія.

Итакъ общихъ началъ, на коихъ должна быть основана вся перепись, пять: во-первыхъ, она должна быть поименная, во-вторыхъ, брать наличное населеніе, въ-третьихъ, о населеніи этомъ получить выше перечисленныя данныя, въ-четвертыхъ должна быть однодневная и со всею повѣркой окончена въ самый короткій періодъ времени, и въ-пятыхъ, должна повторяться черезъ опредѣленные промежутки времени.

Что касается до средствъ выполненія переписей и до разныхъ частностей въ ихъ общемъ планѣ, то они вполнѣ зависятъ отъ организаціи статистической части въ каждомъ государствѣ, и отъ того, насколько совѣты статистическихъ конгресовъ и хорошіе примѣры сосѣдей вліяли на заправляющихъ этимъ дѣломъ. Здѣсь можно подмѣтить впрочемъ нѣкоторыя общія черты:

1) Вездѣ для производства переписи правительство избираетъ такое время года, когда есть основаніе предполагать наименьшую перемѣщаемость населенія: за исключеніемъ Соединеннаго Королевства Великобританіи, Голландіи и Даніи, декабрь принятъ почти повсемѣстно для выполненія переписей (1-е дек. въ Германской имперіи, 10-е въ Швейцаріи, въ остальныхъ государствахъ 31-е).

Въ законѣ о послѣдней переписи Германской Имперіи рекомендуется при этомъ всѣмъ правительствамъ, не назначать переписи въ дни ярмарокъ, передвиженія войскъ и вообще всякихъ событій, которыя могутъ искуственно увеличивать подвижность населенія.

2) Записи пріурочиваютъ населеніе къ тому положенію, въ которое застаетъ его *ночь* на данное число, такъ какъ въ ночное время населеніе болѣе чѣмъ днемъ находится въ жилищахъ.

3) Территоріальныя единицы для переписи берутся по возможности мелкія: онѣ совпадаютъ съ наименьшими административными дѣленіями (или статистическими, какъ въ Великобританіи) и въ свою очередь дробятся на счетные участки такой величины, чтобы регистрація или повѣрка записей были практически возможны для счетчика. Величина счетныхъ участковъ опредѣляется или числомъ лицъ, подлежащихъ записи, или числомъ домовъ, или пространствомъ. Такимъ образомъ въ Великобританіи, въ городахъ счетный округъ состоитъ изъ 150 семействъ, внѣ городовъ равенъ 15 кв. англ. милямъ (25 кв. верстъ); въ Германской имперіи: въ Пруссіи каждая община дробится на нѣсколько счетныхъ округовъ, по своему усмотрѣнію, въ Баваріи наибольшая величина счетнаго округа 200 хозяйствъ, въ Вюртембергѣ — 100 хозяйствъ и т. д.; во Франціи — счетный округъ arrondissement или commune.

4) Производство самыхъ работъ — раздача бланковъ, контроль, назначеніе счетчиковъ, общее завѣдываніе — по возможности стараются предоставить статистическимъ органамъ и агентамъ, и органамъ мѣстнаго самоуправленія; стараются привлечь къ самому широкому участію въ переписи самое населеніе, чтобы перепись сдѣлалась самоисчисленіемъ (Selbstzählung, какъ говорятъ нѣмцы). Такимъ образомъ достигаются раздѣленіе труда и сбереженіе въ расходахъ. Общинное управленіе завѣдуетъ переписью, несетъ иногда всѣ, иногда часть расходовъ (типографскіе расходы и самое заготовленіе и разсылка бланковъ почти вездѣ относятся на счетъ правительства); счетчики привлекаются даровые въ возможно большемъ числѣ, домохозяева являются низшею регистрирующею инстанціею. Таковъ почти общій порядокъ. Впрочемъ, система даровыхъ или безвозмездныхъ счетчиковъ не исключаетъ ихъ найма, при чемъ основанія для вознагражденія выбираются такія, которыя бы побуждали счетчика къ хорошему выполненію своего дѣла.

Привлеченіе населенія къ участію въ счетѣ его самого, чрезъ

непосредственное участіе и органовъ самоуправленія и мѣстной интеллигенціи въ производствѣ переписи, служитъ лучшимъ залогомъ хорошаго выполненія этой важной операціи и доказательствомъ того, какое значеніе ей придается въ образованныхъ странахъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманіе на тѣ средства, которыми, во многихъ государствахъ, правительства кромѣ того обезпечиваютъ успѣхъ дѣла. Сюда относятся: изданіе дешевыхъ книжекъ для народа, въ коихъ разъясняется ему, въ самой доступной формѣ, смыслъ тѣхъ требованій, съ которыми къ нему обратятся, даются наставленія о томъ, какъ и что записывать, отъ кого получить, кому отдать переписной бланкъ; устройство публичныхъ чтеній или лекцій, въ коихъ задолго до переписи образованной части публики объясняются организація и значеніе этой операціи и т. под. Въ Англіи напр. передъ переписью, пасторы въ церквахъ, съ кафедры, объясняютъ прихожанамъ, въ чемъ она будетъ заключаться, газеты пишутъ о томъ же, улицы покрыты объявленіями, разъясненіями, такъ что ко дню ценза нѣтъ ни одного англичанина, который бы не зналъ о немъ болѣе или менѣе обстоятельно.

5) Когда пополнены переписные листки и поступили въ руки лицъ, производящихъ перепись, исписанные массою единичныхъ показаній, рождается весьма существенный вопросъ: какъ этотъ матерьялъ, заключающійся въ милліонахъ отдѣльныхъ листковъ, привести въ систему, какъ производить то, что называется концентраціею первичныхъ данныхъ. Мы встрѣчаемся тутъ съ двумя системами; первычный матерьялъ сосредоточивается весь, въ сыромъ видѣ, въ одномъ центральномъ органѣ, который и производитъ его сводку (dépouillement), или эта сводка идетъ постепенно отъ нисшихъ округовъ къ высшимъ и доходитъ до центральнаго органа въ видѣ сводовъ, причемъ сырой матерьялъ остается въ мѣстахъ его собиранія. Примѣромъ первой системы можетъ служить Пруссія, гдѣ статистическое бюро прямо получаетъ индивидуальные бюллетени и само уже сводитъ ихъ въ общіе итоги по общинамъ, уѣздамъ, провинціямъ и т. д. Вторая система болѣе распространена; между прочимъ ею руководствуются другія государства Германской имперіи, Австрія, Великобританія, Франція (до послѣдней переписи, по крайней мѣрѣ) и пр. Преимущество перваго порядка сводки — тщательность и вѣрность, такъ какъ она производится опытными людьми, привычными къ дѣлу; но она хороша при прусской системѣ первичной регистраціи на отдѣльныхъ кар-

точкахъ. При переписке на карточки всѣхъ данныхъ изъ посемейныхъ списковъ она дѣлается едвали практически возможной для большаго населенія. Система сводовъ на мѣстахъ представляетъ меньшее ручательство въ правильности и достовѣрности, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ мѣстныхъ статистическихъ органовъ и гдѣ сводка дѣлается полиціею или общинными управленіями; но за то трудъ раздѣляется между большимъ числомъ работниковъ и самый матеріалъ, оставаясь на мѣстахъ, можетъ служить затѣмъ для провѣрки текущихъ списковъ или для выборки данныхъ съ какими нибудь другими цѣлями, ради мѣстныхъ интересовъ. Самое разрѣшеніе сомнѣній, въ случаѣ неточностей въ регистраціи, сомнѣній которыя часто и могутъ возникнуть только при сводкѣ, легче, если сводка дѣлается ближе къ мѣсту происхожденія сырыхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ при этой системѣ необходимо, чтобы формы сводовъ были составлены и разосланы заранѣе и чтобы для сводчиковъ были даны ясныя инструкціи и указанія, какъ дѣлать своды. Послѣдняя австрійская перепись можетъ, въ этомъ отношеніи, считаться образцовою.

6) Мнѣ осталось упомянуть о тѣхъ подготовительныхъ работахъ, которыя имѣютъ особенное значеніе при переписяхъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ правильная перепись является впервые, но которыя приходится, по крайней мѣрѣ, въ видѣ повѣрки, повторять передъ каждою переписью.

Каждой переписи предшествуетъ перепись человѣческихъ посеселеній и жилищъ. Она важна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, для изученія размѣщенія жителей по жилищамъ, и во-вторыхъ, для соображенія объ организаціи самого счета населенія — величины и числа счетныхъ округовъ, количества потребныхъ бланковъ и пр. По каждому административному дѣленію должны быть составлены списки населенныхъ мѣстъ; въ натурѣ, каждое населенное мѣсто должно быть обозначено особымъ названіемъ, которое не давало бы повода смѣшивать его съ другими; въ большихъ населенныхъ пунктахъ, имѣющихъ нѣсколько улицъ, каждая получаетъ особое названіе; всѣ дома или отдѣльныя владѣнія получаютъ нумерацію и имъ составляются списки; перемѣна номера не можетъ быть сдѣлана безъ разрѣшенія администраціи, и соотвѣтствующая поправка, всякій разъ, заносится въ означенный списокъ. Постановленія австрійскаго закона 29 марта 1869 г. въ этомъ отношеніи могутъ считаться образцемъ для тѣхъ государствъ, гдѣ перепись приходится производить впервые, на правильныхъ нача-

лахъ (§§ 1—10). Эта предварительная операція не лишена весьма многихъ затрудненій и требуетъ спеціальныхъ распоряженій относительно того, что считать особымъ населеннымъ пунктомъ, даже особымъ „домомъ“. Затрудненія эти возрастаютъ особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе рѣдко, занимается лѣсными, звѣриными и рыбными промыслами, имѣетъ становища, въ коихъ проводятъ часть времени въ году. Тѣмъ не менѣе составленіе полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ, и въ каждомъ изъ нихъ отдѣльныхъ жилищъ, представляется такимъ условіемъ, безъ котораго ни производство переписи, ни въ особенности повѣрка ея и контроль полноты, являются немыслимыми. Выполненіе этого условія требуетъ времени и потому составленіе такихъ списковъ населенныхъ мѣстъ должно предшествовать задолго самой переписи. Описаніе самыхъ жилищъ можетъ идти непосредственно передъ переписью и даже совмѣстно въ нею. Нѣтъ надобности говорить, что вопросъ о жилищныхъ отношеніяхъ имѣетъ особенную важность въ мѣстахъ большаго скученія населенія — въ городахъ, фабричныхъ поселеніяхъ и пр.,— потому что сельскія постройки имѣютъ болѣе или менѣе однообразный характеръ.

Вопросные пункты, касающіеся жилищъ, имѣютъ главнымъ образомъ въ виду опредѣлить ту степень простора, на которомъ живетъ населеніе, и ту совокупность гигіеническихъ условій, кокую оно имѣетъ въ своихъ помѣщеніяхъ. Сюда относятся:

1) указаніе числа домовъ на улицу и во дворъ.

2) числа этажей въ тѣхъ и другихъ.

3) числа квартиръ.

4) вмѣстимости каждой квартиры, по числу комнатъ и по числу оконъ на улицу и во дворъ.

5) проведеніе и непроведеніе воды, газа и т. под.

Отвѣты на эти вопросы получаются частью при составленіи списковъ населенныхъ мѣстъ, частью при переписи на квартирныхъ или особыхъ листкахъ, если перепись производится по способу bulletins individuels.

Таковы общія основанія, на которыхъ должна быть производима перепись населенія. Какъ легко видѣть, основанія эти не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что у насъ до сихъ поръ называлось ревизіею; имъ удовлетворяютъ въ большей или меньшей степени только опыты однодневныхъ переписей, произведенные у насъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и очень немногихъ губерніяхъ, опыты важные, главнымъ образомъ, въ томъ

отношеніи, что они подготовили отчасти почву для всеобщей однодневной переписи и доказали осуществимость этой послѣдней, даже въ мѣстностяхъ слабо населенныхъ. Ревизіи же наши едвали можно даже сравнивать съ какою нибудь изъ послѣднихъ переписей западно-европейскихъ государствъ,— до такой степени между ними мало сходнаго, и замѣчательно то, что въ теченіи десятикратнаго своего повторенія ревизіи не улучшились, ни въ основныхъ началахъ своихъ, ни въ способахъ выполненія, исключая, конечно, устраненія разныхъ жестокостей, съ которыми соединены были первыя ревизіи. Кореннымъ недостаткомъ ревизій, въ принципѣ, должно считать то обстоятельство, что переписи подлежало не все населеніе государства, а только лица, платящія подушную подать, другими словами, податное мужское населеніе. Женскій полъ вносился въ сказки только для счета, и на полноту и правильность записей не обращалось никакого вниманія; о той же части населенія, которая подушныхъ не платитъ, свѣдѣнія собирались не переписью, а заимствовались изъ списковъ этихъ лицъ, имѣющихся въ разныхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ. Изъятія отъ внесенія въ ревизію, по 10 ревизіи, обнимали около 9 милліоновъ населенія, не считая бывшаго Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Такимъ образомъ, цифра общей численности населенія слагалась изъ двухъ совершенно различныхъ элементовъ, достовѣрность и полнота коихъ были весьма различны. Но и въ отношеніи самаго податнаго населенія ревизіи никогда не достигали даже своей скромной цѣли — знать одно общее число принадлежащихъ сюда лицъ. „Всѣ ревизіи безъ исключенія, говоритъ г. Бушенъ, [1]) представлявшій собою въ этомъ случаѣ центральный статистическій комитетъ, кончились, не достигнувъ желаемой цѣли, прекращеніемъ розысковъ и принятіемъ на страхъ извѣстной ошибки. Ясно, что ошибка всегда была не въ пользу правительства и заключалась въ извѣстномъ количествѣ людей, не вошедшихъ въ ревизскія перечневыя вѣдомости.“

Причины такой безуспѣшности учета даже одной части населенія должно искать:

1) Въ фискальномъ характерѣ ревизій, и еще болѣе, можетъ быть, въ томъ страхѣ, который первыя ревизіи нагнали на на-

[1]) Статистическія таблицы Рос. Имп., издаваемыя по распоряженію М. В. Д. Центр. Стат. Комитетомъ, выпускъ 2, стр. 146.

родъ, зачастую бѣжавшій цѣлыми волостями, пока было куда бѣжать (отъ штрафовъ и пеней). За укрывательствомъ отъ ревизіи слѣдовали розыски, дававшіе поводъ несчетнымъ злоупотребленіямъ со стороны администраціи. Г. Бушенъ полагаетъ ошибку въ учетѣ отъ утайки не менѣе какъ въ 100,000 душъ м. пола для 10-й ревизіи.

2) Въ продолжительности производства самой ревизіи и затѣмъ повѣрки ея. Послѣдняя ревизія длилась почти три года! Первоначальныя сводки подаются въ теченіи шести мѣсяцевъ, въ однихъ мѣстахъ ранѣе, въ другихъ позже — откуда большая разновременность данныхъ, отчего общій итогъ слагается не изъ однородныхъ данныхъ и будетъ значительно ниже того, который бы получился, если бы всѣ сказки были подписаны въ день подписанія послѣдней сказки. Что касается до повѣрки ревизій, то она оказывается совершенно безполезной въ виду того, что слѣдуетъ, значительное время, спустя послѣ подачи сказокъ: многіе изъ внесенныхъ въ сказки успѣли умереть, не оказаться на лицо, другіе между тѣмъ родились, всѣ стали старѣе и т. д.

Наконецъ 3) Въ сложной организаціи самого производства переписи и отчасти сбивчивости общихъ первоначальныхъ распоряженій. Въ то время, какъ западно-европейскіе законы о переписи состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ, а министерскія распоряженія изъ нѣсколькихъ параграфовъ, разъясняющихъ основные пріемы производства ихъ, мы можемъ насчитать въ полномъ собраніи законовъ болѣе 100 указовъ, относящихся къ десяти ревизіямъ (болѣе 10 указовъ на одну ревизію), не считая министерскихъ распоряженій.

Не обнимая всего населенія, давая даже для податнаго населенія неточную и невѣрную цифру, ревизіи въ то-же время представляютъ два другіе, не менѣе важные недостатка: онѣ не даютъ никакихъ матеріаловъ для описанія населенія и даютъ населеніе только приписное, а не наличное или дѣйствительное (Wohnbevölkerung). Ревизія опредѣляетъ полъ и возрастъ. Но какъ женскій полъ вносится только для счета, то цифра его не имѣетъ той цѣны, какую имѣетъ цифра лицъ мужскаго пола; она можетъ быть даже точнѣе этой послѣдней, но все же не однородна съ нею. Возрастъ хотя обозначается для обоихъ половъ, но правильность показаній ничѣмъ не обезпечена, даже не существуетъ указанія на то, какъ возрастъ обозначать:

числомъ ли истекшихъ лѣтъ или цифрою переживаемаго года; данныя о возрастномъ составѣ населенія, по совершенной негодности ихъ, никогда даже не обработывались. Затѣмъ кромѣ принадлежности къ сословію, ревизіи не даютъ намъ уже рѣшительно ничего больше, и населеніе остается совершенною terra incognita и для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится управленіе, и для тѣхъ, кто захотѣлъ бы изучить его съ чисто научными цѣлями. Счетъ приписнаго населенія вмѣсто счета наличнаго есть такой недостатокъ ревизій, который дѣлаетъ невозможными никакія соображенія или выводы относительно дѣйствительнаго размѣщенія населенія въ пространствѣ, а слѣдовательно и относительно той суммы благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій для хозяйства и жизни населенія, какими обладаютъ тѣ или другія мѣстности имперіи. Понятно, что и всякія административныя мѣры, основанныя на расчетахъ дѣйствительной численности населенія, будутъ всегда оказываться невѣрными.

Оперируя надъ нашими данными о населеніи по уѣздамъ, губерніямъ или другимъ частямъ территоріи, мы трудимся не надъ анализомъ дѣйствительно существующихъ явленій, а надъ воображаемыми величинами. Если по финансовымъ соображеніямъ и при существующемъ порядкѣ обложенія подушною податью, выводъ цифры приписнаго населенія является необходимымъ, то само собою разумѣется, что перепись должна дать всѣ необходимые для того матеріалы: но она можетъ ихъ дать при счетѣ наличнаго населенія, какъ при этомъ счетѣ можетъ дать осѣдлое или постоянно живущее населеніе, данныя о коемъ имѣютъ и для правительства не меньшую цѣну, чѣмъ данныя о приписномъ населеніи.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ подробнѣе указать на всю негодность того, что у насъ называютъ переписями, и что не имѣетъ, какъ изъ предшествующаго видно, ничего общаго съ тѣмъ, что весь образованный міръ разумѣетъ подъ этимъ словомъ. Едва ли впрочемъ болѣе подробный разборъ недостатковъ ревизій можетъ, въ настоящее время, имѣть какое нибудь практическое значеніе. Вопросъ этотъ самъ по себѣ уже можетъ считаться исчерпаннымъ, послѣ всего, что о немъ писано, и въ теченіи четырнадцати лѣтъ, прошедшихъ съ окончанія послѣдней, десятой ревизіи, строй русскаго общества, бытовыя, юридическія и экономическія его отношенія на столько измѣнились, что ни правительство, ни органы самоуправленія, ни

самое общество не могутъ удовольствоваться ни тѣми скудыми и невѣрными данными, какія способна дать ревизія, ни тѣми пріемами, какими при ревизіяхъ руководствовались и какіе непримѣнимы и къ новой системѣ административныхъ учрежденій, и къ новому складу общественной жизни.

Центральный статистическій комитетъ, вступившій съ 1863 г. въ новый періодъ своего существованія, сдѣлалъ такъ мало для того, чтобы подвинуть впередъ нашу статистику населенія, что мы, въ этомъ отношеніи, отстали не только отъ своихъ западныхъ сосѣдей, но и потребностей нашей собственной жизни. Одно уже то, что введеніе всесословной воинской повинности застало нашу статистику почти врасплохъ, безъ учета населенія, по возрасту, семейному состоянію, мѣсту жительства и пр., застало безъ всякаго текущаго контроля населенія, можетъ быть поставлено въ упрекъ комитету, послѣ десятилѣтняго его существованія. Онъ ограничился въ 1870 году составленіемъ „проекта“ народной переписи для Россіи. Мы не знаемъ частностей этого проекта, но судя потому, что сообщено о немъ 8-му статистическому конгрессу, не видно, чтобы онъ сколько нибудь былъ связанъ съ устройствомъ текущихъ списковъ населенія; теперь, конечно, приходится наскоро исполнять ту работу, которая должна бы быть готовою въ рукахъ статистическаго учрежденія къ тому времени, когда правительство только задумало такую реформу въ государственной жизни, какъ всесословная воинская повинность.

Впрочемъ мы не можемъ имѣть окончательнаго сужденія объ этомъ проектѣ переписи, на основаніи нѣсколькихъ словъ, напечатанныхъ въ третьемъ томѣ трудовъ 8-го статистическаго конгресса; намъ остается выразить наше сожалѣніе, что онъ не былъ преданъ гласности, которой учрежденіе, подобное центральному статистическому комитету, всего менѣе должно было бы избѣгать.

ЗАМѢТКА
О
СОКРАЩЕННЫХЪ СРОКАХЪ
ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ
И
ОБЯЗАТЕЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ.

Г. Д. СИДОРЕНКИ,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

Уставъ о воинской повинности назначаетъ для образованныхъ молодыхъ людей, сверхъ отсрочекъ въ отбываніи повинности, и также права поступленія на льготную службу вольноопредѣляющихся и нѣкоторыхъ другихъ облегченій, сокращенные сроки пребыванія на дѣйствительной службѣ: вмѣсто общаго шестилѣтняго срока, они обязаны служить въ постоянномъ сухопутномъ войскѣ только $^1/_2$, $1\,^1/_2$, 3 или 4 года, смотря по степени полученнаго ими образованія. Высшая общественная цѣль, которая имѣлась въ виду при допущеніи всѣхъ этихъ облегченій, выражена въ слѣдующихъ словахъ Высочайшаго манифеста, объявлявшаго о введеніи новаго устава о воинской повинности: „Даруемыя нынѣ важныя преимущества молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, да будутъ новымъ орудіемъ къ распространенію въ народѣ нашемъ истиннаго просвѣщенія, въ которомъ Мы видимъ основаніе и залогъ его будущаго благоденствія.“ Преслѣдуя эту высокую цѣль, составители устава не могли дѣйствовать въ ущербъ и ближайшей цѣли, для которой установлена воинская повинность, — въ ущербъ интересамъ военнаго дѣла. Имѣя это въ виду, опредѣ-

лимъ значеніе и послѣдствія сокращенныхъ сроковъ службы, допущенныхъ для образованныхъ молодыхъ людей.

Непосредственную основу для примиренія общихъ интересовъ народнаго образованія съ частными требованіями военнаго дѣла представляетъ самый характеръ принятой у насъ системы запасныхъ войскъ: постоянное войско въ этой системѣ, имѣя значеніе кадръ, раздвигающихся въ военное время для принятія людей въ потребномъ числѣ и для организаціи ихъ въ стройныя военныя части, служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, спеціяльною школою, которую должны пройти люди для усвоенія военнаго образованія на случай призыва къ войнѣ. Въ сѣверо-германскомъ (нынѣ имперскомъ германскомъ) законѣ о воинской повинности постоянное войско прямо названо школою для приготовленія народа къ войнѣ: „Das stehende Heer und die Flotte... sind die Bildungsschulen der ganzen Nation für den Krieg“ (§ 4). Количество людей, приготовляемыхъ къ войнѣ въ этой школѣ, зависитъ отъ размѣровъ ея, т. е. численнаго состава постояннаго войска, и отъ скорости прохожденія ея, т. е. сроковъ службы людей въ этомъ войскѣ. Численный составъ въ свою очередь зависитъ отъ финансовыхъ средствъ государства, а сроки службы опредѣляются потребнымъ для усвоенія военнаго образованія временемъ. Понятно, что, при данной численности постояннаго войска, чрезъ него можетъ пройти тѣмъ большее число людей, чѣмъ короче они будутъ оставаться въ рядахъ ихъ. Такимъ образомъ, если не согласны съ интересами военнаго дѣла слишкомъ короткіе сроки службы, недостаточные для усвоенія людьми военнаго образованія, то не менѣе противны этимъ интересамъ и слишкомъ продолжительные сроки, препятствующіе проведенію чрезъ военную школу возможно большаго числа людей. Довольствоваться строго необходимыми сроками службы — прямой разсчетъ военнаго управленія. Спеціалисты, при участіи которыхъ опредѣлены сроки службы въ уставѣ о воинской повинности, признали ихъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ соотвѣтственными условіямъ военнаго дѣла. Назначеніе для образованныхъ людей сроковъ сокращенныхъ, и притомъ соразмѣрно степени полученнаго образованія, основано очевидно на томъ убѣжденіи, что чѣмъ образованнѣе новобранцы, тѣмъ легче и скорѣе могутъ они усвоить и спеціальное военное образованіе. Если для молодыхъ людей, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ, назначено вмѣсто общаго шестилѣтняго срока, только 4 года службы, для окончившихъ курсъ въ учебныхъ за-

веденіяхъ третьяго разряда — 3 года и т. д., то это значитъ, что обученіе въ начальныхъ училищахъ равносильно, для цѣлей военнаго образованія, двухлѣтнему пребыванію вовсе неучившагося новобранца въ рядахъ постояннаго войска, курсъ училища третьяго разряда можетъ замѣнить три года военной службы, и т. д. Мысль, что сокращенные сроки службы не составляютъ какой-либо исключительной привиллегіи образованія, противной требованіямъ военнаго дѣла, подтверждается и тѣмъ, что воспользоваться ими могутъ цѣлыя массы людей — всѣ учившіеся въ начальныхъ училищахъ; такъ что шестилѣтній срокъ службы упразднился бы самъ собою, еслибы въ числѣ новобранцевъ не было людей, вовсе не учившихся. Въ Пруссіи, и затѣмъ въ остальной Германіи, общій срокъ службы въ постоянномъ войскѣ продолжается только три года, [1]) конечно, потому, что образованіе распространено тамъ въ массахъ народныхъ гораздо больше, нежели у насъ. И такъ можно, кажется, считать безспорнымъ, что, по мысли нашего устава о воинской повинности, для образованныхъ людей назначены сокращенные сроки службы не только въ общихъ видахъ поощренія образованія, и не потому только, чтобы предоставить этимъ людямъ просторъ для дѣятельности на другихъ поприщахъ, но и потому также, что общее образованіе даетъ людямъ подготовку для усвоенія военнаго образованія и тѣмъ замѣняетъ въ извѣстной мѣрѣ прохожденіе военной службы, другими словами — сокращенные сроки вызваны разумно-понятыми интересами самого военнаго дѣла.

„Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго“. Ближайшій способъ къ надлежащему исполненію этой обязанности есть воинская повинность, и именно — служба въ постоянныхъ войскахъ; но служба эта можетъ быть, до извѣстной степени, замѣнена общимъ гражданскимъ образованіемъ, слѣдовательно образованіе есть также способъ къ исполненію означенной обязанности. Отсюда прямой выводъ: если служба въ рядахъ постояннаго войска обязательна для каждаго, если она требуется какъ повинность, то и другой

---

[1]) По германскому уставу срокъ службы въ постоянномъ войскѣ полагается семилѣтній; но на дѣйствительной службѣ люди обязаны оставаться только три года, на остальные же 4 года они зачисляются въ резервъ, при чемъ призываются только въ учебные сборы два раза въ теченіи всего срока нахожденія въ резервѣ, и каждый разъ не долѣе, какъ на 8 недѣль (§ 6); затѣмъ, по зачисленіи въ ландверъ на 5 лѣтъ, люди призываются въ учебные сборы опять 2 раза, на срокъ отъ 8 до 14 дней (§ 7).

способъ, ведущій къ той же цѣли — общее образованіе — можетъ признаваться обязательнымъ, можетъ имѣть характеръ повинности.

Въ пользу обязательнаго образованія приводятся, какъ извѣстно, и другія основанія, и если въ дѣйствительности оно не вездѣ введено, то не столько по сомнительности основаній, сколько по практическимъ неудобствамъ.

Но нашъ уставъ о воинской повинности даетъ обязательному образованію такое основаніе, въ силу котораго оно становится предметомъ первостепенной важности, настоятельно требующимъ осуществленія. Мы сказали, что образованіе, какъ одинъ изъ способовъ приготовленія людей къ военному дѣлу, можетъ быть обязательно требуемо наравнѣ съ другимъ способомъ — службою въ войскахъ; но этого мало: оно можетъ быть требуемо *предпочтительно* передъ этимъ другимъ способомъ. Службою въ войскахъ достигается только приготовленіе къ военному дѣлу, образованіемъ же, вмѣстѣ съ этою цѣлью, достигается и множество другихъ, не менѣе важныхъ для государства цѣлей. Служба въ войскахъ даетъ человѣку возможность выполнить надлежащимъ образомъ свою обязанность защиты престола и отечества; образованіе же, вмѣстѣ съ этимъ, облегчаетъ ему разумное выполненіе всѣхъ другихъ гражданскихъ обязанностей и достиженіе личныхъ цѣлей жизни. Обязывать къ тому, что имѣетъ такую многостороннюю важность для государства и столь полезно для самого лица несущаго обязанность, очевидно еще основательнѣе, еще необходимѣе, нежели обязывать къ тому, что̀ важно только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Говоря объ обязательномъ образованіи мы, конечно, разумѣемъ то, что обыкновенно разумѣется подъ этими словами, т. е. обязательное *начальное* обученіе, какъ единственное, къ которому можно считать способными всѣхъ, въ томъ числѣ и наименѣе одаренныхъ. Изъ аргументаціи нашей нельзя вывести обязательности болѣе высокаго уровня образованія: нельзя требовать послѣдняго, какъ способа приготовленія къ военному дѣлу, взамѣнъ нѣсколькихъ лѣтъ военной службы, потому что нести эту службу въ нижнихъ чинахъ можетъ всякій здоровый мужчина, но далеко не всякій способенъ окончить курсъ средняго или высшаго учебнаго заведенія.

Считая, такимъ образомъ, обязательность начальнаго обученія вообще болѣе нужною, чѣмъ обязательность военной службы, посмотримъ, прилагается ли это положеніе въ частности къ ин-

тересамъ военнаго дѣла. Само собою ясно, что военному управленію удобнѣе имѣть дѣло съ людьми до извѣстной степени развитыми и потому остающимися на службѣ всего 4 года, нежели съ неграмотными, служащими въ теченіи шести лѣтъ. Но вопросъ въ томъ, успѣшнѣе-ли будетъ достигаться существенная цѣль всего военнаго устройства государства,— возможно большее развитіе силъ его на случай войны,— если замѣнить 6-лѣтнюю службу людей безъ всякаго предварительнаго обученія 4-лѣтнею службою людей, для которыхъ нужно еще установить особый видъ повинности — обученіе въ начальныхъ училищахъ? При такой замѣнѣ аппаратъ, если можно такъ выразиться, для приготовленія людей къ военному дѣлу, конечно, усложнится: къ расходамъ и дѣятельности правительства по содержанію постояннаго войска присоединятся расходы и попеченія его по содержанію многочисленныхъ начальныхъ училищъ; рядомъ съ военно-учебными заведеніями для образованія офицеровъ, должны появиться въ достаточномъ числѣ заведенія для школьныхъ учителей, и пр. Поставить развитіе военныхъ силъ въ зависимость отъ такого сложнаго аппарата можетъ казаться дѣломъ труднымъ, сомнительнымъ и во всякомъ случаѣ не настоятельнымъ. Но и побужденія къ преодолѣнію трудностей и устраненію сомнѣній не маловажны. При обязательномъ начальномъ обученіи, вмѣстѣ съ разнообразными другими выгодами, собственно и военная цѣль достигается *полнѣе*.

Военныя силы Россіи будутъ состоять не изъ однихъ только постоянныхъ войскъ, т. е. арміи и запаса ея, но и изъ ополченія, созываемаго въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени и составляемаго изъ *всего*, не числящагося въ постоянныхъ войскахъ, но способнаго носить оружіе мужскаго населенія, отъ призывнаго до 40-лѣтняго возраста. Часть этого ополченія, — ратники перваго разряда, или младшіе четыре возраста,— можетъ быть предназначена для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ, и потому должна быть не чужда нѣкотораго образованія. Но ратники, не служившіе въ постоянномъ войскѣ, могутъ получить нѣкоторую подготовку только въ начальныхъ училищахъ; для нихъ курсъ этихъ училищъ не только замѣна службы, но и единственный способъ приготовленія къ военному дѣлу. Что касается постояннаго войска, то расходы по содержанію его сократятся и заботы по управленію имъ облегчатся, или, оставаясь въ тѣхъ же размѣрахъ, окажутся болѣе

производительными, если войско будетъ состоять изъ людей, получившихъ по крайней мѣрѣ начальное обученіе и обязанныхъ служить не болѣе четырехъ лѣтъ: въ этомъ случаѣ, для данной численности вооруженныхъ силъ военнаго времени составъ военныхъ частей мирнаго времени можетъ быть малочисленнѣе. Къ этому слѣдуетъ прибавить разнообразныя другія выгоды, вытекающія изъ того, что всѣ безъ исключенія военные чины съ собственно военнымъ образованіемъ соединяютъ и общее, хотя бы только начальное.

Обращаемся однакожъ къ самымъ трудностямъ, о которыхъ упомянуто выше. Онѣ сводятся къ финансовому вопросу. Почему трудно обусловить обязательнымъ начальнымъ обученіемъ систему пополненія войска людьми?

Потому что для введенія такого обученія потребуются обширныя финансовыя средства. Обязательность обученія невозможна безъ общедоступности его, для послѣдней же необходимо достаточное число начальныхъ училищъ, а также заведеній для приготовленія учителей, слѣдовательно увеличеніе нынѣ существующаго числа тѣхъ и другихъ во много разъ. Въ соразмѣрности должны возрасти и расходы на этотъ предметъ. [1])

---

[1]) По даннымъ, сведеннымъ въ календаряхъ А. Суворина 1873 и 1874 гг., число начальныхъ училищъ въ Россіи, къ концу 1871 года, простиралось до 24,000, а учениковъ въ нихъ до 875.000. Между тѣмъ въ Пруссіи въ 1864 г. было 34,070 народныхъ школъ и 3,650,000 учениковъ; въ Баваріи (1866 г.) 8,147 школъ и 604,916 учен., а вообще въ Германской имперіи, во второй половинѣ прошлаго десятилѣтія, 55,534 школы и 5,685,900 учен., а во Франціи (1865 г.) 65,873 шк. и 3,548,000 учен.

На каждые 100,000 жителей приходится:

	Школъ.	Учениковъ.
Въ Пруссіи	175	18,595
» Баваріи	169	12,549
» Германіи. . . .	138	14,294
» Франціи	173	9,322

Въ Россіи, принимая населеніе ея въ 75 милл. (безъ Финляндіи, Кавказа и Средней Азіи), получится на каждыя 100,000 жителей 32 шк. и 1,116 учениковъ въ 1871 году; слѣдовательно для того, чтобы сравниться съ Германіей, число школъ должно возрасти у насъ болѣе, нежели въ 4 раза, а число учениковъ болѣе, нежели въ 12 разъ. Для сравненія съ Франціей число школъ должно увеличиться у насъ почти въ 5 разъ и число учениковъ болѣе, нежели въ 8 разъ. Въ подобныхъ же пропорціяхъ должны увеличиться и расходы.

Число учительскихъ семинарій къ концу 1872 года было у насъ 43 (въ томъ числѣ 30 казенныхъ и 8 земскихъ), а учащихся въ нихъ 1,416 (въ томъ числѣ 49 дѣвицъ въ 3 земскихъ семинаріяхъ). Прибавивъ сюда 5 учительскихъ институтовъ для приготовленія учителей въ городскія училища, получимъ всѣхъ заведеній этого рода около 50, т. е. 1 завед. на $1^1/_2$ милл. жителей. Между тѣмъ

Средства на покрытіе этихъ расходовъ должны быть доставлены городскими и сельскими обществами, а также земствами, при поддержкѣ казны. Не касаясь вопроса о мѣрѣ участія этихъ мѣстныхъ единицъ и всего государства въ содержаніи училищъ, а также о цѣлесообразности обязательнаго для земствъ учрежденія извѣстнаго ихъ числа, укажемъ здѣсь на одинъ рессурсъ, естественно вытекающій изъ самаго принципа всеобщей воинской повинности, и въ сущности не составляющій новой тягости для народа, а способствующій только болѣе справедливому распредѣленію существующей тягости.

Извѣстно, что воинская повинность, если даже она признается въ принципѣ всеобщею, на самомъ дѣлѣ не бываетъ таковою: фактически она распространяется не на всѣхъ способныхъ носить оружіе. Изъ общаго числа людей призывнаго возраста освобождаются отъ выполненія ея всей или покрайней мѣрѣ главнѣйшей ея части — службы въ постоянномъ войскѣ — не только неспособные по физическимъ недостаткамъ, или пользующіеся почему-либо льготами, но и весь излишекъ наличнаго числа людей противъ требуемаго по призыву. Излишекъ этотъ имѣетъ мѣсто потому, что численность войска, даже въ полномъ его развитіи, по военному положенію, не можетъ превышать извѣстной доли населенія страны, способнаго носить оружіе. Величина этой доли опредѣляется не столько численностію населенія, сколько возможностію для народнаго хозяйства выносить потери, причиняемыя отвлеченіемъ людей отъ мирныхъ занятій, и возможностью для правительства располагать финансовыми средствами для содержанія этихъ людей, какъ во время службы ихъ въ постоянномъ войскѣ, такъ и при призывѣ въ случаѣ войны. Число людей, фактически освобожденныхъ по этой причинѣ отъ воинской повинности, весьма значительно, даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ, при строгомъ проведеніи принципа всеобщности повинности, отношеніе между финансовыми

въ Пруссіи учительскихъ семинарій къ 1873 году было 90, а во всей Германіи 148, или 1 семинарія на 277,000 жителей.

Содержаніе начальныхъ училищъ стоило у насъ въ 1871 году около 3,415,000 руб. (въ томъ числѣ отъ казны 703,000, отъ земства 766,000 р., отъ городскихъ обществъ 403,000 р., отъ сельскихъ обществъ 751,000 р.). По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1874 г. назначено, на приходскія и начальныя училища, около 255,000 руб., на народныя училища около 865,000 руб., на учительскія семинаріи 516,000 р.

средствами и численностію населенія болѣе благопріятно, нежели въ Россіи.

Такъ въ Пруссіи, уже послѣ преобразованій въ военномъ устройствѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, разширившихъ кадровой составъ войска, ежегодный контингентъ поступающихъ на службу (63,000 чел.) составляетъ менѣе половины общаго числа людей призывнаго возраста, именно — около 41%; въ Баваріи изъ числа около 42,000 людей призывнаго возраста, дѣйствительно призывается только 16,000; даже въ Швейцаріи фактически отбываютъ воинскую повинность не болѣе $^3/_4$ подлежащихъ ей [1]). Въ Россіи по расчету академика Буняковскаго [2]) число людей призывнаго возраста, за исключеніемъ неспособныхъ къ службѣ и пользующихся льготами по семейному или имущественному положенію, должно составлять около 700,000. Если ежегодные призывы будутъ простираться до 150,000 чел. (при этомъ постоянное войско, при среднемъ срокѣ службы 4 лѣтъ, состояло бы изъ 600,000 чел.), то фактически освобождаемыхъ, съ зачисленіемъ лишь въ ополченіе, будетъ около 550,000 чел., т. е. къ дѣйствительному отправленію повинности будетъ привлекаемо меньшинство — менѣе $^1/_4$; большинство же — болѣе $^3/_4$ — будетъ свободно. При этомъ рѣшеніе вопроса — кому изъ людей призывнаго возраста поступить на службу, кому быть свободнымъ отъ нея? предоставлено жеребью. Такимъ образомъ воинская повинность на дѣлѣ оказывается далеко не всеобщею, слѣдовательно явно неуравнительною для населенія, и притомъ такъ, что обремененіе всею тягостію одной части населенія и освобожденіе отъ нея, или номинальное только подчиненіе ей, другой части зависятъ отъ простого случая.

Правда, отправленіе воинской повинности, въ полномъ объемѣ ея, меньшинствомъ людей опредѣленнаго возраста условливается самимъ существомъ дѣла, и для выбора этого меньшества нѣтъ другого способа, кромѣ указанія жеребьемъ; то и другое необходимо. Но нельзя сказать, чтобы и рѣзкая неуравнительность, являющаяся при этомъ, была также необходима. Для уравненія натуральныхъ повинностей, при невозможности обращенія ихъ въ денежныя, съ лицъ, которыя не отправляютъ ихъ, взимаются

---

[1]) Zeitschrift des preussisch. statist. Bureau's, 9-er Jahrgang, 1869, стр. 319.

[2]) «Антропологическія изслѣдованія и ихъ приложеніе къ муж. населенію Россіи».

соотвѣственные денежные сборы. Хотя воинская повинность отличается отъ другихъ натуральныхъ, хотя она можетъ выражаться въ пожертвованіяхъ, по долгу гражданина, личными привязанностями, свободой, здоровьемъ и самою жизнію — благами безцѣнными, т. е. стоящими выше всякой оцѣнки [1]), но ей присущи и нѣкоторыя черты чисто экономическаго свойства: отправленіе этой повинности причиняетъ людямъ имущественныя потери, требуя отъ нихъ, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, безвозмезднаго или слабовознаграждаемаго труда, отвлекая ихъ отъ собственныхъ дѣлъ, внося разстройство въ хозяйственные планы и разсчеты ихъ. Поэтому неоднократно была высказываема и болѣе или менѣе послѣдовательно развиваема мысль, что для уравнительнаго распредѣленія хозяйственной тягости воинской повинности должны быть взимаемы денежные сборы со всего населенія, или же только съ лицъ, по полу и возрасту подлежащихъ повинности, но фактически свободныхъ отъ нея, и доходъ отъ этихъ сборовъ долженъ поступать на вознагражденіе лично несущихъ военную службу [2]).

Мысль эта нашла въ нѣкоторыхъ государствахъ практическое примѣненіе, хотя и въ весьма ограниченномъ видѣ [3]).

Во Франціи законъ о воинской повинности 1798 г., объявляя всѣхъ французовъ подлежащими этой повинности, постановлялъ, чтобы всѣ тѣ, которые по какой либо причинѣ будутъ освобождены отъ исполненія ея, платили въ казну особый, соразмѣрный съ ихъ имущественными средствами налогъ. Постановленіе это оставалось въ силѣ до 1818 г., когда оно было отмѣнено. Въ 1846 г. введенъ въ кантонѣ Ваатландскомъ, а послѣ и въ другихъ кантонахъ Швейцаріи, за исключеніемъ двухъ, законъ о воинскомъ налогѣ (l'impôt militaire). Существенныя черты

---

[1]) Невольно вспоминается поэтически-наивное выраженіе этой мысли у Гомера:

«Съ жизнью, по мнѣ, не сравнится ничто....
Можно все пріобрѣсть, и воловъ и овецъ среброрунныхъ;
Можно стяжать и прекрасныхъ коней и златые треноги;
Душу жъ назадъ возвратить невозможно; души не стяжаешь,
Вновь не уловишь ее, какъ однажды изъ устъ улетѣла».
Иліада, IX, 401 и слѣд.

[2]) См. Loffrès — Etude sur le recrutement de l'armé; Knies — Die Dienstleistung des Soldaten; наше изслѣдованіе: «Значеніе рекрутской повинности въ ряду системъ формированія и комплектованія войскъ», и статью Jolly въ вышеозначенной книжкѣ Zeitschrift, «Die Militärsteuer oder das Wehrgeld.»

[3]) См. статью Jolly, стр. 320 — 322.

его слѣдующія: каждый мужескаго пола житель кантона, не несущій лично воинской службы въ Союзѣ, подлежитъ въ теченіи тѣхъ лѣтъ жизни, на которыя распространяется повинность этой службы, т. е. въ теченіи 22 лѣтъ, въ однихъ кантонахъ и 25 лѣтъ въ другихъ, платежу въ казну особаго налога. Освобождаются отъ этого налога, между прочимъ, негодные къ службѣ и неспособные къ труду, и притомъ или всѣ, или же только тѣ, которые не имѣютъ дохода опредѣленныхъ размѣровъ. Налогъ назначается въ видѣ подоходной подати, или же слагается изъ равнаго для всѣхъ личнаго налога и прибавки къ нему, соразмѣряемой съ доходомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ закономъ опредѣляется размѣръ налога, выше котораго онъ не можетъ простираться. Въ Ваатландскомъ кантонѣ налогъ взимается въ одномъ и томъ же размѣрѣ во всѣ годы, въ теченіи которыхъ плательщикъ подлежитъ ему; въ Цюрихскомъ же и Бернскомъ кантонахъ онъ понижается два раза въ соотвѣтствіе тому, что вмѣстѣ съ теченіемъ лѣтъ обязанность службы въ линейномъ войскѣ (Auszug, обыкновенно до 32-лѣтняго возраста) смѣняется зачисленіемъ въ резервъ (до 40-лѣтняго возраста) и потомъ въ ландверъ (до 45-лѣтняго возраста). Въ Бернѣ, въ теченіи перваго періода повинностнаго возраста, взимается ежегодно 5 фр. личнаго налога и сверхъ того подоходная подать, составляющая 2% чистаго дохода, въ теченіи 2-го періода — 3 фр. личнаго налога и 1½% подоходной подати, въ теченіи 3-го — 2 фр. и 1% подоходной подати. Такъ какъ maximum годичнаго сбора этой подоходной подати назначенъ въ 500 фр., то наибольшая сумма, какую уплачиваетъ лицо, освобожденное отъ воинской повинности, въ теченіи всего срока платежа (съ 20-лѣтняго до 45-лѣтняго возраста) составляетъ 12,500 фр (т. е. 500 × 25). Въ Ваатландѣ соотвѣтственная сумма равняется 1,560 фр., въ Цюрихѣ — 6,450 фр., въ Швицѣ — 2,500 фр. Суммы эти оказываются тѣмъ болѣе крупными, что лицо, отправляющее повинность въ натурѣ, посвящаетъ военной службѣ во весь повинностный срокъ, съ 20 до 45-лѣтняго возраста, въ мирное время, всего только около 180 дней.

Доходъ отъ этого налога въ кантонѣ Ваатландскомъ поступаетъ на облегченіе служащихъ въ военной службѣ лично, именно — на ихъ вооруженіе и обмундированіе, которыя въ Швейцаріи вообще падаютъ на частныя средства самихъ служащихъ; въ другихъ кантонахъ налогъ этотъ сливается съ общими до-

ходами казны. Слѣдуетъ еще замѣтить, что за исправную уплату налога повсемѣстно отвѣтственны и родители плательщиковъ, и что въ Цюрихѣ и Бернѣ недоимки по этому налогу отрабатываются на какихъ-либо общественныхъ работахъ (въ Цюрихѣ на дорожныхъ).

Подобные же сборы, вмѣстѣ съ преобразованіемъ военнаго устройства, вызваннымъ событіями 1866 г., введены въ Вюртембергѣ, Баваріи и Саксоніи. Въ Вюртембергѣ, по закону 19 марта 1868 г., каждый подлежащій воинской повинности, но по неспособности носить оружіе увольняемый отъ нея, или зачисляемый въ дополнительный резервъ (Ersatzreserve), при полученіи свидѣтельства объ этомъ, долженъ уплатить налогъ въ 20 гульд.

Освобождаются отъ этого налога: 1) страдающіе тѣлесными недостатками, затрудняющими пріобрѣтеніе средствъ къ жизни (въ существованіи такихъ недостатковъ удостовѣряются учрежденія по отправленію воинской повинности), и 2) тѣ, которые, по зачисленіи въ постоянное войско, окажутся неспособными къ службѣ, совсѣмъ или временно, и потому будутъ зачислены въ дополнительный резервъ. Чинамъ дополнительнаго резерва, въ случаѣ призыва на службу, возвращается уплаченный ими налогъ.

Однообразный для всѣхъ размѣръ налога оправдывается въ мотивахъ закона тѣмъ, что личная служба въ постоянномъ войскѣ равна для всѣхъ подлежащихъ ей.

Въ Баваріи, по закону 29 апрѣля 1869 г., обязаны платить особый воинскій налогъ (Wehrgeld) лица, свободные отъ воинской повинности по причинѣ принадлежности ихъ къ духовному званію, или къ разряду педагоговъ, а также освобождаемые по семейному положенію и по вынутому жеребью, недостойные (по поведенію) и неспособные къ службѣ; послѣдніе впрочемъ только тогда, когда способны къ труду или имѣютъ средства къ жизни изъ другихъ источниковъ. Ежегодный размѣръ налога назначается по доходу плательщиковъ слѣдующимъ образомъ:

Классъ.	Доходъ.	Налогъ.
1	до 200 гульд.	3 гульд.
2	отъ 201 до 300	6 „
3	„ 301 „ 400	9 „
4	„ 401 „ 600	15 „

Классъ.	Доходъ	Налогъ.
5	отъ 601 до 800	24 гульд.
6	„ 800 „ 1200	40 „
7	„ 1201 „ 1600	60 „
8	свыше 1600	100 „

При этомъ облагается всякій доходъ, изъ какихъ бы источниковъ онъ ни происходилъ. За исправность платежа отвѣчаютъ какъ сами плательщики, такъ и родители или родственники, отъ которыхъ они получаютъ свое содержаніе. Доходъ отъ этого налога идетъ на вознагражденіе солдатъ, остающихся на службѣ въ постоянномъ войскѣ сверхъ обязательнаго срока, а также жандармовъ.

Въ Саксоніи, по уставу о воинской повинности 24 декабря 1866 г., лица, способные къ службѣ въ постоянномъ войскѣ, но признанные къ тому недостойными (по поведенію), должны уплатить 300 тал. разомъ, или по частямъ, въ особую кассу, изъ которой выдается прибавка къ жалованью за долговременную службу (Fonds für Dienstalters-Zulagen).

Не входя въ разборъ частностей приведенныхъ узаконеній о воинскомъ налогѣ, замѣтимъ только, что цѣль его повсемѣстно собственно та, чтобы смягчить неуравнительность личной воинской повинности посредствомъ нѣкотораго отягощенія неотправляющихъ ея, причемъ отягощеніе этихъ послѣднихъ ведетъ прямо къ облегченію отбывающихъ повинность только въ Ваатландскомъ кантонѣ.

Между тѣмъ уравненія въ повинностяхъ слѣдуетъ достигать не новыми отягощеніями народа, но облегченіемъ существующей уже тягости, посредствомъ возможно равномѣрнаго разложенія ея на всѣхъ.

Мысль объ уравненіи воинской повинности посредствомъ денежнаго вознагражденія отправляющихъ ее, будучи сама по себѣ вполнѣ вѣрною, можетъ быть осуществляема, по мѣрѣ возможности, въ различныхъ степеняхъ, начиная отъ нѣкотораго улучшенія положенія военно-служащихъ и кончая полнымъ вознагражденіемъ ихъ за матеріальныя потери, соединенныя съ обязательной службой, подобно тому, какъ при экспропріаціи вознаграждаются владѣльцы имуществъ, обязательно уступаемыхъ для надобностей государства. Средства для такого вознагражденія могутъ быть добываемы различными способами, начиная отъ поголовнаго умѣреннаго налога со всѣхъ сверстниковъ повобран-

цевъ и доходя до общей подоходной подати со всего населенія. Не останавливаясь на разсмотрѣніи условій, отъ которыхъ могутъ зависѣть въ дѣйствительности большая или меньшая мѣра вознагражденія и тотъ или другой источникъ средствъ для него, посмотримъ, какимъ способомъ можно достигнуть большей уравнительности воинской повинности у насъ въ Россіи. Намъ кажется, что такой способъ естественно вытекаетъ изъ той особенности нашего устава о воинской повинности, что срокъ службы въ постоянномъ войскѣ зависитъ отъ степени образованія, полученнаго новобранцами. Облегчить воинскую повинность проще всего посредствомъ сокращенія срока отправленія ея; но для сокращенія этого нужно извѣстное образованіе новобранцевъ, а для доставленія имъ образованія нужны финансовыя средства. Кому ближе всего позаботиться о доставленіи этихъ средствъ, какъ не тѣмъ, которые признаются тоже обязанными нести всю тягость повинности, а между тѣмъ, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, остаются свободными отъ нея. Подвергнуть умѣренному налогу людей, не служащихъ въ постоянномъ войскѣ ни одного дня, и тѣмъ достигнуть сокращенія службы жеребьемъ къ ней предназначенныхъ, покрайней мѣрѣ на два года — не было ли бы это дѣломъ очевидной справедливости? Не значило ли бы это — достигнуть такого распредѣленія тягости, при которомъ огромному облегченію однихъ соотвѣтствовало бы слабое лишь отягощеніе другихъ?

И такъ установленіе особаго воинскаго налога со всѣхъ подлежащихъ воинской повинности, но на дѣлѣ по разнымъ причинамъ свободныхъ отъ нея, или, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ, которые освобождаются чисто случайно,— жеребьемъ,— вотъ средство для нѣкотораго уравненія повинности и вмѣстѣ съ тѣмъ для умноженія начальныхъ училищъ, для столь желательной во всѣхъ отношеніяхъ общедоступности, а слѣдовательно и для обязательности начальнаго обученія.

Еслибы, для упрощенія дѣла, по примѣру Вюртемберга, установить такой налогъ въ самой безъискусственной формѣ, въ видѣ однообразнаго единовременнаго сбора со свидѣтельствъ, выдаваемыхъ по вынутіи жеребья непоступившимъ на службу въ постоянное войско, и для облегченія плательщиковъ назначить размѣръ сбора гораздо ниже принятаго въ Вюртембергѣ, напр. только въ 5 р., то и тогда, при числѣ плательщиковъ, составляющемъ около 550,000, образовалась бы сумма въ 2,750,000

р., — почти втрое превышающая сумму теперь расходуемую министерствомъ народнаго просвѣщенія на начальныя училища.

Если же къ однообразному сбору со свидѣтельствъ присоединить, по примѣру Швейцаріи и Баваріи, подоходный сборъ, хотя бы только единовременный и съ однихъ только лицъ неподатныхъ званій (въ размѣрахъ, напр., отъ 20 р., съ низшихъ разрядовъ плательщиковъ, до 200 р., съ высшихъ разрядовъ), то означенная сумма дохода, а съ нею и число училищъ возросли бы, конечно, гораздо сильнѣе.

Не станемъ вдаваться въ разсчеты болѣе точные, тѣмъ болѣе, что главныя данныя, на которыхъ могутъ основываться подобные разсчеты, будутъ приведены въ извѣстность не прежде окончанія предстоящаго перваго призыва по новому уставу. Мы будемъ считать цѣль этой замѣтки уже достигнутою, если она привлечетъ вниманіе читателей къ мысли о воинскомъ налогѣ и къ важности задачъ, какія могутъ быть рѣшены у насъ при посредствѣ его.

БРЮССЕЛЬСКАЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

1874 г.

Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА, [1])

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ исторіи не только международныхъ отношеній, но и самой Россіи, конференція, созванная нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Брюсселѣ, по почину нашего правительства, займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто. Вопросы, подлежавшіе обсужденію конференціи, касаются самыхъ насущныхъ интересовъ европейскихъ народовъ, и потому совершенно естественно то вниманіе, съ которымъ въ Европѣ слѣдили за всѣми извѣстіями, до нея относящимися. Иниціатива Россіи, вызванная искреннѣйшимъ желаніемъ ограничить бѣдствія войны посредствомъ точнаго опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ, была вообще встрѣчена общественнымъ мнѣніемъ Европы и иностранными державами съ чувствами глубокаго уваженія и симпатіи. Однако, съ другой стороны, отчасти вслѣдствіе новости дѣла, отчасти вслѣдствіе непониманія его, гуманный починъ нашего правитель-

---

[1]) Ѳ. Ѳ. Мартенсъ былъ въ числѣ русскихъ делегатовъ на брюссельской конференціи. *Ред.*

ства не избѣгъ также недоброжелательнаго толкованія его мотивовъ. Въ нѣкоторыхъ, хотя и весьма немногихъ, органахъ иностранной печати глубокомысленные публицисты не удовольствовались разборомъ фактической стороны дѣла, какъ ее понимаетъ всякій здравомыслящій человѣкъ, но выбивались изъ силъ открыть какія-то таинственныя цѣли и комбинаціи, которыми будто бы было вызвано предложеніе Россіи. Всѣ эти предположенія относительно потаенныхъ намѣреній, въ предложеніи нашего правительства, должны были однако разсѣяться. Такихъ намѣреній нѣтъ и быть не могло.

Когда, въ половинѣ іюля мѣсяца, открылась конференція, и въ одномъ изъ самыхъ первыхъ своихъ засѣданій постановила не разглашать никакихъ свѣдѣній о ходѣ преній, пока не окончатся ея труды, тогда въ печати стали появляться самые невѣроятные слухи о совершенной неудачѣ конференціи. Послѣ опубликованія въ французской газетѣ „RépuBlique française“ протоколовъ первыхъ двѣнадцати засѣданій, въ европейской журналистикѣ раздались голоса, что затѣянное Россіею дѣло окончательно рушилось, въ виду невозможности примирить противоположныя воззрѣнія, высказавшіяся на брюссельской конференціи.

При подобныхъ сужденіяхъ о брюссельской конференціи, въ которыхъ явно выступаетъ полнѣйшее непониманіе цѣли, преслѣдуемой Россіею, и задачи самой конференціи, точно опредѣленной по взаимному соглашенію европейскихъ государствъ, намъ кажется не излишнимъ сдѣлать въ настоящей статьѣ попытку содѣйствовать установленію болѣе правильнаго на нее взгляда. Если намъ удастся положить конецъ разнаго рода опасеніямъ и ложнымъ толкамъ, которые проникли даже и въ наше общество, то цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута.

Въ виду этой цѣли мы постараемся прежде всего выяснить мысли, легшія въ основаніе русскаго проекта и вызвавшія его; затѣмъ мы намѣрены указать на попытки кодификаціи, сдѣланныя въ новѣйшее время вообще и Россіею въ частности, и прослѣдить ходъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ открытію брюссельской конференціи. Наконецъ мы позволимъ себѣ коснуться въ краткихъ чертахъ главнѣйшихъ вопросовъ, подлежавшихъ ея обсужденію.

Для исполненія этой программы мы воспользуемся всѣми свѣдѣніями и данными, получившими гласность.

I.

Едва ли мы ошибемся, полагая что послѣдняя франко-германская война послужила причиною, хотя бы только внѣшнею, созванія брюссельской международной конференціи для опредѣленія дѣйствительно обязательныхъ военныхъ законовъ и обычаевъ. Война эта, между двумя изъ наиболѣе образованныхъ европейскихъ націй, стоила имъ неисчислимыхъ жертвъ и наложила на побѣжденную сторону такія тягости, подъ гнетомъ которыхъ она находится и до сихъ поръ. Но война эта самымъ нагляднымъ образомъ доказала, до какой свирѣпости и жестокости могутъ доходить даже во второй половинѣ XIX вѣка народы, въ разгарѣ возбужденныхъ войною страстей.

Въ продолженіе всей войны, обѣ воюющія стороны не переставали обвинять другъ друга въ самыхъ варварскихъ поступкахъ, противныхъ всѣмъ военнымъ законамъ и обычаямъ, признаваемымъ обязательными всѣми цивилизованными государствами. Эти законы, выработавшіеся въ теченіе вѣковъ, весьма часто не соблюдались ни тою, ни другою воюющею стороною, и потому вызывали постоянныя репрессаліи, грозившія довести войну до самаго крайняго варварства, немыслимаго въ нашъ вѣкъ. Города, не защищенные никакими укрѣпленіями, подвергались со стороны непріятеля обстрѣливанію; частныя лица, непринимавшія никакого дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, подвергались насиліямъ; частная собственность раззорялась умышленно, безъ всякой военной надобности. Наконецъ вольные стрѣлки (francstireurs), принимавшіе участіе въ правильной войнѣ противъ врага отечества, подвергались, со стороны непріятеля, если они желали пользоваться правами воюющей стороны, такимъ условіямъ, какія не оправдываются ни обычаями, ни военною необходимостью, ни наукою.

Съ военноплѣнными обращались иногда въ этой войнѣ какъ съ уголовными преступниками, ихъ ссылали и содержали въ мѣстахъ заключенія (напр. въ Алжирѣ); въ парламентеровъ стрѣляли, и даже женевскій флагъ, обезпечивающій неприкосновенность лазаретовъ и лицъ врачебнаго персонала, неоднократно подвергался нападенію и посмѣянію.

Таковы факты, которые приводились обѣими воюющими сторонами другъ противъ друга, и нѣтъ сомнѣнія, что они еще болѣе должны были увеличить взаимную ихъ ненависть и вражду. Къ сожалѣнію, германское и французское правительства не только обвиняли другъ друга во всевозможныхъ злоупотребленіяхъ и правонарушеніяхъ, но сверхъ того постоянно расходились въ разрѣшеніи главнаго вопроса: что дѣйствительно обязательно для цивилизованныхъ народовъ во время войны? Какіе международные военные обычаи и законы, на самомъ дѣлѣ, выработались до новѣйшаго времени и должны быть соблюдаемы государствами, входящими въ составъ европейской международной системы?

Разрѣшить этотъ вопросъ оказалось, во время войны, совершенно невозможнымъ. Каждая сторона ссылалась на „несомнѣнность“ даннаго правила, на „вѣковое его существованіе“ и на авторитеты науки международнаго права. Между тѣмъ иногда трудно было отыскать убѣдительныя данныя въ пользу „несомнѣнности“ военнаго закона, на который ссылались, а весьма часто было легче указать противнику на достовѣрные факты, подтверждающіе и оправдывающіе поведеніе каждой стороны. Что же касается „общепризнанныхъ авторитетовъ“ науки международнаго права, то обѣимъ воюющимъ сторонамъ не трудно было находить у одного и того же авторитета, и иногда на одной и той же страницѣ, положенія, признающія правильными распоряженія каждой изъ нихъ. Однимъ словомъ, стоитъ только обратиться къ дипломатической перепискѣ, которая происходила во время войны между германскимъ канцлеромъ и гр. Шодорди, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ турской делегаціи [1]), чтобъ убѣдиться, до какой степени шатки и противорѣчивы были мнѣнія германскаго и французскаго правительствъ о своихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ.

Теперь понятно будетъ, до какой степени это обстоятельство должно вліять на взаимное ожесточеніе воюющихъ націй и какіе глубокіе и неизгладимые слѣды, оно естественно должно было оставить даже послѣ окончанія войны. Взаимная ненависть воюющихъ народовъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры,

---

[1]) Revue du droit international et de législation comparée, 1870, № IV, p. 643 et suiv.; 1871, № II, p. 288 et suiv.

когда они совершенно расходятся во взглядахъ на взаимныя свои права и обязанности. Наконецъ, если война длится болѣе продолжительное время, то воюющія стороны послѣдовательно могутъ придти къ отрицанію всякихъ международныхъ обычаевъ и правилъ, ограничивающихъ излишній произволъ и устраняющихъ грубыя насилія. Самыя священныя права и отношенія могутъ при такихъ условіяхъ быть нарушаемы, благодаря репрессивнымъ мѣрамъ, къ которымъ вынуждена будетъ прибѣгнуть каждая изъ воюющихъ сторонъ.

Но помимо этого, имѣется еще другая причина варварскаго характера современныхъ войнъ. Всѣ послѣднія войны доказывали, что европейскія государства неустанно, не щадя никакихъ матерьальныхъ жертвъ, стараются развивать техническія приспособленія для нанесенія непріятелю наибольшаго вреда, въ наикратчайшее время. Всякаго рода изобрѣтенія, направленныя къ этой цѣли, всегда удостоивались вниманія со стороны правительствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при всеобщемъ вооруженіи государствъ и колоссальномъ увеличеніи наступательной силы нѣкоторыхъ изъ нихъ, заботы о вооруженіи своихъ армій, напр. о наилучшемъ усовершенствованіи ружей, совсѣмъ законны и естественны.

Но, намъ кажется, что рядомъ съ этимъ, государства должны разрѣшить еще другую задачу: точно опредѣлить поведеніе, права и обязанности войскъ во время войны вообще и на непріятельской территоріи въ частности. Крайне необходимо, чтобъ каждое войско положительно знало, какія оно имѣетъ права и обязанности въ отношеніи къ вооруженному непріятелю и къ мирнымъ жителямъ на его территоріи. Словомъ сказать, въ мирное время, государства не только обязаны позаботиться о постоянной готовности къ бою своихъ войскъ и о вооруженіи ихъ по всѣмъ требованіямъ новѣйшаго опыта и науки, но также и обучить ихъ правамъ и обязанностямъ въ отношеніи непріятельскаго государства и его подданныхъ.

Между тѣмъ новѣйшій опытъ неопровержимо доказалъ, что арміи двухъ воюющихъ націй, стоящихъ безъ сомнѣнія на высшей степени цивилизаціи, не имѣли почти никакого понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи другъ друга, и на занятой непріятельской территоріи. Не только нижніе чины, но и начальствующія лица рѣшительно не знали, каковы ихъ обязанности во время войны и какіе законы и обычаи должны быть

соблюдаемы. Поэтому высшее начальство обѣихъ воюющихъ сторонъ вынуждено было обнародывать всякаго рода прокламаціи, инструкціи и приказы, въ которыхъ объясняются войскамъ начала, обязательныя для веденія войны. Но совершенно понятно, что такъ какъ провозглашенныя этими прокламаціями правила не могли войти въ плоть и кровь воюющихъ армій, для которыхъ они были большею частью совершенно новы, то они очень часто и даже умышленно не исполнялись. Такой результатъ внезапныхъ прокламацій, издаваемыхъ только въ моментъ возникновенія войны, тѣмъ болѣе естественъ, что главное обезпеченіе въ исполненіи какихъ-либо международныхъ военныхъ законовъ, въ отношеніи непріятеля, заключается въ томъ, чтобъ они находились въ *сознаніи* самихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ области международныхъ отношеній нѣтъ и не можетъ быть какого-либо верховнаго суда, могущаго творить расправу надъ государствами, а въ разгарѣ военныхъ дѣйствій бываетъ даже физически невозможно немедленно преслѣдовать правонарушителя или преступника. Но если установленныя правила или законы постоянно, во всякое время, внушаются войскамъ, если они входятъ въ кругъ предметовъ ихъ обученія, и отчетливое знаніе ихъ обязательно для всѣхъ, безъ исключенія, защитниковъ отечества, тогда въ нихъ можетъ утвердиться твердое сознаніе своихъ правъ и обязанностей въ отношеніи непріятельскаго государства и мирныхъ его подданныхъ. Такое сознаніе и вытекающія изъ него убѣжденія послужатъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для ограниченія бѣдствій войны и устраненія ненужныхъ страданій.

Но намъ могутъ возразить, что содержаніе военныхъ законовъ и обычаевъ и даже самое существованіе ихъ подвержены спорамъ, которые не разрѣшены даже на основаніи авторитетовъ науки международнаго права, и что потому слишкомъ затруднительна для правительствъ задача опредѣленія военныхъ международныхъ правилъ и введенія ихъ въ кругъ военнаго образованія.

Противъ этого можно замѣтить прежде всего, что какъ европейскія государства обыкновенно при началѣ войны торжественно объявляютъ о тѣхъ началахъ, соблюденіе которыхъ обязательно для ихъ войскъ, то они очевидно находятъ возможнымъ указать на такіе военные международные обычаи, относительно существованія которыхъ не можетъ быть допущено сомнѣнія. Затѣмъ

еслибъ государства, въ мирное время, свободныя отъ того крайняго возбужденія страстей, какое бываетъ на войнѣ, согласились между собою относительно опредѣленія обязательныхъ для ихъ войскъ правилъ, то при искреннемъ желаніи ограничить военный произволъ и излишнее насиліе, они навѣрно достигли бы цѣли. Добиться же, во время войны, одинаковаго взгляда на военные обычаи, оказывается несравненно болѣе труднымъ, между прочимъ потому, что часто воюющее правительство отрицаетъ обязательную силу даннаго правила, чтобъ только не быть вынужденнымъ осудить дѣйствія своихъ подчиненныхъ, которые иногда совершаютъ правонарушеніе, вовсе того не сознавая.

Сверхъ этого нельзя не замѣтить, что послѣдняя война показала, что даже формальные международные договоры, заключенные воюющими сторонами на случай войны, бываютъ нарушаемы, и притомъ не по злой волѣ, но просто потому, что дѣйствующія войска не имѣютъ никакого объ нихъ понятія. Женевская Конвенція 1864 г., обязательная для Германіи и Франціи, не всегда обезпечивала условленную неприкосновенность раненныхъ и больныхъ войскъ, врачей и лазаретовъ. Обвинять же французскихъ солдатовъ въ нарушеніи постановленій Женевской Конвенціи очевидно нельзя, если правительство Наполеона III, подписавъ эту конвенцію, не находило нужнымъ ни объявить ея содержаніе своимъ войскамъ, ни включить ее въ воинскій наказъ или инструкцію для войскъ.

Всѣ вышеприведенные факты и соображенія не могли ускользнуть отъ вниманія правительствъ и лицъ, слѣдящихъ за ходомъ международныхъ отношеній. Но вслѣдъ за окончаніемъ франко-германской войны европейскія государства были заняты только изученіемъ пробѣловъ и недостатковъ въ организаціи вооруженныхъ своихъ силъ, обнаруженныхъ войною. Вся Европа стала вооружаться и всѣ великіе европейскіе народы готовиться къ новой борьбѣ, которая во всякую минуту можетъ разразиться. Между тѣмъ, чѣмъ глубже коренится взаимная ненависть націй, чѣмъ многочисленнѣе будутъ вооруженныя массы воюющихъ государствъ и чѣмъ ожесточеннѣе будутъ европейскія войны, тѣмъ очевиднѣе необходимость подумать о средствахъ, которыя могли бы сколько нибудь смягчить страшныя бѣдствія будущихъ вѣроятныхъ столкновеній народовъ. Достигнуть этой цѣли очевидно нельзя посредствомъ одного увеличенія смертоносныхъ орудій и армій. Между тѣмъ ни одно изъ европейскихъ государствъ, го-

товящихся къ борьбѣ, не задало себѣ до сихъ поръ вопроса: нѣтъ ли какого либо средства ограничить неминуемыя страданія, сопряженныя съ каждою войною и поставить предѣлы произволу воюющихъ сторонъ?

Франко-германская война и исторія всѣхъ войнъ неопровержимо доказываютъ, что единственнымъ дѣйствительнымъ къ этому средствомъ, при современныхъ международныхъ отношеніяхъ, можетъ быть точное опредѣленіе взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ и ихъ вооруженныхъ силъ. Если будутъ наконецъ выяснены права воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ къ другу, на занятой непріятельской территоріи и въ отношеніи мирнаго ея народонаселенія, если будутъ приняты надлежащія мѣры, чтобъ каждый воинъ точно зналъ свои обязанности, тогда во время войны немыслимы нескончаемые споры о существованіи и дѣйствительномъ смыслѣ военныхъ международныхъ законовъ, и тогда незнаніе ихъ со стороны войска не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія.

Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ *кодификаціи* международныхъ военныхъ законовъ и обычаевъ, сами государства могутъ положить предѣлы ненужнымъ насиліямъ во время войны и дѣйствительнымъ образомъ охранять жизнь и собственность мирныхъ гражданъ, не принимающихъ прямаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Кодифицируя отношенія, возникающія вслѣдствіе войны между войсками и невооруженными мирными подданными воюющихъ государствъ, правительства внесутъ силу закона въ ту область, въ которой до послѣдняго времени почти неограниченно господствовали произволъ и насиліе. Только *право* можетъ быть средствомъ для ограниченія произвола и устраненія излишнихъ бѣдствій войны, и вотъ почему попытка точно опредѣлить взаимныя права и обязанности воюющихъ сторонъ представляется истинно гуманнымъ начинаніемъ, согласнымъ съ благомъ всѣхъ народовъ.

Вотъ та великая задача, которую себѣ поставила Россія, представляя на усмотрѣніе европейскихъ государствъ проектъ конвенціи о военныхъ законахъ и обычаяхъ, и приглашая ихъ назначить своихъ уполномоченныхъ для обсужденія его на международной конференціи въ Брюсселѣ.

Въ вышеизложенномъ, мы старались указать на соображенія, которыми по всей вѣроятности былъ вызванъ починъ нашего правительства. Но для лучшаго уразумѣнія поднятаго вопроса намъ

кажется необходимымъ выяснить, въ какой связи находится инициатива нашего правительства къ однороднымъ попыткамъ, сдѣланнымъ въ новѣйшее время для ограниченія бѣдствій войны, и на сколько она согласна съ преданіями русской политики вообще.

II.

Необходимость кодифицировать не только законы и обычаи войны, но и всю область международнаго права высказывалась неоднократно мыслителями, филантропами и государственными людьми. Но въ особенности отношенія воюющихъ сторонъ и взаимныя права и обязанности ихъ, постоянно требовали точнаго и юридическаго ихъ опредѣленія для ограниченія бѣдствій войны. Стремленіе смягчить, на сколько возможно, страданія, непосредственно вытекающія изъ международныхъ войнъ, до такой степени соотвѣтствуетъ духу нашего времени, что всякій шагъ, приближающій къ этой цѣли, всегда былъ встрѣчаемъ искреннимъ сочувствіемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Поэтому когда въ 1862 г. швейцарскій гражданинъ Дюнанъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Un souvenir de Solferino“, въ которомъ онъ описываетъ всѣ ужасы, видѣнные имъ лично на полѣ битвы при Сольферино, тогда ему не трудно было обезпечить за своимъ предложеніемъ о нейтрализаціи лазаретовъ и раненныхъ и больныхъ воиновъ, симпатіи всего цивилизованнаго міра. Въ 1864 г. была подписана Женевская Конвенція, принесшая безъ сомнѣнія огромную пользу воюющимъ сторонамъ и облегчившая въ значительной степени участь десятковъ тысячъ раненныхъ и больныхъ.

Однако не смотря на чрезвычайно благотворное вліяніе Женевской Конвенціи, всетаки постановленія ея не всегда строго исполнялись воюющими сторонами и въ особенности во время послѣдней войны. Намъ кажется, что нарушенія Женевской Конвенціи объясняются двумя главными причинами: во-первыхъ, незнакомствомъ войскъ съ ея содержаніемъ, и во-вторыхъ, крайнею неопредѣленностью и недостаточностью ея постановленій, если разсматривать ее на основаніи опыта новѣйшихъ войнъ. Поэтому пересмотръ Женевской Конвенціи оказывается необходимымъ и неотложнымъ.

Иначе поняли опытъ послѣдней войны „Международный комитетъ для вспоможенія раненнымъ и больнымъ“, находящійся въ Женевѣ, и само швейцарское правительство. Почтенный президентъ этого комитета, г. Муанье, — къ дѣятельности котораго можно относиться только съ чувствомъ глубочайшаго уваженія, — выработалъ проектъ, въ которомъ предлагается учредить международный судъ для немедленнаго преслѣдованія всякаго нарушителя постановленій Женевской Конвенціи. Судъ долженъ состоять изъ 5 членовъ, изъ которыхъ двоихъ назначаютъ сами воюющія стороны, а остальныхъ трехъ выбираютъ нейтральныя державы. При самомъ началѣ какой-либо войны, президентъ Швейцарскаго союза обязанъ, посредствомъ жребія, указать на три нейтральныя державы изъ принявшихъ Женевскую Конвенцію, которыя, съ своей стороны, обязаны назначить трехъ членовъ трибунала. Таковъ составъ суда, которому подлежало бы разбирательство всѣхъ дѣлъ, начатыхъ воюющими сторонами по обвиненію въ нарушеніи Женевской Конвенціи. На заинтересованныя же правительства возлагалась проектомъ обязанность оказывать всевозможное содѣйствіе для отысканія виновнаго и выясненія истины. Наконецъ, если трибуналъ убѣдится въ виновности подсудимаго, то онъ долженъ постановить свой приговоръ и опредѣлить наказаніе, руководствуясь международнымъ уголовнымъ кодексомъ, составленіемъ котораго прежде всего должны были заняться европейскія державы. Что же касается исполненія рѣшенія, то оно было признано „обязательнымъ“ для государства, противъ подданнаго котораго рѣшеніе было постановлено. [1])

Этотъ проектъ женевскаго комитета былъ въ 1872 г. сообщенъ швейцарскимъ правительствомъ на усмотрѣніе всѣхъ европейскихъ державъ, съ приглашеніемъ назначить уполномоченныхъ для обсужденія его на международной конференціи.

Однако бросающіяся въ глаза несообразности этого проекта и невозможность его принятія заставили европейскія правительства отклонить предложеніе Швейцаріи, и только одно правительство изъявило свое согласіе на назначеніе уполномоченнаго. Предложеніе установить надъ независимыми государствами судъ, рѣшеніямъ котораго они бы подчинялись, обнаруживаетъ незна-

[1]) Revue de droit international et de législation comparée, 1872, № II, p. 325 et suiv.

комство съ практическою стороною современныхъ международныхъ отношеній. Для того, чтобъ проектированный трибуналъ имѣлъ бы какое-либо серьозное значеніе и чтобъ авторитетъ его не подвергался осмѣянію, необходимо обезпечить дѣйствительное исполненіе его рѣшеній. Но этого именно условія не достаетъ проектированному суду. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что основные законы или конституціи большинства европейскихъ государствъ категорически запрещаютъ предавать своихъ подданныхъ суду, имѣющему пребываніе на чужой территоріи и большинство членовъ котораго иностранцы. Въ виду этихъ существенныхъ возраженій предложеніе швейцарскаго правительства не могло имѣть успѣха, хотя всѣ державы относились съ полнѣйшимъ уваженіемъ къ основной цѣли проекта.

По времени, въ тѣсной связи съ иниціативою Россіи находится другая попытка смягчить бѣдствія войны посредствомъ опредѣленія правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ.

Всякому извѣстно, что ни въ одной войнѣ не было захвачено въ плѣнъ столько людей, какъ въ послѣдней. Въ Германіи находилось около четырехъ сотъ тысячъ французовъ, которыхъ необходимо было содержать подъ надзоромъ, кормить и даже одѣвать. На основаніи личнаго нашего наблюденія, мы должны сказать, что съ французами-военноплѣнными вообще обращались въ Германіи весьма гуманно. Но всетаки между военноплѣнными и германскими начальствами неоднократно возникали споры и недоразумѣнія о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, германскія власти принимали такія строгія мѣры въ отношеніи къ военноплѣннымъ, которыя не оправдывались ни необходимостью, ни современнымъ правомъ войны. Съ другой стороны, военноплѣнные часто заявляли о такихъ требованіяхъ, на которыя германское начальство согласиться не могло, не компрометируя общественной безопасности и тишины.

Въ виду незавидной участи военноплѣнныхъ, справедливыя требованія которыхъ германскія власти иногда не въ состояніи были тотчасъ исполнить, въ нейтральныхъ и даже воюющихъ государствахъ возникли частныя общества для оказанія вспоможенія военноплѣннымъ. Послѣ окончанія войны во Франціи образовалось подобное же общество, которое поставило себѣ еще болѣе возвышенную цѣль.

Въ 1872 г. въ Парижѣ было основано „Общество для улучшенія участи военноплѣнныхъ“ (Société pour l'amélioration du

sort des prisonniers de guerre). Въ числѣ покровителей этого общества находится нашъ соотечественникъ князь А. А. Суворовъ-Рымникскій, графъ Италійскій; предсѣдатель его графъ Худето (Houdetot). Членами его состоятъ нѣкоторые государственные люди и консулы Германіи, Соединенныхъ Штатовъ, Южной Америки, Австріи, Даніи, Испаніи, Франціи, Великобританіи, Греціи, Италіи, Нидерландовъ, Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи. Швейцарскій членъ г. Дюнанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняетъ должность „международнаго секретаря“ Общества. Но нельзя не прибавить, что члены Общества не были уполномочены быть оффиціальными представителями своихъ государствъ. Общество это имѣетъ совершенно частный характеръ.

Немедленно послѣ своего учрежденія, парижское Общество приступило къ исполненію своей задачи: составить проекъ устава, опредѣляющаго точнымъ образомъ права и обязанности военноплѣнныхъ. Въ началѣ настоящаго года, исполнительный комитетъ представилъ Обществу проектъ, могущій служить основаніемъ для международнаго устава о военноплѣнныхъ. [1]) Проектъ этотъ состоитъ изъ 147 статей, весьма подробно опредѣляющихъ права и обязанности военноплѣнныхъ и государства, на территоріи котораго они находятся. Въ проектѣ разрѣшается прежде всего вопросъ: кто можетъ подвергнуться военному плѣну; затѣмъ слѣдуютъ постановленія о пощадѣ лицъ, положившихъ оружіе, о неприкосновенности раненныхъ и частной собственности, о надзорѣ надъ военноплѣнными, содержаніи ихъ и освобожденіи на слово, объ обмѣнѣ военноплѣнныхъ и транспортѣ ихъ и т. д.

Таково приблизительно содержаніе проекта вышеупомянутаго Общества, который въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года былъ препровожденъ предсѣдателемъ Общества на заключеніе европейскихъ державъ, вмѣстѣ съ предложеніемъ назначить уполномоченныхъ для обсужденія его на конгрессѣ въ Брюсселѣ. Въ Петербургѣ онъ былъ полученъ въ концѣ марта мѣсяца, когда нашимъ правительствомъ былъ уже составленъ другой проектъ, обнимающій всѣ главные вопросы права войны. Такъ какъ дипломатическіе переговоры по этому проекту уже были начаты Россіею съ иностранными державами, то послѣднія тотчасъ согласились принять

---

[1]) Projet pouvant servir de base à un règlement international relatif aux prisonniers de guerre.

основаніемъ для совѣщаній на международномъ конгрессѣ по этому предмету русскій проектъ. [1]) Въ виду этого обстоятельства „Общество для улучшенія участи военноплѣнныхъ“ само взяло назадъ свой проектъ, который однако находился въ рукахъ каждаго члена Брюссельской конференціи, благодаря несомнѣннымъ своимъ достоинствамъ. Дѣйствительно, только съ чувствомъ уваженія и можно отнестись какъ къ дѣятельности парижскаго Общества вообще и къ выработанному имъ проекту въ особенности. Проектъ этотъ не есть только повтореніе и улучшеніе знаменитыхъ Сѣверо-Американскихъ „Инструкцій“, которыхъ мы ниже коснемся, но заключаетъ въ себѣ и нѣсколько новыхъ началъ, вполнѣ гуманныхъ и достойныхъ вниманія. Такъ, между прочимъ, весьма интересно основное постановленіе всего проекта, заключающееся въ томъ, что всѣ военноплѣнные находятся подъ покровительствомъ представителей нейтральныхъ державъ, аккредитованныхъ при воюющихъ государствахъ. Точно также статьи, касающіяся заложниковъ, шпіоновъ, поголовнаго ополченія (levée en masse), судебнаго преслѣдованія военноплѣнныхъ, за совершенные ими проступки и преступленія, проникнуты человѣколюбіемъ и уваженіемъ къ неотъемлемымъ правамъ человѣческой личности.

Но, съ другой стороны, нельзя не сказать, что проекту этому присущи также нѣкоторые важные недостатки, сильно вредящіе практическому его значенію. Во-первыхъ, почти половина всѣхъ статей проекта имѣетъ своимъ предметомъ вопросы, непосредственно касающіеся внутренней военной администраціи государствъ. Сюда относятся въ особенности статьи 86 до 147, въ которыхъ опредѣляется размѣръ жалованья (solde), слѣдующаго военноплѣннымъ отъ непріятельскаго государства, во власти котораго они находятся, внутреннее устройство депо для военноплѣнныхъ, переписка ихъ съ родственниками и посылка имъ денегъ и журналовъ и т. п. Едва ли мы ошибаемся, полагая, что подобнымъ вопросамъ нѣтъ мѣста въ международномъ какомъ-либо трактатѣ, и едва ли государства согласятся регламентировать, въ международномъ договорѣ, всѣ полицейскія мѣры, принимаемыя ими въ отношеніи военноплѣнныхъ.

---

[1]) Въ депешѣ нашего государственнаго канцлера къ князю Орлову 6-го апрѣля, французское Общество извѣщается о намѣреніи нашего правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашается отложить обсужденіе представленнаго имъ проекта до того времени, когда въ рукахъ европейскихъ державъ будетъ русскій проектъ, болѣе обширный, но менѣе подробный относительно военноплѣнныхъ.

Кромѣ того въ проектѣ встрѣчаются цѣлые отдѣлы, никакъ не подходящіе подъ его заглавіе и противорѣчащіе началамъ науки международнаго права. Напримѣръ въ статьѣ 38 и слѣд. опредѣляются права и обязанности нейтральныхъ государствъ, въ случаяхъ нарушенія неприкосновенности ихъ территорій воюющими войсками, перешедшими нейтральную границу. Нѣтъ сомнѣнія, что это постановленіе нисколько не на мѣстѣ въ спеціяльномъ и международномъ уставѣ о военноплѣнныхъ. Если же оно внесено въ проектъ на томъ основаніи, что войска воюющихъ государствъ, застигнутыя на нейтральной почвѣ, должны также находиться подъ надзоромъ мѣстной власти, и потому называются въ проектѣ „военноплѣнными“, то это несовсѣмъ правильно, такъ какъ о „военноплѣнныхъ“, въ юридическомъ смыслѣ, можетъ быть рѣчь исключительно между воюющими государствами. Войска воюющихъ державъ, переступившія границы нейтральнаго государства, должны быть послѣднимъ обезоружены, и подчиняются всѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, принимаемымъ для того, чтобы препятствовать обращенію нейтральной территоріи въ театръ военныхъ дѣйствій. Но эти войска никакъ не находятся въ военномъ плѣну у государства, не принимающаго никакого участія въ войнѣ. На этомъ основаніи вышеприведенныя статьи французскаго проекта нельзя не признать неумѣстными. Точно также и нѣкоторыя другія статьи распространяются по вопросамъ, несостоящимъ въ непосредственной связи съ юридическимъ положеніемъ военноплѣнныхъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, насколько сознавалась необходимость позаботиться о средствахъ, могущихъ положить предѣлы раззореніямъ и насиліямъ, имѣющимъ мѣсто на войнѣ. Однако ни предположеніе женевскаго комитета, ни проектъ парижскаго общества не достигали всѣми сознаваемой цѣли: первое было слишкомъ непрактично, послѣдній, еслибъ подвергся серьозному обсужденію, со стороны правительствъ, оказался бы въ окончательномъ результатѣ только уставомъ о военноплѣнныхъ.

Такимъ образомъ ни однимъ изъ частныхъ обществъ, основанныхъ для гуманизированья войны, и ни однимъ изъ европейскихъ правительствъ не было сдѣлано, до самаго послѣдняго времени, даже попытки опредѣлить всѣ военные международные законы и совокупность всѣхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ. Между тѣмъ уже въ 1863 г. Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты впервые, путемъ кодификаціи

всѣхъ военныхъ законовъ и обычаевъ, существенно ограничили произволъ своихъ собственныхъ армій и обезпечили уваженіе жизни и собственности мирнаго и невооруженнаго населенія.

Во время послѣдней междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, когда взаимная крайняя ненависть приверженцевъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ стала принимать крайніе размѣры и обнаруживалась въ неслыханныхъ злодѣяніяхъ, тогда президентъ Линкольнъ для усмиренія возбужденныхъ страстей, напомнилъ своимъ воинамъ объ ихъ обязанности уважать даже въ непріятелѣ человѣческую его личность и достоинство. По порученію Линкольна, извѣстный публицистъ и профессоръ Нью-Іоркскаго университета Либеръ (умершій въ 1873 г.) составилъ проектъ устава международныхъ военныхъ законовъ и обычаевъ, имѣющихъ общепризнанную силу. Этотъ проектъ былъ вслѣдъ затѣмъ разсмотрѣнъ въ коммисіи изъ военныхъ, и наконецъ, обнародованъ въ формѣ „Полевыхъ инструкцій для армій Соединенныхъ Штатовъ“ (Instructions for the Government of the United States in the field). Инструкціи эти состоятъ изъ 157 статей и ими опредѣляются, между прочимъ: предѣлы и существо военной власти на непріятельской территоріи; отношенія къ частнымъ лицамъ, частной и государственной собственности; охрана интересовъ религіи, искусства и науки въ завоеванной странѣ, и т. п. Слѣдовательно эти инструкціи представляютъ первый примѣръ кодификаціи законовъ и обычаевъ войны.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта первая правительственная попытка выяснить для войскъ обязательныя для нихъ на войнѣ юридическія начала существенно содѣйствовала гуманному и правильному веденію войны со стороны сѣверныхъ штатовъ. Но какъ ни отраденъ этотъ примѣръ вашингтонскаго правительства и какъ ни благодѣтельны были послѣдствія принятой Линкольномъ мѣры, все-таки ни одно изъ европейскихъ правительствъ, не смотря на жестокія войны, бывшія въ Европѣ послѣ 1863 г., не попыталось слѣдовать по тому же пути. Сѣверо-американскія инструкціи дали только новый и сильный толчекъ научнымъ попыткамъ кодифицировать всю область международнаго права. [1])

[1]) Превосходныя сочиненія *Bluntschli* (Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. Nördlingen 1872, 2-te Aufl.) и *Dudley-Field* (Draft. Outlines of an International Code. New-York. 1872), были вызваны трудомъ Либера.

Въ такомъ положеніи находился разсматриваемый вопросъ до начала нынѣшняго года, пока Россія не выступила съ „Проектомъ конвенціи о военныхъ законахъ и обычаяхъ“ и пригласила всѣ европейскія державы назначить уполномоченныхъ для обсужденія его.

Починъ Россіи въ этомъ дѣлѣ не только даетъ ей право на благодарность всѣхъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствуетъ наилучшимъ преданіямъ русской національной политики. Дѣйствительно, мы не знаемъ въ Европѣ державы, которая, на основаніи своей исторіи, имѣла бы болѣе право и обязанность брать на себя иниціативу въ лучшемъ и всестороннемъ выясненіи спорныхъ началъ международнаго права. Въ доказательство, мы укажемъ на нѣкоторые извѣстные и неизвѣстные факты изъ исторіи международныхъ отношеній Россіи.

Подобно тому какъ до настоящаго времени права и обязанности воюющихъ государствъ составляютъ предметъ постоянныхъ споровъ и взаимныхъ обвиненій во время войны, точно также права нейтральныхъ народовъ подвергались въ прошломъ столѣтіи самымъ разнообразнымъ толкованіямъ и постоянно нарушались. Если нейтральные народы настаивали на признаніи неотъемлемаго своего права продолжать торговлю съ воюющими государствами, то напротивъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ признавали себя въ правѣ воспретить нейтральнымъ всякія торговыя сношенія съ ихъ непріятелемъ. Особенно произвольными дѣйствіями въ отношеніи нейтральной торговли постоянно отличалась Англія, опирающаяся на свое могущество на морѣ. Англійскіе каперы не уставали захватывать нейтральныя суда и найденная на нихъ собственность, принадлежащая подданнымъ непріятельскаго государства, всегда признавалась законнымъ призомъ англійскими же судьями. Между тѣмъ, почти всѣ остальныя государства постоянно провозглашали, какъ несомнѣнный международный законъ, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ. Кромѣ того, блокаду нейтральныя державы признавали обязательною, если ею дѣйствительно преграждался путь въ блокируемое мѣсто. Великобританія же, напротивъ, просто объявляла нейтральнымъ правительствамъ, что берега или гавани противника ея блокированы, не выставляя однако никакихъ военныхъ силъ для прегражденія къ нимъ доступа. На всѣ протесты нейтральныхъ державъ, на всѣ ихъ жалобы, что поведеніе Англіи совершенно противорѣчитъ всѣмъ общепризнаннымъ началамъ международнаго права

и даже трактатамъ, ею же заключеннымъ, с.-джемскій кабинетъ всегда отвѣчалъ, что такихъ общепризнанныхъ принциповъ нѣтъ и потому обязательной силы они не имѣютъ. Совершенно нестерпимы, стали англійскіе каперы въ особенности во время войны, приведшей къ объявленію политической независимости англійскихъ американскихъ колоній въ 1776 г.

Чтобъ положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ относительно правъ нейтральной торговли и предѣлъ насиліямъ могущественной Англіи, императрица Екатерина II обнародовала знаменитую декларацію, отъ 28-го февраля 1780 г., въ которой она пригласила европейскія державы соединиться къ поддержанію слѣдующихъ началъ: 1) нейтральные корабли свободно могутъ продолжать торговлю съ воюющими государствами; 2) непріятельская собственность подъ нейтральнымъ флагомъ признается неприкосновенною; 3) предметами военной контрабанды признаются только исчисленные въ статьяхъ 10 и 11 трактата 1766 г. Россіи съ Англіею и 4) для дѣйствительности блокады требуется явная опасность нарушить ее.

Провозгласивъ эти „вѣчныя и наиболѣе справедливыя“ начала, императрица Екатерина II заключила вслѣдъ затѣмъ съ отдѣльными европейскими державами конвенціи, на основаніи которыхъ договаривающіяся стороны торжественно признаютъ обязательную силу вышеприведенныхъ принциповъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязываются защищать ихъ всѣмъ своимъ могуществомъ и силою противъ всякаго нарушителя ихъ. Такія совершенно одинаковыя конвенціи заключила Россія съ Пруссіею, Австріею, Даніею, Швеціею, Франціею, Испаніею и т. д. Приступленіе какой либо державы къ этому союзу *„вооруженнаго нейтралитета“* составляло для Екатерины II истинное удовольствіе, потому что она видѣла въ этомъ союзѣ свое „дѣтище“ (enfant), развитію котораго она желала посвятить себя вполнѣ. Когда императоръ римскій Іосифъ II, актомъ отъ 9-го октября 1781 г., приступилъ къ вооруженному нейтралитету, императрица, въ собственноручномъ письмѣ отъ 27-го октября 1781 г., высказала ему по этому поводу свою радость въ слѣдующихъ словахъ: „Вслѣдствіе приступленія Вашего Императорскаго Величества къ вооруженному нейтралитету, сдѣланнаго Вами согласно моему желанію и за что я чувствую себя вѣчно Вамъ обязанною, Ваше Императорское Величество, на глазахъ всей Европы, не только дали Высочайшее свое утвержденіе справедливымъ началамъ, обезпечи-

вающимъ право нейтральныхъ народовъ на независимость морской торговли, но начиная съ этого момента я счастлива, что могу назвать себя Вашею союзницею — чего я уже давно желала и что въ настоящую минуту также дорого моей душѣ, какъ моему сердцу.“

Эти немногія слова вполнѣ доказываютъ, какую цѣну придавала императрица провозглашеннымъ ею началамъ. Не смотря на явное противодѣйствіе со стороны Англіи, Екатерина II не только не имѣла намѣренія отречься отъ нихъ, но старалась еще болѣе идти внередъ на проложенномъ ею пути. Она стремилась къ тому, чтобъ на конгрессѣ, на которомъ должно было состояться заключеніе мира между Англіею и ея противниками, эти принципы были бы также провозглашены, какъ обязательные международные законы. Но извѣстно, что Англіи удалось заключить отдѣльный миръ съ своими врагами и предупредить такимъ образомъ созваніе опаснаго для нея международнаго конгресса. Мало того, на основаніи имѣющихся у насъ подъ рукою еще необнародованныхъ архивныхъ источниковъ, мы можемъ положительно утверждать, что императрица Екатерина II долго занималась мыслею составить *общенародный кодексъ*, въ которомъ были бы опредѣлены обязательныя для всѣхъ народовъ, во время морской войны, правила. Императрица повелѣла своему правительству собрать всѣ свѣдѣнія о томъ, какія начала господствуютъ у иностранныхъ народовъ, на случай морской войны, и какія приняты у нихъ въ виду ея мѣры. Это повелѣніе было исполнено, и 10-го марта 1782 г. графу Кобенцлю, цесарскому посланнику въ С.-Петербургѣ, былъ врученъ: „Exposé comparatif de différens arrangemens pris par les Puissances neutres et belligérantes pour la sûreté du Commerce et de la Navigation neutres“. Въ этомъ документѣ изложены законодательныя и административныя мѣры, принятыя во Франціи, Даніи, Испаніи и другихъ государствахъ для обезпеченія свободы торговыхъ сношеній и правъ нейтральныхъ народовъ. Сообщенъ же былъ этотъ „Exposé“ австрійскому посланнику потому, что Екатерина II имѣла полное право надѣяться на содѣйствіе ближайшаго своего союзника, Іосифа II, въ достиженіи преслѣдуемой ею цѣли: кодифицировать международные морскіе законы и обычаи.

Ни императоръ Іосифъ II, ни знаменитый его министръ иностранныхъ дѣлъ князь Кауницъ не были въ состояніи понять восторгъ, съ которымъ императрица преслѣдовала свою возвышен-

ную цѣль [1]), но все-таки необходимость угождать ей всѣми средствами заставила ихъ также заняться изученіемъ вопросовъ морскаго международнаго права. Этимъ объясняется почему дипломатическіе переговоры между с.-петербургскимъ и вѣнскимъ дворами по этому вопросу продолжались еще въ теченіе 1782 г. Въ отвѣтъ на сообщенный австрійскому кабинету „Exposé“, графъ Кобенцль, на конференціи 22-го іюня 1782 г., вручилъ вице-канцлеру графу Остерману цѣлое сочиненіе, составленное въ Вѣнѣ и подробно излагающее различныя теоріи морскаго международнаго права. Сочиненіе это, хранящееся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, носитъ слѣдующее подробное заглавіе: „Réflexions sur la Liberté des Mers en général et spécialement sur les Droits des Nations neutres, relativement au Commerce et à la Navigation, pendant que d'autres Puissances se font la guerre, ainsi que sur les moyens qu'il pourroit y avoir pour mettre ces Droits dans une telle évidence que les Intérêts particuliers ne puissent y opposer aucune interprétation arbitraire“.

Однако, къ сожалѣнію, Екатеринѣ II не удалось исполнить свой грандіозный планъ, достойный того высокаго положенія, которое Россія уже въ концѣ прошлаго столѣтія занимала въ системѣ европейскихъ державъ. Съ одной стороны, неблагопріятныя политическія обстоятельства, съ другой смѣлыя политическія комбинаціи самой императрицы нисколько не благопріятствовали всестороннему обсужденію и принятію началъ, легшихъ въ основаніе системы вооруженнаго нейтралитета. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что Англія также не упускала изъ виду ни одного средства, чтобъ воздвигнуть противъ императрицы всевозможныя преграды на пути къ поставленной ею цѣли.

Дѣйствительно англійское правительство и тогдашній замѣчательный по своимъ талантамъ англійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, сэръ Джемсъ Гаррисъ, (впослѣдствіе лорда Мальмсбэри), не уставали защищать произвольныя дѣйствія англійскихъ крейсеровъ и утверждать, что декларація Россіи актъ, въ высшей степени, враждебный въ отношеніи къ Англіи [2]). Въ депешѣ тогдашняго англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ

[1]) Срав. *Beer* Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Wien. 1872. S. 105.

[2]) Diaries and Correspondence of *James Harris*, First Earl of Malmesbury etc. London. 1845, t. I, p. 258, 260.

лорда Стормонта къ Гаррису, отъ 11 апрѣля 1780 г., доказывается, что провозглашенныя императрицею начала противорѣчатъ международному праву, и потому, неосновательны. Въ пользу этого мнѣнія благородный лордъ ссылается на нѣкоторые современные ему авторитеты науки, но въ особенности на самихъ англійскихъ юристовъ и призовыхъ судей. Но всѣ эти упреки и доказательства не въ состояніи были заставить Екатерину II отказаться отъ своего намѣренія заключить союзъ вооруженнаго нейтралитета. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что если англійскій посланникъ, передавая пресловутый разговоръ, который онъ имѣлъ съ императрицею 7 (18) декабря 1780 г. [1]), особенно напираетъ на слова ея, что „Neutralité armée“ есть не болѣе, какъ „Nullité armée“, желаетъ видѣть въ этомъ доказательство, на сколько мало серьезнаго значенія сама Екатерина II придавала затѣянному ею дѣлу, то онъ очевидно впалъ въ крупную ошибку. Екатерина II въ этомъ крайне любопытномъ разговорѣ представила новое доказательство изумительнаго своего искусства обвораживать собесѣдника посредствомъ ничего не значущихъ уступокъ его убѣжденіямъ и желаніямъ, чтобъ въ концѣ концовъ направить его на путь къ преслѣдуемой ею самою цѣли. Такъ случилось и въ этомъ случаѣ: сэръ Гаррисъ очень обрадовался названію „вооруженнаго нейтралитета“ „вооруженною ничтожностью“, не замѣчая того, что императрица однако нѣсколько разъ повторяетъ о твердомъ своемъ рѣшеніи составить предположенный союзъ нейтральныхъ державъ.

Союзъ дѣйствительно былъ составленъ, но развитію провозглашенныхъ декларацією началъ въ международномъ кодексѣ помѣшали смѣлые планы Екатерины II насчетъ Оттоманской имперіи.

Великая инициатива императрицы не осталась однако безъ рѣшительнаго вліянія на отношенія воюющихъ государствъ къ нейтральнымъ народамъ. Начала декларации 1780 г. пріобрѣли право гражданства въ международныхъ отношеніяхъ, и наконецъ, въ 1856 г., на парижскомъ конгрессѣ, они торжественно были провозглашены обязательными правилами для государствъ, подписавшихъ и впослѣдствіи принявшихъ декларацію парижскую о вопросахъ морскаго международнаго права.

---

[1]) Diaries and Correspondence of Sir *James Harris*, t. I, p. 304.

Въ вышеупомянутомъ нельзя не видѣть сколь много общихъ чертъ между политикою императрицы Екатерины II на пользу правильнаго развитія международныхъ отношеній и починомъ современной намъ Россіи въ вопросѣ о кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ. Разница между ними заключается прежде всего въ томъ, что въ 1780 г. вниманіе русскаго правительства было исключительно обращено на морскую войну, а въ настоящее время на сухопутную. Затѣмъ, если намѣренія императрицы Екатерины II не вполнѣ могли осуществиться, главнымъ образомъ вслѣдствіе другихъ ея замысловъ, исполненіе которыхъ поглощало въ теченіе долгаго времени все ея вниманіе, то напротивъ достиженію преслѣдуемой современною Россіею цѣли не представляются подобныя препятствія: окончательный успѣхъ зависитъ отъ нея. Россія не преслѣдуетъ въ настоящее время никакой иной цѣли, какъ поддерживать миръ въ отношеніяхъ международныхъ и противодѣйствовать всякой попыткѣ къ его нарушенію. Занимая нынѣ еще болѣе выгодное и высокое мѣсто между европейскими державами, Россія обладаетъ всѣми средствами для достиженія окончательной своей цѣли. Наконецъ цѣль эта, — кодифицировать военные международные обычаи, — не только совершенно согласна съ блестящими преданіями екатерининской эпохи, но также съ недавнымъ прошлымъ русской политики.

Не позже какъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ 1868 году, Россія обратилась ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ приглашеніемъ запретить употребленіе на войнѣ разрывныхъ пуль (вѣсомъ не ниже извѣстнаго minimum'а), которыя только причиняютъ излишнія страданія, не споспѣшествуя военнымъ цѣлямъ. Эта мысль совершенно ясно и опредѣленно выражена въ запискѣ, препровожденной г. военнымъ министромъ къ государственному канцлеру отъ 4 мая 1868 г., которая послужила основаніемъ послѣдующихъ дипломатическихъ переговоровъ съ иностранными державами.

„Война", говорится между прочимъ въ этомъ историческомъ актѣ, „есть неизбѣжное зло, которое желательно сдѣлать сколь возможно менѣе жестокимъ для человѣчества", на этомъ основаніи „воюющія стороны ни въ какомъ случаѣ не должны допускать болѣе зла, чѣмъ нужно для достиженія цѣли", ибо „всѣ страданія и всякій наносимый ущербъ, которые не ослабляютъ противника, безполезны и не должны быть допускаемы". Эти-же

мысли приведены въ декларацiи, подписанной въ С.-Петербургѣ 29 ноября 1868 г., на основанiи которой всѣ главнѣйшiя европейскiя державы обязываются не употреблять въ своихъ арміяхъ разрывныхъ пуль вѣсомъ меньше 400 граммъ.

Если принять въ соображеніе эти новѣйшіе факты и заявленія Россіи, то нельзя не сознаться, что созваніе брюссельской конференціи является только звеномъ въ цѣпи историческихъ событій и совершенно послѣдовательнымъ развитіемъ предшествовавшей русской политики. Мысль, устранить посредствомъ опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ всѣ безполезныя страданія войны, получила формальное выраженіе въ проектѣ конвенціи, сообщенной всѣмъ европейскимъ державамъ при циркулярѣ отъ 17 апрѣля 1874 г. „Чѣмъ болѣе“, сказано въ циркулярѣ, „развивается въ настоящее время солидарность, предназначенная приблизить и соединить народы, какъ членовъ одной общей семьи, чѣмъ болѣе, съ другой стороны, военная ихъ организація имѣетъ назначеніемъ придать ихъ распрямъ характеръ борьбы между вооруженными націями, тѣмъ болѣе оказывается необходимымъ опредѣлить точнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, законы и обычаи, согласные съ состояніемъ войны, для того, чтобъ ограничить ея послѣдствія и уменьшить ея бѣдствія, на сколько это возможно и желательно. Въ виду этой цѣли кажется необходимымъ, посредствомъ взаимнаго соглашенія, установить правила, которыя должны быть обязательны какъ для самихъ правительствъ, такъ и ихъ армій, на основаніи полнѣйшей взаимности.“

Вотъ тѣ мысли, которыя легли въ основаніе русскаго проекта, долженствовавшаго служить только исходною точкою для „послѣдующихъ обсужденій“ и „приготовить почву для общаго соглашенія“.

III.

Хотя на основаніи только-что приведенныхъ словъ циркуляра нашего правительства, русскій проектъ долженъ былъ служить только точкою исхода, и потому, могъ подвергаться всякаго рода измѣненіямъ и улучшеніямъ на брюссельской конференціи, все-таки онъ заслуживаетъ самъ по себѣ нѣкотораго

вниманія, какъ правительственная попытка кодификаціи правилъ войны.

Мы не станемъ дѣлать здѣсь подробный его анализъ и подвергать его критическому разбору.

Мы хотимъ только выяснить, въ общихъ чертахъ, содержаніе русскаго проекта и указать на тѣ затрудненія, которыя были при его составленіи.

Весь русскій проектъ раздѣляется на четыре отдѣла: I-ый, — о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга; II-ой, — о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ; III-й, — о сношеніяхъ между воюющими сторонами и, наконецъ, IV-ый, — о репрессаліяхъ.

Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ 7 главъ, въ которыхъ говорится: 1) о военной власти на непріятельской территоріи, 2) о томъ, кто долженъ считаться воюющею стороною и о комбатантахъ (воюющихъ лицахъ) и некомбатантахъ (невоюющихъ); 3) о дозволенныхъ и недозволенныхъ средствахъ вредить непріятелю; 4) объ осадѣ и бомбардированіи; 5) о шпіонахъ; 6) о военноплѣнныхъ и 7) о некомбатантахъ и раненныхъ. Во *второмъ* отдѣлѣ опрѣдѣляется: во-1-хъ, власть военная въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, и во-2-хъ, вопросъ о реквизиціяхъ и контрибуціяхъ.

Затѣмъ *третій* отдѣлъ касается средствъ сообщенія между воюющими сторонами, парламентеровъ и капитуляцій. *Послѣдній* же отдѣлъ состоитъ всего только изъ трехъ статей. Во всемъ проектѣ 71 статья. Наконецъ для полноты слѣдуетъ еще прибавить, что въ самомъ началѣ проекта поставлены 5 общихъ началъ, въ которыхъ выраженъ основной взглядъ на международную войну, какъ онъ неоднократно былъ высказанъ въ актахъ правительственныхъ и господствуетъ въ наукѣ международнаго права. Весьма вѣроятно, что цѣль этихъ общихъ положеній заключалась только въ томъ, чтобъ предупредить всякое сомнѣніе относительно исключительно гуманнаго взгляда и намѣреній, вызвавшихъ проектъ. Поэтому они едва-ли могли быть предметомъ какихъ либо преній на брюссельской конференціи.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію задачи, которая главнѣйше имѣлась въ виду при составленіи проекта; разрѣшеніе ея не могло быть особенно легко, если принять въ соображеніе но-

вость самаго дѣла и недостаточную прочность нѣкоторыхъ началъ, на которыя иногда ссылались въ послѣднихъ войнахъ воюющія державы. Поэтому, по необходимости, пришлось, на основаніи критической оцѣнки дѣйствительно всѣми выработанныхъ международныхъ военныхъ обычаевъ, формулировать ихъ болѣе точнымъ образомъ. Слѣдовательно русскій проектъ долженъ былъ не изобрѣтать *новыхъ* правилъ для войны, не имѣющихъ основанія ни въ практикѣ, ни въ теоріи, но только выяснить тѣ начала, которыя дѣйствительно выработались путемъ обычая и имѣютъ въ свою пользу наиболѣе убѣдительныя доказательства. Поэтому, если русскому проекту ставили въ упрекъ, что въ немъ нѣтъ „ничего новаго“, то это обстоятельство только подтверждаетъ, что онъ дѣйствительно выставилъ такія положенія, которыя согласны съ правосознаніемъ современныхъ народовъ и съ установившимися здравыми воззрѣніями на войну, что каждый свѣдущій человѣкъ находитъ въ немъ только правила, давно ему извѣстныя. Если проектъ, представленный нашимъ правительствомъ на усмотрѣніе европейскихъ державъ, на самомъ дѣлѣ только сводъ общепризнанныхъ международныхъ военныхъ законовъ и обычаевъ, то при составленіи его избѣгнута первая опасность, заключавшаяся въ томъ, что въ него могли быть включены постановленія, совершенно новыя, никѣмъ еще не приложенныя къ военнымъ дѣйствіямъ. Задача каждаго законодателя или кодификатора состоитъ именно въ изученіи дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній и находить для нихъ соотвѣтствующія юридическія нормы или законы.

Но исполняя эту свою первую задачу и опредѣляя юридически конкретныя отношенія, существующія въ дѣйствительной жизни, законодатель имѣетъ еще другую обязанность. Онъ обязанъ критически и сознательно относиться къ регламентируемымъ отношеніямъ и находить имъ такія выраженія или нормы, которыя наиболѣе согласны съ прогрессивнымъ и правильнымъ ихъ развитіемъ. Поэтому, не только не должно насиловать реальныхъ отношеній новымъ закономъ, новою нормою права, но эта норма должна служить условіемъ дальнѣйшаго ихъ движенія и развитія.

Тому же самому требованію долженъ былъ удовлетворить русскій проектъ конвенціи о международныхъ военныхъ законахъ и обычаяхъ. Опредѣливъ юридически отношенія между воюющими государствами, такимъ образомъ, какъ они существовали и будутъ

существовать, пока международная война существенно не измѣнитъ своего характера, проектъ долженъ былъ также удовлетворить справедливыя требованія относительно ограниченія бѣдствій войны; онъ долженъ быть шагомъ впередъ на пути къ осуществленію провозглашаемой наукою цѣли: обратить войну въ борьбу исключительно между правильно организованными силами воюющихъ государствъ.

Но эта именно сторона кодификаціи военныхъ обычаевъ и международныхъ отношеній представляется наиболѣе трудною. Въ желаніи удовлетворить человѣколюбивымъ наклонностямъ нашего времени и отвращенію, внушаемому войною просвѣщенной части европейскаго общества, весьма легко можно было увлечься разными филантропическими пожеланіями, до такой степени, что составленный проектъ вышелъ бы крайне гуманенъ, прогрессивенъ и „либераленъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ неудобоисполнимъ. Подобная кодификація военныхъ обычаевъ не привела бы ни къ чему и не имѣла бы ни малѣйшаго практическаго результата. Въ самомъ дѣлѣ, законы или обычаи войны для того, чтобъ быть исполняемы на практикѣ, во время войны, необходимо должны согласоваться съ неизбѣжными ея требованіями и интересами. Въ области международныхъ отношеній, ни въ мирномъ ихъ состояніи, ни тѣмъ менѣе въ непріязненномъ, нѣтъ международной власти, могущей слѣдить за исполненіемъ принятыхъ правилъ. Поэтому гарантіею примѣненія этихъ правилъ служитъ, съ одной стороны, фактическая возможность ихъ исполненія войсками и, съ другой, выработавшіяся въ нихъ *сознаніе* и *убѣжденіе*, что исполняя эти правила они не компрометируютъ свою собственную жизнь, но значительно ограничиваютъ безполезныя страданія и опустошенія, обыкновенно связанныя съ войною. На этомъ основаніи проектъ международной военной конвенціи, въ который были бы включены всевозможные гуманные и безспорно превосходные принципы, чрезъ примѣненіе которыхъ однако воюющее государство рисковало бы собственнымъ своимъ существованіемъ и жизненными интересами, нисколько не содѣйствовалъ бы достиженію поставленной цѣли: устранить ненужныя страданія войны. Поэтому, пока будутъ происходить войны, нельзя отказать арміямъ въ правѣ позаботиться о своей собственной безопасности и объ успѣхѣ своихъ операцій. Требовать же противнаго, напр. чтобъ воюющія войска на непріятельской территоріи не принимали никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ лицъ, ко-

торыя то удостовѣряютъ въ мирныхъ своихъ намѣреніяхъ, то изъ засады стрѣляютъ въ непріятельскія войска, значитъ не имѣть понятія о войнѣ. Мало того, филантропическія пожеланія, не имѣющія ни малѣйшаго основанія въ реальной жизни, если будутъ внесены въ международный военный уставъ, на дѣлѣ навѣрно приведутъ прямо къ совершенно противоположной цѣли, ибо войска, убѣдившись въ полнѣйшей невозможности этихъ постановленій, оставятъ безъ вниманія и всѣ остальныя. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ страданія войны нисколько не были бы ограничены, и народы продолжали бы бѣдствовать, какъ прежде, благодаря тому, что составленный международный уставъ написанъ „не для міра сего“.

Если разсматривать русскій проектъ съ этой точки зрѣнія, то, судя по отзывамъ вполнѣ компетентныхъ людей, онъ избѣгъ этой опасности. [1]) Въ немъ дѣйствительно встрѣчаются постановленія, не вполнѣ еще принятыя современною военною практикою, но которыя удовлетворяютъ совершенно законнымъ и гуманнымъ стремленіямъ, и исполненіе которыхъ не требуетъ отъ войскъ какихъ либо сверхчеловѣческихъ добродѣтелей. Къ такого рода постановленіямъ относятся: статья 8-я о неприкосновенности собственности церквей, богоугодныхъ заведеній и вообще всѣхъ сооруженій, посвященныхъ научнымъ и художественнымъ цѣлямъ; затѣмъ статьи (11 – 13), относящіяся до недозволенныхъ средствъ войны; ст. 16-я о бомбардированіи городовъ; ст. 51-я, провозглашающая неприкосновенность частной собственности и т. п.

На основаніи вышеизложеннаго мы полагаемъ, что сообщенный Россіею иностраннымъ державамъ проектъ военной конвенціи дѣйствительно могъ съ пользою служить базисомъ для обсужденія на международной конференціи вопросовъ права войны, тѣмъ болѣе, что само наше правительство впередъ объявило о своемъ согласіи принимать въ соображеніе всѣ измѣненія или улучшенія, которыя впослѣдствіи окажутся необходимыми.

---

[1]) См. напр. соч. проф. *Lueder*. Der neueste Codifications-Versuch auf dem Gebiete des Völkerrechts. Erlangen, 1874, S. 13: «Der Entwurf ist mit grosser Umsicht, mit sehr rühmenswerther Kenntniss der einschlagenden völkerrechtlichen Fragen und Verhältnisse, mit sachverständigem Urtheil und mit grosser Gewissenhaftigkeit ausgearbeitet worden und zieht eine grosse Anzahl wichtiger und namentlich solcher kriegsrechtlicher Fragen in seinen Bereich, welche im letzten grossen Kriege Anlass zur Controverse gegeben haben».

IV.

Рѣшившись принять на себя иниціативу въ вопросѣ о кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ, Россія немедленно обратилась къ другимъ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ соединиться съ нею въ дѣлѣ осуществленія великой задачи, о которой мечтали лучшіе умы прошлаго и нынѣшняго столѣтій. Соглашеніе съ иностранными державами насчетъ обязательности кодифицированныхъ въ русскомъ проектѣ военныхъ обычаевъ совершенно необходимо, для того, чтобъ выставленныя въ немъ начала получили бы примѣненіе на войнѣ. Въ основаніи обязательнаго исполненія международныхъ законовъ лежитъ принципъ взаимности (le principe de réciprocité), поэтому необходимо, чтобъ обѣ воюющія стороны признавали обязательную силу однихъ и тѣхъ же правилъ.

Но вполнѣ сознавая крайнюю необходимость принятія провозглашенныхъ Россіею началъ другими заинтересованными государствами, мы, въ то же время, полагаемъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута тройкимъ образомъ. Каждый изъ этихъ трехъ путей находится въ тѣсной связи съ остальными, и послѣдній изъ нихъ представляется, на нашихъ глазахъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ и желательнымъ, но въ то же время связаннымъ съ наибольшими препятствіями.

Во-первыхъ, Россія могла бы ограничиться тѣмъ, что торжественнымъ образомъ обнародовала бы свой уставъ военныхъ законовъ и обычаевъ, какъ обязательный для русскихъ войскъ во время войны со всѣми государствами, которыя впередъ объявляютъ о своемъ согласіи предписывать своимъ войскамъ тѣ же правила въ отношеніи русскихъ армій и подданныхъ. Въ такомъ случаѣ иностранныя державы, желающія обезпечить въ войнѣ съ Россіею за своими подданными права и преимущества, провозглашаемыя нашимъ правительствомъ, были бы вынуждены присоединиться къ сдѣланной имъ декларациі. Въ противномъ случаѣ, русскія войска могли бы предположить, что непріятель, не желающій придерживаться провозглашенныхъ правительствомъ гуманныхъ и общепризнанныхъ въ войнахъ между цивилизованными народами началъ, намѣренъ вести войну варварскую, не

ограниченную никакими соображеніями. Поведеніе нашихъ войскъ соотвѣтствовало бы, въ такомъ случаѣ, поведенію непріятельскихъ. Такъ напр. въ ст. 221 итальянскаго коммерческаго кодекса сказано: „Захватъ военными кораблями купеческихъ судовъ непріятельскаго государства отмѣняется, на основаніи взаимности, въ отношеніи державъ, принявшихъ такую же мѣру относительно итальянскаго коммерческаго флота“ [1]). Слѣдовательно Италія, провозглашая принципъ неприкосновенности частной собственности, во время войны на морѣ, обязывается примѣнять его только къ такимъ государствамъ, которыя согласны также руководствоваться этимъ гуманнымъ началомъ.

Второй путь состоитъ въ томъ, что Россія сообщила бы свой проектъ всѣмъ иностраннымъ державамъ безъ исключенія, но сначала постаралась бы только добиться формальнаго соглашенія съ тѣми державами, съ которыми оно наиболѣе вѣроятно, въ виду общности политическихъ интересовъ и военной организаціи. Предположимъ, напримѣръ, что великія военныя державы Европы совершенно согласны съ постановленіями русскаго проекта, и, благодаря прочности соединяющихъ ихъ общихъ политическихъ интересовъ во всѣхъ вопросахъ извѣстной практической важности, немедленно готовы подписать предложенную конвенцію, тогда поставленная цѣль также вполнѣ будетъ достигнута. Если же великія державы, въ войнахъ между собою, обязываются соблюдать конкретныя правила, ограничивающія ихъ дѣйствія, то понятно насколько малыя государства заинтересованы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ обезпечить свои права, въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Не присоединиться къ великимъ державамъ, согласнымъ между собою, было бы со стороны второстепенныхъ государствъ ничѣмъ инымъ, какъ наложеніемъ руки на жизненные интересы и права своихъ собственныхъ подданныхъ. Если кому будетъ непосредственно выгодно господство права во время войны, такъ это именно націямъ, политически слабымъ; для великихъ же державъ точно опредѣленные военные законы составляютъ прежде всего нѣкоторое самоограниченіе, хотя въ сущности также совершенно согласное съ ихъ разумными интересами. Неограниченный произволъ не можетъ быть, въ своихъ конечныхъ результатахъ, никому выгоденъ, и территоріи

---

[1]) См. *Vidari*. Del rispetto della proprietà privata fragli Stati in guerra. Pavia 1867, p. 219.

великихъ государствъ не застрахованы на вѣчныя времена отъ возможности непріятельскаго нашествія.

Таковъ путь, который выбрала, какъ мы выше видѣли, императрица Екатерина II для вооруженнаго нейтралитета. Большинство европейскихъ державъ приняло предложеніе Россіи и заключило съ нею отдѣльныя конвенціи, въ которыхъ провозглашаются принципы русской декларації отъ 28-го февраля 1178 г. Только Англія на-отрѣзъ отказалась исполнить предложеніе Россіи. Другимъ примѣромъ можетъ служить трактатъ 1871 г. между Италіею и Соединенными Штатами, которымъ отмѣняется захватъ непріятельской частной собственности, въ случаѣ войны между договаривающимися сторонами. Само собою разумѣется, что если другія европейскія державы приступятъ къ этому договору, то провозглашенный ими принципъ получитъ примѣненіе и въ отношеніи къ нимъ. Но помимо этого, итальянскій и американскій военные флоты будутъ конфисковать коммерческія суда съ грузомъ, принадлежащія подданнымъ непріятельскаго государства.

Наконецъ третій путь, состоящій въ приглашеніи всѣхъ державъ на международный конгрессъ для обсужденія возбужденнаго вопроса, былъ въ дѣйствительности избранъ Россіею. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ путь наиболѣе соотвѣтствуетъ духу нашего времени и ближайшій къ цѣли. Военная конвенція, подписанная на конгрессѣ представителями всѣхъ европейскихъ державъ ipso facto сдѣлалась бы международнымъ, обязательнымъ для всѣхъ участниковъ актомъ. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что это именно средство представляется сопряженнымъ съ наибольшими затрудненіями и препятствіями.

Въ этомъ можно будетъ убѣдиться изъ хода дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ открытію брюссельской конференціи и началу засѣданій ея.

Нельзя не сказать, что на первыя же заявленія, сдѣланныя Россіею о намѣреніи своемъ пригласить европейскія державы на совокупное обсужденіе и опредѣленіе военныхъ международныхъ законовъ, отвѣты поступали самые сочувственные и доброжелательные. Когда наконецъ циркуляромъ отъ 17 апрѣля было сдѣлано формальное предложеніе назначить уполномоченныхъ на конференцію, которая должна была открыться 15 (27) іюля нынѣшняго года, тогда всѣ европейскія державы немедленно изъявили на то свое согласіе. Только одна Великобританія соста-

вила исключеніе. С. Джемскій кабинетъ требовалъ предварительнаго формальнаго обязательства со стороны Россіи и другихъ европейскихъ державъ, что ни принципы морской войны, ни „общія начала международнаго права“ не будутъ предметомъ разсмотрѣнія на брюссельской конференціи. Таково содержаніе депеши лорда Дерби, отъ 4 іюня, къ лорду Лофтусу, англійскому послу въ Петербургѣ.

Россія немедленно могла удовлетворить желанію лондонскаго кабинета, потому что ни въ представленномъ ею на усмотрѣніе европейскихъ державъ проектѣ конвенціи, ни въ сдѣланныхъ ею заявленіяхъ, ни словомъ не упоминалось о морской войнѣ или объ общихъ началахъ международнаго права, которыя были бы „нововведеніями“.

Мы здѣсь не намѣрены разрѣшать вопроса, на сколько въ поведеніи Англіи выражались дружба ея къ Россіи и искреннее желаніе англійскаго правительства поддерживать постоянно близкія сношенія съ русскимъ. Но мы принуждены преклониться съ удивленіемъ предъ замѣчательною послѣдовательностью англійскаго правительства въ вопросахъ, касающихся ограниченія бѣдствій войны путемъ выясненія правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ, въ отношеніи другъ къ другу, или къ нейтральнымъ.

На основаніи исторіи международныхъ отношеній можно положительно доказать, что Англія всегда была защитницею самаго неограниченнаго произвола во время войны, и для того, чтобъ нанести вредъ своему противнику, никогда не стѣснялась въ средствахъ. Для поддержанія своего могущества и господства на морѣ, Англія не только старалась наносить смертельные удары государствамъ, могущимъ соревновать съ нею въ этой области, но даже нейтральные народы подвергались, въ теченіе вѣковъ, самымъ несправедливымъ притѣсненіямъ и насиліямъ. Противъ этого былъ направленъ вооруженный нейтралитетъ 1780 г. Затѣмъ многимъ еще памятно поведеніе англійскаго флота въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, во время восточной войны. Изъ донесенія генералъ-губернатора великаго княжества Финляндскаго, отъ 20 іюля 1855 г., видно, что англичане не только сожгли около 20 коммерческихъ кораблей, застигнутыхъ ими врасплохъ въ Ништадской гавани, но даже лодки и собственность бѣдныхъ рыбаковъ подвергались уничтоженію и раз-

грабленію [1]). Такое поведеніе англичанъ по отношенію къ мирнымъ и беззащитнымъ подданнымъ непріятельскаго государства вполнѣ объясняется, впрочемъ, неоднократно провозглашенною англійскими государственными людьми теоріею, по которой воюющій долженъ наносить всевозможный вредъ подданнымъ непріятельскаго государства, для того, чтобъ они *„заставили“* свое правительство скорѣе согласиться на предписанныя ему условія мира. Въ 1855 г. провозглашалъ эту теорію адмиралъ Дондасъ, бывшій главнокомандующимъ англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ; въ 1871 г. провозглашаетъ ее ученый и знаменитый юристъ Филлиморъ, состоящій членомъ англійскаго тайнаго совѣта.

Во второмъ изданіи своихъ „Комментарій о международномъ правѣ“ Филлиморъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Лишенія, которымъ подвергаются подданные (воюющаго государства), гоненія, на нихъ обрушивающіяся, и требованія, имъ поставляемыя, представляются какъ *естественныя исправительныя для честолюбія и страстей правителей средства*“ [2]).

Понятно, что при господствѣ въ Англіи подобныхъ воззрѣній на международную войну, всякая попытка, направленная къ ограниченію бѣдствій войны, не можетъ разсчитывать на сочувствіе, ни въ средѣ англійскаго правительства, ни въ англійской печати. Теорія Филлимора, подтверждаемая рѣшеніями англійскаго призоваго судьи Вилліяма Скотта (впослѣдствіи лорда Стоуэлля), совершенно согласна съ господствующимъ въ Англіи взглядомъ на международное ея положеніе и интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что Англіи несравненно легче наводнять своими полчищами какое-либо континентальное государство, и, распространяя повсюду ужасъ и страхъ, посредствомъ совершаемыхъ ими опустошеній и варварствъ, „заставить“ подданныхъ пойти противъ законнаго своего правительства, чѣмъ какой-либо континентальной державѣ перенести войну на англійскую территорію и примѣнить англійскую теорію къ самимъ англичанамъ. Слѣдовательно англійскій взглядъ на войну совершенно понятенъ въ виду остров-

---

[1]) См. *Soetbeer*: Sammlung officieller Actenstücke in Bezug auf Schiffahrt und Handel in Kriegszeiten. Neue Folge I, 1855 Hamburg 1855. S. 10.

[2]) *Phillimore's*. Commentaries upon the International Law, 2 ed. London, 1871, t. I, p. XXXVII: «These privations of the Subjects (of the Belligerent), the inquiries which they sharpen, and the demands which they beget, *are the natural correctives of the ambition and passion of Rulers*».

наго положенія Англіи и цѣли современной англійской политики— устранить себя отъ вмѣшательства въ дѣла европейскаго материка и жить, на сколько возможно, внѣ Европы и соединяющихъ континентальные народы интересовъ. Но мы позволимъ себѣ сомнѣваться въ возможности послѣдовательнаго примѣненія этой политики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаемъ, что могутъ настать времена, когда географическое положеніе Англіи не въ состояніи будетъ обезпечить ее отъ непріятельскаго нашествія. Правда, этотъ случай въ настоящее время трудно предвидѣть, но тогда приведенная англійская теорія можетъ оказаться весьма невыгодною въ странѣ, столь богатой и населенной.

Въ вышесказанномъ, мы старались объяснить совершенно исключительное положеніе, которое англійское правительство заняло въ отношеніи къ Россіи по поводу брюссельской конференціи. Теперь также понятно будетъ, почему англійскіе вліятельные органы печати, какъ въ особенности „Times“, отзываются объ иниціативѣ нашего правительства какъ о дѣлѣ только филантропическомъ, которому не суждено осуществиться и принести практическую пользу.

Если бы дѣйствительно окончательное рѣшеніе начатаго дѣла зависѣло отъ Англіи, то оно навѣрно осталось бы только новымъ памятникомъ русской дипломатіи, съ которымъ однако не связаны непосредственные практическіе результаты. Но къ счастію, не въ рукахъ одной Англіи возбужденный вопросъ. Еслибъ даже она и нѣкоторыя другія державы не согласились дать формальную юридическую санкцію работамъ брюссельской конференціи, то чрезъ это еще не устраняется возможность немедленнаго соглашенія Россіи съ другими европейскими державами, имѣющими не меньше политическаго значенія, чѣмъ Англія. Но въ такомъ случаѣ военная конвенція, опредѣляющая права и обязанности воюющихъ сторонъ будетъ имѣть обязательную силу только для договаривающихся державъ и только на нихъ распространится благодѣтельное ея дѣйствіе. Если же Англія, благодаря географическому своему положенію, до поры до времени сама, быть можетъ, не пострадаетъ отъ непринятія конвенціи, то легко можетъ быть, что европейскія державы, послѣдовавшія примѣру Великобританіи, слишкомъ поздно убѣдятся въ своей ошибкѣ.

Какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ, Англія и всѣ остальныя державы согласились назначить своихъ уполномоченныхъ на

конференцію въ Брюсселѣ, засѣданія которой дѣйствительно открылись 15 (27) іюля, и, вслѣдствіе несогласія бельгійскаго правительства на избраніе одного изъ его членовъ предсѣдателемъ конференціи, первый уполномоченный Россіи, баронъ Жомини, былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ.

V.

Въ первомъ же засѣданіи брюссельской конференціи, по предложенію одного изъ членовъ, было постановлено не сообщать публикѣ никакихъ свѣдѣній о ходѣ засѣданій. Это рѣшеніе, само собою разумѣется, нисколько не имѣло мотивомъ какой либо боязни разглашать пренія, происходящія въ конференціи, но только было вызвано совершенно понятнымъ желаніемъ не сдѣлать постановленій конференціи преждевременно предметомъ газетной полемики, которая вредно могла бы отозваться на ходѣ ея занятій. Сами правительства удерживали за собою право принять впослѣдствіи всѣ надлежащія мѣры для того, чтобы дать трудамъ конференціи всевозможную гласность.

Однако извѣстно, что, помимо желанія конференціи, протоколы 12 первыхъ ея засѣданій были опубликованы во французской газетѣ République française и затѣмъ перепечатаны во всѣхъ остальныхъ европейскихъ органахъ печати.

Въ настоящее время всѣ протоколы конференціи и проектъ декларація объ обычаяхъ и законахъ войны опубликованы уже официальнымъ порядкомъ. Но въ нашемъ этюдѣ о брюссельской конференціи, мы не намѣрены исчерпывать всѣ ея труды. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ только главнѣйшихъ вопросовъ, ею затронутыхъ, оставляя за собою право заняться остальными впослѣдствіи.

Для болѣе правильнаго взгляда на труды брюссельской конференціи необходимо имѣть въ виду, что въ первомъ же ея засѣданіи, первымъ русскимъ уполномоченнымъ было объявлено, что работа конференціи только предварительная и состоитъ въ улучшеніи русскаго проекта, о каждомъ постановленіи котораго представители европейскихъ державъ приглашаются высказать свои мнѣнія. Протоколы конференціи, свидѣтельствующіе объ ея трудахъ и воззрѣніяхъ различныхъ правительствъ на затро-

нутые русскимъ проектомъ вопросы, вмѣстѣ съ проектомъ новой конвенціи или декларацiи, который составленъ, препровождены каждымъ членомъ конференціи на усмотрѣніе своего правительства.

Изъ этого видно, что на брюссельской конференціи не могъ быть подписанъ какой либо окончательный актъ или конвенція. Это было предоставлено будущему времени, когда верховная власть каждаго европейскаго государства будетъ въ состояніи, послѣ зрѣлаго обсужденія всего дѣла, постановить свое рѣшеніе, и общественное мнѣніе усвоитъ себѣ сознаніе благотворнаго вліянія, необходимо вытекающаго изъ кодификаціи военныхъ международныхъ обычаевъ.

На сколько это предварительное опредѣленіе задачи конференціи было необходимо для окончательнаго успѣха дѣла, оказалось весьма скоро въ нервыхъ же засѣданіяхъ. Обсужденію конференціи подлежали въ высшей степени важные вопросы, касающіеся какъ внутренней политики государствъ, такъ и жизненныхъ международныхъ ихъ интересовъ. По этому, вопервыхъ, фактически было бы невозможно убѣдить различныя европейскія державы немедленно, послѣ мѣсячнаго изученія всѣхъ возбужденныхъ русскимъ проектомъ вопросовъ, подписать формальную конвенцію. Общественное мнѣніе Европы также не имѣло еще возможности уяснить себѣ всю гуманность задачи брюссельской конференціи. Между тѣмъ заключеніе предложенной военной конвенціи принесло бы только тогда непосредственную практическую пользу, и добросовѣстное исполненіе ея постановленій только тогда было бы обезпечено, если бы она сдѣлалась достояніемъ общественнымъ и успѣла проникнуть въ сознаніе образованныхъ европейскихъ народовъ. Слѣдовательно, нельзя не согласиться съ предложеніемъ, сдѣланнымъ нашимъ правительствомъ, при самомъ началѣ засѣданій конференціи, оставить нѣкоторый промежутокъ времени между предварительнымъ изученіемъ возбужденныхъ вопросовъ и окончательнымъ ихъ опредѣленіемъ посредствомъ формальной конвенціи.

Послѣ опредѣленія своего предмета и компетенціи, конференція приступила къ выясненію порядка своихъ занятій. По единогласному постановленію было рѣшено избрать изъ состава конференціи спеціальную коммисію, въ которой каждая держава имѣла бы только по одному представителю, и преимущественно военнаго. Задача этой коммисіи состояла въ изученіи русскаго

проекта и составленіи новаго, который затѣмъ былъ представленъ на разсмотрѣніе общаго собранія. Само собою разумѣется, что всѣ безъ исключенія члены конференціи имѣли право присутствовать въ засѣданіяхъ коммисіи, но право голоса имѣли только члены коммиссіи.

Изъ этого видно, что главная работа выпала на долю этой коммиссіи; протоколы первыхъ ея засѣданій подверглись самымъ несправедливымъ и безсмысленнымъ нападкамъ, благодаря неточности извлеченій изъ нихъ, напечатанныхъ въ вышеупомянутой французской газетѣ.

Въ засѣданіи отъ 30 го іюля, коммиссія рѣшила приступить прежде всего къ обсужденію тѣхъ статей русскаго проекта, которыя меньше всего возбуждаютъ сомнѣнія. Такъ она приняла почти безъ всякихъ значительныхъ измѣненій статьи русскаго проекта о недозволенныхъ средствахъ войны, о шпіонахъ, раненыхъ и больныхъ, бомбардированіи и военноплѣнныхъ.

Всѣ постановленія коммиссіи по этимъ вопросамъ заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія и дѣйствительно согласны съ истинными потребностями и интересами цивилизованныхъ народовъ. Если еще въ XVIII вѣкѣ дозволены были противъ непріятеля всѣ безъ исключенія средства, если воюющія стороны приписывали себѣ неограниченное право надъ жизнью и собственностью подданныхъ непріятельскаго государства, то напротивъ, брюссельская конференція, въ первый разъ, провозгласила, какъ международный законъ, что всякіе снаряды и орудія войны, которые причиняютъ совершенно излишнія страданія, безусловно воспрещаются. Тутъ было впервые провозглашено всѣми представителями европейскихъ государствъ, что раззореніе или захватъ непріятельской собственности вообще не дозволяется, за исключеніемъ только случаевъ крайней и неизбѣжной военной необходимости. Слѣдовательно, не оправдываемое никакою необходимостью раззореніе непріятелемъ путей сообщенія, домовъ или какихъ либо сооруженій, объявлено было, согласно новѣйшему правосознанію цивилизованныхъ народовъ, непростительнымъ варварствомъ и нарушеніемъ права.

Что касается бомбардированія, то, какъ показываетъ опытъ всѣхъ войнъ, оно является необходимымъ средствомъ войны, но на брюссельской конференціи была сдѣлана первая попытка ограничить бѣдствія изъ него вытекающія и поставить извѣстныя границы примѣненію его. На этомъ основаніи было по-

становлено, что открытые города, не сопротивляющіеся съ оружіемъ въ рукахъ непріятелю, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть бомбардируемы. Въ случаѣ же бомбардированія крѣпостей или укрѣпленныхъ городовъ, осаждающій обязанъ принимать всѣ мѣры, чтобъ предупредить объ этомъ городскія власти. Наконецъ, осаждающій обязанъ также принимать всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобъ пощадить всѣ зданія и сооруженія, посвященныя религіознымъ, научнымъ, художественнымъ и богоугоднымъ предметамъ. Для лучшаго достиженія этой цѣли на жителей осаждаемаго города возложена обязанность сообщить непріятелю о томъ внѣшнемъ знакѣ, которымъ они обозначутъ выше упомянутыя зданія. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ одного знатока международнаго права, что еслибъ это предписаніе существовало во время послѣдней войны, то вѣроятно драгоцѣнная страсбургская библіотека и музей были бы спасены. отъ гибели. [1]) Наконецъ постановленія относительно военноплѣнныхъ, принятыя брюссельскою конференціею, вполнѣ стоятъ на уровнѣ современной науки международнаго права и удовлетворяютъ чувствамъ справедливости цивилизованныхъ народовъ.

Если въ средніе вѣка военноплѣнные обращались въ рабовъ или въ собственность лица ихъ захватившаго, если еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ военноплѣнными обращались весьма жестоко, то напротивъ теперь всѣми народами сознается, что военноплѣнные не уголовные преступники, но защитники своего отечества, и потому заслуживаютъ полнаго уваженія и сочувствія. За воюющею стороною должно быть признано право принимать всѣ мѣры, чтобъ военноплѣнные не имѣли возможности вновь принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но, съ другой стороны, на ней лежитъ также обязанность человѣчно обходиться съ ними и содержать такъ, какъ подобаетъ каждому военноплѣнному, по его чину или званію.

Этотъ взглядъ проведенъ былъ чрезъ весь проектъ устава о военноплѣнныхъ, выработанный парижскимъ „Обществомъ для улучшенія участи военноплѣнныхъ“, и онъ же проглядываетъ во всѣхъ постановленіяхъ брюссельской конференціи относительно разсматриваемаго вопроса. Что касается содержанія военноплѣнныхъ, то конференція выставила принципъ, справедливость и гуманность котораго бросается въ глаза: она опредѣлила, что

[1]) См. Augsburger Allg. Zeitung. 1874, № 265.

въ случаѣ отсутствія спеціяльнаго соглашенія между воюющими сторонами военноплѣнные, по отношенію къ ихъ пищѣ и одеждѣ, будутъ совершенно приравнены къ войскамъ государства, въ плѣну у которыхъ они находятся.

Это постановленіе очевидно исходило изъ того убѣжденія, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ войска содержатся болѣе или менѣе одинаково и продовольствіе получаютъ отъ казны натурою или деньгами. Но мы позволимъ себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе относительно государства, въ отношеніи котораго вышеозначенный принципъ могъ бы оказаться слишкомъ невыгоднымъ для военноплѣнныхъ, у него находящихся.

Извѣстно, что статьею 7 парижскаго трактата 1856 г. Оттоманская имперія торжественно принята въ „concert européen“, т. е. въ число цивилизованныхъ государствъ, признающихъ обязательную силу европейскаго международнаго права. На этомъ основаніи Турція также имѣла на брюссельской конференціи своихъ представителей, къ личнымъ достоинствамъ которыхъ нельзя относиться иначе какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія. Но предположимъ случай, что Порта также присоединится впослѣдствіи къ проектированной въ Брюсселѣ декларації, то участь военноплѣнныхъ въ Турціи можетъ быть не особенно завидною. Финансовые недуги турецкаго правительства общеизвѣстны, и если оно весьма часто, въ мирное время, не въ состояніи выплачивать своимъ войскамъ и чиновникамъ жалованье, то тѣмъ менѣе во время войны. Приравнивать же матерьяльное содержаніе военноплѣнныхъ къ содержанію турецкихъ войскъ значитъ оставлять первыхъ безъ продовольствія и денегъ, т. е., подвергать ихъ той-же участи, какую претерпѣваютъ послѣднія. Если же турецкое правительство будетъ больше заботиться объ военноплѣнныхъ, чѣмъ о своихъ собственныхъ подданныхъ, то этимъ оно можетъ вызвать опасное раздраженіе въ своихъ войскахъ, а отъ этого могутъ пострадать и сами военноплѣнные.

Этотъ частный случай только вновь подтверждаетъ ту слишкомъ извѣстную истину, что фактически и юридически невозможно примѣнять одни и тѣ же начала къ совершенно разнороднымъ реальнымъ отношеніямъ; правила, имѣющія смыслъ и основаніе въ отношеніи европейскихъ цивилизованныхъ государствъ, рѣдко примѣнимы къ необразованнымъ народамъ [1]).

[1]) См. наше сочиненіе: «О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ». С.-Пет. 1873, стр. 44 и слѣд.

Выяснивъ эти вопросы права войны, коммиссія обратилась вслѣдъ затѣмъ къ обсужденію тѣхъ главъ русскаго проекта, которыя возбуждали гораздо болѣе сомнѣнія и разногласія между членами конференціи. Прежде всего она остановилась на обсужденіи I главы проекта, въ которой опредѣляются права воюющихъ сторонъ относительно занятой ими непріятельской территоріи и народонаселенія. Однако необходимо замѣтить, что статьи этой главы не были подвергнуты разсмотрѣнію въ первоначальной редакціи проекта; русскими уполномоченными была выработана новая редакція первыхъ восьми статей, какъ основаніе для взаимнаго обмѣна мыслей между членами коммиссіи. Благодаря этой новой редакціи, согласной въ существѣ съ первоначальною, удалось достигнуть соглашенія по вопросамъ, въ которыхъ интересы европейскихъ государствъ далеко не одинаковы и на которые взгляды весьма различны.

Дѣйствительно, между тѣмъ какъ представители Франціи, Германіи, Австріи, Россіи и Италіи почти постоянно высказывали совершенно одинаковый взглядъ на эти вопросы, мнѣнія уполномоченныхъ малыхъ державъ показали на сколько ихъ точка зрѣнія на права оккупаціонной арміи расходится съ воззрѣніями великихъ государствъ, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ исторіи и науку. На основаніи современнаго международнаго права не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что непріятель, занявшій часть территоріи своего противника, подчиняетъ ее своей власти. Устранивъ фактически государственную законную власть, завоеватель ставитъ на ея мѣсто свой авторитетъ и имѣетъ право требовать отъ народонаселенія подчиненія и повиновенія. Утверждать, что занятая непріятелемъ территорія, все-таки продолжаетъ фактически подчиняться законной власти, значитъ доказывать, что въ одной и той-же части территоріи господствуютъ двѣ власти или два правительства, другъ отъ друга независимыя. Теперь представимъ себѣ положеніе народонаселенія занятой непріятелемъ области, если оно въ одно и то же время обязано исполнять предписанія законнаго, но устраненнаго правительства, и требованія непріятеля, который одинъ имѣетъ фактическую власть и возможность *заставить* исполнять свои приказанія. Очевидно, что положеніе народонаселенія будетъ чрезъ это невыносимо: оно подвергается, съ одной стороны, всѣмъ суровостямъ господства военныхъ законовъ и власти непріятеля, а съ другой, — обвиненію въ государственной измѣнѣ за исполне-

ніе приказаній, неповиновеніе которымъ влечетъ за собою военный судъ и слишкомъ часто смертную казнь.

Такое мнѣніе о непрерывности законной правительственной власти, вопреки самой осязательной очевидности, приводитъ въ послѣдовательномъ своемъ развитіи къ тому, что все населеніе занятой территоріи, начиная съ женщинъ и кончая дряхлыми стариками, должно неустанно сопротивляться всѣмъ безъ исключенія требованіямъ непріятельской военной власти. Если напр., непріятельскія войска желаютъ занять квартиры въ занятой ими области, то каждый домовладѣлецъ съ оружіемъ въ рукахъ обязанъ этому сопротивляться; если они за наличныя даже деньги желаютъ купить какіе-либо предметы необходимости, то никто изъ народонаселенія не имѣетъ права продавать имъ что-либо. Надо подумать о положеніи, въ какое бываетъ поставлена страна войною, чтобъ убѣдиться къ какимъ ужасамъ привела бы на практикѣ эта теорія, отзывающаяся на первый взглядъ возвышеннымъ патріотизмомъ. Примѣненіе этой теоріи возвратило бы насъ ко временамъ древнихъ римлянъ, гунновъ и вандаловъ, когда дѣйствительно все населеніе на непріятельской территоріи подлежало неограниченному произволу завоевателя, когда женщины, дѣти и мужчины были убиваемы или продаваемы въ рабство. Между тѣмъ одно изъ самыхъ существенныхъ и непреходящихъ завоеваній, сдѣланныхъ правомъ и культурою надъ проявленіями физической силы во время международной войны, состоитъ именно въ различіи постоянно проводимомъ между вооруженными защитниками отечества или войсками, и безоружными и мирными жителями на территоріяхъ воюющихъ государствъ. Только вооруженныя и организованныя силы государствъ являются собственно воюющими сторонами, и только противъ нихъ должны быть направлены военныя дѣйствія. Если же примѣнить къ современнымъ войскамъ вышеприведенную теорію, то непріятельскія войска были бы вынуждены силою брать все необходимое, и видѣть въ каждомъ индивидумѣ на непріятельской территоріи личнаго врага, жизнь и собственность котораго въ ихъ рукахъ. Въ такомъ случаѣ остается только одобрять захватъ и разграбленіе частной собственности, убійство мирныхъ жителей, преступленія противъ чести женщинъ и т. д.

Но кромѣ того разсматриваемый вопросъ имѣетъ еще другую сторону. На основаніи современнаго международнаго права, власть завоевателя только временная, пока занятая имъ территорія не

будетъ имъ возвращена или же присоединена къ его владѣніямъ, на основаніи мирнаго договора. Въ виду этого временнаго характера оккупаціонной военной власти, за непріятелемъ не признается право существенно измѣнять государственныя учрежденія, законы и вообще весь государственный порядокъ, существующіе въ занятой территоріи. Напротивъ, на завоевателя возложена обязанность сохранять существующій юридическій порядокъ и не препятствовать дѣйствію установленныхъ въ занятой странѣ правительственныхъ органовъ и учрежденій, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобъ они постоянно дѣйствовали подъ контролемъ военной непріятельской власти и не противодѣйствовали бы ея распоряженіямъ и интересамъ.

Если же слѣдовать теоріи, по которой законное правительство, даже во время непріятельскаго нашествія, продолжаетъ управлять страною безпрепятственно, то оказалось бы въ дѣйствительности, что, съ одной стороны, органы законнаго правительства фактически не въ состояніи исполнять возложенныя на нихъ обязанности, съ другой же, населеніе вынуждено всѣми средствами сопротивляться всѣмъ распоряженіямъ установленныхъ непріятелемъ полицейскихъ и судебныхъ властей. Слѣдовательно, въ занятой непріятелемъ странѣ, существующія общественныя и правительственныя учрежденія должны бы были прекратить свою дѣятельность, — хотя они въ тяжкое время военныхъ дѣйствій наилучше могутъ смягчить бѣдствія и страданія народонаселенія — и, въ тоже время, власть и авторитетъ непріятеля также, повидимому, не могли бы осуществиться. Словомъ сказать, можно думать, что данная страна или область возвратилась бы къ такъ-называемому „естественному состоянію“, восхищавшему Ж. Ж. Руссо, и свободному отъ всякихъ властей; однако во время войны воюющій навѣрно не потерпитъ сомнѣнія относительно дѣйствительности и компетентности его власти на занятой имъ территоріи! Впрочемъ на сколько теорія Жана Жака представляется измышленіемъ праздняго ума, на столько же разбираемое нами мнѣніе лишено всякой реальной основы и совершенно произвольно. Осуществленіе этого мнѣнія на дѣлѣ не только не принесло бы никакой пользы общему отечеству, но навѣрно стоило бы неизчислимыхъ и несоразмѣрныхъ жертвъ на занятыхъ непріятелемъ окраинахъ, между тѣмъ какъ остальныя части государства мирно продолжали бы пользоваться защитою установленныхъ властей, судовъ и законовъ.

На сколько дѣйствительно сама занимаемая непріятелемъ страна заинтересована, чтобъ должностныя лица не покинули ее, но оставались бы на своихъ мѣстахъ, видно изъ исторіи въ особенности новѣйшихъ войнъ. Непріятель, не находя никакихъ должностныхъ лицъ, къ которымъ онъ могъ бы обратиться съ своими требованіями, беретъ все нужное отъ тѣхъ частныхъ лицъ, которыя по своему общественному положенію особенно выдаются изъ мѣстнаго населенія и пользуются матерьяльнымъ благосостояніемъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе закрытія присутственныхъ мѣстъ, устраняется возможность равномѣрнаго распредѣленія тягостей на все населеніе, и вся гроза обрушивается только на немногихъ.

Вотъ почему мы совершенно согласны и находимъ безусловно справедливымъ замѣчаніе, сдѣланное однимъ изъ числа наиболѣе компетентныхъ современныхъ военныхъ писателей о послѣдней франко-германской войнѣ.

„Благодаря тому обстоятельству“, говоритъ бельгійскій полковникъ Вандевельде, „что повсюду французскіе административные чиновники получали приказаніе оставлять свои должности, пруссаки, не встрѣчая нигдѣ должностныхъ лицъ, были въ большомъ затрудненіи при наложеніи контрибуцій и, въ особенности, при взиманіи ихъ. Подобное мѣропріятіе безъ сомнѣнія увеличиваетъ затрудненія наступающей непріятельской арміи, но зато также подвергаетъ страну самымъ жестокимъ лишеніямъ. Въ виду того, что тягости войны падаютъ исключительно на мѣстности, чрезъ которыя проходятъ войска, соразмѣрное распредѣленіе ихъ оказывается невозможнымъ, и потому эти мѣстности совершенно истощаются и раззоряются. Мало того, чѣмъ болѣе терпитъ завоеватель, тѣмъ больше онъ свирѣпствуетъ въ занятой имъ области [1]).

Удаленіе мѣстныхъ должностныхъ лицъ и закрытіе мѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ г. Вандевельде находитъ столь же безразсуднымъ, какъ безцѣльное раззореніе и истребленіе мостовъ, желѣзныхъ дорогъ и тому подобныхъ сооруженій съ цѣлью воспрепятствованія непріятельскому нашествію. Знаменитый бельгійскій военный писатель доказываетъ, на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ, что подобное раззореніе обыкновенно не пріостанавливало непрія-

[1]) *Vandevelde.* Un Chapitre de Stratégie à l'usage du militaire et de l'homme d'Etat. Bruxelles, 1872, p. 114.

теля, но впослѣдствіи оказывалось въ высшей степени пагубнымъ для разрушителя самаго.

На основаніи всего сказаннаго мы продолжаемъ думать, что, если власть непріятеля фактически существуетъ въ занятой имъ области и онъ въ состояніи осуществлять ее во всякое время, то авторитетъ законнаго правительства на время устраненъ и народонаселеніе вынуждено подчиняться предписаніямъ непріятельской арміи, насколько они не становятся въ разрѣзъ съ обязанностями его въ отношеніи къ отечеству. Съ этой точки зрѣнія, намъ кажутся не лишенными основанія слова извѣстнаго американскаго генерала Галлека, что народонаселеніе занятой территоріи находится въ положеніи военноплѣнныхъ, отпущенныхъ на честное слово. [1])

Въ самомъ дѣлѣ, народонаселеніе занятыхъ областей также должно оставаться на свободѣ и установленныя власти и учрежденія его должны быть упраздняемы, но оно не должно принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и должно подчиняться власти завоевателя.

Однако, если фактическая власть завоевателя неотразима, то теперь возникаетъ вопросъ: въ какихъ границахъ она можетъ осуществляться и при какихъ условіяхъ требованія ея будутъ имѣть обязательную силу для населенія?

Если обратимся къ обнародованнымъ протоколамъ, то не трудно замѣтить, что на брюссельской конференціи выступили два совершенно противуположныя воззрѣнія, около которыхъ группировались представители европейскихъ державъ. Съ одной стороны, были Бельгія, Голландія, Данія, Испанія, Португалія и Швейцарія, желавшія всѣми средствами ограничить право и власть оккупаціонной арміи до самой крайней степени. Государства эти не видятъ возможности когда либо занять своими войсками чужія земли, но скорѣе сами опасаются непріятельскаго нападенія, и поэтому, совершенно естественно и законно было стремленіе ихъ представителей воздвигнуть всевозможныя преграды власти завоевателя. Но стремленіе это перестало бы быть естественнымъ и понятнымъ, еслибъ оно выставляло такія требованія, которыя совершенно неосуществимы и немыслимы въ военное время, или

---

[1]) *Halleck.* International Law. San-Francisco. 1863, ch. XXXII, p. 793. Срав. *Rolin-Jaequemyns.* Essai sur la guerre franco-allemande, p. 312 (Revue de droit international, № II, 1871).

еслибъ при этомъ были предположены такія цѣли, достиженіе которыхъ возможно только при устраненіи всякой войны между народами и которыя потому мечтательны. Пока-же война является послѣднимъ, хотя и чрезвычайно печальнымъ, средствомъ для разрѣшенія международныхъ распрей, требованія несовмѣстимыя съ самою сущностью и необходимостью войны, очевидно, непонятны и удовлетворены быть не могутъ. Война имѣетъ свои негуманныя потребности, которыя мы не въ состояніи отмѣнить ни государственнымъ закономъ, ни международнымъ договоромъ.

Вотъ почему, съ точки зрѣнія международнаго права и дѣйствительной жизни, намъ кажется воззрѣніе второй группы государствъ, къ которымъ можно отнести: Австрію, Германію, Францію, Россію и Италію, болѣе основательнымъ. Представители этихъ державъ согласились впрочемъ сдѣлать такъ много уступокъ интересамъ малыхъ державъ, на сколько это вообще возможно въ виду неотразимыхъ потребностей войны. Черезъ эти уступки однако точнѣе опредѣлились права оккупаціонной арміи, чѣмъ это было въ первоначальномъ проектѣ.

Дѣйствительно, принятыя брюссельскою конференціею статьи о правахъ оккупаціонной арміи предоставляютъ мирному народонаселенію на занятой территоріи такія гарантіи и права, относительно которыхъ только немногіе представители науки международнаго права признавали возможнымъ заявить свои pia desiderіa. На основаніи редакціи принятыхъ статей, на завоевателя возлагается *обязанность* охранять общественный порядокъ въ странѣ и не измѣнять существующихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, насколько дѣйствіе ихъ вообще совмѣстимо съ фактомъ непріятельскаго занятія. Далѣе, должностныя лица, которыя по приглашенію непріятеля, добровольно соглашаются продолжать исполненіе своихъ обязанностей, имѣютъ право оставаться на своихъ мѣстахъ, и только въ случаѣ нарушенія принятыхъ на себя обязанностей они могутъ подвергаться дисциплинарному взысканію. Законы и порядки въ занятой странѣ продолжаютъ существовать и дѣйствовать, за исключеніемъ случаевъ, когда это несовмѣстимо съ военнымъ положеніемъ. Если затѣмъ далѣе за завоевателемъ признается право, которымъ онъ всегда пользовался, взимать подати и пошлины, собираемыя законнымъ правительствомъ, то конференція опредѣлила, что онъ обязанъ однако руководствоваться въ этомъ отношеніи правилами и порядками, установленными въ занятой странѣ. Наконецъ имущества, при-

надлежащія обществамъ или посвященныя благотворительнымъ, религіознымъ и научнымъ цѣлямъ, признаются настолько же неприкосновенными какъ частная собственность вообще. Согласно съ этимъ публичные памятники, художественныя произведенія, равно какъ и гражданскіе акты состоянія (Actes de l'état civil), не только не подлежатъ захвату, но уничтоженіе или поврежденіе ихъ должно быть преслѣдуемо военными властями.

По нашему глубокому убѣжденію, эти постановленія до такой степени согласны съ основными началами права войны и такъ точно опредѣляютъ компетентность оккупаціонной власти, что намъ остается только искренно пожелать, чтобъ они скорѣе получили окончательную обязательную силу.

Наконецъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о чрезвычайно интересномъ засѣданіи коммиссіи 14-го августа, протоколъ котораго также уже давно былъ извѣстенъ, хотя въ извлеченіи. Въ этомъ засѣданіи обсуждался крайне важный вопросъ: кто долженъ считаться воюющею стороною и соблюденіе какихъ условій должно требовать отъ населенія, возставшаго противъ непріятеля, чтобъ оно было признано воюющею стороною?

Наука современнаго международнаго права, въ лицѣ наиболѣе замѣчательныхъ своихъ представителей, и военная практика вообще сходятся тутъ въ своихъ требованіяхъ. Та и другая провозглашали неоднократно, что современная война есть отношеніе государства къ государству, а не отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу, входящихъ, какъ подданные, въ составъ воюющихъ государствъ. На основаніи этого принципа только противъ вооруженныхъ силъ или войскъ воюющихъ сторонъ должны быть направлены военныя дѣйствія; мирные же подданные государствъ, не являющіеся вооруженными защитниками своего отечества должны быть признаны неприкосновенными. Въ 1800 г. выразилъ это начало знаменитый французскій юристъ Портализъ въ словахъ, что „частныя лица въ воюющихъ государствахъ не могутъ быть непріятелями, ни какъ люди, ни даже какъ граждане, но единственно только какъ воины.“ [1])

Выраженное въ этихъ словахъ начало представляется однимъ изъ самыхъ существенныхъ отличій современнаго права войны

---

[1]) *Ercole Vidari.* Del rispetto della proprietà privata fra gli Stati in guerra. Pavia 1867, p. 19. Срав. также наше сочиненіе: «О правѣ частной собственности во время войны» Спб. 1869, стр. 97 и слѣд.

отъ военныхъ обычаевъ, господствовавшихъ еще въ прошломъ и даже въ настоящемъ столѣтіи. Въ прошломъ столѣтіи, напр. во время семилѣтней войны, мирные подданные на непріятельской территоріи совершенно были предоставлены неограниченному произволу войскъ. Но если это дѣйствительно должно служить обезпеченіемъ неприкосновенности жизни, чести и собственности мирнаго населенія, то очевидно необходимо, чтобъ это населеніе дѣйствительно было мирно и безоружно, и чтобъ, слѣдовательно, существовало различіе между войсками и имъ.

Если мы имѣемъ право требовать отъ непріятельскаго войска, чтобъ оно уважало неприкосновенность жизни мирныхъ жителей на территоріи другой воюющей державы, то, съ другой стороны, мы должны быть послѣдовательны и требовать, чтобъ они, наоборотъ, выказывались въ отношеніи него какъ дѣйствительно мирные люди. Если же солдатъ, уважающій жизнь и неприкосновенность мирнаго подданнаго на непріятельской территоріи, ночью, во время сна, подвергается со стороны его нападенію, то въ такомъ случаѣ нападающій и все мирное населеніе, подражающее подобнымъ поступкамъ, сами лишаютъ себя права неприкосновенности. Тогда война должна принять характеръ bellum omnium contra omnes.

Вотъ почему во время войны для подданныхъ воюющихъ государствъ должно существовать только одно изъ двухъ положеній: или они причислены въ составъ вооруженныхъ организованныхъ силъ государства и тогда должны пользоваться всѣми правами воюющей стороны, или же они представляются на первый взглядъ мирными жителями, и тогда совершонное ими непріязненное дѣйствіе наказывается непріятелемъ какъ измѣна и вѣроломство. Другого исхода или выбора быть не можетъ. На этомъ основаніи, въ виду истинныхъ интересовъ человѣколюбія и интересовъ самаго воюющаго государства, нельзя не желать, чтобъ оно въ мирное время организовало бы свои вооруженныя силы такимъ образомъ, чтобъ можно было провести рѣзкую грань между населеніемъ, оставшимся при своихъ мирныхъ занятіяхъ, и войсками, выступающими на поле сраженія.

Мы дѣйствительно вполнѣ убѣждены, что только организованная на правильныхъ основаніяхъ защита можетъ оказать какую-либо существенную пользу странѣ. Чѣмъ лучше будетъ устроена военная сила даннаго государства, тѣмъ труднѣе будетъ вступить на его территорію; если же непріятелю удалось всетаки за-

нять часть ея, то и тогда положеніе его будетъ гораздо опаснѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда противникъ его вынужденъ во время войны импровизировать цѣлыя арміи. Мало того, неорганизованная защита государства, когда каждое лицо можетъ выступить въ роли защитника отечества, гораздо больше приноситъ вреда, нежели пользы въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Общественная безопасность страны должна мало-по-малу исчезнуть, благодаря тому, что подъ маскою защитниковъ отечества весьма часто кроются отъявленные преступники или разнаго рода искатели приключеній. При такихъ условіяхъ населеніе занятой территоріи, которое дѣйствительно осталось мирнымъ, находится въ самомъ безвыходномъ положеніи: непріятельскія войска, въ виду постоянныхъ нападеній, которымъ они подвергаются, перестаютъ уважать мирный характеръ населенія, убиваютъ направо и на-лѣво и все раззоряютъ; самозванные же защитники отечества объявляютъ каждаго, не исполняющаго безусловно ихъ требованія и не представляющаго имъ всего, чего они желаютъ, измѣнникомъ и предателемъ, лишившимся права на жизнь.

Стоитъ только обратиться къ новѣйшему опыту именно къ послѣдней франко-прусской войнѣ, чтобъ убѣдиться, на сколько правды въ вышеизложенномъ.

Далека отъ насъ мысль уменьшать заслуги турской делегаціи правительства національной обороны и усилія, сдѣланныя Гамбеттою для организаціи противодѣйствія германскимъ побѣдоноснымъ войскамъ. Но справедливость требуетъ сказать, что на основаніи всѣхъ новѣйшихъ данныхъ, попытки турской делегаціи принесли Франціи больше вреда, чѣмъ пользы. Исторія послѣдней войны, послѣ седанскаго погрома, разъ навсегда доказала, что собранные на скорую руку новобранцы, изъ которыхъ составлялись французскія арміи, ничего не въ состояніи сдѣлать противъ правильно обученныхъ и надлежаще приготовленныхъ войскъ. Что же касается вольныхъ стрѣлковъ (franc-tireurs), то мы также позволяемъ себѣ сомнѣваться въ дѣйствительной пользѣ, которую они принесли Франціи. Не трудно было бы доказать, что отъ вольныхъ стрѣлковъ весьма часто терпѣли насилія и поборы сами французскіе же подданные, и новѣйшая французская судебная хроника приводитъ случаи неслыханныхъ преступленій этихъ „защитниковъ отечества“.

Не менѣе убѣдительныя доказательства въ пользу защищаемаго нами положенія представляетъ крайне любопытная исторія фран-

цузскихъ волонтеровъ 1791 и послѣдующихъ годовъ. Французскій военный историографъ Камиллъ Руссе приводитъ множество примѣровъ тому, что эти защитники отечества и французской республики были самымъ ужаснымъ бичемъ для населенія тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ они стояли на постоѣ. Въ сраженіи они первые обращались въ неудержимое бѣгство, а на родинѣ они убивали своихъ согражданъ и похищали ихъ собственность [1]).

Наконецъ исторія Франціи сверхъ того показала, что поголовное возстаніе во время войны и безконтрольная раздача оружія всѣмъ заявляющимъ о желаніи сражаться за свое отечество, можетъ привести къ чрезвычайно опаснымъ внутреннимъ смутамъ. Укажемъ только на всѣмъ памятную исторію парижской коммуны 1871 г. Гораздо легче раздать оружіе, чѣмъ отобрать его.

На этомъ основаніи мы совершенно согласны съ нижеслѣдующими словами англійскаго ученаго Арнольда, который говоритъ: „Несомнѣнная обязанность каждаго правительства состоитъ не только въ томъ, чтобъ оно не ободряло совершенно неорганизованной войны со стороны народонаселенія, но оно должно строго воспретить ее и противупоставить непріятелю только свои регулярныя войска, или людей правильно организованныхъ и дѣйствующихъ подъ начальствомъ офицеровъ, назначенныхъ высшею властью и соблюдающихъ правила человѣколюбія, которыя обязательны въ правильной войнѣ. То же, что называютъ патріотическими возстаніями или неорганизованными возстаніями всего населенія (другими словами, *народною войною*) для борьбы съ наступающею непріятельскою арміею, должно быть всегда осуждаемо, все равно кѣмъ или противъ кого это средство употребляется, потому что средство это, представляя весьма ограниченные и сомнительные шансы успѣха, приводитъ всегда къ жестокостямъ и оказывается самымъ крайнимъ увеличеніемъ бѣдствій войны“ [2]).

Такимъ образомъ защита и оборона отечества, для того, чтобъ принести при настоящихъ условіяхъ военныхъ дѣйствій какую-либо пользу, непремѣнно должна быть организована въ военномъ

---

[1]) У насъ подъ рукою нѣмецкій переводъ этого замѣчательнаго труда, изд. подъ заглавіемъ: «Die Freiwilligen von 1791 — 1794». Berlin 1875. Срав. стр. 16, 26, 29, 32, 63, 78, 128, 154 и др.

[2]) *Arnold.* Lectures on Modern History, p. 160. Срав. *Rolin-Jacquemyns.* Etude sur la guerre franco-allemande, p. 310 (Revue № II, 1871).

отношеніи. Воюющій необходимо долженъ знать, имѣетъ ли онъ дѣло съ признаннымъ защитникомъ отечества или съ самозванцемъ и разбойникомъ. Если же въ какой либо странѣ, исторія которой представляетъ непрерывную цѣпь смутъ и междоусобій, поголовное возстаніе или оборона не могутъ быть организованы правильнымъ образомъ, то война должна принять характеръ взаимнаго истребленія и уничтоженія. Въ такомъ случаѣ, нельзя ожидать отъ непріятеля, чтобъ онъ далъ пощаду кому бы то ни было, и тогда уже не можетъ быть рѣчи о соблюденіи какихъ-либо военныхъ законовъ и обычаевъ. Вообще мы не понимаемъ, какимъ образомъ можно требовать отъ врага, чтобъ онъ умѣрилъ проявленіе своей силы и соблюдалъ какія-либо правила, если мы сами ничѣмъ не ограничиваемъ своихъ дѣйствій противъ него и никакихъ законовъ не соблюдаемъ. Всѣ международныя отношенія цивилизованныхъ націй (какъ и всякія гражданскія отношенія) основываются на принципѣ взаимности; если одна сторона ведетъ войну съ неорганизованными силами, то другая вынуждена видѣть въ каждомъ, безъ исключенія, подданномъ противной стороны, своего врага и уничтожить его.

И такъ оборона или защита отечества должна быть организована военнымъ образомъ; въ такомъ случаѣ война будетъ ведена правильно и на сколько возможно будетъ гуманна; защитники же отечества получаютъ всѣ права воюющей стороны и въ случаѣ взятія ихъ въ плѣнъ, имѣютъ преимущества военноплѣнныхъ. Наоборотъ, если все народонаселеніе воюющаго государства поднимается и, не будучи организовано, не подчиняясь начальству отвѣтственныхъ лицъ, ведетъ войну неправильную, въ такомъ случаѣ непріятель имѣетъ право не щадить никого, и взятые въ плѣнъ наказываются имъ, какъ уголовные преступники.

Но если правильная военная организація необходима для пользованія правами воюющей стороны, то спрашивается: какимъ условіямъ должны удовлетворять воюющія силы, чтобъ имѣть право считаться организованными и правильно ведущими войну?

Брюссельская конференція должна была разрѣшить этотъ чрезвычайно трудный вопросъ, отъ котораго зависятъ во время войны жизнь и благоденствіе тысячъ людей. По нашему мнѣнію, конференція дѣйствительно успѣла разрѣшить его согласно интересамъ всѣхъ народовъ и требованіямъ человѣколюбія.

Конференція выставила слѣдующія четыре условія для пользованія правами воюющей стороны. Воюющія силы должны:

1) подчиняться отвѣтственному начальству;

2) имѣть какой-либо знакъ, видимый на разстояніи;

3) открыто носить оружіе, и

4) соблюдать въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ законы и обычаи войны.

Разсматривая эти условія, мы увидимъ, что они вполнѣ гарантируютъ энергическую оборону, устраняя, въ то же время, возможность обращенія войны въ взаимное безпощадное истребленіе и разбой.

Первое условіе представляется, безъ сомнѣнія, наиболѣе важнымъ, ибо въ немъ выражено главное требованіе всякой военной организаціи. Необходимо только, чтобы было въ главѣ воюющихъ какое-либо лицо, предписанія котораго исполняются и которое носитъ отвѣтственность за дѣйствія своихъ подчиненныхъ.

Что же касается самой организаціи воюющихъ, то она можетъ быть весьма разнообразна, смотря по обстоятельствамъ, условіямъ и нравамъ страны. Изъ перваго принятаго конференціею условія нисколько не слѣдуетъ, что защитники отечества непремѣнно должны быть распредѣлены по полкамъ, батальонамъ или эскадронамъ. Напротивъ, если напр. городской голова какого либо города или сельскій староста соберутъ народъ для защиты отечества, распредѣлютъ его подъ начальствомъ извѣстныхъ отвѣтственныхъ лицъ, то подобное ополченіе вполнѣ удовлетворяетъ первому условію и должно быть признано правильно организованною воюющею силою, если соблюдены имъ три остальныя условія.

Насколько это постановленіе брюссельской конференціи гуманно и обезпечиваетъ народную оборону, это особенно рельефно видно изъ опыта послѣдней войны. Напримѣръ, въ приказѣ по второй арміи отъ 31 августа 1871 г. прусскій генералъ Вердеръ объявилъ, что каждое лицо, которое *не входитъ ни въ составъ регулярной французской арміи, ни подвижной національной гвардіи,* но поймано будетъ съ оружіемъ въ рукахъ, подлежитъ разстрѣлянію или повѣшанію, какъ измѣнникъ, все равно носитъ ли онъ названіе франкъ-тирера (вольнаго стрѣлка) или другое какое либо [1]).

---

[1]) *Rolin-Jacquemyns,* Etude, p. 312. (Revue, № II, 1871).

Какая огромная разница между постановленіемъ брюссельской конференціи и этимъ требованіемъ прусскаго начальства!

Второе условіе вполнѣ подтверждаетъ наше объясненіе перваго условія. На основаніи его не требуется какой-либо мундиръ или извѣстнаго покроя одежда, но только какой либо внѣшній замѣтный знакъ, чтобъ непріятель могъ отличить вооруженнаго врага отъ мирнаго и беззащитнаго населенія. Само собою разумѣется, что это внѣшнее отличіе не только должно быть видно на извѣстномъ разстояніи, но кромѣ того нельзя не требовать, чтобъ оно не было такого свойства, что каждую минуту можно было бы его снять и съ тѣмъ вмѣстѣ претендовать на качество мирнаго и безоружнаго подданнаго непріятельскаго государства. Военный характеръ долженъ быть постоянно и неразрывно связанъ съ личностью защитника отечества, пока она является таковою. Это требованіе находитъ себѣ подтвержденіе и дополняется третьимъ условіемъ, по которому отъ воюющихъ требуется, чтобъ они открыто носили оружіе. Населеніе, которое то претендуетъ на свой мирный характеръ и требуетъ неприкосновенности, то берется за оружіе имъ скрываемое, не можетъ имѣть правъ воюющей стороны. Честь и нравственный долгъ каждаго защитника отечества требуютъ, чтобъ онъ открыто и лицомъ къ лицу отражалъ непріятеля, а не скрывалъ исполненія патріотическаго своего долга подъ маскою мирнаго и беззащитнаго жителя.

Наконецъ, что касается четвертаго и послѣдняго условія, то оно до такой степени разумно и понятно, что едва ли нуждается въ комментаріяхъ. Если кто либо изъ воюющихъ не соблюдаетъ обязательныхъ для него законовъ и обычаевъ войны, то нельзя требовать соблюденія ихъ отъ противной стороны. Иначе война была бы ничѣмъ инымъ какъ неограниченнымъ никакими правилами или требованіями человѣколюбія взаимнымъ истребленіемъ, бойнею народовъ.

Но это условіе неопровержимо доказываетъ, на сколько каждое европейское правительство обязано принимать цѣлесообразныя мѣры, чтобъ ознакомить не только регулярныя войска, но всѣхъ вообще своихъ подданныхъ, съ правилами, которыми они должны руководствоваться во время войны. Только подъ этимъ условіемъ война, въ особенности если она не ограничивается борьбою регулярныхъ войскъ, можетъ быть поставлена въ извѣстные предѣлы, и бѣдствія не будутъ превышать мѣру необходимаго и неизбѣжнаго.

Наконецъ всѣ исчисленныя условія не могутъ не убѣдить европейскія государства организовать на случай войны свою оборону на основаніяхъ правильныхъ и цѣлесообразныхъ. Не трудно кажется будетъ правительствамъ удовлетворить выставленнымъ конференціею условіямъ, и если народная оборона въ мирное время будетъ устроена съ уваженіемъ къ нравамъ и экономическому строю народа, то мы убѣждены, что жизнь тысячъ людей и милліоны рублей будутъ спасены въ случаѣ возникновенія этого несчастія.

Таковы постановленія брюссельской конференціи, обсужденіемъ которыхъ мы пока ограничимся. Теперь по обнародованіи всѣхъ протоколовъ засѣданій коммиссіи и общаго собранія конференціи, общественное мнѣніе имѣетъ полную возможность убѣдиться, въ какой степени конференція исполнила свою задачу: ограничить бѣдствія войны на сколько это допускаетъ неотложная необходимость войны.

Въ настоящей статьѣ, мы сдѣлали попытку выяснить задачу брюссельской конференціи и соображенія, которыми, какъ намъ кажется, была вызвана иниціатива нашего правительства. Гуманной и возвышенной мысли, которою руководствовалась Россія, другія европейскія державы не могли не отдать полной справедливости. Трудность рѣшенія задачи и невозможность немедленнаго заключенія формальнаго договора между всѣми государствами были въ виду съ самаго начала. Общественное мнѣніе, въ нѣкоторыхъ государствахъ, не въ состояніи было уяснить себѣ неизмѣримую пользу точнаго опредѣленія законовъ и обычаевъ войны, и потому, ради интереса самого дѣла было нужно узнать воззрѣнія и желанія различныхъ народовъ, чтобъ вслѣдъ затѣмъ приступить къ окончательному его разрѣшенію. Такова была задача брюссельской конференціи, и она рѣшила ее вполнѣ удовлетворительно. Послѣ обнародованія ея протоколовъ и составленной деклараціи о военныхъ обычаяхъ и законахъ, общественное мнѣніе Европы имѣетъ возможность высказаться и заявить свои желанія.

Какъ бы ни сложились дальнѣйшія отношенія иностранныхъ державъ къ поднятому Россіею вопросу, правдивость ея политики не можетъ подвергнуться ни малѣйшему колебанію, ни сомнѣнію. Высказавъ твердое свое намѣреніе выяснить обязательные на войнѣ законы и обычаи и пригласивъ всѣ европейскія націи

неустанно преслѣдовать эту цѣль, Россія дѣйствовала въ духѣ вѣковыхъ преданій своей политики. Во всякомъ случаѣ, мы останемся непоколебимы въ нашемъ задушевномъ убѣжденіи, что брюссельская конференція займетъ почетное мѣсто на страницахъ какъ нашей отечественной исторіи, такъ и международныхъ отношеній и права вообще.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. ГРИГОРЬЕВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ М. П. Погодину).

Было время когда Русь православная глядѣла совершенною татарщиной. Татарщиной проникнуто и пропитано было въ ней все, кромѣ религіи. Проникнуто и пропитано въ такой же степени, если не болѣе, какъ теперь западнымъ европеизмомъ. И какъ западный европеизмъ, полтора столѣтія уже господствующій въ достаточнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ классахъ русскаго населенія, чувствуется тѣмъ слабѣе, чѣмъ приниженнѣе и бѣднѣе среда до которой доходитъ его вліяніе, подобно тому и татарщиною заражены были, въ свое время, преимущественно верхи и вѣтви русскаго народа, всего-же менѣе — стволъ его и корни. И не по внѣшности только, по одеждѣ, по пріемамъ, по обстановкѣ быта, походили на татаръ русскіе князья и бояре, русскіе служилые и торговые люди: все, и чувства, и понятія, и стремленія ихъ въ области практической жизни, все это сильнѣйшимъ образомъ отзывалось татарщиной. Восприняли въ себя эту татарщину предки наши въ продолженіе двухсотвѣковаго,

невольнаго сначала, но потомъ обратившагося въ привычку, подлаживанья подъ тонъ, нравы и порядки, царившіе въ Сараѣ на Волгѣ, который, въ этотъ періодъ, игралъ по отношенію къ намъ ту же роль какая выпала впослѣдствіи на долю Парижа. Но татарщиною продолжала глядѣть Русь и по паденіи Золотой-Орды, въ продолженіе всего московскаго періода, вплоть до самаго Петра-Великаго. Вполнѣ татарскими, во весь періодъ этотъ, продолжали оставаться въ особенности государственныя идеи и политическіе пріемы царей и сановниковъ русскихъ, такъ-что, безъ знакомства съ истою татарщиною, невозможно понять и оцѣнить правильно многихъ явленій въ отечественной исторіи XV—XVII вѣковъ.

Благодаря тому, что освоились предки наши до такой степени съ татарщиною, удалось имъ и освободиться отъ татарскаго ига: узнали они слабыя стороны ордынскаго могущества, и успѣли обратить въ свою пользу что было дѣйствительно умнаго въ ордынской правительственной мудрости. Вслѣдствіе полнѣйшаго знакомства своего съ татарщиною, умѣли государи московскіе вести и дѣла свои по отношенію къ ней такъ искусно, какъ вели они ихъ по распаденіи Золотой-Орды. Цари и совѣтники ихъ знали въ то время чего хотѣли, къ чему должно было имъ стремиться, что было возможно, что не было въ ихъ силахъ, и какими средствами и способами возможное могло быть наилучше приведено въ исполненіе. Искуснѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ политическимъ пріемомъ того времени было съ ихъ стороны привлеченіе на службу къ себѣ тѣхъ изъ знатныхъ ордынцевъ которые по чему либо не уживались на родинѣ. Въ этихъ выходцахъ, являвшихся въ сопровожденіи болѣе или менѣе значительнаго числа приверженцевъ, пріобрѣтали великіе князья и цари московскіе: во-первыхъ — хорошую военную силу, которую обращали противъ враговъ своихъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ Россіи; во-вторыхъ — надежную опору противу собственнаго, своекорыстнаго и расположеннаго къ непокорности, родовитаго боярства. Большою и опасною государственною ошибкою было-бы оставленіе такихъ выходцевъ въ ихъ мусульманской религіи; при значительности и вліятельности этихъ иновѣрныхъ инородцевъ, могъ-бы образоваться изъ нихъ со-временемъ элементъ крайне вредный для государства по отчужденности своей отъ православія, составлявшаго и составляющаго жизненную основу русской національности. Къ счастію, ошибка эта была избѣгнута,

не какъ предусмотрѣнная своевременно, а какъ невозможная при тогдашнихъ религіозныхъ понятіяхъ всего русскаго общества, и тогдашнихъ условіяхъ его жизни. Если не въ первомъ, какъ обыкновенно, такъ во второмъ поколѣніи ордынскіе и всякіе другіе выходцы на Русь обращаемы были въ православіе, и пріобщаясь такимъ образомъ къ плоти и крови русскаго народа, усиливали, а не ослабляли создававшееся государство. Но какъ не всякаго нужнаго и годнаго ордынца можно было сдѣлать сейчасъ же христіаниномъ, и неизбѣжная перспектива охристіяниться на Руси могла бы служить препятствіемъ къ переселенію въ нее такихъ ордынцевъ, навсегда или временно, найденъ былъ умный способъ помочь и этому горю — сочинено было въ предѣлахъ Россіи особое ханство, гдѣ нужные выходцы ордынскіе могли оставаться мусульманами, безъ вреда отъ того для вѣрной и усердной службы ихъ нашимъ государственнымъ интересамъ — ханство, или, какъ звалось оно, царство касимовское, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ успѣшно отправлявшее эту, возложенную на него, функцію.

Хотя въ періодъ существованія Золотой-Орды предѣлы Средней-Азіи, конечно, не только доходили до Волги, но вдвигались и еще западнѣе вглубь Европы, все-же, по нынѣшней географической номенклатурѣ, политику русскихъ властителей въ отношеніи къ татарскимъ владѣніямъ, возникшимъ въ Заволжьѣ на развалинахъ Золотой-Орды, нельзя называть, въ строгомъ смыслѣ „средне-азіятскою“. Собственно съ Среднею-Азіею пришли мы въ соприкосновеніе, и получили возможность относиться къ народамъ ея такъ или иначе, лишь по присоединеніи къ Россіи „царствъ“ казанскаго и астраханскаго. Если, по уничтоженіи этихъ отпрысковъ Золотой-Орды прошло не мало времени прежде чѣмъ стала проникать Русь въ степи Средней-Азіи, нельзя сказать чтобы причиною тому была неумѣлость московской политики. Прежде чѣмъ забираться такъ далеко на Востокъ, царямъ московскимъ предстояло достигнуть гораздо важнѣйшихъ цѣлей на западныхъ и южныхъ окраинахъ Руси, надо было пережить много смутъ въ самомъ сердцѣ ея, оказывалось нужнѣйшимъ, во всякомъ случаѣ, прочно закрѣпить за собою новоприобрѣтенное Заволжье, обративъ его изъ земли чудской и татарской въ землю русскую. Какъ превосходно съумѣли они совершить такое трудное преобразованіе, доказывается блистательно ролью казанскаго края въ пору самаго смутнаго для Россіи времени, черезъ какіе-нибудь шестдесятъ лѣтъ по пріобрѣтеніи сѣверо-восточнаго Завол-

жья. Именно потому и не двигались мы въ Среднюю-Азію въ теченіе XVII вѣка, что знакомы были тогда съ нею гораздо ближе чѣмъ въ послѣдовавшемъ столѣтіи, что намъ былъ основательно извѣстенъ характеръ степей ея и ихъ кочеваго населенія. Неопровержимыя свидѣтельства этому знакомству представляютъ какъ „Книга Большому Чертежу“, такъ и знаменитое твореніе голландца Витсена, который всѣ свѣдѣнія свои о средней и сѣверной Азіи, изумившія Европу въ концѣ XVII столѣтія, добылъ и могъ добыть только въ Россіи.

При невозможности и невыгодности простирать завоевательные виды на Среднюю-Азію въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Россія въ теченіе XVII вѣка, государямъ московскимъ оставалось по отношенію къ этой части Азіи: 1) поддерживать, въ сношеніяхъ съ владѣльцами ея, ту славу о русской силѣ и русскомъ величіи, какую покореніемъ Казани и Астрахани пріобрѣли мы въ самыхъ далекихъ краяхъ мусульманскаго Востока; 2) воздерживать, по возможности, ближайшихъ кочевниковъ отъ грабительскихъ вторженій въ наши поселенія; и 3) заботиться объ огражденіи торговыхъ интересовъ своихъ подданныхъ, не забывая и другаго интереса того времени, бывшаго намъ общимъ со всею остальною Европою — выручки изъ рукъ мусульманъ попадавшихъ, разными судьбами, въ рабство къ нимъ православныхъ христіанъ.

„Хочешь чтобы уважали тебя другіе, умѣй прежде самъ себя уважать“. Этою аксіомою цари московскіе и чиновники ихъ проникнуты были до мозга костей, почему честь и достоинство Россіи оберегали, въ отношеніи къ иностранцамъ, съ заботливостію, которая, въ послѣдующія времена, была, къ сожалѣнію, забыта. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ заботливость эта составляла характеристическую черту нашей дипломаціи. Извѣстно что когда, еще при Василіѣ Ивановичѣ, прибыло въ Москву посольство отъ султана Бабура, только-что основавшаго могущественнѣйшее и богатѣйшее государство въ Индіи и Афганистанѣ, — вѣсть объ этомъ не успѣла еще дойти до насъ, — то государь, принявъ посла его милостиво, и соизволивъ на свободную между обоюдными подданными торговлю, чего желалъ Бабуръ, *о братствѣ къ нему не приказывалъ*, какъ замѣчаетъ лѣтопись, ибо не зналъ навѣрное что̀ такое онъ Бабуръ: *самодержецъ или только урядникъ индѣйскаго царства.* Ногайцы, окаймлявшіе улусами своими всю восточную границу Россіи отъ Каспійскаго Моря вплоть

до Сибири, были, въ XVI вѣкѣ, сосѣдами весьма для насъ опасными; тѣмъ не менѣе главѣ ихъ, Исмаилу, хотя велъ онъ себя притомъ какъ добрый нашъ союзникъ и дорожили мы его дружбою, не позволялъ Грозный писаться въ грамотахъ (какъ хотѣлось того Исмаилу по старому обычаю) ни *отцомъ*, ни *братомъ* ему, считая то и другое унизительнымъ для достоинства самодержца земли Русской. Въ 1589 году, когда знаменитый Абдуллахъ, ханъ бухарскій, прислалъ къ царю Ѳедору Ивановичу посла съ грамотою, грамота эта, какъ написанная безъ титула царскаго, не была принята, а отвѣчалъ Абдуллаху, по указу царя, бояринъ Годуновъ, сказывая что всѣ государи пишутъ къ его царскому величеству съ должнымъ уваженіемъ, а къ нему боярину съ ласкою и любовію; вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ онъ хана, что если царь не *положилъ опалы* на его, Абдуллахова, посла, то лишь по ходатайству его, Годунова, и другихъ бояръ, и предлагалъ хану загладить нанесенное оскорбленіе, обѣщая ему *предстательство* свое дабы взаимныя сношенія съ царемъ не прекратились. Мы знаемъ, какъ мало еще успѣла оправиться Россія отъ неурядицъ „смутнаго времени“ къ 1620-му году; между тѣмъ юный Михаилъ Ѳедоровичъ, отправляя въ этомъ году посломъ въ Бухару дворянина Хохлова, строго наказывалъ ему не давать „пошлинъ“ (подарковъ), если будутъ требовать ихъ для допущенія его къ хану, и, если за обѣденнымъ столомъ у хана будутъ послы отъ другихъ державъ (могъ случиться между ними и посолъ изъ Персіи, или отъ индѣйскихъ Бабуридовъ, или отъ османскихъ султановъ), требовать, чтобы ему, русскому послу, дано было мѣсто выше другихъ, въ противномъ же случаѣ не обѣдать. Первый русскій посолъ въ Китай, боярскій сынъ Байковъ, отправленный туда въ 1654 году, не былъ принятъ императоромъ, какъ извѣстно, потому, что не согласился подвергнуться унизительнымъ пріемнымъ обрядамъ, которые однакоже считались обязательными для всѣхъ иноземныхъ пословъ, откуда-бы они ни являлись. Въ свою очередь, принимая у себя посольства отъ среднеазіятскихъ владѣльцевъ, мы въ переговорахъ съ посланцами оттуда строго сообразовались съ относительнымъ политическимъ значеніемъ ихъ государей, и назначали для пріема такихъ посольствъ вообще чиновниковъ нисшихъ степеней. Для поддержанія или внушенія высокаго о себѣ мнѣнія за границею, считалось непредосудительнымъ и прихвастнуть. Такъ, напримѣръ, въ наказѣ Новосильцову, отправленному, въ 1585

году, отъ царя Ѳедора Ивановича посломъ къ императору Рудольфу, предписывалось, касательно азіятскихъ отношеній нашихъ, сказывать, что „которые государи живутъ межъ государя нашего царства, царства астраханскаго, и межъ кызылбашскою землею, царь бухарской, и турхестанской царь, и казацкой царь, и юргенской царь, и грузинской, и изюрской, и калмыцкой, и шамахейской, и шевкальской, и тѣ всѣ нынѣ съ кызылбашскимъ и межъ себя мирны *съ докладу и совѣту государя нашего;* и во всякихъ большихъ дѣлахъ, съ кѣмъ кому дружба ли или недружба станется, пишутъ о томъ и *докладываютъ* государя нашего; а о чемъ къ нимъ государь нашъ отпишетъ или *прикажетъ,* и они въ томъ передъ государемъ нашимъ *во всемъ послушны бываютъ,* и пословъ частыхъ къ государю нашему присылаютъ съ великими поминки и почестливостью". Черезъ четыре года послѣ того, послу императора германскаго къ московскому двору объявлялось уже не менѣе того, что „бухарской Абдула царь, и юргенской царь, и изюрскій царевичь, *всѣ въ государя нашего волѣ*". Очень можетъ быть, что, въ свою очередь, и знаменитый Абдуллахъ, грозный и могущественный властитель странъ по теченію Сыра и Аму (котораго звали у насъ „бухарскій Абдула царь") тоже сказывалъ посламъ „великаго-могола", что „царь московскій во всемъ ему докладывается и состоитъ въ полной его, Абдуллаха, волѣ". Впрочемъ, всѣ извѣстные намъ случаи хвастовства, на которое указываемъ, относятся исключительно къ царствованію Ѳедора Ивановича, почему, пожалуй, и слѣдуетъ считать это хвастовство не обычною принадлежностію нашей дипломаціи XVII вѣка, а послѣдствіемъ того вліянія на дѣла управленія, какимъ пользовался при Ѳедорѣ — Годуновъ, татаринъ по происхожденію, слѣдовательно дипломатъ въ татарскомъ духѣ по преимуществу.

Что касается до второй задачи — удерживать сооѣднихъ кочевниковъ отъ набѣговъ на русскія селенія — то въ XVI и XVII столѣтіяхъ знали у насъ очень хорошо, что эта задача неосуществимая для центральнаго правительства, почему оно и не мѣшалось въ это дѣло, предоставляя его пограничнымъ воеводамъ. Единственнымъ, сколько извѣстно, исключеніемъ изъ этого правила было проведеніе, для защиты поселеній на лѣвомъ берегу Камы отъ набѣговъ башкирцевъ, киргизовъ и калмыковъ, ряда валовъ засѣкъ и укрѣпленій, отъ пригорода Бѣлаго-Яра на Волгѣ до рѣки Ика за Мензелинскомъ, ряда, получившаго на-

званіе „Закамской-Линіи“. Что же касается до воеводъ, то они, при удобныхъ случаяхъ, дѣйствуя силами самихъ же ограбленныхъ, отплачивали кочевникамъ за причиненныя ими опустошенія не меньшимъ разореніемъ ихъ собственныхъ ауловъ. Такое положеніе вещей естественно вызывало къ существованію казачины, и казачина развилась какъ на сибирской границѣ, такъ по Тереку и по Яику. Служа оплотомъ отъ хищничества кочевниковъ, казачина, въ то же время, дѣйствовала и наступательно, не только противу нихъ, но иногда и противу осѣдлыхъ владѣній Средней-Азіи, какъ свидѣтельствуется это смѣлыми попытками яицкихъ казаковъ овладѣть Хивою. Благодаря казакамъ, русское имя продолжало оставаться грознымъ въ Средней-Азіи, помимо какихъ-либо мѣръ къ тому со стороны центральнаго правительства, и оно, дорожа услугами ихъ и заслугами, имѣло благоразуміе смотрѣть сквозь пальцы на то, что полезное орудіе это не всегда было орудіемъ послушнымъ и покорнымъ.

Естественныя произведенія Россіи, требовавшіяся Азіею, искони привлекали въ нее торговцевъ этой-послѣдней. Когда пали Казань и Астрахань, черезъ которые шла торговля Россіи съ Востокомъ, явились къ Грозному послы изъ Самарканда, Бухары и другихъ мѣстъ, прося „дороги гостемъ“. Торговыя сношенія съ Среднею-Азіею были выгодны для Россіи, и потому „дорога гостемъ“ была открыта охотно. Но у насъ понимали въ то время, что еще выгоднѣе было бы если-бы азіатскими товарами намъ нужными могли мы запасаться закупая ихъ на мѣстахъ производства посредствомъ своихъ, русскихъ, торговцевъ. Потому царй московскіе оказывали всевозможное покровительство тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые рѣшались проникнуть на среднеазіятскіе рынки черезъ отдѣлявшія ихъ отъ насъ негостепріимныя степи, наполненныя хищниками. Стремленіе обезпечить русскому купечеству, забиравшемуся въ Среднюю-Азію, тѣ-же права и удобства какими пользовались среднеазіятскіе торговцы въ Россіи, и было главнѣйшею причиною вызывавшею, въ XVII столѣтіи, посольства къ среднеазіятскимъ владѣльцамъ съ нашей стороны. Требованіе отпуска находившихся тамъ въ неволѣ русскихъ плѣнниковъ присоединялось къ тому лишь въ видахъ человѣколюбія, и плѣнники, какіе возвращались на Русь съ нашими послами, были получаемы ими не даромъ, а выкупаемы за деньги. Другою цѣлію посольствъ было пріобрѣтеніе вѣрныхъ свѣдѣній о политическомъ положеніи тѣхъ странъ, куда они отправлялись,

такъ-какъ на достовѣрность извѣстій объ этомъ предметѣ, получавшихся черезъ торговцевъ оттуда, не всегда можно было полагаться.

Если не двигались впередъ дѣла наши за Волгою, обильное вознагражденіе тому находило государственное самолюбіе наше въ постоянномъ успѣхѣ съ какимъ распространялось владычество русское надъ бродячими и пастушескими инородцами Сибири. Не далѣе какъ въ 1640-хъ годахъ стали мы укрѣпляться уже на Амурѣ. Движеніе это привело насъ въ соприкосновеніе съ кочевниками Срединей-Азіи съ другой стороны, уже не съ запада, а съ сѣвера, и здѣсь, повидимому, встрѣчала насъ бо́льшая удача: одинъ за другимъ разные мелкіе роды тюркскаго и монгольскаго племени вступали добровольно въ наше подданство; въ 1636 году поддался Россіи уже и значительный владѣлецъ урянхайскій Алтынъ-ханъ. Но, какъ, первый изъ европейскихъ писателей, замѣтилъ покойный китаистъ нашъ, отецъ Іакинѳъ Бичуринъ, „подданство считаютъ кочевые торгомъ совѣстію, въ которомъ предполагаютъ выиграть по крайней мѣрѣ 400 на 100; по сему, когда находятъ благопріятный къ тому случай, то еще соперничаютъ въ готовности изъявлять подданическое усердіе; но если бываютъ обмануты въ надеждѣ (выиграть 400 на 100), то ухищряются мстить набѣгами, хищничествомъ и убійствомъ“. Поэтому и сказали мы что удача наша въ пріобрѣтеніи покорности кочевниковъ на южныхъ предѣлахъ западной Сибири была лишь видимая: въ сущности всѣ изъявленія подданства съ ихъ стороны были обманомъ, которымъ надѣялись они тянуть отъ насъ подарки и извлекать другія выгоды. Это понимали очень хорошо и въ Москвѣ, ибо еще въ 1623 году предписано было не пропускать туда калмыцкихъ и урянхайскихъ посольствъ; но придворное тщеславіе, услаждавшееся явкою такихъ посольствъ съ мнимою покорностію, брало свое, и комедія приведенія кочевниковъ къ присягѣ на подданство, несмотря на полное сознаніе что это не болѣе какъ комедія, продолжала пользоваться постояннымъ успѣхомъ на дипломатической сценѣ нашей, какъ въ продолженіе XVII вѣка, такъ и до послѣдняго времени.

Несмотря на быстрый политическій ростъ Русскаго государства, съ Крымскою ордою не могли мы справиться не только въ XVII-мъ, но до самаго конца XVIII вѣка. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Но едва-ли многіе знаютъ, что въ XVII столѣтіи Россія подвергалась опасности новаго нашествія монголовъ, новой

съ ними борьбы. Дѣло въ томъ, что прежде сильный, а потомъ ослабленный, союзъ джунгарскихъ монголовъ, извѣстныхъ у западныхъ ихъ сосѣдей подъ именемъ калмыковъ, у себя-же дома носившій имя Ойратъ, сталъ, съ начала XVII столѣтія, снова приходитъ въ силу, и между владѣльцами джунгарскими едва-ли не родилась мысль возстановить древнее царство Чингиса въ прежнемъ его объемѣ и величіи. По крайней мѣрѣ видимъ, что тогда какъ глава сильнѣйшаго между калмыками рода Чжоросъ, знаменитый Баторъ-Хунтайцзи стремится сплотить ойратство единствомъ составленнаго имъ уложенія, глава другаго рода, Хошотовъ, Гуши-ханъ, уходитъ, съ частію своихъ подданныхъ, на юго-востокъ, къ Хухунору, и основываетъ тамъ независимое владѣніе, а затѣмъ пріобрѣтаетъ верховную власть и надъ Тибетомъ; глава-же рода Торготъ, Хо-Урлукъ, двигаясь съ Иртыша къ вершинамъ Тобола и Эмбы, оттѣсняетъ киргизъ-казаковъ къ югу, покоряетъ затѣмъ считавшихся подданными нашими ногаевъ, покоряетъ туркменовъ на Мангышлакѣ, и наконецъ, около 1736 года, переходитъ черезъ Яикъ, обходитъ Астрахань, и располагается съ ордою своею по обоимъ берегамъ волжскаго низовья, какъ завоеватель, нисколько не испрашивая согласія русскаго правительства на такое водвореніе въ русскихъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, монголы, въ самый короткій промежутокъ времени, снова сдѣлались повелителями странъ отъ Сибири до Индіи и отъ Китая до Кавказа. Орда Хо-Урлукова простиралась до 50,000 кибитокъ, и могла выставить въ поле до 30,000 хорошо вооруженныхъ всадниковъ, а за нею тянулись, въ томъ же направленіи къ Волгѣ, толпы другихъ калмыковъ. Монголы Батыевы вторглись въ Россію можетъ быть не въ бо̀льшомъ числѣ ратниковъ, и если положеніе Россіи въ это время было не таково какъ въ XIII вѣкѣ — въ ней царило самодержавное единовластіе — все-же представлялось оно крайне затруднительнымъ; раны смутнаго времени далеко не были еще залѣчены, народонаселеніе истощено и въ физическомъ, и въ экономическомъ отношеніи, казна государственная пуста, преданность казаковъ не надежна, боевая стойкость стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей сомнительна, миръ со Швеціею и Польшею хотя и заключенъ, но нагрянь бѣда на Русь съ востока, и шведы, и поляки обрушились бы на нее снова. Помогло намъ то, что въ калмыкахъ и ихъ предводителяхъ не было ни духа, ни дисциплины чингисовыхъ ратей; почему они удовольствовались сдѣланными пріоб-

рѣтеніями, и, засѣвъ на Волгѣ, ограничивались грабежами въ окрестностяхъ и набѣгами на Астрахань, въ битвѣ съ защитниками которой и погибъ Хо-Урлукъ, по одному сказанію, въ 1643 году. Выжить калмыковъ изъ занятыхъ ими пространствъ не представлялось средствъ; оставалось потому признать совершившійся фактъ, и лишь стараться прикрыть неприглядность его для чести нашей, обращеніемъ незванныхъ гостей, хотя-бы по имени только, въ подданныхъ, что, при податливости кочевниковъ на эту продѣлку, и было достигнуто. Въ 1655 году, послы Шукуръ-Дайчина, сына и преемника Хо-Урлукова, клялись уже царю Алексѣю Михайловичу въ вѣрности калмыцкаго народа на вѣчное Россіи подданство. Какъ мало дѣйствительнаго значенія имѣло это подданство, видно изъ того, что Шукуръ-Дайчинъ и его преемникъ нѣсколько разъ послѣ того входили въ новые съ русскимъ правительствомъ договоры, не платили ему ни копѣйки, а напротивъ съ него брали дань въ видѣ постояннаго „жалованья“, продолжали считать себя по-прежнему членами ойратскаго союза, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Джунгаріею, Тибетомъ и даже Китаемъ, вступали въ управленіе народомъ безъ царскаго на то утвержденія, принимали къ себѣ новыхъ выселенцевъ изъ Джунгаріи или отпускали туда обратно цѣлыя тысячи народа безъ вѣдома и согласія Москвы, а въ 1712 году, ханъ Аюка, уже съ вѣдома и согласія нашего правительства, принималъ у себя посла къ нему отъ китайскаго императора, когда ни одного еще китайскаго посольства не удостоились видѣть въ столицѣ своей сами цари русскіе. Словомъ, живя въ русскихъ предѣлахъ, калмыцкіе ханы держали себя не какъ подданные, а какъ союзники Россіи, и дѣйствительно подданными нашими сдѣлались калмыки, наравнѣ съ другими инородцами въ предѣлахъ имперіи, лишь съ 1780-хъ годовъ, одновременно съ присоединеніемъ къ ней крымскаго ханства.

Подъ конецъ московскаго періода пришли мы и въ соприкосновеніе съ Китаемъ. Привели насъ въ это соприкосновеніе успѣшныя дѣйствія казаковъ сибирскихъ на Амурѣ, безпокоившія китайское правительство. Завести торговлю съ Китаемъ черезъ Монголію хотѣлось намъ, впрочемъ, давно уже. Для установленія правильныхъ торговыхъ сношеній съ этимъ великимъ государствомъ и отправлено было Алексѣемъ Михайловичемъ, въ 1654 году, первое отъ насъ посольство въ Пекинъ. За этимъ посольствомъ послѣдовали и другія, не болѣе удачныя. Успѣхи наши на Амурѣ

кончились, какъ извѣстно, тѣмъ, что мы, безо всякой въ томъ надобности, уступили Китаю, по нерчинскому трактату 1689 года, никогда не принадлежавшее имъ лѣвое побережье Амура, и такимъ образомъ болѣе чѣмъ на полтора вѣка закрыли для себя удобнѣйшій для насъ путь къ Восточному-Океану. И добро-бы къ такой убыточной уступкѣ вынудило насъ, при крайней слабости оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ нашихъ въ Сибири, опасеніе придти въ вооруженное столкновеніе съ манчжурами, которые только-что покорили Китай, и, управляемые умнѣйшимъ политикомъ своего времени, императоромъ Канси, находились еще въ полномъ разгарѣ воинственности, — хотя и этого рода опасеніе было бы не совсѣмъ основательнымъ, въ виду тѣхъ огромныхъ, относительно, усилій какихъ стоило манчжурамъ покореніе ничтожнаго Албазинскаго острога; а то причиною заключенія нерчинскаго договора приходится считать торопливость завести немедленно торговлю съ Китаемъ, точно безъ этой торговли мы существовать не могли, и не была она для китайцевъ болѣе выгодна и желательна, чѣмъ для насъ самихъ. Вопросъ: почему вообще неудачно велись дѣла наши съ китайцами, любятъ объяснять у насъ вмѣшательствомъ іезуитовъ. Гораздо проще разрѣшается онъ общею аксіомою, что знаніе сильнѣе невѣжества, а у насъ, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, никогда не знали слабыхъ сторонъ Китая, и не умѣли оцѣнить тѣхъ выгодныхъ обстоятельствъ, въ какихъ не разъ находились мы по отношенію къ этой державѣ вслѣдствіе положенія ея дѣлъ въ Монголіи и Джунгаріи, а потому не въ состояніи были и воспользоваться этими обстоятельствами. Смышленые китайцы видѣли съ кѣмъ имѣютъ дѣло, ломались и настаивали на своемъ.

Презирать свой народъ можетъ лишь тотъ, кто въ самомъ себѣ не сознаетъ никакихъ достоинствъ. Если Петру-Великому дѣйствительно удалось совершить много великаго, то это потому что вѣрилъ онъ въ русскій народъ, что мѣрилъ силы его по мощи собственнаго своего духа. Мощь эту проявилъ нашъ преобразователь и въ замыслахъ относительно Средней-Азіи. Къ завоеванямъ въ ней онъ не стремился; манили его другія идеи: 1) проложить русскому купечеству черезъ степи ея дорогу къ сокровищамъ Индіи, которыми, зналъ онъ, обогащались, проникавшіе туда морями, пріятели его голландцы и другіе западноевропей-

скіе народы; и 2) привлечь въ Россію то золото, которое, какъ доходили до него слухи, промывалось громадами на рѣкѣ при городѣ Иркети, среднеазіятскомъ Эльдорадо, странѣ о которой сказывали что лежитъ она во владѣніяхъ калмыцкаго контайши, гдѣ-то на югъ отъ Сибири и къ востоку за Бухарою. Несмотря на такую неопредѣленность свѣдѣній о мѣстоположеніи Иркети и дороги изъ Бухаріи въ Индію, Петръ не задумался надъ возможностію проложить путь туда для своихъ подданныхъ *вооруженною рукою, не завоевывая однако при этомъ странъ черезъ которыя шелъ предполагавшійся путь.* Это была геніальнѣйшая комбинація, которой до сихъ поръ не отдана должная справедливость біографами великаго императора, потому что не въ состояніи были оцѣнить ее по достоинству сами біографы, незнакомые съ исторіею Востока. Осуществимость этой комбинаціи основывалась на глубокомъ пониманіи тогдашняго политическаго положенія странъ Средней-Азіи, какимъ, должно сказать къ сожалѣнію, Петръ обладалъ первый и послѣдній изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка. Черезъ посольства изъ Хивы, являвшіяся въ Москву, еще въ самомъ началѣ того вѣка (въ 1700 и 1703), съ предложеніями отъ хановъ ея о подданствѣ, и изъ другихъ источниковъ, извѣстно было Петру что хивинскіе и бухарскіе ханы такъ мало были дѣйствительными владыками своихъ подданныхъ, такъ „бѣдствовали“ отъ нихъ, по мѣткому выраженію самого Петра, что для подчиненія ихъ себѣ приняли-бы охотно всякую помощь извнѣ. На основаніи этихъ данныхъ и рѣшился онъ послать въ Хиву и Бухару военный отрядъ значительной силы (до 5000 человѣкъ); часть этого отряда предводитель его долженъ былъ оставить при хивинскомъ и бухарскомъ ханахъ, въ видѣ гвардіи, которая-бы обеспечивала имъ покорность ихъ подданныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, личную зависимость ихъ отъ Россіи, а затѣмъ озаботиться развѣдкою пути до Индіи и Иркети, и отправкою туда русскаго торговаго каравана. Затѣя эта, по тогдашнему положенію дѣлъ въ Средней-Азіи, нисколько не была рискованною, и могла-бы увѣнчаться полною удачею, не испорти государь всего дѣла возложеніемъ его на князя Бековича-Черкасскаго. Петру тогда, какъ и многимъ въ настоящее время, естественно могло думаться, что въ дѣлахъ съ хитрыми азіятцами всего лучше употребить хитраго же, но вполнѣ преданнаго ему „восточнаго человѣка“. Это было великою ошибкою. Чтобы успѣть въ дѣлахъ съ азіятами, надо именно отка-

заться отъ всякой хитрости, и поручи государь задуманное имъ предпріятіе кому-либо изъ русскихъ людей, способныхъ и рѣшительныхъ, въ родѣ Котляревскаго или Черняева, они бы выполнили его на славу. Черкасскій-же, съ азіятскою хитростію своею, дался въ обманъ, и погубилъ, какъ извѣстно, и себя, и сподвижниковъ своихъ, безо всякой пользы для дѣла. Другая экспедиція къ Иркети изъ Тобольска, подъ начальствомъ капитана Бухгольца, тоже не достигла цѣли, потому что и достигнуть ея нельзя было, но повела, по крайней мѣрѣ, къ прочному водворенію русскихъ на Иртышѣ. Замѣчательно, что, со свойственною ему проницательностію и грандіозностію замысловъ, Петръ умѣлъ оцѣнить и мысль объ обращеніи Аму-Дарьи въ старое русло ея къ Каспійскому Морю, мысль, неосуществившуюся при немъ за гибелью Черкасскаго, и до сихъ поръ остающуюся въ видѣ проекта. По отношенію къ Китаю, слѣдовалъ онъ близорукой торговой политикѣ стараго московскаго двора, но, можно думать, что еслибы прожилъ долѣе, то и тутъ прозрѣлъ бы въ суть дѣла, ибо въ концѣ царствованія своего (въ 1722 году) отправилъ посломъ отъ себя къ калмыцкому контайшѣ Цеванъ-Рабтану капитана Унковскаго, съ цѣлію разузнать точнымъ образомъ о положеніи дѣлъ въ Джунгаріи: стало-быть важность этого предмета для русскихъ интересовъ начинала уже выясняться въ его всеобъемлющемъ умѣ.

При преемникахъ и преемницахъ Петра-Великаго прониклись передовые русскіе люди такимъ глубокимъ неуваженіемъ ко всему своему прошлому, и съ такимъ усердіемъ устремились усваивать себѣ, безъ разбора, всякую западную европейщину, что въ скоромъ времени совершенно забыли про все, что̀ знали прежде, въ томъ числѣ утратили и всякое знаніе, всякое пониманіе Азіи, которыми обладала московская Русь. По невѣжеству относительно всего касавшагося до Азіи вообще и средней въ особенности, достигли они вполнѣ своей цѣли — сдѣлались настоящими европейцами, которые ни о кочевой жизни, ни о степныхъ обстоятельствахъ, никогда никакого понятія не имѣли. Независимо отъ того, и въ службу русскую набилось множество иноземцевъ съ Запада, и пришлецы эти употреблялись безразлично, какъ по нашимъ европейскимъ, такъ по внутреннимъ и азіятскимъ дѣламъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ политика наша по отношенію

къ Средней-Азіи въ теченіе XVIII столѣтія должна была сильно понизиться въ уровнѣ противъ таковой же политики не только XVI, но даже и XVII вѣка, съ немалымъ отъ того ущербомъ, какъ для интересовъ русскаго народа, такъ и для достоинства самого правительства.

Петръ, замѣчено сейчасъ, началъ уже было вникать въ джунгарскія обстоятельства, изъ вѣрнаго пониманія которыхъ могли быть извлечены нами огромныя выгоды по отношенію къ Китаю. Умѣй мы маневрировать искусно въ продолженіе борьбы завязавшейся у маньчжуровъ съ калмыками, мы могли-бы вынудить пекинскій дворъ ко всевозможнымъ уступкамъ на пользу нашей торговли, къ исполненію всякихъ исполнимыхъ желаній нашихъ (въ родѣ допущенія русскаго консула въ Пекинъ, и т. п.); могли-бы пробраться даже, по мысли Петра, и до самой Иркети (Яркяни, Яркенда). Къ сожалѣнію, значеніе джунгарскихъ дѣлъ для нашихъ интересовъ было, по кончинѣ великаго государя, упущено изъ виду, и мы, въ переговорахъ съ китайцами, являлись не въ роли требовательныхъ заимодавцевъ, а въ роли низкопоклонныхъ должниковъ, что̀ нигдѣ и никогда не вело къ успѣху. Вмѣсто того, чтобы поддерживать калмыковъ, на сколько соотвѣтствовало то нашимъ государственнымъ выгодамъ, равнодушно допустили мы маньчжуровъ раздавить этотъ сосѣдній намъ народъ, и угодливость нашу передъ завоевателемъ Джунгаріи, надмѣннымъ Цяньлуномъ, простерли до такой степени, что когда послѣдній боецъ за независимость родины, неутомимый Амурсана, вынужденъ былъ укрыться въ предѣлахъ Сибири и умеръ тамъ отъ оспы, власти сибирскія, для удостовѣренія пекинскаго двора въ дѣйствительности его гибели, дважды возили трупъ державнаго несчастливца на границу Китая. Разъ-же допустивши Джунгарію до паденія, не могли уже мы, если-бы и хотѣли, добиться чего-либо отъ Китая, и волею-неволею должны были, въ сношеніи съ китайцами, подчиняться всякимъ ихъ прихотямъ. Еще болѣе выносили голландцы въ Нагасаки отъ надмѣнности японцевъ, такъ, по крайней мѣрѣ, было изъ-за чего; наша-же торговля съ китайцами, въ позорномъ видѣ выставляя народный нашъ характеръ, являлась, съ тѣмъ вмѣстѣ, и невыгодною въ государственномъ смыслѣ: русскіе товары постоянно почти доставлялись китайцамъ по цѣнамъ не оплачивавшимъ ихъ производства, а за китайскіе товары русскимъ ихъ потребителямъ столь же постоянно приходилось платить въ три-до̀рога. Причины тому

заключались, какъ извѣстно, въ отсутствіи у купечества нашего, торговавшаго съ Китаемъ, духа товарищества и сознанія солидарности въ поведеніи его членовъ, тогда-какъ китайскіе торговцы отличались, напротивъ, единодушіемъ и примѣрною дружностію дѣйствій. Положимъ, что устраненіе этихъ причинъ лежало внѣ власти нашего правительства: такъ къ чему же были тогда всѣ хлопоты его о поддержаніи торга, который, принося убытокъ государству и подрывая кредитъ русскаго имени въ Азіи, служилъ къ предосудительной наживѣ лишь небольшаго числа лишенныхъ всякаго патріотизма тузовъ и мелочниковъ? Замѣтимъ также что, по неумѣнію вести дѣло, мы сами отказались отъ предоставленнаго намъ нерчинскимъ и подтвержденнаго буринскимъ (1727 г.) трактатами права посылать торговые караваны въ Пекинъ, и сами съузили торговлю нашу съ Китаемъ ограничившись производствомъ ея въ одной порубежной Кяхтѣ. Оставалось за нами право, котораго не имѣло ни какое другое европейское государство, право держать постоянно въ Пекинѣ русскую духовную миссію; но миссія эта, единственною причиною существованія своего имѣвшая поддержаніе православія въ окитаившемся потомствѣ плѣненныхъ защитниковъ Албазина, по образованію и характеру членовъ своихъ не способна была соперничать съ учеными и ловкими іезуитами, и никогда никакого вліянія на ходъ нашихъ коммерческихъ или другихъ дѣлъ въ Китаѣ не обнаруживала и обнаруживать не могла.

Не лучше чѣмъ на южно-сибирской, велись дѣла наши, въ XVIII столѣтіи, и на заволжской границѣ Россіи. Царствованіе императрицы Анны Ивановны ознаменовано было — читаемъ въ учебникахъ отечественной исторіи — добровольною покорностію, дотолѣ враждебной намъ, многочисленной орды Киргизъ-кайсацкой. Случилось это въ 1734 году. Въ Петербургѣ очень радовались такому событію, припоминая что самъ Петръ-Великій былъ (будто-бы) того мнѣнія, что „хотя оная орда народъ степной и легкомысленный, токмо всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ ключь она и врата“, ибо, по-европейски судя, полагали, что черезъ принятіе подданства нашего однимъ изъ киргизъ-кайсацкихъ хановъ, повернули мы этимъ ключомъ и вступили въ тѣ вожделѣнныя врата, за которыми открывались намъ сокровища Индіи. Вслѣдствіе этого, собирались уже мы завесть флотилію на Аральскомъ Морѣ, и отправлять караваны въ Ташкентъ, Бухарію и далѣе. На дѣлѣ вышло не совсѣмъ то. От-

крылось зрѣлище другаго рода, едва-ли виданное до тѣхъ поръ на памяти исторіи — отъ новыхъ подданныхъ своихъ нашлись мы вынужденными ограждать себя линіями крѣпостей съ многочисленными гарнизонами, тогда-какъ дотолѣ граница противу нихъ была открытая. Произошло это отъ того, что у насъ забыли про вышеприведенную аксіому: „принятіе подданства разсматривается кочевниками какъ сдѣлка, ни къ чему ихъ необязывающая, но на которой разсчитываютъ они выиграть четыреста на сто; за неудачу же въ этомъ разсчетѣ мстятъ набѣгами и хищничествомъ“. Мы приняли слова за дѣло, и, разумѣется, должны были испытывать послѣдствія такой непрозорливости: новые подданные оказались злѣйшими врагами, такъ что въ теченіе почти цѣлаго столѣтія всѣ усилія правительства обратить ихъ къ покорности, усилія стоившія не дешево, оказывались совершенно безплодными. Изъ-за линій нашихъ на Яикѣ (Уралѣ) и Иртышѣ, во весь этотъ періодъ, не подвинулись мы почти ни на шагъ вглубь киргизскихъ степей, и считали великимъ счастіемъ если обитатели ихъ не прорывались сквозь эти линіи, не разоряли нашихъ селеній, и не увлекали жителей ихъ въ неволю. Задача приручнить кочевниковъ, сильныхъ численностію, защищаемыхъ безмѣрностію и безплодіемъ ихъ степей, хитрыхъ, алчныхъ къ добычѣ, страстныхъ къ дикой свободѣ, была конечно задачею не легкою, но всетаки исполнимою, ибо была же она наконецъ разрѣшена нами. Такимъ образомъ, если до разрѣшенія этой задачи пробились мы безплодно около сотни лѣтъ, выходитъ, не умѣли мы взяться за нее. И дѣйствительно, исторія подходовъ нашихъ къ обращенію киргизовъ изъ номинальныхъ подданныхъ въ дѣйствительные представляется въ высшей степени комичною, по несообразности съ цѣлію и непрактичности употреблявшихся для того мѣръ, несообразности и непрактичности вытекавшихъ изъ полнѣйшаго незнакомства заправлявшихъ этимъ дѣломъ не только со страстями кочевниковъ и пружинами приводящими ихъ въ дѣйствіе, но даже съ языкомъ ихъ, религіею, понятіями и нравами: разумѣется, что при такихъ условіяхъ чуть не каждый шагъ нашъ долженствовалъ быть промахомъ.

Какихъ размѣровъ были эти промахи, можно судить по немногимъ слѣдующимъ указаніямъ. Мы вообразили, что киргизы тождественны этнографически съ нашими поволжскими татарами, и потому сто-двадцать лѣтъ всю переписку съ ними вели на татарскомъ языкѣ, въ полной увѣренности, что относимся къ кир-

гизамъ на ихъ родномъ, вполнѣ понятномъ имъ нарѣчіи, тогда какъ это было то же что писать испанцамъ по-итальянски, или итальянцамъ по-испански, сербамъ по-польски, или полякамъ по-сербски. Еще худшими послѣдствіями сопровождалось другое наше недоразумѣніе, будто киргизы — магометане, тогда какъ въ прошломъ столѣтіи почти всѣ они были шаманистами и остаются значительною частію таковыми и до сихъ поръ. Въ эпоху номинальнаго присоединенія этого народа къ Россіи, только немногіе изъ хановъ и султановъ его имѣли смутное понятіе о догматахъ ислама и исполняли кое-какіе изъ его обрядовъ; ни одной мечети не существовало еще въ степяхъ киргизскихъ, ни одинъ мулла не отправлялъ еще тамъ общественнаго мусульманскаго богослуженія. И если съ тѣхъ поръ киргизы дѣйствительно въ значительной степени омусульманились, такъ благодаря тому единственно что мы принимали ихъ за мусульманъ, что мы относились къ нимъ какъ къ мусульманамъ. Неопровержимымъ свидѣтельствомъ что мусульманская пропаганда, въ томъ или другомъ видѣ, шла въ степи киргизскія со стороны Россіи, служитъ то обстоятельство, что омусульманились въ особенности киргизы обитающіе по сосѣдству съ нашими линіями, тогда какъ древній, исконный шаманизмъ сохраняется и до настоящаго времени преимущественно между тѣми изъ нихъ которые кочуютъ по близости къ хивинскимъ, бухарскимъ и бывшимъ коканскимъ предѣламъ, т. е. къ настоящимъ мусульманскимъ странамъ. Въ чисто-же политическомъ отношеніи самою важною нашею ошибкою была та, что на хановъ киргизскихъ смотрѣли мы какъ на европейскихъ государей, а на султанство — какъ на какую-то феодальную аристократію, вслѣдствіе чего полагали, что если ханы и султаны будутъ на нашей сторонѣ, то покоренъ будетъ нами и народъ, почему ласкали хановъ и султановъ, прикармливали, дарили, и только съ ними одними носились и якшались. Между тѣмъ нигдѣ въ мірѣ главы народа и аристократія по происхожденію не имѣли такъ мало значенія, такъ мало дѣйствительной силы, какъ ханы и султаны у киргизовъ. Если кто-либо изъ нихъ и достигалъ вліянія, такъ что могъ увлекать за собою толпы, то достигалъ этого не въ силу своей „бѣлой кости“, а въ силу личныхъ достоинствъ; но личными достоинствами точно такое же вліяніе пріобрѣтали между своими и простые киргизы, „черная кость“.

Самыя рѣшительныя изъ попытокъ измѣнить странныя отношенія между киргизами и Россіею, существовавшія съ принятія

ихъ въ подданство, сдѣланы были въ царствованіе императрицы Екатерины II. Намѣренія ея были благія, но осуществленіе ихъ не удалось, какъ потому что великая государыня стремилась къ невозможному еще по времени и обстоятельствамъ, такъ и потому, что мѣры, которыя приняты были для приведенія намѣреній ея въ исполненіе, отличались идиллическимъ европеизмомъ и, вмѣстѣ, непроходимымъ бюрократизмомъ. По взгляду на киргизовъ, какой установился на нѣкоторое время въ Петербургѣ, это были простодушные, невѣжественные пастушки, которые не ѣли хлѣба потому что вкуса въ немъ не знали, не занимались земледѣліемъ потому что приняться за него не умѣли, давали скоту своему гибнуть отъ бурановъ потому что не вѣдали о существованіи хлѣвовъ, мерзли сами зимою въ войлочныхъ кибиткахъ потому что съ плотничнымъ ремесломъ знакомы не были, и если предавались иногда грабежамъ, то не иначе какъ вызываемые къ тому всякими несправедливостями и притѣсненіями какимъ подвергались отъ казаковъ нашихъ и вообще русскаго народонаселенія на уральской, оренбургской и иртышской линіяхъ. Сообразно съ такимъ взглядомъ, повелѣно было пріучать киргизовъ къ употребленію хлѣба, давать имъ уроки сѣнокошенія, строить сараи гдѣ бы зимовалъ ихъ скотъ, и дома гдѣ бы сами они проживали; запрещено высылать военные отряды въ степь для наказанія хищниковъ; отпущены значительныя суммы для постройки на линіяхъ мечетей и при нихъ школъ и караванъ-сараевъ, съ тѣмъ чтобы школьники-киргизы получали ежедневно кормовыя деньги, а отцы ихъ привлекаемы были къ отдачѣ дѣтей въ школы подарками, похвальными листами и тому подобнымъ; рѣшено наконецъ распространить на киргизовъ дѣйствіе „Учрежденія для управленія губерній“, подготовивъ ихъ къ тому предварительно устройствомъ: въ Оренбургѣ — пограничнаго суда, гдѣ бы киргизы засѣдали вмѣстѣ съ русскими, а въ степи— судебныхъ расправъ, подвѣдомственныхъ этому суду, изъ однихъ киргизскихъ членовъ (безграмотныхъ), съ письмоводителями изъ муллъ (татарскихъ), которые должны были соблюдать всѣ порядки установленные для дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ по „Учрежденію о губерніяхъ“ — помѣчать всѣ вступающія бумаги, вписывать ихъ въ журналы, составлять извлеченія, вести протоколы и настольные реестры, записывать часы присутствія, снимать допросы, сочинять рапорты, сообщенія, предписанія и т. д. все по формамъ даннымъ отъ русскаго начальства. Лица, избран-

ныя въ исчисленныя и другія должности, приведены были къ присягѣ, и утверждены въ званіяхъ своихъ императрицею съ назначеніемъ имъ значительнаго жалованья деньгами и хлѣбомъ.— Бо́льшая часть изложенныхъ мѣръ приведена была въ исполненіе; но, какъ и слѣдовало ожидать, киргизы не могли ни понять, ни оцѣнить такой попечительной о нихъ заботливости: не хотѣли, ни селиться въ выстроенныхъ для нихъ избахъ, ни учиться въ учрежденныхъ для нихъ школахъ, ни молиться въ возведенныхъ ради ихъ мечетяхъ, ни судиться и разбираться въ устроенныхъ для нихъ управахъ (одни только члены послѣднихъ ѣздили аккуратно въ Оренбургъ за полученіемъ назначеннаго имъ жалованья), и продолжали, по-прежнему, усобничать между собою и дѣлать грабительскіе наѣзды на сосѣдей. Пришлось, по необходимости, отказаться отъ пріятной надежды водворить порядокъ въ степяхъ посредствомъ такой панацеи, какъ „Учрежденіе о губерніяхъ“, оставить всякія попытки къ цивилизированію полу-дикарей, прикармливая ихъ и пригрѣвая, и не только отмѣнить распоряженіе о непреслѣдованіи хищниковъ вооруженною рукою, но и усилить мѣры справедливаго возмездія, разрѣшеніемъ захватывать родственниковъ ихъ и даже сосѣдей.

Но между мѣрами, непрактичными по идилличности ихъ или канцеляризму, была одна вполнѣ мѣткая и вполнѣ соотвѣтствовавшая цѣли водворить между киргизами возможное спокойствіе: это — устраненіе главнаго къ тому препятствія, заключавшагося, какъ поняло, наконецъ, правительство, въ ханской надъ киргизами власти, нисколько, по характеру народному, не обуздывавшей своеволія, а по личнымъ стремленіямъ облекавшихся ею служившая лишь къ возбужденію страстей и неурядицъ. Въ 1786 году, ханъ меньшей киргизской орды, Нурали, былъ, послѣ 37-лѣтняго, вреднаго для Россіи и подвластныхъ его управленія, изгнанъ этими-послѣдними, и кончилъ жизнь въ Уфѣ; правительство-же наше, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, сочло полезнѣйшимъ не назначать ему преемника; къ сожалѣнію, рѣшимость эта не была выдержана до конца: въ 1791 году возведенъ былъ императрицею въ ханское достоинство сынъ Нураліевъ, Ирали, и потянулась, въ отношеніяхъ между Россіею и киргизами, опять на десятки лѣтъ, та же предосудительная для насъ и нисколько для самихъ киргизовъ неутѣшительная безтолковщина.

Непокорливость и хищничество киргизовъ огорчали насъ и тѣмъ еще что препятствовали производству торговли нашей

съ осѣдлыми владѣніями Средней-Азіи. Развитіе этой торговли и расширеніе ея до предѣловъ Индіи были постоянными мечтами тогдашнихъ государственныхъ умовъ Россіи обращавшихъ вниманіе на Азію. Преимущественно въ надеждѣ на достиженіе этихъ цѣлей радовались, видѣли мы, и подданству киргизъ-кайсаковъ. Ханы ихъ постоянно подтверждали обязательство препровождать торговые караваны отъ насъ туда и обратно въ совершенной безопасности, а подданные ихъ столь же постоянно облагали караваны эти тяжелыми поборами, или подвергали ихъ полному разграбленію. При такихъ условіяхъ, торговыя сношенія наши съ Среднею-Азіею процвѣтать не могли, и нерѣдко вовсе прекращались на долгіе сроки. Да и производились они, съ оренбургской линіи, почти исключительно, лишь съ Бухарою и Хивою. Въ видахъ упроченія этихъ сношеній, кокетничали мы даже съ мусульманствомъ — извѣстно, что одно изъ лучшихъ медресе (семинарій) въ Бухарѣ построено на счетъ императрицы Екатерины II, пожаловавшей для того 40,000 рубл. сер. — и предполагалось не разъ основать городъ при устьѣ Сыръ-Дарьи, населивъ его первоначально, по непріютности мѣстоположенія, преступниками приговоренными къ ссылкѣ; но мысль эта никогда съ бумаги въ дѣло не переходила. Съ Хивою могли мы вести торгъ еще изъ Астрахани черезъ Каспійское Море и Туркменскую Степь; но туркмены прикаспійскіе, хотя нѣкоторые старшины ихъ тоже присягали на подданство Россіи еще при Петрѣ-Великомъ, по расположенію къ хищничеству ничѣмъ не уступали киргизъ-кайсакамъ, да и хивинцы, памятуя о гибели Бековича, и постоянно опасаясь мщенія за тогдашнее вѣроломство свое, избѣгали сближаться съ нами съ этой стороны, съ которой считали себя наименѣе безопасными отъ русскаго оружія. Судя по собственнымъ чувствамъ и понятіямъ, они никакъ не могли представить себѣ, чтобы въ Россіи совершено забыли объ участи нѣсколькихъ тысячъ согражданъ, или умерщвленныхъ мучительно или томившихся въ тяжкой неволѣ. У насъ-же, за другими, важнѣйшими заботами, вовсе не думали о возмездіи, котораго страшились хивинцы, и готовы были протянуть имъ дружескую руку во всякое время: когда инакъ (правитель ханства) хивинскій, ослѣпнувъ, рѣшился, въ такомъ положеніи, просить, въ 1792 году, русское правительство о присылкѣ къ нему медика-окулиста, желаніе его исполнено было немедленно. Подобной гуманности въ Азіи цѣнить не умѣютъ; снисходительность и долго-

терпѣніе наше принимаемы были не за что̀ иное какъ за слабость; а это, въ соединеніи съ крайней неумѣлостью нашей по веденію киргизскихъ дѣлъ, надъ которою не могли не насмѣхаться въ Азіи, и съ излишнею любезностію какая оказывалась посольствамъ отъ ничтожныхъ владѣльцевъ ея, если не совсѣмъ, то сильно уронило то уваженіе, какимъ со временъ Грознаго пользовалось русское имя на сосѣднемъ Востокѣ. Насъ привыкли считать за людей, которые ничего не понимаютъ, которыхъ можно обманывать въ глаза, которые позволяютъ оскорблять себя безнаказанно. И, надо сознаться, мы заслуженно пользовались такою незавидною репутаціею. Къ концу екатерининскаго царствованія неудовлетворительность познаній нашихъ объ Азіи и проистекавшая оттуда неудовлетворительность дѣйствій признаны были, по видимому, и самимъ правительствомъ: по крайней мѣрѣ видимъ что для ознакомленія со странами въ бассейнахъ Аму и Сыра посланы были туда въ 1790-хъ годахъ русскіе чиновники изъ Сибири, которые (Бурнашовъ и Поспѣловъ) и доставили весьма любопытныя по тому времени свѣдѣнія о бухарскомъ и ташкентскомъ владѣніяхъ.

Еще менѣе значительна была торговля, производившаяся съ осѣдлымъ населеніемъ Средней-Азіи изъ Семипалатинска и Петропавловска на иртышской линіи, куда пробирались иногда купцы изъ Ташкента, Кокана и городовъ Восточнаго Туркестана. Но, должно сказать, что съ самими киргизами скоро установилась у насъ, на новооснованныхъ противу нихъ линіяхъ, мѣновая торговля, весьма важная по своимъ оборотамъ и весьма для насъ выгодная. Эта выгода была единственною, какую приносило номинальное ихъ подданство.

Одновременно съ киргизъ-кайсаками присылали къ императрицѣ Аннѣ депутацію о принятіи ихъ въ подданство, и, разумѣется, приняты были — Каракалпаки, полуосѣдлый, полукочевой народъ, сидѣвшій въ то время по рѣкамъ Сыру и Кувану. Послѣ того, и они объ насъ, и мы объ нихъ, за взаимною ненадобностію, позабыли. Замѣтимъ также что въ 1740 году ханство хивинское признано было состоящимъ въ поданствѣ Россіи даже со стороны знаменитаго Надиръ-шаха персидскаго, на томъ основаніи, что ханомъ туда избранъ былъ, и ханствовалъ тамъ нѣсколько дней, присяжникъ нашъ Абулъ-Хаиръ, ханъ киргизъ-кайсацкій.

Къ XVIII-му же столѣтію относятся и первыя попытки

наши завязать сношенія съ Японіею, отказавшеюся съ 1637 года, какъ извѣстно, отъ всякихъ связей съ христіанскими націями, за исключеніемъ голландцевъ (вслѣдствіи того, что послѣдніе объявили себя нехристіанами). Поводомъ къ тому послужили нѣсколько японцевъ въ 1780-хъ годахъ заброшенныхъ бурею на берега Сибири. Попытки эти не привели ни къ какому результату, кромѣ того что на означенныхъ японцевъ возложено было преподаваніе отечественнаго языка ихъ въ иркутскомъ народномъ училищѣ, съ цѣлію образовать, для сношеній съ Японіею, переводчиковъ изъ русскихъ. Японскій языкъ былъ, такимъ образомъ, первый изъ восточныхъ, которому стали обучать у насъ оффиціально.

Новая попытка установить сношенія съ Японіею была первымъ дѣломъ нашей среднеазіятской политики въ текущемъ, XIX столѣтіи. Предпринята она была по поводу перваго кругосвѣтнаго плаванія, въ которое пустились русскія суда въ 1803 году, но вмѣсто ожидавшейся оттого пользы, принесла она вредъ, ибо, вслѣдствіе предосудительныхъ дѣйствій нашего посла, окончилась справедливою враждебностію къ намъ японцевъ. Повторены были и опыты сближенія съ Хивою и Бухарою, отправленіемъ посольствъ въ эти владѣнія въ 1819 и въ 1820 годахъ, но единственнымъ плодомъ ихъ было обогащеніе русской и европейскихъ литературъ прекрасными книгами Муравьева, Мейендорфа и Эверсмана. Для поддержанія торговли съ Бухарою терпѣвшей отъ грабежей какъ киргизовъ, такъ и хивинскихъ шаекъ, придумали было посылать туда караваны подъ военнымъ прикрытіемъ; первый опытъ такого вооруженнаго каравана сдѣланъ былъ въ 1824 году, но оказался вполнѣ неудачнымъ: несмотря на военное прикрытіе, снаряженіе котораго обошлось правительству въ 230,000 р. асс., караванъ былъ разграбленъ, и попытокъ такого рода не было уже болѣе повторено. Совершенно безплодны были по послѣдствіямъ и развѣдочныя посылки въ Джунгарію въ 1811 году (Путимцева) и въ Коканское ханство въ 1814 (Назарова). Отношенія къ Китаю отличались китайскою неподвижностію. Такимъ образомъ въ-теченіе первой четверти XIX вѣка политика наша по отношенію къ Средней-Азіи была, и по цѣлямъ, и по пріемамъ, и по результатамъ, столь же безуспѣшна и мало достойна Россіи, какъ и въ XVIII-мъ. Ни-

какими властолюбивыми замыслами мы не задавались; никого не стремились ни покорять, ни присоединять; всѣ заботы наши ограничивались скромною цѣлію добиться равноправности въ торговыхъ сношеніяхъ съ мелкими осѣдлыми владѣніями Узбекистана, но и той, несмотря на всѣ старанія, никакъ не удавалось намъ достигнуть. Купцы бухарскіе, хивинскіе, ташкентскіе, коканскіе разъѣзжали по всему обширному пространству Россіи какъ у себя дома, въ полной безопасности, закупали русскія произведенія изъ первыхъ рукъ, на мѣстахъ производства, а на свои привезенные къ намъ товары могли, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, устанавливать самыя выгодныя для нихъ цѣны. Наоборотъ русскіе торговцы, вслѣдствіе прижимокъ, притѣсненій, и даже опасности для жизни, какимъ подвергались они, въ качествѣ христіанъ, въ Бухарѣ и другихъ ханствахъ и бекствахъ Средней-Азіи, вынуждены были совсѣмъ отказаться отъ поѣздокъ туда, и если отправляли караваны свои въ тѣ страны, то не иначе, какъ съ прикащиками изъ татаръ, на честность которыхъ не всегда могли полагаться. Да и эти прикащики, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, подвергались тамъ уплатѣ, за товары свои, двойной пошлины, не допускаемы были ни въ какія другія мѣста ханствъ кромѣ столичныхъ да тѣхъ которыми пролегала дорога въ эти столичные, и потому закупки свои должны были, по-необходимости, дѣлать у столичныхъ скупщиковъ, изъ вторыхъ, изъ третьихъ рукъ. Не говоримъ уже объ обязательныхъ для нихъ подаркахъ ханамъ, сановникамъ и даже всякой чиновной мелюзгѣ: случалось нерѣдко и то что весь товаръ отбирали у нихъ на хана, по низкимъ, самимъ имъ произвольно опредѣленнымъ цѣнамъ. Какое правительство въ мірѣ могло бы оставаться равнодушнымъ къ такому положенію вещей, къ такой неравноправности въ ущербъ своимъ подданнымъ? Устраненіе этой неравноправности и было, какъ сказано, главнымъ предметомъ всѣхъ дипломатическихъ сношеній, въ какія входили мы съ среднеазіятскими владѣльцами. Но не переговариваться съ ними, какъ съ равными, слѣдовало намъ, а приказывать, тѣмъ болѣе что мы имѣли полную возможность принудить ихъ къ исполненію нашихъ требованій, нисколько не прибѣгая къ военной силѣ. Среднеазіятцы знали про эту возможность, и тѣмъ не менѣе вели себя противу насъ неуступчиво и даже надмѣнно. Почему? Потому что изъ долговременнаго опыта извѣстно имъ было, что власти наши не воспользуются этою возможностію, не зная о ея существованіи, какъ не знали они и о многихъ

другихъ способахъ дѣйствія, которые могли быть пущены въ ходъ при болѣе основательномъ знакомствѣ съ прошлымъ и настоящимъ восточныхъ странъ и народовъ. Образчикомъ того, какъ слабо вообще было у насъ это знакомство, можетъ служить то, что уже въ 1850-хъ годахъ сибирское вѣдомство обращалось еще къ оренбургскому съ просьбою разъяснить ему что такое „баранта“, тогда какъ терминъ этотъ употреблялся въ оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ чуть не ежедневно со времени подданства киргизовъ: значитъ 120 лѣтъ толковали о томъ чего не понимали ясно.

Не совсѣмъ безплодно, по крайней мѣрѣ, прошло царствованіе Александра I-го по отношенію къ дѣйствительному водворенію въ киргизскихъ степяхъ русской власти и благодѣяній гражданскаго порядка. Въ 1810 г. вдвинулись мы глубже въ пріуральскія степи, прорѣзавъ отъ нихъ къ оренбургской линіи пространство съ богатѣйшими соляными копями, извѣстное подъ именемъ Илецкаго-Района, и населивъ его русскимъ людомъ; а затѣмъ, убѣдившись долгимъ и дорогимъ опытомъ въ непригодности для киргизовъ и вредности для насъ ханскаго ими управленія, окончательно упразднили ханское достоинство, сначала въ степяхъ сибирскаго, а потомъ и оренбургскаго вѣдомства; управленіе народомъ поручено было тамъ и тутъ избиравшимся русскимъ правительствомъ ордынцамъ съ участіемъ или только подъ надзоромъ нашихъ чиновниковъ. Вслѣдствіе этого, въ ближайшихъ къ Иртышу частяхъ киргизской степи казачьи селенія русскія появились, какъ центры административныхъ округовъ, уже съ 1824 года. Около того же времени начата была и топографическая съемка киргизскихъ степей — мѣра, не имѣющая, повидимому, ничего общаго ни съ политикою, ни съ администраціею, но важная для той и другой.

Въ царствованіе императора Николая I мѣры по упроченію за Россіею киргизскихъ степей привели бо́льшую часть обитателей ея почти къ совершенной покорности. Въ 1834 году заложено было на восточномъ берегу сѣверной части Каспійскаго Моря укрѣпленіе съ цѣлію препятствовать разбоямъ киргизовъ адаевскаго рода, а въ слѣдующемъ 1835 проведена новая военная линія между рр. Ураломъ и Уемъ, и все пространство, отрѣзанное такимъ образомъ отъ зауральскихъ степей, присоединено, подъ именемъ района Новой-Линіи, къ землямъ оренбургскаго казачьяго войска. Со стороны Сибири, въ степяхъ заиртышскихъ,

продолжалось, между тѣмъ, образованіе округовъ съ русскими селеніями въ ихъ центрахъ. Видя конецъ буйной независимости свой, та часть сибирскихъ киргизовъ, которая не хотѣла примириться съ этою мыслью, стала подъ знамя султана Кенисары Касимова, которому удалось поднять за собою и часть сосѣднихъ оренбургскихъ его единоплеменниковъ. Быстро передвигаясь съ приверженцами своими изъ сибирскихъ степей въ оренбургскія и обратно, въ продолженіе цѣлыхъ шести лѣтъ держалъ онъ въ тревогѣ русскія власти тамъ и тутъ; всѣ усилія разбить его и захватить оказывались напрасными, пока въ 1844 году, преслѣдуемый русскими отрядами, вынужденъ онъ былъ броситься въ кочевья черныхъ или дикокаменныхъ киргизовъ, гдѣ, въ схваткѣ съ ними, и погибъ.

Возстаніе это повело къ тому, что въ слѣдующихъ годахъ, для возможнаго предупрежденія подобныхъ покушеній, возведены были въ восточной части зауральской степи небольшія укрѣпленія на рр. Тургаѣ и Иргизѣ, а затѣмъ явился русскій фортъ (Раимъ) и на устьѣ Сыръ-Дарьи, вслѣдствіе чего явилась возможность ознакомиться ближе и съ Аральскимъ Моремъ, которое до тѣхъ поръ извѣстно было лишь по имени. Въ 1848 и 1849 годахъ, двумя судами, построенными въ Оренбургѣ и перевезенными въ разобранномъ видѣ къ Раиму, произведены были осмотръ и опись означеннаго моря, причемъ, точно въ отдаленныхъ частяхъ океановъ, сдѣланы въ этомъ небольшомъ средиземномъ бассейнѣ географическія открытія — отыскана цѣлая группа значительной величины острововъ, о существованіи которыхъ не подозрѣвали сами прибрежные жители. Такимъ образомъ, не ранѣе какъ черезъ сто пятнадцать лѣтъ осуществлено было, при императорѣ Николаѣ, то, что предполагалось возможнымъ еще при императрицѣ Аннѣ. Мы дѣйствительно добрались наконецъ съ оренбургской линіи до той Сыръ-Дарьи, которая уже на первыхъ печатныхъ картахъ Россіи значилась границею ея противу осѣдлыхъ владѣній Средней-Азіи. Между тѣмъ шло паралельно и съ сибирской стороны какъ дальнѣйшее расширеніе русскихъ предѣловъ внутрь Средней-Азіи, такъ и упроченіе тамъ нашего владычества. Въ 1845 и 1847 гг. нашла выгоднымъ для себя вступить въ дѣйствительное подданство Россіи Большая, или Старшая, киргизская орда, тоже присягавшая намъ уже въ прошломъ столѣтіи, но болѣе или менѣе зависѣвшая послѣ того отъ ташкентскихъ и коканскихъ владѣльцевъ. Это новое пріобрѣте-

ніе заставило насъ, для защиты его отъ сосѣдей, возвести укрѣпленія: съ одной стороны у — подошвы Семирѣченскаго (Копалъ), а съ другой — у подножія Заилійскаго Алатау (Вѣрное): сталъ приходить конецъ степямъ, на крайнемъ юго-востокѣ ихъ разливъ русскаго моря начиналъ бить волнами своими уже въ утесы тяньшаньскихъ горныхъ громадъ.

Разъ принявши въ подданство свое киргизскія степи, намъ, естественно, слѣдовало стремиться къ обращенію номинальнаго подданства этого въ дѣйствительное, такъ какъ безъ того невозможны были не только развитіе торговли нашей съ осѣдлыми владѣніями лежавшими позади этихъ степей — отъ чего ожидались, хотя и напрасно, великія выгоды — но и безопасность самаго русскаго населенія по сосѣдству съ этими степями. А разъ достигши покорности киргизовъ — осязательнѣе всего свидѣтельствовалась она податью которую стали взимать съ нихъ — разъ добившись подчиненія ихъ нашему управленію, и водворенія возможнаго порядка и тишины въ степяхъ, легло уже на обязанность нашу и охраненіе ихъ отъ враждебныхъ покушеній съ юга, со стороны коканцевъ и хивинцевъ. Притязанія хивинскихъ хановъ, весьма усилившихся съ начала текущаго столѣтія, на зависимость отъ нихъ киргизовъ ограничивались, впрочемъ, временными поборами съ ближайшихъ къ нимъ родовъ, и не нарушали значительно спокойствія степи вообще говоря. Иначе вели себя коканцы. Утвердившись, съ 1820-хъ годовъ, въ господствѣ надъ правымъ побережьемъ сырскаго низовья и сѣверныхъ скатовъ Каратау и Алатау, рядомъ кургановъ (глиняныхъ крѣпостицъ) здѣсь возведенныхъ, не только обирали они регулярно тамошнихъ и сосѣднихъ киргизовъ, но, время отъ времени, многочисленными шайками вторгались внутрь зауральскихъ и причуйскихъ степей, и производили страшныя разоренія, сопровождая ихъ ужасающимъ варварствомъ. Съ построеніемъ Вѣрнаго и Раима, мы стали лицомъ къ лицу съ этими варварами, и неизбѣжно должны были столкнуться съ нимъ вооруженнымъ образомъ. А какъ у азіятцевъ нѣтъ и въ заводѣ политическаго благоразумія, воспрещающаго начинать борьбу не по силамъ, да и о силахъ Россіи коканцы никакого понятія не имѣли, а между тѣмъ отъ разбойничьихъ замашекъ своихъ отстать не хотѣли, то враждебныя ихъ отношенія къ нашимъ киргизамъ естественно должны были окончиться къ великой ихъ невыгодѣ. Къ концу 1853 года почти всѣ коканскіе курганы на низовьѣ Сыра, включи-

тельно съ главнѣйшимъ, Акъ-Мечетью, были уже въ нашихъ рукахъ. Необходимо было наказать и хивинцевъ, не за старыя вины ихъ, давно у насъ забытыя, а за частые грабежи нашихъ въ Бухару и бухарскихъ къ намъ каравановъ, и за покровительство захвату русскихъ промышленниковъ на Каспійскомъ Морѣ, производившемуся какъ туркменами, такъ и непокорными еще намъ киргизами, вслѣдствіе чего Хива сдѣлалась главнымъ рынкомъ для торговли русскими невольниками, и томились ихъ тамъ цѣлыя тысячи. Послѣ долгихъ колебаній какъ взяться за это наказаніе, рѣшено было, наконецъ, предпринять въ 1839 году зимній походъ на Хиву; но, какъ извѣстно, за необычайною жестокостію зимы, русскіе отряды должны были возвратиться вспять, далеко не достигнувъ до предѣловъ хивинскаго ханства. Правда, испуганный этимъ движеніемъ и еще болѣе задержаніемъ хивинцевъ, торговавшихъ въ Россіи — мѣрою, къ которой давно слѣдовало прибѣгнуть — ханъ хивинскій выдалъ часть русскихъ, находившихся въ рабствѣ у него и его подданныхъ, но затѣмъ дѣла опять пошли по прежнему: опять хивинцы грабили наши караваны, опять скупали русскихъ людей, захваченныхъ туркменами и киргизами, такъ что посольство, отправленное въ Хиву въ 1842 году, для улаженія дѣлъ мирнымъ путемъ, имѣло послѣдствіемъ лишь собраніе новыхъ свѣдѣній о низовьѣ Аму-Дарьи (изданныхъ Данилевскимъ и Базинеромъ). Чтобы препятствовать разбоямъ прикаспійскихъ туркменовъ, учреждено было постоянное крейсерство военныхъ морскихъ судовъ въ южной части Каспійскаго Моря, со станціею, по соглашенію съ Персіею, въ Астрабадскомъ заливѣ; но крейсерство это вообще мало достигало цѣли, и если защищало отъ нападеній туркменовъ, то не русскія промышленныя суда въ сѣверной части Каспія, а берега персидскихъ прикаспійскихъ областей. Не измѣнились къ лучшему, въ разсматриваемое время, и оскорбительныя для Россіи торговыя отношенія къ Бухарѣ. Просьбою бухарскаго эмира прислать къ нему людей искусныхъ въ отысканіи золотыхъ рудъ (до него дошли слухи о нашихъ золотоносныхъ розсыпяхъ въ Сибири и на Уралѣ) воспользовались у насъ только для того, чтобы послать въ Бухарію, въ 1842 году, нѣсколькихъ ученыхъ и горныхъ офицеровъ, которые, при этомъ случаѣ, посѣтили Самаркандъ и другія до тѣхъ поръ недоступныя для европейцевъ мѣста ханства, и вывезли драгоцѣнныя о немъ научныя свѣдѣнія (Ханыковъ, Леманъ, Бутеневъ).

По отношенію къ Китаю, торговлею съ этимъ государствомъ, какъ установилась она въ Кяхтѣ, продолжали мы дорожить еще болѣе чѣмъ торговлею съ Бухарою, и для того чтобы производство ея, для насъ невыгодное, не прекратилось какимъ-нибудь образомъ хотя временно, готовы были все принести въ жертву. Въ продолженіе войны которую объявили англичане китайцамъ въ 1840 году, могли бы мы, если-бы только хотѣли, выторговать многое въ свою пользу, такъ какъ китайскія власти, совершенно тогда незнакомыя съ Европою, сами обращались за совѣтами и разъясненіями къ членамъ нашей пекинской миссіи, но мы почему-то нашли нужнымъ не вмѣшиваться въ эту распрю ни подъ какимъ видомъ, и сочли за великую дипломатическую побѣду когда удалось намъ, кульджинскимъ трактатомъ 1851 года, узаконить торговлю съ западнымъ Китаемъ черезъ Кульджу и Чугучакъ, производившуюся преспокойно, безо всякаго на то разрѣшенія, изъ Бухтармы, Петропавловска и Семипалатинска, еще съ самаго начала текущаго столѣтія. По договору этому, пріобрѣли мы право построить въ Чуччакѣ и Кульджѣ свои факторіи, и держать въ послѣдней своего консула. Подъ конецъ разсматриваемаго періода страхъ поссориться съ Китаемъ началъ однако уступать мѣсто другимъ государственнымъ соображеніямъ: мы задумали возвратить край, потерянный нами, ни за что̀ ни про что̀, по нерчинскому трактату, и открыть судоходство по Амуру въ Восточный Океанъ. Съ этою цѣлію начались съ 1853 года военныя дѣйствія противу китайцевъ на означенной рѣкѣ; но, надо сказать, что и за это дѣло, лежавшее безъ движенія болѣе 160 лѣтъ, схватились мы тутъ уже очень поспѣшно, такъ что выгоды его еще впереди, а между тѣмъ успѣло оно отразиться уже весьма невыгоднымъ образомъ на благоденствіи Восточной Сибири.

По крайней мѣрѣ относительно Японіи не-уступили мы въ успѣхѣ прочимъ европейскимъ націямъ, взявшись за открытіе сношеній съ нею и своевременно, и энергически. Въ послѣдніе дни царствованія императора Николая заключенъ былъ съ этимъ государствомъ договоръ въ Симодѣ, которымъ открытъ для русскихъ судовъ доступъ въ три порта: Симоду, Хакодате и Нагасаки, предоставлено Россіи имѣть консула въ одномъ изъ двухъ первыхъ портовъ, и выговорено важное условіе, что всѣ права и преимущества, какія бы ни были даны впредь въ Японіи другимъ націямъ, должны быть, съ тѣмъ вмѣстѣ, распространены и на русскихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, намъ, одновременно

съ сѣверо-американцами, первымъ принадлежитъ честь пробитія бреши въ эту, недоступную до тѣхъ поръ, Великобританію Восточнаго Океана.

Въ замкѣ Грипсгольмъ, на озерѣ Меларъ, лежатъ на дворѣ двѣ громаднѣйшія русскія пушки временъ Грознаго, вывезенныя изъ Новагорода, въ смутное время, генераломъ Делагарди. Шведы съ гордостію показываютъ иностранцамъ эти трофеи свои, а русскому человѣку нисколько не больно смотрѣть на нихъ, памятуя о полтавскомъ боѣ и послѣдствіяхъ его для Швеціи. Такъ, безъ всякаго огорченія можемъ сознаваться мы и въ неудовлетворительности нашей среднеазіятской политики со временъ Петра-Великаго, зная что въ настоящее царствованіе заглажены со славою почти всѣ прежніе промахи, и что русское имя въ Средней-Азіи столь же грозно теперь и пользуется такимъ же уваженіемъ, какъ послѣ разгрома Казани и Астрахани. Но оцѣнку дѣйствій нашихъ по отношенію къ этой части Азіи за послѣднія двадцать лѣтъ мы не принимаемъ на себя, какъ потому, что взглядъ современника можетъ быть и близорукъ, и пристрастенъ, такъ и потому, что не имѣемъ для этого подъ рукою достаточно вѣрныхъ и полныхъ данныхъ.

НОВѢЙШІЯ ПОПЫТКИ

КЪ ЛУЧШЕМУ УСТРОЕНІЮ

ПРИЗРѢНІЯ БѢДНЫХЪ.

И. Е. АНДРЕЕВСКАГО,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ виду тѣхъ обширныхъ работъ, которыя, какъ намъ извѣстно, открылись въ особой коммиссіи при Совѣтѣ Императорскаго человѣколюбиваго общества, для изученія основаній призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи и дѣйствующихъ въ этой области правительственныхъ и общественныхъ органовъ [1]), не безъинтересно посмотрѣть на новыя попытки относительно того-же дѣла въ современной Франціи.

Именно, вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго г. *Летуржи* (Lestourgie) и поддержаннаго многими членами, о томъ, что дѣло призрѣнія бѣдныхъ, въ извѣстной степени, удовлетворительно поставленное въ городахъ Франціи, требуетъ новыхъ учрежденій и цѣльной организаціи въ селахъ, національное собраніе 31 августа 1871 г. учредило коммиссію изъ 15 членовъ, подъ предсѣдательствомъ графа де *Мелёнъ* (comte de Melun) и поручило этой коммиссіи изучить способы организаціи призрѣнія бѣдныхъ въ селахъ (d'étudier les moyens d'organiser l'assi-

[1]) При содѣйствіи *центральнаго статистическаго комитета* теперь собираются данныя объ этихъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ въ Россіи.

stance publique dans les campagnes). Между тѣмъ скоро послѣ того въ собраніе внесенъ былъ (25 марта 1872 г.) г. *Таллономъ* (Eug. Tallon) проектъ новаго общаго закона объ организаціи призрѣнія бѣдныхъ какъ въ городахъ, такъ и селахъ, и объ искорененіи нищенства. Собраніе препроводило этотъ проектъ въ коммиссію [1]), точно также какъ и внесенный въ собраніе 9-го іюля 1872 г. проектъ закона объ организаціи медицинской помощи въ селахъ, составленный *Русселемъ* (Roussel) и *Морваномъ* (Morvan).

Коммиссія, изучивъ какъ эти проекты, такъ и массу собранныхъ ею матеріаловъ, рѣшилась, для узнанія мнѣній относительно этого дѣла компетентныхъ практиковъ, обратиться съ вопросными пунктами къ генеральнымъ совѣтамъ, префектамъ и мерамъ, ко всѣмъ благотворительнымъ комитетамъ и къ обществамъ ученымъ, земледѣльческимъ и медицинскимъ. Поставленные ею вопросы и многочисленные отвѣты, на нихъ получившіеся, въ настоящее время напечатаны въ трехъ большихъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Enquête parlementaire sur l'organisation de l'assistance publique dans les campagnes". Версаль, 1873—1874. [2]).

Для критическаго разсмотрѣнія составленнаго коммиссіею кес-

---

[1]) Проектъ *Таллона* строится на вѣрномъ принципѣ, признаваемомъ современною наукою полиціи. Государство должно своими правительственными средствами вторгаться для оказанія помощи неимущимъ только въ тѣхъ случаяхъ, если не въ силахъ оказать такой помощи ни семья, ни частная благотворительность, ни община. На этомъ принципѣ авторъ проекта думаетъ построить организацію призрѣнія бѣдныхъ слѣдующимъ образомъ: 1) признать юридическую обязанность семьи помогать впавшему въ бѣдность члену, опредѣливъ порядокъ и постепенность выполненія этой обязанности точными постановленіями кодекса и возложивъ наблюденіе за выполненіемъ этого закона на дѣйствующіе въ общинахъ bureaux de bienfaisance; 2) возложить на общину обязанность призрѣнія въ случаѣ несостоятельности семьи; 3) признать необходимымъ оказаніе пособія общинѣ, при недостаткѣ ея средствъ, со стороны всего департамента и наконецъ со стороны цѣлой Франціи; 4) для возможности сношеній и совокупной дѣятельности различныхъ общинъ кантона въ этомъ дѣлѣ, устроить въ каждомъ кантонѣ особый комитетъ, которому и ввѣрить всю администрацію этого дѣла въ кантонѣ,— именно организацію медицинской и аптекарской помощи, распредѣленіе больныхъ и престарѣлыхъ по госпиталямъ и богадѣльнямъ, назначеніе опеки для покинутыхъ дѣтей, устроеніе работъ для ищущихъ труда какъ въ земледѣльческой промышленности, такъ и ремесленной. 5) Всѣмъ этимъ кантональнымъ комитетамъ центральное единство можетъ доставлять генеральный совѣтъ департамента: онъ можетъ распредѣлять между кантонами пропорціонально ихъ нуждамъ денежныя средства и принимать общія мѣры помощи, недоступныя для сихъ отдѣльныхъ кантоновъ. Этотъ проектъ Таллона послужилъ главнымъ основаніемъ работъ коммиссіи и недостатки его отразились и въ первыхъ пріемахъ коммиссіи, какъ постараемся показать ниже.

[2]) Я получилъ этотъ интересный сборникъ отъ г. директора центральнаго статистическаго комитета, *П. П. Семенова.*

тіонера (списка вопросовъ) и оцѣнки отвѣтовъ, свидѣтельствующихъ о степени разумѣнія французскимъ обществомъ и его практическими дѣятелями такого существеннаго вопроса общественной жизни, необходимо предварительно сказать два слова о томъ, какъ стоитъ вообще дѣло призрѣнія въ Франціи, какими общими принципами руководствуется въ этомъ отношеніи французская жизнь и какіе главнѣйшіе недостатки господствуютъ въ существующей системѣ, подрывая основы и разбивая практическое осуществленіе наилучшихъ намѣреній и цѣлей.

Полумѣры, принимавшіяся въ королевской Франціи, воспретившей нищенство подъ угрозою сильныхъ наказаній и объявившей обязанность общины содержать своихъ бѣдныхъ, но неумѣвшей провести этого начала надлежащимъ образомъ, не умѣвшей даже принять никакихъ мѣръ для предупрежденія бѣдности и развитія частной благотворительности на началѣ союзнаго строя, — вызвали послѣ первой революціи совершенно противоположную политику. Республиканское правительство, признавъ дѣятельность общинъ недостаточною, начавшіяся попытки благотворительныхъ союзовъ и ассоціацій вредными, объявило, что все это дѣло возьметъ непосредственно на себя. Отобравъ въ казну имущества и капиталы существовавшихъ тогда учрежденій по призрѣнію бѣдныхъ, правительство задалось несбыточною мечтою призрѣть на правительственныя средства всѣхъ бѣдныхъ. Дѣйствовавшій въ 1793 г. *Comité de mendicité,* подъ предсѣдательствомъ *De la Rochefoucault Liancourt,* призналъ нищихъ кредиторами государства, а государство — ихъ должникомъ; предполагалось открыть центральное учрежденіе общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, воспитывать сиротъ, призрѣвать больныхъ и престарѣлыхъ; рабочимъ, не находящимъ труда, доставлять работу отъ государства; при этомъ всякую частную помощь воспретить, а все призрѣніе взять на счетъ казны, распредѣливъ сумму, какая назначена будетъ, по департаментамъ. Осуществленіе такого плана очень скоро признано было невозможнымъ. Уже въ V году рѣшились возстановить существовавшія до революціи благотворительныя учрежденія и возвратить отобранные у нихъ капиталы и имущества. Закономъ 7 фримера, постановившимъ открыть въ каждой общинѣ Bureau de bienfaisance, положены начала нынѣдѣйствующему праву: этотъ законъ дополненъ и развитъ ордонансами 31 октября 1821 г., 6 іюня 1830 г. и закономъ 7 августа 1851 г. Идея широкаго плана государственнаго призрѣ-

нія бѣдныхъ, высказавшаяся въ 1793 г., хотя и признана была практически-несостоятельною, но пустила значительно корни и возбудила невыгодное положеніе, и до сихъ поръ остающееся во французской государственной практикѣ: правительство считаетъ себя обязаннымъ направлять все дѣло призрѣнія бѣдныхъ и руководить имъ, а общество потому, расчитывая на заботы правительства, является мало дѣйствующимъ. Хотя въ большинствѣ городовъ дѣйствуютъ *bureaux de bienfaisance*, имѣющіе опредѣленные источники доходовъ, могущіе принимать пособія отъ общины (налоги въ пользу бѣдныхъ во Франціи не приняты) и проявляющіе свою дѣятельность главнымъ образомъ чрезъ посредство частныхъ лицъ и особенно *dames de charité*, но составъ этого бюро выбирается префектомъ, которому и принадлежитъ главное направленіе этого дѣла. Этотъ казенный характеръ, приданный мѣстной администраціи, очевидно задерживаетъ развитіе частной благотворительности въ формѣ союзнаго строя. Только такія работы союзовъ благотворительности дѣйствующихъ въ гармонической связи съ союзами самопомощи и съ общиннымъ самоуправленіемъ, могутъ открыть надлежащую дѣятельность по призрѣнію бѣдныхъ. Только при этомъ условіи, призрѣніе бѣдныхъ не столько направляется къ оказанію пособія бѣднымъ, которое, сколько бы ни издерживалось денегъ, всегда будетъ ничтожно, но главнымъ образомъ къ предупрежденію бѣдности. Вотъ въ этомъ-то, въ слабости или даже отсутствіи работъ по предупрежденію бѣдности и заключается прежде всего слабая сторона дѣйствующей во Франціи системы по призрѣнію бѣдныхъ. Въ XIX ст. правительство нѣсколько разъ обращалось къ попыткамъ вызвать союзную дѣятельность, но всякій разъ весьма робко, и, не желая покинуть прежняго убѣжденія, что всѣмъ этимъ дѣломъ должно заправлять само, оно не доставило и до сихъ поръ ни союзамъ по дѣламъ благотворительности, ни союзамъ самопомощи того самостоятельнаго положенія, безъ котораго невозможно ихъ широкое развитіе. Хотя во Франціи и дѣйствуетъ болѣе 70 sociétés de charité maternelle и болѣе 6 тысячъ sociétés de secours mutuels (4398 approuvées и 1741 autorisées), но и ихъ дѣятельность, поставленная подъ контроль правительственный, основанный на недовѣріи къ нимъ и опасеніяхъ, нерѣдко правительствомъ заявлявшихся, представляется весьма недостаточною, хотя и болѣе важною, чѣмъ вся совокупность правительственныхъ операцій по призрѣнію бѣдныхъ. Итакъ первая немощь французской системы

заключается въ *отсутствіи самостоятельныхъ работъ общины по призрѣнію бѣдныхъ и въ недостаточности частной благотворительности въ формѣ союзовъ.*

Затѣмъ, во-вторыхъ, при такихъ недостаточныхъ условіяхъ предупрежденія бѣдности и пособій впавшимъ въ бѣдность, естественнымъ явленіемъ должны представляться *нищенство* и *передвиженіе нищихъ*. Между таковыми имѣются двѣ категоріи: *дѣйствительно нищіе*, которые при недостаткѣ общинной и союзной дѣятельности, могутъ спасаться исключительно частною милостынею, и *нищіе промышленники*, тунеядцы. Правительство, желая избавить общество отъ послѣднихъ, удерживаетъ свои строгіе средневѣковые законы противъ бродячихъ нищихъ, и не имѣя средствъ, при отсутствіи общинной и союзной самодѣятельности, выдѣлить изъ бродячихъ нищихъ первую категорію дѣйствительныхъ нищихъ, дѣлаетъ невозможнымъ точное примѣненіе своихъ законовъ и поражаетъ ими нерѣдко дѣйствительно-нищихъ, предупредить нищенство которыхъ не съумѣли и помочь которымъ не въ состояніи.

Въ-третьихъ, въ системѣ призрѣнія бѣдныхъ во Франціи занимаютъ обширное мѣсто даровая медицинская помощь и устроеніе госпиталей для бѣдныхъ. Устроеніе больницъ въ каждой городской общинѣ для лѣченія бѣдныхъ больныхъ возникло ранѣе санитарнаго дѣла. Еще въ 1812 г. заботы объ этомъ ввѣрены префектамъ, а въ 1851 г. (decret sur les hospices) на общину возложена юридическая обязанность имѣть больницу для бѣдныхъ, и въ случаѣ ея переполненія, помѣстить своего больнаго въ госпиталь другой общины. Вслѣдствіе того во Франціи дѣло устроенія больницъ и теперь остается неотдѣленнымъ отъ вопроса призрѣнія бѣдныхъ: изъ 1557 существующихъ больницъ во Франціи только 300 настоящихъ больницъ, остальныя отчасти больницы, отчасти богадѣльни. Между тѣмъ, когда возникъ санитарный вопросъ и стало разъясняться положеніе, что каждой общинѣ необходимо принимать мѣры для предупрежденія болѣзней, вопросъ о больницахъ всталъ совершенно иначе; капиталы на нихъ издерживаемые должны самостоятельно полагаться общиною не въ видахъ лѣченія неимущихъ только; больницы дѣлаются вездѣ только частицею общей системы по обезпеченію санитарнаго дѣла. Между тѣмъ во Франціи, не смотря на то, что при министерствѣ промышленности устроился совѣщательный комитетъ по дѣламъ общественной гигіены (comité consultatif d'hygiène publique) и въ

департаментахъ съ 1848 г. дѣйствуютъ подобные же комитеты (conseils et comités d'hygiène publique et de salubrité dans les départements), дѣло устроенія больницъ и амбулаторныхъ находится въ страдательной связи съ мѣрами по призрѣнію бѣдныхъ.

Разсмотрѣніе этихъ трехъ капитальныхъ немощей системы призрѣнія бѣдныхъ и можно было бы ожидать отъ парламентской коммиссіи, которой ввѣрено изученіе этого дѣла, могущее пролить свѣтъ на общее теоретическое пониманіе этого вопроса и на разсмотрѣніе однородныхъ ему явленій какъ въ другихъ государствахъ западной Европы, такъ и въ Россіи.

Коммиссія предложила въ своемъ кестіонерѣ 8 главныхъ вопросовъ. Каждый вопросъ, для точнѣйшей оцѣнки его, разсмотримъ въ отдѣльности, и постараемся сгруппировать полученные отвѣты.

I. Первый вопросъ касается учрежденія *благотворительныхъ бюро* (Bureaux de bienfaisance). Именно спрашивается, нужно ли устроивать таковое въ каждой общинѣ (*но не предлагается вопроса, какой долженъ быть его составъ*), какъ составлять списки бѣдныхъ, имѣющихъ право на полученіе пособій вообще и медицинскихъ въ особенности, гдѣ выдавать подобныя пособія, нужно ли согласить дѣятельность такихъ бюро съ обязанностію родственниковъ оказывать пособіе своимъ обѣднѣвшимъ родственникамъ, и можно ли допустить въ принципѣ дѣятельность такихъ бюро при существованіи лицъ, которыя по закону могутъ быть принуждены къ оказанію пособія?

Вотъ первый и самый существенный вопросъ, предлагаемый коммиссіею. Очевидно, она не считаетъ нужнымъ идти далѣе тѣхъ образцовъ, которые уже существуютъ во многихъ городахъ. Она, далѣе, очевидно и не предполагаетъ возможнымъ устроить эти учрежденія иначе, какъ въ полномъ вѣдѣніи и подъ полнѣйшимъ начальствомъ префекта: она считаетъ лишнимъ предложить вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть составъ такихъ бюро, удовлетворителенъ ли нынѣшній.

Отвѣтъ о необходимости учрежденія въ каждой общинѣ какъ городской, такъ и сельской, такого благотворительнаго бюро получился почти единогласный [1]). О способѣ устроенія таковаго,

---

[1]) Весьма немногіе, напр. епископъ Перпиньянскій и нѣкоторые префекты, высказали мнѣніе, что въ нѣкоторыхъ маленькихъ общинахъ трудно будетъ устроить такое бюро. Нѣкоторые духовные, какъ напр. люсонскій епископъ, высказались противъ учрежденія такихъ бюро вообще, на томъ основаніи, что

т. е. о его составѣ, такъ какъ не было предложено вопроса, не представлено и мнѣній. Только по исключенію, нѣкоторые затронули этотъ вопросъ. Такъ мэръ Аллеманса, г. *Бюрге*, замѣчаетъ, что тогда только благотворительное бюро можетъ принести пользу, если оно будетъ надлежащимъ образомъ устроено. По его мнѣнію, кажется весьма близкому къ истинѣ, слѣдуетъ избирать коммиссію изъ членовъ муниципальнаго совѣта и мѣстныхъ фабрикантовъ, и этой коммиссіи поручить выбрать по ея усмотрѣнію членовъ бюро, при чемъ желательно, чтобы въ члены были избираемы и женщины (Appendice au premier volume, стр. 245). Точно также *Плессье* (президентъ одного человѣколюбиваго общества, de la Société de secours mutuels de la Ferté-Gaucher) замѣчаетъ, что весьма невыгодно поручать выборъ членовъ бюро префекту, который никого не знаетъ, необходимо поручить этотъ выборъ муниципальному совѣту и требовать, чтобы это бюро имѣло свою спеціальную кассу, въ которую бы не могла запускать своихъ рукъ администрація: это главное условіе, чтобы сборы въ пользу бѣдныхъ не получили другаго назначенія. (Ib., стр. 266). Нѣкоторые же, касаясь вопроса о составѣ такого бюро, прямо высказываются за сохраненіе настоящаго порядка, именно за назначеніе членовъ такого бюро префектомъ. Особенно странно между такими мнѣніями встрѣчать мнѣнія ученыхъ собраній. Таково мнѣніе одного изъ медицинскихъ обществъ (Deuxième partie, стр. 86).

Далѣе, относительно вопроса, кому поручить составленіе листовъ, въ которые должны быть вносимы имена констатированныхъ бѣдныхъ, получающихъ такимъ образомъ право на пособія вообще и на даровую медицинскую помощь, — большинство высказалось, что это дѣло слѣдуетъ ввѣрить благотворительнымъ

допускаютъ только частную благотворительность, какъ выполненіе религіозной обязанности, а общественное призрѣніе признаютъ вреднымъ и опаснымъ. Такое мнѣніе поддерживается нѣкоторыми на другихъ основаніяхъ. Такъ одинъ врачъ города *Bains*, г. Бальи, думаетъ, что вездѣ, гдѣ устроится организація призрѣнія бѣдныхъ, тамъ явятся непремѣнно бѣдные. Въ деревняхъ, имъ посѣщаемыхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ бюро, онъ не встрѣчалъ нищихъ. Но авторъ этой замѣтки, не задаетъ себѣ вопроса, не идутъ ли бѣдные именно туда, гдѣ имѣется бюро, оттого онъ и не встрѣчаетъ ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакой организаціи: они бредутъ по естественной необходимости туда, гдѣ имъ не дадутъ умереть съ голода. Два conseils d'arrondissement высказали, что вмѣсто такихъ бюро удобнѣе будутъ дѣйствовать sociétés de secours mutuels. Нѣкоторые благотворительные бюро отвѣтили, что устроеніе таковыхъ возможно только въ общинахъ, въ извѣстной степени, состоятельныхъ, и весьма немногіе замѣтили, что лучше это дѣло предоставить свободному рѣшенію самихъ общинъ.

бюро. Многіе же предполагаютъ, что безконтрольно предоставлять этого дѣла нельзя такимъ бюро, но нужно поставить точный надзоръ со стороны муниципальныхъ совѣтовъ. Нѣкоторые на томъ же самомъ основаніи предполагаютъ болѣе удобнымъ поручить составленіе такихъ списковъ особымъ коммиссіямъ [1]).

Такое разнообразіе отвѣтовъ на этотъ пунктъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что не было поставлено точнаго вопроса относительно состава бюро.

По труднѣйшему и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важному пункту, въ этомъ первомъ вопросѣ заключающемуся, именно гдѣ, т. е. въ какой общинѣ нужно оказать пособіе лицу, впавшему въ нищету, поступило весьма мало обстоятельныхъ отвѣтовъ. Это можно объяснить отчасти неточнымъ редактированіемъ этого пункта („où sera fixé le domicile de secours?“), а главнымъ образомъ недостаточнымъ распространеніемъ во французскомъ обществѣ теоретическихъ понятій объ этомъ важномъ вопросѣ, занимающемъ теперь почти всѣ европейскія законодательства. На ту ли общину, гдѣ родился впавшій въ бѣдность, можно возложить юридическую обязанность призрѣнія его (право родины), или напротивъ на ту, гдѣ онъ дѣйствовалъ и слѣдовательно влагалъ собственную трудовую ленту въ созданіе выгодныхъ общественныхъ условій жизни общины. Германія, напримѣръ, принявшая въ новомъ своемъ законѣ 1870 г. это послѣднее начало, ввела по прусскому образцу, для дѣйствительнаго осуществленія этого начала, особые союзы (Landarmenverbände), на которые возложено призрѣвать тѣхъ бѣдныхъ, которые впадутъ въ бѣдность, не проживъ въ общинѣ двухъ лѣтъ и потерявъ право на призрѣніе со стороны той общины, въ которой проживали прежде. При разсмотрѣніи этого вопроса вообще открывается множество побочныхъ, но весьма важныхъ вопросовъ, — о временномъ призрѣніи, о кредитѣ общиннаго управленія по призрѣнію бѣдныхъ, объ органахъ, могущихъ разобрать пререканія между общинами и т. д.; — этими вопросами еще не занималось большинство изъ отвѣчавшихъ по этому существенному пункту. Такъ изъ генеральныхъ совѣтовъ многіе вовсе не отвѣтили, нѣкоторые (29) отвѣтили, что бѣдный можетъ быть внесенъ въ списки бѣдныхъ

[1]) Нѣкоторые изъ духовныхъ особъ, какъ напр. епископъ перпиньянскій, отрицающіе выгоду общиннаго призрѣнія бѣдныхъ, стремятся, но неубѣдительно, доказать опасность составленія такихъ листовъ, какъ открытое объявленіе бѣдныхъ кредиторами общины (Append. au 1 vol., стр. 118).

подъ условіемъ пребыванія шести мѣсяцевъ въ общинѣ; нѣкоторые же изъ нихъ, правда, меньшинство, полагаютъ, что обязанность призрѣнія должна лежать на общинѣ, гдѣ родился бѣдный. Нѣкоторые изъ префектовъ дали болѣе вѣрный отвѣтъ: въ общинѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе бѣдный въ теченіе не менѣе двухлѣтняго срока. Многіе изъ отвѣчавшихъ имѣли одно только руководящее начало: законъ 1793 г., установлявшій годъ пребыванія въ общинѣ для права на полученіе призрѣнія.

Относительно того пункта, какъ сопоставить дѣятельность благотворительныхъ бюро съ дѣятельностію лицъ, обязанныхъ по закону доставлять пособіе бѣднымъ, какъ напр. родители, или тѣ, которые будутъ призваны по судебному приговору доставить такое призрѣніе, получились совершенно одинаковые отвѣты: всякое пособіе, доставленное въ подобныхъ случаяхъ благотворительными бюро, должно быть имъ возвращено со стороны обязанныхъ по закону доставить такое пособіе или признанныхъ таковыми по судебному приговору.

II. Второй вопросъ былъ предложенъ о томъ, не нужно ли въ кантонахъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ общинъ, открыть *центральный для всего кантона комитетъ*, имѣющій принимать общія мѣры призрѣнія въ цѣломъ кантонѣ и наблюдать за устроеніемъ и дѣятельностію общинныхъ благотворительныхъ бюро. Какія функціи при этомъ могли бы быть ввѣрены кантональнымъ комитетамъ относительно принятія мѣръ гигіеническихъ и открытія денежныхъ источниковъ для призрѣнія, и нужно ли этимъ комитетамъ предоставить права, подобныя тѣмъ, которыя предоставлены благотворительнымъ бюро?

Этотъ вопросъ представляется наиболѣе неудачнымъ изъ всѣхъ, предложенныхъ коммиссіею. Онъ вызванъ желаніемъ доставить единство предполагаемымъ благотворительнымъ бюро, а другаго средства, кромѣ открытія такого общаго, болѣе центральнаго бюро, коммиссія не могла подъискать. Печать французской административной практики, предполагающей все спасеніе въ іерархическомъ надзорѣ и начальственномъ контролѣ, легла и на этотъ проектъ устроенія кантональныхъ комитетовъ, о составѣ и организаціи которыхъ коммиссія ничего не спрашиваетъ.

Любопытно, что на этотъ вопросъ большинство отвѣтовъ получилось *отрицательныхъ*. Очевидно, уже начинаетъ проникать убѣжденіе о безполезности формальныхъ надзоровъ и руководительства безъ свѣдѣній, по одному вдохновенію. Если-бы устроились

благотворительные бюро во всѣхъ общинахъ, то ихъ дѣятельность, конечно, оказалась бы недостаточною по отношенію къ извѣстному проценту бѣдныхъ, которые не могутъ, какъ непринадлежащіе къ общинѣ, подлежать дѣятельности благотворительнаго бюро; для таковыхъ потребуется болѣе широкій союзъ, подобно прусскому Landarmenverband, но никакъ не начальствующій кантональный комитетъ, задуманный коммиссіею.

Нѣкоторые впрочемъ, какъ напр. энскій генеральный совѣтъ (de l'Aisne), находятъ, руководствуясь практикою подобнаго комитета, уже существующаго въ департаментѣ, полезными подобные комитеты. Мотивы, имъ выставляемые, слабы: выгода централизаціи источниковъ и правильнаго (?) распредѣленія ихъ по отдѣльнымъ бюро, ревизія списковъ бѣдныхъ, повѣрка (?) бюджетовъ каждаго общиннаго бюро и т. д. представляются генеральному совѣту важною гарантіею успѣха, между тѣмъ разсмотрѣніе именно этихъ функцій кантональныхъ совѣтовъ скорѣе можетъ убѣдить въ опасности облечь все дѣло въ бездушный формализмъ, уже столько навредившій французскому управленію (Enq., т. I, стр. 118).

Нѣкоторые изъ давшихъ отрицательный отвѣтъ, представили коротенькіе, но весьма убѣдительные мотивы. Напр. учрежденіе таковыхъ трудно осуществимо, во всякомъ случаѣ таковые недолго просуществутъ (App., 119). Или: такіе комитеты будутъ безполезныя колеса въ машинѣ; во всякомъ случаѣ, ихъ дѣятельность будетъ парализована самостоятельностію общинъ, весьма желательною (Ib., 122).

III. Третій вопросъ поставленъ относительно той области призрѣнія бѣдныхъ, которая хотя и стоитъ во Франціи не совсѣмъ правильно, но имѣетъ уже широкое развитіе, именно *помощь медицинская* и *формацевтическая*. Вопросъ поставленъ такъ: нужно ли такую помощь организовать въ каждомъ кантонѣ или въ каждой общинѣ, и какъ ее организовать; нужно ли больному бѣдному предоставить самому избирать врача, или напротивъ лучше учредить спеціальныхъ врачей для бѣдныхъ; какимъ образомъ устроить вознагражденіе врачей за лѣченіе бѣдныхъ, пропорціонально ли съ числомъ посѣщенныхъ ими больныхъ или прямо сообразно съ числомъ бѣдныхъ, внесенныхъ въ списокъ; нужно ли, далѣе, требовать отъ врачей этого рода ежегодныхъ отчетовъ о санитарномъ состояніи ихъ округа. Точно также, нужно ли въ каждомъ кантонѣ, гдѣ нѣтъ вольной аптеки, устроить аптекарскій складъ для отпуска лѣкарствъ бѣднымъ. Не

нужно ли затѣмъ ввѣрить генеральнымъ совѣтамъ наблюденіе за медицинскою и аптекарскою помощью бѣднымъ, и не найдено ли будетъ полезнымъ организовать въ каждомъ департаментѣ спеціальную инспекцію за отправленіемъ медицинской и аптекарской помощи бѣднымъ?

Какъ постановка самаго вопроса, такъ и отвѣты, пытающіеся разрѣшить этотъ важный вопросъ призрѣнія бѣдныхъ больныхъ, являются болѣе полными и дѣйствительными сравнительно съ другими вопросами. Но, какъ было замѣчено и выше, для совершенно вѣрной постановки этого вопроса необходимо устроеніе медицинской и аптечной помощи совершенно выдѣлить изъ дѣла призрѣнія бѣдныхъ и вдвинуть въ общій санитарный строй. Только при болѣе полномъ развитіи санитарнаго дѣла вопросъ этотъ разъяснится точнѣе и поставится правильнѣе.

Отвѣты на этотъ вопросъ получились весьма обширные и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма различные по значенію и возможности разрѣшить это трудное дѣло, вызывающее большія издержки и сталкивающееся съ общимъ санитарнымъ вопросомъ. Такъ генеральные совѣты, признавая вообще необходимою общую организацію медицинской помощи, рекомендуютъ существующую въ ихъ департаментахъ организацію этого дѣла. Но при вопросѣ, какъ же ее организовать, большинство полагаетъ, что нужно воспользоваться существующимъ въ мѣстности медицинскимъ персоналомъ, который бы удѣлилъ часть своихъ работъ въ пользу бѣдныхъ. Такимъ образомъ инстинктивно приходятъ къ тому рѣшенію, что нѣтъ надобности создавать особыхъ средствъ для лѣченія только больныхъ бѣдныхъ, но напротивъ дѣло бѣдныхъ больныхъ будетъ обезпечено, если вообще явится надлежащая дѣятельность медицинскаго персонала. 28 генеральныхъ совѣтовъ признаютъ необходимымъ однако устроеніе особой медицинской помощи спеціально для бѣдныхъ въ каждой общинѣ, 43 изъ нихъ находятъ болѣе удобнымъ предоставлять больнымъ бѣднымъ самимъ избирать себѣ врача, 37 думаютъ, что вознагражденіе врачу удобно (?) назначить пропорціонально числу его визитовъ; другіе полагаютъ болѣе справедливымъ опредѣлить ему жалованье. Относительно устроенія не общинныхъ, а кантональныхъ врачей высказали желаніе только 9 генеральныхъ совѣтовъ, остальные напротивъ полагаютъ, что выгоднѣе будетъ система, при которой каждая община, или покрайней мѣрѣ нѣсколько сосѣднихъ, будутъ имѣть своего врача. Но рядомъ съ такими общими, такъ сказать ка-

зенными отвѣтами генеральныхъ совѣтовъ, являются отвѣты, глубоко затрогивающіе самое существо этого дѣла. Это отвѣты лицъ, близко, практически знакомыхъ съ организаціею по мѣстамъ медицинской помощи для бѣдныхъ и отвѣты ученыхъ медицинскихъ обществъ. Такъ, одинъ изъ субъинспекторовъ по призрѣнію бѣдныхъ, г. *Бударъ* (M. A. Boudard), справедливо полагая, что разрѣшеніе этого вопроса скрывается въ болѣе общемъ вопросѣ — надлежащей дѣятельности медицинскаго персонала въ общинахъ,— замѣчаетъ, что все это дѣло пока въ безнадежномъ состояніи, такъ какъ положеніе, въ которое ставятъ врача въ общинѣ, не можетъ привлечь туда надлежащихъ медицинскихъ силъ: у него нѣтъ дѣятельности, за отсутствіемъ маленькихъ госпиталей и амбулаторныхъ, и нѣтъ средствъ для существованія. „Вы предлагаете, говоритъ Бударъ, врачу 600 фр. и публичную признательность, и думаете, что къ вамъ пойдетъ молодой ученый врачъ, обрекаемый вами на нищенское существованіе и на невозможность двинуться впередъ въ своей наукѣ... Онъ справедливо указываетъ, что пора раздѣлить эти два вопроса, исторически спутавшіеся—ученую медицинскую дѣятельность и благотворительность (T. I, App. 167). Точно также г. *Симонъ* (M. Simon, изъ департамента Сены и Оазы), справедливо доказывая, что нѣтъ никакой надобности ставить спеціальныхъ врачей для бѣдныхъ, а что нужно только позаботиться, чтобы вездѣ были свѣдущіе врачи, предлагаетъ способъ пользованія бѣдныхъ, весьма выгодно уже примѣняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Именно бѣднымъ, внесеннымъ въ списки бѣдныхъ, могутъ быть выдаваемы особыя книжки, livrets, которыя они предъявляютъ какъ врачу, такъ и аптекарю; тѣ отмѣчаютъ въ этихъ книжкахъ оказанное имъ пособіе, и затѣмъ благотворительное бюро на основаніи этихъ книжекъ въ извѣстные сроки выдаетъ соотвѣтствующій гонораръ врачу и плату за отпущенное лекарство аптекарю. (Ib., стр. 278). Такой же планъ, но нѣсколько въ другой формѣ, предлагаетъ ученое медицинское общество, дѣйствующее въ департаментѣ верхней Гаронны. По его мнѣнію, вмѣсто безполезнаго учрежденія спеціальныхъ врачей только для бѣдныхъ больныхъ, нужно умѣть пользоваться всѣмъ дѣйствующимъ въ мѣстности медицинскимъ персоналомъ; для достиженія этой цѣли, благотворительное бюро, составивъ списки бѣдныхъ и объявивъ послѣднимъ о правѣ ихъ обращаться къ каждому изъ врачей, должно только всѣмъ врачамъ, ежегодно или въ извѣстные сроки, передавать эти списки

бѣдныхъ. Вознагражденіе врачей за эту дѣятельность ихъ въ пользу бѣдныхъ можетъ устроиться на различныхъ основаніяхъ, по соглашенію съ благотворительнымъ бюро. (Т. II, 22). Эту же самую мысль съ подробнѣйшими и интереснѣйшими доводами развиваетъ *бордосское* медицинское общество: признать полную свободу отношеній между бѣдными больными и врачами, съ установленіемъ только тарифа или таксы, по которой врачи будутъ за лѣченіе больныхъ бѣдныхъ получать гонораръ отъ благотворительнаго бюро. Бордосское общество доказывало уже вѣрность этого положенія, въ 1867 г., на общемъ съѣздѣ французскихъ врачей (l'assemblée generale des médecins de France, avril, 1867) и съ тѣхъ поръ это положеніе усвоено большинствомъ французскихъ врачей (Т. II, 25 и сл.). Большинство медицинскихъ обществъ, подобно бордосскому, прямо ходатайствуютъ объ уничтоженіи спеціальныхъ врачей для бѣдныхъ и о введеніи системы добровольныхъ отношеній, рядомъ съ мѣрами, направленными къ увеличенію медицинскаго персонала въ селахъ. Многія медицинскія общества дѣлаютъ замѣчанія, что слишкомъ смѣло разсчитывать, чтобы на каждую общину достало врачей; достаточно, если на нѣсколько сосѣднихъ общинъ будетъ по врачу; такіе медицинскіе округи, размѣры которыхъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и количеству наличныхъ врачей, могутъ быть весьма различны и часто измѣняться, вполнѣ могутъ удовлетворить поставленной цѣли.

Касательно требованія отъ врачей ежегодныхъ отчетовъ большинство высказалось, что желательно имѣть точную статистику этого дѣла, но обременять врачей требованіемъ подробныхъ отчетовъ на практикѣ окажется неудобнымъ. Многіе справедливо замѣтили, что полученіе данныхъ скорѣе можно ожидать отъ съѣздовъ врачей, если таковые найдутъ для себя точную организацію.

Признавая необходимымъ стремиться къ организаціи медицинской помощи въ каждой общинѣ, большинство отвѣчавшихъ совершенно иначе отнеслось къ вопросу объ аптекарской помощи. Именно большинство полагаетъ, что необходимо только воспользоваться существующими аптеками, войти съ ними въ соглашеніе относительно дешевыхъ цѣнъ на лѣкарства, отпускаемыя для бѣдныхъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости аптекъ нѣтъ, ввѣрить врачамъ дѣло снабженія бѣдныхъ лекарствами. Таково мнѣніе большинства спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ. Но нѣкоторые

изъ генеральныхъ совѣтовъ (35), большинство обществъ сельскаго хозяйства и многія благотворительныя бюро полагаютъ, что не безполезно въ главныхъ пунктахъ кантона, въ которомъ нѣтъ аптекъ, устроить аптечные склады.

Затѣмъ относительно вопроса организаціи надзора за дѣятельностію врачей со стороны генеральныхъ совѣтовъ или устроенія особыхъ для того инспекцій,— большинство высказалось *отрицательно,* мотивируя совершенную безполезность іерархическаго формальнаго надзора тамъ, гдѣ только призваніе и самопожертвованіе могутъ обезпечить успѣхъ, и гдѣ подобный надзоръ будетъ не только лишнимъ, но и вреднымъ тормазомъ.

IV. Изъ общаго вопроса о медицинской помощи бѣднымъ коммиссія выдѣлила входящій собственно въ него вопросъ объ оказаніи бѣднымъ больнымъ помощи посредствомъ помѣщенія ихъ въ госпитали, и поставила отдѣльный вопросъ о *госпитальномъ призрѣніи* (Assistance hospitalière). Такое выдѣленіе надобно признать весьма удачнымъ потому, что дѣло устроенія госпиталей является прежде всего дѣломъ общаго санитарнаго вопроса— госпитали для лѣченія больныхъ вообще, а нетолько для лѣченія бѣдныхъ больныхъ. Поставленіе отдѣльнаго вопроса о госпиталяхъ тѣмъ болѣе важно, что во Франціи госпитали представляютъ весьма сложное историческое предпріятіе, поставлены въ связи съ богадѣльнями и пріютами, и коммисія, ставя особый объ этомъ вопросъ, въ правѣ была надѣяться на полученіе подробныхъ и важныхъ сообщеній. Къ сожалѣнію коммиссія не поставила относительно госпиталей общаго вопроса,— о связи госпиталей вообще съ возможностію принимать въ существующіе госпитали бѣдныхъ больныхъ за счетъ благотворительныхъ бюро и съ возможностію не устроивать особыхъ госпиталей для бѣдныхъ. Вопросъ, ею предложенный, ограничивается слѣдующимъ: „содержаніе больныхъ въ госпиталѣ должно-ли падать на общину, которой принадлежитъ ихъ призрѣніе; бѣдные больные должны-ли быть приняты въ госпиталь ихъ округа всякій разъ, когда врачъ, ихъ пользующій какъ бѣдныхъ, назначитъ отправленіе ихъ въ госпиталь; на кого должны лечь издержки содержанія больнаго въ госпиталѣ; какія мѣры должны быть приняты для призрѣнія престарѣлыхъ и слабыхъ, и не требуютъ ли, относительно этого дѣла, измѣненій постановленія закона 7 августа 1851 г.?“

Законъ 1851 г., введшій особые госпитальные округи, изъ

коихъ къ каждому должно быть приписано нѣсколько общинъ, и постановившій юридическую обязанность каждой общины помѣстить своего больнаго въ госпиталь своего округа, а при недостаткѣ въ немъ мѣста, въ сосѣдній, во многихъ департаментахъ вовсе не примѣняется, и администрація госпиталей часто не принимаетъ бѣдныхъ больныхъ изъ сосѣднихъ общинъ.

Большинство генеральныхъ совѣтовъ, соглашаясь въ принципѣ съ требованіемъ закона 1851 г., чтобы община на свой счетъ устроивала госпиталь или помѣщала въ существующій госпиталь, замѣчаютъ, что выполненіе этой обязанности не по силамъ весьма многимъ общинамъ, и что относительно такой издержки недбходима помощь со стороны департамента и даже центральнаго правительства. При этомъ нѣкоторые генеральные совѣты объяснили, что самая система окружныхъ госпиталей, устроиваемыхъ дая нѣсколькихъ общинъ закономъ 1851 г., заключаетъ въ себѣ многія неудобства: на практикѣ оказалось, что многіе госпитали отстоятъ весьма далеко отъ той или другой общины, а врачи для бѣдныхъ, выполняя предписанія закона, назначаютъ отправить бѣднаго больнаго непремѣнно въ госпиталь, тогда какъ, въ большинствѣ случаевъ, онъ могъ бы излѣчиться дома, а при неудобствѣ перевозки, не говоря уже объ издержкахъ такой перевозки для общины, болѣзнь его усиливается и при несовсѣмъ точной обстановкѣ госпиталя, онъ не всегда находитъ тамъ излѣченіе, которое нашелъ-бы дома. Этимъ объясняется существующее въ народѣ отвращеніе къ госпиталямъ. Вѣрность этого отвращенія понимается и многими врачами, признающими въ старыхъ казарменныхъ госпиталяхъ источникъ зараженій и преждевременной смерти. Вотъ почему, по мнѣнію нѣкоторыхъ генеральныхъ совѣтовъ, для сельскихъ общинъ такое обязательное пользованіе госпиталями неправильно (I, 143). Только такихъ бѣдныхъ больныхъ должно отсылать въ госпиталь, которыхъ нѣтъ никакой возможности лѣчить на дому. (I, 168). Особенно важными по разрѣшенію этого вопроса надобно признать отвѣты нѣкоторыхъ медицинскихъ обществъ. Такъ, тулузское медицинское общество ставитъ между прочимъ два положенія: во-первыхъ, содержаніе бѣдныхъ больныхъ въ госпиталяхъ, предполагая, что они будутъ туда отправляемы только въ крайнихъ случаяхъ, когда лѣченіе на дому невозможно, можетъ быть возлагаемо на общину только при томъ условіи, если община довольно богата, а вообще всѣ издержки, превышающія собственные фундуши госпиталя,

должны падать на департаментскій бюджетъ; во-вторыхъ, всѣ госпитали должны руководствоваться инымъ пріемомъ сравнительно съ нынѣшнимъ: всякій больной, не разбирая — богатый онъ или бѣдный, если привезенъ по предписанію врача, — долженъ быть принятъ, а послѣ уже можетъ открыться разсмотрѣніе, кто долженъ заплатить за больнаго. (II, 23). *Бордосское* медицинское общество, подвергавшее подробнѣйшему и тщательнѣйшему изученію вопросъ о госпиталяхъ, пришло къ такимъ выводамъ, имѣющимъ значеніе не только для Франціи, но и для другихъ государствъ. Главнымъ принципомъ, какъ оно доказываетъ, должно быть признано положеніе, что лѣченіе больныхъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, какъ въ городахъ, такъ и селахъ, *должно быть на дому*. Госпитали должны быть признаваемы средствомъ побочнымъ, но совершенно необходимымъ для лѣченія тѣхъ, кои вовсе квартиры не имѣютъ или квартира которыхъ вполнѣ неудобна для лѣченія. Для лѣченія послѣднихъ, или въ селахъ могутъ быть устроиваемы маленькія лѣчебницы, или таковые больные могутъ быть перевозимы въ болѣе центральные госпитали. Общество признаетъ послѣднюю систему болѣе выгодною во всѣхъ отношеніяхъ и осуждаетъ стремленія заводить маленькіе сельскіе госпитали, доказывая, что такое устроеніе будетъ и весьма дорого, и не въ состояніи достигать цѣли, за недостаткомъ разнообразныхъ спеціалистовъ врачей (II, 32). Любопытно, что такого-же мнѣнія держится и большинство сельскохозяйственныхъ обществъ. Ими признается необходимымъ организовать лѣченіе бѣдныхъ въ селахъ главнымъ образомъ на дому, и только въ случаѣ невозможности такого лѣченія или при заразительныхъ болѣзняхъ, отправлять въ госпитали, издержки содержанія въ которыхъ должны падать на общину, а при ея несостоятельности— на департаментъ и государство.

Относительно вопроса о призрѣніи престарѣлыхъ и дряхлыхъ получились почти единогласные, но весьма короткіе отвѣты: нужно стремиться помѣщать таковыхъ въ частныя семейства, а при невозможности этого — въ богадѣльни.

V. Пятый вопросъ, о *сиротахъ* и *покинутыхъ дѣтяхъ*, не менѣе важенъ. Коммиссія спрашиваетъ: „какъ отправляется призрѣніе такихъ дѣтей; требуются-ли какія-либо измѣненія въ законодательствѣ; какія мѣры выгодно принять, чтобы имѣть возможность общинѣ содержать и воспитывать такихъ дѣтей, и не находятъ ли необходимымъ развить въ каждомъ департаментѣ

институтъ сиротскихъ земледѣльческихъ колоній (orphelinats agricoles)?“

Вопросъ о призрѣніи сиротъ и бросаемыхъ родителями дѣтей вообще занимаетъ важное мѣсто въ ряду вопросовъ пауперизма, но для Франціи онъ получаетъ особое освѣщеніе въ виду того факта, что народонаселеніе Франціи все уменьшается. Перепись 1872 г. еще нагляднѣе показала то, что засвидѣтельствовали и всѣ періодическія переписи, производившіяся во Франціи въ XIX ст., именно, что во Франціи народонаселеніе увеличивается гораздо медленнѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы. Франціи для удвоенія населенія нужно полтора столѣтія, тогда какъ для Бельгіи 77 лѣтъ, для Англіи 59 л., для Пруссіи 48 л. Нѣсколько разъ анализомъ такого невыгоднаго соціальнаго факта занимались французскія академіи. Съ сороковыхъ годовъ нѣсколько разъ, и особенно въ 1869 г., открывались пренія и въ парижской академіи наукъ и въ медицинской и пр.; послѣдствіемъ этого было назначеніе правительствомъ особой коммиссіи для изученія мѣръ, могущихъ содѣйствовать уменьшенію смертности младенцевъ. На этомъ остановились между прочимъ вслѣдствіе разсмотрѣнія тѣхъ данныхъ французской статистики, что для взрослыхъ средняя жизнь дѣлается во Франціи съ каждымъ двадцатилѣтіемъ все благопріятнѣе, и пропорціональное отношеніе взрослыхъ къ общему числу населенія иное, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Такъ во Франціи на тысячу жителей приходится 729 взрослыхъ на 271 дѣтей, тогда какъ въ Бельгіи 697 взрослыхъ на 303 дѣтей, въ Пруссіи 657 на 343, въ Англіи 644 на 356 дѣтей. Такимъ образомъ недостаточное по числу жителей количество рожденій и чрезмѣрная смертность дѣтей обратили уже справедливое вниманіе французскихъ публицистовъ, и трудно объяснить, отчего на этотъ вопросъ, поставленный коммиссіею довольно широко, представлено мало обстоятельныхъ отвѣтовъ.

Основанія для призрѣнія незаконнорожденныхъ поставлены вновь во Франціи закономъ 1869 г.; имъ измѣнены правила пріема дѣтей въ воспитательные дома принятіемъ начала: предлагать матерямъ вознагражденіе, если онѣ согласятся брать приносимыхъ дѣтей обратно для вскормленія дома, для чего каждый департаментъ обязывается внести въ свой бюджетъ ежегодную сумму; при невозможности достигнуть этого, разсылать приносимыхъ дѣтей по деревнямъ для вскормленія до 12 л. возраста,

и затѣмъ заботиться объ этихъ питомцахъ до 21 года, для чего въ каждый департаментъ назначить по два правительственныхъ инспектора.

Существующая система призрѣнія дѣтей со стороны большинства генеральныхъ совѣтовъ признается основательною и достаточною; но при этомъ многіе замѣчаютъ, что было бы нехудо въ дѣйствующемъ законодательствѣ увеличить размѣръ пособій матерямъ, берущимъ къ себѣ дѣтей изъ воспитательныхъ домовъ. Большинство генеральныхъ совѣтовъ доказываютъ необходимость наиболѣе широкаго развитія orphelinats agricoles, образцы которыхъ съ успѣхомъ дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ департаментахъ (напр. въ Кальвадосѣ основана такая колонія аббатомъ Левенеромъ, доставляющая сиротамъ, кромѣ религіознаго-нравственнаго образованія, элементарное и профессіональное) [1]). Особенно ходатайствуетъ объ этомъ генеральный совѣтъ Корсики, не имѣющей достаточно рукъ для земледѣлія.

Медицинскія общества не занялись разработкою этого вопроса.

Общества и комитеты сельскохозяйственные, находя вообще призрѣніе дѣтей достаточно удовлетворительнымъ, полагаютъ, что хорошее устроеніе сиротскихъ земледѣльческихъ колоній было бы весьма желательно, но нѣкоторыя изъ этихъ обществъ, сомнѣваясь въ возможности устроенія таковыхъ въ каждомъ департаментѣ, думаютъ, что болѣе надежное средство состоитъ въ размѣщеніи такихъ дѣтей по частнымъ семействамъ.

Большинство отвѣчавшихъ на этотъ вопросъ находятся подъ вліяніемъ закона 1869 г., дѣйствительно улучшившаго правительственною инспекціею положеніе дѣтей; потому большинство и ведетъ расчетъ главнымъ образомъ на правительственную дѣятельность, и вовсе не поднимаетъ вопроса о развитіи обществъ,

---

[1]) Точно также сиротская колонія протестантская, устроившаяся въ 40-хъ годахъ въ Саверденѣ (Saverdun) нѣсколькими лицами, стремившимися доставить идеѣ такихъ новыхъ колоній дѣйствительное осуществленіе, пошла очень хорошо: безъ всякаго дѣйствія со стороны правительства имѣетъ теперь 130 такихъ колонистовъ и капитала въ недвижимости до 600 тыс. франковъ. Въ 1869 г. въ Тулузѣ образовалась благотворительная компанія, устроившая съ успѣхомъ такую колонію въ *Francazals* (докл. ценер. совѣта верхней Гаронны, I. 305). Но впрочемъ это счастливыя исключенія изъ тѣхъ 20 попытокъ, которыя были предпринимаемы въ послѣднее двадцатилѣтіе. Наибольшая изъ такихъ сиротскихъ земледѣльческихъ колоній, основанная въ Алжирѣ въ 1850 г. (père Brunault), получившая отъ органовъ общ. призрѣнія 200 дѣтей съ большими субсидіями, пришла скоро въ упадокъ; основатель ея въ 1858 г. сознается, что совершенно ошибся въ расчетахъ: эти дѣти неспособны для земледѣльческихъ работъ.

уже существующихъ во Франціи для улучшенія судьбы покинутыхъ дѣтей.

VI. Шестой вопросъ задѣваетъ самую больную сторону французскаго законодательства по дѣлу пауперизма, именно *искорененіе нищенства.*

Открывъ издавна борьбу съ нищими-промышленниками, поставивъ строжайшіе уголовные законы за бродяжничество-нищенство и вооруживъ (еще при Людовикѣ XIV) органы исполнительной полиціи безграничнымъ произволомъ относительно преслѣдованія, высылки и наказанія нищихъ-скитальцевъ, современная Франція удерживаетъ эти средневѣковыя воззрѣнія и произвольные пріемы. Убѣдясь однако, что между нищими-скитальцами бываютъ и не промышленники, а настоящіе нищіе, нищенство которыхъ не успѣли предупредить и для призрѣнія которыхъ не имѣютъ никакихъ средствъ, во Франціи сдѣлали попытки (1808 г.) устроить особые комитеты для разбора нищихъ (dépôts de mendicité) и выдѣлить изъ скитающихся нищихъ дѣйствительно бѣдныхъ. Но эти попытки оказались недостаточны: отдѣльно поставленный такой кометтъ (и то не во всѣхъ департаментахъ), не въ связи съ органами общественнаго призрѣнія, всегда обнаружитъ дѣятельность только случайную, отрывочную, немогущую достигать теоретически поставляемой законодателемъ цѣли. Не имѣя надлежащаго призрѣнія бѣдныхъ и располагая самыми ничтожными средствами для предупрежденія бѣдности, французское законодательство удерживаетъ въ своемъ уголовномъ кодексѣ строгія наказанія за нищенство. По ст. 274 Code pénal, уличенный въ прошеніи милостыни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется организація по призрѣнію бѣдныхъ, подвергается тюремному заключенію отъ 3-хъ до 6 мѣсяцевъ, и затѣмъ препровождается въ нищенскій комитетъ. По ст. 275, уличенный въ такомъ проступкѣ въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ никакой организаціи по призрѣнію бѣдныхъ, подвергается тюремному заключенію отъ 1 до 3-хъ мѣсяцевъ; но если онъ будетъ пойманъ въ прошеніи милостыни внѣ кантона своего постояннаго жительства, то можетъ быть подвергнутъ заключенію отъ 6 мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. По ст. 282 отбывшіе такое наказаніе отдаются подъ надзоръ высшей полиціи на время отъ пяти до десяти лѣтъ. При этомъ нищихъ-рецидивистовъ положено ссылать изъ Франціи въ колоніи, по усмотрѣнію администраціи, на основаніи декрета 1851 г.

Коммиссія, предлагая этотъ вопросъ, проситъ отвѣтовъ на

слѣдующіе пункты: *какія мѣры находятъ вообще необходимыми для искорененія нищенства, въ какомъ положеніи находятся бюро для разбора нищихъ, и не нужно ли ихъ закрыть; не требуютъ ли измѣненій 274 и 282 ст. уголовнаго кодекса и нужно ли сохранять транспортацію нищихъ-рецидивистовъ?*

Многіе генеральные совѣты дали весьма любопытныя указанія. Прежде всего большинство замѣчаетъ, что наилучшее средство искорененія нищенства заключается въ хорошей организаціи призрѣнія бѣдныхъ, и пока вся Франція не будетъ усѣяна энергически дѣйствующими благотворительными бюро, до тѣхъ поръ совершенно безполезно имѣть законы, преслѣдующіе нищенство. Меньшинство генеральныхъ совѣтовъ однако предлагаютъ принять болѣе энергическія мѣры, не объясняя въ чемъ таковыя могутъ заключаться, кромѣ наблюденія жандармеріи, противъ нищихъ-скитальцевъ особенно въ пограничныхъ департаментахъ, куда является много нищихъ изъ сосѣднихъ государствъ. Относительно бюро для разбора нищихъ (dépôts de mendicité) мнѣнія раздѣлились: 14 доказываютъ необходимость ихъ закрытія, большинство же желаетъ сохраненія, но полнѣйшаго преобразованія. Большинство справедливо доказываетъ необходимость поставить эти комитеты въ точнѣйшую органическую связь съ дѣятельностію благотворительныхъ бюро въ каждой общинѣ, а не удерживать ихъ какъ центральныя департаментскія учрежденія. Собственно во Франціи считается такихъ депо 45, хотя не всѣ дѣйствуютъ (такимъ образомъ одно на два департамента). Имѣя двоякую функцію, разобрать присылаемыхъ нищихъ, раздѣлить ихъ на двѣ категоріи, дѣйствительно бѣдныхъ и нищихъ-промышленниковъ, и задержать у себя послѣднихъ, эти депо ни той, ни другой функціи выполнять не въ состояніи. Первая весьма затруднительна при отсутствіи въ общинахъ благотворительныхъ бюро, вторая представляется неопредѣленною, при существованіи закона, обязывающаго представлять нищихъ-промышленниковъ въ судъ для заключенія въ тюрьму и при одновременной обязанности депо удерживать такихъ нищихъ у себя. Поэтому въ нѣкоторыхъ депо начали заводить работы, но не имѣя для того ни средствъ, ни надлежащихъ полномочій, большинство депо совершенно не дѣйствуютъ, являются при ихъ нынѣшней организаціи безплодными. Между тѣмъ, если подобные комитеты для разбора нищихъ соединятся органически съ благотворительными бюро, они могутъ принести существенную выгоду. Такъ, убѣ-

дительное доказательство относительно этого дѣла приводитъ одинъ изъ генеральныхъ совѣтовъ (dep. du Nord). Въ г. *Гандѣ* совершенно нѣтъ нищихъ, послѣ того, какъ городъ завелъ у себя разбирательство нищихъ и устроилъ при этомъ на средства благотворительности *добровольный рабочій домъ*, нисколько не похожій на dépots de mendicité. Всѣ бѣдные, мужчины и женщины, всякаго возраста, желающіе посредствомъ труда поддержать свое существованіе и ненаходящіе работы въ городѣ, находятъ работу въ этомъ учрежденіи. Они могутъ тутъ заработать отъ 40 до 60 сантимовъ въ день и мало по малу предпочли это прошенію милостыни. Это учрежденіе, правда, еще новое, открывшееся только въ 1872 г. Его ежегодныя издержки простираются до 48 тыс. флор., изъ коихъ покрывается работами болѣе половины, городу приходится приплачивать 20 тыс. флор.; но, въ первый годъ, частныя пожертвованія съ избыткомъ покрыли эту сумму (I, 412).

Большинство генеральныхъ совѣтовъ находятъ и уголовные законы (ст. 274, 282 угол. кодекса) вообще чрезвычайно строгими, но дѣйствительной критикѣ подвергаются эти законы со стороны весьма немногихъ совѣтовъ. Заслуживаютъ вниманія разсужденія энскаго совѣта (de l'Ain). Онъ думаетъ, что тутъ требуется радикальная реформа. Подвергаютъ бродягу, нищаго-скитальца, тюремному заключенію, на три или на шесть мѣсяцевъ, за то, что онъ ничего не имѣетъ и не работаетъ. По выдержаніи въ тюрьмѣ, его опять бросаютъ на улицу, не обезпечивая ни средствъ существованія, ни труда; такимъ образомъ дѣлаютъ его еще бо́льшимъ бродягою, чѣмъ онъ былъ прежде; часто такихъ лицъ заключаютъ въ тюрьму разъ тридцать и даже пятьдесятъ въ его жизни. Тутъ очевидно плохое изученіе справедливости и потребностей общественной жизни (I, 112). Совѣтъ департамента нижнихъ Альпъ нападаетъ на другую сторону этаго закона, на отдачу нищихъ, отсидѣвшихъ въ тюрьмѣ, подъ надзоръ полиціи. Онъ думаетъ, что эта мѣра плодитъ бродягъ и воровъ (L'envoi sous la surveillance a pour résultat de faire des vagabonds, des voleurs. I, 127). Вмѣсто тюремнаго заключенія и отдачи подъ надзоръ полиціи, многіе генеральные совѣты предлагаютъ послѣ того, какъ вездѣ будутъ устроены благотворительныя бюро, и слѣдовательно послѣ обезпеченія разбора нищихъ и надлежащаго призрѣнія дѣйствительно нищихъ, нищихъ-промышленниковъ прямо отправлять въ колоніи. устроеніе которыхъ должно соста-

вить тогда особый вопросъ для изученія. Тогда, предлагаетъ напр. совѣтъ департамента Сены и Марны, замѣнить 274 ст. угол. кодекса такою: „Всякій человѣкъ, неимѣющій 50 лѣтъ и пользующійся здоровьемъ, если будетъ уличенъ въ нищенствѣ, какъ промыслѣ, долженъ быть отправленъ въ колоніи.“ (I, 509). Относительно нынѣшнихъ порядковъ ссылка нищихъ-рецидивистовъ, многіе генеральные совѣты справедливо замѣчаютъ, что при отсутствіи надлежащаго призрѣнія бѣдныхъ такая мѣра слишкомъ сурова, и при полномъ неустройствѣ такихъ заатлантическихъ колоній Франціи, такая мѣра ссылки нищихъ и несправедлива, и неполезна, хотя большинство стоитъ за сохраненіе этой мѣры.

Медицинскія общества не занялись разсмотрѣніемъ этого вопроса; многія изъ нихъ вовсе не дали отвѣтовъ, считая себя не компетентными въ этомъ дѣлѣ.

Отвѣты сельскохозяйственныхъ обществъ въ общемъ итогѣ сходятся съ выводами, сдѣланными изъ мнѣній генеральныхъ совѣтовъ. Главный расчетъ ведется на правильную организацію призрѣнія бѣдныхъ, какъ на средство предупрежденія нищенства. Дѣятельность dépôts de mendicité признается безцвѣтною, не достигающею цѣли, а уголовное законодательство — неумѣстно-суровымъ.

Изъ благотворительныхъ бюро — ліонское рекомендуетъ принять систему, предлагаемую пользующимся тамъ большимъ уваженіемъ г. *Луазономъ* (Loyson). Выходя изъ того положенія, что самая лучшая организація призрѣнія бѣдныхъ можетъ достигнуть только уничтоженія нищенства со стороны дѣйствительно бѣдныхъ, но всегда будетъ безсильна для борьбы съ нищими-промышленниками, въ которыхъ развилась болѣзненная страсть къ праздности и тунеядству, *Луазонъ* развиваетъ старую впрочемъ мысль о необходимости лѣчить ихъ отъ таковой страсти пріученіемъ къ труду и рекомендуетъ устроеніе принудительныхъ рабочихъ домовъ по системѣ одиночнаго заключенія. Это старая тема, разрѣшавшаяся неудачно на практикѣ и представляющая многоразличныя стороны для критическаго разсмотрѣнія, но ліонское благотворительное бюро обходитъ это разсмотрѣніе, выставляя систему г. Луазона, какъ единственно спасительную. Только въ подтвержденіе главнаго его положенія, впрочемъ и невозбуждающаго сомнѣнія, что правильное призрѣніе бѣдныхъ можетъ прекратить нищенство лишь дѣйствительно бѣдныхъ, а не промышленниковъ, ліонское бюро замѣчаетъ, что получившая громкую извѣстность

дѣятельность г. *Магнито,* префекта ньеврскаго департамента, (M. Magnitot), оказалась безсильною по отношенію къ нищимъ-промышленникамъ. Именно, что г. Магнито, успѣвшій посредствомъ возбужденія частной и общинной благотворительности и полученія пособій отъ департамента и правительства уничтожить у себя въ департаментѣ нищенство устроеніемъ больницъ и богадѣленъ, нищенскихъ бюро и кассы вспоможенія [1]), въ дѣйствительности достигъ этого только тѣмъ путемъ, что нищихъ-промышленниковъ выгоняетъ изъ своего департамента, предоставляя имъ путешествовать по другимъ (II, 695).

VII. Затѣмъ коммиссія обращается къ вопросу о денежныхъ источникахъ для покрытія расходовъ по призрѣнію бѣдныхъ (ressources, répartition des charges). Поставляя общій вопросъ, *какъ должны быть устроены источники для призрѣнія,* коммиссія пополняетъ этотъ вопросъ слѣдующими: *должны ли общины и генеральные совѣты вотировать, въ случаѣ надобности, надбавочные сантимы спеціально для призрѣнія; какъ должны распредѣляться тяготи по призрѣнію между общинами и департаментомъ,* и *должны ли оказывать посредствомъ субсидій пособіе общинѣ департаментъ и государство, когда средства общины окажутся недостаточными?*

Признавая необходимымъ всю организацію призрѣнія бѣдныхъ сосредоточить въ каждой отдѣльной общинѣ, устроивая въ ней самостоятельно дѣйствующее по всѣмъ вопросамъ призрѣнія благотворительное бюро, казалось бы логичнымъ, на первый разъ, предоставить самой общинѣ изобрѣтать тѣ средства, какія она найдетъ нужными и которыя не будутъ противны законамъ и правительственнымъ интересамъ. Но такое логическое сужденіе представляется вѣрнымъ только при поверхностномъ анализѣ. При болѣе глубокомъ разсмотрѣніи этого дѣла оказывается противное. Именно не подлежитъ сомнѣнію, что точное отправленіе призрѣнія бѣдныхъ можетъ вести только община и слѣдовательно общій государственный интересъ заключается въ томъ, чтобы каждая община завѣдывала этимъ дѣломъ самостоятельно. Но средства у общинъ, какъ и вообще у общества въ разныхъ мѣстностяхъ, могутъ быть различны; оттого можетъ оказаться, что у

[1]) Магнито свои мѣры изложилъ въ сочиненіи: «De l'assistance et de l'Extinction de la Mendicité».

данной общины средствъ можетъ быть очень мало, у другой въ избыткѣ. Отсюда, независимо отъ вопроса, что такой общинѣ, въ этихъ случаяхъ, должно помочь государство, можетъ родиться важный вопросъ относительно такой финансовой администраціи, при которой избытки денежныхъ средствъ одной общины могли бы быть передаваемы въ общину, гдѣ такихъ средствъ оказывается недостаточно. При этомъ рождается другой вопросъ, должно ли такое распредѣленіе касаться и всѣхъ сторонъ внутренней финансовой администраціи общинъ извѣстнаго раіона, напр. французскаго департамента, или ограничиваться спеціальными вопросами, напр. даннымъ вопросомъ по призрѣнію бѣдныхъ. Франція не имѣла до сихъ поръ спеціальнаго налога въ пользу бѣдныхъ, но каждый департаментъ изъ общихъ сборовъ выплачиваетъ по указанію правительства на дѣло призрѣнія бѣдныхъ, если взять среднюю цифру до 200 тыс. фр. Каждая община, какъ городская, такъ и сельская, свой ежегодный бюджетъ представляетъ не только на утвержденіе, но и для выправки и правительственныхъ указаній префекту (города, имѣющіе сборовъ болѣе 3-хъ милліоновъ, представляютъ свои бюджеты чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ главѣ правительства). Расходы общинныхъ бюджетовъ двояки: обязательные и факультативные. Изъ всѣхъ расходовъ, необходимыхъ для призрѣнія бѣдныхъ, къ обязательнымъ по самому закону отнесена только поддержка учрежденій для сиротъ. Доходы получаются какъ съ косвенныхъ сборовъ, такъ и съ прямыхъ. Для выполненія бюджета со времени первой революціи найдено средство въ установленіи добавочныхъ сборовъ къ прямымъ налогамъ, — *centimes additionnels*. Эти добавочные сантимы, установляемые только путемъ закона, составляютъ существенный источникъ дохода общинъ (почти $^1/_4$ часть ихъ ординарныхъ доходовъ). Эти добавочные сантимы, собираемые въ размѣрѣ 5 сантимовъ съ каждаго франка, называются *ординарными* (centimes additionnels ordinaires), распредѣляются между всѣми общинами для удовлетворенія обыкновенныхъ расходовъ общинъ. Въ 1868 г. напр. такихъ ординарныхъ сантимовъ собрано 10,928,719 фр., изъ коихъ напр. на долю Парижа пришлось 896,016 фр. Отъ этихъ ординарныхъ добавочныхъ сантимовъ отличаются *спеціальные* или *экстраординарные добавочные сантимы* (centimes additionnels spéciaux, extraordinaires), которые назначаются для спеціальной потребности, закономъ точно опредѣленной, и только на эту потребность могутъ

расходоваться. Таковы: сборы на элементарныя школы, 3 сантима (въ 1868 г. нѣсколько болѣе 8 мил. фр.), на проселочныя дороги, 5 сант. (болѣе 13 милл.), на полевыхъ сторожей (7 милл.), на издержки по взиманію прямыхъ налоговъ ($2^1/_2$ милл.). Отъ этихъ отличаются еще временные добавочные сантимы, разрѣшаемые общинамъ для покрытія ихъ обязательныхъ расходовъ — pour insuffisance de revenu. Такимъ образомъ финансовая дѣятельность французской общины не самостоятельна, но привязана къ правительственной финансовой администраціи, и строго говоря, еслибы община, задумавъ устроить призрѣніе бѣдныхъ на надлежащихъ началахъ, пожелала бы въ своемъ бюджетѣ сократить тѣ или другіе расходы, признавая ихъ менѣе важными сравнительно съ расходами по дѣлу пауперизма, она ничего не могла бы сдѣлать: она связана распоряженіемъ префекта и значеніемъ обязательныхъ расходовъ.

Оттого большинство отвѣчавшихъ на этотъ вопросъ генеральныхъ совѣтовъ видятъ одно средство для обезпеченія призрѣнія въ устроеніи спеціальныхъ добавочныхъ сантимовъ. Всѣ генеральные совѣты высказываютъ это, за исключеніемъ пяти, вообще отвергающихъ спеціальные сборы для обезпеченія бѣдныхъ: они полагаютъ, что это дѣло частной благотворительности. Предлагая такой налогъ, большинство полагаетъ, что дѣло государства и департамента должно ограничиться распредѣленіемъ его по общинамъ, согласно съ количествомъ населенія, а самое распоряженіе имъ должно быть непосредственно ввѣряемо благотворительному бюро каждой отдѣльной общины. Изъ собственныхъ же источниковъ департаменты и государственная казна должны оказывать пособіе тѣмъ общинамъ, у которыхъ эти средства окажутся недостаточными.

Но иначе понимаютъ это дѣло ученыя общества земледѣльческія. Большинство ихъ не видятъ необходимости въ установленіи такихъ спеціальныхъ сборовъ. Напротивъ, полагаютъ, что когда начнутъ дѣйствовать благотворительныя бюро, найдутся источники въ частной благотворительности и благотворительныхъ союзахъ. Это мнѣніе поддерживается и нѣкоторыми благотворительными бюро, хотя большинство ихъ стоитъ за centimes additionels. Это же мнѣніе раздѣляется и администраціею больницъ.

VIII. Въ заключеніе, коммиссія ставитъ важный вопросъ о *мѣрахъ для предупрежденія бѣдности*, но способъ постановки его нельзя признать ни удачнымъ, ни исчерпывающимъ содержаніе

входящихъ въ него понятій. Она спрашиваетъ: *можно ли допускать свободное устроеніе частныхъ благотворительныхъ ассоціацій; нужно ли въ сельскихъ общинахъ развивать учрежденіе сберегательныхъ кассъ; можно ли уполномочить съ этою цѣлію сборщиковъ податей или почтовыхъ смотрителей принимать вклады и выдавать книжки; можно ли въ сельскихъ общинахъ развивать общества взаимной помощи и учрежденія земледѣльческаго кредита, и какія можно придумать практичныя средства для ихъ организаціи?*

Можетъ быть, этотъ вопросъ, неточно поставленный коммиссіею, будетъ разъясненъ и пополненъ замѣчаніями отвѣчающихъ. Нѣтъ, отвѣты на этотъ вопросъ гораздо бѣднѣе предъидущихъ отвѣтовъ. Только общимъ образомъ и отвѣчаютъ, что сберегательныя кассы устроить можно, особенно какъ отдѣленія большихъ сберегательныхъ кассъ, и органами для полученія вкладовъ указываютъ сборщика податей, почтоваго смотрителя, секретаря мэра. Находятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что хорошо, если разовьются общества взаимной помощи, какъ уже и имѣются тому примѣры, но справедливо замѣчаютъ, что это дѣло самого общества и вторгаться въ эту область съ поощреніями трудно. Относительно же учрежденій земледѣльческаго кредита многіе высказываются скептически, выражая мало мотированныя опасенія и свидѣтельствуя скорѣе о весьма поверхностномъ разумѣніи этого дѣла.

Только весьма немногіе стремятся поглубже вникнуть въ этотъ вопросъ. Такъ генеральный совѣтъ обскаго департамента совѣтуетъ, для развитія благотворительныхъ ассоціацій, отказаться отъ пагубной привычки регламентацій, составляющихъ главную причину недостаточнаго развитія этихъ учрежденій во Франціи. Далѣе, онъ видитъ необходимость въ самыхъ энергическихъ мѣрахъ для распространенія сберегательныхъ кассъ въ селахъ: по его счету имѣется еще 36,000 общинъ, между которыми 2,000 главныхъ мѣстъ кантона, и 19 главныхъ мѣстъ arrondissement, неимѣющихъ сберегательныхъ кассъ; такимъ образомъ 29 милліоновъ сельскаго населенія лишены этого важнаго учрежденія. Онъ сравниваетъ это положеніе съ Англіею и совѣтуетъ заимствовать порядки и организацію отъ Англіи (I, 178). Такъ же горячо взываетъ къ правительственной помощи денежной для заведенія повсюду сберегательныхъ кассъ, какъ одного изъ надежныхъ средствъ для предупрежденія бѣдности, докторъ Бальи. (I, Арр., 260). Къ устроенію организаціи земледѣльческаго кре-

дита благопріятно отнеслись только земледѣльческія общества и администраціи госпиталей и богадѣленъ, объясняя важность этого учрежденія, но не объясняя способовъ скорѣйшаго осуществленія этого дѣла во Франціи. Только земледѣльческое общество въ *Пуатьѣ* докторально высказало мнѣніе, что только тогда кредитъ земледѣльческій будетъ возможенъ, если устроится центральный земледѣльческій банкъ.

Неопредѣленно поставленный коммиссіею этотъ, одинъ изъ существенныхъ вопросовъ въ области пауперизма, вопросъ о мѣрахъ для предупрежденія бѣдности вообще вызвалъ весьма бѣдные отвѣты.

Въ общемъ выводѣ нельзя не сказать, что вся совокупность полученныхъ отвѣтовъ представляетъ не особенно богатый матеріалъ. Повидимому сама Коммиссія ожидала выгоднѣйшихъ результатовъ. По крайней мѣрѣ главнѣйшій двигатель этой Коммиссіи, секретарь ея и авторъ проекта, послужившаго главнымъ основаніемъ составленнаго ею кестіонера, *Таллонъ* сознается, что только по отношенію къ тремъ вопросамъ получились такіе отвѣты, на основаніи которыхъ можно сдѣлать какое либо построеніе. Именно необходимость устройства въ каждой общинѣ благотворительнаго бюро, организаціи медицинской помощи, леченія на дому и созданія добавочныхъ сантимовъ для призрѣнія. Онъ думаетъ, что только эти три вопроса и могутъ составить содержаніе проекта новаго закона. По остальнымъ вопросамъ онъ затрудняется выбрать что либо годное для проекта (I, 30).

Для теоріи пауперизма и особенно для *Русскаго права* составляетъ весьма важный вкладъ разработка, произведенная французскимъ обществомъ, двухъ слѣдующихъ положеній: во-первыхъ, что безплодны будутъ всѣ законоположенія по дѣлу пауперизма, если въ каждой общинѣ, какъ городской, такъ и сельской, не будетъ самостоятельной общинной организаціи дѣла призрѣнія бѣдныхъ, въ родѣ bureau de bienfaisance, и во-вторыхъ, что дѣло госпиталей и медицинской помощи должно выдѣлиться изъ области призрѣнія бѣдныхъ и войти въ область санитарной организаціи.

Въ Россіи, со введеніемъ земскихъ учрежденій, окончился періодъ дѣятельности екатерининскихъ *приказовъ общественнаго призрѣнія*. Столѣтняя почти работа этихъ искусственно состроенныхъ учрежденій составляетъ періодъ формальныхъ и

сравнительно съ издержанными капиталами почти безплодныхъ предпріятій. Съ кончиною Приказовъ и съ передачею дѣлъ ихъ земскимъ учрежденіямъ, между прочимъ, оказались два явленія: во-первыхъ, сто лѣтъ губернская администрація завѣдывала дѣлами пауперизма, *безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ общинъ;* во-вторыхъ, громадные капиталы положены были Приказами главнымъ образомъ на устройство больницъ, которыя оказались при передачѣ ихъ земствамъ въ положеніи не блестящемъ. Эти два обстоятельства и вызываютъ прежде всего необходимость новыхъ работъ. Во-первыхъ, необходимо дѣло устроенія больныхъ и связанныхъ съ ними капиталовъ выдѣлить изъ области пауперизма и ввести органически въ зарождающуюся теперь въ Россіи санитарную область. Во-вторыхъ, столь же необходимо приняться за организацію призрѣнія бѣдныхъ, но не центральнымъ и не губернскимъ учрежденіямъ, а самой общинѣ городской и сельской. Хотя положительный законъ возлагаетъ на сельскую общину и волость даже юридическую обязанность призрѣвать своихъ бѣдныхъ сочленовъ, но не указывая ни организаціи, ни средствъ для такой дѣятельности, этотъ законъ остается только намекомъ, общею неопредѣленною программою будущей дѣятельности сельской общины, и осуществляется въ исключительномъ случаѣ: когда сельскаго обывателя помѣщаютъ въ земскую больницу, то земство взыскиваетъ издержки за содержаніе въ больницѣ съ сельскаго общества по принадлежности. Относительно обязанности городской общины въ дѣлѣ призрѣнія, новое городовое положеніе 1870 г. опредѣляетъ (ст. 139, п. 4), что городское общественное управленіе *обязано* отпускать на содержаніе благотворительныхъ заведеній пособія въ теченіе трехъ лѣтъ по введеніи въ городѣ въ дѣйствіе городоваго положенія, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ городъ отпускалъ прежде; по истеченіи же трехъ лѣтъ для города *обязательно* будетъ производство такого пособія на основаніи положеній, которыя будутъ изданы законодательнымъ порядкомъ, или на основаніи соглашеній между городскимъ общественнымъ управленіемъ и благотворительными учрежденіями. Но обязанность отпускать тѣ или другія суммы и организація призрѣнія бѣдныхъ двѣ вещи совершенно различныя. Въ Россіи издерживаются вообще громадныя суммы на пособіе бѣднымъ, но очень мало предпринимается для предупрежденія бѣдности и для изученія дѣйствительно бѣдныхъ, а только при этомъ условіи и самыя пособія могутъ быть бла-

готворны. Организація призрѣнія бѣдныхъ стала занимать наше общество одновременно со введеніемъ земскихъ учрежденій. Весьма справедливо была поднята мысль о необходимости связать организацію призрѣнія бѣдныхъ непосредственно съ маленькою общиною, прежде всего съ приходомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ родилась мысль объ устроеніи *приходскихъ попечительствъ* и *церковныхъ братствъ*, какъ наипростѣйшей и удобнѣйшей формы организаціи призрѣнія бѣдныхъ въ отдѣльной мѣстности. Такія попечительства, казалось, могутъ и знать своихъ бѣдныхъ, могутъ легко открывать и причины ихъ бѣдности и слѣдовательно возбуждать вопросы о мѣрахъ для удаленія этихъ причинъ, т. е. для предупрежденія бѣдности, могутъ точнѣе, чѣмъ кто либо, и распредѣлять пособія дѣйствительно бѣднымъ, если таковыя пособія имъ будутъ доставлены. Въ 1864 г. издано и положеніе о приходскихъ попечительствахъ, искусственно связавшее эти учрежденія съ обязанностію содержать приходское духовенство и поставившее ихъ въ вѣдѣніе епархіальныхъ архіереевъ. Въ городахъ такія попечительства начали дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ и могутъ составить главную основу общественнаго призрѣнія бѣдныхъ въ Россіи. Какъ общества территоріальныя, эти попечительства могутъ стать въ органическую связь съ спеціальными благотворительными обществами и съ болѣе крупными союзами по призрѣнію бѣдныхъ. И въ селахъ стали возникать такія попечительства (ихъ уже болѣе 8,000), земскія собранія первоначально много разсчитывали на развитіе этихъ учрежденій, но скоро дѣятельность сельскихъ приходскихъ попечительствъ по выполненію этой функціи, призрѣнію бѣдныхъ, самимъ положеніемъ сдѣланной второстепенною, стала блѣднѣть и во многихъ мѣстахъ погасаетъ. Весьма существеннымъ представляется въ настоящее время изучить условія, въ которыхъ находятся наши приходскія попечительства и обязанности относительно поддержки и развитія ихъ, которыя могутъ быть возложены на общину городскую и сельскую и на земство, а равно и отношенія къ нимъ цѣлаго государства; затѣмъ по возможности связать эти попечительства въ большіе или меньшіе союзы и наконецъ въ одинъ цѣльный союзъ. Это сложный, но весьма существенный вопросъ, къ разсмотрѣнію котораго мы попытаемся приступить въ скоромъ времени.

ПРИВИЛЕГІИ

НА ИЗОБРѢТЕНІЯ.

В. И. ВЕШНЯКОВА.

Къ числу наиболѣе спорныхъ вопросовъ современнаго промышленнаго законодательства принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, вопросъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія. Обсужденіемъ и разрѣшеніемъ его заняты въ настоящее время, не только весьма обширная и спеціальная литература, многія ученыя и промышленныя общества, но и нѣкоторыя законодательныя собранія. Изъ области вопросовъ національныхъ, какимъ онъ былъ прежде, вопросъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія, подобно многимъ другимъ экономическимъ вопросамъ, каковы: торговый, монетный, желѣзнодорожный, телеграфный, почтовый и т. п., перешелъ въ область вопросовъ международныхъ. Въ минувшемъ году, по поводу всемірной выставки въ Вѣнѣ, кромѣ другихъ многочисленныхъ конгрессовъ, устроенъ былъ австрійскимъ правительствомъ и международный конгресъ по вопросу о привилегіяхъ на изобрѣтенія. Официальный отчетъ этого конгреса, изданный генеральнымъ секретаремъ его, гражданскимъ инженеромъ, Карломъ Пиперомъ, подъ заглавіемъ: „Der Erfinderschutz und die Reform der Patentgesetze“, служитъ отчасти поводомъ и для настоящей статьи о современномъ положеніи этого вопроса въ научныхъ, практическихъ и законодательныхъ сферахъ.

Первыя привилегіи на изобрѣтенія явились въ Англіи, въ

эпоху полнаго господства цеховыхъ постановленій и исходя отъ верховной власти, носили характеръ частныхъ монополій или изъятій, безъ которыхъ немыслимо было въ то время развитіе промышленныхъ силъ. Когда злоупотребленія системой монополій вынудили парламентъ уничтожить актомъ 1623 года всѣ монополіи, исключеніе сдѣлано было въ пользу одной категоріи — привилегій на изобрѣтенія.

Полтора столѣтія спустя, система привилегій на изобрѣтенія введена была въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (1787) и во Франціи (1791); затѣмъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, мало по малу она распространилась и въ другихъ государствахъ континента Европы; сперва между 1810 и 1819 годомъ: въ Австріи (1810), Россіи (1812), Пруссіи (1815), Голландіи (1817) и Швеціи (1819), а затѣмъ и въ другихъ государствахъ, за исключеніемъ Швейцаріи, вольныхъ городовъ Гамбурга и Бремена, Турціи и Греціи, которыя никогда не вводили у себя привилегій на изобрѣтенія. Во второй четверти нынѣшняго столѣтія, почти во всѣхъ большихъ государствахъ Европы и въ Америкѣ, послѣдовалъ пересмотръ первоначальнаго законодательства по привилегіямъ и установились вездѣ нынѣ дѣйствующіе законы.

Не смотря на различіе основныхъ принциповъ, на которыхъ утверждается законодательство по привилегіямъ каждой страны, существенныя, общія черты заключаются въ слѣдующемъ. Привилегія даетъ изобрѣтателю или другому лицу, получившему патентъ, право на исключительное пользованіе и распоряженіе извѣстнымъ изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ, въ теченіе опредѣленнаго срока, обыкновенно отъ одного года до 20 лѣтъ, смотря по принятому въ каждой странѣ высшему сроку и сообразно внесенной пошлинѣ. Предметомъ привилегіи можетъ быть или новый продуктъ, или новая машина и часть машины, или новый способъ фабрикаціи; но каждое патентованное изобрѣтеніе должно имѣть всегда самое точное описаніе, которое публикуется во всеобщее свѣдѣніе или одновременно съ выдачею патента, или по истеченіи ему срока, дабы изобрѣтеніе могло сдѣлаться общимъ достояніемъ всего промышленнаго міра.

Главное различіе между законами о привилегіяхъ заключается въ порядкѣ ихъ выдачи. Въ этомъ отношеніи всѣ они удобно подводятся подъ три различныя системы, которыя

могутъ быть охарактеризованы названіемъ системъ: *карательной, предупредительной* и *состязательной.*

Система карательная или репрессивная заключается въ томъ, что привилегія выдается безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія о новости и пользѣ изобрѣтенія, по одному простому *заявленію* просителя, которому предоставляется уже по полученіи патента отстаивать судомъ всѣ могущія быть противъ его изобрѣтенія возраженія. Такъ какъ число выдаваемыхъ привилегій при этой системѣ почти совпадаетъ съ числомъ заявленныхъ изобрѣтеній, то посему и самая система эта нерѣдко называется *заявочной системой* (Anmeldungssystem). Этой системы придерживаются Франція, Бельгія, Австрія, Италія, Испанія и Португалія.

Система *предупредительная* состоитъ въ томъ, что всякое прошеніе о привилегіи подвергается болѣе или менѣе строгому предварительному изслѣдованію чрезъ компетентныхъ лицъ относительно новости изобрѣтенія, и патентъ выдается лишь на тѣ изобрѣтенія, новость которыхъ можетъ быть доказана. Система эта, называемая также системой *разъѣдочной* (Prüfungsverfahren), принята въ Россіи, въ Пруссіи и въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Наконецъ, третья система, составляющая середину между двумя названными, и принятая только въ Англіи, состоитъ въ томъ, что по всякому поданному прошенію о выдачѣ привилегіи, дѣлается вызовъ желающимъ заявить въ теченіи опредѣленнаго закономъ срока свои возраженія противъ выдачи привилегіи и вслѣдствіе того предварительное изслѣдованіе о самомъ существѣ привилегируемаго изобрѣтенія ограничивается преимущественно разсмотрѣніемъ представленныхъ частными лицами въ узаконенный срокъ возраженій. Поэтому систему эту и можно назвать также *состязательною.*

Каждая изъ трехъ системъ имѣетъ свои болѣе или менѣе существенные недостатки. Такъ система заявочная влечетъ за собою возможность безпрепятственной выдачи привилегій на изобрѣтенія уже старыя, или безполезныя и на незначительныя измѣненія и улучшенія новѣйшихъ изобрѣтеній, испрашиваемыя съ единственною цѣлью затруднить ихъ осуществленіе и заставить изобрѣтателя войти въ невыгодныя для него сдѣлки. Система эта открываетъ широкую дверь для рекламы и интриги; послѣдствія ея — раз-

множеніе числа привилегій, возникновеніе безчисленныхъ процессовъ, чрезмѣрное затрудненіе для промышленнаго міра.

Система, сопряженная съ предварительнымъ разсмотрѣніемъ новости, а иногда и пользы изобрѣтенія, кромѣ замедленія въ выдачѣ привилегій, влечетъ еще и другія неудобства. Она не ограждаетъ вообще отъ возможности позднѣйшихъ споровъ и процессовъ, потому-что установленное для разсмотрѣнія прошеній о привилегіяхъ учрежденіе не всегда можетъ обладать всѣми нужными по всѣмъ отраслямъ знаній свѣдѣніями и легко можетъ ошибаться въ своей оцѣнкѣ. Притомъ система предварительнаго разсмотрѣнія, въ различныхъ странахъ, даетъ весьма различные результаты, смотря потому, направлена ли она, какъ въ Америкѣ, на поощреніе возможно большаго числа полезныхъ изобрѣтеній, путемъ привилегій, или, какъ въ Пруссіи, на возможно большее ограниченіе числа выдаваемыхъ привилегій. Результатъ выходитъ поразительный. Въ Америкѣ, при существованіи особаго вѣдомства (Patent-Office) съ сотней лицъ, призванныхъ разсматривать привилегіи, ежегодно выдается до 14,000 привилегій, изъ коихъ около половины, по мнѣнію лицъ компетентныхъ, болѣе или менѣе окупаютъ себя съ выгодою. Въ Пруссіи при 9-ти-членномъ составѣ коммиссіи, разсматривающей прошенія о привилегіяхъ, ежегодно выдается не болѣе 100 привилегій, и то лишь на 3 года, не болѣе.

Хотя система состязательная, повидимому, представляетъ большія преимущества предъ двумя предыдущими, потому-что замѣняетъ правительственное разсмотрѣніе разборомъ заявленій заинтересованныхъ сторонъ, канцелярскій порядокъ—публичностью, но при затруднительности оглашать съ достаточною ясностью сущность испрашиваемыхъ привилегій, не компрометируя вполнѣ собственности изобрѣтателей, и при этой системѣ не всегда избѣгаются опасности патентированія изобрѣтеній уже старыхъ, тѣмъ болѣе, что краткость срока (21 день), назначаемаго для опротестованія прошеній, часто устраняетъ самые серьезные протесты, за позднимъ ихъ поступленіемъ.

Въ связи съ системой выдачи привилегій не маловажное вліяніе на число ихъ оказываетъ система пошлинныхъ сборовъ, взимаемыхъ за привилегіи. Различныя законодательства въ этомъ отношеніи распадаются на три различныя группы. Къ одной принадлежатъ тѣ, по которымъ пошлина уплачивается ежегодно равными частями, ко второй — гдѣ пошлина по прошествіи года

или другаго срока возвышается въ опредѣленной пропорціи, и третья—гдѣ вся пошлина уплачивается разомъ, единовременно, при самой подачѣ прошенія.

Къ первой группѣ принадлежитъ Франція; ко второй—Австрія, Англія и Бельгія; къ третьей—Америка, Пруссія и Россія, т. е. три страны, придерживающіяся системы предварительнаго разсмотрѣнія.

Что касается размѣровъ пошлины, то высшій размѣръ существуетъ въ Англіи—175 ф. ст., при 14-лѣтнемъ срокѣ, а затѣмъ въ Россіи — 450 р., при 10-лѣтнемъ; наименьшій же въ Пруссіи, гдѣ взимается только гербовая пошлина въ 20 зильбергрошей.

Ежегодный валовой доходъ, доставляемый этими пошлинами казнѣ, составляетъ въ Англіи около 400,000 рублей, въ Америкѣ—300,000, во Франціи—100,000, въ Бельгіи—60,000, въ Австріи—20,000 и въ Россіи—15,000. Что же касается числа выдаваемыхъ привилегій и средней стоимости каждой изъ нихъ для изобрѣтателя, то въ этомъ отношеніи обнаруживается соединенное вліяніе какъ большей или меньшей строгости при разсмотрѣніи привилегій, такъ и большей или меньшей стѣснительности системы пошлинныхъ сборовъ. Такимъ образомъ въ Америкѣ, не смотря на систему тщательнаго предварительнаго разсмотрѣнія изобрѣтеній по самому ихъ существу, среднее число выдаваемыхъ привилегій по расчету на каждый милліонъ жителей въ $4^1/_2$ раза болѣе, нежели по тому же расчету въ Англіи; средняя же стоимость привилегій напр. въ Бельгіи, при репрессивной системѣ, составляетъ лишь половину того, во что обходится привилегія въ Америкѣ. Число просьбъ, въ которыхъ дается отказъ, достигаетъ въ Америкѣ лишь 30%, въ Пруссіи же 85%.

Замѣчательно впрочемъ, что ни одна страна не удовлетворяется вполнѣ тою системою законодательства по привилегіямъ, которую она уже усвоила съ давнихъ поръ, и большею частію страны съ предупредительной системой привилегій указываютъ на превосходство системы карательной, и на оборотъ, страны съ системой состязательной—на превосходство системы предупредительной. Вообще дѣйствующія нынѣ законодательства мало кого удовлетворяютъ или потому, что они недостаточно поощряютъ и ограждаютъ истинныхъ изобрѣтателей, или потому, что они слишкомъ много даютъ простора для дѣйствія спекуляціи и обмана.

Во Франціи выработанъ былъ уже въ 1858 году, 14 лѣтъ спустя послѣ послѣдняго общаго закона о привилегіяхъ, новый законопроектъ по привилегіямъ на изобрѣтенія. Въ Англіи, 10 лѣтъ спустя послѣ закона 1851 года, наряжена была особая парламентская коммисія; но ни въ той, ни въ другой странѣ правительство не рѣшилось еще ни на какую радикальную мѣру. Отчасти эта нерѣшительность объясняется тѣмъ, что съ нѣкоторыхъ поръ, вопросъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія вступилъ въ новую фазу своего развитія. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія 15, 20 лѣтъ, система привилегій на изобрѣтенія сдѣлалась предметомъ усиленныхъ нападокъ со стороны не только ученыхъ, но и многихъ практическихъ людей. И прежде, до шестидесятыхъ годовъ, нѣкоторые писатели осуждали ее въ теоріи, но мирились до извѣстной степени съ нею, въ виду той относительной пользы, которую она можетъ приносить, особенно въ странахъ со слабымъ промышленнымъ развитіемъ, служа поощреніемъ и вознагражденіемъ для изобрѣтателей и освобождая правительство какъ отъ громадныхъ и неудобоопредѣляемыхъ расходовъ на вознагражденіе истинныхъ изобрѣтателей, такъ и отъ щекотливой роли рѣшать, какое изобрѣтеніе можно считать серьезнымъ и имѣющимъ будущность.

Уже въ англійской парламентской коммисіи 1851 года инженеры Куббитъ и Бруннель возвысили голосъ противъ системы привилегій, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что система эта приноситъ болѣе вреда, нежели пользы, для того несчастнаго класса людей, которые называются изобрѣтателями и которые, увлекаясь несбыточными надеждами, только разоряютъ себя и свои семейства. Въ 1861 году другой знаменитый инженеръ и изобрѣтатель Армстронгъ, поднялъ тотъ-же вопросъ на съѣздѣ инженеръ-механиковъ въ Шеффильдѣ. Споръ объ этомъ вопросѣ перешелъ и въ англійскую прессу и даже въ парламентъ, гдѣ противъ привилегій на изобрѣтенія высказались лордъ Гренвиль, Брайтъ и Рикардо. Англійское правительство вынуждено было обратить серьозное вниманіе на привилегіи на изобрѣтенія и въ 1862 году нарядить новую парламентскую коммисію, подъ предсѣдательствомъ лорда Гренвиля, въ средѣ которой, нападенія на систему привилегій на изобрѣтенія возобновились еще, въ большей степени, со стороны фабрикантовъ и даже самихъ изобрѣтателей и агентовъ по выдачѣ привилегій. Коммисія представила правительству рядъ указаній на тѣ улучшенія, которыя желательны

въ законодательствѣ по этой части, но при этомъ высказалась, что всѣ эти измѣненія въ законахъ могутъ только смягчить до извѣстной степени, но не устранить совершенно неудобствъ, сопряженныхъ съ законодательствомъ по привилегіямъ, потому что эти неудобства лежатъ въ самой природѣ законовъ о привилегіяхъ и должны быть признаваемы цѣною, которою публика соглашается покупать существованіе подобныхъ законовъ. Труды Коммисіи остались безъ результата, но отъ времени до времени все еще раздаются въ англійскомъ парламентѣ голоса, требующіе, хотя и безуспѣшно, отмѣны законовъ о привилегіяхъ.

Агитація противъ привилегій на изобрѣтенія не ограничивается одною Англіею; она не менѣе сильна и на континентѣ. Въ Германіи торжественный протестъ противъ привилегій на изобрѣтенія былъ сдѣланъ въ 1863 году на конгрессѣ экономистовъ въ Дрезденѣ. Затѣмъ торговыя и промышленныя палаты въ Саксоніи и Пруссіи, вызванныя запросомъ своихъ правительствъ въ 1863 и 1864 г., высказались также большею частію въ пользу совершенной отмѣны привилегій на изобрѣтенія. Наконецъ, по образованіи Сѣверо-Германскаго Союза, когда къ вѣдѣнію союзнаго парламента отнесено было, между прочимъ, и объединеніе законодательства по привилегіямъ въ сѣверной Германіи, князь Бисмаркъ внесъ въ декабрѣ 1868 года въ сѣверогерманскій союзный совѣтъ за своею подписью предложеніе, въ которомъ, указывая на потребность реформы германскаго законодательства по привилегіямъ, и при томъ на неизбѣжную необходимость прежде всего разрѣшить основной вопросъ, нужно ли существованіе подобныхъ законовъ, онъ приглашаетъ союзный совѣтъ поручить своему торговопромышленному комитету заняться разработкой этого вопроса и представленіемъ доклада. При этомъ нельзя не признать авторомъ кратко, но обстоятельно мотивированной записки князя Бисмарка — нынѣшняго министра Дельбрюка, долгое время занимавшаго постъ директора департамента промышленности въ Пруссіи. Въ 1862 году, въ этомъ званіи, онъ обязательно сообщилъ автору настоящей статьи нѣкоторыя свѣдѣнія и матеріалы по части прусскаго законодательства о привилегіяхъ. Впрочемъ предложеніе князя Бисмарка, отъ 10 декабря 1868 года, не могло получить скораго движенія не только по множеству законодательныхъ вопросовъ, еще большей важности для обновленной и объединенной Германіи, подлежавшихъ обсужденію союзнаго парламента, но и еще болѣе потому, что коми-

тетъ, на который возложено было разсмотрѣніе вопроса, убѣдился въ томъ, что общественное мнѣніе въ вопросѣ о привилегіяхъ на изобрѣтенія не выяснилось и не установилось вполнѣ, и что необходимо выждать еще нѣкоторое время, съ законодательнымъ рѣшеніемъ этого вопроса. Между тѣмъ разнохарактерность дѣйствующаго законодательства по привилегіямъ въ разныхъ государствахъ Германіи становится все болѣе и болѣе невыносимою и несогласною съ стремленіемъ къ объединенію ея не только въ политическомъ, но и въ торгово-промышленномъ отношеніи, и въ 1872 году союзному парламенту представлена была петиція о возможно скорѣйшемъ введеніи общаго законодательства по привилегіямъ на изобрѣтенія для всего Германскаго Союза. Предложеніе это, на основаніи доклада разсматривавшей его особой предварительной коммисіи и послѣ довольно оживленныхъ преній въ парламентѣ, въ которыхъ принялъ участіе и Принсъ-Смитъ, бывшій докладчикомъ на дрезденскомъ конгрессѣ экономистовъ, было принято парламентомъ безъ всякаго предрѣшенія основнаго вопроса въ ту или другую сторону. Но столь желанное рѣшеніе не послѣдовало и до сихъ поръ, хотя надежда на скорое изданіе подобнаго закона, не далѣе какъ въ январѣ нынѣшняго 1874 года, была вновь выражена въ прусской палатѣ депутатовъ, по поводу одного частнаго случая изъ практики привилегій, послужившаго основаніемъ также къ подачѣ петиціи въ прусскій парламентъ.

Въ то время, какъ германское союзное правительство дѣйствуетъ такъ осторожно при разрѣшеніи вопроса о привилегіяхъ, желая прислушаться къ голосу общественнаго мнѣнія и къ мнѣніямъ отдѣльныхъ правительствъ, Голландія рѣшилась на полную отмѣну законовъ о привилегіяхъ, какъ несостоятельныхъ и несовременныхъ, и эта отмѣна совершилась законодательнымъ путемъ, чрезъ вторую палату генеральныхъ штатовъ въ 1869 году.

Въ Австріи сомнѣніе въ пользѣ привилегій на изобрѣтенія успѣло на столько сдѣлать успѣховъ, что тема эта избрана была въ 1870 г. предметомъ вступительной рѣчи д-ра Блодига, новаго ректора политехническаго института въ Вѣнѣ, т. е. того учрежденія, которое исполняетъ въ Австріи обязанности американскаго Patent-Office.

Во Франціи агитація противъ привилегій на изобрѣтенія ведена была главнымъ образомъ Мишелемъ Шевалье, съ 1862 года, въ его отчетахъ о всемірныхъ выставкахъ,— лондонской 1862 г.

и парижской 1867 г.; впрочемъ мнѣніе М. Шевалье нашло себѣ не малую поддержку и въ средѣ парижскаго политико-экономическаго общества.

Швейцарское союзное правительство, не смотря на всѣ попытки и ходатайства нѣкоторыхъ изобрѣтателей ввести въ Швейцаріи законы о привилегіяхъ, рѣшительно и категорически этому противится.

Было-бы слишкомъ длинно излагать здѣсь въ подробности всѣ доводы противниковъ и защитниковъ привилегій на изобрѣтенія. Мы позволимъ себѣ для желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ безконечнымъ споромъ указать на нашу брошюру *„Объ уничтоженіи привилегій на изобрѣтенія“*, изданную въ 1870 году, и ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими словами.

Защитники привилегій на изобрѣтенія считаютъ ихъ необходимымъ орудіемъ цивилизаціи, безъ котораго долженъ ослабѣть въ человѣчествѣ самый духъ изобрѣтательности и замедлиться самое развитіе промышленности. Привилегіи на изобрѣтенія признаются необходимыми для того, чтобы изобрѣтенія могли дѣлаться всеобщимъ достояніемъ, и изобрѣтатели не имѣли побужденія ихъ держать втайнѣ и даже уносить съ собою въ могилу. Наконецъ привилегіи служатъ самымъ справедливымъ и удобнымъ способомъ вознагражденія изобрѣтателей, доставляя имъ возможность извлекать всѣ выгоды изъ своихъ изобрѣтеній, въ теченіе срока привилегій.

Всѣ эти доводы обыкновенно подкрѣпляются разными историческими, статистическими и умозрительными доказательствами.

Противники привилегій, также съ исторіей, статистикой и логикой въ рукахъ, доказываютъ, что промышленность, какъ показываетъ опытъ многихъ странъ, можетъ развиваться и безъ привилегій на изобрѣтенія, что духъ изобрѣтательности живетъ и поддерживается въ человѣчествѣ, помимо искусственнаго поощренія, что при современномъ усовершенствованіи техники, возможность сохраненія техническихъ секретовъ весьма сомнительна, когда же и доколѣ это сохраненіе секретовъ возможно, то оно существуетъ съ успѣхомъ и при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, съ привилегіями; наконецъ что самый способъ вознагражденія посредствомъ временной монополіи слишкомъ фиктивенъ и не всегда справедливъ.

Множество величайшихъ изобрѣтателей не извлекли ничего

изъ своихъ изобрѣтеній и умерли въ бѣдности, и множество самыхъ пустыхъ изобрѣтеній и усовершенствованій обогатили ихъ владѣтелей. Съ другой стороны, многіе даже счастливые изобрѣтатели разорились отъ безконечныхъ и дорогихъ процессовъ, въ которые они были вовлечены разными спекулянтами, бравшими дополнительные патенты лишь для наживы на счетъ истинныхъ изобрѣтателей.

Наконецъ, противники привилегій указываютъ на несостоятельность всѣхъ формъ и системъ выдачи привилегій и на противорѣчіе, въ которомъ все законодательство о привилегіяхъ на изобрѣтенія находится съ расширяющеюся ежедневно свободою торговли и промышленности и съ усиливающимся движеніемъ международнаго обмѣна и международныхъ сношеній.

Сами защитники привилегій, не отступая передъ критикой своихъ противниковъ, сознаютъ однако, что современное движеніе противъ привилегій на изобрѣтенія есть явленіе серьезное, заслуживающее вниманія, и объясняемое именно результатомъ всеобъемлющаго переворота, совершившагося въ международныхъ отношеніяхъ, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе широкаго развитія морскаго пароходства, желѣзныхъ дорогъ и примѣненія началъ свободной торговли [1]).

Поэтому сами защитники привилегій признаютъ необходимость кореннаго пересмотра дѣйствующихъ нынѣ законодательствъ, въ видахъ согласованія ихъ съ новѣйшими международными требованіями. Сознаніе этой необходимости было торжественно признано двумя правительствами,—англійскимъ и австрійскимъ. Первое по предложенію своей послѣдней парламентской коммиссіи, даже вошло въ сношеніе съ континентальными и съ американскимъ правительствомъ, и полученные имъ чрезъ свои посольства отзывы обнародовало въ одномъ изъ своихъ Blue book'овъ [2]); второе же, т. е. австрійское правительство, устроило въ минувшемъ году въ Вѣнѣ, во время всемірной выставки, международный конгресъ, который можно считать вполнѣ удавшимся, потому-что многія правительства и общества прислали своихъ делегатовъ и до 150 лицъ разныхъ націй приняли участіе въ самомъ конгресѣ.

Почетнымъ президентомъ конгреса былъ баронъ фонъ Шварцъ-

---

[1]) Klostermann. Die Patentgesetzgebung aller Länder. II, стр. XIX.

[2]) Reports of Her Majesty's Secretaries of embassy and legation respecting the law and practice in foreign countries with regard to Inventions.

Зейборнъ, генеральный директоръ выставки, а дѣйствительнымъ Уильямъ Сименсъ, англійскій фабрикантъ и предсѣдатель лондонскаго института инженеръ-механиковъ. Составъ конгреса былъ весьма разнообразный: фабриканты, инженеры, агенты по выдачѣ привилегій, члены англійскаго и американскаго Patent-Office'овъ, профессора и ученые приняли въ немъ участіе. Россія также имѣла двухъ неофиціальныхъ представителей въ лицѣ г. Каупе, агента по выдачѣ привилегій въ С.-Петербургѣ, и г. Яковенко, лейтенанта морской службы изъ Одессы.

Созванный съ очевидною цѣлью разъяснить и подкрѣпить своимъ авторитетомъ вопросъ о необходимости существованія законовъ для огражденія изобрѣтателей, международный конгресъ въ Вѣнѣ вполнѣ достигнулъ этой цѣли: извѣстнѣйшіе противники подобнаго огражденія большею частію уклонились отъ участія въ конгресѣ; тѣмъ не менѣе и въ средѣ его нашлось 6 человѣкъ [1]), подавшихъ протестъ противъ привилегій на изобрѣтенія. Во главѣ этой слабой оппозиціи стоялъ одинъ изъ вице-президентовъ конгреса, профессоръ Нейманъ изъ Вѣны.

Какъ ни интересны пренія, происходившія на конгресѣ, но мы не будемъ слѣдовать за ними въ подробности и ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на ихъ сущность. На основаніи составленной предварительно программы, всѣ вопросы, подлежавшіе обсужденію конгреса, были раздѣлены на три рубрики: 1) о необходимости сохраненія покровительства привилегіямъ на изобрѣтенія въ законодательствѣ всѣхъ цивилизованныхъ странъ; 2) о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ должно быть построено въ общихъ чертахъ каждое дѣйствительно полезное законодательство по привилегіямъ; 3) о необходимости скорѣйшаго соглашенія между правительствами относительно установленія общихъ международныхъ началъ въ законодательствѣ по привилегіямъ.

Приготовительный комитетъ, для облегченія работъ конгреса, по заведенному уже на подобныхъ съѣздахъ обычаю, представилъ проектъ мотивированныхъ резолюцій по всѣмъ этимъ вопросамъ. Послѣ долгихъ и часто весьма жаркихъ дебатовъ, продолжавшихся въ теченіе 5 дней и 9 засѣданій, конгресъ измѣнилъ и дополнилъ въ нѣкоторыхъ частяхъ проектъ резолюцій и утвердилъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

---

[1]) 3 профессора, 2 купца и 1 гражданскій инженеръ.

I. *Покровительство изобрѣтеніямъ должно быть гарантировано законодательствами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ*

а) потому, что чувство справедливости, присущее цивилизованнымъ націямъ, требуетъ законной защиты умственнаго труда;

б) потому, что такое покровительство, подъ условіемъ полнаго опубликованія описанія изобрѣтенія, представляетъ единственное практически дѣйствительное средство для приведенія во всеобщую извѣстность новыхъ техническихъ идей, въ достовѣрномъ видѣ и безъ потери времени;

в) потому, что при обезпеченіи права собственности на изобрѣтенія — трудъ изобрѣтателя вознаграждается, и обезпеченіе это поощряетъ способныя силы жертвовать своимъ временемъ и средствами для практическаго примѣненія и введенія въ употребленіе новыхъ и полезныхъ техническихъ методовъ и приспособленій, или же привлекаетъ къ тому иностранные капиталы, которые, безъ такого обезпеченія, искали бы и находили болѣе надежное другое помѣщеніе;

г) потому, что, чрезъ обязательное и полное опубликованіе составляющихъ предметъ привилегій изобрѣтеній, значительно сокращаются тѣ великія жертвы временемъ и деньгами, которыя, въ противномъ случаѣ, потребовались бы для техническаго примѣненія ихъ, въ промышленности всѣхъ странъ;

д) потому, что при обязательномъ обнародованіи изобрѣтеній, фабричные секреты, наиболѣе тормозящіе техническій прогрессъ, теряютъ почву;

е) потому, что страны, въ которыхъ не существуетъ раціональнаго закона о привилегіяхъ, терпятъ большой ущербъ отъ того, что таланты ихъ обращаются туда, гдѣ трудъ ихъ находитъ себѣ законное покровительство;

ж) потому, что, какъ извѣстно изъ опыта, владѣльцы привилегій наиболѣе дѣятельно заботятся о скорѣйшемъ осуществленіи своихъ изобрѣтеній.

II. *Дѣйствительно полезный законъ о привилегіяхъ долженъ заключать слѣдующія основныя положенія:*

а) На полученіе привилегіи должны имѣть право только: или самъ изобрѣтатель, или законный его представитель;

б) иностранцамъ не должно быть отказываемо въ выдачѣ привилегій;

в) въ виду пункта *а* полезно установить предварительное разсмотрѣніе;

г) привилегія на изобрѣтеніе должна быть выдаваема на 15 лѣтъ, или же должна быть допущена возможность продленія ея до этого срока;

д) съ выдачею привилегіи, должно быть связано подробное опубликованіе описанія изобрѣтенія, допускающее непосредственное, техническое его примѣненіе;

е) пошлина за привилегію должна быть умѣренная, но, въ интересахъ изобрѣтателей, она должна прогрессивно возрастать, чтобы тѣмъ дать возможность изобрѣтателю, отказаться отъ безполезной привилегіи;

ж) учрежденіе для выдачи привилегій должно быть такъ организовано, чтобы каждый легко могъ получить описаніе всякой изъ выданныхъ привилегій, а равно и узнать: какія изъ привилегій сохраняютъ еще силу;

з) неприведеніе въ дѣйствіе, въ данной странѣ, какого либо изобрѣтенія, не должно уничтожать выданную на это изобрѣтеніе привилегію, если только оно было, вообще, гдѣ либо приведено въ дѣйствіе и если жителямъ той страны дана возможность пріобрѣсти и примѣнить это изобрѣтеніе.

Кромѣ того, конгрессъ нашелъ полезнымъ:

и) чтобы были изданы законныя постановленія, въ силу которыхъ владѣлецъ привилегіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда того требуетъ общественный интересъ, могъ быть побуждаемъ уступать свое изобрѣтеніе, за соразмѣрное вознагражденіе, для совмѣстнаго съ нимъ пользованія — всѣмъ серьезнымъ соискателямъ.

Въ остальномъ, и особенно относительно дѣлопроизводства по выдачѣ привилегій, конгрессъ рекомендовалъ сообразоваться съ существующими на этотъ предметъ законоположеніями Англіи, Соединенныхъ Штатовъ Америки и Бельгіи, а равно и съ законопроектомъ, выработаннымъ въ обществѣ нѣмецкихъ инженеровъ для Германіи.

III. *Принимая въ соображеніе, что существующія въ различныхъ странахъ законоположенія о привилегіяхъ значительно разнятся между собою, а также въ виду измѣнившихся, съ теченіемъ времени, международныхъ отношеній, необходимость реформы становится очевидною и было бы крайне желательно, чтобы правительства всѣхъ странъ приняли, въ возможно скорѣйшемъ времени, мѣры для достиже-*

нія общаго международнаго соглашенія относительно покровительства изобрѣтеній.

Въ заключеніе, конгрессъ уполномочилъ приготовительный комитетъ продолжать начатое въ этомъ первомъ собраніи дѣло и употребить всѣ зависящія отъ него мѣры для того, чтобы принятыя конгрессомъ основанія получили извѣстность и примѣнялись на практикѣ.

Комитетъ уполномоченъ также вызывать обмѣнъ мыслей по этому предмету, а равно и устраивать, по временамъ, совѣщанія между сторонниками покровительства изобрѣтеній.

Съ этою цѣлью, приготовительный комитетъ обращенъ въ постоянный *распорядительный*, съ правомъ приглашать новыхъ членовъ, а также назначить время и мѣсто для слѣдующаго конгресса, если бы таковой оказался желательнымъ для содѣйствія успѣху добытыхъ результатовъ.

Такимъ образомъ, агитація противъ привилегій на изобрѣтенія, мало по малу уступила мѣсто болѣе грандіозной агитаціи въ пользу ихъ реформы въ духѣ международнаго общенія. Нѣтъ сомнѣнія, что конгрессъ, такъ удачно начавшійся въ Вѣнѣ, будетъ повторяться, и наконецъ приведетъ къ заключенію какой-либо международной конвенціи, въ родѣ тѣхъ, какія въ наше время почти ежегодно заключаются по разнымъ вопросамъ.

Обращаясь къ Россіи, мы должны сознаться, что у насъ вопросъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія до сихъ поръ не возбуждалъ ни того оживленнаго энтузіазма, который выказываютъ его защитники въ остальной Европѣ и за Атлантическимъ океаномъ, ни той усиленной агитаціи, которую подняли тамъ же противъ него нѣкоторые ученые и практическіе люди. Доказательствомъ тому служитъ то, что у насъ почти нѣтъ ни литературы по этому вопросу, ни какого-либо опредѣленнаго и твердо установившагося объ немъ общественнаго мнѣнія. Правда, о существованіи агитаціи въ Западной Европѣ въ пользу уничтоженія привилегій было заявляемо у насъ дважды въ печати, сперва въ 1861 году, въ издававшемся тогда „Вѣстникѣ Промышленности“, бывшимъ редакторомъ его Ѳ. В. Чижовымъ, а затѣмъ въ 1870 году сперва въ засѣданіи Императорскомъ русскаго технического общества, а потомъ и въ „Запискахъ“ этого общества, авторомъ настоящихъ строкъ; но ни статья г. Чижова, ни наше сообщеніе о современномъ положеніи вопроса о привилегіяхъ, кромѣ нѣсколькихъ краткихъ газетныхъ отче-

товъ, не вызвали ни устно, ни печатно серьезныхъ заявленій ни за, ни противъ привилегій, и лишь нѣкоторые профессоры, какъ напр. гг. Бунге и Андреевскій, [1]) заносятъ въ свои курсы (полицейскаго права), фактъ существованія оппозиціи противъ привилегій на изобрѣтенія. Это равнодушіе къ вопросу, который въ другихъ странахъ возбуждаетъ страсти, вызываетъ цѣлую литературу полемическихъ сочиненій, даетъ пищу преніямъ на митингахъ, конгрессахъ, и даже въ законодательныхъ собраніяхъ, по нашему мнѣнію свидѣтельствуетъ только о томъ, что для насъ вопросъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія не имѣетъ того жизненнаго, насущнаго значенія, какое онъ пріобрѣлъ въ западной Европѣ. Но есть-ли это доказательство того, что для Россіи, по слабому еще развитію въ ней промышленности, не настало время для вполнѣ благотворнаго вліянія учрежденія привилегій на изобрѣтенія, или напротивъ того, что учрежденіе это безсильно само по себѣ создать промышленный прогрессъ, или наконецъ того, что существующее законодательство по привилегіямъ не соотвѣтствуетъ своей цѣли и требуетъ болѣе или менѣе радикальнаго пересмотра? Разъясненіе этихъ вопросовъ возможно было бы лишь путемъ учрежденія коммиссіи, въ которой были бы выслушаны мнѣнія лицъ компетентныхъ и заинтересованныхъ, но пока подобныя лица, по недосугу, или апатіи, хранятъ гробовое молчаніе, остается прибѣгать къ болѣе или менѣе удачнымъ догадкамъ, соображеніямъ и выводамъ. Законы о привилегіяхъ на изобрѣтенія существуютъ у насъ уже болѣе 60 лѣтъ — съ 1812 года (іюня 17); первая привилегія была выдана только два года спустя — 29 мая 1814 года, инженеръ-механику Пуа-де-Барду, на машину для взвода судовъ противъ теченія воды. Слѣдовательно выдача привилегій продолжается у насъ ровно 60 лѣтъ. Въ теченіе этого времени выдано всего 1748 . привилегій, т. е. менѣе противъ числа выдаваемыхъ въ Англіи — вдвое, во Франціи — втрое, въ Америкѣ въ шесть разъ.

Можно бы, конечно, приписать ничтожное число привилегій, выдаваемыхъ въ Россіи, господствующей у насъ системѣ предварительнаго разсмотрѣнія, весьма притомъ продолжительнаго, и высокимъ пошлинамъ (отъ 90 до 450 рублей, для собственныхъ, и отъ 60 до 360 рублей, для чужеземныхъ изобрѣтеній), но въ Америкѣ тоже дѣйствуетъ система предварительнаго разсмотрѣнія,

[1]) Полицейское право профес. И. А. Андреевскаго, т. I.

а число прошеній о выдачѣ привилегій, по заявленію на вѣнскомъ конгресѣ одного изъ коммисаровъ американскаго patent office'а г. Тэккера (Hon. I. M. Thacker) составляетъ за послѣдніе годы, отъ 20—21 тысячи въ годъ, число же выдаваемыхъ привилегій, отъ 13 до 15 тысячь въ годъ. Также точно и въ отношеніи къ пошлинамъ: въ Англіи онѣ гораздо выше — ибо составляютъ 175 ф. ст. за 14-лѣтнюю привилегію, но взиманіе ихъ распредѣляется на 3 срока. Въ Австріи привилегія за полное число лѣтъ (15) оплачивается почти также какъ въ Россіи, именно 700 гульд.; а въ Бельгіи при 20-лѣтнемъ срокѣ — даже выше (2,100 фр.); тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ странахъ число выдаваемыхъ привилегій несравненно выше, нежели въ Россіи.

Если-бы изобрѣтатели ощущали неудобство отъ существующей у насъ системы предварительнаго разсмотрѣнія и отъ высокаго размѣра пошлинъ, то они могли бы заявлять о томъ. Однако никогда подобныхъ жалобъ и заявленій не было слышно. Изъ числа ходатайствъ по привилегіямъ, большая часть получаютъ удовлетворительное разрѣшеніе. Но далеко не большая часть получаютъ осуществленіе. Точныхъ данныхъ по этому предмету собрать, конечно, трудно. Даже въ Америкѣ, по заявленію вышеупомянутаго г. Тэккера, нельзя собрать по этому предмету точныхъ статистическихъ данныхъ, но по соображеніи отзывовъ, собранныхъ отъ промышленниковъ, изобрѣтателей, получившихъ привилегіи, и разныхъ агентовъ и чиновниковъ по привилегіямъ, г. Тэккеръ полагаетъ, что въ Америкѣ безъ преувеличенія можно считать половину всѣхъ выдаваемыхъ привилегій, оплачивающими понесенные изобрѣтателями расходы, съ большей или меньшей прибылью, и только весьма ограниченное число привилегій обогатило ихъ обладателей [1]).

Въ Россіи, гдѣ установлено обязательное представленіе формальнаго свидѣтельства о приведеніи изобрѣтенія въ извѣстный срокъ въ дѣйствіе, безъ чего привилегія теряетъ свою силу, есть возможность привести въ извѣстность число тѣхъ и другихъ привилегій. Но одинъ фактъ приведенія привилегіи въ дѣйствіе

---

[1]) A small proportion of them (patents) have become largely remunerative and the patentees or their representatives have obtained large fortunes of them (J. M. Thacker). Amtlicher Bericht über den Internationalen Patent-Congress in Wien. 1873, стр. 196.

не доказываетъ еще ея распространенія съ выгодою для изобрѣтателя. Менѣе 20% всѣхъ выдаваемыхъ у насъ привилегій сохраняютъ свою законную силу [1]) и около 80% теряютъ ее. Но великъ ли процентъ привилегій, окупающихъ себя и обогащающихъ изобрѣтателей? Кажется безошибочно можно сказать, что число этихъ послѣднихъ болѣе чѣмъ ничтожно.

Болѣе половины всѣхъ привилегій берутся у насъ иностранцами, которые привыкли за границею на каждый новый предметъ испрашивать привилегію не только въ своемъ отечествѣ, но и въ другихъ странахъ, гдѣ ожидаютъ сбыта для своихъ произведеній. Все это могло бы убѣдить въ томъ, что и для Россіи, какъ и для Голландіи, въ существованіи законовъ ограждающихъ изобрѣтенія не настоитъ существенной надобности и выгоднѣе было бы совершенно отмѣнить эти законы, въ интересахъ промышленности. Но предлагать столь поспѣшное рѣшеніе весьма важнаго и притомъ въ настоящую минуту еще не вполнѣ выяснившагося вопроса было бы крайне неблагоразумно.

Если сами противники привилегій, не соглашаясь, что система привилегій поощряетъ духъ изобрѣтательности и развиваетъ самую промышленность, допускаютъ однако возможность до извѣстной степени полезнаго ихъ вліянія въ странахъ со слабымъ промышленнымъ развитіемъ; если законодательныя собранія Англіи и Германскаго союза не рѣшаются поднять руки противъ этого вѣковаго учрежденія, сознавая притомъ всѣ его недостатки, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть осторожнымъ въ странѣ, гдѣ это учрежденіе, хотя и не успѣло принести много пользы, но за то и не вызываетъ сѣтованій на свое существованіе. Не слѣдуетъ забывать, что какъ бы ни были велики недостатки, сопряженные съ системой привилегій, она обладаетъ однимъ весьма важнымъ достоинствомъ: она представляетъ для правительства самый простой, дешевый и справедливый способъ поощренія и вознагражденія изобрѣтателей, предоставляя имъ самимъ, подъ собственной отвѣтственностью, и на свой рискъ извлекать для себя большую или меньшую пользу изъ своихъ изобрѣтеній, пользуясь временной ихъ монополіей.

Цѣль настоящей статьи будетъ вполнѣ достигнута, если ей

---

[1]) Изъ 527 привилегій, выданныхъ съ 1867 г. по 1 января 1874 года, по 95 привилегіямъ представлены законныя удостовѣренія о приведеніи ихъ въ дѣйствіе.

удастся пробудить въ образованной публикѣ интересъ къ вопросу о привилегіяхъ на изобрѣтенія и вызвать заявленія, замѣчанія и возраженія со стороны лицъ болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ вопросомъ о привилегіяхъ и болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ разрѣшеніи его тѣмъ или другимъ путемъ. [1])

---

[1]) Не можемъ не замѣтить, что то молчаніе нашей печати по вопросу о привилегіяхъ, на которое справедливо указываетъ почтенный авторъ, еще само по себѣ не доказываетъ ни маловажности этого вопроса для Россіи, ни даже равнодушія къ нему заинтересованныхъ лицъ, такъ какъ безпрестанно не менѣе важные вопросы, интересующіе наше общество, обходятся молчаніемъ въ нашей литературѣ.
Ред.

КРИТИКА

И

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ 1874 г.) *)

ЦЕРКОВЬ.

Православная церковь въ Буковинѣ. *Влад. Мордвинова.* Спб. 1874 г.

Сочиненіе г. Мордвинова заслуживаетъ вниманія русскаго общества. Это *первая* монографія о православной церкви въ Буковинѣ въ литературѣ не только русской, но и въ европейской. Монографія г. Мордвинова въ значительной полнотѣ знакомитъ ея читателей съ устройствомъ и состояніемъ одной изъ заграничныхъ православныхъ епархій, члены которой въ большинствѣ принадлежатъ къ ближайшему родственному намъ племени (малорусскому), при всѣхъ перемѣнахъ политической судьбы ихъ отечества остались вѣрными языку, нравамъ и вѣрѣ своихъ предковъ и до сихъ поръ отличаются неизмѣннымъ сочувствіемъ къ намъ русскимъ. Сочиненіе это удовлетворяетъ и современнымъ потребностямъ русскаго общества и русской церкви: въ виду заботъ и мѣропріятій русскаго правительства относительно приведенія разныхъ сторонъ церковнаго устройства и управленія въ положеніе, соотвѣтственное какъ назначенію и цѣлямъ церкви, такъ и современнымъ условіямъ государственной и гражданской жизни народа,— въ высшей степени полезно и въ нѣкоторой степени необходимо распространеніе въ нашемъ отечествѣ свѣдѣній объ устройствѣ, положеніи въ государствѣ, о формахъ управленія и вообще о современномъ состояніи заграничныхъ православныхъ церквей. Книга г. Мордвинова сообщаетъ

*) Вслѣдствіе недостатка мѣста въ I томѣ, рецензіи нѣкоторыхъ книгъ, вышедшихъ въ первой половинѣ 1874 г., войдутъ во II томъ Сборника Государственныхъ Знаній. Въ томъ-же томѣ мы надѣемся помѣстить *полную* систематическую библіографію государственныхъ наукъ и всѣхъ сродственныхъ имъ знаній, въ Россіи, за весь 1874 г. Такая библіографія должна служить необходимымъ пособіемъ для занятій въ этой области.

довольно много свѣдѣній о разныхъ сторонахъ церковнаго строя и управленія Буковинской епархіи. Наконецъ эта книга драгоцѣнна потому, что составлена по источникамъ, доступнымъ очень не многимъ: авторъ, какъ онъ говоритъ, путешествовалъ года два тому назадъ по Буковинѣ, лично наблюдалъ тамъ за явленіями церковей жизни, входилъ въ сношенія съ іерархами церкви, получалъ отъ нихъ свѣдѣнія и сообщенія — устныя и документальныя, пріобрѣталъ письменные и печатные матеріалы, изъ которыхъ нѣкоторые внѣ Буковины не могутъ быть найдены. Жаль только, что г. Мордвиновъ не перечислилъ въ своей книгѣ всѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался при ея составленіи. Кажется, имъ не обращено вниманія на такіе источники, какъ статистика Швартнера (Schwartner), сочиненія Нейгебауера (Neugebaur'a), Ховница (Chownitz'a) и Шагуны, въ которыхъ есть свѣдѣнія, подходящія къ содержанію его труда, но не помѣщенныя въ немъ; при пользованіи ими онъ избѣжалъ бы, по всей вѣроятности, нѣкоторыхъ ошибокъ, вкравшихся въ его трудъ.

Общее содержаніе и планъ сочиненія могутъ быть обозначены оглавленіемъ отдѣловъ, на которые оно раздѣлено. Отдѣлы эти: 1) общій взглядъ на Буковину (стр. 3—18); 2) устройство православной церкви въ Буковинѣ на основаніи распоряженій императора Іосифа II (стр. 19—48); 3) нынѣшнее церковное управленіе той же церкви (стр. 49—83); 4) нынѣшнее положеніе духовенства, богослуженіе и нѣкоторыя постановленія, касающіяся церкви (стр. 84—103) и 5) описаніе нѣкоторыхъ монастырей и церквей буковинской епархіи (стр. 104—139). Изъ самаго оглавленія частей сочиненія видно, что содержаніе его посвящено не исключительно церковному праву; въ книжкѣ есть свѣдѣнія историческія, археологическія, статистическія, литургическія, этнографическія,—изъ которыхъ иныя служатъ къ объясненію современнаго права и состоянія буковинской епархіи, а иныя не имѣютъ прямаго отношенія къ нему. Сопоставленіе оглавленія отдѣловъ съ содержаніемъ ихъ иногда не оправдываетъ вполнѣ правильности оглавленія и обличаетъ нѣкоторую спутанность предметовъ при ихъ изложеніи, неправильность въ ихъ размѣщеніи по отдѣламъ и т. п. Но эти чисто внѣшніе недостатки сочиненія нисколько не уменьшаютъ занимательности свѣдѣній, въ немъ сообщаемыхъ.

Въ первомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «общій взглядъ на Буковину», не соотвѣтствующимъ содержанію его, сообщаются свѣдѣнія о политической судьбѣ Буковины, со времени присоединенія ея въ 1774 г. отъ Турціи къ Австріи до настоящаго времени, и о нынѣшнемъ состояніи ея въ политическомъ, этнографическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, которыми объясняется *внѣшнее положеніе Буковинской церкви въ государствѣ и въ общемъ строѣ православной церкви въ Австріи.* Свѣдѣнія эти

не отличаются полнотою, но достаточны для уясненія положенія буковинской епархіи въ государствѣ и въ отношеніи къ карловачскому патріарху. Вѣрность свѣдѣній не возбуждаетъ сомнѣній. Не можемъ лишь умолчать, что г. Мордвиновъ на первыхъ строкахъ своего разсказа о политической судьбѣ Буковины допустилъ пропускъ, который отзывается невѣрностію въ передачѣ историческаго факта. Онъ говоритъ, что въ 1775 г. Порта, не желая заводить распрей съ Маріею Терезіею, согласилась уступить Австріи, между прочимъ, Буковину. Между тѣмъ даже изъ нѣмецкихъ учебниковъ извѣстно, что Буковина въ 1774 г. была завоевана Россіею и уступлена ею Австріи, съ чѣмъ согласилась и Порта (см. напр. географію Ungewitter'a B. 1. 5. 657. Dresd. 1858). По присоединеніи къ Австріи, Буковина составила провинцію имперіи, подъ вѣдѣніемъ генералъ-фельдвахмейстера; въ 1788 вошла въ составъ Галиціи, какъ административный округъ; съ 1848 г. составляетъ отдѣльное воеводство, которое въ 1861 г. вошло въ составъ цислетайнской половины Австрійской имперіи.

Во второмъ отдѣлѣ книги изложено подробное содержаніе духовнаго регламента императора Іосифа II 1786 г., которымъ опредѣлены экономическое и общественно-іерархическое устройство и порядокъ управленія разными сторонами буковинской церкви. Свѣдѣнія, сообщенныя здѣсь г. Мордвиновымъ, имѣютъ цѣнность потому, что регламентъ Іосифа II извѣстенъ былъ до настоящаго времени въ печати лишь по скуднымъ отрывкамъ, помѣщеннымъ напр. въ сочиненіяхъ Шагуны, и въ книгѣ г. Мордвинова впервые является въ значительной полнотѣ съ историческими примѣчаніями и объясненіями на предметы, въ немъ изложенные. Регламентомъ Іосифа II, между прочимъ, произведено было въ Буковинѣ упраздненіе всѣхъ женскихъ монастырей и сокращеніе числа мужскихъ монастырей (изъ 267-ми оставлено только *три*, существующіе и по нынѣ) и опредѣлена была секуляризація церковныхъ земель. Операція эта состояла въ томъ, что всѣ земли, принадлежавшія церковнымъ установленіямъ, были проданы, а полученныя отъ продажи деньги составили основу церковнаго капитала, или такъ называемаго религіознаго фонда, на проценты котораго содержатся церковныя установленія Буковины и по настоящее время. А. Г. Мордвиновъ сообщаетъ факты безъ всякихъ разсужденій, излагая ихъ совершенно объективно. Но, при чтеніи втораго отдѣла его сочиненія, невольно припоминается, что около того же времени и въ Россіи была произведена окончательная секуляризація церковныхъ земель. Между тѣмъ, какъ различны основанія одной и той же операціи въ разныхъ странахъ по отношенію къ одной и той же церкви! Церковныя установленія и духовенство буковинской епархіи, благодаря секуляризаціи церковныхъ земель, однажды навсегда поставлены въ обезпеченное и не-

зависимое отъ государства положеніе относительно матеріальнаго содержанія и, сверхъ того, въ критическіе моменты и при финансовыхъ затрудненіяхъ государства оказываютъ ссуды и пособія государственному казначейству; а въ Россіи громадныя богатства, скопленныя церковными установленіями въ теченіе многихъ вѣковъ, были секуляризованы такимъ образомъ, что церкви и духовенство, относительно своего содержанія, и до сихъ поръ или находятся въ совершенной зависимости отъ государства или остаются вовсе безъ обезпеченія. Извѣстное дѣло, что матеріальная зависимость церкви отъ государства влечетъ зависимость ея и во всѣхъ отношеніяхъ далѣе тѣхъ предѣловъ, которыми должна разграничиваться область государственной власти отъ церковной.

Іосифовскій регламентъ — не только историческій фундаментъ государственно-церковнаго права въ Буковинѣ, но источникъ и современнаго права въ тѣхъ своихъ частяхъ, въ которыхъ не послѣдовало перемѣнъ въ законодательствѣ послѣдующаго за его изданіемъ времени. Дѣйствующему праву буковинской епархіи посвященъ въ сочиненіи г. Мордвинова цѣлый отдѣлъ — третій. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ, послѣ сообщенія свѣдѣній объ устройствѣ управленія религіознымъ фондомъ въ Буковинѣ, показываетъ устройство правительственной власти буковинской епархіи. Власть эта принадлежитъ епархіальному архіерею, который въ прошломъ 1873 году возведенъ въ достоинство митрополита вновь образованнаго изъ епархій — буковинской, задорской и каттарской (въ Далмаціи) — церковнаго округа, и епархіальной консисторіи. Консисторія, подъ предсѣдательствомъ митрополита, состоитъ изъ 8-ми духовныхъ членовъ разныхъ именованій, — съ канцеляріею, весьма несложною, изъ лицъ, не состоящихъ на государственной службѣ. Устройство консисторіи, предметы ея вѣдомства, и порядокъ веденія ея дѣлъ и отношенія ея къ государству описываетъ г. Мордвиновъ на основаніи высочайше утвержденнаго 2 февраля 1869 г. «наказа» этой консисторіи, большую часть статей котораго онъ переводитъ буквально. Г. Мордвиновъ пользовался этимъ наказомъ по епархіальному списку буковинской митрополіи за 1869 г. Мы имѣемъ подъ руками этотъ наказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, въ качествѣ законопроекта, отпечатанъ въ вѣнской государственной типографіи въ 1868 г. Изъ сравненія проекта наказа съ тѣмъ, что сообщено изъ него г. Мордвиновымъ, оказывается, что проектъ при утвержденіи его императоромъ не потерпѣлъ никакихъ перемѣнъ. Въ дополненіе къ тому, что изложено въ книгѣ г. Мордвинова изъ наказа, мы можемъ сообщить не безъинтересныя, полагаемъ, и для автора разбираемой книги, свѣдѣнія о происхожденіи наказа, и обратимъ вниманіе на нѣкоторыя его статьи, опущенныя г. Мордвиновымъ, но не лишенныя нѣкотораго значенія для насъ русскихъ, въ настоящее время.

Наказъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно г. Цисману, профессору церковнаго права въ вѣнскомъ университетѣ, сочиненія котораго г. Мордвиновъ перечисляетъ въ прим. на 91 стр. своего труда. Сочиненіе этого профессора „Synoden und die Episcopal-Aemter in der morgenländischen Kirche“. Wien, 1867, было подготовительною ученою работою его къ составленію наказа для Буковинской консисторіи. Поэтому-то «Наказъ» носитъ на себѣ ясныя до очевидности черты ученой работы: подробное до излишества перечисленіе предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію консисторіи, группировку ихъ по категоріямъ, греческія наименованія категорій (Kirchenoekonomat, Sacellariat, Scevophilakie, Protopresbyterat, Protodikat, Chartophylakie). — Наказъ 1868 г. нисколько не измѣнилъ прежняго устройства и порядка занятій Буковинской консисторіи: въ немъ лишь формулированы обычаи консисторіи въ видѣ постановленій, утвержденныхъ императоромъ [1]), и соединены въ одно цѣлое отдѣльныя постановленія, изданныя въ разныя времена государствомъ касательно православныхъ консисторій. — При изложеніи «наказа» г. Мордвиновъ опустилъ въ своей книгѣ ст. 2-ю; между тѣмъ содержаніе ея любопытно для русскаго общества, въ которомъ теперь такъ много толковъ о духовносудной реформѣ нашей православной церкви. Вотъ буквальный переводъ этой статьи: «Для управленія епархіею и для отправленій епископской юрисдикціи (Gerichtsbarkeit), *на сколько она не отдѣлима отъ лица епископа*, а также для веденія такихъ дѣлъ, которыя проистекаютъ изъ взаимныхъ отношеній государства къ церкви, при епископѣ состоитъ постоянный совѣтъ пресвитеровъ». Въ объясненіе этого § мы не будемъ входить, но замѣтимъ, что онъ стоитъ въ связи съ примѣчаніемъ къ V п. 6 § 24-го, которое приведено, хотя не совсѣмъ точно, и г. Мордвиновымъ на 70-й страницѣ. Точный переводъ примѣчанія слѣдующій: подробнѣйшія правила касательно того, какое положеніе долженъ занимать, при каноническомъ процессѣ, церковный обвинитель въ епископскомъ судѣ относительно вызова обвиняемаго въ судъ, при слѣдствіи и обвиненіи его, — будутъ изложены въ особой инструкціи», которая, къ сожалѣнію, не явилась и доселѣ. Въ «наказѣ» есть и другія, впрочемъ очень немногія, указанія на церковно-судное право въ Буковинѣ. Право это, послѣ изданія наказа, остается въ томъ же видѣ, въ какомъ оно практиковалось въ Буковинской консисторіи до его изданія. Г. Мордвиновъ ни слова не говоритъ о церковно-судной практикѣ Буковинской консисторіи, за исключеніемъ пере-

[1]) Это мы знаемъ изъ сообщеній, данныхъ намъ въ 1870 г. о. Ѳооктистомъ Блажевичемъ, членомъ буковинской консисторіи, профессоромъ и духовникомъ буковинской богословской семинаріи и Kön. kaiserl. Landrechts-Translator'омъ der russischen Sprache.

вода нѣкоторыхъ статей наказа, въ которыхъ упоминается о судной части. Мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать упрекъ автору за это опущеніе. Онъ имѣлъ полную возможность и способность собрать свѣдѣнія о церковно-судной части въ Буковинской епархіи. Г. Мордвиновъ, во время путешествія въ Буковинѣ, состоялъ оберъ-секретаремъ одного изъ судныхъ отдѣленій Св. Синода, былъ дѣлопроизводителемъ комитета, учрежденнаго при Синодѣ въ 1865 г., подъ предсѣдательствомъ архіеп. Филоѳея, для преобразованія духовной части, — до путешествія своего принималъ участіе въ составленіи печатнаго сборника матеріаловъ по этому предмету [1]), издалъ «Уставъ перковнаго судоустройства и судопроизводства въ Сербіи», путешествовалъ по славянскимъ землямъ, сколько намъ помнится, исключительно съ цѣлію изученія церковно-судной части, притомъ — по порученію и при пособіи отъ Синода. Мы не сомнѣваемся, что г. Мордвиновъ и собралъ свѣдѣнія о церковно-судной части въ Буковинской епархіи; но недоумѣваемъ — почему онъ не подѣлился этими свѣдѣніями съ русскимъ обществомъ въ своей книгѣ...

Въ 4-мъ отдѣлѣ сочиненія г. Мордвинова сообщаются свѣдѣнія о положеніи въ государствѣ и церкви буковинскаго духовенства — бѣлаго и монашествующаго, объ условіяхъ и порядкѣ поступленія въ составъ того и другаго класса духовенства, о средствахъ къ образованію лицъ, предназначающихся къ священству, о числѣ приходовъ и объ устройствѣ ихъ, и о нѣкоторыхъ особенностяхъ богослуженія архіерейскаго и совершенія таинствъ. Всѣ свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ, весьма любопытны, занимательны, для русскаго читателя полезны и изложены ясно и опредѣленно. Но жаль, что авторъ, пользуясь источниками (Schematismi der Bukowinär Diöcese), на которые онъ ссылается въ этомъ отдѣлѣ, не сообщилъ, хотя и могъ бы сообщить, свѣдѣнія: объ устройствѣ учебной части въ Богословскомъ Черновицкомъ институтѣ, о воспитательномъ значеніи духовной семинаріи, объ отношеніи церкви къ народному образованію въ епархіи, о способахъ приготовленія учителей народныхъ школъ, о числѣ и организаціи народныхъ школъ въ приходахъ буковинской епархіи. Обозрѣніе Schematism'овъ за нѣсколько лѣтъ вызвало бы въ г. Мордвиновѣ потребность въ собраніи также свѣдѣній о предметахъ, въ нихъ упоминаемыхъ, которыя можно получить исключительно при личныхъ объясненіяхъ съ церковнодолжностными лицами Буковинской епархіи. Изъ имѣющихся у насъ подъ руками Schematismus за 1857 г. мы видимъ, что въ Богословскомъ Черновицкомъ институтѣ преподаются: богословіе догматическое,

[1]) Сборника этого мы никакъ не можемъ доискаться.

нравственное, пастырское, церковная исторія, церковное право, объясненіе священнаго писанія, катехетика и методика; при семинаріи состоятъ учители славянскаго языка, молдаванскаго и русскаго пѣнія; въ народно-учительской семинаріи преподаются языки: русскій, румынскій и нѣмецкій, ариѳметика, педагогика, рисованіе и каллиграфія; въ пѣвческомъ училищѣ— законъ Божій, три означенные языка, пѣніе по мелодіи русской и греческой; народныя школы входятъ въ составъ устройства приходовъ, какъ необходимый элементъ.

Пятый отдѣлъ сочиненія г. Мордвинова не заключаетъ въ себѣ матеріаловъ для научныхъ сужденій по вопросамъ церковнаго права, но для историковъ славянства и для лицъ, желающихъ ознакомиться съ замѣчательнѣйшими церквами и монастырями Буковины, весьма занимателенъ и необходимъ.

Заключимъ нашъ обзоръ надеждою, что сочиненіе г. Мордвинова будетъ принято въ русскомъ обществѣ съ сочувствіемъ и благодарностію къ автору и что оно ознакомитъ русское общество съ одною изъ такихъ епархій православной церкви въ славянскихъ земляхъ, которая до сихъ поръ извѣстна была въ русской литературѣ почти только по имени. Книга читается весьма легко и можетъ быть прочитана съ пользою и удовольствіемъ въ нѣсколько часовъ, на досугѣ, безъ напряженія умственныхъ силъ.

М. Горчаковъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО (ТЕОРІЯ).

Исторія политическихъ ученій. Соч. *Б. Чичерина*. Т. Ш. М. 1874 г. 442 стр.

Дѣятельность г. Чичерина, какъ ученаго, не прекращается. Оставляя утративший его московскій университетъ, онъ далъ учащемуся юношеству обѣщаніе издать въ свѣтъ исторію политическихъ ученій, — плодъ многолѣтняго и добросовѣстнаго изученія науки. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Въ то время, какъ мы издаемъ первый томъ нашего Сборника, въ рукахъ читающаго общества находится уже третій томъ почтеннаго труда г. Чичерина. Согласно плану нашей библіографіи, мы должны представить отзывъ объ этомъ *послѣднемъ* томѣ. Но для отчетливаго его пониманія, нужно имѣть въ виду его связь съ томами предшествующими.

Третій томъ исторіи политическихъ ученій, подобно второму, посвященъ новому времени и заключаетъ въ себѣ окончаніе обзора философскихъ теорій представителей *индивидуализма* (Гутчисонъ, Фергюсонъ, Гельвецій, Гольбахъ, Томасъ Пэнъ, Руссо и Мабли), системъ *утилитаризма* (Юмъ, Боркъ, Бентамъ) и ученій первыхъ представителей *идеализма* (Кантъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Фихте).

Читателямъ, конечно, будетъ непонятно мѣсто, занимаемое третьимъ томомъ въ ряду другихъ и принятая авторомъ *классификація* философскихъ системъ безъ указаній, заключающихся въ прежнихъ частяхъ труда. Читая «Исторію политическихъ ученій», нужно постоянно имѣть въ виду основную схему ея автора.

Г. Чичеринъ отвергаетъ идею *прогресса* въ исторіи философіи, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово многими и многими. По мнѣнію «многихъ» прогрессивное движеніе въ исторіи мысли заключается въ томъ, что *заблужденія* предыдущаго времени, раскрываются временемъ послѣдующимъ, которое и даетъ своимъ «сынамъ» истину, съ высоты которой они могутъ презрительно относиться къ «грѣхамъ и бреднямъ» своихъ отцовъ. Если прошедшее — только рядъ *заблужденій*, отвергаемыхъ «современною наукою», то къ чему можетъ служить исторія философіи? Она представляетъ нѣкоторый *интересъ* для ученаго любопытства, въ качествѣ родословной истинъ, которыми владѣетъ *наше* время; изученіе ея можетъ принести и пользу, но пользу *отрицательную*, въ качествѣ предостереженія отъ ложныхъ путей, которыми шли наши отцы.

Иначе смотритъ на дѣло авторъ «Исторіи П. У.». «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ [1]), что полное познаніе истины можетъ быть только вѣнцомъ *всего* развитія человѣчества [2]). Но съ другой стороны, было бы также ошибочно думать, что въ прошедшемъ истина находится только въ смутныхъ зачаткахъ, что будущее готовитъ человѣческому разуму, можетъ быть, новыя, *невѣдомыя* до-селѣ откровенія. Если истинно то, что вѣчно, что лежитъ въ самомъ существѣ мысли, что проявляется, какъ необходимое требованіе, во всѣхъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру, *то будущее не дастъ намъ ничего существеннаго, что не было бы въ прошедшемъ*. Оно можетъ принести бо́льшую *полноту содержанія*, но оно не измѣнитъ самыхъ началъ, ибо начала, вытекающія изъ природы вещей, всегда одни и тѣ же. Поэтому мы видимъ въ исторіи мысли постоянное *повтореніе* однихъ и тѣхъ же воззрѣній, которыя возвращаются въ силу необходи-

---

[1]) Т. I, стр. 3.

[2]) Стало-быть не «нашего» времени.

мости, какъ скоро человѣческій умъ, стараясь изслѣдовать предметъ, переходитъ одну за другою, всѣ разнообразныя его стороны.»

«Вѣчная истина — старая истина», говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. Къ исторіи вполнѣ прилагается изреченіе великаго германскаго поэта-философа (Гёте): «старайся постигнуть старую правду».

Die Wahrheit war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden,
Das alte Wahre fass es an!

«Поэтому историкъ долженъ относиться къ явленіямъ прошедшаго не съ отрицательной, а съ положительной стороны. Онъ долженъ отыскивать въ нихъ не то, что ложно, а то, что истинно.»

Должно согласиться, что только при такомъ отношеніи къ исторіи мысли возможно *плодотворное* ея изученіе. Человѣкъ приступающій къ изученію исторіи съ предвзятою мыслью, что онъ найдетъ въ ней только рядъ заблужденій, что исторія мысли начинается только съ *его* времени или, пожалуй, съ него лично, — такой человѣкъ ничего не найдетъ въ исторіи. Плодомъ его трудовъ можетъ быть развѣ книга, подобная «Исторіи философіи» Льюса, — этой надгробной рѣчи всякой философіи.

Но конечно, теорія «повторенія», устанавляемая нашимъ публицистомъ, не можетъ быть принята безъ нѣкоторыхъ ограниченій. Онъ вполнѣ правъ, говоря что *всѣ основныя направленія* мысли обнаружились съ самаго возникновенія философіи и воспроизводятся во всѣ позднѣйшія времена. Каждое время знало своихъ натуралистовъ, раціоналистовъ, матеріалистовъ и идеалистовъ, даже нигилистовъ. Онъ вполнѣ правъ, далѣе, въ томъ отношеніи, что коренныя истины политической философіи открыты давно. Станемъ-ли мы вновь открывать и доказывать истину, что въ «государствѣ должно осуществляться благо какъ управляющихъ, такъ и управляемыхъ», послѣ того, что сказано по этому поводу Аристотелемъ?

Но, во-первыхъ, останавливаясь сначала на движеніи *общей* философской мысли, нельзя не сказать, что если во всѣ времена можно подмѣтить извѣстное тождество *исходныхъ началъ*, дававшихъ тонъ каждой школѣ, то, съ другой стороны, *методы* изслѣдованія и самая *постановка вопросовъ* рѣзко отличаютъ одно время отъ другаго. Не вдаваясь въ подробности, ограничимся однимъ примѣромъ. Древній міръ *кончилъ* всеобщимъ, страшнымъ сомнѣніемъ. Въ сомнѣніи онъ искалъ *успокоенія* отъ всѣхъ системъ, волновавшихъ нѣкогда его умъ. Всѣ тайны бытія и небытія разомъ изчезли въ успокоительно-страшномъ (если можно такъ выразиться) «я во всемъ сомнѣваюсь, я сомнѣваюсь даже въ томъ, что сомнѣваюсь». По мѣткому выраженію одного историка философіи, это сомнѣніе было facies hippocratica древняго міра. Новый міръ *началъ* со всеобщаго сомнѣнія. «Я во

всемъ сомнѣваюсь» Декарта было зарей новой философіи, за нимъ стояло его cogito, ergo sum.

Во-вторыхъ, политическая мысль еще въ большей степени своеобразна, благодаря своей зависимости отъ данныхъ формъ политическаго общества. За примѣрами опять ходить не далеко. Такъ ли былъ поставленъ вопросъ о личной свободѣ въ древнемъ мірѣ, какъ онъ поставленъ въ новомъ, если только древній міръ сознавалъ идею личной свободы? Въ томъ-ли смыслѣ понималъ значеніе раздѣленія властей Аристотель, какъ впослѣдствіи поняла его школа Монтескьё? Сколько *новыхъ* вопросовъ возникло въ Европѣ послѣ того, какъ въ ней явилось начало *народнаго представительства*, котораго не зналъ древній міръ?

Ученый переводчикъ «политики» Аристотеля справедливо замѣчаетъ, что «образовательное значеніе ея состоитъ въ томъ, что общія политическія задачи излагаются въ ней въ ихъ *элементарной простотѣ*, а не въ той сложности и часто запутанности, до которыхъ довела ихъ современная жизнь.» Значеніе этихъ «первыхъ элементовъ» въ высшей степени важно. Но послѣдующая жизнь прибавила къ нимъ много новаго и откинула, напримѣръ, *рабство*, эту основу общественной жизни древняго міра. Но она знаетъ вопросъ о *пролетаріатѣ*, въ размѣрахъ, неизвѣстныхъ древности. Всѣ согласны съ Аристотелемъ, что цѣль государства — общее благо. Но взгляды на способы осуществленія «общаго блага» и на его содержаніе существенно измѣнились. Аристотель, напримѣръ, серьезно полагалъ, что рабство есть институтъ общаго блага и что для раба великое счастье принадлежать своему господину. Врядъ ли это воззрѣніе можетъ быть принято въ число «элементовъ» современной философіи.

Этихъ краткихъ замѣчаній достаточно, чтобы уяснить смыслъ главнаго возраженія, которое можетъ вызвать книга г. Чичерина. Возраженіе это состоитъ въ томъ, что нельзя основывать классификаціи политическихъ ученій на элементарныхъ признакахъ общефилософскихъ направленій, какъ онъ это дѣлаетъ.

Классифицируя школы древней философіи, онъ говоритъ: «Четыре элемента, неизбѣжно представляющіеся мысли при созерцаніи міра: первоначальное бытіе или сила производящая, разумъ устрояющій, матерія обособляющая и духъ направляющій къ цѣли, въ развитіи философіи, становятся каждый исходною точкою для отдѣльныхъ системъ. Отсюда четыре главныя философскія школы, около которыхъ группируются всѣ ученія: натурализмъ [1]), спиритуализмъ, матеріализмъ и идеализмъ. Пятая школа—

---

[1]) Г. Чичеринъ принимаетъ это слово въ томъ смыслѣ, что въ этомъ ученіи за основаніе берется первоначальное бытіе или природа вещей.

скептицизмъ, имѣетъ только отрицательное значеніе и служитъ переходною формою между всѣми другими. *Эти четыре школы точно также повторяются въ исторіи философіи, какъ политическія школы въ исторіи политическихъ ученій»* [1]). Спеціально въ исторіи политическихъ ученій, авторъ признаетъ также четыре главныя школы, приравнивающіяся къ четыремъ философскимъ. Исходными точками каждой школы являются четыре основные элемента всякаго общества: власть, законъ, свобода и общая цѣль. «Каждый изъ нихъ можетъ сдѣлаться точкою отправленія для извѣстнаго воззрѣнія на государство. Дѣйствительно, въ исторіи политическихъ ученій мы встрѣчаемъ четыре главныя школы, *которыя возвращаются постоянно*, въ каждую эпоху развитія политической мысли. Эти четыре школы можно назвать: общежительною, нравственною, индивидуальною и идеальною» [2]).

Различаясь по исходной точкѣ, философскія школы различаются и по методу изслѣдованія. «Умозрѣніе и опытъ — два противоположные, но восполняющіе другъ друга способа изслѣдованія истины..... Высшее ихъ единство, идеальная цѣль науки состоитъ въ соединеніи ихъ обоихъ, въ возведеніи совокупности явленій къ общимъ разумнымъ началамъ. Но такая полнота познанія, гдѣ умозрѣніе и опытъ взаимно проникаютъ и восполняютъ другъ друга, представляется *завершеніемъ* науки. Она-же вмѣстѣ съ тѣмъ является *первоначальною* исходною точкою мысли, когда послѣдняя не различаетъ еще путей изслѣдованія, но обнимаетъ совокупность явленій въ *первобытной цѣльности міросозерцанія*. Между этими двумя границами, въ послѣдовательномъ движеніи мысли преобладаетъ то одна точка зрѣнія, то другая, и этимъ обозначаются различные *періоды развитія науки*. Такимъ образомъ въ исторіи слѣдуютъ другъ за другомъ періоды *раціонализма*, гдѣ господствуетъ умозрѣніе, *реализма*, гдѣ преобладаетъ опытъ, и *синкретизма* или универсализма, гдѣ обѣ методы сочетаются» [3]).

Таковы главныя основанія [4]) классификаціи политическихъ ученій, выставленныя г. Чичеринымъ. Постепенное развитіе философской и политической мысли представляетъ три *эпохи:* раціонализма, реализма и универсализма. Каждая изъ этихъ эпохъ знаетъ свой натурализмъ, спиритуа-

---

[1]) Т. I, 20 стр. и слѣд.
[2]) Тамъ же, стр. 8.
[3]) Тамъ же, стр. 9.
[4]) Мы говоримъ *главныя* основанія, потому что характеръ отдѣльныхъ политическихъ ученій опредѣляется, по справедливому указанію г. Чичерина, взглядомъ мыслителей на отношеніе государственной формы къ другимъ союзамъ: семьѣ, гражданскому обществу и церкви. Ср. Тамъ же.

ализмъ, матеріализмъ и идеализмъ въ общей философіи, свои общежительныя, нравственныя, индивидуальныя, идеальныя школы въ области философіи политической.

Къ сожалѣнію, практическое приложеніе этой схемы къ «исторіи политическихъ ученій» не оказывается особенно удобнымъ, какъ мы это сейчасъ же постараемся доказать.

Во-первыхъ авторъ «Исторіи» долженъ былъ, съ самаго начала, видоизмѣнить свою схему, согласно коренному различію древняго и новаго міра. Авторъ не можетъ не видѣть и признать различіе роли *субъективнаго начала* въ мірѣ древнемъ и въ новомъ. Въ мірѣ древнемъ субъективное начало было орудіемъ постепеннаго разрушенія государства; субъектъ являлся элементомъ разлагающимъ. Новое мышленіе, напротивъ, исходитъ отъ субъекта, который *строитъ* изъ себя весь объективный міръ» [1]). Отсюда — въ древнемъ мірѣ порядокъ эпохъ развитія мысли слѣдующій: универсализмъ, реализмъ, раціонализмъ. «Развитіе новой мысли идетъ обратнымъ путемъ: оно начинается съ раціонализма и затѣмъ переходитъ къ реализму. Послѣдній составляетъ *современную* точку зрѣнія человѣчества; мы находимся во *второмъ* періодѣ развитія. Необходимый переходъ къ универсализму можетъ явиться только плодомъ дальнѣйшаго движенія науки и жизни» [2]).

Затѣмъ отдѣльныя системы еще меньше укладываются подъ общія рубрики, установленныя авторомъ. Онъ принесъ въ жертву своей схемѣ первое правило Платоновой діалектики — «соединять сходное и раздѣлять различное». Мы ограничимся при этой повѣркѣ новою философіею, которая, собственно, и составляетъ предметъ нашего отчета. Оба послѣдніе тома «Исторіи» посвящены исторіи раціонализма, съ котораго, какъ замѣчено, начинается новая философія. Развитіе новаго раціонализма, по ученію автора, представляетъ такой же циклъ ученій, какъ и въ древности, но здѣсь движеніе идетъ *обратнымъ путемъ*. Оно начинается съ натурализма, затѣмъ раздвоятся въ спиритуализмъ и матеріализмъ и, наконецъ, черезъ скептицизмъ, переходитъ къ идеализму. Въ философіи же *права* можно различить четыре главныя направленія: ученія общежительныя, нравственныя, индивидуальныя и идеальныя. Переходомъ отъ индивидуализма къ идеализму служитъ утилитаризмъ, вытекающій изъ скептицизма [3]).

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ общежительныхъ ученій (натурализма). Этотъ отдѣлъ представляетъ врядъ ли удобное сочетаніе именъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 15.
[2]) Т. II, стр. 1.
[3]) Тамъ же, стр. 5.

и системъ. Въ одной и той-же рубрикѣ разсматриваются ученія либеральнаго спиритуалиста Гроція [1]), спиритуалиста и защитника абсолютизма Гоббеса, англійскихъ демократовъ XVII вѣка (Мильтонъ, Гаррингтонъ, Сидней), богослова Боссюэта и пантеиста Спинозы? [2]) Трудно ожидать добрыхъ послѣдствій отъ такихъ сочетаній. Что *общаго* между Гоббесомъ, доказывавшимъ, что люди, вступивъ въ общежитіе, отказались, въ пользу власти, отъ всѣхъ правъ свободы, и между Мильтономъ, видѣвшимъ въ государственной власти повѣреннаго отъ народа [3]). Что общаго между Боссюэтомъ, озаглавившимъ свое сочиненіе: «политика, извлеченная изъ собственныхъ словъ св. писанія», и Спинозою, конструировавшимъ Бога силою мышленія?

Еще большее «соединеніе несходнаго» замѣчается въ отдѣлѣ, посвященномъ индивидуалистамъ. Имъ заканчивается второй томъ «Исторіи» и начинается третій. Здѣсь мы видимъ сочетаніе основателей новой конституціонной теоріи — Локка и Монтескьё, представителей французскаго матеріализма — Гельвеція и Гольбаха, и чистѣйшаго спиритуалиста-демократа: Руссо. Локкъ и Монтескьё дѣйствительно заслуживаютъ названіе индивидуалистовъ въ политическомъ смыслѣ, потому что они старались опредѣлить границы государственной власти во имя интересовъ личной свободы и обезпечить эти границы либеральными установленіями. Таковъ, напримѣръ, смыслъ выработанной ими теоріи раздѣленія властей. Но трудно понять, почему къ этой же школѣ отнесенъ Руссо. Правда, его ученіе о государствѣ построено на идеѣ договора; правда и то, что онъ рѣзко высказался въ пользу неотчуждаемости свободы. Но одно дѣло установить принципъ и другое вывести изъ него послѣдствія. Руссо впалъ въ ошибку, предусмотрѣнную Монтескьё. «Многіе, говорилъ послѣдній, смѣшиваютъ *власть* народа съ *свободою* народа». Руссо думалъ, что для обезпеченія свободы достаточно непосредственнаго участія всѣхъ и каждаго въ важнѣйшихъ актахъ государственной воли, перенесенія правъ государственнаго суверенитета на весь народъ. Затѣмъ вопросъ о личной свободѣ, объ отношеніи частной личности и ея интересовъ къ цѣлому даже не былъ *поставленъ* Руссо какъ слѣдуетъ. Напротивъ, не ему-ли принадлежитъ обоготвореніе *общей воли*, воли всемогущей, непогрѣшимой и недѣлимой? Между теоріею Монтескьё и ученіемъ Руссо такое же сходство, какъ между парламентскими установленіями Англіи и національнымъ конвентомъ 1793 г.

---

[1]) Мы называемъ Гроція спиритуалистомъ, такъ какъ спиритуализмъ есть ученіе, къ которому болѣе всего приближается знаменитый голландецъ, вообще недостаточно опредѣленный въ своемъ направленіи.

[2]) Т. II, стр. 7—136.

[3]) Т. II, стр. 43.

Нельзя согласиться далѣе съ соединеніемъ *Канта*, *Вильгельма Гумбольдта* и *Фихте* въ одну рубрику, подъ названіемъ «субъективный идеализмъ». Основателемъ субъективнаго идеализма въ Германіи былъ *Фихте*. Его философія была *однимъ изъ направленій*, намѣченныхъ *критическою* философіею Канта. Философія послѣдняго не установляла, сама по себѣ, никакой новой системы. Она прежде всего была посвящена оцѣнкѣ познавательныхъ средствъ разума, т. е. вопросу, немыслимому въ вѣкъ *догматической* философіи. Послѣдняя отправлялась отъ первыхъ данныхъ, отъ субстанціи, не спрашивая себя даже, *какъ* мы познаемъ эту первую «сущность вещей» и можемъ-ли мы ее познать. Критическая философія Канта указала границы познаваемаго и исключила изъ нихъ «сущность вещей». Философія осталась безъ субстанціи и безъ «первыхъ началъ». Послѣ работы Канта, ей предстояло искать ихъ, такъ сказать, вновь. Самъ Кантъ отвергалъ абсолютныя идеи въ критикѣ чистаго разума, объявлялъ, что такія идеи, какъ свобода, безсмертіе и т. д., не суть *умопостигаемыя понятія*, т. е. что они не могутъ быть предметомъ теоретическаго познанія и доказательства. Но, затѣмъ, онъ самъ призналъ значеніе сверхпознаваемыхъ идей въ области практической, въ области дѣйствій *воли*, какъ ея категорическихъ императивовъ.

Послѣдствія кантовской философіи понятны. Строго говоря, ее нельзя назвать *системою* философіи — для этого ей недоставало одного общаго *принципа*. Человѣкъ, какъ *теоретическій* разумъ, не знаетъ сущности видимыхъ предметовъ: теоретическій разумъ состоитъ изъ совокупности прирожденныхъ категорій, съ помощію которыхъ онъ систематизируетъ явленія видимаго міра. Онъ можетъ понять соотношеніе и причинную связь *явленій*, но не знаетъ причины и сущности самихъ *предметовъ*, порождающихъ эти явленія; слѣдовательно онъ не видитъ общаго принципа міра внѣшняго. Какъ разумъ *практическій*, какъ воля, человѣкъ дѣйствуетъ согласно извѣстнымъ категорическимъ императивамъ. Они ему врождены, но онъ не знаетъ ихъ основанія. Другими словами, нѣтъ общаго принципа и въ мірѣ нравственномъ.

Политическая философія Канта не вышла особенно далеко за предѣлы прежняго раціонализма. Его теорія государства воспроизводитъ въ новой и сжатой формѣ ученіе Локка, Монтескьё и Руссо. Великое мастерство Канта проявилось вовсе не въ его государственной теоріи. Фихте дѣйствительно построилъ новую систему политической философіи. Но онъ положилъ въ основаніе всей своей философской системы новое и самостоятельное *общее начало*, котораго недоставало философіи Канта. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пришелъ къ результатамъ, противуположнымъ выводамъ Кантовой философіи. Послѣдняя логически приводила къ *ограниченію* круга

государственныхъ задачъ. Кантъ твердо стоялъ на томъ, что государство призвано почти единственно къ охраненію *права*. Онъ принялъ главныя основанія конституціонной школы, въ томъ числѣ и ея теорію раздѣленія властей. О Фихте самъ г. Чичеринъ говоритъ слѣдующее: «Становясь на новую точку зрѣнія, Фихте прямо *отвергаетъ* ученіе кантіанцевъ, которые смотрѣли на государство, какъ на учрежденіе, призванное только охранять пріобрѣтенныя помимо его права» [1]). Мало того, Фихте рисуетъ свой идеалъ государственнаго устройства, подъ которымъ не подписался бы ни одинъ кантіанецъ. Всѣмъ извѣстно, что Фихте, какъ авторъ «Прикладнаго естественнаго права» и «Замкнутаго торговаго государства» справедливо считается предвозвѣстникомъ *соціализма* въ Германіи.

Нельзя согласиться, наконецъ, на сосѣдство, въ качествѣ представителей одной школы утилитаристовъ, *Борка* и *Бентама*. Важныя неудобства такого сочетанія на лицо. Боркъ, въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ «Размышленія о революціи во Франціи», является защитникомъ *историческаго права*, потрясеннаго идеологами революціи. Его роль, mutatis mutandis, напоминаетъ роль Де-Местровъ и Бональдовъ во Франціи. Они вмѣстѣ были представителями контръ-революціи, охватившей Европу, послѣ событій 1789 г. О Бентамѣ же г. Чичеринъ совершенно справедливо говоритъ слѣдующее:

«Особенное значеніе имѣла его теорія въ собственномъ его отечествѣ, гдѣ *рутинная привязанность къ старинѣ* слишкомъ часто преобладала надъ улучшеніями, и завѣщанныя *исторіею* формы нерѣдко прикрывали вѣками укоренившіяся злоупотребленія. Воззрѣнія Бентама, *отрѣшенныя отъ всякихъ историческихъ основъ*, конечно, менѣе всего могли прилагаться къ англійскому быту, хотя и выросли изъ англійской, чисто практической почвы [1]).

Между тѣмъ огромное вліяніе книги Борка въ извѣстномъ кругу, независимо отъ многихъ ея достоинствъ, объясняется именно страстною защитою «формъ, завѣщанныхъ исторіею».

Главное достоинство труда г. Чичерина не въ системѣ исторіи и не въ классификаціи ученій. Принятая имъ система можетъ, кажется намъ, породить невѣрное представленіе о ходѣ историческаго развитія мысли и о составленіи отдѣльныхъ ученій.

Большое достоинство разбираемой книги въ изложеніи *отдѣльныхъ* системъ. Здѣсь проявляется добросовѣстное и глубокое изученіе каждаго писателя и умѣнье ясно изложить основныя его положенія. Не менѣе за-

---

[1]) Т. III, стр. 432.
[2]) Тамъ же, стр. 257.

мѣчательна и критика каждой теоріи. Въ третьемъ томѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя прекрасное изложеніе многихъ системъ, о которыхъ лишь бѣгло упоминаютъ другія исторіи политическихъ ученій. Сюда относятся системы представителей матеріализма во Франціи — Гельвеція и Гольбаха. Эти главы наводятъ на многія поучительныя соображенія. Во-первыхъ, по поводу теоріи «повторенія». Читая откровенныя заявленія Гельвеція и менѣе откровенныя, но болѣе послѣдовательныя разсужденія Гольбаха, невольно переносишься мыслью въ наше время. Всѣ эти демократы-спиритуалисты, идеалисты, даже сенсуалисты представляются людьми прошедшаго. Навсегда-ли? Не знаемъ. Желательно вѣрить въ теорію «повторенія» и думать, что будущее принесетъ намъ новыхъ Фихте и Вильгельмовъ Гумбольдтовъ. Но въ теоріяхъ Гельвеція и Гольбаха вѣетъ уже духомъ, хорошо намъ знакомымъ. Въ прошломъ году исполнилось сто лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ сочиненія Гельвеція «О человѣкѣ» (Londres, 1773) и Гольбаха «Естественной политики» и «Общественной системы». Но по интересу своему для нашего времени они стоятъ выше многихъ позднѣйшихъ системъ. Авторъ не пожалѣлъ мѣста и времени для подробнаго изложенія этихъ теорій (стр. 48—103). Ясность изложенія и сила критики ихъ весьма у него замѣчательны. Авторъ, говоря о Гельвеціи, прекрасно указываетъ на тотъ salto mortale, какой нужно было сдѣлать матеріализму, для того, чтобы отъ *эгоизма*, этого «естественнаго мотива» человѣческихъ дѣйствій, перейти къ высшимъ нравственнымъ требованіямъ, которыя самъ-же Гельвецій призналъ «метафизическими». Теорія Гольбаха гораздо сложнѣе и искусснѣе, а потому потребовала отъ автора болѣе подробнаго изслѣдованія и бо́льшихъ критическихъ усилій; однако задача выполнена имъ весьма хорошо. Но едва-ли не лучшимъ мѣстомъ въ третьемъ томѣ являются изложеніе и критика теоріи *Бентама*. Въ этомъ этюдѣ г. Чичеринъ даже говоритъ новымъ языкомъ. Онъ оставляетъ въ сторонѣ то, что можно-бы назвать ученою уклончивостію и смѣло заявляетъ свое мнѣніе о Бентамѣ съ самаго начала главы. Указавъ на колоссальную репутацію знаменитаго утилитариста, авторъ продолжаетъ: «Если мы захотимъ однако ближе узнать, на чемъ основывалась эта громадная репутація и еще болѣе громадная самоувѣренность; если мы взглянемъ на сущность тѣхъ началъ, на которыхъ Бентамъ строилъ свою теорію, и изъ которыхъ онъ думалъ извлечь всеобщее лѣкарство отъ всѣхъ золъ, мы будемъ поражены нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Всякій человѣкъ, имѣющій какое-нибудь пониманіе философіи, долженъ убѣдиться, при чтеніи сочиненій знаменитаго юриста, что у него было полнѣйшее отсутствіе всего, что можетъ быть названо философскимъ смысломъ. Въ основаніяхъ его системы невозможно встрѣтить даже и тѣни доказательства. Все ограничи-

вается чисто *догматическимъ* утвержденіемъ извѣстнаго начала и до крайности утомительнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же положеній. Между тѣмъ, по странной ограниченности ума, Бентамъ именно увѣрялъ, что именно его противники никогда ничего не доказываютъ, а довольствуются догматическимъ утвержденіемъ. Онъ изобрѣлъ для этого даже особенное выраженіе: *ипседикситизмъ* (ipse dixi). Къ противникамъ-же своей теоріи онъ причислялъ почти всѣхъ, кто до него и независимо отъ него думалъ и писалъ о человѣческихъ дѣлахъ. Лишенный всякой способности понимать чужую мысль, онъ видѣлъ во всѣхъ философскихъ произведеніяхъ древняго и новаго міра одну полнѣйшую безсмыслицу, которую сами философы не въ состояніи понять. Съ другой стороны, съ такимъ-же точно презрѣніемъ онъ относился и къ практикѣ, которую онъ считалъ плодомъ человѣческаго своекорыстія и безумія. Въ себѣ одномъ онъ видѣлъ непогрѣшимаго оракула, возвѣщающаго новыя, невѣдомыя прежде начала, на основаніи которыхъ должны быть перестроены всѣ законодательства въ мірѣ!“

Такой рѣшительный приступъ не мѣшаетъ, конечно, автору отдать полную справедливость полезнымъ сторонамъ дѣятельности Бентама. ‹Онъ (Бентамъ), говоритъ авторъ, съ большою проницательностію и съ несомнѣннымъ остроуміемъ усматривалъ недостатки существующихъ учрежденій; онъ подвергалъ безпощадному разоблаченію какъ либеральные, такъ и охранительные софизмы, которыми нерѣдко прикрываются политическія стремленія партій. Къ этимъ качествамъ присоединяется то *неподдѣльное человѣколюбіе*, которымъ дышатъ всѣ его сочиненія. Бентамъ, конечно, не умѣлъ построить свою теорію на твердыхъ началахъ; основныя его положенія носятъ на себѣ отпечатокъ крайней ограниченности ума и узкости взглядовъ, нерѣдко доходящей до смѣшного; но какимъ бы то ни было путемъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что истинная цѣль законодательства состоитъ въ пользѣ и счастьи человѣчества. Этой одной идеѣ онъ посвятилъ всю свою многолѣтнюю дѣятельность и свою неутомимую энергію; во имя ея онъ преслѣдовалъ всякое зло, которое онъ могъ открыть даже въ самыхъ темныхъ закоулкахъ права, и если многое, вслѣдствіе односторонности пониманія, отъ него ускользало, за то онъ обращалъ вниманіе на многое такое, что ускользало отъ другихъ.›

Пріемъ г. Чичерина тѣмъ болѣе смѣлъ, что онъ *начинаетъ* имъ свой этюдъ о Бентамѣ. Мы боялись, что критика, начатая съ такой высокой ноты, поблѣднѣетъ въ дальнѣйшемъ, довольно пространномъ (стр. 256—321) изложеніи. Но опасенія наши не оправдались. Этюдъ о Бентамѣ есть, безъ сомнѣнія, одно изъ лучшихъ произведеній автора.

Заключимъ этотъ отчетъ однимъ общимъ замѣчаніемъ. Можно не соглашаться съ многими критическими воззрѣніями автора. Но нельзя не

признать за нимъ одного несомнѣннаго достоинства, отличающаго *весь* его трудъ. Достоинство это — истинно научная, независимая и свободная критика, такая критика, какой, увы! мы давно не имѣли въ нашемъ отечествѣ, гдѣ она часто принимаетъ характеръ судебнаго слѣдствія съ точки зрѣнія предвзятыхъ идей. Вотъ почему книга г. Чичерина можетъ имѣть огромное воспитательное значеніе для читающаго общества. Послѣднее сильно нуждается въ эманципаціи его мысли, часто закабаляемой на служеніе той или другой навѣянной теоріи; оно нуждается въ свободѣ и независимости сужденія. А такую свободу можетъ дать ему только наука, проповѣдуемая такимъ дѣятелемъ, какъ г. Чичеринъ.

Г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

М. Владимірскаго-Буданова, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка. Часть I-я. Система профессіональнаго образованія. (Отъ Петра I до Екатерины II). Яросл. 1874 г.

Пробужденное реформами шестидесятыхъ годовъ, русское общество съ энергіею схватилось за дѣло школы. Земскія собранія начали довольно щедрою рукою назначать суммы какъ въ пособіе существующимъ у насъ гимназіямъ, такъ и на устроеніе народныхъ школъ. Не имѣя учителей, земскія собранія, руководствуясь доводами появившихся у насъ педагоговъ-руководителей, усердно работавшихъ для пересажденія въ Россію новыхъ педагогическихъ системъ изъ Германіи, начали устраивать кромѣ того и учительскія семинаріи, для скорѣйшаго подготовленія народныхъ учителей, и учительскіе курсы, для быстраго поправленія существующаго персонала учителей и передачи имъ новыхъ педагогическихъ методовъ и пріемовъ. Такая энергическая дѣятельность земскихъ собраній, начавшая теперь нѣсколько остывать, дала довольно видные результаты. Кромѣ значительнаго числа новыхъ народныхъ школъ, созданныхъ земствомъ, дѣятельность земскихъ собраній вызвала стремленія министерства народнаго просвѣщенія, почти бездѣйствовавшаго до тѣхъ поръ на этомъ поприщѣ, къ устроенію и на счетъ правительства какъ народныхъ школъ, такъ и учительскихъ семинарій. Увеличивая съ каждымъ годомъ свой бюджетъ на дѣло народнаго образованія, министерство, подобно земскимъ собраніямъ, примѣняетъ

германскія начала: спѣшитъ подготовить народныхъ учителей, широко ставитъ свою правительственную инспекцію за школами и т. д. Но не прошло и десяти лѣтъ, какъ положеніе новыхъ школъ, не смотря на дорогостоющій надзоръ, вызвало недовѣріе: въ нынѣшнемъ году само правительство обратилось къ обществу, и прежде всего къ его образованнѣйшему классу, дворянству, указывая ему встать на стражу школы. Отсюда самъ собою возникаетъ важный научный вопросъ: по надлежащей-ли дорогѣ пошло наше общество, опираясь при устроеніи народныхъ школъ на германскіе образцы? Изучено ли при этомъ наше прошлое и вмѣстѣ съ нимъ разъяснены ли тѣ условія, которыя имѣются теперь въ нашемъ соціальномъ строѣ. Относительно технической, педагогической стороны дѣла весьма важныя и вѣрныя скептическія замѣчанія поставлены уже гр. *Л. Толстымъ* [1]). А для рѣшенія вопроса, должно ли и можно ли сдружить германскія начала съ нашимъ соціяльнымъ строемъ, давно подготовлялся обильный матеріалъ въ ученыхъ трудахъ гг. *Пекарскаго*, *Сухомлинова*, *Воронова* и др. Но были ли эти труды достаточно изучены, сдѣлались ли они достояніемъ нашего общества и администраціи, принявшихся въ послѣднее десятилѣтіе за дѣло школы? Правда, подобныя многочисленныя работы, какъ спеціально-ученыя, не скоро дѣлаются достояніемъ общества, особенно у насъ ученый трудъ можетъ разсчитывать еще на весьма медленное распространеніе. Тѣмъ большее значеніе въ настоящее время можетъ пріобрѣсть разбираемая здѣсь книга профессора *Владимірскаго-Буданова:* «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.». Все, что было писано и изслѣдовано въ отдѣльныхъ работахъ, извѣстно ученому автору; но кромѣ того, вооруженный такимъ знаніемъ всѣхъ предшествующихъ работъ, онъ является здѣсь самостоятельнымъ изслѣдователемъ именно того дѣла, въ разъясненіи котораго такъ нуждается наше общество. Именно авторъ сдѣлалъ задачею своего труда, начало котораго только является въ разбираемой нами книгѣ, — изучить исторію нашего законодательства и нашей администраціи по отношенію къ народному образованію въ связи съ развитіемъ нашего соціяльнаго строя,— съ физіологіею русскаго общества. Изъ этого уже видно, какое право на вниманіе науки и общества имѣетъ книга г. *Владимірскаго-Буданова*. Но это право дѣлается еще бо́льшимъ въ виду того, что г. Владимірскій-Будановъ не впервые выступилъ въ литературу: его имя сдѣлалось извѣстнымъ по его изслѣдованію городскихъ обывателей (Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, 1868) и по изданной имъ христоматіи по исторіи русскаго права (вып. 1, 1872; вып.

---

[1]) Отеч. Зап., 1874, сент.

2, 1872). Кромѣ того въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, за октябрь и ноябрь 1873 г., г. Владимірскимъ-Будановымъ помѣщена статья: „Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVII в.“. Эта послѣдняя статья находится въ тѣснѣйшей связи съ разбираемою теперь книгою, служитъ для нея какъ-бы введеніемъ. Здѣсь авторъ стремился доказать, что въ допетровской, московской Россіи господствовала *элементарная система образованія*, доставлявшая не только грамотность, но и *людкость*, какъ онъ выражается. Это образованіе вѣдала *приходская община*, которую не должно разсматривать только какъ церковное учрежденіе. Школа была, по убѣжденію автора, столь же неизбѣжною принадлежностью прихода, какъ и церковь; эта приходская школа дѣлала образованіе равнымъ для лицъ всѣхъ состояній, и при томъ не насильственнымъ, а добровольнымъ. По мнѣнію автора, общее образованіе никогда не можетъ обратиться въ государственную повинность, а профессіональное образованіе всегда склонно къ этому. Не предполагая разбирать здѣсь этихъ положеній автора, развиваемыхъ имъ въ его статьѣ, помѣщенной въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, не можемъ не замѣтить, что его доводы недостаточно убѣдительны. Онъ опирается главнымъ образомъ на матеріалы, имѣющіеся относительно Малороссіи и Литвы; данныя, выводимыя изъ этихъ источниковъ, онъ обобщаетъ для всей Россіи. Какъ вездѣ представляется ему приходская община съ своею школою, такъ видитъ онъ вездѣ и приходскія братства, обнимающія нѣсколько приходовъ и устроивающія уже лучшія школы, высшія, но также имѣющія цѣлію общее, а не профессіональное образованіе. Изъ дѣятельности этихъ братствъ почерпала, по мнѣнію автора, реформаторская дѣятельность Петра всѣ средства и условія успѣха. Мы не знаемъ этихъ братствъ въ восточной Россіи; не привелъ ихъ и авторъ, кромѣ слѣдовъ двухъ незначительныхъ такихъ учрежденій, — потому, повторяемъ, не убѣждаемся доводами почтеннаго изслѣдователя относительно XVII ст., но не имѣемъ въ виду здѣсь его оспаривать, желая напротивъ ознакомить читателя съ его работою относительно XVIII ст. Главное положеніе автора: государство въ первой половинѣ XVIII в. выпускаетъ изъ вниманія элементарное образованіе и направляетъ всѣ свои стремленія къ развитію профессіональнаго образованія. Онъ выводитъ такое положеніе, подвергая самому тщательному разсмотрѣнію всю массу положительныхъ законовъ рядомъ съ постепеннымъ, по систематическимъ сложеніемъ нашихъ сословій; самыя средства, потребовавшіяся для образованія сословій, авторъ видитъ въ профессіональномъ образованіи. Это положеніе авторъ стремится развернуть разсмотрѣніемъ условій, въ которыя было поставлено въ XVIII ст. элементарное образованіе (первыя двѣ главы) и подробнымъ изученіемъ профессіональнаго

образованія (четыре главы). Выставляя прежде всего весьма вѣрное историческое положеніе, что чѣмъ больше въ обществѣ неравенства экономическихъ условій, тѣмъ больше неравенства образованія на обоихъ крайнихъ предѣлахъ общества, т. е. тѣмъ оно болѣе блестяще вверху, тѣмъ оно ничтожнѣе внизу, — авторъ думаетъ приложеніемъ этого начала къ исторіи русскаго общества разъяснить: почему въ допетровской Россіи образованіе было одинаковое для всѣхъ классовъ общества, почему со времени Петра, когда является соперничество сословій, начинается и конкуренція общаго образованія съ профессіональнымъ. По мнѣнію автора, въ русскомъ обществѣ появляется съ Петра принципъ существенно средневѣковой: человѣкъ, не принадлежащій къ извѣстному сословію, не можетъ пользоваться образованіемъ, свойственнымъ этому сословію, и наоборотъ, человѣкъ, не получившій образованія, свойственнаго сословію, не можетъ принадлежать къ нему; такъ какъ элементарное образованіе не ведетъ ни къ какой профессіи и такъ какъ низшіе классы народа не несутъ никакой спеціальной службы, то *элементарное образованіе становится неумѣстнымъ въ этой системѣ;* всѣмъ несостоятельнымъ членамъ общинъ предоставляется только возможность получать его; оно лишь терпимо (стр. 3). Къ этому главному своему положенію, съ которымъ мы не можемъ вполнѣ согласиться, авторъ, хотя и весьма искусно, но тѣмъ не менѣе искусственно, стремится подтянуть всѣ, весьма обстоятельно разбираемыя имъ, законоположенія. Но, противъ этого существеннаго для первыхъ двухъ главъ, да и для цѣлой книги, положенія автора, можно замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, такое рѣзкое выдѣленіе элементарнаго образованія отъ профессіональнаго не встрѣчается въ дѣйствительности, такъ какъ первичныя профессіональныя школы имѣютъ значеніе элементарныхъ, и еслибы, пожалуй, этого и не допускать, то того нельзя не допустить, что получившій элементарное образованіе можетъ продолжать свое дальнѣйшее образованіе въ профессіональной школѣ. Во-вторыхъ, въ законодательствѣ Петра, безпрестанно мѣнявшемся и получившемъ въ извѣстной степени твердыя начала только въ концѣ его царствованія, неуспѣвшія найти и примѣненія, нельзя видѣть какой либо системы, которая могла бы исключать элементарное образованіе. Тѣмъ болѣе смѣлымъ было бы искать какой либо системы въ законоположеніяхъ преемниковъ Петра до Екатерины II. Этимъ мы объясняемъ, что прекрасное изслѣдованіе, вообще построенное на объективномъ научномъ анализѣ, при оцѣнкѣ нѣкоторыхъ институтовъ Петра по дѣламъ школы измѣняетъ намѣреніямъ автора. Задавшись такимъ непремѣннымъ выводомъ, онъ по своему вѣрно, но для читателя неубѣдительно, растолковываетъ явленія. Такъ приводя факты, доказывающіе, что въ началѣ царствованія Петра были намѣренія о по-

правленіи старыхъ приходскихъ школъ, и о построеніи новыхъ, причемъ предполагалось дать и указъ, справедливо замѣчаетъ, что такого указа не дали (13). Но что же это доказываетъ? Рѣшеніе не въ пользу мнѣнія автора. Точно также разсуждая о цыфирныхъ школахъ и объ объявленной обязательности ученія подъ страхомъ воспрещенія вступать въ бракъ, авторъ напрасно силится доказать, что это школы профессіональныя: это школы петровскія, которыхъ ни къ элементарнымъ, ни къ профессіональнымъ, по нынѣшнему о нихъ понятію, причислить нельзя, да и средство, объявленное для ихъ обязательности, направляемое на дѣтей, а не на родителей (стр. 17), нисколько не подкрѣпляетъ воззрѣнія автора о системѣ Петра («этотъ весьма нераціональный способъ дѣйствія ясно показываетъ, что правительство имѣло въ виду не свою обязанность надзирать за исполненіемъ родителями ихъ долга въ отношеніи къ дѣтямъ, а только свою государственную потребностяхъ въ людяхъ, знающихъ начатки геометріи»), а объясняется простымъ заимствованіемъ этой мѣры изъ Швеціи, гдѣ эта мѣра тогда съ большимъ успѣхомъ была проведена относительно народныхъ школъ, т. е. *обязательности элементарнаго образованія* [1]). Но это не помѣшало автору отлично разобрать, почему не осуществилась обязательность посѣщенія школы (см. стр. 22), и почему родилась и какъ развивалась борьба между духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ за право образовывать духовное юношество. Далѣе, искуственно выведенное имъ положеніе привело его къ тому выводу, что по новой системѣ XVIII в. сельскіе классы не должны получать общественнаго образованія (33), и вотъ истинная причина неудачи новой системы элементарнаго образованія: некого учить въ элементарныхъ школахъ. При исключительно-профессіональной системѣ образованія элементарному общему нѣтъ мѣста (34). Съ такимъ выводомъ нельзя согласиться. Въ законодательствѣ Петра имѣются совершенно точныя доказательства его желанія, чтобы и сельское, и городское населенія получали общее образованіе. Одно такое указаніе я нахожу въ весьма важномъ актѣ, на который не указываетъ авторъ, именно въ инструкціи земскимъ коммиссарамъ. Въ п. 19 этой инструкціи между прочимъ поручается наблюдать, чтобы обыватели.... «своихъ дѣтей въ такихъ добрыхъ порядкахъ воспитали, и сколь *возможно читанію и письму обучали*.....» (1-е п. с., № 3295). Правда, тутъ не указывается средствъ для этого установленія школъ, да и самая инструкція не осуществилась, потому что Петръ

[1]) По закону Карла XI, въ Швеціи никто не можетъ вступать въ бракъ безъ конфирмованія, а послѣднее возможно только для умѣющихъ читать. Этотъ законъ нашелъ весьма точное примѣненіе и послужилъ къ такому развитію народныхъ школъ въ Швеціи, съ которымъ могутъ посоперничать теперь только народныя школы с. амер. штатовъ: германскимъ школамъ еще далеко до шведскихъ.

не успѣлъ провести въ жизнь эту важную должность земскихъ коммисаровъ, какъ и вообще онъ не успѣлъ осуществить многаго изъ задуманнаго имъ, но разбирая эту инструкцію, невозможно согласиться съ выводомъ автора, будто по новой системѣ XVIII ст. сельскіе классы не должны получать общаго образованія. Другое не менѣе точное указаніе находится въ регламентѣ главному магистрату, о которомъ говоритъ и авторъ, но оцѣнку котораго онъ дѣлаетъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ точно, подтягивая данныя регламента подъ свое положеніе, очевидно подрѣзывающее объективность анализа. Упоминая вскользь объ этой инструкціи магистратамъ, авторъ говоритъ: «очевидно, что эта инструкція имѣетъ въ виду преимущественно сиротъ и нищихъ дѣтей. Государства, совершенно небрегущія объ элементарномъ общенародномъ образованіи, принуждаются силою вещей заботиться о первоначальномъ воспитаніи и образованіи нищихъ» (стр. 49). Между тѣмъ, если вспомнить, какой расчетъ велъ Петръ I въ дѣлѣ своихъ реформъ на самостоятельную дѣятельность городовыхъ магистратовъ и конструировать надлежащимъ образомъ XXI-ю главу регламента главному магистрату, то надобно будетъ придти къ совершенно противуположнымъ выводамъ. Въ регламентѣ Петра читаемъ: «Понеже академіи и школы дѣло есть зѣло нужное для обученія народнаго, въ чемъ уже по Его Царскаго Величества высокому соизволенію, и доброе начало учинено, дабы такое нужное и благоугодное дѣло по всей возможности въ дѣйство произвесть: *того ради надлежитъ* магистрату учрежденія того *не пренебрегать*, но по должности *всякое къ тому вспоможеніе* чинить; а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и ариѳметики обучатися будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ магистратамъ самимъ имѣть стараніе» (1-е п. с. № 3708). Гдѣ же отвращеніе Петра отъ общаго элементарнаго образованія?

Эта предвзятая мысль автора проходитъ и во всемъ разсмотрѣніи профессіональнаго образованія. Сообщая цѣльность всему труду, эта мысль вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаетъ надлежащему конструированію громадныхъ матеріаловъ, собранныхъ у автора относительно профессіональнаго образованія въ XVIII ст. Опираясь на положенія *Лоренца Штейна* о связи профессій съ сословіями, ученый авторъ стремится доказать, что русскія сословія, преимущественно же дворянское и духовное, *одолжены своею* организаціею *главнымъ образомъ узаконеніямъ о профессіональномъ образованіи* (стр. 89). Хотя въ одномъ мѣстѣ авторъ и замѣчаетъ, что не думаетъ писать здѣсь цѣлой исторіи сословій, что касается напротивъ этого вопроса, на сколько это необходимо для разъясненія его задачи, однако входитъ въ довольно подробное изученіе русскаго сословнаго права,

можетъ быть болѣе подробное, чѣмъ это нужно для вопроса школы, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточное, какъ намъ кажется, для того, чтобы убѣдить читателя въ вѣрности того положенія, которымъ задался авторъ въ цѣлой своей книгѣ. Поучая довольно подробно, какъ создаются признаки сословія, и приходя къ выводу, что *сословіемъ называется корпорація, въ которой наслѣдственная передача извѣстныхъ занятій считается ея правомъ* (стр. 93), авторъ замѣчаетъ, что и у насъ опредѣляющимъ моментомъ въ выборѣ профессіи является профессіональное образованіе (99). Именно, онъ хочетъ доказать, что у насъ въ законодательствѣ XVIII ст., преимущественно въ первой половинѣ его, господствуютъ два принципа: 1) всякій долженъ учиться тому, что составляетъ профессію его отца, 2) самъ собою слѣдующій отсюда, — что никто сторонній не можетъ быть допущенъ къ этой профессіи. Безъ сомнѣнія читатель ожидаетъ точной группировки данныхъ, которыя будутъ выбраны авторомъ изъ многоразличныхъ узаконеній, касающихся сословій. Онъ ждетъ, какъ разъяснитъ ему авторъ совершенно противорѣчащіе, повидимому, этому ученію законы Петра о дворянскихъ кадетахъ, которымъ указывается стремиться къ промышленности, технической службѣ и т. д., законы, дозволяющіе сельчанамъ безпрепятственно поселяться въ городахъ для занятія промыслами и торговлею, и т. п., — ждетъ общихъ выводовъ изъ исторіи нашихъ сословій. Но авторъ не отвѣчаетъ на эти вопросы. Изъ исторіи нашего сословнаго права выбирается только то, что подходитъ къ выставленному авторомъ положенію. Именно перебираются законы, касающіеся духовной профессіи, и дѣлается такой выводъ: „Если въ законодательствѣ является иногда нѣкоторая непослѣдовательность, уклоненіе въ сторону, то практика, разъ направленная, шла неуклонно по одному пути и привела въ половинѣ XVIII в. къ твердому положенію, что дѣти духовныхъ должны готовиться только къ духовной профессіи (108). Но и при этомъ твердомъ положеніи авторъ приводитъ далѣе, что во все послѣдующее время XVIII в. медицинская профессія составляла единственный узаконенный выходъ для дѣтей духовныхъ лицъ. Единственный ли? А профессія юридическая? Представивъ такой выводъ относительно духовной профессіи, авторъ желаетъ подтвердить его разсмотрѣніемъ другой стороны дѣла, именно стремится доказать, что *тѣ же самыя узаконенія сдѣлали духовную профессію правомъ духовенства, изъ пользованія которымъ исключаются всѣ другія лица.* Но доказательства, имъ приводимыя, неубѣдительны, и возраженія, дѣлаемыя (на стр. 115) историку московской славяно-греко-латинской академіи, г. *Смирнову*, замѣтившему, что «бывъ центромъ духовнаго образованія, академія не отказывала въ свѣтѣ ученія и лицамъ изъ другихъ сословій и это было

сообразно съ волею Петра и его преемниковъ» — не сильны. Точно также далѣе, авторъ старательно подбираетъ немногія узаконенія, которыя могутъ подтвердить его мысль въ сферѣ гражданской службы, и изъ нихъ дѣлаетъ выводъ, имъ же самимъ колеблемый, «что къ половинѣ XVIII в. классъ лицъ, занимающихся гражданскою службою, получилъ всѣ характерные (?) признаки сословія, подъ вліяніемъ узаконеній о спеціальномъ образованіи гражданскихъ чиновниковъ» (стр. 122). Касаясь затѣмъ вообще дворянства, авторъ находитъ возможнымъ прямо приложить къ нему то, что сказано о другихъ профессіяхъ, и сдѣлать такой выводъ: «намъ кажется, что дворянское сословіе организовано тѣми законодательными мѣрами, которыя сдѣлали для него обязательнымъ извѣстную службу и извѣстное образованіе, или, иначе говоря, опредѣленную профессію» (стр. 130).

Эти общія положенія пополняются разсмотрѣніемъ *сущности и формы профессіональнаго образованія*. Здѣсь авторъ представляетъ весьма любопытный и важный анализъ, кому принадлежало направленіе этого профессіопальнаго образованія: самому ли Петру и одному ли ему, или и обществу? Средствомъ для этого анализа авторъ справедливо избираетъ разсмотрѣніе представлявшихся Петру проектовъ — Лейбница и др., и хочетъ показать, какъ законодательство принимало господствовавшія тогда мысли о необходимости развитія профессіональнаго образованія. Здѣсь авторъ опять возвращается къ прежнему, къ мотивированію своего общаго положенія, желая его пояснить и разсмотрѣніемъ слѣдующихъ формъ профессіональнаго образованія, все поглощавшаго общее образованіе: 1) образованія духовенства, 2) образованія юристовъ практиковъ — подъячихъ, 3) образованія солдатскихъ дѣтей, 4) образованія военныхъ посредствомъ службы. Если можно сдѣлать здѣсь нѣкоторый упрекъ за сбивчивость системы, то нельзя не признать громадности и важности собраннаго имъ при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ матеріала. Затѣмъ идетъ столь же интересная фактическая разработка изобрѣтавшихся въ XVIII ст. способовъ обязательности и принудительности къ полученію профессіональнаго образованія. Справедливъ и выводъ, дѣлаемый имъ изъ разсмотрѣнія этой борьбы между правительствомъ и обществомъ относительно обязательности профессіональнаго образованія. «Противодѣйствіе образованію со стороны общества не уменьшалось, а возрастало по мѣрѣ усиленія мѣръ принужденія къ нему» (241). «Наоборотъ, съ ослабленіемъ принудительныхъ мѣръ къ образованію во 2-й пол. XVIII в. приливъ въ школы, вообще стремленіе къ образованію усилились вдругъ и неожиданно» (242).

Изслѣдованіе г. Владимірскаго-Буданова заключается не менѣе интереснымъ изученіемъ существовавшихъ въ XVIII ст. *способовъ распространенія образованія*. Справедливо замѣчая, что кромѣ школы имѣли

значеніе, даже бо́льшее сравнительно съ школою, *посылка за границу* и *служба*, онъ стремится разъяснить вліяніе той и другой на образованіе русскаго общества. Онъ приходитъ къ выводу, что служба имѣла гораздо большее вліяніе сравнительно съ посылкою за границу. По его мнѣнію, распространеніе образованія посредствомъ службы наиболѣе характерно для XVIII ст.: школы были замѣняемы присутственными мѣстами, войсками, храмами, больницами и т. д. По этому поводу онъ представляетъ исторію коллегіи юнкеровъ, способъ обученія лѣкарскихъ учениковъ при госпиталяхъ, и затѣмъ стремится разъяснить понятіе о церкви, какъ о школѣ для духовенства, т. е. профессіональной; останавливается по этому поводу на формахъ катехизаціи и обученія ставленниковъ. Разъяснивъ (коротенько впрочемъ) эти два способа образованія, посылку за границу и службу, онъ сопоставляетъ съ ними третій способъ — школу, для чего опять перебираетъ существовавшія тогда школы. Хотя по его доказательствамъ подъ общественными учебными заведеніями разумѣлись только собственно профессіональныя или спеціальныя школы, но такая исключительная форма начинается не съ самаго начала, а приблизительно съ 1715 — 1720 гг., то онъ здѣсь въ заключеніе перебираетъ: 1) *общеобразовательныя заведенія, предшествующія началу профессіональной системы;* между таковыми помѣщаетъ: московскую гимназію, или разноязычныя школы, школы славяно-латинскую, латино-итальянскую и эллино-греческую, и Сухареву Башню; 2) *военныя училища* и 3) *духовныя училища.*

Таково содержаніе труда г. Владимірскаго-Буданова. Не убѣждаясь въ вѣрности поставленнаго имъ общаго главнаго начала, и находя нѣсколько сбивчивою его систему изложенія, мы тѣмъ не менѣе должны признать его работу весьма видным явленіемъ. Такое тщательное собраніе обильнаго и отчасти новаго матеріала, попытка сопоставить законодательный строй школьнаго дѣла съ физіологіею общества, добросовѣстнѣйшая разработка и анализъ подробностей, до сихъ поръ ускользавшихъ отъ изслѣдователей, даютъ полное право этой книгѣ на вниманіе со стороны науки и общества. Продолженіе этого труда обѣщаетъ именно коснуться тѣхъ сторонъ нашего образованія, которыя ждутъ давно ученаго изслѣдователя; оттого ожидаемъ выхода слѣдующей за симъ части съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

И. Андреевскій.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Ф. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, изданное по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Спб. 1874. Томъ I. Трактаты съ Австріею 1648 — 1762 г.

Международныя отношенія, существующія между государствами въ данное время, выработались постепенно въ теченіе вѣковъ и памятниками ихъ являются трактаты и конвенціи, заключенные между ими. Поэтому для уразумѣнія конкретнаго состоянія взаимныхъ отношеній государствъ, тѣхъ правъ и обязанностей, которыя они признаютъ за собою и своими подданными, необходимо изучить международные трактаты. Въ нихъ вылились, съ бо́льшею или меньшею отчетливостью, международная жизнь и руководящія ею начала права. Имѣя же въ виду, что международный договоръ, по утвержденіи его верховною государственною властью, получаетъ обязательную силу государственнаго закона, понятно будетъ, какое огромное вліяніе трактаты международные имѣютъ на ходъ внутренней государственной жизни народовъ. Дѣйствительно, на сколько въ трактатахъ отпечатывается характеръ международныхъ отношеній между договаривающимися государствами, на столько же въ нихъ отражается внутренній ихъ бытъ и степень политическаго развитія. Если внутри государствъ царствуетъ неограниченный никакими законами произволъ, если несомнѣнные интересы и права народовъ приносятся въ жертву личнымъ и династическимъ цѣлямъ — какъ мы это видимъ въ большинствѣ государствъ прошлаго столѣтія, — то очевидно нельзя требовать, чтобъ въ области международныхъ отношеній господствовали правда и справедливость, и чтобъ международные договоры удовлетворяли истиннымъ потребностямъ народовъ. Напротивъ, по мѣрѣ водворенія, начиная съ нынѣшняго столѣтія, государственныхъ порядковъ, болѣе согласныхъ съ стремленіями и желаніями народовъ, предметомъ международныхъ трактатовъ становятся такіе вопросы государственной и международной жизни, которые прежде совершенно не существовали или постоянно упускались изъ виду.

Изъ этого видно, какое огромное значеніе имѣютъ международные трактаты для уясненія прошлой и грядущей жизни народовъ.

Поэтому понятны будутъ тѣ многочисленныя попытки, которыя сдѣланы были для изданія международныхъ договоровъ. Дѣйствительно, начиная уже съ XVI в. трактаты были издаваемы или въ общихъ сборникахъ, въ которые были включены всѣ международные акты, заклю-

ченные между европейскими государствами, или же въ спеціальныхъ сборникахъ, заключающихъ въ себѣ только договоры, состоявшіеся между даннымъ государствомъ и остальными державами.

Изъ общихъ сборниковъ международныхъ трактатовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) «Codex juris gentium diplomaticus», изд. въ 1693 г. знаменитымъ Лейбницомъ; 2) «Corps universel diplomatique du droit des gens», изд. Дюмономъ, [1]) составляющее вмѣстѣ съ продолженіемъ, публикованнымъ Barbeyrac и Rousset, всего 13 томовъ; наконецъ 3) «Codex juris gentium recentissimi», изд. Вонкомъ (1735—1770) въ 3 т. Но наиболѣе, безъ сомнѣнія, распространено собраніе трактатовъ и конвенцій, изданіе котораго началъ Мартенсъ, пользующійся заслуженнымъ авторитетомъ въ вопросахъ международнаго права.

Мартенсъ обнародовалъ въ 1791 году первый томъ своего «Recueil des principaux traités et conventions», и съ тѣхъ поръ изданіе это продолжается по настоящее время, подъ различными заглавіями. До настоящаго времени издано около 50 томовъ.

Но хотя это собраніе международныхъ трактатовъ представляется самымъ полнымъ изъ всѣхъ существующихъ и находится въ рукахъ каждаго интересующагося международными отношеніями, все-таки пользованіе имъ въ высшей степени затруднительно. Можетъ быть это послѣднее обстоятельство не мало содѣйствовало тому, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ утвердилось сознаніе необходимости спеціяльныхъ сборниковъ трактатовъ, заключенныхъ каждымъ изъ нихъ съ другими державами. Въ настоящее время такіе спеціяльные сборники имѣются въ Австріи, Англіи, Бельгіи, Испаніи, Франціи, Греціи, Италіи, Нидерландахъ, Португаліи, Швейцаріи, Пруссіи, Турціи и Соединенныхъ Штатахъ. Слѣдовательно, до настоящаго года, только одна Россія составляла исключеніе, не имѣя сборника международныхъ договоровъ, ею заключенныхъ.

Но нельзя сказать, чтобы въ Россіи также не чувствовалась потребность въ подобнаго рода изданіи. Нѣтъ, уже въ 1779 г., по повелѣнію императрицы Екатерины II, коллегія иностранныхъ дѣлъ поручила исторіографу Миллеру, завѣдывавшему тогда московскимъ ея архивомъ, «чтобъ онъ для россійской исторіи старался учинить собраніе всѣхъ россійскихъ древнихъ и новыхъ публичныхъ трактатовъ, конвенцій и прочихъ подобныхъ тому актовъ, по примѣру Дюмонова дипломатическаго корпуса.» Вслѣдъ затѣмъ въ 1783 г. послѣдовалъ даже указъ объ учрежденіи при архивѣ особой типографіи для печатанія этого изданія. Но преждевременная смерть Миллера не дала ему исполнить это порученіе. Съ тѣхъ

[1]) (1726 — 31).

поръ только въ полномъ собраніи законовъ были отпечатаны нѣкоторые международные трактаты, заключенные Россіею.

Въ настоящее время международные договоры, получившіе утвержденіе со стороны Верховной власти, обнародываются въ «собраніи узаконеній и распоряженій правительства», чтобъ по истеченіи извѣстнаго промежутка времени быть включены въ томы полнаго собранія законовъ.

Каждый, кому приходилось когда нибудь отъискивать какой либо международный договоръ, знаетъ, до какой степени трудно было найти его въ полномъ собраніи законовъ. Поэтому для уничтоженія этого крайняго неудобства министерство иностранныхъ дѣлъ, въ завѣдываніи котораго находятся всѣ акты, относящіеся до международныхъ отношеній Россіи, поручило профессору с.-петербургскаго университета Ѳ. Ѳ. Мартенсу издавать всѣ международные трактаты и конвенціи, заключенные Россіею.

Началомъ исполненія этого порученія является первый томъ сочиненія, приведеннаго нами въ оглавленіи настоящей замѣтки.

Изъ предисловія видно, что это собраніе трактатовъ будетъ издаваться по совершенно новому плану, основанному на слѣдующихъ началахъ:

1) Всѣ международные договоры будутъ отпечатываемы не въ *общемъ* хронологическомъ порядкѣ, но по *государствамъ*, т. е. сперва будутъ напечатаны, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ договоры, заключенные Россіею исключительно съ одною какою нибудь державою. Подобный порядокъ казался издателю болѣе цѣлесообразнымъ для правильнаго уразумѣнія международныхъ отношеній сперва съ однимъ государствомъ, а затѣмъ со всѣми остальными. Въ виду же важности и близости дипломатическихъ сношеній съ нѣкоторыми державами прежде всего будутъ напечатаны трактаты съ Австріею, Англіею, Пруссіею, Франціею и Турціи. Остальныя государства послѣдуютъ въ алфавитномъ порядкѣ.

2) Крайнимъ исходнымъ пунктомъ по отношенію ко времени, съ котораго слѣдовало начать изданіе трактатовъ, принятъ вестфальскій мирный трактатъ, или 1648 годъ, почти совпадающій съ годомъ, принятымъ для начала полнаго собранія законовъ.

3) Всѣ международные договоры и конвенціи будутъ печататься на оригинальномъ языкѣ, на которомъ они заключены, и въ русскомъ переводѣ en régard. Наконецъ 4) для лучшаго достиженія цѣли, поставленной издателемъ не издавать только сырой и необработанный матеріалъ, но содѣйствовать правильному пониманію международныхъ актовъ, каждому договору предпослано краткое историческое введеніе, объясняющее обстоятельства, вызвавшія его, и переговоры, ему предшествовавшіе. И такъ какъ между этими введеніями сохранена постоянная связь, то они могутъ

представить краткую исторію дипломатическихъ сношеній Россіи. Источниками для этихъ историческихъ объясненій послужатъ акты, хранящіеся въ московскомъ главномъ и государственномъ архивахъ, и печататься они будутъ на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Таковы руководящія начала всего предпринятаго изданія, которыя легли также въ основаніе перваго тома. Въ немъ приведены договоры, конвенціи и декларації, заключенныя Россіею съ Австріею, начиная со второй половины XVI в. до смерти императора Петра III, т. е. до 1762 г.

Наконецъ остается еще замѣтить, что въ виду возникновенія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Австріею уже въ XV ст., издатель предпослалъ первому акту отъ 1675 г. особенный краткій историческій очеркъ развитія ихъ до конца XVII в.

М.

ВОЕННЫЯ НАУКИ.

Всеобщая Военная Исторія, князя Н. С. Голицына.

Попытка написать военную исторію всѣхъ временъ и народовъ является впервые у насъ. Западно-европейская военная литература представляетъ богатый запасъ военно-историческихъ сочиненій, обнимающихъ ту или другую эпоху въ развитіи военнаго искуства, рядъ замѣчательныхъ частныхъ военно-историческихъ изслѣдованій, которыми въ особенности обогатилась военная литература нынѣшняго столѣтія, — правда, она представляетъ и попытки начертанія постепеннаго развитія военнаго искуства вообще съ перваго его появленія до новѣйшихъ временъ (*Rocquancourt*, Cours d'art et d'histoire militaires; *Carrion Nisas*; Nardegg, Berneck); но послѣднія не ставятъ себѣ въ то же время задачи, рядомъ съ историческимъ развитіемъ искуства, представить и *исторію всѣхъ войнъ*, а довольствуются только разборомъ нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ той или другой войны, для охарактеризованія состоянія военнаго искуства въ ту или другую эпоху.

Одно уже это показываетъ всю колоссальность предпріятія кн. Голицына. При взглядѣ на вышедшіе до сихъ поръ шесть объемистыхъ томовъ (число которыхъ должно возрасти до 20 и болѣе) невольно прихо-

дить на умъ весьма мѣткое сравненіе *Паскалемъ* исторіи, «представляю-«щей безпрерывную смѣну одного поколѣнія другимъ, съ однимъ человѣ-«комъ, который *все время живетъ и все время учится*».

Казалось бы, эта обширная задача, поставленная себѣ кн. Голицынымъ и могла бы быть разрѣшена развѣ только этимъ вѣчно живущимъ и вѣчно учащимся человѣкомъ, если только вообще она можетъ быть разрѣшена *однимъ* человѣкомъ.

И дѣйствительно изъ предисловія мы узнаемъ, что трудъ, начатый кн. Голицынымъ въ 1838, въ бытность его профессоромъ Императорской военной академіи, имъ издается въ настоящее время при содѣйствіи нѣсколькихъ военныхъ сотрудниковъ изъ бывшихъ же академическихъ офицеровъ. При такой постановкѣ дѣла, задача, не переставая быть колоссальною, дѣлается по крайней мѣрѣ возможною и то если ограничиться только бѣглымъ изложеніемъ войнъ или болѣе или менѣе подробною характеристикою ихъ, а не претендовать на подробное, всестороннее, критическое ихъ изложеніе. Для этого нуженъ былъ бы послѣдовательный трудъ нѣсколькихъ преемственныхъ подобныхъ ассоціацій.

Въ довольно обширномъ «*Введеніи*» кн. Голицынъ развиваетъ свой взглядъ на понятіе о военной исторіи, предметъ и цѣль ея, дѣленіе, изслѣдованіе, изложеніе, изученіе, методы, систему, важность и пользу ея и, въ заключеніе, представляетъ обзоръ источниковъ и пособій для изученія военной исторіи древнихъ народовъ.

Военную исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ *военную статистику* кн. Голицынъ считаетъ за *основную* или *главную* военную науку [1]) «какъ вмѣщающую въ себѣ и преподающую основное понятіе о минувшихъ событіяхъ въ жизни народовъ и государствъ,—событіяхъ, основу которыхъ составляетъ *война* во всемъ смыслѣ этого слова.»

Военная исторія представляетъ дѣйствительно единственный *источникъ*, изъ котораго черпаютъ всѣ военныя науки, мало того, *фундаментъ*, на которомъ построены онѣ всѣ. Военная исторія есть хранилище вѣковаго опыта, изъ котораго каждый, пожалуй «юноша, мужъ и старецъ, столько берутъ, сколько каждый можетъ взять.» Въ этомъ смыслѣ

---

[1]) Авторъ приводитъ слѣдующую *классификацію военныхъ наукъ*. Онъ дѣлитъ ихъ на *главныя* или *основныя* (военная исторія и военная статистика), на *приготовительныя* (наука объ изученіи источниковъ, Quellenkunde), на *частныя* (исторія военныхъ учрежденій, исторія военнаго искусства, исторія артиллеріи, исторія тактики, исторія фортификаціи, исторія поліорцетики, исторія военной администраціи, исторія стратегіи, военная географія, исторія литературы всѣхъ главныхъ и частныхъ военныхъ наукъ) и наконецъ на *вспомогательныя* (исторія политическая, исторія международнаго права и исторія морскаго дѣла и искуства).

военная исторія пока еще не является наукою, а лишь только богатымъ складомъ военныхъ фактовъ. Она дѣлается наукою лишь съ той минуты, когда, переставая записывать факты, наблюдать надъ ними, фотографировать, она начинаетъ смотрѣть на нихъ съ извѣстной высоты, когда она начинаетъ обобщать выводы изъ частныхъ фактовъ и раскрывать общіе основные законы, лежащіе въ основѣ всѣхъ военныхъ явленій, короче, когда она изъ *исторіи* обращается въ *философію* (теорію).

Авторъ всеобщей военной исторіи до этого обобщенія частныхъ выводовъ не поднимается, отъ того и въ трудѣ его исторія не возводится на ступень *военно-исторической науки*.

Говоря во вступленіи (стр. 9 и 10) о *методахъ* или *способахъ* изложенія военной исторіи, кн. Голицынъ допускаетъ ихъ три, «смотря по формѣ изложенія и особенно по бо́льшему или мѣньшему участію и вліянію критики. Первый способъ, по мнѣнію автора, простѣйшій, состоитъ въ хронологическомъ, болѣе или менѣе сжатомъ и краткомъ общемъ обзорѣ военныхъ событій, ихъ причинъ, хода, характера и результатовъ, представляющемъ матеріалы для собственныхъ размышленій и сужденій. Вторый способъ, болѣе сложный, совершенный и возвышенный, заключается въ изложеніи болѣе подробномъ и обстоятельномъ, основанномъ на историческомъ изслѣдованіи фактовъ, ихъ причинъ, хода, связи, результатовъ и послѣдствій. Наконецъ *третій* способъ, высшій, но и труднѣйшій, состоитъ въ тщательномъ, критическомъ изслѣдованіи и разборѣ военныхъ событій и всѣхъ фактовъ ихъ, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на изслѣдованіе и обсужденіе всѣхъ мѣръ и способовъ, приведенныхъ въ дѣйствіе, разъясненіе сомнительныхъ фактовъ и проч.»

Который же изъ этихъ трехъ методовъ изслѣдованія (намъ казалось бы достаточно допущенія только двухъ: *повѣствовательнаго* и *критическаго*) преобладаетъ въ всеобщей военной исторіи кн. Голицына?

Въ вышедшихъ до сихъ поръ шести томахъ (части I, II и III древняго времени, части I и II новаго времени и части I новѣйшихъ временъ) мы встрѣчаемъ только довольно бѣглую характеристику войнъ, правда, принимающую характеръ болѣе подробный, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени (такимъ образомъ обзору тридцатилѣтней войны уже посвященъ цѣлый томъ, 132 страницы), но до *всесторонняго* разбора фактовъ, т. е. до *критической военной исторіи*, авторъ до сихъ поръ не восходилъ. Такъ напримѣръ, если взять одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ тридцатилѣтней войны, изложенной подробнѣе другихъ, хоть *брейтенфельдское* (лейпцигское) сраженіе, то увидимъ, что ему отведено всего только $1^1/_2$ страницы (69 и часть 70), при чемъ большая часть посвя-

щена описанію расположенія обѣихъ сторонъ, а самому бою — едва только 20 строкъ. Критической же оцѣнки столь капитальнаго сраженія мы вовсе не встрѣчаемъ.

Итакъ до степени *военно-исторической науки* всеобщая военная исторія кн. Голицына не восходитъ, — *критическою военною исторіею* она тоже не является. Она представляетъ лишь характеристику войнъ и притомъ довольно бѣглую, дополняемую авторомъ его *личными* взглядами и разсужденіями по поводу характеризуемыхъ имъ военныхъ событій.

Въ такомъ смыслѣ сочиненіе это является весьма полезнымъ *пособіемъ* при изученіи военной исторіи, какъ богатый *сборникъ фактовъ*, представляющій ихъ въ общемъ очеркѣ и дающій, такимъ образомъ, общую канву, которая при массѣ указанныхъ въ сочиненіи источниковъ (что составляетъ одно изъ важныхъ его достоинствъ), можетъ быть легко пополнена читателями, смотря по надобности, до полнаго, подробнаго изложенія того или другаго событія. *Руководствомъ* (*регуляторомъ*) же къ изученію военной исторіи, чѣмъ всеобщая военная исторія по цѣли, поставленной себѣ авторомъ, должна была бы быть (предисловіе VI), ее признать нельзя, такъ какъ мы въ ней встрѣчаемъ, и то только во вступленіи, лишь нѣкоторые намеки на *основные законы*, независимые отъ условій времени и мѣста (Введеніе стр. 26), самихъ же *законовъ*, и въ особенности *приложенія ихъ къ критической оцѣнкѣ фактовъ*, *мы не находимъ нигдѣ*. Безъ этого и самая критика не можетъ быть строго *объективною*, научною, а представляетъ лишь *субъективное* воззрѣніе, личный взглядъ автора на тотъ или другой фактъ.

Военная исторія является безспорно лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы проникнуть въ тайны военнаго искусства, но *при условіи* разумнаго ея изученія, а это разумное изученіе безъ соотвѣтствующаго *регулятора* невозможно. И этими-то регуляторами и являются именно тѣ *основные законы*, о которыхъ въ приведенной кн. Голицынымъ (Введеніе, 26) цитатѣ такъ превосходно выражается *Лоссау*: «орудія войны — арміи, ихъ оружіе и тактика могутъ измѣняться, но высшія соображенія искусства веденія войны всегда были и будутъ неизмѣнны въ своихъ основныхъ законахъ; для нихъ нѣтъ ни пространства, ни времени, ни перемѣны». Одна же военная исторія, изучаемая *безъ подобныхъ регуляторовъ*, можетъ привести и, какъ показываетъ опытъ, уже не разъ приводила къ крайне ошибочнымъ выводамъ (*косвенный боевой порядокъ* какъ универсальный рецептъ для побѣдъ, тоже *обходы* и т. д.).

Цѣль нашего отзыва заключается единственно въ томъ, чтобы показать, *какое мѣсто должно принадлежать сочиненію кн. Голицына въ области военно-исторической науки*, но далеко не въ томъ, чтобы, въ какомъ

бы то ни было смыслѣ, уменьшить громадную заслугу автора и несомнѣнную пользу, которую долженъ оказать его *капитальный* трудъ цѣлому ряду военныхъ поколѣній. Одно уже настойчивое стремленіе автора, въ теченіе 36 лѣтъ, къ одной и той же возвышенной цѣли, къ созданію такого колоссальнаго сочиненія, заставляетъ отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ автору, посвящающему всю свою жизнь тому, чтобы облегчить молодымъ военнымъ изученіе столь важнаго предмета какъ военная исторія; — и эта цѣль въ приведенномъ нами выше смыслѣ имъ вполнѣ достигается. Его сочиненіе можетъ быть чрезвычайно полезнымъ *пособіемъ*, *богатымъ сборникомъ* фактовъ и на столько же *богатымъ указателемъ источниковъ* при изученіи военной исторіи,— но *руководствомъ* (регуляторомъ), въ высшемъ значеніи этого слова, мы не рѣшаемся его назвать.

Франко-Нѣмецкая война 1870 — 71 г. Составлена военно-историческимъ отдѣленіемъ прусскаго генеральнаго штаба; переводъ съ нѣмецкаго А. Риттера и И. Маслова.

Переводъ извѣстнаго прусскаго сочиненія о послѣдней войнѣ гг. Риттера и Маслова, при дешевизнѣ, сравнительно съ цѣною нѣмецкаго изданія, весьма хорошихъ картахъ и планахъ и весьма добросовѣстной передачѣ подлинника, отличается, и едва ли не подъ вліяніемъ послѣдняго обстоятельства, нѣсколько тяжелымъ языкомъ, что въ особенности замѣчается въ 1-мъ и 2-мъ выпускѣ.

Нельзя не пожалѣть также и о томъ, что краткость и сжатость въ нѣмецкомъ текстѣ, именно придающія ему особенную силу выраженія, нерѣдко переходятъ въ русскомъ переводѣ въ излишнюю расплывистость, и это, конечно, прежде всего, изъ-за желанія какъ можно ближе держаться *буквы* текста, вмѣсто того, чтобы заботиться главнымъ образомъ о сохраненіи его *духа*.

По настоящее время вышли въ свѣтъ выпуски I, II, III и IV.

Г. Леверъ.

ИСТОРІЯ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Сергѣя Соловьева*. Т. XXIII. Исторія Россіи въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Т. III. М. 1873.

Каждый ежегодно выходящій съ рѣдкою точностью томъ важнаго труда С. М. Соловьева является достойнымъ предыдущихъ томовъ. До IX тома, сочиненіе это лишь изрѣдка вносило новый матеріалъ, большею же частью представляло новое освѣщеніе матеріала, уже употребленнаго Карамзинымъ, новую группировку старыхъ, уже извѣстныхъ фактовъ. Можно не соглашаться съ воззрѣніями г. Соловьева, но нѣтъ никакой возможности отрицать того факта, что воззрѣніями своими онъ оживилъ науку, внесъ въ нее новую струю и далъ точку отправленія для дальнѣйшаго научнаго развитія. Фактъ этотъ сдѣлался давно общимъ достояніемъ; заслуга г. Соловьева съ этой стороны едва-ли подлежитъ спору. Съ IX-го тома «Исторія Россіи» получаетъ другой характеръ: она вноситъ не только новыя воззрѣнія, но и новый матеріалъ; съ окончаніемъ петровскаго времени матеріалъ получаетъ даже рѣшительное господство. Оно и понятно: авторъ вступилъ въ періодъ, наименѣе изученный и извѣстный только нѣкоторыми своими сторонами и то далеко не полно и не вѣрно: мы знали внѣшнія событія, дворъ и постановленія законодательныя; знали почти исключительно изъ сказаній иностранцевъ, преимущественно изъ посольскихъ донесеній, изъ полнаго собранія законовъ и кой-какихъ современныхъ событіямъ русскихъ извѣстій. Лѣтъ 10, 15 тому назадъ явилась болѣе широкая чѣмъ прежде возможность проникать въ архивъ, куда дотолѣ доступъ былъ затрудненъ; открылись архивы частныхъ лицъ; появились изданія матеріаловъ исключительно по новой русской исторіи, изданія почтенныя и въ высшей степени полезныя («Чтенія въ обществѣ исторіи», «Сборникъ русскаго историческаго общества», «Русскій архивъ», «Русская старина»), но по самому своему характеру изданія эти представляютъ нѣчто отрывочное и болѣе или менѣе случайное и только «Сборникъ историческаго общества», гдѣ матеріалы печатаются по большей части серіями (письма Екатерины, матеріалы, касающіеся коммисіи составленія новаго уложенія и т. д.), представляетъ нѣкоторое исключеніе. Другимъ такимъ исключеніемъ можно назвать «Архивъ князя Воронцова». Этотъ способъ печатанія, имѣя свое преимущество въ однородности матеріала, возможенъ только при большихъ средствахъ и при усиліяхъ многихъ лицъ, разомъ ведущихъ нѣсколько серій. Но серіальное изданіе матеріаловъ имѣетъ свои неудобства: освѣщая одну сторону,

оно оставляетъ другую въ тѣни и тѣмъ нарушаетъ историческую перспективу: объ одномъ явленіи мы знаемъ до роскоши много, о другомъ до скудости мало. Къ тому же появленіе серіи обусловливается всегда внѣшними причинами: открытіемъ средствъ издать матеріалъ и лицъ, способныхъ приняться за изданіе именно этого матеріала. Такимъ образомъ и отрывочный, и серіальный способы изданія, принеся значительную пользу наукѣ, приносятъ ее медленно и отрывочно. Лучше было бы начать толковое (въ старинномъ смыслѣ, т. е. raisonnée) описаніе архивовъ (въ родѣ начатыхъ описаній архивовъ: синодальнаго и московскаго мин. юстиціи); но эта работа продолжительная и трудная. Единственнымъ возможнымъ подспорьемъ противъ всѣхъ неудобствъ, представляемыхъ изданіемъ матеріаловъ тѣми способами, которые мы указали, и единственнымъ средствомъ удесятерить пользу изданныхъ тѣмъ или другимъ способомъ матеріаловъ является трудъ, принятый на себя С. М. Соловьевымъ. Знатокъ дѣла, подготовленный къ нему долгимъ трудомъ, имѣющій доступъ во всѣ архивы, представляетъ общее обозрѣніе всего, что заключаютъ въ себѣ важнаго эти архивы. Изложеніе свое онъ ведетъ систематически, группируетъ дѣла по разрядамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по годамъ и притомъ излагая дѣла почти въ собственныхъ выраженіяхъ акта. Гдѣ возможно, эти вновь представляемые матеріалы связываются съ старыми и объясняютъ взаимно другъ друга. Впрочемъ, дорожа преимущественно новыми матеріалами, историкъ поминаетъ извѣстное коротко и выдвигаетъ на первый планъ неизвѣстное. Такимъ образомъ онъ можетъ сообщить значительно болѣе новаго; но этимъ затрудняется чтеніе его книги для людей мало подготовленныхъ знакомствомъ съ тѣмъ, что уже составляетъ достояніе науки. Двадцать третій томъ «Исторіи Россіи» сохраняетъ въ себѣ всѣ существенныя черты, отличающія предыдущіе тома, и имѣетъ совершенно равное съ ними достоинство.

Томъ этотъ, представляющій обозрѣніе событій съ 1749 по 1755 г., вводитъ насъ въ любопытную эпоху: въ Европѣ готовится упорная и продолжительная война. Съ одной стороны зарождается коалиція противъ Пруссіи: Австрія, Саксонія (тогда курфирстъ саксонскій сидитъ на польскомъ престолѣ) и Россія. Съ другой разгорается вражда между Франціею и Англіею. Франція пока на сторонѣ Пруссіи и дѣйствуетъ противъ Россіи въ Швеціи, Турціи и готовится дѣйствовать въ Польшѣ. Англія стоитъ на сторонѣ противной. Въ рѣшительную минуту, до которой г. Соловьевъ еще не довелъ разсказа, вышло какъ извѣстно на оборотъ. Такое положеніе дѣлъ объясняетъ почему дипломатическая исторія, за которою всегда такъ тщательно и усердно слѣдитъ почтенный историкъ, получаетъ въ этомъ томѣ особенное значеніе. На основаніи донесеній русскихъ по-

сланниковъ, сохранившихся въ архивѣ министра иностранныхъ дѣлъ, историкъ представляетъ намъ картину внѣшнихъ отношеній Россіи. Русскою политикою руководитъ Бестужевъ, считавшій Фридриха самымъ опаснымъ врагомъ Россіи, политическая система котораго — по мѣткому выраженію историка — состояла въ томъ, чтобы «не допускать опаснаго сосѣда, прусскаго короля торжествовать, и окружая его цѣпью союзовъ, «сократить его силы», какъ тогда выражались». Въ 1750 году послѣдовалъ дипломатическій разрывъ съ Пруссіею, произведенный главнымъ образомъ неудовольствіемъ на вызовъ офицеровъ русскихъ подданныхъ, бывшихъ въ прусской службѣ. Офицеры эти были по большей части изъ прибалтійскихъ провинцій; а прусскому королю приписывали планъ помочь шведскому королю добиться возстановленія самодержавія и тогда въ обмѣнъ на шведскую Померанію способствовать отнятію у Россіи прибалтійскихъ областей. Россія требовала сохраненія существующаго порядка въ Швеціи, Фридрихъ недовольный этимъ, оскорбилъ русскаго посла, тотъ былъ отозванъ, а за тѣмъ высланъ былъ и прусскій посланникъ изъ Петербурга. Сношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ тоже представлялись въ началѣ не вполнѣ дружественными, какъ потому, что Австрія не съ такимъ какъ Россія интересомъ относилась къ вопросу шведскому, такъ и потому, что Россія считала себя обязанною вступиться за своихъ единовѣрцевъ: вопросъ о трансильванскихъ православныхъ, а также о переселеніи сербовъ въ Новороссію изложенъ весьма подробно и интересно у г. Соловьева, но здѣсь мы не станемъ входить въ подробности. Скажемъ только, что особенно настойчиво ставилъ эти вопросы братъ канцлера М. П. Бестужевъ-Рюминъ, къ крайнему неудовольствію канцлера, что еще усиливало охлажденіе между братьями (замѣтимъ кстати, что не придавая того значенія личнымъ отношеніямъ, какое придаютъ имъ нѣкоторые другіе историки, г. Соловьевъ всегда указываетъ на нихъ, гдѣ это бываетъ нужно). Преемникъ его Кейзерлингъ старался дѣйствовать умѣреннѣе и союзъ не только не былъ разорванъ, но еще усилился общимъ обоимъ дворамъ сознаніемъ вредности французскихъ интригъ въ Польшѣ, гдѣ Франція думала посадить на престолъ принца Конти, и Константинополѣ. Французскій принцъ въ Польшѣ не могъ быть пріятнымъ ни для того, ни для другаго двора. Наиболѣе полно и обстоятельно изложены сношенія съ Польшею, Швеціей и Турціей. Положеніе нашего посла при дворѣ короля польскаго было затруднительно: ему нужно было и поддерживать сношенія съ дворомъ и министрами короля, втягивая ихъ въ коалицію, и сохранять русскую партію въ Польшѣ и поддерживать интересы православія. Королю хотѣлось уничтожить liberum veto; Россіи это было совсѣмъ непріятно; дворъ предписывалъ русскому посланнику Кайзерлингу употребить всѣ усилія поддержать существующій по-

рядокъ. Любопытны доводы, приводимые Кейзерлингомъ Брюлю въ защиту сохраненія liberum veto. «Вся нація — говорилъ онъ — покланяется ему какъ идолу; легко можетъ статься, что малѣйшее покушеніе противъ него ослабитъ любовь народа къ королю, раздражитъ противъ него, наполнитъ сердце сомнѣніемъ, страхомъ, недовѣріемъ и поведетъ къ безпокойствамъ, которыя принесутъ пользу только сосѣдямъ, привыкшимъ въ мутной водѣ рыбу ловить». Еще въ 1749 г. если стремленія короля измѣнить устройство были непріятны въ Россіи, то пріятно было сдѣланное въ 1742 г. заявленіе Брюля: «мы не имѣемъ никакой причины щадить Пруссію, которая продолжаетъ намъ дѣлать всевозможныя досады. Мы принуждены все это сносить; но если Россія и Австрія будутъ намъ помогать, то мы заговоримъ другимъ голосомъ». Къ числу щекотливыхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ курляндскій: Польша желала, чтобы въ Курляндіи былъ герцогъ, императрица не желала возстановленія Бирона, хотя за него говорилъ канцлеръ, а другого герцога допустить было нельзя, въ особенности Морица Саксонскаго, побочнаго брата короля, который даже заискивалъ въ Пруссіи. Вообще трудно было найдти такого кандидата, который былъ бы въ зависимости отъ Россіи. Непріятна была связь Саксоніи съ Франціею, отъ которой всѣми силами старалась оторвать ее Россія, но которая поддерживалась родствомъ: дофинъ былъ женатъ на саксонской принцессѣ. Кейзерлинга въ Дрезденѣ и Варшавѣ замѣнилъ Гроссъ, которому предстояли тѣ-же задачи; положеніе его затруднилось еще тѣмъ, что Чарторыйскіе, стоявшіе въ главѣ русской партіи поссорились съ королемъ, а ему нужно было поддерживать связи и съ тѣмъ и съ другимъ. Затруднителенъ былъ также вопросъ по жалобамъ православныхъ объ отнятіи у нихъ церквей въ унію. Для рѣшенія этого вопроса Гроссъ вмѣстѣ съ королемъ придумали коммиссію, въ которой участвовалъ и православный архіерей. Относительно союза противъ Пруссіи саксонскій министръ не соглашался на тайную конвенцію, которой требовала Россія и которая гарантировала бы участіе Саксоніи въ войнѣ въ случаѣ нападенія на Ганноверъ, зато Россія не допускала наслѣдства польской короны за саксонскимъ домомъ, котораго добивался дрезденскій дворъ. Самымъ важнымъ успѣхомъ Гросса было проведеніе въ епископы бѣлорусскіе Георгія Книсскаго. Сношенія съ Швеціею велись главнымъ образомъ изъ за вопроса о возстановленіи самодержавія, чего въ особенности сильно опасались въ Петербургѣ и чего впрочемъ не случилось. Въ Константинополѣ приходилось бороться съ французскимъ вліяніемъ, спорить о пограничныхъ крѣпостяхъ, и ограждаться отъ обвиненій по случаю нападенія запорожцевъ. Любопытна зародившаяся тогда мысль о переселеніи черногорцевъ по образцу сербовъ. Съ Англіею сношенія были

самыя дружественныя, въ особенности въ Турціи англійскій посланникъ дѣйствовалъ заодно съ русскимъ; но въ Польшѣ Уильямсъ стоялъ за измѣненія въ конституціи; въ Петербургѣ велись переговоры о субсидіи на случай войны, англичане торговались (въ Петербургѣ явился также Уильямсъ) и въ 1755 г. дѣла еще ни на чемъ не остановились. Таковы были дипломатическія сношенія Россіи за эти 6 лѣтъ. Дѣла внутреннія представляютъ не менѣе интереса. Они изложены историкомъ преимущественно по матеріаламъ сенатскаго архива, что придаетъ особенную свѣжесть ихъ изложенію. Важнѣйшими дѣлами этихъ шести лѣтъ слѣдуетъ считать уничтоженіе внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ: «Русская земля была давно собрана — говоритъ нашъ историкъ — но внутреннія таможни разрывали ее на множество отдѣльныхъ странъ; уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ Елисаветою заканчивалась дѣло, начатое Иваномъ Калитою». Дѣло это принадлежитъ, какъ извѣстно, П. И. Шувалову, которому также принадлежитъ и созданіе двухъ банковъ: дворянскаго и купеческаго. Къ сожалѣнію объ одномъ начатомъ, но не оконченномъ важномъ дѣлѣ — о составленіи уложенія, мы находимъ въ «Исторіи Россіи» только внѣшнія свѣдѣнія; а самыхъ проектовъ авторъ не касается (быть можетъ они не были у него въ рукахъ). Проекты эти хотя и неисполнимы, должны имѣть важность, выражая воззрѣнія времени. Вопросъ объ умноженіи кабацкихъ и соляныхъ доходовъ, поднятый тоже Шуваловымъ, разсказывается съ достаточною подробностію, а также мѣры, принятыя для размежеванія. Прибавимъ, что въ собранныхъ изъ дѣлъ сената свѣдѣніямъ о состояніи общества мы находимъ много важнаго: таковы напр. всѣ свѣдѣнія о крестьянскихъ волненіяхъ; о бѣглыхъ; о разбойникахъ, о состояніи Малороссіи и т. п. Самая интересная глава посвящена наукѣ и литературѣ, гдѣ разсказывается и начало московскаго университета.

Въ заключеніе скажемъ, что въ краткомъ очеркѣ мы указали только на наиболѣе выдающееся и не можемъ не признаться, что долго еще «Исторія Россіи» будетъ необходимою книгою для занимающихся и лучшимъ указателемъ богатства нашихъ архивовъ; еще долго на нее будутъ опираться первые шаги изслѣдователей и къ ней будутъ обращаться издатели, чтобы узнать гдѣ и что найдти. Когда же рамка, указанная нынѣ «Исторіею Россіи», будетъ наполнена трудами издателей и изслѣдователей, тогда явится возможность полной, всесторонней исторіи Россіи въ новое время. Но когда явится эта исторія, автору ея придется отнестись къ г. Соловьеву съ тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія, съ которымъ онъ самъ отнесся къ Татищеву. Много лѣтъ пройдетъ до этого; надо только желать, чтобы не такъ много, какъ прошло отъ Татищева.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

СТАТИСТИКА.

Памятныя книжки губернскихъ статистическихъ комитетовъ: Псковскаго, Самарскаго, Виленскаго, Гродненскаго и Ковенскаго. —Памятныя книжки губерній: Варшавской, Калишской, Піотрковской и Люблинской. —Памятная книжка Кубанской области.

Въ Европейской Россіи безъ Финляндіи и Привислинскаго края считается 50 губерній и областей. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой статистическій комитетъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, изъ довольно большаго числа лицъ. Приблизительно болѣе 1000 человѣкъ, по своему оффиціальному положенію, должны разработывать накопляющійся, въ теченіи каждаго года, въ каждой губерніи и области, статистическій матеріалъ. Матеріала этого накопляется, конечно, очень много, весь онъ имѣетъ главнѣйше практическій интересъ, для мѣстной администраціи, и нѣкоторое значеніе для общей статистики Имперіи. Каждый комитетъ почти ежегодно издаетъ свою памятную книжку.

Ежегодно выходитъ слѣдовательно до 60 статистическихъ оффиціальныхъ сборниковъ, въ каждомъ изъ которыхъ должны отражаться, въ цифирномъ матеріалѣ, всѣ мѣстныя явленія государственной и общественной жизни. Такъ разсуждаетъ, конечно, каждый, знакомый съ чисто внѣшней стороной нашей административной статистики. Но ему придется сопоставить съ этимъ соображеніемъ слѣдующіе факты, обнаруживающіеся при болѣе близкомъ знакомствѣ съ мѣстными статистическими изданіями:

1) Большая часть памятныхъ книжекъ посвящена не статистикѣ, но справочнымъ свѣдѣніямъ, адресъ-календарю и выпискамъ изъ разныхъ правительственныхъ распоряженій, или археологіи, этнографіи, путешествіямъ и т. п. Иногда статистическая часть памятной книжки заключается всего въ двухъ, трехъ таблицахъ.

2) Общаго плана относительно того, что должно изъ статистическаго матеріала войти въ памятную книжку и, въ какой формѣ, однородный по всѣмъ губерніямъ матеріалъ долженъ быть обработанъ, очевидно, не соблюдается.

3) Рядомъ съ изданіями губернскихъ комитетовъ, тамъ, гдѣ есть земскія учрежденія, статистическія данныя печатаются въ журналахъ земскихъ собраній, въ отчетахъ и докладахъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ.

4) Памятныя книжки почти не поступаютъ въ продажу; такія библіотеки, какъ Императорская публичная, академіи наукъ, даже самъ центральный статистическій комитетъ не имѣютъ полной коллекціи этихъ

мѣстныхъ статистическихъ изданій; рѣдкія изъ нихъ появляются въ книжной торговлѣ.

5) Для общей статистики Россіи они очевидно безполезны, если центральный статистическій комитетъ не приводитъ въ одно цѣлое то, что выработали его мѣстные органы въ теченіе года.

Спрашивается, въ самомъ дѣлѣ, для чего издаются эти памятныя книжки? Мѣстная правительственная администрація, органы самоуправленія и мѣстная интеллигенція не находитъ въ нихъ почти ничего, что имѣло бы практическое значеніе для тѣхъ или другихъ мѣропріятій или питало бы мысль, обращенную къ общественнымъ нуждамъ. Центральный статистическій органъ не заботится объ полнотѣ статистическихъ данныхъ, о томъ чтобы вездѣ сводка и обработка матеріала дѣлалась такъ, чтобы облегчала пользованіе имъ для общей статистики Имперіи. Не мудрено, что памятныя книжки, какъ безполезная вещь, гніютъ въ подвалахъ губернскихъ правленій. Исключенія рѣдки, но есть. Во многихъ губерніяхъ предпринимаются напр. однодневныя переписи, собираются разныя новыя данныя, которыя и помѣщаются въ памятныхъ книжкахъ; но когда общая печать непригодности наложена на изданія мѣстныхъ статистическихъ органовъ, тогда и эти исключенія сливаются съ общимъ правиломъ; и этихъ изданій никто не читаетъ, и ихъ негдѣ достать, они пропадаютъ безслѣдно и для русской науки, и для русскаго общества.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что центральный статистическій комитетъ, если-бы захотѣлъ, могъ бы создать для Россіи мѣстныя оффиціальныя изданія, вполнѣ достойныя того значенія, какое они должны имѣть. Отчего не поставить комитеты въ болѣе непосредственную зависимость отъ центральнаго статистическаго учрежденія министерства внутреннихъ дѣлъ? Отчего не требовать непремѣннаго изданія ежегодно всѣхъ текущихъ данныхъ по выработаннымъ формулярамъ? Отчего не требовать, чтобы, при всѣхъ повременныхъ собираніяхъ тѣхъ или другихъ данныхъ, комитеты публиковали не только полученныя цифры, но и способы ихъ полученія, что весьма важно въ томъ отношеніи, что центральный комитетъ самъ часто затрудняется въ пріисканіи удобопримѣнимыхъ къ Россіи способовъ статистической регистраціи? Отчего не связать земскія статистическія операціи съ дѣятельностью мѣстнаго административно-статистическаго органа, не заинтересовать земство въ успѣхахъ мѣстной статистики? Наконецъ отчего, по истеченіи года, не сводить въ общемъ обзорѣ и дѣятельность мѣстныхъ своихъ органовъ, и добытые ими статистическіе матеріалы? Для всего этого, конечно, центральному комитету слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы съ одной стороны придать нѣсколько болѣе высокое и самостоятельное значеніе статистическимъ комитетамъ въ

системѣ мѣстныхъ учрежденій; затѣмъ позаботиться о томъ, чтобы рабочія силы въ комитетахъ были лучше выбраны, получали спеціальную подготовку, чтобы силы эти были лучше обставлены матеріально. Правительство и земство тратятъ очень много средствъ на производство разныхъ статистическихъ работъ, по большей части, тщательно обходя статистическіе комитеты, по убѣжденію въ совершенной безполезности ихъ помощи (вспомнимъ работы интендантскаго вѣдомства, офицеровъ генеральнаго штаба, различнаго рода статистическія работы земствъ); правительство обязываетъ воинскихъ начальниковъ въ губерніяхъ и уѣздахъ собираніемъ и храненіемъ массы статистическаго матеріала, въ виду воинскихъ надобностей. Несомнѣнно, что черезъ увеличеніе средствъ статистическихъ комитетовъ расходы разныхъ вѣдомствъ и земствъ значительно бы уменьшились; сами комитеты изъ учрежденій, почти лишнихъ, каковы они теперь, сдѣлались бы полезны. Въ ихъ архивахъ могли бы быть найдены готовые отвѣты на разные вопросы, занимающіе правительство и земство; изданія ихъ имѣли бы и мѣстный, и общій интересъ.

Впрочемъ министерство внутреннихъ дѣлъ безъ сомнѣнія вынуждено будетъ вскорѣ приступить къ переустройству своей статистической части, потому что, при новыхъ порядкахъ отбыванія воинской повинности и военныхъ мѣстныхъ управленій, при необходимости ввести текущій счетъ населенію, надобно дѣйствительно подумать о плачевномъ положеніи нашей административной статистики.

Обращаясь къ содержанію памятныхъ книжекъ, означенныхъ въ заголовкѣ, читатель можетъ въ очію убѣдиться, до какой степени случайны входящія въ нихъ свѣдѣнія и до какой степени статистическій отдѣлъ ихъ ничтоженъ въ сравненіи съ нестатистическимъ. Въ этомъ послѣднемъ — чего хочешь, того спросишь: и адресъ-календарь, и просто календарь, и крестные ходы и историческіе очерки, и описанія древностей, и приходъ и отходъ почтъ и т. д. и т. д. Остановимся на статистической части, которая иногда называется справочно-статистическою, иногда географическо-статистическія, иногда историко-статистическою, иногда просто статистическою. Тутъ тоже крайнее разнообразіе въ объемѣ и формѣ свѣдѣній. Въ одной книжкѣ вся губернская статистика, отъ численности населенія до народнаго просвѣщенія, въ другой, она не вся и даже далеко не вся; въ одной — всѣ данныя представлены въ таблицахъ, болѣе или менѣе подробныхъ; въ другой — всѣ сбиты въ краткій и общій очеркъ.

Возьмемъ для примѣра памятныя книжки трехъ смежныхъ губерній: Ковенской, Виленской и Гродненской, изданная въ 12 долю листа. Въ Гродненской книжкѣ, мы найдемъ для статистики губерніи только нѣсколько таблицъ, а именно: 1) о православныхъ храмахъ и приходахъ, съ пока-

заніемъ прихожанъ отдѣльно м. и ж. пола; 2) списокъ мировыхъ участковъ Гродненской губерніи съ показаніемъ числа селеній и числа душъ м. пола и 3) свѣдѣнія о числѣ учебныхъ заведеній и учащихся по вѣроисповѣданію, полу и сословіямъ. Для губерній Ковенской и Виленской, мы имѣемъ краткое описаніе пространства, числа жителей, умершихъ, родившихся и бракомъ сочетавшихся (валовыя цифры, съ нѣкоторыми отношеніями), количества скота, посѣвовъ и пр. и пр., большею частью безъ таблицъ. Есть и таблицы по заголовкамъ тождественныя съ таблицами для Гродненской губерніи, но съ иными подробностями; такъ въ таблицѣ о мировыхъ участкахъ, въ Виленской губерніи, показано число селеній, дворовъ и душъ м. и ж. пола, въ Ковенской — сельскихъ обществъ, селеній и душъ вѣроятно только мужскаго пола (въ заголовкѣ столбца не пояснено). Даже данныя о числѣ жителей въ Виленской книжкѣ не заключаютъ раздѣленія ихъ по полу. Но комитеты могли бы разработать движеніе населенія по одной общей программѣ, какова программа центральнаго комитета, или могли бы помѣстить у себя данныя въ таблицахъ тоже по заранѣе выработанной и предписанной формѣ. Отчего свѣдѣнія, ими обнародуемыя, не заключаютъ однѣхъ и тѣхъ же рубрикъ? Отчего они не издаются въ одной и той же формѣ за одинъ и тотъ же годъ? Потому что никто за этимъ не наблюдаетъ, никто этого не требуетъ, никто даже этимъ какъ будто не интересуется.

Псковская памятная книжка заключаетъ въ себѣ уже болѣе и лучше обработаннаго статистическаго матеріала. Движеніе населенія за 1872 г. даетъ напр. умершихъ по возрастамъ и мѣсяцамъ, браки по семейному состоянію и времени года. Кромѣ другихъ свѣдѣній подробнѣе изложены данныя о статистикѣ народнаго образованія и проч. Еще подробнѣе данныя помѣщенныя въ Самарской памятной книжкѣ. Почти всѣ статьи имѣютъ монографическій характеръ, данныя взяты сравнительно съ нѣсколькими предшествующими годами; нѣкоторыя статьи не лишены интереса, напр. очеркъ заселенія Самарской губерніи, движеніе населенія, болѣзненность населенія. Въ Самарскую книжку вошли и нѣкоторыя данныя по земской статистикѣ.

Словомъ, въ нашихъ изданіяхъ губернскихъ комитетовъ никогда не знаешь, что можно въ нихъ найти и чего слѣдуетъ въ нихъ искать.

Такою же разнохарактерностью содержанія и такимъ же преобладаніемъ календаря и адресъ-календаря надъ статистикою отличаются и четыре памятныя книжки губерній привислинскаго края: въ одной, общій очеркъ, очень краткій, статистики губерніи (Люблинской), въ другой (Калишской), нѣсколько табличекъ, въ третьей, статистическое обозрѣніе обширнѣе, но безъ всякихъ таблицъ, въ четвертой (Варшавской), наконецъ, никакихъ

статистическихъ данныхъ, кромѣ результатовъ переписи (1872 г.) иностранцевъ, жительствующихъ въ губерніи. Въ памятной книжкѣ Кубанской области, въ числѣ нѣсколькихъ страничекъ, посвященныхъ статистическимъ таблицамъ, мы находимъ свѣдѣнія о населеніи по сословіямъ «по статистической переписи» 1872 года. О самой переписи ни слова; намъ же интересно знать, какъ она производилась?

Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, книги 5 и 6. Черниговъ. Земская типографія. 1874.

Въ этихъ книгахъ можно найти немного этнографіи и немного статистики. Къ послѣдней принадлежатъ только свѣдѣнія о числѣ прихожанъ, по приходамъ, съ конца прошлаго столѣтія. Остальное интересно только въ отношеніи къ мѣстной исторіи. Слово «статистическое» въ заглавіи книги безъ ущерба для обозначенія содержанія ея можно было-бы опустить.

Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, составленъ генеральнаго штаба полковникомъ Ильинымъ. 45 хромолитографированныхъ картъ.

Статистика входитъ у насъ въ преподаваніе не только во всѣхъ университетахъ, но и во всѣхъ почти спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи мы пошли дальше того, что сдѣлала западная Европа для популяризаціи статистическихъ знаній. Рядомъ съ такимъ распространеніемъ преподаванія статистики у насъ ощущается до сихъ поръ большой недостатокъ въ хорошихъ пособіяхъ и совершенный недостатокъ въ хорошемъ курсѣ статистики. Поэтому мы съ признательностью должны относиться ко всякой попыткѣ восполнить оба недостатка. Изданіе г. Ильина дѣйствительно первая попытка собрать во-едино разрозненныя картографическія работы по русской статистикѣ, разбросанныя по разнымъ изданіямъ, мало доступнымъ публикѣ и учащимся. Нѣкоторыя карты появляются кромѣ того въ «Опытѣ статистическаго атласа» въ первый разъ, что придаетъ ему еще большій интересъ. Такъ мы находимъ здѣсь почвенную карту Европейской Россіи, вновь составленную въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и бывшую на вѣнской всемірной выставкѣ, карту судебныхъ округовъ (которую статистическое отдѣленіе министерства юстиціи вѣроятно забыло приложить къ своему изданію по уголовной статистикѣ), общую карту промышленности Европейской Россіи, давно состав-

ленную въ центральномъ статистическомъ комитетѣ и тщательно скрываемую имъ отъ публики, карту населенности по уѣздамъ, съ нанесеніемъ на нее распредѣленія городскихъ поселеній по величинѣ ихъ, и нѣкоторыя другія. Исполненіе атласа весьма удовлетворительно, хотя не можетъ идти въ уровень съ картографическими изданіями нѣмецкими по тщательности отдѣлки, и мы не сомнѣваемся, что онъ сдѣлается необходимою принадлежностью въ кабинетѣ каждаго образованнаго человѣка. Можно только пожалѣть, что нѣкоторыя карты вышли, благодаря малому масштабу, нѣсколько пестры и слѣдовательно мало наглядны, напр. промышленная и почвенная карты. Первая, впрочемъ, страдаетъ малою наглядностью (въ самомъ своемъ оригиналѣ центральнаго статистическаго комитета), благодаря желанію нанести на одну карту слишкомъ много данныхъ. Равнымъ образомъ, мы не встрѣчаемъ въ атласѣ нѣкоторыхъ картъ, которыя могли быть, безъ особаго труда, составлены и придали бы ему еще болѣе интереса. Такъ, на основаніи данныхъ, изданныхъ министерствомъ юстиціи, могла бы быть составлена карта преступности; по даннымъ выкупной операціи и др. — карта хотя бы распредѣленія поземельной собственности; карта торговаго движенія по рѣкамъ и желѣзнымъ дорогамъ, по образцу прекрасной карты Волги и Маріинскаго пути г. Борковскаго, тоже могла бы быть составлена по даннымъ министерства путей сообщенія и пр. Мы бы желали также видѣть въ атласѣ діаграммы движенія цѣнъ на разные продукты, на главныхъ нашихъ рынкахъ, для чего данныхъ имѣется достаточно въ нашей статистической литературѣ. Выражая означенныя выше желанія, мы не должны однако забывать что, во-первыхъ, предъ нами только «Опытъ» статистическаго атласа, и что, во-вторыхъ, составленіе новыхъ картъ и діаграммъ значительно возвысило бы цѣну изданія, а въ такихъ изданіяхъ дешевизна одно изъ главныхъ условій [1]).

Соллогубъ, гр. А. В. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ по 1-е января 1874 г. 3-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1874. 4°.

Статистическія данныя, получаемыя по желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, состоятъ изъ трехъ частей: 1) свѣдѣній о финансовой сторонѣ этихъ предпріятій, т. е. данныхъ о величинѣ и составныхъ частяхъ ос-

[1]) Сверхъ того не должно терять изъ виду, что это изданіе частное, вынужденное къ коммерческимъ соображеніямъ, которымъ не подчинены оффиціяльныя наши статистическія изданія, большею частію однакоже отличающіяся научными достоинствами. Объ изданномъ г. Ильинымъ «статистическомъ обозрѣніи» въ видѣ приложенія къ атласу, будетъ сказано во II томѣ нашего Сборника.
Ред.

новнаго капитала, о валовомъ доходѣ и расходахъ, объ долгахъ, лежащихъ на предпріятіи, разсчетахъ съ правительствомъ и т. п.; 2) Свѣдѣній о технической сторонѣ — данныя о работѣ подвижнаго состава, количествѣ пройденныхъ пассажироверстъ и пудоверстъ, осями, вагонами, паровозами и пр. и 3) свѣдѣнія о характерѣ и условіяхъ движенія, по отношенію къ количеству пассажировъ и грузовъ, перевезенныхъ по рельсовымъ путямъ, стоимость передвиженія ихъ на единицу пути, мѣры, вѣса и т. п. Всѣ эти три части тѣсно связаны между собою и равно необходимы для выясненія какъ строя желѣзно-дорожныхъ предпріятій самихъ по себѣ такъ и того значенія, какое имѣютъ они для народнаго хозяйства, въ данномъ государствѣ. Извѣстно, что въ отношеніи къ складу предпринимательскаго капитала, въ отношеніи къ стоимости и составнымъ ея элементамъ, въ отношеніи къ величинѣ валоваго и чистаго дохода эксплуатаціи и предпріятій, не только желѣзныя дороги разныхъ государствъ, но и одного и того же, значительно разнятся другъ отъ друга. Объясненія этой разницы мы должны искать не только въ желѣзнодорожной политикѣ, измѣняющейся по мѣсту и времени, но еще въ большей степени, въ характерѣ желѣзнодорожнаго движенія, въ количествѣ грузовъ, среднемъ ихъ пробѣгѣ, величинѣ тарифовъ и т. д.

Статистика русскихъ желѣзныхъ дорогъ весьма мало разработана. Министерство путей сообщенія, которое почти вовсе прекратило за послѣднее время изданіе свѣдѣній о движеніи по водянымъ и желѣзнымъ путямъ, никогда не давало обстоятельной статистики желѣзныхъ дорогъ; [1]) въ его изданія входили или не всѣ дороги, или данныя валовыя, не объясняющія многихъ сторонъ желѣзныхъ дорогъ въ общемъ цѣломъ народнаго хозяйства.

Въ особенности ощутителенъ недостатокъ разработки грузоваго движенія по желѣзнымъ дорогамъ. Тутъ не выработано даже общей схемы, по которой желѣзнодорожныя правленія обязаны были бы доставлять свѣдѣнія, а отчеты желѣзныхъ дорогъ давали преимущественно тѣ валовыя цифры, которыя интересуютъ главнымъ образомъ акціонеровъ съ точки зрѣнія барышей и биржевой цѣны акцій. Къ тому же всѣ статистическія данныя, какія издавало до сихъ поръ Министерство Путей Сообщенія, имѣли мало распространенія въ публикѣ, подобно всѣмъ оффиціальнымъ изданіямъ

---

[1]) На сколько намъ извѣстно, статистическія свѣдѣнія о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ (преимущественно съ финансовой ихъ стороны) были систематически разработаны министерствомъ путей сообщеній въ недавнее время и будутъ вскорѣ изданы въ свѣтъ. Съ нашей стороны, мы надѣемся помѣстить во II т. Сборника интересное изслѣдованіе одного изъ извѣстныхъ нашихъ писателей, по желѣзнодорожному дѣлу, на основаніи упомянутыхъ свѣдѣній. *Ред.*

нашимъ, достать которыя можно было только послѣ долгаго хожденія по канцеляріямъ.

Сборникъ гр. Соллогуба, вышедшій третьимъ изданіемъ, дополненъ новыми свѣдѣніями приблизительно до половины 1873 г.; онъ отчасти восполняетъ недостатокъ оффиціальной статистики министерства путей сообщенія только по отношенію къ первому отдѣлу свѣдѣній о желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ: онъ даетъ матеріалъ для изученія финансоваго положенія ихъ. Но каковъ этотъ матеріалъ?

Къ существенной внѣшнимъ недостаткамъ этого Сборника должно отнести:

1) Случайность попавшихъ въ него матеріаловъ, вслѣдствіе чего содержаніе Сборника лишено единства, заранѣе опредѣленной цѣли. Рядомъ съ данными о стоимости дорогъ и составныхъ ея частяхъ, о валовомъ доходѣ и расходѣ эксплуатаціи, о задолженности передъ правительствомъ и пр., мы находимъ такія свѣдѣнія, которыя имѣютъ мало или вовсе не имѣютъ отношенія къ финансовому положенію дорогъ, напр. данныя о числѣ несчастныхъ случаевъ, чисто справочныя свѣдѣнія объ именахъ учредителей, о цѣнахъ, по коимъ бумаги принимаются въ залоги, о срокахъ уплаты по купонамъ, о мѣстѣ пребыванія правленій и пр. Но такихъ свѣдѣній, которыя бы давали ключъ къ разъясненію напримѣръ того, почему на разныхъ линіяхъ доходъ и расходъ не пропорціональны силѣ движенія, мы не находимъ.

2) Итоги подъ столбцами таблицъ не подведены, гдѣ бы это слѣдовало.

3) Отдѣльныя линіи расположены безъ всякаго порядка, ни по старшинству ихъ открытія, ни по полнотѣ данныхъ, о нихъ имѣющихся. Оба эти обстоятельства чрезвычайно затрудняютъ пользованіе таблицами.

Все это, такъ сказать, внѣшніе недостатки изданія. Гораздо важнѣе внутреннія. Такъ, самый запутанный вопросъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, и самый главный, о разчетахъ съ правительствомъ, не только — не подвигается къ разрѣшенію матерьялами Сборника, но окончательно представляется въ неправильномъ видѣ. Авторъ очевидно считаетъ въ долгу у правительства, за желѣзными дорогами, только выданныя первымъ гаранціи съ $^0/_0$; относительно-же долговъ въ видѣ оставленныхъ за собою правительствомъ облигацій или прямыхъ денежныхъ выдачъ показаны только общая величина первоначальнаго долга и условія, на коихъ онъ сдѣланъ; но дальнѣйшая судьба разсчетовъ по погашенію облигацій, платежу процентовъ по нимъ и по займамъ наличными, остается совершенно неразъясненной. Сколько облигацій погашено, уплачены ли слѣдуемые проценты, сколько въ какомъ году должны были уплатить дороги правительству и сколько уплатили и уплатили ли что нибудь — неизвѣстно. Кредитъ и дебетъ желѣзнодорожныхъ

предпріятій — ни вообще, на каждаго въ отдѣльности — такимъ образомъ не могутъ быть подведены.

Самая таблица № V, заключающая данныя по долгамъ желѣзныхъ дорогъ, составлена довольно небрежно. Въ ссылкѣ напр. сказано см. графу 6, а графы номерами не означены, сказано см. гр. XV (voir col. XV), а таковой въ таблицѣ вовсе нѣтъ, или въ выноскѣ 7 сказано «суммы возвращенныя правительству въ 1871 году означены † (крестомъ), но такого знака ни передъ одной суммою не видно. Людямъ, не знакомымъ близко со всѣми мелочными подробностями, въ разное время, дарованныхъ концессій и заключенныхъ сдѣлокъ между желѣзнодорожными обществами и правительствомъ; невозможно изъ данныхъ Сборника извлечь никакихъ ясныхъ выводовъ о положеніи хозяйства желѣзныхъ дорогъ. Тѣ разъясненія, которыя помѣщены въ выводахъ, по большей части нисколько не помогаютъ дѣлу. Было бы желательно, чтобы авторъ, посвятившій столько лѣтъ разработкѣ желѣзнодорожныхъ отчетовъ, представляемыхъ въ министерство финансовъ, на будущее время, вмѣсто краткаго и сухаго предисловія, постарался изложить подробнѣе и яснѣе, предъ публикою, финансовое положеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и не дѣлалъ тѣхъ непростительныхъ упущеній, какія прошли черезъ три изданія его Сборника. Каковы эти упущенія — сейчасъ увидимъ.

Лучшею оцѣнкою внутреннихъ достоинствъ Сборника графа Соллогуба будетъ слѣдующая таблица, показывающая сравненіе его данныхъ съ данными оффиціяльными, по самой существенной части сборника — долгамъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ правительству. Общая сумма долга частныхъ желѣзныхъ дорогъ правительству, по 1 января 1873 г. (Сборникъ гр. Соллогуба, таблица № V и Журналъ министерства путей сообщенія 1874 г. книжка первая, изданіе статистическаго отдѣла министерства) по нѣкоторымъ линіямъ выходитъ слѣдующая:

	Сборникъ.	Цифры. М. П. С.
Дороги Главнаго общества.	118,502,658 р.	117,988,753.
Воронежско-Ростовская. .	561,688 » по гарантіи	по гарантіи ничего, а по недоимкѣ % на облигаціи 1,126,308 р. мет.
Грязе-Царицынская . . .	798,305 » по гарантіи	по гарантіи ничего, а по ссудѣ 1,055,115 р. кр., недоимки 1,310,199 р. мет.
Ярославско-Вологодская. .	170,223 » по гарантіи	по гарантіи ничего, недоимки по % обл. 70,316 р. мет.,
Константиновская . . .	ничего	по ссудѣ 3,236,954 р. мет.

	Сборникъ.	Цифры М. П. С.
Кіево-Брестская	344,085 р. по гарантіи	по гарантіи ничего, по ссудѣ 568,793 р., по недоимкѣ % 1,504,597 р. мет.
Москов.-Рязанская . . .	3,188,314 » по ссудѣ	ничего не должна.
Московско-Брестская . .	2,543,062 » по гарантіи	по гарантіи 2,087,548 р., по недоимкѣ 1,009,539 р. мет.
Московско-Ярославская. .	588,525 » по ссудѣ	по ссудѣ 640,620 р.
Орловско-Витебская по гар. ссуды въ послѣднемъ итогѣ нѣтъ, а въ графѣ 10-й.	8,857,342 » 4,300,000 р. кр.	по гарантіи 8,857,361, по ссудѣ 3,607,196 р.
Одесская	1,689,433 р. по гарантіи	недоимки по % 1,689,433 р. мет., по ссудѣ 369,169 р.
Поти-Тифлисская	ничего не должна	по гарантіи 1,235,559 р.
Риго-Динабургская по ссудѣ.	1,650,000 р.	ссуда 1,868,660 р.
Риго-Больдерааская по гар.	111,701 »	ничего.
Рижско-Моршанская по гар.	2,538,258 »	по гарантіи 2,538,258 р.
по ссудѣ.	1,646,805 »	по ссудѣ ничего.
Рязанско-Козловская по ссудѣ.	4,000,000 »	по ссудѣ 4,719,874 р.
Тамбовско-Саратовская по гар.	777,711 »	по гарантіи ничего, по недоимкѣ % 1,423,515 р. мет., по ссудѣ 824,123 р. кр.
Царскосельская по ссудѣ.	615,000 »	по ссудѣ 335,760.
Шуйско-Ивановская по гар.	872,406 »	по гарантіи столько же, кромѣ того недоимки % по обл. 250,286 р. мет.

Вообще, по даннымъ Сборника, общая сумма долговъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ (не считая облигацій, находящихся въ рукахъ правительства) правительству выходитъ меньше на цифру около 11 мил. рублей, главнымъ образомъ, вслѣдствіе опущенія изъ счета всѣхъ недоимокъ по платежу % на облигаціи.

Есть много другихъ разногласій между данными Сборника и оффиціальными. Оффиціальныя цифры взяты изъ свѣдѣній государственнаго контроля и департамента желѣзныхъ дорогъ (перваго по ссудамъ, втораго по гарантіямъ). Откуда взялъ свои свѣдѣнія графъ Соллогубъ, онъ не говоритъ, но во всякомъ случаѣ нельзя совѣтовать пользоваться ими. За неудовлетворительностью данныхъ о финансовомъ положеніи дорогъ, въ Сборникѣ нечѣмъ и пользоваться, кромѣ разныхъ справочныхъ свѣдѣній, которыхъ вѣрность мы оставляемъ на отвѣтственности автора.

Раевскій, М. Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной торговли и производительности Россіи. Часть 1. Районъ между верховьями Волги и Оки и пристани верховья Волги.

Трудъ г. Раевскаго составляетъ начало (первый выпускъ) четвертаго тома отчета экспедиціи географическаго и вольнаго экономическаго обществъ, снаряженной для изслѣдованія хлѣбной торговли въ Европейской Россіи. Дѣйствія свои экспедиція, какъ извѣстно, начала въ 1867 году и предполагалось окончить ихъ въ 1868. До сихъ поръ вышли отчеты объ изслѣдованіи торговли на верхней Волгѣ и Камѣ, на Днѣпрѣ и въ районѣ Одессы, часть отчета о подмосковномъ или центральномъ районѣ, и часть отчета о западномъ. При обширности задачи и значительной трудности выполненія ея экспедиція нашихъ ученыхъ обществъ не обошлась безъ нѣкоторыхъ неудачъ въ частностяхъ. Сколько намъ извѣстно, на первыхъ порахъ, особенно непосчастливилось отдѣламъ центральному, нижневолжскому, приазовскому и западному. Первоначально посланные изслѣдователи оказались несостоятельными въ первыхъ трехъ отдѣлахъ, а въ послѣднемъ, пришлось отдѣлить, послѣ двухгодичной работы, мѣстность бассейна Нѣмана. Въ эти мѣста экспедиція снаряжена была вторично, слѣдовательно послѣ 1868 г., что нарушило одновременность изслѣдованія, и для части его мы будемъ имѣть данныя болѣе близкія къ настоящему времени. Обществамъ не мѣшало бы, въ виду этого, найти средства послать вторичную экспедицію, особенно въ юго-западный районъ, въ которомъ со времени изслѣдованія его въ 1868 г. (г. Янсономъ) открыто нѣсколько большихъ желѣзнодорожныхъ линій, измѣнившихъ безъ сомнѣнія всѣ прежнія условія и обстоятельства торговли. Цѣльность трудовъ экспедиціи нарушается, кромѣ разновременности, еще и тѣмъ, что въ зависимости отъ личныхъ качествъ изслѣдователей, болѣе чѣмъ отъ богатства матеріаловъ для наблюденія, представлявшагося въ разныхъ частяхъ Россіи, самые отчеты имѣютъ различную полноту и обстоятельность. Такимъ образомъ на ряду съ прекрасною и детальною работою г. Чаславскаго о подмосковномъ районѣ, систематическою и богатою положительными данными работою г. Борковскаго, стоитъ поверхностный, хотя не лишенный интереса очеркъ г. Раевскаго. Пока весь его отчетъ не появится въ печати, нельзя конечно судить о количествѣ того запаса данныхъ, который успѣлъ собрать г. Раевскій, въ двухлѣтнюю поѣздку въ Ригу, по Западной Двинѣ, до верхнихъ пристаней Волги и Днѣпра; но судя по первому выпуску (менѣе 6 листовъ) можно только удивляться тому, что потребовалось шесть лѣтъ на обработку столь поверхностнаго и скуднаго матеріала. Отчетъ

г. Раевскаго есть собраніе разныхъ замѣтокъ, относящихся къ торговлѣ, крестьянскому хозяйству, убожеству и сытости крестьянъ, къ сплаву и гужевой доставкѣ и т. под., замѣтокъ, подкрѣпленныхъ валовыми, часто приблизительными цифирными данными, иногда пословицами и мѣстными поговорками, но это не статистическое изслѣдованіе, въ которомъ цифирный матеріалъ не долженъ составлять подкладку и балластъ, а долженъ быть исходнымъ началомъ работы, основою всѣхъ выводовъ. Малое количество данныхъ, собранное г. Раевскимъ, тѣмъ болѣе возбуждаетъ сожалѣніе, что онъ засталъ порученную ему для изслѣдованія часть Россіи въ періодѣ перехода отъ старыхъ путей, условій и порядковъ торговли къ новымъ, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ, быть можетъ теперь уже, многіе факты прошли безвозвратно и для экономической исторіи и науки потеряны.

Первый выпускъ «труда» г. Раевскаго заключаетъ въ себѣ: 1) общія свѣдѣнія о районѣ между верховьями Волги и Оки и о пристаняхъ верховьевъ Волги (стр. 1—10); 2) движеніе къ пристанямъ верховьевъ Волги изъ центральной Россіи (транзитное движеніе) (стр. 10 — 23); 3) движеніе къ пристанямъ изъ ихъ округа (стр. 24 — 47); 4) хлѣбная торговля для продовольствія района (стр. 47 — 66) и 5) пеньководство и торговля его продуктами въ центральной Россіи, т. е. внѣ мѣстности изслѣдованной г. Раевскимъ (стр. 66 — 83). Въ концѣ приложены 5 небольшихъ таблицъ и должна бы быть приложена карта, на которую есть ссылки, но карты почему то въ дѣйствительности нѣтъ.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Изданіе туркестанскаго статистическаго комитета, подъ ред. Масва. Вып. III.

Мы дѣятельно и обстоятельно изучаемъ новыя владѣнія наши въ Азіи; скоро можно будетъ дѣйствительно сказать что мы лучше знаемъ эту отдаленную нашу окраину, чѣмъ главную часть имперіи — Европейскую Россію. Ежегодникъ туркестанскаго статистическаго комитета вноситъ щедрый вкладъ въ массу данныхъ, накопляющихся о нашихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи. Онъ не ограничивается однѣми статистическими данными, но содержитъ много весьма интересныхъ свѣдѣній по географіи, хозяйству, этнографіи, исторіи и археологіи края. Въ вышедшемъ, въ этомъ году, третьемъ выпускѣ Ежегодника, не говоря объ интересныхъ статьяхъ барона Аминова «Военно-топографическій очеркъ горной страны верховьевъ р. Зеравшана», г. Монастырскаго «Очеркъ состоянія пчеловодства въ Семирѣченской области съ 1856 по 1870 годъ», г. Зацѣпкина «О способахъ измѣренія земли у туземцевъ Туркестанскаго края», о библіогра-

фическомъ указателѣ сочиненій о средней Азіи, напечатанныхъ въ Россіи съ 1692 г., — мы находимъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія: 1) О числѣ кочеваго населенія въ Семирѣченской области. 2) О числѣ осѣдлаго ея же населенія за 1871 г. 3) О населенія г. Копала за 1871 г. 4) О числѣ заводовъ и фабрикъ Семирѣченской области за 1870—71 г. и нѣкоторыя другія. Статистическія свѣдѣнія отличаются обстоятельностью. Перепись 1871 г. дала возможность опредѣлить населеніе по занятіямъ, по семейному состоянію, по роду пребыванія, возрасту. Нельзя не указать на достойный подражанія пріемъ туркестанскаго статистическаго комитета помѣщать въ своихъ изданіяхъ собраніе наиболѣе интересныхъ для описанія края статей, появившихся въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Сколько фактовъ изъ мѣстной жизни пропадаетъ у насъ ежегодно въ множествѣ мѣстныхъ вѣдомостей, которыхъ никто не читаетъ и никто не собираетъ!

—ъ.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей [1]) и ихъ агентовъ за причиненіе эксплуатаціею вреда лицамъ и имуществу. Юридическое изслѣдованіе П. Деларова. Спб. 1874 г.

Книга г. Деларова имѣетъ двоякую цѣль; во-первыхъ: «доставить нашимъ правительственнымъ лицамъ *легчайшій* (?) способъ близко ознакомиться съ современнымъ положеніемъ вопроса о желѣзнодорожной отвѣтственности и тѣмъ (?) повліять на переработку нашихъ законовъ объ этой отвѣтственности». Во-вторыхъ, авторъ, имѣя въ виду цивилистовъ, «старался обратить ихъ вниманіе на нѣкоторыя, *мало извѣстныя имъ* формаціи гражданскаго права». Авторъ поголовно осуждаетъ цивилистовъ за то, что они «упускали изъ вида всѣ тѣ юридическія положенія, кото-

---

[1]) Нѣсколько неточно авторъ разбираемаго сочиненія, не только въ заглавіи его, но и при самомъ изложеніи, говоритъ о желѣзнодорожныхъ *предпринимателяхъ* вмѣсто того, чтобъ говорить о желѣзнодорожныхъ *предпріятіяхъ*. Употребивъ терминъ, юридическая природа котораго еще далеко не выяснена, авторъ по необходимости долженъ былъ бы тѣмъ строже придерживаться значенія, которое термину присвоено въ экономической наукѣ. Различіе же между предпринимателемъ и предпріятіемъ въ особенности существенно именно съ точки зрѣнія отвѣтственности. На предпринимателѣ всегда лежитъ неограниченная отвѣтственность всѣмъ его имуществомъ; предпріятіе-же можетъ имѣть акціонерную форму, и тогда его отвѣтственность ограничена размѣромъ складочнаго капитала.

рыя еще не пріобрѣли или уже утратили внѣшнюю (?) гарантію», т. е. гарантію дѣйствующаго закона. По всей вѣроятности авторъ при этомъ упрекѣ имѣлъ въ виду не *цивилистовъ* въ строгомъ смыслѣ слова, а людей совсѣмъ не получившихъ научно-юридическаго образованія; ибо въ основу *всякаго* юридическаго образованія всегда входили и входятъ повсюду и теорія, и исторія права. Болѣе *субстанціаленъ*, хотя столь-же мало своевременъ другой упрекъ автора, что цивилисты «въ самомъ дѣйствующемъ правѣ изучаютъ только тѣ положенія, которыя совпадаютъ съ положеніями римскаго права и систематически игнорируютъ всѣ остальныя». Лѣтъ сорокъ тому назадъ этотъ упрекъ, когда онъ былъ еще свѣжъ, отличался и большею справедливостью. Въ настоящее время, онъ въ самой значительной своей долѣ потерялъ основаніе. Если цивилисты до сихъ поръ преимущественно опираются на римское право, то не отсутствуютъ и явленія, указывающія на стремленіе къ опорѣ болѣе широкой (попытки Лейста, Данквардта). Если-же означенныя стремленія до сихъ поръ не давали блестящихъ результатовъ, то это доказываетъ только, что одной доброй воли недостаточно, чтобъ перевести науку съ одной основы на другую, новую. Не говоря уже о томъ, что качество субъективныхъ силъ, посвящающихъ себя наукѣ, въ ней (какъ и въ остальныхъ профессіяхъ) нерѣдко зависитъ отъ случайностей, — исторія успѣховъ отдѣльныхъ наукъ (въ особенности, касающихся явленій общежитія) наводитъ на мысль, что научная производительность зависитъ отъ чисто объективныхъ условій. Качества явленій общежитія въ извѣстныя эпохи и въ извѣстныхъ мѣстахъ замыкаютъ иногда въ очень узкія границы научное творчество. Еще болѣе такое вліяніе оказываетъ трудность задачъ, подлежащихъ научной разработкѣ. Отсюда значеніе медленности въ ходѣ развитія отдѣльныхъ наукъ, какъ чисто механической необходимости, съ которою должно бороться, но которая именно потому не можетъ быть игнорируема.

На дѣлѣ и нашъ авторъ весьма немного и какъ бы только мимоходомъ занимается «причудливыми», какъ онъ выражается, «новыми юридическими формаціями», будто бы мало извѣстными. Главнѣйшей изъ этихъ формацій (публичному характеру желѣзнодорожной отвѣтственности) посвящено всего семь маленькихъ страничекъ изъ 250 с. всей книги. А между тѣмъ эта формація — *единственная*, относящаяся къ области матерьяльнаго права, своеобразіе которой менѣе можетъ подлежать спору. Остальныя-же «мало извѣстныя» новыя формаціи, можетъ быть, только потому казались автору «мало извѣстными», что приписываемая имъ *новизна* — болѣе чѣмъ подозрительна и что онѣ всѣмъ были извѣстны, какъ формаціи весьма почтенной старины.

Книга г. Деларова свидѣтельствуетъ преимущественно о двоякаго рода стремленіяхъ ея автора къ самостоятельности. Одни стремленія — теоретическія, другія — практическія. Теоретическія стремленія автора выражаются *не* въ томъ, что онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на «новыхъ юридическихъ формаціяхъ», а скорѣе они имѣютъ значеніе методологическое. Вслѣдъ за Кирульфомъ, Лейстомъ и Данквартомъ, г. Деларовъ (умалчивающій о своихъ предшественникахъ) желалъ бы, чтобъ всякому юридическому анализу какой-либо категоріи имущественныхъ отношеній предшествовало изслѣдованіе ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ еще до всякаго правоваго ихъ нормированія, изслѣдованіе тѣхъ *бытовыхъ* основъ, на которыхъ возводятся юридическія построенія, и которыя юридическими построеніями всегда предполагаются. Эти-то бытовыя основы (die Lebensverhältnisse Кирульфа и Лейста) у новаторовъ цивилистики играютъ роль «матери-земли», отъ прикосновенія къ которой должна возрасти производительность научнаго творчества. Но и у нашего автора, какъ и у его предшественниковъ, не видно, чтобъ «новая почва» давала какія-либо преимущества тѣмъ, которыя къ ней прикасаются, даже когда они на новой почвѣ весьма старательны. Происходитъ это отъ того, что новые теоретики гораздо менѣе, чѣмъ консервативные *историки* права, между собою согласны относительно содержанія «бытовыхъ основъ» права. Г. Деларовъ очень много занимается *бытовою стороною* желѣзнодорожной отвѣтственности. Но въ параграфахъ, посвященныхъ этому *новому предмету,* онъ не говоритъ *ничего новаго*, а только лишь повторяетъ всегда излагаемое подъ общеизвѣстными рубриками. Матеріалъ свой авторъ черпаетъ, какъ и всякій ортодоксальный цивилистъ, изъ положительныхъ законодательствъ и римскаго права. Такимъ образомъ весь отдѣлъ о *бытовой сторонѣ* желѣзнодорожной отвѣтственности (стр. 39 — 91) наполненъ весьма полезнымъ содержаніемъ (изложеніемъ положительныхъ законодательствъ Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и Россіи), но онъ *весь* могъ бы войти въ книгу, хотя бы въ ней и намека не было на желаніе заниматься «бытовыми основаніями» юридической темы автора. Мало того. Авторъ до такой степени мало заботится о соотношеніи между его изложеніемъ фактическаго матеріала и теоретическими основаніями категорій, въ которыя матеріалъ самъ естественно располагается, что онъ вноситъ въ отдѣлъ о *юридической* сторонѣ вопроса «отступленія отъ строго-догматическаго изложенія» (стр. 122). А именно: довольно пространное отступленіе объ основаніяхъ *размѣра* желѣзнодорожной отвѣтственности всего болѣе шло къ отдѣлу о *бытовой сторонѣ*. Безъ него разсмотрѣніе «юридической стороны» сжимается весьма узко. Въ отдѣлѣ о «бытовой сторонѣ» г. Деларовъ даже до такой степени исто-

щилъ свой матерьялъ, что перейдя къ отдѣлу о «юридической сторонѣ», ему уже иногда совсѣмъ не о чемъ было говорить. Такъ все, относящееся къ «возникновенію и прекращенію» желѣзнодорожной отвѣтственности было изложено въ первомъ отдѣлѣ, а между тѣмъ, по теоріи автора о томъ-же предметѣ, должна была идти рѣчь и во второмъ отдѣлѣ. Автору оставалось, поэтому, только правдиво признать, что еслибъ онъ пожелалъ быть вѣрнымъ своей теоріи, то онъ долженъ былъ бы пуститься въ «рядъ ненужныхъ повтореній» (стр. 137).

Такимъ образомъ теоретическая часть самостоятельныхъ стремленій автора врядъ-ли можетъ свидѣтельствовать объ ихъ успѣшности. Если она имѣетъ значеніе, то развѣ какъ указаніе, которое авторъ могъ почерпнуть изъ собственнаго опыта, весьма наглядно показывающаго, что новаторство въ наукѣ *на дѣлѣ* гораздо труднѣе, чѣмъ *на словахъ*.

Этимъ, однако, мы менѣе всего желали бы отрицать пользу, которую и теоретическая цивилистика могла бы извлечь изъ обстоятельнаго разсмотрѣнія бытовыхъ основъ и бытовой обстановки частно-правовыхъ отношеній. Но прочному установленію новыхъ научныхъ категорій, какими теперь являются «бытовыя основы» и «бытовая обстановка», должны будутъ предшествовать многочисленныя и разносторонніе наблюденія и изслѣдованія вообще надъ тѣми явленіями, которыя, находясь сами по себѣ внѣ области права, тѣмъ не менѣе оказываютъ на него болѣе или менѣе сильное вліяніе. Въ *философіи* и *исторіи* права такія изслѣдованія и наблюденія и до настоящаго времени всегда находили себѣ открытый просторъ; хотя, можетъ быть, они слишкомъ стѣснялись узкими границами круга чисто этическихъ явленій и менѣе проникали въ сферы явленій народно- и государственно-хозяйственныхъ и въ примыкающую къ послѣднимъ сферу взаимоотношенія общественныхъ интересовъ. Въ догматическихъ дисциплинахъ права прямыя и непосредственныя наблюденія вообще, въ особенности же наблюденія надъ взаимоотношеніями между правовою областью жизни и другими ея областями до сихъ поръ находили себѣ менѣе обширное мѣсто. Но въ послѣднее время Лоренцомъ Штейномъ сдѣлана была весьма удачная попытка пополнить этотъ ясно-сознаваемый пробѣлъ даже въ административномъ правѣ, хотя разработка этой части правовѣденія значительно всегда уступала разработкѣ другихъ частей науки права. Этимъ пріобрѣло себѣ право гражданства въ наукѣ направленіе, къ которому примкнуть желалъ и г. Дельровъ. Будемъ, потому, надѣяться, что если средства автора въ разбираемомъ сочиненіи не соотвѣтствуютъ его теоретическимъ идеаламъ, то это объясняется весьма важнымъ обстоятельствомъ: онъ находится у порога своей научной дѣятельности.

Переходимъ къ другой половинѣ самостоятельныхъ стремленій г. Деларова,—практической. Главнымъ ея выраженіемъ служитъ упомянутое выше отступленіе (стр. 122—136) о *предѣлахъ* желѣзнодорожной отвѣтственности. Разсужденія автора объ этомъ предметѣ, хотя они изложены и въ юридическомъ отдѣлѣ, тѣмъ не менѣе касаются неюридическихъ или внѣправовыхъ (бытовыхъ) условій и обстановки желѣзнодорожной отвѣтственности. И въ книгѣ г. Деларова упоминается объ одной изъ наиболѣе характеристическихъ особенностей бытовой обстановки желѣзнодорожной отвѣтственности на русской почвѣ. Нашимъ желѣзнодорожнымъ управленіямъ гораздо рѣже, чѣмъ заграничнымъ, приходится фигурировать на судѣ отвѣтчиками; но не потому, что русскія желѣзныя дороги менѣе подаютъ поводовъ къ процессамъ, а потому, что русская публика меньше, чѣмъ заграничная, притязательна. Она менѣе привыкла стоять за свои права и требовать ихъ защиты у суда. На практикѣ эта чисто-бытовая особенность давно уже обратила на себя вниманіе и считается наносящею больше вреда, чѣмъ несовершенство нашихъ законовъ о желѣзнодорожной отвѣтственности. Вотъ почему уже не разъ возникала и даже отстаивалась въ печати мысль о пользѣ, которую могло бы принести общество, намѣренно и спеціяльно для того учрежденное, чтобъ его складочными средствами и его усиленною инициативою *дѣлать процессы* желѣзнымъ дорогамъ, когда онѣ къ таковымъ подаютъ поводъ. Тогда эти поводы (то есть нарушеніе правъ грузоотправителей и пассажировъ) не оставались бы безъ послѣдствій, какъ въ настоящее время. Указываемая бытовая особенность не остается безъ вліянія на характеръ нашего желѣзнодорожнаго права. И г. Деларовъ въ своемъ трудѣ удѣлилъ надлежащее вниманіе той самостоятельной роли, которую приходится играть судамъ и ихъ рѣшеніямъ въ Англіи и Франціи, какъ весьма важному источнику современнаго желѣзнодорожнаго права означенныхъ странъ. Нашимъ-же судамъ приходится быть почти бездѣятельными. Такимъ образомъ желѣзнодорожная отвѣтственность оказывается de facto замкнутою въ узкіе предѣлы, вслѣдствіе причинъ, иногда возникающихъ очень далеко за предѣлами права. Но поводы ограниченія желѣзнодорожной отвѣтственности не всегда описаннаго, нѣсколько-патріархальнаго, свойства. Иногда они имѣютъ и болѣе глубокія основанія. Выясненіе и разработка этихъ основаній и представляютъ весьма важную задачу, какъ для желѣзнодорожной политики, такъ и для желѣзнодорожнаго гражданскаго права.

Г. Деларовъ совсѣмъ не признаетъ, чтобъ для ограниченія желѣзнодорожной отвѣтственности существовали какія-либо основанія. Онъ даже забылъ, что желѣзнодорожныя предпріятія могутъ быть и акціонерными,

что они даже большею частью акціонерныя и что потому не совсѣмъ научно упускать изъ виду въ спеціальномъ изслѣдованіи объ отвѣтственности моментъ, главнымъ образомъ отличающійся своими ограничивающими вліяніями на отвѣтственность. Затѣмъ г. Деларовъ не придаетъ никакого значенія доводу, что желѣзнодорожныя правленія фактически не имѣютъ возможности отвѣчать за поврежденные и утраченные грузы по ихъ настоящей стоимости. Онъ считаетъ этотъ доводъ «безсмысленнымъ», ссылаясь на то, что приведенный доводъ «говоритъ о фактѣ, когда рѣчь идетъ о правѣ.» Но именно со стороны г. Деларова, такъ сильно налегающаго на внутреннюю связь между «бытовою» (фактическою) и юридическою сторонами имущественныхъ отношеній, всего болѣе странно слышать подобную ссылку. По теоріи г. Деларова *право* неограниченнаго вознагражденія должно имѣть основаніе свое *въ бытовой его возможности.* Если же онъ утверждаетъ, что «безсмысленно» ссылаться на фактъ, то этимъ онъ самъ слишкомъ рѣзко выражается о своей же теоріи бытовыхъ основаній юридическихъ нормъ.

Вообще возраженія г. Деларова противъ ограниченной отвѣтственности болѣе отличаются своею горячностью, чѣмъ внутреннею силою. Мы сомнѣваемся поэтому, чтобъ они были въ состояніи казаться достаточно убѣдительными и доказательными. Еще болѣе, однако, позволительно сомнѣваться въ основательности того исхода рѣшенія вопроса, который предлагаетъ г. Деларовъ, проэктируя законодательное устраненіе всякихъ ограниченій желѣзнодорожной отвѣтственности. Подобными проектами вопросъ рѣшается только на бумагѣ; для жизни же онъ оставляется открытымъ, ибо и для жизни вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда законодатель близко къ ней подходитъ и даетъ ей постановленія *удобоисполнимыя.*

Вопросъ объ отвѣтственности въ этомъ практическомъ смыслѣ еще нигдѣ не рѣшенъ: онъ также мало рѣшается въ тѣхъ странахъ, гдѣ законодатели и судьи стоятъ за неограниченную отвѣтственность, какъ и въ тѣхъ, гдѣ законодатели потворствуютъ «буржуазныхъ» интересамъ, какъ полагаетъ г. Деларовъ, и потому признаютъ ограниченную отвѣтственность. Фактически *повсюду* жалуются на безотвѣтственность желѣзнодорожныхъ управленій. А эти жалобы только потому и возможны, что неограниченной отвѣтственности не даны тѣ фактическія основанія, которыя одни только могутъ ее превратить изъ благочестиваго пожеланія въ осязательную дѣйствительность.

Дѣло въ томъ, что всякая отвѣтственность превращается въ миѳъ, если ей не соотвѣтствуетъ имущество, на которое падаютъ возможныя потери, вызывающія отвѣтственность. Отсюда необходимость и извѣстной

пропорціональности между массою возможной отвѣтственности и имущественною массою, на которую отвѣтственность должна падать. Примѣръ мы имѣемъ даже не выходя изъ желѣзнодорожной области, въ законодательномъ нормированіи пропорцій между отвѣтственностью желѣзно-дорожныхъ предпріятій по ихъ долгамъ (облигаціямъ и краткосрочнымъ обязательствамъ), съ одной стороны, и ихъ собственнымъ капиталомъ, съ другой. Но желѣзнодорожныя предпріятія отличаются тою особенностью, что масса отвѣтственности, которая на нихъ можетъ падать по перемѣщаемымъ ими лицамъ и грузамъ, въ состояніи достигать колоссальныхъ размѣровъ. Этой-то колоссальной массѣ возможной отвѣтственности противупоставляется капиталъ, уже удрученный другою отвѣтственностью по обязательствамъ (очень часто ипотечнаго свойства) и сверхъ того отличающійся совершенною неудобореализуемостью. Такимъ образомъ отвѣтственность собственно по фрахтовому дѣлу оказывается висящею на воздухѣ. Корень указываемаго явленія, конечно, прежде всего въ томъ, что о немъ не догадались въ свое время, когда желѣзнодорожныя предпріятія организовались. Предпріятія были устроены безъ всякаго вниманія къ тому, что на нихъ ляжетъ колоссальная отвѣтственность по перевозочному дѣлу. Очевидно въ такомъ случаѣ, что вопросъ и рѣшеніе его заключаются прежде всего въ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ возможность создать почву для того, что въ настоящее время таковой почвы лишено.

Вотъ почему вопросъ о желѣзнодорожной отвѣтственности долженъ сначала быть рѣшенъ въ области политики или внутренняго управленія, и только потомъ настанетъ пора строго-научной его разработки въ гражданскомъ правѣ.

Съ точки же зрѣнія политики, вопросъ заключается въ необходимости такой реорганизаціи желѣзнодорожныхъ предпріятій, въ силу которой каждое предпріятіе имѣло бы въ своемъ составѣ капиталъ, спеціально приноровленный къ несенію отвѣтственности по фрахтовому дѣлу. Другими словами это значитъ, что задача и ея рѣшеніе заключается въ томъ, чтобъ желѣзнодорожныя предпріятія изъ *чисто* перевозочныхъ предпріятій обязательно превратились въ предпріятія *перевозочно-страховыя*. Тогда, но только тогда, вопросъ о желѣзнодорожной отвѣтственности потеряетъ свои теоретическія и практическія трудности и дилемма объ «ограниченной или неограниченной» отвѣтственности совершенно исчезнетъ.

Г. Деларовъ въ одномъ частномъ случаѣ (стр. 125) встрѣтился было съ ролью страхованія, но обошелъ ее, какъ явленіе, совершенно не касающееся его темы.

Вотъ почему мы не можемъ придавать серьезнаго значенія наиболѣе

существенной части изъ проектируемыхъ г. Деларовымъ новыхъ законодательныхъ опредѣленій.

Мы были бы несправедливы къ автору, еслибъ не оговорились, что наши замѣчанія относились лишь къ одной части его труда. Рядъ остальныхъ частей, излагающихъ иностранныя законодательства и судебную практику, анализъ русскаго законодательства, объясняющій неполноту и недостаточность послѣдняго и выясняющій, что изъ иностранныхъ законодательствъ должно было перейти въ наше, несомнѣнно доказываетъ близкое и добросовѣстное изученіе дѣла и несомнѣнную даровитость автора.

И. Кауфманъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Реформа нашей кредитной системы съ установленіемъ наибольшей правильной свободы банковъ или устраненіе давленій плутократіи. Составилъ *А. Шиповъ*. Спб. 1874.

Г. Шиповъ, въ настоящее время, самый видный представитель нашего таможеннаго протекціонизма. Его исходная мысль—защита нашей національной самобытности на экономическомъ поприщѣ. Г. Шиповъ полагаетъ, что кредитныя системы заграничныхъ государствъ основаны на заблужденіяхъ и имѣютъ одностороннее и вредное стремленіе — поощрять интересы плутократіи. Онъ полагаетъ, что условія историческаго развитія нашей экономической и финансовой жизни совершенно своеобразны и существенно отличны отъ условій того-же развитія въ з. европейскихъ государствахъ. Поэтому онъ думаетъ, что намъ нужна *своя* система кредита, не за-границею позаимствованная, а самобытно выработанная, основанная на началахъ отечественнаго историческаго развитія, опирающаяся не на заблужденія, а на правильныя понятія, наконецъ, «не потворствующая плутократіи, а устраняющая ея давленія». Опытъ подобной системы авторъ и представляетъ въ брошюрѣ, которой заглавіе выше нами выписано.

Хотя протекціонизмъ — центральная точка зрѣнія во всѣхъ экономическихъ взглядахъ г. Шипова, но мы считаемъ возможнымъ, въ данномъ случаѣ, совершенно устранить изъ разсмотрѣнія его сочиненія всѣ тѣ пункты, которые непосредственно касаются вопросовъ о свободѣ торговли

или протекціонизмѣ. Мы возможно болѣе строго и исключительно сосредоточимъ наше вниманіе лишь на томъ, что непосредственно касается одной только «реформы кредитной системы».

Авторъ проектируетъ систему банковъ, долженствующихъ снабжать народную дѣятельность государственнымъ кредитомъ (стр. 118). «Эти банки должны быть преимущественно основаны на взаимной отвѣтственности, или общественные земскіе, или городскіе, но безъ выпуска акцій, облигацій или закладныхъ листовъ» (стр. 111). Новые банки должны имѣть право принимать отъ частныхъ лицъ вклады и употреблять таковые на свои операціи: на учетъ, ссуды, трансферты (тамъ-же). Но не имѣютъ они права участвовать въ биржевой игрѣ фондами (тамъ-же), а также «принимать на коммиссію продажу и куплю процентныхъ бумагъ» (стр. 141).

Послѣдними двумя особенностями банки г. Шипова существенно и выгодно отличаются отъ банковъ, дѣйствующихъ у насъ въ настоящее время. Но главная особенность этихъ банковъ заключается въ «снабженіи народной дѣятельности *государственнымъ* кредитомъ». Г. Шиповъ не считаетъ государственнаго кредита за единственный видъ кредита, онъ признаетъ и частный кредитъ, составляющій «частную собственность» (стр. 109). Но надобно думать, что авторъ признаетъ частный кредитъ недостаточнымъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей вообще въ кредитѣ. Поэтому онъ и полагаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ государственному кредиту, «достоянію всѣхъ» (стр. 109), и имъ чрезъ посредство проектируемыхъ банковъ снабдить «народную дѣятельность».

Для такого снабженія кредитомъ г. Шиповъ, сверхъ отдѣльныхъ банковъ, проектируетъ еще «центральное учрежденіе съ мѣстными конторами, въ которыхъ должны храниться запасы денежныхъ знаковъ» (стр. 100). «Въ центральномъ учрежденіи заключается *неисчерпаемый* запасъ денежныхъ знаковъ» (стр. 136). Г. Шиповъ полагаетъ, что «размѣнъ (*на звонкую монету*) почитался и почитается экономистами непремѣннымъ условіемъ выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ» только оттого, что «у нихъ не было въ виду иныхъ порядковъ кредита и результатовъ выпуска, кромѣ акціонерныхъ, управляемыхъ плутократіею» (стр. 103—104). «Ни правительство, ни банки и никто (*за исключеніемъ, конечно, упомянутаго центральнаго учрежденія съ его конторами*) не выпускаетъ своихъ денежныхъ знаковъ въ обращеніе» (стр. 101). «Правительство для надобностей государственнаго казначейства никакихъ денежныхъ знаковъ или суммъ изъ центральнаго учрежденія не получаетъ, а должно употреблять для сихъ надобностей суммы, собираемыя прямыми и косвенными налогами, но, когда таковыхъ оказывается недостаточно, должно совершать внутренній.... процентный заемъ законодательнымъ порядкомъ» (стр. 100—

101). «Центральное учрежденіе и его отдѣленія никакихъ соотношеній съ казначействами имѣть не должны, а только съ банками» (стр. 101). «Центральное учрежденіе съ его отдѣленіями не должно заниматься ни банкирскими, ни торговыми дѣлами. Оно должно только снабжать дѣйствующіе банки, на основаніи установленныхъ закономъ правилъ, денежными знаками, выдавая ихъ банкамъ въ *безсрочную* ссуду *подъ залогъ* государственныхъ и другихъ гарантированныхъ кредитныхъ бумагъ, взыскивая за ссуду съ банковъ по 2% годовыхъ въ пользу государства» (стр. 110).

Остановимся пока на изложенномъ. Мы нарочно обошли тѣ черты проекта, которыя, своею исключительною яркостью, могутъ бросить ненадлежащій свѣтъ и на изложенныя особенности.

Всякій читатель, будь онъ протекціонистъ, или фритредеръ, если онъ только знакомъ съ теоріею и практикою кредита, увидитъ въ изложенныхъ основаніяхъ черты весьма знакомыя. Центральное учрежденіе, которое само «не должно заниматься ни банкирскими, ни торговыми дѣлами», прежде всего напоминаетъ эммиссіонный департаментъ (issue department) Англійскаго Банка. Еще болѣе оно напоминаетъ то вѣдомство «контролера денежнаго обращенія», которое въ Соединенныхъ Штатахъ должно снабжать кредитными знаками «національные банки». Необходимость представленія государственныхъ и гарантированныхъ цѣнныхъ бумагъ для выпуска — тоже черта, встрѣчающая въ эммиссіонныхъ порядкахъ Соединенныхъ Штатовъ. Мысль, что частныя лица и общества не имѣютъ и права выпускать денежные суррогаты и что эти суррогаты опираются лишь на государственный кредитъ, эта мысль является отголоскомъ западно-европейскаго ученія, нашедшаго въ шестидесятыхъ годахъ столько приверженцевъ (съ г. Воловскимъ во главѣ), что эммиссіонная операція — государственная регалія. Другая мысль г. Шипова, что денежные знаки должны быть выпускаемы только для банковъ, но никакъ не для нуждъ казначействъ, составляетъ главное содержаніе господствующаго въ настоящее время ученія о «банковомъ покрытіи» денежныхъ суррогатовъ: подъ т. н. «банковымъ покрытіемъ» (bankmässige Deckung) разумѣютъ обезпеченіе выпущенныхъ билетовъ торгово-промышленными обязательствами, которыя подверглись критическому разбору компетентнымъ органомъ, каковымъ и признаютъ банковое учрежденіе, имѣющее интересъ заботиться о своей состоятельности предъ публикою. И двухпроцентный налогъ г. Шипова тоже находитъ себѣ подтвержденія даже въ европейской практикѣ (бельгійскій національный банкъ, проектъ реформы пилевскаго акта 1844, обсуждавшійся въ прошлогоднемъ англійскомъ парламентѣ, и проектъ обще-германскаго банковскаго закона съ ихъ налогами на излишне-выпускаемые билеты сверхъ первоначально опредѣленнаго контингента). Единственное коренное

отличіе въ главныхъ основаніяхъ проекта г. Шипова представляется въ *неразмѣнности* его билетовъ. Но это отличіе мы пока оставимъ въ сторонѣ. Мы замѣтимъ только, что въ трудахъ англійскихъ парламентскихъ коммиссій о кредитѣ, банкахъ, кризисахъ и денежномъ обращеніи нерѣдко встрѣчаются мысли и проекты, совпадающіе съ мыслями г. Шипова даже въ пунктѣ о неразмѣнности. Впрочемъ неразмѣнность бумажныхъ денегъ такая старинная мечта, что ее труднѣе всего выдавать за что-либо новое и особенное.

Мы сдѣлали всѣ эти сравненія нисколько не для умаленія труда г. Шипова. Мы желали только нашими сравнительными указаніями показать, что авторъ не совсѣмъ правъ, полагая, что въ его мысляхъ заключается что-либо самобытное и новое, и что только таковое годится для Россіи. Если основныя мысли г. Шипова дѣйствительно имѣютъ своимъ источникомъ теорію и опытъ заграничной государственной жизни, то не въ правѣ ли мы отсюда заключить слѣдующее: цѣлесообразнѣе было бы, еслибъ авторъ не упрекалъ нашу теперешнюю практику вообще за производимыя ею заимствованія изъ заграницы, а вмѣсто того прямо указалъ бы, какія по его мнѣнію заимствованія болѣе полезны и какія—болѣе вредны? Далѣе, г. Шиповъ огульно осуждаетъ заграничныя кредитныя системы за то, что онѣ будто бы только потворствуютъ «плутократіи». Но если основныя начала его реформы нашли уже себѣ примѣненіе заграницею, то не должны ли мы отсюда заключить, что и заграничныя системы въ своихъ главныхъ основаніяхъ не потворствуютъ плутократіи, или г. Шиповъ самъ вноситъ къ намъ начала, потворствующія этой стихіи? При чемъ же тогда остается его «устраненіе давленій плутократіи?» Изъ этого уже можно видѣть какъ не легко въ наше время придумать что-нибудь новое, въ особенности по кредиту!

За исключеніемъ неразмѣнности всѣ остальныя основы проекта г. Шипова сводятся: 1) къ предоставленію системѣ множественныхъ банковъ права опредѣлять размѣры выпусковъ и, слѣдовательно, объемъ бумажнаго денежнаго обращенія, 2) къ обезпеченію бумажныхъ знаковъ облигаціями государственнаго долга. Прежде всего, мы должны устранить здѣсь недоразумѣніе, вызываемое собственно только выраженіями автора.

Г. Шиповъ полагаетъ, что онъ не предоставляетъ ни правительству, ни банкамъ права выпуска безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ. «Ни правительство, ни банки, говоритъ онъ, и никто не выпускаетъ своихъ денежныхъ знаковъ въ обращеніе». Выпускаетъ ихъ только «центральное учрежденіе». Но такъ какъ центральное учрежденіе «само не должно заниматься ни банковыми, ни торговыми операціями», то очевидно, что и операцію выпуска оно производитъ не для себя. Г. Шиповъ прямо ого-

ворилъ, что «центральное учрежденіе никакихъ соотношеній съ казначействомъ не должно имѣть, а только съ банками» (101). Слѣдовательно, центральное отдѣленіе будетъ органомъ, дѣятельность котораго будетъ непосредственно зависѣть отъ банковъ. Съ точки зрѣнія *механической* банки не будутъ выпускать бумажныхъ знаковъ. Но съ точки зрѣнія экономической и финансовой выпускать будутъ все-таки банки, и только они. Мы имѣемъ слѣдовательно всѣ основанія говорить, что г. Шиповъ передаетъ право выпуска банкамъ. Чрезъ посредство «центральнаго учрежденія» онъ только *контролируетъ пользованіе* этимъ правомъ.

Если г. Шиповъ послѣдовалъ за сэромъ Робертомъ Пилемъ, создавшимъ въ 1844 году для англійскаго банка «эммиссіонный департаментъ» съ тою же цѣлью отдѣленія отъ банка механической части операціи выпуска, — то авторъ не согласенъ съ англійскимъ законодателемъ въ вопросѣ о необходимости *безусловно* ограничивать, однажды навсегда опредѣленною цифрою, выпускъ безпроцентныхъ знаковъ. Англійскій законодатель постановилъ, что 15 милл. ф. стерл. составляютъ ту сумму, на которую безпроцентные знаки могутъ быть выпущены безъ обезпеченія золотомъ и подъ однѣ только государственныя облигаціи; всякій-же излишекъ надъ 15 милл. долженъ обезпечиваться совершенно равною суммою золота (въ кассѣ выпускнаго департамента банка). Г. Шиповъ, напротивъ, ставитъ облигаціи государственнаго долга на одну доску съ металлическимъ обезпеченіемъ; поэтому онъ «центральному учрежденію» своему даетъ «неистощимый» запасъ бумажекъ съ правомъ выпускать ихъ «рубль за рубль» столько, сколько будетъ представлено государственныхъ облигацій въ обезпеченіе ихъ. Конечно, это не значитъ, что г. Шиповъ предоставляетъ своимъ банкамъ безусловную свободу безграничнаго выпуска. Г. Шиповъ ограничиваетъ или обусловливаетъ выпускъ размѣромъ представленныхъ въ обезпеченіе фондовъ, которые выражаютъ капиталъ банковъ. Но такъ какъ образованіе капитала въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ предоставлено усмотрѣнію самихъ банковъ, то мы имѣемъ нѣкоторое основаніе заключить, что г. Шиповъ предоставляетъ своимъ банкамъ *условную свободу безграничнаго выпуска* [1]).

Противъ самой идеи «условной свободы неограниченнаго выпуска» съ чисто теоретической точки зрѣнія врядъ-ли возможно что либо возразить. Она составляетъ идеалъ, къ которому стремилась и нынѣ стремится вся заграничная банковая практика [2]) Но практическое ея примѣ-

---

[1]) Сверхъ этого, неограниченный выпускъ бумажекъ долженъ послужить къ созданію черезъ нихъ фиктивныхъ банковыхъ капиталовъ. *Ред.*

[2]) Существенное однако различіе заключается въ *неразмѣнности* билетовъ

неніе до сихъ поръ встрѣчало непреодолимыя затрудненія. И намъ кажется, что напрасно г. Шиповъ не удостоилъ большаго вниманія практическій опытъ, которымъ въ этомъ пунктѣ ему могла придти на помощь заграничная жизнь, еслибы онъ не такъ презрительно съ нею обращался, не такъ поспѣшно ее осуждалъ подъ предлогомъ «потворства плутократіи».

Затрудненія, встрѣчаемыя примѣненіемъ идеи «условной свободы безграничнаго отпуска», двоякаго рода. Одни затрудненія касаются вопроса, кому лучше предоставить означенную свободу: одному ли единому привиллегированному банку, или системѣ многихъ банковъ? Система «многихъ» банковъ съ правомъ выпуска вообще не нашла *обширнаго* примѣненія въ Европѣ; она нашла для себя просторную почву только въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ Европѣ она существовала въ очень ограниченныхъ размѣрахъ (кромѣ Шотландіи) и притомъ съ сильными стѣсненіями теперь доживаетъ свой вѣкъ въ Германіи и отчасти Англіи. Въ Шотландіи нынѣ она дѣйствуетъ среди совершенно своеобразныхъ мѣстныхъ условій, и притомъ при постоянной возможности найти опору въ противуположной привиллегированной системѣ Англіи. Въ Швейцаріи и Италіи ея примѣненіе тоже стѣснено. Въ Соединенныхъ же Штатахъ, гдѣ она могла проявить свою силу, она нѣсколько разъ оказывалась *на практикѣ несостоятельною*. Она въ особенности оказывалась безсильною въ эпохи кризисовъ, тогда какъ привиллегированныя силы европейскихъ крупныхъ банковъ были способны выдерживать кризисы и являться во время ихъ со своею помощью. Подъ вліяніемъ этого послѣдняго факта, что крупные привиллегированные банки Англіи, Франціи и Пруссіи предоставляли послѣдній и крѣпкій оплотъ въ годины бѣдствій, торгово-промышленный міръ въ означенныхъ странахъ и отстаиваетъ господствующую въ нихъ привиллегированную систему. Свобода же выпусковъ находитъ своихъ защитниковъ преимущественно въ теоретическомъ мірѣ. Правы ли теоретики, или правы практики, это вопросъ, котораго нельзя, въ настоящее время, на основаніе опыта рѣшить съ увѣренностью удовлетворить всѣхъ. Г. Шиповъ къ Россіи желалъ бы примѣнить систему многихъ банковъ выпускныхъ [1]). Несогласіе съ нимъ въ этомъ пунктѣ врядъ ли можетъ зависѣть отъ однихъ только объектив-

---

г. Шипова; при этомъ условіи, да при привиллегіи поддержки банковъ государственнымъ кредитомъ, свобода выпуска получаетъ совсѣмъ иной характеръ. *Ред.*

[1]) Вслѣдствіе вышеуказанныхъ нами различій, никакъ нельзя отождествлять свободу выпускной операціи въ системѣ г. Шипова съ той-же свободою, проповѣдуемою нѣкоторыми западно-европейскими экономистами. *Ред.*

ныхъ доводовъ. Главнымъ образомъ согласіе или несогласіе по необходимости должно опредѣляться субъективною готовностью испробовать и на русской почвѣ примѣненіе идеи.

Другое затрудненіе, встрѣчаемое приведеніемъ въ исполненіе мысли объ «условной свободѣ безграничнаго выпуска», гораздо болѣе сильно. Оно заключается въ отсутствіи всякихъ опытныхъ указаній исторіи и современной практики относительно того, чѣмъ свобода должна и можетъ обусловливаться, не нанося вреда ни свободѣ, ни инымъ экономическимъ интересамъ. Г. Шиповъ обусловилъ свободу представленіемъ государственныхъ облигацій и въ этомъ отношеніи опять послѣдовалъ за законодательствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Это законодательство имъ только усовершенствовано подъ вліяніемъ теоріи «безусловнаго довѣрія», будто бы выражающагося во внутреннемъ государственномъ кредитѣ. Г. Шиповъ не признаетъ рыночной цѣны государственныхъ облигацій; онъ признаетъ только номинальное ихъ достоинство. Поэтому онъ признаетъ за государственными облигаціями способность служить обезпеченіемъ во всемъ ихъ номинальномъ достоинствѣ рубль за рубль.

Внутренній государственный кредитъ г. Шиповъ опредѣляетъ (стр. 98) такъ: это — «взаимная постоянная непрерывная увѣренность подданныхъ государства въ своей состоятельности». Отсюда — «безусловное довѣріе», яко-бы выражающееся во внутреннемъ государственномъ кредитѣ. Очевидно, что г. Шиповъ подъ «внутреннимъ государственнымъ кредитомъ» понимаетъ нѣчто гораздо болѣе идеальное, чѣмъ то, что «внутренній государственный кредитъ» всегда представлялъ въ дѣйствительной жизни. «Взаимная, постоянная, непрерывная увѣренность подданныхъ государства въ своей состоятельности» (уже по чувству патріотизма) существуетъ у подданныхъ всѣхъ государствъ. Еслибъ только за нею была единственная остановка, то и Турція, и Испанія, и Италія, и Австрія, и Египетъ, и южно-американскія государства имѣли бы, можетъ быть, неистощимый родникъ «внутренняго государственнаго кредита». Достаточно было бы подданнымъ государства, нуждающимся въ деньгахъ, вдохновиться возможно болѣе горячею патріотическою «увѣренностью» и къ внѣшнимъ займамъ излишне было-бы обращаться. Но даже нашъ собственный опытъ убѣждаетъ, что г. Шиповъ врядъ-ли опирался на почву реальныхъ фактовъ, когда онъ дѣлалъ свое опредѣленіе внутренняго государственнаго кредита. Авторъ высоко цѣнитъ графа Канкрина и его финансовую политику. Графа Канкрина, несомнѣнно, нельзя упрекать въ недостаточномъ патріотизмѣ; и нельзя также винить въ недостаточномъ патріотизмѣ весь остальной русскій народъ. Тѣмъ не менѣе графъ Канкринъ не особенно долюбливалъ внутренній государ-

ственный кредитъ. Обращался онъ къ послѣднему всегда не прямо, а съ нѣкоторыми обходами, не чрезъ выпуски процентныхъ долгосрочныхъ облигацій, какіе онъ выпускалъ для заграничныхъ займовъ, а чрезъ «позаимствованія», «перечисленія», «зачисленія», «передачи» и т. д. суммъ, поступавшихъ вкладами въ бывшія кредитныя установленія. Даже серіи графъ Конкринъ не считалъ возможнымъ безъ такихъ высокихъ процентовъ, которые почти равнялись процентамъ, иногда имъ выплачивавшимся по внѣшнимъ займамъ, хотя внѣшніе займы были долгосрочные, а серіи представляли заемъ краткосрочный. Значитъ и графъ Канкринъ внутреннимъ государственнымъ кредитомъ считалъ возможнымъ пользоваться, какъ источникомъ, зависящимъ не отъ одной только «увѣренности подданныхъ въ своей состоятельности», а еще и отъ другихъ условій.

Г. Шиповъ упустилъ, кажется, изъ виду, что «взаимная увѣренность подданныхъ въ своей состоятельности» составляетъ только *одинъ изъ многихъ* элементовъ кридита. Какъ такой элементъ, однако, она нужна не только для *внутренняго государственнаго* кредита, но и *вообще для всякаго* кредита. Однако и «взаимная увѣренность» имѣетъ свои предѣлы. Вслѣдствіе этого-то она не «непрерывная и постоянная», какъ для государственнаго, такъ и для частнаго кредита, какъ для кредита внѣшняго, такъ и для кредита внутренняго. И г. Шиповъ, какъ и всякій другой, знаетъ очень много «подданныхъ государства», съ которыми его не соединяетъ связь «взаимнаго довѣрія». Г. Шиповъ знаетъ, конечно, и множество такихъ примѣровъ, въ которыхъ качества финансовой администраціи весьма сильно вліяли даже на степень того довѣрія, которое нужно для кредита государственнаго. Всякій кредитъ опирается прежде всего на довѣріе или на «увѣренность въ состоятельности». Но *безусловной* «увѣренности въ состоятельности» не существуетъ вовсе ни для государствъ, ни для частныхъ лицъ; иначе не было бы кредита, а была бы наличная сдѣлка. Если «состоятельность» доказывается осязательными реальными фактами, тогда она служитъ основаніемъ и для здороваго кредита, какого бы онъ ни былъ рода.

Г. Шиповъ упустилъ сверхъ того изъ виду, что всякій кредитъ имѣетъ практическое жизненное значеніе только потому, что онъ даетъ возможность добывать чужіе капиталы и чужія услуги. Капиталъ и услуга, если они уступаются не даромъ, имѣютъ свою цѣну, соотвѣтствующую ихъ условіямъ спроса и предложенія. Предъ этими-то условіями спроса и предложеніями волею-неволею должны склоняться не только частныя лица, но и правительства. Рыночная цѣна государственныхъ облигацій выражаетъ эти условія спроса и предложенія капиталовъ и услугъ, которые правительство беретъ *не даромъ*, а въ кредитъ, которые государство

получаетъ не въ силу своей принудительной власти облагать податями, а по *свободному соглашенію*. Государство можетъ давать своимъ облигаціямъ какое ему угодно названіе или номинальное обозначеніе, но *на дѣлѣ* облигаціи будутъ тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлаетъ свободное соглашеніе, опирающееся на условія спроса и предложеніе.

Государственная облигація съ патріотической точки зрѣнія, конечно, является не тѣмъ, чѣмъ она является съ финансовой и экономической точекъ зрѣнія. Съ патріотической точки зрѣнія, она представляетъ только свидѣтельство о государственной дѣятельности. Съ финансовой же и экономической точки зрѣнія она сверхъ того — товаръ, какъ и всякій иной, который иногда больше покупается, иногда меньше, иногда лучше продается, иногда хуже. Но какъ товаръ, государственная облигація представляетъ много весьма неудобныхъ качествъ. Ея цѣна — одна изъ наиболѣе неустойчивыхъ. Она — предметъ наиболѣе рискованныхъ спекуляцій. Поэтому она, какъ обезпеченіе, не только не имѣетъ преимуществъ предъ многими другими товарами, но даже менѣе ихъ удовлетворительно обезпечиваетъ. Имущество, ею представляемое, легко можетъ очень сильно обезцѣниваться и превращаться въ ничто. Поэтому-то даже въ Соединенныхъ Штатахъ фонды не служатъ обезпеченіемъ *безграничнаго* выпуска банковыхъ билетовъ. Менѣе же всего когда либо и практическіе и научные мыслители считали возможнымъ усматривать въ государственной облигаціи обезпеченіе «рубль за рубль». Этаго обезпеченія не представляютъ даже облигаціи Англіи, хотя «внутренній государственный кредитъ» этой страны могъ бы служить идеаломъ не только для всей Европы.

Обезпеченіе выпусковъ бумажныхъ денегъ государственными облигаціями «рубль за рубль» служитъ какъ бы переходомъ отъ идей г. Шипова, въ которыхъ онъ еще опирается на практическій опытъ, къ другому разряду идей, въ которыхъ намъ уже невозможно будетъ указать на опытъ, чтобъ ихъ объяснить; ибо если и этотъ разрядъ идей находилъ себѣ, какъ всѣ мысли нашего автора, защитниковъ за-границею, то онъ никогда не выходилъ однако же изъ области проектовъ, которые практикою считались не безъ основанія опасными.

Во главѣ этого разряда идей стоитъ положеніе г. Шипова, будто бы размѣнность безпроцентныхъ долговыхъ знаковъ — совершенно излишняя и ненужная, даже вредная особенность «плутократической жизни». Хотя г. Шиповъ и много теоретизируетъ по вопросу о безпроцентныхъ денежныхъ знакахъ, мы должны, однако, сознаться, что не могли понять, какъ авторъ соединяетъ свои воззрѣнія на «бумажныя деньги», выпущенныя *для нуждъ казначейства и безъ всякаго обезпеченія*, съ другими своими воззрѣніями

на тѣ безпроцентные знаки, которые для банковъ будетъ выпускать «центральное учрежденіе». Казалось бы, что эти два вида безпроцентныхъ знаковъ существенно различный. Изъ того, что г. Шиповъ очень настоятельно требуетъ пріостановки всякихъ выпусковъ для казначейства и изъ того, что г. Шиповъ признаетъ возможность «излишнихъ» выпусковъ, если они дѣлаются для казначействъ, можно было бы заключить, что онъ ярый противникъ бумажныхъ денегъ, служащихъ нуждамъ правительства. Между тѣмъ вся первая половина книги г. Шипова посвящена защитѣ бумажныхъ денегъ, которыя у насъ обращались и обращаются, но которыя, сколько извѣстно, выпускались совсѣмъ не для торгово-промышленныхъ нуждъ. Если размѣнность—качество бумажныхъ денегъ, которое г. Шиповъ исторгаетъ изъ своего проекта реформы, то невольно является подозрѣніе, не подрываетъ-ли онъ самъ основанія своего проекта?

Г. Шиповъ стоитъ за неразмѣнность, потому что драгоцѣннымъ металламъ онъ придаетъ значеніе, только какъ орудію для платежей *заграницей*, когда другими путями платежи уже не могутъ быть производимы; къ потребности же *внутренняго обращенія* въ звонкой монетѣ, г. Шиповъ относится такъ неопредѣленно, что онъ врядъ-ли не считаетъ ее «потворствомъ плутократіи».

Нашъ авторъ между прочимъ говоритъ: «въ сферѣ частнаго кредита ни непрерывной состоятельности, ни всегда, по общему непоколебимому убѣжденію, несомнѣнно состоятельныхъ банковъ никогда не было, нѣтъ и быть не можетъ» (стр. 98). На какомъ основаніи утверждаетъ это г. Шиповъ? На томъ, что въ исторіи главныхъ европейскихъ акціонерныхъ банковъ (Bank of England, Banque de France, Oesterreichische Nationalbank) извѣстны періоды, когда они должны были пріостановить платежи. Но пріостановленіе платежей во всѣхъ этихъ случаяхъ выражалось единственно въ томъ, что означенные банки прекращали размѣнъ своихъ бумажныхъ знаковъ на звонкую монету. Не будь требованія, чтобъ означенные банки размѣнивали свои бумажные знаки на звонкую монету, мы по его удовлетворенію или неудовлетворенію не могли бы судить, состоятельны ли банки или несостоятельны. Еслибъ потребность въ размѣнѣ была лишена основаній, то г. Шиповъ лишенъ былъ бы самаго главнаго признака, на основаніи котораго онъ самъ заявляетъ свое требованіе, чтобъ частные банки не имѣли безусловной свободы выпуска бумажныхъ знаковъ. Слѣдовательно одно изъ двухъ: или основательно мнѣніе г. Шипова, что частный банкъ, предоставленный самому себѣ, непремѣнно долженъ раньше или позже оказаться несостоятельнымъ, тогда несправедливо другое его мнѣніе, что размѣнность только потворствуетъ плутократіи: ибо тогда она служитъ основаніемъ, на которое опирается

противникъ плутократіи. Или-же справедливо другое мнѣніе г. Шипова, что размѣнность — сочиненіе плутократіи, тогда онъ не долженъ по ней-же судить объ частномъ кредитѣ.

Г. Шиповъ только одинъ разъ, да и то лишь мимоходомъ (стр. 85), касается главнѣйшаго условія, безъ котораго совершенно немыслимо проведеніе его проекта *неразмѣнности*: мы говоримъ о *принудительномъ пріемѣ* его безпроцентныхъ неразмѣнныхъ знаковъ при уплатахъ «за товаръ, при продажѣ и куплѣ на рынкахъ». Авторъ видимо забылъ важное различіе между тѣмъ случаемъ, когда правительство, за истощеніемъ всѣхъ его финансовыхъ рессурсовъ, должно прибѣгнуть къ выпускамъ безпроцентныхъ бумагъ, заставляя подданныхъ брать эти бумаги при платежахъ, и другимъ случаемъ, когда у правительства непремѣнной надобности выпускать для себя эти бумаги нѣтъ и оно ихъ выпускаетъ ради исполненія того или инаго проекта. Правда, по мнѣнію г. Шипова (стр. 99), «неразмѣнный билетъ есть вексель, представляющій взаимное обязательство всѣхъ членовъ государства пользоваться мѣною взаимныхъ услугъ». Но г. Шиповъ видимо упустилъ изъ виду, что «*обязательство* всѣхъ членовъ государства пользоваться мѣною взаимныхъ услугъ» (выражающее иными словами «обязательство» потреблять только издѣлія отечественныхъ фабрикантовъ, но никакъ не заграничныхъ) не для всѣхъ имѣетъ значеніе аксіомы. Только потому г. Шиповъ не замѣтилъ, что онъ доказываетъ одно спорное положеніе другимъ, еще болѣе спорнымъ.

Когда правительство, у котораго истощились его нормальные финансовые рессурсы, выпускаетъ безпроцентные знаки, оно совершаетъ *принудительный* заемъ, потому что иной для него невозможенъ. Г. Шиповъ полагаетъ, что наше правительство сдѣлало большую ошибку, признавъ бумажныя деньги государственнымъ долгомъ. Но г. Шиповъ забываетъ, что еслибъ правительство этаго не признало, бумажныя деньги представляли бы конфискацію съ тою особенностью, что конфискація была бы не единовременная, а непрерывная: сначала у тѣхъ, къ которымъ бумажныя деньги поступили непосредственно по ихъ появленіи, а потомъ послѣдовательно у тѣхъ, къ которымъ бумажныя деньги переходили изъ первыхъ, вторыхъ и т. д. рукъ. Слѣдовательно признаніе бумажныхъ денегъ государственнымъ долгомъ означаетъ только отказъ правительства отъ возможности держать народное хозяйство въ непрерывномъ осадномъ положеніи. Необходимость (почти всегда *государственная* самозащита) можетъ заставлять правительство прибѣгнуть къ принужденію. Но всякое цивилизованное правительство всегда сознавало, что принужденію съ самаго же его появленія долженъ быть придаваемъ характеръ *времен-*

наго факта. Поэтому правительства признавали бумажныя деньги государственнымъ долгомъ.

Г. Шиповъ нигдѣ въ своей книгѣ не говоритъ, какимъ образомъ у насъ появятся въ обращеніи проектируемые имъ новые безпроцентные знаки, когда у насъ уже теперь находится въ обращеніи свыше 800 милл. кредитныхъ билетовъ? Но какъ бы этотъ вопросъ ни разрѣшался, во всякомъ случаѣ открытымъ остается другой вопросъ: какимъ образомъ и на какомъ основаніи правительство можетъ предоставить «центральному учрежденію» то, на что оно не рѣшалось для собственныхъ выгодъ? Если правительство собственные кредитные билеты всегда признавало и признаетъ лишь временно-неразмѣнными, то какъ оно можетъ рѣшиться предоставить вѣчную неразмѣнность безпроцентнымъ знакамъ, выпущеннымъ для частныхъ нуждъ? Вѣдь и эти знаки тоже будутъ долговыми, какъ всякіе кредитные документы. Что же они будутъ обѣщать? По какому признаку объ нихъ можно будетъ судить, что они представляютъ дѣйствительно-несомнѣнную, а не фиктивную «состоятельность»?

Деньги, *настоящія* деньги суть только тѣ, которыя сдѣланы изъ матерьяла, по всемірному (и практическому и теоретическому) признанію единственно пригодному для денегъ, то-есть изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Суррогаты же денежные имѣютъ подъ собою твердую почву, когда они равноцѣнны настоящимъ деньгамъ и когда эта равноцѣнность немедленно можетъ быть доказана размѣномъ по востребованію. «Безусловное довѣріе», о которомъ говоритъ г. Шиповъ, къ кредитному знаку доказывается не тѣмъ, что его принимаютъ лишь по принужденію, а тѣмъ, что за него готовы и могутъ дать звонкую монету въ суммѣ совершенно равной номинальной цѣнности кредитнаго знака. Если-же сумма эта неравна номинальной цѣнности, то послѣдняя выражаетъ *названіе, несоотвѣтствующее предмету*. Названіе не должно быть непремѣнно истиннымъ, чтобъ оно было общеупотребительно, ибо общеупотребительны бываютъ и очень многія заблужденія.

Значеніе размѣнности такъ велико, что ее въ сущности (невольно и почти безсознательно) признаетъ и самъ авторъ. Это весьма не трудно доказать. Г. Шиповъ полагаетъ, что если цѣна бумаги и звонкой монеты неодинаковая, то это можетъ происходить только отъ неблагопріятнаго баланса внѣшней торговли. Согласимся съ этимъ на время. Желаетъ ли г. Шиповъ, чтобъ неблагопріятный балансъ у насъ сдѣлался хроническимъ явленіемъ? Нѣтъ, онъ этаго не можетъ желать. Авторъ, напротивъ, желалъ бы, чтобъ таможенная политика всегда намъ обезпечивала возможно болѣе благопріятный балансъ и чтобъ постояннымъ явленіемъ у насъ былъ бы только благопріятный балансъ. Но боялся ли бы *тогда* г. Шиповъ раз-

мѣнности и былъ ли бы онъ *тогда* ея противникомъ? Конечно, нѣтъ. Но если онъ утверждаетъ, что въ отличіе отъ остальныхъ цивилизованныхъ государствъ, намъ нужно во что бы то ни стало умудриться на такую «реформу кредитной системы», которая сдѣлала бы совершенно излишнею размѣнность, что не противорѣчитъ ли этимъ самъ г. Шиповъ собственному своему гораздо больше важному и сильному желанію, чтобъ нашъ балансъ всегда былъ благопріятный?

Слѣдовательно одно изъ двухъ. Или намъ нуженъ благопріятный балансъ; тогда онъ, вопреки проекту реформы г. Шипова, дастъ намъ размѣнность и притомъ такую, которая имѣетъ наипрочнѣйшую, по его мнѣнію, почву. Или же намъ размѣнность не нужна: тогда это значитъ, что намъ и благопріятный балансъ не нуженъ.

Возводя въ принципъ неразмѣнность и дѣлая ее основаніемъ своей реформы, г. Шиповъ этимъ самымъ признаетъ неспособность нашихъ производительныхъ силъ дать прочную почву для какой-нибудь иной системы кредита, кромѣ заклейменной признакомъ несостоятельности.

Если уже начало неразмѣнности лишено внутренней связи съ тѣми вышеизложенными началами, которыя г. Шиповъ положилъ въ основаніе своего проекта, то еще менѣе внутренней связи съ ними имѣютъ особенности проекта, которыя намъ остается разобрать.

Нашъ авторъ понимаетъ подъ государственнымъ кредитомъ не тотъ, которымъ правительство пользуется для государственныхъ нуждъ, а вообще «взаимное довѣріе» подданныхъ другъ къ другу. Г. Шиповъ не замѣтилъ, какъ вслѣдствіе этого у него исчезаетъ всякое дѣйствительное различіе между частнымъ кредитомъ и государственнымъ (правительственнымъ или казеннымъ). Только поэтому онъ можетъ считать и свои новые безпроцентные знаки представляющими государственный кредитъ. Г. Шиповъ упустилъ изъ виду, что частный или государственный характеръ кредита зависитъ отъ того, служитъ ли онъ частнымъ нуждамъ торговли, промышленности и земледѣлію, или онъ служитъ потребностямъ государственнаго управленія. Такъ какъ безпроцентные знаки г. Шипова никоимъ образомъ не могутъ быть непосредственно доступны казначейству и выпускаются единственно лишь для торгово-промышленныхъ нуждъ, то они представляютъ только частный кредитъ. Эта частная ихъ природа ни на волосъ не измѣняется тѣмъ, что ихъ обезпечиваютъ государственныя облигаціи. Ибо всякое спеціяльное обезпеченіе всегда имѣетъ только *дополнительное*, субсидіарное и потому второстепенное значеніе, будучи расчитано на то, что къ нему придется прибѣгнуть лишь въ крайнемъ случаѣ: именно тогда, когда первоначальный рессурсъ, которому оказано было непосредственное довѣріе, этаго довѣрія не оправдаетъ. Билеты г. Шипова

не будутъ неограниченно обезпечены государствомъ, подобно государственнымъ ассигнаціямъ; этого онъ требовать не можетъ, ибо тогда: 1) не было бы различія съ послѣдними, и во 2) была бы чрезвычайная несправедливость эксплоатировать все достояніе народа къ выгодѣ немногихъ лицъ, пользующихся банками. Сверхъ того государственная облигація, разъ она выпущена правительствомъ изъ своихъ кассъ, становится товаромъ и частною собственностью. Ея цѣнность, конечно, зависитъ отъ исправности правительства при платежахъ процентовъ роста и погашенія; но ея цѣнность зависитъ не отъ однихъ этихъ только обстоятельствъ. Поэтому-то никто не считаетъ, что если производится ссуда подъ залогъ правительственныхъ фондовъ, то этимъ оказывается кредитъ государству. Кредитъ оказывается владѣльцу фондовъ, какъ частному человѣку.

Извѣстно, что возможность или невозможность оказать кредитъ прежде всего зависитъ отъ того, существуютъ ли въ данное время свободныя цѣнности (капиталы или услуги), представляющія *свободныя* экономическія силы. Г. Шиповъ, напротивъ, обусловливаетъ возможность кредита однимъ только тѣмъ, имѣются ли фонды для представленія ихъ обезпеченіемъ въ «центральное учрежденіе»; онъ кажется еще вѣритъ тому, что кредитъ самъ собою, или просто одно желаніе кредитоваться создаетъ изъ ничего капиталы. Казалось-бы, что большой государственный внутренній заемъ, переводящій въ руки правительства значительную сумму средствъ, имъ неизбѣжно уничтожаемыхъ, настолько же вообще уменьшаетъ массу народно-хозяйственныхъ средствъ; онъ, слѣдовательно, уменьшаетъ и ту долю средствъ, которыя могутъ быть приведены въ движеніе кредитомъ. По изложенію г. Шипова, однако, выходитъ, что какъ бы ни были велики правительственные займы, появляющіяся новыя облигаціи могутъ служить основаніемъ для соотвѣтственнаго *расширенія* кредита. Онъ видимо приписываетъ своимъ безпроцентнымъ знакамъ чуть не чудотворную силу. За то онъ совершенно лишаетъ значенія всѣ господствующія въ настоящее время идеи о цѣнности, которую для всякой страны имѣетъ масса существующихъ въ ней реальныхъ капиталовъ и вообще производительныхъ силъ. Онъ строитъ свои разсужденія на томъ предположеніи, что было бы въ странѣ достаточно знаковъ, капиталы и средства уже тогда сами найдутся Неужели этого достаточно для возрожденія кредита Россіи, какъ того желаетъ почтенный авторъ?

Поэтому г. Шиповъ счелъ возможнымъ внести въ свой проектъ и ту особенность, что онъ напередъ опредѣляетъ процентъ роста, по которому правительства и частныя лица найдутъ себѣ кредитъ при его «реформѣ кредитной системы». Онъ остановился на цифрѣ 4%, не объясняя однако, почему именно 4%, а не 3% и не 5%. Въ сущности, однако, при

осуществленіи проекта г. Шипова кредитъ будетъ дешевле 4%; ибо правительство, уплачивая 4% по своимъ облигаціямъ, будетъ обратно получать 2% налога на безпроцентные знаки, выпущенные подъ тѣ же облигаціи, слѣдовательно правительству кредитъ обойдется лишь въ 2%. Съ другой стороны, частныя лица банкамъ будутъ платить 4%; но банки вѣдь будутъ не акціонерные, а основанные на началѣ взаимности. Всякій, нуждающійся въ кредитѣ, будетъ слѣдовательно членомъ общества взаимнаго кредита, представляемаго банкамъ; но, какъ членъ общества, онъ долженъ будетъ участвовать въ образованіи обезпеченія изъ правительственныхъ фондовъ, подъ которые новые денежные знаки только и могутъ быть выпущены. А по этимъ фондамъ членъ будетъ отъ правительства получать 4%. Получая 4% и уплачивая 4%, частное лице, слѣдовательно, будетъ имѣть кредитъ *даромъ*. Вотъ результатъ соображеній автора, но даже и эта мечта о даровомъ кредитѣ, хотя и отвергаемая западноевропейской наукой, теоріи которой г. Шиповъ считаетъ вредными для Россіи, нисколько не новость въ иностранной литературѣ.

Объ подробностяхъ организаціи проектирурмыхъ г. Шиповымъ банковъ, онъ совсѣмъ не распространяется. Онъ говоритъ только, что они должны быть основаны на началахъ взаимности. Г. Шиповъ этимъ желаетъ пресѣчь всѣ пути спекуляціи цѣнными бумагами. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ банковыхъ акцій не будетъ, а всѣ вновь выпускаемыя правительствомъ облигаціи будутъ поступать въ «центральное учрежденіе» для выпуска подъ нихъ безпроцентныхъ знаковъ, то нечѣмъ будетъ спекулировать.

Но г. Шиповъ упустилъ при этомъ изъ виду, что если его банкамъ и не нуженъ акціонерный капиталъ, то они всетаки складочныя предпріятія. Сколько бы «взаимности» они въ себѣ ни сосредоточивали, одною только «взаимностью» нельзя обезпечивать, и по сознанію самаго автора, проектируемые имъ новые безпроцентные знаки. Для этого нужны государственные фонды. Въ этихъ-то фондахъ и будетъ выражаться складочный капиталъ банковъ г. Шипова. Но кредитъ каждаго кліента опредѣляется въ обществахъ взаимнаго кредита размѣрами его участія въ образованіи складочнаго капитала общества. Мы опасаемся поэтому, что банки г. Шипова предоставятъ еще большій просторъ «плутократіи», чѣмъ это дѣлаютъ теперешніе банки. Съ одной стороны, масса лицъ, которымъ имущественныя средства не дозволяютъ участвовать самимъ въ образованіи складочнаго капитала банковъ, будутъ лишены всякой возможности имѣть кредитъ въ нихъ. Съ другой стороны, тѣ, у которыхъ имѣются средства, врядъ ли не предпочтутъ производить учетно-ссудныя операціи помимо банковъ; ибо кромѣ того, что организація новыхъ бан-

ковъ имъ обезпечиваетъ довольно обширный кругъ кліентовъ, законъ будетъ стѣснять банки въ высотѣ прибыли, которую они въ состояніи будутъ давать капиталисту. А между тѣмъ г. Шиповъ предоставляетъ свободу частнымъ лицамъ брать и больше 4% за деньги, отдаваемыя ими подъ учетъ и ссуды. По крайней мѣрѣ авторъ въ разбираемомъ сочиненіи не проектируетъ всеобщаго запрещенія, чтобъ при кредитныхъ сдѣлкахъ проценты роста превышали 4%.

Но г. Шиповъ при этомъ опять упустилъ изъ виду еще другія весьма существенныя стороны дѣла. Такъ какъ размѣры его выпусковъ зависятъ отъ представленнаго обезпеченія, то какъ разъ тогда, когда будетъ усиливаться спросъ на деньги для торгово-промышленнаго міра, будетъ возрастать и спросъ на фонды. Это врядъ-ли будетъ лучше, чѣмъ при теперешнемъ порядкѣ, при которомъ спросъ на фонды усиливается въ части года, менѣе оживленныя торгово-промышленнымъ спросомъ. Г. Шиповъ искуственно создаетъ цѣлый рядъ новыхъ поводовъ къ колебаніямъ фондовыхъ цѣнъ, которыми спекуляція врядъ-ли откажется воспользоваться. Таковы практическіе результаты проекта, направленнаго къ умерщвленію «плутократіи».

Упустивъ изъ виду, что условія, на которыхъ возложены кредитныя операціи, зависятъ отъ соотношенія между спросомъ на свободные капиталы и ихъ предложеніемъ, г. Шиповъ могъ приписать своимъ банкамъ способность всегда давать правительству потребныя ему суммы, по долгосрочнымъ займамъ, за 4%. Но въ одномъ мѣстѣ (стр. 122) онъ все-таки сознается, что могутъ и при его «реформѣ» стекаться такія условія, при которыхъ банки не въ состояніи будутъ давать правительству капиталъ за 4%; тогда, полагаетъ г. Шиповъ, придется обратиться къ «теперешнему» способу. Это нѣсомнѣнно вѣрно: если денегъ нельзя достать за 4%, то нужно платить 5%, 6%, даже и болѣе. Но сожалѣемъ, что г. Шиповъ только бѣгло упоминаетъ объ этихъ «возможностяхъ».

Г. Шиповъ противникъ и закладныхъ листовъ. Поэтому онъ проектируетъ совершенное устраненіе и замѣнъ ихъ тѣми-же безпроцентными знаками, выпущенными подъ закладныя на недвижимыя имущества. И землевладѣльцамъ авторъ обѣщаетъ очень дешевый кредитъ. Во-первыхъ, его банки даютъ имъ въ ссуду 70% оцѣночной суммы (а не 50% и 60%, какъ въ настоящее время). Во-вторыхъ отъ нихъ требуются: неизмѣнные 4% роста и 1% погашенія, всего только 5%. Замѣтимъ, однако, слѣдующую особенность. Банкъ, выдающій ссуды подъ недвижимость, долженъ имѣть собственный свой капиталъ въ 400.000 р., изъ коихъ 300.000 въ фондахъ. Каждый банкъ можетъ перезакладывать въ «центральномъ учрежденіи», но послѣднее выдаетъ только 50% съ оцѣнки своими безпроцентными бумагами. Г. Шиповъ

не объясняетъ вовсе, изъ какого источника тогда будутъ позаимствованы остальные 25% оцѣночной суммы: заемщикъ вѣдь получаетъ 75% этой суммы. Предполагая напримѣръ, что у банка пожелаютъ получить ссудъ подъ массу недвижимости, оцѣненную въ милліонъ рублей, банкъ изъ «центральнаго учрежденія» получитъ лишь 500,000 р. Изъ собственныхъ средствъ, у банка остаются лишь 100,000 р. Слѣдовательно остается открытымъ вопросъ: откуда банкъ возьметъ еще 150,000 р.? При второмъ и послѣдующихъ милліонахъ банкъ уже совсѣмъ не будетъ имѣть собственныхъ свободныхъ средствъ и ему каждый разъ будетъ недоставать по 250,000 р. Вслѣдствіе этого банкъ г. Шипова, при всемъ желаніи слѣдовать предписаніямъ своего устава, волею-неволею принужденъ будетъ обратиться къ нисшей нормѣ, какая и теперь въ ходу.

Авторъ желаетъ насъ избавить не только отъ «давленій доморощенной плутократіи», а также и заграничной. Но г. Шиповъ при этомъ забываетъ, что если заграничные «плутократы» насъ обижаютъ, то это происходитъ отъ нашего безсилія съ ними конкурировать. И это безсиліе врядъ ли прекратится, когда въ борьбѣ съ ними мы будемъ вооружены одною только бумагою, свидѣтельствующею лишь о нашей «взаимной постоянной непрерывной увѣренности въ своей состоятельности», а у нихъ *сверхъ-того* еще будутъ и реальные капиталы. Въ увѣренности можетъ не быть недостатка и у нихъ. Бумагою мы и прежде вели борьбу; насъ побѣждали не потому, что ея было у насъ недостаточно, а потому, что кромѣ нея у насъ было очень мало.

Что сдѣлаетъ г. Шиповъ, если «заграничные капиталисты во время поймутъ и должнымъ образомъ оцѣнятъ солидную (sic) причину» (стр. 147), отъ которой фонды у насъ будутъ возвышаться, когда для увеличенія выпусковъ ихъ нужно будетъ большее количество бумажныхъ денегъ, и понижаться, когда спросъ на деньги будетъ падать, — когда, понявъ *эту* причину, они станутъ покупать наши фонды въ дешевое время, чтобъ «эксплуатировать» насъ при продажѣ?

Въ предъидущемъ мы разобрали главнѣйшія и существеннѣйшія основанія «проекта кредитной реформы» г. Шипова. Намъ пришлось бы написать такую же большую книгу, какую онъ написалъ, еслибъ мы вдались въ разборъ остальныхъ теоретическихъ и историческихъ подробностей и отступленій, которыми г. Шиповъ снабжаетъ свой проектъ. Полагаемъ, что для цѣлей критическаго разбора и сказаннаго будетъ достаточно, чтобъ дать намъ право на слѣдующее заключеніе.

Реформа кредитной системы и органическое банковое законодательство, въ составъ котораго вошли бы и нормальныя положенія для операціи выпуска безпроцентныхъ знаковъ, представляютъ настоятельнѣйшую

потребность нашей народно-хозяйственной и финансовой жизни. Г. Шипову несомнѣнно принадлежитъ та заслуга, что онъ на это обратилъ вниманіе нашей публики въ самое надлежащее время. Но авторъ сильно повредилъ своему проекту, внеся въ него такія экономическія понятія, которыя до сихъ поръ лишены всякаго опытнаго основанія, а безъ этого подозрительна ихъ способность содѣйствовать *солидности* кредитной системы, когда и на теоретической почвѣ эти понятія не выдерживаютъ критики. Такими понятіями мы считаемъ: предположеніе возможности постоянно обходиться безъ размѣна бумажныхъ денежныхъ знаковъ и другое предположеніе возможности по произволу законодателя регламентировать цѣну капитала (ростъ) при кредитныхъ операціяхъ.

И. Кауфманъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ 1874 г.).

ЦЕРКОВЬ.

Beiträge zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Evang.-Lutherischen Gemeinden im Grossfürstenthum Finland. Von C. H. *v. Busch.* Leipz. 1874. (Матеріалы для исторіи и статистики церкви и школы въ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ Финляндіи, К. Г. фонъ Буша).

Г. ф. Бушъ, — если не ошибаемся — учитель одной изъ петербургскихъ гимназій, уже извѣстенъ своими весьма полезными и трудолюбиво составленными работами, относящимися до исторіи и статистики евангелическо-лютеранской церкви въ предѣлахъ Россіи. Въ 1862 году имъ изданы «Матеріалы для исторіи и статистики церквей и училищъ евангелическо-лютеранскихъ общинъ въ Россіи. Спб.»; въ 1867 году имъ напечатаны «Дополненія» къ означеннымъ малеріаламъ и «Вклады (Beiträge) въ исторію и статистику церквей и училищъ евангелическо-аугсбургскаго исповѣданія въ привислянскомъ краѣ». Въ текущемъ году, въ объемистой книгѣ (стр. XIX и 304) подъ вышеозначеннымъ названіемъ, имъ изданы историко-статистическія свѣдѣнія о церквахъ и учебныхъ заведеніяхъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія въ Финляндіи.—Всѣ труды г. Буша появились на нѣмецкомъ языкѣ по одному и тому же плану, носятъ на себѣ однѣ и тѣ же характеристическія черты и во внѣшнемъ построеніи, и по внутреннему содержанію, и обличаютъ въ авторѣ человѣка трудолюбиваго, добросовѣстнаго и точнаго въ работахъ. Въ предисловіи къ изданному въ нынѣшнемъ году труду авторъ, какъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, исчисляетъ книги, которыми онъ пользовался при составленіи своего новаго сочиненія. Исчисленіе это обнимаетъ довольно полно историко-

статистическую литературу относительно Финляндіи. Впрочемъ въ спискѣ г. Буша мы не встрѣчаемъ новѣйшихъ, весьма одобряемыхъ статистиками, статистическихъ трудовъ г-на Игнаціуса. «Свѣдѣнія о народонаселеніи Финляндіи» *Ignatius*, Renseignements sur la population de Finlande. Hels. 1869.) и «Руководство къ статистикѣ Финляндіи» (Statistik Handbok för Finland. Hels. 1872.). Труды г. Игнаціуса заслуживали бы особеннаго вниманія г. Буша потому уже, что сочинитель ихъ завѣдываетъ статистическимъ бюро въ княжествѣ. — Во введеніи къ своему сочиненію г. Бушъ показываетъ географическое пространство и количество населенія Финляндіи, говоритъ о племенахъ, ее населяющихъ, и сообщаетъ при этомъ весьма любопытныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ финляндцевъ (стр. 1—11); за тѣмъ представляетъ краткій (стр. 11—79), но отчетливо составленный очеркъ исторіи Финляндіи (1157—1868 годовъ), по преимуществу по отношенію къ церкви и просвѣщенію; лишь новѣйшая исторія Финляндіи (за 1809—1868 гг.) изложена слишкомъ бѣгло и недостаточно. Стоитъ вниманія безпристрастіе г. Буша въ сужденіи о притѣсненіяхъ православной церкви въ Финляндіи со стороны Густава-Адольфа (1617—1630 гг.), котораго нѣмцы обыкновенно величаютъ до небесъ, какъ типъ правовѣрнаго монарха. — Главное содержаніе и большую часть книги составляетъ историко-статистическое описаніе учебныхъ и церковныхъ установленій. Описаніе раздѣлено на два отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ «Общественное просвѣщеніе», сообщаются свѣдѣнія о гельсингфорскомъ университетѣ, о среднихъ и начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ Финляндіи; во-второмъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ «Kirchenwesen der Gegenwart. Verfassung. Kirchliches Leben», сдѣлано статистическое описаніе приходовъ ев.-лютеранскихъ въ Финляндіи,— съ раздѣленіемъ ихъ по округамъ епископскимъ и пробстскимъ: сначала описаны приходы абовской архіепископіи, затѣмъ — епископій боргской и куопіоской. Въ описаніи каждаго отдѣльнаго прихода непремѣнно показывается — географическое пространство его, число прихожанъ и духовныхъ лицъ, указываются средства содержанія и количество доходовъ, получаемыхъ духовенствомъ, которое въ Финляндіи содержится на десятинный сборъ,— составъ школъ и средствъ ихъ содержанія; при описаніи нѣкоторыхъ приходовъ сообщаются историческія свѣдѣнія о нихъ. — Вообще книга г-на Буша — трудъ почтенный, полезный и даже необходимый для пользованія какъ при научныхъ работахъ, такъ и при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ, касающихся евангелическо-лютеранской церкви въ Финляндіи.

М. Горчаковъ.

Papstwahl und Kaiserthum. Eine historische Studie aus dem Staats- und Kirchenrecht, von Otto Lorenz. Berl. 1874. S. XVI n. 253. (Избраніе Папы и Имперія, соч. Лоренца).

Въ послѣднее время нерѣдко появляются въ нѣмецкой литературѣ сочиненія, имѣющія своимъ содержаніемъ разсмотрѣніе формъ, условій, политическихъ и юридическихъ отношеній, касающихся случая избранія папы послѣ открытія папскаго престола вакантнымъ. Такъ Гиншіусъ (Hinschius), профессоръ церковнаго права въ берлинскомъ университетѣ, принимающій, какъ извѣстно, весьма живое участіе въ разработкѣ законодательныхъ вопросовъ относительно церкви въ Пруссіи, въ сочиненіи «Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten», Berl. 1869—1871, весьма подробно трактуетъ о формахъ замѣщенія папскаго престола; Цёпфель (Zoepfell) посвятилъ этому предмету особую монографію подъ названіемъ: «Die Papstwahlen und die mit ihnen im nächsten Zusammenhange stehenden Ceremonien in ihrer Entwickelung vom XI bis XIV Jahrh.», Gött. 1872; въ текущемъ году вышло небольшое сочиненіе *Майера* (Mayer, «Die Papstwahl Innocenz XIII», Wien, 1874) и сочиненіе Отто Лоренца, заглавіе котораго означено нами въ началѣ замѣтки.— Появленіе въ нѣмецкой литературѣ нѣсколькихъ сочиненій объ одномъ и томъ же предметѣ — фактъ не случайный. Извѣстно, что въ Германіи разрѣшенію въ жизни важныхъ вопросовъ — государственныхъ и юридическихъ — обыкновенно предпосылаются научныя изслѣдованія и предметахъ, составляющихъ ихъ содержаніе. Судя по значительному количеству сочиненій, изданныхъ въ современной нѣмецкой литературѣ по вопросу о формахъ и условіяхъ замѣщенія папскаго престола, мы можемъ предполагать, что Германская имперія готовится принять вліятельное положеніе по этому вопросу въ случаѣ смерти святѣйшаго Пія IX, именуемаго въ латинскомъ мірѣ «ватиканскимъ плѣнникомъ». Любопытно знать— какія начала и основанія предпосылаются научными изслѣдованіями для политическихъ отношеній новосозданной нѣмецкой имперіи въ вопросѣ о замѣщеніи папскаго престола. Эти начала и основанія указываются въ сочиненіи Лоренца.

Изъ всего этого сочиненія замѣтно, что вопросомъ «*объ отношеніи правительствъ къ замѣщенію папскаго престола*» автора занятъ весьма серьезно, не только въ интересахъ строго научныхъ, но и въ виду возможности скораго наступленія кончины нынѣшняго папы. Авторъ находитъ, что вопросъ этотъ, несмотря на громадную *историческую* литературу объ отношеніяхъ европейскихъ государствъ къ папскому престолу, съ точки зрѣнія *права государственнаго и церковнаго*, — вовсе не разъ-

ясненъ или, по меньшей мѣрѣ, разъясненъ крайне недостаточно. Недостатокъ научныхъ сочиненій объ отношеніи правительствъ къ замѣщенію папскаго трона съ точки зрѣнія права государственнаго и церковнаго — пробѣлъ, замѣчаемый въ литературѣ уже довольно давно. Авторъ поставилъ для себя задачею устранить этотъ пробѣлъ. Въ іюльской книжкѣ журнала «Preussische Jahrbücher» нынѣшняго года онъ помѣстилъ статью по этому предмету. Въ разсматриваемой здѣсь книжкѣ онъ трактуетъ о томъ же предметѣ довольно подробно.

Замѣщеніе папскаго престола, по изслѣдованію г-на Лоренца, слагается изъ двухъ моментовъ: одинъ моментъ состоитъ въ *избраніи кандидатовъ* на папство, другой — въ *утвержденіи избраннаго* кандидата въ самомъ достоинствѣ. *Избраніе* кандидатовъ на престолъ составляетъ въ цѣломъ актѣ замѣщенія такую сторону, которая опредѣляется *церковнымъ* правомъ, а *утвержденіе* избраннаго кандидата — дѣло государства; стало быть — эта другая сторона въ актѣ замѣщенія должна опредѣляться на основаніи началъ государственнаго права. — Если-бы г. Лоренцъ желалъ разсмотрѣть предметъ *исключительно* въ интересахъ науки, а не привмѣшалъ въ свои занятія политическую тенденцію, и если бы онъ *близко* былъ знакомъ съ источниками церковнаго и государственнаго законодательства, изданнаго по предмету, его занимающему, и дѣйствовавшаго въ восточной церкви въ предѣлахъ восточной римской имперіи въ теченіе первыхъ IX вѣковъ христіанства, а также съ исторіею замѣщенія епископскихъ каѳедръ въ церквахъ, остающихся вполнѣ вѣрными началамъ каноническаго права вселенской церкви, то онъ нашелъ бы, что полный актъ замѣщенія папскаго престола, какъ и всякой епископской каѳедры, составляютъ слѣдующіе *четыре* момента: *избраніе кандидатовъ, испытаніе ихъ, утвержденіе одного изъ нихъ* и *посвященіе*. При разсмотрѣніи существа и организаціи каждаго изъ этихъ моментовъ онъ отыскалъ бы, что со стороны церковнаго общества и государства въ каждомъ изъ этихъ моментовъ открывается много путей — принять такое участіе въ замѣщеніи папскаго престола, какъ и каждой епископской каѳедры, при которой бы посвященный могъ явиться истиннымъ представителемъ церкви — какъ общества въ государствѣ и какъ божественнаго установленія. Но авторъ, замѣтивъ, что государственная власть римской имперіи имѣла *право утвержденія* избраннаго на римскій епископскій престолъ кандидата, сосредоточилъ все свое вниманіе въ изслѣдованіи о замѣщеніи папскаго престола на этомъ моментѣ утвержденія, представилъ этотъ моментъ самымъ главнымъ во всемъ актѣ замѣщенія и единственнымъ, при которомъ государственная власть можетъ принять участіе, и опредѣляетъ отношеніе сего момента лишь къ моменту избранія. Поэтому сочиненіе автора не-

полно; нѣкоторые историческіе факты и формы проявленія государственной власти и церковной іерархіи при замѣщеніи папскаго престола представляются не въ истинномъ свѣтѣ, стоящими *внѣ* развитія *права*, произвольными, невыражающими сознательныхъ и опредѣленныхъ цѣлей, случайными; отсюда изъ общихъ тезисовъ, выведенныхъ авторомъ изъ его изслѣдованія, одни лишены научно-юридической твердости и опредѣленности, другіе слишкомъ общи, — общи до пустоты по содержанію, а нѣкоторые стоятъ въ непримиренномъ авторомъ взаимномъ противорѣчіи. Но, при такихъ недостаткахъ, сочиненіе автора въ развитіи главной мысли его отличается обычною въ нѣмецкихъ ученыхъ эрудиціею, содержательностію, проницательностію и глубиною взгляда.

Господствующая въ сочиненіи г. Лоренца мысль состоитъ въ разъясненіи исторіею слѣдующаго положенія: *государственная власть, со времени Константина великаго, всегда по праву принимала участіе въ замѣщеніи папскаго престола, хотя формы выраженія этого участія были не одинаковы.* Развитіе этой мысли представлено авторомъ въ 5-ти главахъ.

Въ первой главѣ онъ историческими фактами доказываетъ, что со временъ Константина великаго до паденія западной римской имперіи, римскій епископъ, избиравшійся клиромъ и народомъ, утверждался императоромъ; по паденіи западной имперіи, право утвержденія римскаго патріарха въ его достоинствѣ осуществляли съ настойчивостію и строгостію гѣрманскіе короли — обладатели Италіи; по возсоединеніи Италіи съ восточною римскою имперіею при Юстиніанѣ великомъ, императорское право утвержденія римскаго патріарха предоставлено было Константиномъ Погонатомъ равенскому экзарху, какъ римскому патрицію, и затѣмъ перешло на франкскаго патриція; по основаніи священной имперіи Карломъ великимъ, участіе императоровъ въ замѣщеніи папскаго престола, въ формѣ утвержденія и соизволенія на поставленіе избраннаго кандидата, регулировалось посредствомъ договорныхъ постановленій между государственною властію и церковною іерархіею (стр. 8—56).

Во второй главѣ изображается въ историческихъ и законодательныхъ фактахъ отношеніе къ замѣщенію папскаго престола нѣмецкихъ императоровъ, въ періодъ преобладанія императорской власти надъ папствомъ, начиная съ Оттона I до Генриха IV (983—1056 гг.). Оттонъ I старался установить, чтобы никто не могъ быть посвященнымъ въ папы безъ его соизволенія. При Оттонѣ III кандидаты на папство избирались изъ лицъ, указанныхъ императоромъ. При императорѣ Генрихѣ III сложилось императорское право назначенія папы — jus denominationis. Но преобладаніе императорской власти въ замѣщеніи папскаго престола вызвало въ іерар-

хіи оппозицію, которая направилась къ ограниченію участія императоровъ въ этомъ дѣлѣ (57—82).

Борьба римской іерархіи съ императорскою властію по вопросу о замѣщеніи папскаго престола, начавшаяся съ 1059 г. при папѣ Николаѣ II и продолжавшаяся до смерти папы Григорія X въ 1274 г., представлена Лоренцомъ въ третьей главѣ его книги (83—121).

Въ четвертой главѣ (стр. 149—153) изложено законодательство римской церкви, которымъ въ теченіе XIII—XVI вв. организована такая іерархическая система выбора папы, что ею исключается всякое положительное участіе государственныхъ властей въ замѣщеніи папскаго престола. Декретами папъ Климента V (1310 г.), Климента VI (въ 1351 г.), Юлія II (въ 1505 г.), Павла IV (въ 1558 г.), Пія IV (въ 1562 г.) и Григорія XV (въ 1621 г.) порядокъ іерархической системы избранія папы въ конклавѣ кардиналами постепенно развивался и въ законченной формѣ достигъ такой степени совершенства для цѣлей іерархіи, что для свѣтскихъ властей стало, если не совсѣмъ невозможно, то чрезвычайно трудно оказывать непосредственное вліяніе на выборы, безъ нарушенія постановленій церкви. Но если папское законодательство закрыло всякій путь положительному вліянію свѣтскихъ властей и народовъ на замѣщеніе папскаго престола, то правительство и народы вынуждены были прибѣгать къ выраженію отрицательныхъ отношеній въ случаяхъ замѣщенія престола папами, неблагопріятными и неугодными народамъ и правительствамъ государствъ. Правительственныя власти и народы, въ тѣхъ случаяхъ, когда коллегія кардиналовъ вѣнчала тройственною короною лицо, враждебное интересамъ народовъ и государствъ, *отказывали* новоизбранному папѣ въ *послушаніи*. Obedienzverweigerung или сознаніе права— отказывать въ послушаніи папѣ (jus recusationis) стало проявляться въ Германіи съ XIII в., со временъ Рудольфа Габсбургскаго (1273—1291), выражалось фактически во время борьбы императора Людовика Баварскаго (1313—1347 гг.) съ папою Іоанномъ XII, поддерживалось наукою, развилось во времена великаго раскола въ церкви и базельскаго собора и достигло въ большей части европейскихъ государствъ до степени общепризнаннаго, формулированнаго, юридико-политическаго принципа «условнаго послушанія народовъ и государствъ папѣ». Этому принципу іерархія, конечно, противупоставила свой принципъ — «безусловнаго послушанія святѣйшему отцу». Въ дѣйствительности же, отношенія государствъ къ папѣ, въ случаѣ возшествія на папскій престолъ лица, имъ неблагопріятнаго, устанавливались не на іерархическомъ принципѣ безусловнаго послушанія, а на взаимныхъ договорахъ между папою и представителями верховной

власти того или другаго государства. Исторія «Obedienzverweigerung» изложена г. Лоренцомъ въ пятой главѣ сочиненія (стр. 153—253).

Изъ историко-юридическаго изслѣдованія г. Лоренца объ отношеніи свѣтской власти къ факту замѣщенія папскаго престола, по его мнѣнію, не лишенному нѣкоторыхъ основаній, вытекаютъ слѣдующія положенія, изложенныя имъ въ предисловіи къ его труду на стр. VIII: «избраніе папы не есть дѣло исключительно церковное и никакимъ образомъ не должно быть признаваемо таковымъ; государственная власть всегда принимала участіе при замѣщеніи папскаго престола, хотя оно выражалось въ разнообразныхъ формахъ; за государственною властію во всѣхъ случаяхъ оставалось право рѣшительнаго утвержденія выбора папы, право, которое утверждалось на свободномъ выраженіи государственной воли; права новоизбраннаго папы въ предѣлахъ даннаго государства основываются на признаніи его въ церковномъ достоинствѣ со стороны государственной власти; право участія государствъ въ замѣщеніи папскаго престола, при всей измѣнчивости формъ, въ которыхъ оно выражалось, въ существѣ (?) осталось неизмѣннымъ со временъ Константина великаго до настоящаго времени». О степени научныхъ достоинствъ этихъ положеній мы уже высказались.

М. Горчаковъ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО [1]).

Notes upon the treaties of the United States with other Powers with references to negotiations preceding them; to their executive, legislative or judicial construction; and to the causes of arbitration of some of them, preceded by a list of the treaties and conventions with foreign powers, chronologically arranged, and followed by an analytical index and a synoptical index of the treaties. Washington. Government printing office. 1873. (Примѣчанія о трактатахъ Соединенныхъ Штатовъ съ другими державами, со ссылками на предшествовавшіе имъ переговоры, на ихъ

---

[1]) Всѣ нижеслѣдующія рецензіи извлечены изъ иностранныхъ спеціяльныхъ изданій, пользующихся первостепеннымъ авторитетомъ въ кругу знаній, которымъ они служатъ органами. *Ред.*

исполнительную, законодательную или юридическую часть, и на причины, подвергнувшія нѣкоторые изъ нихъ арбитражу, вмѣстѣ съ хронологическимъ спискомъ трактатовъ и конвенцій съ иностранными державами и съ приложеніемъ аналитическаго и синоптическаго оглавленія трактатовъ).

(Изъ „Revue de droit international", № 1, 1874).

Эта прекрасная книга составлена г. Банкрофтомъ Девисомъ (Bancroft Davis), бывшимъ делегатомъ Соединенныхъ Штатовъ на женевскомъ арбитражѣ и занимающимъ теперь высокій постъ помощника государственнаго секретаря (assistant secretary of State) въ Вашингтонѣ. Она служитъ частью новаго пересмотрѣннаго изданія всѣхъ трактатовъ, заключенныхъ Соединенными Штатами, и представляетъ ясный и полный анализъ всей дипломатической исторіи этой страны до 1873 года. Она изложена въ слѣдующемъ порядкѣ.

Прежде всего помѣщенъ списокъ трактатовъ и конвенцій между Соединенными Штатами и другими державами. Затѣмъ слѣдуютъ примѣчанія, составленныя по оффиціальнымъ документамъ, о переговорахъ, предшествовавшихъ политическимъ трактатамъ, и объ участіи исполнительной, законодательной и судебной властей въ ихъ составленіи и примѣненіи. Послѣ первой объяснительной записки, остальныя примѣчанія расположены въ алфавитномъ порядкѣ, не только по государствамъ, участвовавшимъ въ трактатахъ, но и по предмету послѣднихъ. Дальше, аналитическое оглавленіе предметовъ разныхъ трактатовъ и конвенцій, и наконецъ синоптическое оглавленіе, въ которомъ, подъ заглавіемъ каждаго трактата и каждой конвенціи, помѣщено вкратцѣ ихъ содержаніе и дата ихъ заключенія и ратификаціи.

Нельзя не признать пользы такого изданія, не только для заинтересованной стороны, но и для исторіи и для международнаго права вообще. Наука послѣдняго тогда только получитъ твердыя основанія, когда подобныя работы будутъ сдѣланы во всѣхъ государствахъ.

Papers relating to the treaty of Washington. Vol. I—IV. *Geneva arbitration.* Washington, 1872. (Бумаги, относящіяся къ Вашингтонскому трактату. Женевскій арбитражъ).

(Изъ „Revue de droit international", № 1, 1874).

Эта книга принадлежитъ къ прекраснымъ изданіямъ государственнаго секретаріата въ Вашингтонѣ; первые четыре тома содержатъ всѣ документы по Алабамскому дѣлу, записки обѣихъ сторонъ, всѣ доказатель-

ства за и противъ, протоколы и даже особыя мнѣнія судей, наконецъ сборникъ мнѣній, высказанныхъ государственными людьми Англіи и европейскою прессою по поводу Вашингтонскаго трактата.

Въ этомъ изданіи и мысль, и исполненіе одинаково заслуживаютъ похвалы.

La convention de Genève pendant la guerre franco-allemande, par Gustave Moynier. Genève, 1873. (Женевская конвенція во время франко-германской войны, г. Муанье).

Actes du comité international de secours aux militaires blessés. Genève, 1871. (Отчеты интернаціональнаго комитета о раненыхъ).

Les dix premières années de la croix rouge, par Gustave Moynier. Genève, 1873. (Первыя десять лѣтъ краснаго креста, г. Муанье).

(Изъ „Revue de droit international", № 1, 1874).

Изо всѣхъ результатовъ современнаго движенія къ практическому улучшенію международныхъ отношеній во время какъ войны, такъ и мира, ни одинъ не принесъ столько пользы, сколько женевская конвенція. Не смотря на нѣкоторыя присущія ей несовершенства и на злоупотребленія, дѣлавшіяся подъ ея именемъ, ни ея исполнительная власть, ни ея авторитетъ не подверглись сомнѣнію, и оказанныя ею услуги велики. Честь такого результата принадлежитъ не только тѣмъ, кто заключили конвенцію, но и тѣмъ, кто воспользовались выговоренными ею льготами для пользы человѣчества, т. е. обществамъ для поданія помощи раненымъ, открывшимся вездѣ, и интернаціональному женевскому комитету. Этотъ послѣдній былъ назначенъ интернаціональной женевской конференціей 1863 г., и утвержденъ парижскою (1867) и берлинскою (1869) конференціями центральнымъ органомъ обществъ о раненыхъ во всѣхъ странахъ. Онъ состоитъ нынѣ изъ семи членовъ, подъ предсѣдательствомъ г. Муанье. Первое изъ названныхъ выше сочиненій заключаетъ въ себѣ отчеты комитета, отъ 1 сентября 1863 до 1 сентября 1871, и свидѣтельствуетъ о трудолюбіи и энергіи его членовъ. Ихъ усиліями основанъ уже 21 комитетъ въ разныхъ государствахъ, и одна эта цифра указываетъ, сколько потребовалось переписки и умѣнья организовать дѣло, чтобы достигнуть подобнаго результата. Должно надѣяться, что дѣятельность ихъ не останется втуне и дастъ въ будущемъ новые, еще болѣе обильные плоды.

Вторая брошюра заключаетъ въ себѣ рѣчь, произнесенную въ женев-

скомъ обществѣ общественной пользы 21 февраля 1873 г. Въ то время минуло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, по предложенію г. Муанье, бывшаго предсѣдателя этого общества, была устроена коммиссія для изысканія средствъ поданія постоянной помощи раненымъ.

Третье изданіе, взятое изъ интернаціональнаго бюллетеня комитета, служитъ дополненіемъ къ статьѣ о женевской конвенціи (Etude sur la convention de Genève), написанной авторомъ въ 1870 году. Оно будетъ необходимымъ документомъ для пересмотра конвенціи. Читая перечень ошибокъ, недоразумѣній, злоупотребленій и обмановъ всякаго рода, совершавшихся подъ покровомъ краснаго креста, приходишь къ убѣжденію, что эта конвенція должна была удовлетворить повсемѣстно созрѣвшей потребности, чтобы она могла выйти съ торжествомъ изъ столькихъ испытаній. Къ тому же, указывая на зло, г. Муанье всегда указываетъ и на средства противодѣйствовать ему.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Geschichte der Städteverfassung in Deutschland, von Georg Ludwig v. Maurer. Erlangen. I B. 1869. II und III B. 1870. IV B. 1871. (Исторія городскаго устройства въ Германіи, г. Маурера).

Der Ursprung der deutschen Städteverfassung, von Andreas Heusler. Weimar, H. Böhlau. I vol. (Происхожденіе германскаго городскаго устройства, А. Гейслера).

(Изъ „Revue de droit international", № 1, 1874).

Въ числѣ учрежденій, исторія и происхожденіе которыхъ играетъ самую важную роль въ развитіи политическихъ идей въ Европѣ, городское устройство и управленіе стоятъ на первомъ мѣстѣ. Въ Германіи особенно, также какъ и въ прилегающихъ къ ней земляхъ (въ нѣмецкой Швейцаріи и Бельгіи), мы не найдемъ болѣе живыхъ свидѣтелей и болѣе вѣрнаго отраженія всѣхъ различныхъ періодовъ народной исторіи, какъ тѣ обширныя общины, остатками которыхъ мы любуемся доселѣ, и предъ которыми потомки испытываютъ чувство, среднее между любовью къ отечеству и любовью къ семейству.

Нѣсколько германскихъ ученыхъ, какъ-то: Ейхгорнъ, Гауптъ, Ланчизоль, Нитшъ, Арнольдъ, Гегель и другіе, занимались разработкою этого предмета въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Почти каждый изъ нихъ слѣдуетъ своей системѣ, но ни одна изъ этихъ системъ не поль-

зуется еще неоспоримымъ авторитетомъ. Къ тому же задача окружена неимовѣрными трудностями. Положительныхъ данныхъ весьма мало: тутъ болѣе проблесковъ, чѣмъ свѣта, болѣе признаковъ, чѣмъ доказательствъ, много документовъ сомнительной достовѣрности, и затѣмъ переходная эпоха между франкскимъ и феодальнымъ періодами покрыта полнымъ мракомъ. Эту послѣднюю можно уподобить длинному туннелю, въ который погружается исторія и изъ котораго она выходитъ въ обновленномъ видѣ, оставляя обширное поле догадкамъ и гипотезамъ на счетъ способа, какимъ совершилось это таинственное перерожденіе общества.

Новая исторія городскаго управленія въ Германіи, Маурера, не только замѣчательный трудъ самъ по себѣ, но онъ представляетъ вѣнецъ сорокалѣтнихъ работъ автора въ одной и той же области. Вотъ примѣръ выдержки и трудолюбія, достойный подражанія! Къ несчастію авторъ немногимъ пережилъ выходъ въ свѣтъ послѣдняго тома, и эта потеря тѣмъ болѣе чувствительна, что онъ обѣщалъ, во введеніи къ 3-му тому, издать еще «Исторію публичной власти» (Geschichte der öffentlichen Gewalt).

Въ четырехъ томахъ, которые у насъ подъ глазами, Мауреръ во всеоружіи науки и начитанности достроиваетъ зданіе, начало котораго положено въ его прежнихъ сочиненіяхъ, — полную систему управленія и происхожденія германскихъ городовъ. По его мнѣнію, начало городскихъ общинъ не слѣдуетъ искать въ римскихъ муниципалитетахъ, ни въ *Fröhnhöfen*, ни въ учрежденіи *Schöffenthum*; одинаково нельзя считать ихъ проявленіемъ духа ассоціяціи, принимающаго видъ гильдій, съ цѣлью обороны (Schutzgilden) или торговли (Kaufmannsgilden). Древнее и первоначальное основаніе публичнаго права городовъ заключается въ администраціи городскихъ земель Stadtsmark, и въ этомъ смыслѣ происхожденіе городовъ смѣшивается съ происхожденіемъ деревень. Города, какъ и деревни, имѣли, съ франкскаго періода, общій участокъ земли, называемый *Mark*, который частью дѣлился между жителями, и частью составлялъ нераздѣльную собственность всѣхъ. Послѣдняя, по необходимости, должна была создать общіе интересы и общее управленіе сю; такъ какъ это управленіе было неподсудно государственной власти, то приходилось поручать его спеціяльнымъ властямъ, которыя получали свои полномочія или отъ членовъ общины, или отъ землевладѣльца, но никакъ не отъ государства, которому онѣ были чужды. Въ сущности, города отличались тогда отъ селъ только тѣмъ, что были обнесены стѣнами и рвами. Они носили названія *urbs*, *civitas*, *castrum castellum*, *wik burg*, и жители ихъ назывались бюргерами. Но это различіе скоро повлекло за собою много другихъ.

Древніе германцы имѣли отвращеніе отъ жизни въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. „Даже дикіе звѣри“, говорили они, „теряютъ энергію, когда ихъ держатъ взаперти“. Однако, когда послѣ разрушенія римской имперіи, наступила эпоха полуцивилизаціи, гдѣ вновь зарождающаяся промышленность и мирныя сношенія между гражданами встрѣчали препятствія въ насиліи и анархіи, то люди по неволѣ стали искать убѣжища за стѣнами городовъ. Первая льгота, отличившая послѣдніе отъ селъ, было право открывать еженедѣльный или ежегодный рынокъ въ ихъ оградѣ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось право чеканить монету и торговать драгоцѣннымн металлами, посредствомъ которыхъ совершались покупка и продажа товаровъ. Въ то время еще не существовало всеобщей монеты, а кредитъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ, такъ что всякій купецъ, приходя на рынокъ, приносилъ съ собою извѣстное количество золота и серебра, чтобы выбить изъ нихъ мѣстную монету. Право чеканить монету, составляющее регалію, по своей сущности было съ давнихъ поръ передаваемо въ собственность или въ аренду отдѣльнымъ лицамъ, семействамъ и корпораціямъ. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, эта привиллегія принадлежитъ, въ XIII вѣкѣ, красильщикамъ, переселившимся туда изъ Фландріи и обозначеннымъ въ актахъ подъ названіемъ *Flandrenses*.

Право содержать рынки повлекло за собою свободное передвиженіе купцовъ и товаровъ (freier Verkehr, sicheres Geleit, Marktfriede). И потому свобода торговли есть душа муниципальныхъ правъ въ средніе вѣка. Она, естественно, развивалась только подъ покровительствомъ монарховъ, епископовъ и землевладѣльцевъ, понявшихъ, что въ ихъ интересахъ даровать ее. Свобода эта сперва была связана съ личностью торговца, но позже она распространялась на всѣхъ обитателей привиллегированной мѣстности, и на всѣхъ отправляющихся туда или возвращающихся оттуда. Вслѣдствіе этого, часто встрѣчается названіе *купца* или *торговца*, какъ синонимъ *мѣщанина*, *бюргера*. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ была спеціяльная судебная организація для городовъ, ихъ освобожденіе отъ патримоніальнаго суда, равно установленіе принципа, по которому никто не могъ быть арестованъ безъ суда. Города обратились въ убѣжища мира, гдѣ всякая личная вражда и месть были запрещены. Тотъ, кто хотѣлъ лично мстить за обиду, не прибѣгая къ судебной власти, лишался званія бюргера. Отсюда проистекло право убѣжища, которымъ пользовались въ городахъ даже иностранцы, спасавшіеся отъ преслѣдованій, обязываясь лишь перенести свое дѣло въ мѣстный судъ.

Такимъ образомъ установились правовыя отношенія, даже въ тѣхъ

городахъ, жителей которыхъ частью не были свободными людьми, и они постепенно привели къ личной свободѣ, къ свободѣ браковъ, распоряженія своимъ имуществомъ, перемѣны мѣстожительства, и т. д. И такъ, въ силу обстоятельствъ случилось противоположное тому, чего боялись германцы во времена Тацита: города не только не стали могилою свободы, но, напротивъ, сдѣлались ея колыбелью. Даже самыя укрѣпленія благотворно подѣйствовали на военный духъ бюргеровъ. Военная служба, которою они были обязаны своему феодальному владыкѣ, обратилась въ постоянную гарнизонную; чуждаясь пришлаго гарнизона, они отказываются отъ военнаго постоя, и не соглашаются служить внѣ своего города, по крайней мѣрѣ долѣе опредѣленнаго срока. Зато они организуются у себя въ грозныя милиціи, особенно съ той поры, когда пѣхота получаетъ преобладающее значеніе въ войскѣ. Въ сущности, какъ то доказываетъ Мауреръ, первыя реформы по организаціи армій исходятъ изъ городовъ.

„Наши предки“, говоритъ авторъ, „не понимали ассосіяціи безъ автономіи въ общественныхъ дѣлахъ“. Администрація древнихъ селъ и городовъ пользовалась автономіею, послѣдствіемъ которой были: борьба противъ всего, что извнѣ мѣшало ея развитію, и затѣмъ принятіе въ среду общины всѣхъ новыхъ силъ и товариществъ, особенно промышленныхъ, которыя въ ней и организовались. Отсюда происходила двойная борьба, съ одной стороны между общинами и землевладѣльцомъ, съ другой между старинными бюргерами или патриціями и ремесленниками.

Слишкомъ обобщать въ этой области трудно и опасно. Каждая община имѣетъ свою исторію, и надо искусство Маурера, чтобы двигаться въ этомъ лабиринтѣ фактовъ, не теряя нити своей системы. Одна изъ самыхъ любопытныхъ частей его книги та, гдѣ онъ разсказываетъ вещественное устройство и положеніе города въ средніе вѣка; описываетъ улицы, площади, зданія, кварталы, и т. д., разбираетъ права и обязанности бюргеровъ и другихъ жителей, а именно евреевъ и иностранцевъ. Много находимъ мы у него интересныхъ подробностей объ управленіи города, о дѣйствіяхъ властей и наконецъ о муниципальныхъ законахъ, прежнихъ и нынѣшнихъ.

Сказаннаго, мы надѣемся, достаточно для нѣкоторой оцѣнки столь важнаго сочиненія, съ которымъ читатели, вѣроятно, сами захотятъ ознакомиться ближе.

Книга г. Гейслера была обнародована послѣ появленія въ свѣтъ перваго тома г. Маурера. Задача ея — разрѣшеніе споровъ о происхожденіи муниципальной системы въ Германіи. Мы не можемъ слѣдовать за

авторомъ въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ, и должны довольствоваться передачею ихъ результатовъ. По его мнѣнію, нѣмецкіе города обязаны своимъ устройствомъ тому, что они сохранили и развили часть прежней франкской конституціи. Ошибка г. Маурера заключается, по его словамъ, въ отождествленіи мѣстнаго происхожденія, общаго городамъ и селамъ, съ государственнымъ происхожденіемъ первыхъ. Городская конституція возродилась изъ древняго народнаго права, олицетворявшагося прежде во франкской *сотнѣ* (Hundertschaft) и это возрожденіе совершилось по иниціативѣ землевладѣльческой власти.

Répétitions écrites sur le droit administratif, contenant l'exposé des principes généraux, leurs motifs et la solution des questions théoriques, par M. L. *Cabantous*, doyen et professeur de droit administratif à la faculté d'Aix. Revue et augmentée par *Jules Liegeois*, professeur de droit administratif et d'économie politique à Nancy. Paris, Marescq. 1873. (Лекціи административнаго права Кабанту, изданіе пересмотрѣнное и пополненное Ж. Ліежоа).

(Изъ „Revue de droit international“, № 2, 1874).

Первое изданіе этого почтеннаго труда появилось въ свѣтъ въ 1859 г., четвертое — въ 1867 г. Авторъ скончался въ 1872 г., но его сочиненіе подверглось пересмотру и было дополнено усиліями добросовѣстнаго и ученаго его послѣдователя.

Не смотря на недостатки и захваты французской администраціи, заслуживающіе порицанія, Франція имѣетъ право гордиться ея могущественною организаціею. Это, можетъ статься, единственная сторона ея быта, въ пользу которой всѣ правительства одинаково работали и развитіе которой шло, вопреки революціямъ, въ духѣ единства и послѣдовательности. На этой почвѣ Ришельё и Людовикъ XIV встрѣчаются съ Конвентомъ, съ Наполеономъ, съ Людовикомъ-Филиппомъ. Въ созиданіи этого историческаго зданія участвовали всѣ поколѣнія, всѣ правительства, и въ этомъ обширномъ лабиринтѣ законовъ, приказовъ, распоряженій, декретовъ и т. д. ярче выражается національный характеръ французовъ, чѣмъ въ ихъ кодексахъ и конституціяхъ.

Г. Ліежоа сохранилъ за сочиненіемъ Кабанту его скромное заглавіе: „*Репетиціи*“, указывающее на первоначальную цѣль его, — служить пособіемъ студентамъ. Но его дѣйствительная польза не исчерпывается этою цѣлью. Оно заключаетъ въ себѣ очеркъ не только *администраціи*, но и всего сохранившагося изъ разныхъ *конституцій* Франціи

въ 1873 году. Авторъ начинаетъ съ изложенія конституціоннаго права, и если эта почва представляется нѣсколько шаткою, то не по его винѣ; какъ скоро онъ доходитъ до административнаго права, то почва, по которой онъ движется, получаетъ должную твердость, и даже иностранцы могутъ многому тутъ научиться. Онъ раздѣляетъ администрацію на три главные отдѣла: *исполненіе, контроль* и *сужденіе*, и разсматриваетъ постепенно *агентовъ правительства, совѣты, административные суды*. Эрудиція автора солидна, но нѣсколько исключительна, какъ это не рѣдко случается во всѣхъ національныхъ (особенно французскихъ) системахъ публичнаго права. Нигдѣ не видно сравнительнаго законодательства, свѣдѣній о богатой литературѣ Англіи, и особенно Германіи, но разумно либеральныя идеи обоихъ авторовъ заслуживаютъ полнаго сочувствія.

Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts, von Herrmann Roesler. 1. Band. Das sociale Verwaltungsrecht. 2 Abtheilung. Berufsrecht, Erwerbsrecht. Erlangen. Deichert. 1873. (Учебникъ нѣмецкаго административнаго права, г. Рёсслера. I томъ. Общественно-административное право. 2 отдѣлъ. *Право профессіональное. Право экономическое*).

(Изъ „Revue de droit international“, № 2, 1874).

Въ первомъ отдѣлѣ своего труда авторъ говоритъ объ *общественномъ* административномъ правѣ, противополагая его *политическому*. Разсмотрѣвъ право личное (Personenrecht) и вещное (Sachenrecht), онъ переходитъ къ профессіональному (Berufsrecht) и къ экономическому,—праву пріобрѣтенія (Erwerbsrecht).

Г. Рёсслеръ группируетъ различныя отрасли административнаго права, согласно новымъ понятіямъ. „Цивилизація“, говоритъ онъ, „состоитъ въ прогрессивномъ развитіи матеріяльной и умственной жизни человѣка, на началахъ свободнаго общежитія. Для этого необходима правильная дѣятельность, посредствомъ которой отдѣльныя лица дѣлались бы способными къ осуществленію просвѣтительныхъ идей, преобладающихъ въ обществѣ, и сама внѣшняя природа пріурочивалась бы къ служенію этимъ идеямъ. Начала, лежащія въ основаніи перваго рода цивилизующей дѣятельности, порождаютъ профессіональное право, начала, на которыхъ основаны вторыя — экономическое право пріобрѣтеній.

Профессіи, имѣющія въ виду осуществленіе цивилизующихъ идей, относятся къ четыремъ главнымъ предметамъ: здоровье тѣла (медицинская профессія); воспитаніе ума и тѣла (преподаваніе, искусство); юри-

дическая жизнь, проявляющаяся въ извѣстныхъ актахъ и событіяхъ (юридическая профессія); домашняя жизнь (домашняя профессія. häuslicher Beruf). Отсюда проистекаютъ у автора пять подраздѣленій (преподаваніе и искусство разсматриваются какъ отдѣльныя профессіи, имѣющія одну общую цѣль) отдѣла, посвященнаго профессіональному праву. Онъ излагаетъ такимъ образомъ одну изъ сторонъ понятій о правомѣрномъ государствѣ (Rechtstaat), которому суждено, по мнѣнію современной германской школы, замѣнить полицейское государство (Polizeistaat). Согласно съ мнѣніемъ этой школы, профессіи не должны быть стѣснены со внѣшней стороны, въ смыслѣ полицейскомъ, но должны быть правильно организованы и окружены гарантіями способности занимающихся ими лицъ, для общаго блага.

Въ эту методическую рамку вставлены самыя разнообразныя положительныя данныя. Текстъ, заключающій въ себѣ сущность германскаго законодательства по каждому предмету, обогащенъ примѣчаніями, составляющими интереснѣйшія монографіи, по разнымъ главамъ, какъ, напримѣръ, по медицинскимъ учрежденіямъ, домамъ для умалишенныхъ, научному и особенно университетскому преподаванію, и т. д.

Часть, касающаяся до *Erwerbsrecht*, входитъ прямо въ область политической экономіи. Авторъ излагаетъ тутъ свои взгляды на законы производства, собственности и труда, цѣнности и цѣны, и наконецъ на общую сумму экономическихъ силъ народа (die nationale Erwerbsgemeinschaft).

Рёсслеръ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ школѣ *„laissez faire, laissez passer“*. Онъ желаетъ напротивъ, вмѣстѣ съ Листомъ, Кери и другими, чтобы соціяльныя учрежденія стремились: во-1-хъ, къ уравненію, по мѣрѣ возможности, производительности во всѣхъ частяхъ экономическаго общества; и во-2-хъ, къ уничтоженію или къ ограниченію конкурренціи между сильными и слабыми. Понятно, что съ этой точки зрѣнія, политическая экономія представляется ему отраслью права. Невозможно не только признать подобную доктрину, но даже представить себѣ, чтобы она могла быть строго примѣнена, не повлекши за собою самыя странныя послѣдствія и повсемѣстное вмѣшательство государственной власти. Едва ли авторъ имѣетъ достаточно основанія утверждать, «что система протекціонизма отвѣчаетъ донынѣ требованіямъ практики и положительнаго права».

Сравнивая современную торговую политику всѣхъ государствъ съ тою, которой они слѣдовали четверть вѣка тому назадъ, нельзя не признать, напротивъ, общаго теченія къ свободѣ. Конечно, благоразумные и осторожные правители стараются постепенно и безъ потрясеній со-

вершить этотъ переходъ, ограждая даже тѣ искуственные интересы, которые возникли и получили нѣкоторыя права, благодаря прежней системѣ. Мы не оспариваемъ, однако, что во внутренней политикѣ явилась нынѣ нѣкоторая реакція противъ абсолютнаго примѣненія *„laissez faire, laissez passer“*.

За исключеніемъ этихъ общихъ понятій, мы находимъ въ трудѣ автора несомнѣнныя достоинства.

Das Enteignungsrecht, von Dr. Grünhut, Professor an der Universität in Wien.—Wien, Hölder. 1873. (Право экспропріаціи, г. Грюнгута).

(Изъ „Revue de droit international“, № 2, 1874).

Исторія постепеннаго возникновенія права экспропріаціи, начиная съ грековъ, прекрасно разсмотрѣна на первыхъ страницахъ этой книги. Авторъ показываетъ, какъ право экспропріаціи, долгое время бывъ неизвѣстнымъ въ Римѣ, было присвоено себѣ императорами въ безграничное пользованіе, но получило свое настоящее значеніе въ смыслѣ „государственной необходимости“ и „общественной пользы“ лишь въ современной эпохѣ. Этотъ очеркъ обнимаетъ краткій перечень разныхъ нынѣ дѣйствующихъ законодательныхъ системъ.

Въ остальной части книги г. Грюнгутъ говоритъ о *матерьяльномъ* и о *формальномъ* правѣ экспропріаціи. Онъ, по большей части, держится критики существующихъ законодательствъ, съ которыми онъ отлично знакомъ. Сочиненіе его представляетъ, рядомъ съ практическими указаніями для законодательныхъ реформъ, интересъ научный, для желающихъ ознакомиться съ принципами, руководившими большинство современныхъ законодателей. Прибавимъ, что авторъ высказывается въ пользу частной собственности, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, и порицаетъ нѣкоторые новые законы, видящіе въ экспропріаціи вопросъ не *необходимости* и *пользы*, но *удобства*.

De la colonisation chez les peuples modernes, par M. P. Leroy-Beaulieu. — Paris, 1874. Guillaumin. (Колонизація у современныхъ народовъ, г. Леруа-Больё).

(Изъ „Journal des Economistes“, Juin, 1874).

Значительные интересы связаны съ колонизаціею, и потому неудивительно, что многіе писатели увлеклись этимъ предметомъ и появилось много сочиненій въ этой области. Не смотря однако на ихъ много-

численность, недоставало общаго очерка предмета, для уясненія нѣкоторыхъ, оставшихся въ тѣни его сторонъ. Французская Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, понимая всю важность вопроса, предложила его на конкурсѣ Леона Фоше; мемуаръ г. Леруа-Болье удостоился награды, и превратился затѣмъ въ книгу, заглавіе которой выписано выше.

Этотъ обширный трудъ состоитъ изъ двухъ вполнѣ отдѣльныхъ частей; первая обнимаетъ историческій ходъ колоніяльной политики, отъ открытія Америки до нашего времени, въ главныхъ европейскихъ государствахъ (Испаніи, Португаліи, Голландіи, Англіи, Германіи, Даніи и Швеціи); вторая посвящена теоріи.

Главное достоинство первой части заключается въ ясномъ изложеніи хода воззрѣній на колонизацію, и причинъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе или упадокъ колоній; къ тому-же, въ ней собрано множество разнообразныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ.

Вторая часть посвящена совсѣмъ иной области; за эмпирическимъ анализомъ историческихъ данныхъ, слѣдуетъ въ видѣ краткаго повторенія сказаннаго и общаго заключенія — изложеніе началъ науки. Тутъ рѣчь идетъ о вліяніи колоній на метрополіи съ точки зрѣнія эмиграціи людей и капиталовъ, колоніальной торговли и финансовыхъ соображеній. Изъ всего этого, особенно интересенъ для экономистовъ, публицистовъ и администраторовъ вопросъ о системѣ управленія, наиболѣе пригодной для колоніи. Сжатый, но весьма полный очеркъ, въ которомъ авторъ ратуетъ противъ предоставленія устройства колонистовъ слѣпому случаю, особенно заслуживаетъ вниманія. Недостаточно, какъ то часто думаютъ, хорошо выбрать мѣсто колоніи; надо еще, послѣ приготовительныхъ работъ, открывающихъ возможность селиться въ странѣ и обработывать землю, найти хорошую систему раздачи участковъ, устроить правильную ихъ продажу и стараться, чтобы они были обработаны не рабами или куліями, а настоящими хлѣбопашцами.

Другія, не менѣе важныя, условія успѣха состоятъ, по мнѣнію автора, въ разумномъ распредѣленіи налоговъ, въ обширной муниципальной свободѣ, въ хорошей администраціи, предоставляющей частнымъ лицамъ иниціативу и отвѣтственность ихъ дѣйствій. Онъ идетъ еще дальше и требуетъ для каждаго народа, серьозно желающаго колонизировать, устройство особаго министерства колоніи, и особый разрядъ чиновниковъ, могущихъ служить этому дѣлу; такая реформа не должна однако препятствовать колоніи, по достиженіи зрѣлаго возраста, требовать самоуправленія, особенно по части финансовъ.

Осуществить эти способы дѣйствія довольно легко, но, вѣроятно, придется еще долго ждать даже ихъ серьознаго изученія. Когда наступитъ это время, то сочиненіе г. Леруа-Болье, основанное на фактахъ, и освѣщенное научными взглядами, окажется драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Dr. A. Held. Die deutsche Arbeiterpresse der Gegenwart. Leipzig, Duncker und Humblot. 1873. (Современная германская пресса рабочихъ, профессора А. Гельда).

* (Изъ „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft", 1873, Viertes Heft, статьи г. Шёнберга).

Съ легкой руки Лассаля, такъ называемый рабочій вопросъ проникъ въ среду самихъ рабочихъ и породилъ въ Германіи особую, принадлежащую имъ прессу. Число періодическихъ изданій всякаго рода, обсуждающихъ *рабочій вопросъ* для *рабочихъ*, достигло до 20-ти, съ 40,000 подписчиковъ. Они служатъ наилучшимъ источникомъ для составленія вѣрнаго и объективнаго сужденія о соціальномъ движеніи въ рабочемъ классѣ. Въ этой литературѣ находятъ себѣ отголосокъ всякія направленія и партіи, и она знакомитъ насъ не только съ цѣлями, надеждами и способами агитаціи рабочихъ артелей, но и съ мотивами, которыми руководствуются вожаки этихъ движеній. Они даютъ также нѣкоторыя вѣрныя указанія на существующее зло въ положеніи рабочихъ, хотя и въ преувеличенномъ видѣ.

Такое значеніе прессы рабочихъ придаетъ большой интересъ труду г. Гельда; авторъ поставилъ себѣ задачей ознакомить образованную публику съ отдѣльными органами этой спеціяльной литературы, представить характеристику ихъ направленій и опредѣлить степень авторитета, которымъ каждый изъ нихъ пользуется въ глазахъ рабочихъ, и исполнилъ ее съ такимъ искусствомъ, что его книгу можно рекомендовать всѣмъ, желающимъ ближе вникнуть въ этотъ вопросъ.

Послѣ краткаго, но чрезвычайно мѣткаго обозрѣнія соціальныхъ партій въ Германіи, авторъ дѣлаетъ извлеченіе изъ 18-ти изданій, и указываетъ на направленіе каждаго. Онъ дѣлитъ ихъ на органовъ соціальной демократіи, къ которой принадлежатъ (Volkstaat, Chemnitzer freie Presse, Crimtschauer Bürger- u. Bauernfreund, Dresdener Volksbote,

Braunschweiger Volksfreund, Volkswille, demokratische Zeitung, demokratische Blätter, Fürther demokratisches Wochenblatt, Neuer Socialdemokrat) и на изданія рабочихъ ассоціацій или артелей (Gewerkvereinsblätter), къ которымъ можно причислить: (Botschafter, Genossenschafter, Sprechsaal, Correspondent des Centralvereins deutscher Hutmacher, Correspondent für Deutschlands Buchdrucker und Schriftgiesser, Helvetische Typographia, Vorwärts, Der Gewerkverein).

Соціально демократическіе органы стремятся къ революціонному, радикальному и насильственному перевороту въ народномъ хозяйствѣ, какъ и въ государствѣ. Соціальное движеніе совпадаетъ у нихъ съ политическимъ. Всѣ доходы должны дѣлиться между рабочими въ соціальномъ демократическомъ народномъ государствѣ. Въ этой прессѣ царствуетъ антигосударственное, антипатріотическое настроеніе, вмѣстѣ съ самымъ грубымъ матерьализмомъ. Не вѣря въ возможность мирнаго соглашенія между нынѣ существующими классами общества, они со страстью раздуваютъ ненависть къ высшимъ классамъ и къ правительству. Послѣдніе выставляются ими какъ враги рабочихъ, погибель которыхъ — необходимое условіе для водворенія удовлетворительнаго для рабочихъ народнаго хозяйства. Національное, объединительное, движеніе въ Германіи и попытки миролюбиваго разрѣшенія соціальнаго вопроса осыпаются ими горькими насмѣшками. Зато они возвеличиваютъ парижскую коммуну. Вмѣстѣ съ патріотизмомъ вооружаются они и противъ религіи, «этого опіума народа», какъ они выражаются.

Газеты, издаваемыя артелями рабочихъ, у которыхъ интересы ихъ союзовъ играютъ главную роль, расположены, по бо̀льшей части, къ мирнымъ реформамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то: „*Botschafter*“ и „*Genossenschafter*“ имѣютъ нѣсколько соціально-демократическую окраску, но большинство, въ главѣ котораго стоитъ „*Gewerkverein*“ Д. Макса Гирша, смѣло ратуютъ противъ соціально-демократической программы. Если въ нихъ и проявляются отъ времени до времени эксцентрическія мысли, преувеличенныя требованія или злостныя обвиненія, то только какъ исключеніе; въ общихъ же чертахъ, они спокойно и трезво борются за расширеніе ассоціаціи, къ которой принадлежатъ, и за практическое улучшеніе матерьальнаго и общественнаго положенія своихъ читателей.

Въ заключительной главѣ, авторъ еще разъ подвергаетъ критикѣ господствующія воззрѣнія въ прессѣ рабочихъ. Онъ доказываетъ неосуществимость соціально-демократическаго народнаго правленія, старается потрясти преувеличенную вѣру въ производительность кооперативныхъ обществъ, и показать, что кругъ дѣятельности послѣднихъ весьма ограниченъ, что они гораздо менѣе имѣютъ значенія для разрѣшенія рабо-

чаго вопроса, чѣмъ рабочія артели и ссудосберегательныя товарищества. Онъ ближе разсматриваетъ эти послѣднія и оспариваетъ еще очень распространенныя ошибочныя воззрѣнія на счетъ этихъ полезныхъ въ народномъ хозяйствѣ учрежденій. Это прекрасное сочиненіе оканчивается краткимъ, но вѣрнымъ изложеніемъ самыхъ существенныхъ взглядовъ здравой науки на всѣ эти предметы.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Die Preussischen Grundbücher und Hypotheken. Gesetze vom 5 Mai 1872, mit Einleitung und Noten von F. Werner. Berlin, 1873. (Прусскіе гипотечные законы 5 мая 1872 г. со введеніемъ и примѣчаніями Вернера).

(Изъ „Revue de droit international", 1873, № 4, статьи *Г. Ассера*).

Правильная гипотечная система есть основаніе поземельнаго кредита, особенно когда она приведена въ стройную систему съ порядкомъ купли и передачи недвижимыхъ имуществъ, также какъ и публичныхъ реестровъ (крѣпостныхъ книгъ). Прусское правительство, сознавъ это, издало рядъ дѣйствительно замѣчательныхъ законоположеній и распоряженій въ этой области.

Самый важный изъ этихъ законовъ, 5 мая 1872 г., распадается на пять частей, въ которыхъ разсматриваются недвижимая собственность, разныя права на недвижимость, гипотека, горные промыслы и т. д.; послѣдній отдѣлъ содержитъ нѣсколько общихъ распоряженій.

Другой законъ того же числа касается формы контрактовъ по раздѣламъ имуществъ.

Королевскимъ повелѣніемъ, также отъ 5 мая 1873 г., установляется форма поземельной книги (Grundbuch), служащей для укрѣпленія правъ на недвижимую собственность, для наложенія и снятія гипотекъ.

Система, избранная прусскимъ законодателемъ, замѣчательна въ разныхъ отношеніяхъ, и составляетъ громадный успѣхъ сравнительно съ кодексомъ Наполеона. Всѣмъ извѣстны недостатки французской системы, допускающей передачу имущества по одному контракту и признающей гипотеки безъ записи въ книгахъ. Такой порядокъ вещей исключаетъ полную *гласность* и дѣлаетъ невозможнымъ *спеціяльность* гипотекъ. По прусское право уже до закона 1872 г. стояло во многихъ отношеніяхъ выше

французскихъ законовъ. Поэтому, прусскія реформы 1872 года далеко не были столь радикальны, какъ, напримѣръ, тѣ, которыя были введены въ Голландіи въ замѣну кодекса Наполеона.

Въ Пруссіи приходилось бороться съ несовершенствами инаго рода, нежели во французской системѣ.

Тутъ на первомъ мѣстѣ стоялъ такъ называемый принципъ законности (*Legalitäts-Princip*), согласно съ которымъ хранитель гипотечныхъ книгъ долженъ былъ, прежде чѣмъ вносить въ нихъ передачу недвижимости или гипотеку, удостовѣриться:

1) Когда рѣчь шла объ имуществѣ, дѣйствителенъ ли актъ и совершилась ли по немъ передача; когда дѣло касалось гипотеки, существуетъ ли долговое обязательство, признанное закономъ, и есть ли законное согласіе на наложеніе гипотеки;

2) форма акта согласна ли съ закономъ;

3) исходитъ ли актъ отъ лицъ, компетенція которыхъ подтверждается прежними записями въ книгахъ.

Такой порядокъ влекъ за собою много неудобствъ, и не только замедлялъ ходъ дѣла, но еще взваливалъ на хранителя книгъ весьма трудную обязанность, которую онъ часто не могъ исполнить, и которая подлежала собственно вѣдѣнію суда.

По новому закону, хранитель книгъ не можетъ отказать въ записи, какъ скоро онъ удостовѣрится въ личности и правоспособности лица, и получитъ точное указаніе недвижимости. Требуется удостовѣреніе о согласіи собственника на продажу или гипотеку (если эти акты совершаются не въ силу судебнаго приговора), но законная сила акта, подлежащаго записи, не контролируется. Итакъ, принципъ законности не вполнѣ оставленъ, а только ограниченъ формальнымъ разсмотрѣніемъ акта записи.

Запись передачи имущества или гипотеки свидѣтельствуетъ въ пользу покупщика, пока она не уничтожена судебнымъ приговоромъ, дающимъ преимущество другому лицу. Достойно замѣчанія, что прусскій законъ предоставляетъ предъявляющему права собственности или гипотеки, вопреки записямъ въ реестрахъ, весьма важную гарантію своихъ правъ: временную или условную запись (*Vormerkung*), не зависящую отъ согласія другой заинтересованной стороны, и могущую, въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія суда, считаться дѣйствительной съ того числа, какъ она была совершена.

Другое нововведеніе, заслуживающее вниманія юристовъ, это — дозволеніе записывать гипотеки на имя собственника недвижимости. Цѣль его позволить собственнику поставить себя на мѣсто заимодавца, долгъ которому погашенъ, чтобы не дать слѣдующей гипотекѣ лучшаго мѣста, или чтобы

сохранить мѣсто для будущей гипотеки третьему лицу, съ преимуществомъ передъ прежними гипотеками.

Поэтому видно, что прусскій законодатель признаетъ самостоятельность гипотекъ, и не считаетъ ихъ непремѣнно связанными съ долговыми обязательствами. Онъ даетъ имъ названіе *Grundschuld*, поземельный долгъ; *гипотека* же означаетъ спеціяльно дѣйствительную гарантію, данную заимодавцу, въ обезпеченіе его ссуды.

Здѣсь нельзя сдѣлать полнаго обозрѣнія всѣхъ прусскихъ законовъ и распоряженій 5 мая 1872 г., и еще менѣе можно подвергнуть всю систему критическому анализу, и потому рекомендуемъ читателямъ прекрасное изданіе, заглавіе котораго выше выписано и которое составляетъ второй выпускъ сборника главныхъ прусскихъ законовъ, обнародованный издателемъ Сорткамфомъ. Оно заключаетъ очень полное и ясное изложеніе прусскаго законодательства въ этой области, пополненное примѣчаніями и алфавитнымъ спискомъ. Г. Вернеръ, которому мы обязаны этимъ изданіемъ, занимаетъ должность предсѣдателя окружнаго суда и имѣетъ надзоръ надъ чиновниками, завѣдующими поземельными книгами. Его разсужденія выказываютъ въ авторѣ замѣчательнаго спеціяліста, понимающаго трудности предмета, надъ которымъ онъ работаетъ, и обладающаго талантомъ ясно объяснить соотношеніе тѣхъ различныхъ законовъ и предписаній, изъ которыхъ образуется одна цѣльная и гармоническая система.

Die Genossenschaftsgesetzgebung in Deutschland. Commentar zu dem Reichsgesetze über die privatrechtliche Stellung der Erwerbs- und Wirthschaftsgenossenschaften unter Berücksichtigung des bayerischen Genossenschaftsgesetzes, von D. Hermann von Sicherer, ord. Prof. der Rechte an der Universität zu München. Erlangen. Palm u. Enke, 1872. (Артельное законодательство въ Германіи. Комментарій къ законоположенію Рейхстага касательно частныхъ правъ производительныхъ и потребительныхъ товариществъ, въ его отношеніяхъ къ баварскому закону объ артеляхъ, Д. *Германа Зихерера*).

(Изъ „Revue de droit international“, № 4, 1873).

Всѣмъ извѣстно громадное движеніе кооперативныхъ обществъ въ Германіи, провозвѣстникомъ котораго былъ Губеръ и главнымъ двигателемъ Шульце-Деличъ, и остановить которое, даже войны 1866 и 1870 гг., оказались безсильными. Не задаваясь окончательнымъ рѣшеніемъ со-

ціальнаго вопроса, стоящаго теперь на очереди, можно сказать утвердительно, что онъ знаменуетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ шаговъ, проходимыхъ человѣчествомъ въ этомъ направленіи. Поэтому, въ главныхъ германскихъ государствахъ законодательство озаботилось въ послѣднее время подведеніемъ этой новой формы ассосіяціи подъ твердыя правила. Въ Пруссіи былъ изданъ 27 марта 1867 г. законъ о кооперативныхъ обществахъ, почти вполнѣ согласный съ проектомъ Шульце-Делича. Въ Саксоніи законъ 15 іюня 1868 г. о юридическихъ лицахъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя правила, примѣнимыя къ такимъ товариществамъ. Но только что онъ былъ утвержденъ, какъ законъ 4 іюля 1868 г. распространилъ на весь Сѣверный Союзъ (значитъ и на Саксонію) слегка измѣненное прусское положеніе. Оно же было введено 4 августа 1869 г. въ Гессенѣ, и 11 февраля 1870 г. въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, 29 апрѣля 1869 г. Баварія въ свою очередь издала законъ о кооперативныхъ обществахъ въ ихъ отношеніяхъ къ частному праву; этотъ законъ дѣйствуетъ и до сихъ поръ, не смотря на распространеніе прусскаго закона на другія государства Германіи. Его единственное отличіе отъ послѣдняго заключается, впрочемъ, лишь въ томъ, что онъ допускаетъ, сверхъ кооперативныхъ товариществъ съ полною круговою порукою, кооперативныя общества съ ограниченною отвѣтственностью. Вспомнимъ мимоходомъ, что такое же начало, менѣе строгое, чѣмъ прусская система, принято и французскимъ законодательствомъ (въ законѣ о товариществахъ 24 іюля 1867 г.) и бельгійскимъ (въ законѣ о коммерческихъ обществахъ 18 мая 1873 г.).

Эти законодательныя мѣры и область, къ которой онѣ относятся, вызвали уже значительную по своимъ размѣрамъ литературу, но едва ли найдется посреди ея сочиненіе лучше книги г. Зихерера. Она заключаетъ въ себѣ всѣ нужныя юристу свѣдѣнія объ этомъ видѣ правовыхъ отношеній, столь любопытномъ и полномъ будущности, объ ихъ возникновеніи, развитіи, соціальномъ значеніи, и сочиненіе это не въ одной Баваріи будетъ прочитано съ интересомъ и пользою.

Politique des lois civiles ou science des législations comparées, par le Baron Frédéric de Portal. Tome I. Paris, Durand et Pedone-Lauriel, 1873. (Политика гражданскихъ законовъ или наука сравнительнаго законодательства, барона Ф. де-Порталя).

(Изъ „Revue de droit international", № 1, 1874 г.).

Хотя по первому тому трудно судить о цѣломъ большомъ сочиненіи, предпринятомъ г. Порталемъ, онъ тѣмъ не менѣе даетъ понятіе о начитанности и обширномъ умѣ автора. Послушаемъ сперва его самого:

«Соціальная и политическая организація каждаго народа», говоритъ онъ на 1 страницѣ, «коренится въ его гражданскомъ устройствѣ; государство и семейство такъ близко соприкасаются другъ съ другомъ, что знакомство съ одною изъ этихъ формъ жизни непремѣнно ведетъ къ ознакомленію съ другою. Наука еще не достигала пока такой точки зрѣнія, но такова цѣль, которую я преслѣдую, хотя ее и нельзя достичь усиліями одного человѣка. Гражданскіе законы служили мнѣ точкою отправленія; изучивъ всѣ законодательства, я сопоставилъ однородные законы, и послѣ долголѣтнихъ научныхъ занятій, пришелъ къ глубокому убѣжденію, что тождественность гражданскихъ законовъ у разныхъ народовъ указываетъ на тождественность ихъ всего соціальнаго и политическаго положенія. Установивъ этотъ принципъ, я перешелъ къ изслѣдованію, какимъ образомъ политическіе законы вліяютъ на гражданскіе, и какъ, въ свою очередь, гражданскіе законы и обычаи порождаютъ новыя соціальныя формы. Высшіе законы этого взаимнодѣйствія, этой солидарности, руководили всѣми нашими изслѣдованіями. Въ основаніи нашего труда положенъ анализъ; научный методъ, сопоставленіе фактовъ, привелъ насъ къ синтезису и позволилъ намъ, мы надѣемся, положить начало рѣшенію одного изъ высшихъ соціальныхъ вопросовъ, — о законѣ, управляющемъ *гражданскими законами*».

Монтескьё, съ своемъ сочиненіи «*Духъ законовъ*» (Esprit des lois), избиралъ, по большей части, точкою отправленія политическіе законы. Г. де-Порталь, какъ кажется, поставилъ себѣ задачею осуществить мысль Монтескьё въ обратномъ смыслѣ. Задача эта трудная, но въ высшей степени полезная и интересная. Съ первыхъ приступовъ видно, что авторъ подготовился къ ней долгимъ и серьезнымъ изученіемъ своего предмета. Онъ умѣетъ пользоваться яркимъ свѣтомъ, брошеннымъ новѣйшею наукою на первые зародыши права у различныхъ народовъ, и къ тому-же онъ обладаетъ рѣдкимъ талантомъ приводить въ ясную и живую связь результаты своихъ трудовъ.

Первый томъ начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ полагаетъ свою систему воззрѣнія на философію права и соціальныхъ отношеній. Онъ положительно спиритуалистъ, утверждающій, «что корень права въ Богѣ, въ человѣческой душѣ, безъ которой не существовало бы понятія о справедливомъ и несправедливомъ».

Тѣмъ не менѣе, кажется, что онъ примѣшиваетъ къ праву вопросы, чуждые этой области, какъ напримѣръ, когда онъ старается доказать, посредствомъ *права*, единство человѣческой расы. Право существуетъ между людьми не въ силу ихъ тѣлеснаго родства, но въ силу того, что они люди. Если-бы Богу угодно было населить другую планету за-

разъ милліардомъ существъ, одаренныхъ душевными способностями и равными другъ другу, то отношенія между ними не измѣнились бы отъ того, что они не произошли отъ одной пары во мракѣ древности.

Система соціальной философіи г. де-Порталя основывается на воззрѣніи, уже не разъ высказанномъ древними, что исторія человѣческихъ обществъ, на подобіе жизни лица, раздѣляется на три фазы: на дѣтство, зрѣлый возрастъ и старость. Каждой изъ этихъ фазъ соотвѣтствуетъ извѣстное соціальное и политическое положенія, или лучше сказать цѣлый рядъ соціальныхъ и политическихъ положеній. Дикое состояніе, представляющее, по словамъ автора, послѣднюю ступень упадка, является однако у него скорѣе концомъ, нежели началомъ эволюціи, совершаемой человѣчествомъ, и поэтому, ничего нѣтъ невозможнаго въ предположеніи, что наши потомки со временемъ вернутся или достигнутъ людоѣдства. Надо надѣяться, что какая либо случайность помѣшаетъ имъ довершить этотъ циклъ. Авторъ, не безъ основанія, возмущается при происхожденія человѣка отъ обезьяны, но развѣ перспектива каннибаловъ въ своемъ потомствѣ болѣе утѣшительна?

Поспѣшимъ присовокупить, что авторъ не отрицаетъ прогресса для всего человѣчества, хотя онъ и не утверждаетъ его существованія. «Я историкъ», говоритъ онъ, «а не пророкъ».

Г. де-Порталь раздѣляетъ гражданскіе законы на три отдѣла: 1) о семействѣ, 2) имуществѣ и 3) наслѣдствѣ. Первая книга будетъ посвящена первому отдѣлу. До сихъ поръ вышла въ свѣтъ только часть ея, занимающаяся «устройствомъ семейства» и «родственными связями». Развивая свой предметъ, авторъ послѣдовательно примѣняетъ къ нему вышеозначенный кругъ эволюціи и разсматриваетъ въ каждой ихъ фазѣ, съ исторіею въ рукахъ, соціальное и политическое вліяніе гражданскихъ законовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Онъ, между прочимъ, приходитъ къ выводу, что въ древности женщина была центромъ семейства и что утробное родство было преобладающимъ. Его разсужденія о дурныхъ результатахъ браковъ въ близкой степени родства очень вѣрны и мѣтки, и вся эта часть книги чрезвычайно интересна.

Повторимъ еще разъ: на сколько можно судить по первому тому, мы имѣемъ дѣло съ авторомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ. Нѣмцы сказали бы, что онъ обладаетъ весьма рѣдкимъ у французовъ качествомъ — объективностью. Это равняется тому, что онъ умѣетъ стать внѣ, или скорѣе выше своего времени и своей національности.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1874 г.

Уставъ о воинской повинности. Прочія постановленія по военной части. — Международныя конвенціи. — Высшія государственныя учрежденія. — Государственная служба. — Сословныя права. — Управленіе: общая организація. — Финансы, бюджетъ на 1874 г., гербовый уставъ. — Государственныя имущества. — Государственное хозяйство; желѣзныя дороги; акціонерныя компаніи. — Благотворительность и призрѣніе. — Полиція. — Судебная часть; новыя правила о повѣренныхъ. — Народное образованіе; начальныя училища.

Періодъ времени, подлежащій нашему обозрѣнію, находится на достаточномъ отъ насъ разстояніи, чтобы можно было взглянуть на него спокойно, какъ на прошедшее, внѣ всякихъ впечатлѣній текущаго дня, отъ которыхъ быть вполнѣ независимымъ, пока еще этотъ день не кончился, очень трудно; между тѣмъ этотъ періодъ такъ еще близокъ къ намъ, что онъ носитъ на себѣ весь характеръ той современности, посреди которой мы живемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пространство времени, которое долженъ обнять нашъ очеркъ, достаточно велико, чтобы во всей совокупности фактовъ, совершившихся въ немъ, могли отразиться характеристическія черты современной государственной дѣятельности Россіи. Всѣ эти условія предстоящаго намъ труда соотвѣтствуютъ задачѣ нашего изданія. Нижеслѣдующій перечень законодательства и административныхъ распоряженій, за первое полугодіе 1874 г., долженъ главнѣйше быть точнымъ и полнымъ изложеніемъ фактическихъ данныхъ, и сверхъ того, указать на ихъ наиболѣе вѣроятные, положительные результаты въ общемъ движеніи государственной жизни нашего отечества.

Первый день нынѣшняго года былъ ознаменованъ изданіемъ новаго *устава о воинской повинности*. Эта мѣра сверхъ своей спеціальной цѣли, которой она должна прежде всего служить, — усиленія военной обороны государства,—имѣетъ общее государственное значеніе, ставящее ее въ рядъ тѣхъ историческихъ преобразованій нынѣшняго царствованія, которыя кореннымъ образомъ измѣняютъ старый государственный и общественный строй Россіи. Это значеніе новаго устава о воинской повинности указано въ самыхъ первыхъ словахъ Высочайшаго манифеста 1 января 1874 г., при которомъ онъ опубликованъ. «Въ постоянной заботливости о благѣ

нашей Имперіи и дарованіи ей *лучшихъ учрежденій*, Мы не могли не обратить вниманія на существовавшій до сего времени порядокъ отправленія воинской повинности». Дѣйствительно по своему многостороннему вліянію на всѣ государственныя условія народнаго быта, это законоположеніе получаетъ характеръ новаго государственнаго учрежденія, которое должно быть поставлено впереди обозрѣнія правительственныхъ дѣйствій по всѣмъ отдѣльнымъ отраслямъ управленія.

Мы полагаемъ, что самое содержаніе устава о воинской повинности слишкомъ всѣмъ извѣстно, чтобы нужно было его здѣсь излагать, и потому мы прямо переходимъ къ обозначенію важнѣйшихъ послѣдствій, ожидаемыхъ отъ него въ нашемъ государственномъ бытѣ.

Сперва должно упомянуть о вліяніи новаго порядка воинской повинности на организацію нашихъ боевыхъ силъ; оно, какъ полагаютъ, будетъ двоякое.

Во-первыхъ, распространеніе воинской повинности на всѣ образованные слои общества, которые почти исключительно состоятъ у насъ изъ сословій (такъ называемыхъ неподатныхъ), неотправлявшихъ доселѣ воинской повинности, должно *увеличить доброкачественность* нашихъ военныхъ силъ, поднявъ въ массахъ арміи и флота общій уровень интеллигенціи. При этомъ нельзя не вспомнить словъ Высочайшаго манифеста 1 января 1874 г.: «сила государствъ не въ одной численности войска, но *преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ*». Въ этомъ отношеніи будутъ полезны образованные молодые люди, какъ поступающіе на службу по жребію, такъ и отчасти вольноопредѣляющіеся, хотя срокъ службы тѣхъ изъ послѣднихъ, которые окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сокращенъ до послѣдней крайности (до 3 мѣсяцевъ). Можно однако думать, что это послѣднее *чрезвычайное*, не существующее въ другихъ европейскихъ странахъ, сокращеніе срока отправленія воинской повинности, и едва ли могущее оставаться навсегда въ Россіи, было вызвано необходимостью уступки другому, не менѣе существенному государственному интересу, не чуждому и улучшенію самой военной организаціи, — интересу неослабленія элемента интеллигенціи на всѣхъ другихъ поприщахъ государственной жизни. Всѣ они не менѣе въ ней нуждаются и едва ли болѣе, чѣмъ войско, ею преизобилуютъ.

Во-вторыхъ, новый уставъ, подчиненіемъ всѣхъ безъ изъятія сословій русскихъ подданныхъ воинской повинности, и новымъ по-

рядкомъ ея отправленія, долженъ *увеличить* самое *количество* нашихъ военныхъ силъ. Къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ положеніи нашей административной статистики и отсутствіи всякихъ точныхъ данныхъ о количествѣ и движеніи народонаселенія Россіи, [1]) всякое вычисленіе по этому предмету сопряжено съ вѣроятностями весьма значительныхъ ошибокъ. Но остановиться на какихъ нибудь, хотя приблизительныхъ и примѣрныхъ цифрахъ, необходимо. Прежніе наборы, падавшіе исключительно на податныя сословія (до 28 милл. чел.), доставляли, при 4 до 10 рекрутъ съ 1000 душъ, ежегодный контингентъ отъ 100 тыс. до 250 тыс.; теперь же этотъ контингентъ можетъ, въ крайнемъ случаѣ, простираться до 800 тысячъ человѣкъ (полагая до 1%, съ 80 милліоновъ всего народонаселенія, число лицъ, достигающихъ 20-лѣтняго возраста). Если даже считать въ этой цифрѣ 50% неспособныхъ (предположеніе мало вѣроятное), то ежегодный контингентъ воиновъ долженъ дойти до 400 тысячъ человѣкъ. Разница для размѣровъ арміи съ прежнимъ порядкомъ ощутительная. Если принять въ расчетъ весь упомянутый контингентъ, то получается наличная численность войска до 2,400,000 человѣкъ (помножая 400 тысячъ на 6 лѣтъ службы) или по крайней мѣрѣ до 2 милліоновъ (за вычетомъ вѣроятной убыли) [2]). Такой дѣйствующей арміи и не можетъ, по своимъ финансовымъ средствамъ, и не имѣетъ никакой надобности, содержать никакое европейское государство, въ мирное время; но сдѣланное вычисленіе только указываетъ, до какихъ размѣровъ, въ случаѣ надобности, боевая сила можетъ быть доведена въ Россіи, при новомъ порядкѣ воинской повинности. При обыкновенныхъ условіяхъ признается достаточнымъ ежегодный контингентъ въ 150 т., которыя дадутъ наличную армію въ 900 т., а за возможною убылью въ 800 тыс. Эти цифры приблизительно равны нынѣшней численности нашей арміи и доселѣ бывшимъ нормальнымъ контингентамъ, по наборамъ при 6 рекрутахъ съ тысячи. Разница только та, что одно и то же количество новобранцевъ распредѣ-

---

[1]) См. въ этомъ томѣ Сборника статью *Ю. Э Янсона*: «Устройство правильной переписи населенія въ Россіи», стр. 145.

[2]) Все это вычисленіе только примѣрное. До сихъ поръ опубликовано очень мало результатовъ нынѣшняго призыва новобранцевъ и тѣ, которые опубликованы, очень разнородны. Будемъ ожидать въ близкомъ будущемъ болѣе полныхъ свѣдѣній объ этихъ результатахъ, и по всей вѣроятности, уже ко II тому Сборника ими могутъ быть провѣрены цифры выше сдѣланнаго почти гипотетическаго нашего вычисленія. Другаго-же вычисленія, по всѣмъ наведеннымъ, у компетентныхъ лицъ, справкамъ, мы сдѣлать не могли.

лится на большее количество народонаселенія [1]) и сроки службы нѣсколько сокращены (хотя фактически, вслѣдствіе увольненій до срока, они едва ли были въ послѣдніе годы много продолжительнѣе). Такой размѣръ (150 т.) ежегоднаго контингента весьма благоразуменъ, ибо безъ сокращенія 6-лѣтняго срока службы, увеличеніе контингента было бы не только не нужно, но и слишкомъ отяготительно для народнаго хозяйства. Этотъ срокъ едва ли все-таки не самый продолжительный въ Европѣ, т. е., тамъ, гдѣ дѣйствуетъ всеобщая воинская повинность (безъ выкупа). Съ успѣхами образованія (съ возвышеніемъ умственнаго уровня массы новобранцевъ), съ усовершенствованіемъ способовъ обученія войскъ (при большей опытности инструкторовъ) и съ улучшеніемъ всѣхъ условій нашего экономическаго быта вообще и военнаго въ особенности (преимущественно съ устройствомъ казарменныхъ помѣщеній), должно надѣяться на дальнѣйшее сокращеніе сроковъ, въ высшей степени желательное. Тогда и контингенты могутъ быть гораздо значительнѣе и можетъ вступить въ полное дѣйствіе система такъ называемаго пропущенія всего народа черезъ ряды арміи, если только еще будутъ тогда признавать эту систему полезною, какъ она признается нынѣ въ Европѣ.

Затѣмъ новый порядокъ снабжаетъ резервомъ, котораго прежде почти не существовало (или едва доставало на мобилизацію арміи); этотъ резервъ при полномъ контингентѣ (400 т. × 9 л.) могъ бы простираться до $3^1/_2$, и за убылью до 3 милліоновъ человѣкъ, но при нормальномъ контингентѣ (150 т. × 9 л.), составитъ до 1 мил. (съ вычетомъ убыли).

Такимъ образомъ, дѣйствующая армія совокупно съ резервомъ можетъ составить, въ случаѣ необходимости, громадную цифру военной обороны Россіи въ 5 мил. человѣкъ. Сверхъ всего этого ожидается устройство *ополченія*, которое, передъ угрожающею отечеству опасностью, дастъ возможность вооружиться всему русскому народу, способному носить оружіе. Устройство ополченія, послѣ брюссельской конференціи, предположившей обращеніе со всякою

---

[1]) Какъ распредѣлится этотъ контингентъ на общую массу народонаселенія— судить трудно, по недостатку у насъ свѣдѣній о количествѣ народонаселенія и его составѣ. По газетнымъ извѣстіямъ, нынѣ производящійся наборъ въ юго-западномъ краѣ уже доказалъ, что вслѣдствіе новаго порядка отправленія воинской повинности, податныя сословія получаютъ отъ 20% до 30% облегченія сравнительно съ количествомъ рекрутъ, которые ставились при прежнемъ порядкѣ. Эти извѣстія требуютъ однако провѣрки. Въ Петербургѣ и Москвѣ оказались совсѣмъ другіе результаты.

неорганизованною массою людей, возстающею противъ непріятеля, какъ съ разбойничьею шайкою [1]), — является необходимостью для каждаго европейскаго государства. Съ такою колоссальною военною силою, если только она будетъ организована знающею и патріотическою рукою, Россія можетъ, конечно, смѣло встрѣтить всякія политическія и историческія превратности, хотя бы даже враждебную ей коалицію всей остальной Европы.

Не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ военная, важна общегосударственная сторона военной реформы. Она уничтожаетъ одну изъ существенныхъ несправедливостей въ нашемъ доселѣ бывшемъ государственномъ строѣ, призывая всѣхъ безъ изъятія русскихъ подданныхъ, безъ различія сословій, къ исполненію одной изъ самыхъ первостепенныхъ и самыхъ тяжкихъ повинностей въ пользу государства. «Значительная часть русскихъ подданныхъ, сказано въ Высочайшемъ манифестѣ, изъята была отъ обязанности, которая должна быть для всѣхъ одинакова священна. Такой порядокъ, сложившійся при иныхъ обстоятельствахъ, не согласуясь съ измѣнившимися условіями государственнаго быта, и проч.» Это новый значительный шагъ на томъ пути, по которому, сначала нынѣшняго царствованія, пошло русское государство къ своему обновленію, вослѣдъ за всѣми европейскими образованными народами; это новый актъ въ водвореніи у насъ государственно-гражданскаго равенства, сдѣлавшагося всюду краеугольнымъ камнемъ всего новѣйшаго государственнаго строя общества, и къ разрушенію сословнаго государства,—историческаго продукта среднихъ вѣковъ. Въ этомъ заключается историческая государственная необходимость, съ которою волею-неволею должны примириться всѣ общественные интересы, выросшіе на почвѣ стараго порядка; но какъ бы ни были суровы требованія новаго государства, въ особенности въ переходныя эпохи его возрожденія изъ стараго, только съ исполненіемъ этихъ требованій относительно обязанностей передъ новымъ государственнымъ строемъ связана и возможность *льготъ*, ему присущихъ — возможность всѣхъ дальнѣйшихъ политическихъ успѣховъ, къ которымъ Россія также не можетъ не пріобщиться во слѣдъ З. Европы. Этого въ особенности не должны позабывать представители нашихъ привиллегированныхъ сословій, утрачивающіе одна за другою свои исключительныя права. Всѣ эти права въ новой политической

---

[1]) См., въ этомъ томѣ Сборника, статью *Ѳ. Ѳ. Мартенса:* «Брюссельская международная конференція».

жизни, зачавшейся въ континентальной Европѣ, съ конца прошедшаго столѣтія, не имѣютъ болѣе никакой цѣнности, и они только исключаютъ собою тѣ новыя права, которыя зародились въ этой жизни и которыя только и могутъ быть нужны образованнымъ классамъ, чтобъ пользоваться ея благами. Сословное государство, т. е., сословная государственная организація общества имѣла, въ свое время, свой историческій смыслъ и заключала въ себѣ, въ періодѣ своей цѣльности и гармоніи, свою государственную справедливость; съ своимъ распаденіемъ, подъ могущественнымъ вліяніемъ новаго общественнаго и промышленнаго быта, эта организація постепенно выдыхалась въ своемъ общемъ духѣ и дѣлалась все болѣе и болѣе чувствительнымъ зломъ. Такимъ образомъ, въ Россіи каждое сословіе несло свое тягло государству, высшее привиллегированное сословіе — обязательную военную и гражданскую службу, которую неумолимо, подъ угрозою всякой законной и незаконной кары, требовалъ еще Петръ Великій, принудительно перевозя недорослей изъ ихъ деревенскихъ захолустій въ свой *парадизъ* (Петербургъ), на царскую службу. За нее, или лучше для исправности ея отправленія, высшее сословіе пользовалось помѣстьями,— крѣпостнымъ правомъ, которое, съ отмѣною обязательной службы дворянъ, сдѣлалось, въ государственномъ отношеніи, уже ярмомъ для народа совсѣмъ инаго свойства. Затѣмъ, съ освобожденіемъ крестьянъ, пали всѣ обязанности дворянства по опекѣ надъ ними, по отвѣтственности за ихъ благосостояніе, нисколько не шуточной и въ годины разныхъ народныхъ бѣдствій, весьма дававшей себя чувствовать, по отвѣтственности за всѣ повинности крестьянъ передъ государствомъ, между прочимъ и по исправной уплатѣ ими податей. Съ другой стороны, дворянство стало все болѣе и болѣе удаляться отъ государственной службы, которая, еще очень долго послѣ прекращенія ея законной обязательности, сохраняла для него свою нравственную обязательную силу; эта сила даже фактически была часто тождественна съ принужденіемъ: еще въ прошедшее царствованіе жизнь въ отставкѣ считалась почти государственнымъ преступленіемъ, и исконному праву дворянства на *отъѣздъ* въ чужія земли, на которое горделиво указывалъ когда-то князь Курбскій, были противупоставлены твердыя препоны. Все это измѣнилось, и всего менѣе можно объ этомъ сожалѣть. Но государственныя привиллегіи, исторически возникшія изъ государственныхъ обязанностей, — какъ возникаетъ все здоровое въ государственной жизни,— стали, съ упраздненіемъ обязанностей, и сами дѣлаться праздными, — болѣе и болѣе несправедливыми. Всего

менѣе можно вывести изъ вышеписанныхъ строкъ какой либо малѣйшій упрекъ дворянству за устраненіе себя отъ государственной службы: она также складывается нынѣ въ новую форму самоуправленія, съ перерожденіемъ государственнаго управленія изъ бюрократическаго, дружно шедшаго рука объ руку съ сословною организаціей, въ земское. На почвѣ самоуправленія опять должны возродиться изъ новаго тягла новыя льготы.

Впрочемъ, опредѣляя общій государственно-историческій смыслъ новаго законоположенія и тѣмъ лишь исполняя и нашъ государственный долгъ, мы готовы признать сказанное совсѣмъ излишнимъ для вразумленія привиллегированныхъ сословій, которыя, въ своемъ общемъ составѣ, изумительнымъ образомъ, всегда стоятъ у насъ впереди всякой отмѣны своихъ преимуществъ, на пользу общую. Со всѣхъ сторонъ, изъ самой привиллегированной среды, неслись къ Престолу, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и Высочайшій манифестъ, заявленія относительно необходимости введенія всеобщей обязательной воинской повинности. Въ этомъ разительная историческая черта нашего дворянства и съ нимъ черта всего нашего народа, изъ котораго оно исходитъ, изъ котораго безпрерывно пополняется и отъ котораго, къ счастію нашему, не отдѣлено никакою кровною перегородкою. Служба государству, тягота на его пользу въ томъ или другомъ видѣ — его единственный органическій базисъ; сознаніе этого базиса проявляется во всѣхъ серьозныхъ случаяхъ государственной жизни. Въ этомъ складѣ всего русскаго общества и его высшихъ образованныхъ классовъ, ненаходящихся ни въ какомъ съ другими классами антагонизмѣ, который развѣ только искусственно можетъ у насъ быть напущенъ,— состоитъ самая прочная охрана противъ всякихъ соціальныхъ раздраженій, всякихъ политическихъ пертурбацій, страшныхъ только посреди иной исторической обстановки. У насъ поэтому и не могутъ возникнуть тѣ печальныя соціальныя явленія западной Европы, которыя образовались тамъ подъ гнетомъ землевладѣльческихъ сословій и изложены въ одной изъ статей настоящаго изданія [1]). Еще болѣе характеристическимъ фактомъ въ томъ-же направленіи было энергическое движеніе всѣхъ земскихъ собраній въ пользу отмѣны податной привиллегіи, при обсужденіи, по предложенію правительства, проекта преобразованія подушной подати; податная привиллегія, послѣ

[1]) См. статью кн. *А. И. Васильчикова:* «Эмиграція».

рекрутской, послѣдній остатокъ сословной государственной организаціи. Въ экономическомъ отношеніи это самое выгодное преимущество привиллегированныхъ, такъ называемыхъ, неподатныхъ сословій, и однако-же самые дѣятельные отъ дворянства члены земства стали тотчасъ впереди вопроса объ одинаковомъ податномъ обложеніи всѣхъ классовъ, и даже въ самой прогрессивной и наиболѣе чувствительной для крупныхъ имуществъ формѣ этого вопроса — подоходной подати. Съ этимъ земства обращались къ правительству съ ходатайствами, забѣгая впередъ его желаній (такъ какъ въ правительственномъ проектѣ не предполагалось превращеніе подушной подати во всесословные налоги), и какъ бы предусматривая финансовую настоятельность этой реформы для самаго государственнаго казначейства, которое неминуемо должно, рано или поздно, приступить къ ней для исправленія пороковъ нашей финансовой системы. Это фактъ, со всѣмъ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ, едва ли не безпримѣрный въ исторіи! Въ томъ внутреннемъ здоровомъ настроеніи нашего общества, о которомъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, и въ тѣхъ наиболѣе просвѣщенныхъ стихіяхъ нашего высшаго сословія, которыя сознательно выражаютъ собою это національное настроеніе, — заключается, конечно, наиболѣе незыблемая опора для Престола, ставшаго, въ нынѣшнее царствованіе, согласно съ лучшими преданіями Россіи, во главѣ ея политическихъ успѣховъ.

Нельзя не привести при этомъ словъ, сказанныхъ въ Высочайшемъ манифестѣ, послѣ упоминовенія о сочувственныхъ къ новой военной повинности заявленіяхъ привиллегированныхъ сословій: «Мы приняли эти заявленія съ отраднымъ чувствомъ гордости и благоговѣйною признательностью къ Провидѣнію, вручившему намъ скипетръ надъ народомъ, въ которомъ любовь къ отечеству и самоотверженіе составляютъ завѣтное, изъ рода въ родъ переходящее достояніе всѣхъ сословій.»

Здѣсь нужно замѣтить, что разомъ съ распространеніемъ воинской повинности на привиллегированныя сословія, у насъ было введено другое еще начало, которое въ другихъ европейскихъ странахъ водворилось гораздо позже, — безусловная отмѣна *выкупа*. Въ этомъ отношеніи, Россія должна была подчиниться тому-же историческому закону, который дѣйствовалъ и во всѣхъ другихъ ея государственныхъ реформахъ: далеко отставъ отъ остальной образованной Европы, она вынуждена нагонять ее большею быстротою, а потому и крутостью своихъ преобразованій. Въ дѣлѣ подобной

настоятельности, какъ военная организація, это неизбѣжно. При этомъ не должно опускать изъ виду и другую соціальную сторону упомянутаго вопроса: съ упраздненіемъ государственныхъ сословныхъ привиллегій и связаннаго съ ними высшаго сословнаго класса, тѣмъ скорѣе возникаютъ соціальное (экономическое) неравенство и денежная аристократія, которая развивается во всѣхъ слояхъ общества, отъ крестьянства до городскихъ патриціевъ, и отягощаетъ неимущіе классы никакъ не хуже средневѣковыхъ кастъ. Упраздненіе выкупа воинской повинности, хотя и особенно чувствительное нынѣ въ кругу достаточныхъ нашихъ людей, отсѣкаетъ одно изъ общественныхъ раздраженій, которое безъ этого неминуемо привязалось бы къ отправленію воинской повинности, посреди возрастающаго у насъ повсемѣстно, и во всѣхъ классахъ народа, промышленнаго духа, а съ нимъ и рѣзкаго неравенства состояній.

Наконецъ нужно отмѣтить еще одну особенную сторону новой системы воинской повинности, хотя и не прямо заключавшуюся въ ея задачѣ, но тѣмъ не менѣе могущую получить значеніе въ исторіи нашей культуры. Чрезвычайно крупными и разнообразными льготами, дарованными образованію, по разнымъ его степенямъ, ему несомнѣнно дается сильный толчекъ. Какъ количество лицъ, получающихъ у насъ образованіе, такъ и количество учебныхъ заведеній должны быстро возрасти. Эти льготы, связанныя съ воспитаніемъ, были у насъ, конечно, государственною необходимостью; онѣ столько же были необходимы, чтобы усилить «нравственныя и умственныя качества» въ войскѣ, сколько и необходимы, чтобы не задержать новымъ порядкомъ отправленія воинской повинности общаго хода народнаго образованія и не уменьшить слишкомъ скудые запасы научныхъ элементовъ на всѣхъ другихъ поприщахъ. Прямой цѣли поощренія къ народному образованію всѣ эти льготы имѣть однако не могутъ, или лучше не должны, хотя бы оно косвенно изъ нихъ и истекало; ибо, *во-первыхъ*, никакая разумная государственная мѣра не можетъ выходить за предѣлы своей прямой задачи, и въ настоящемъ случаѣ столь важной, какъ увеличеніе оборонительныхъ силъ страны, соотвѣтственно количеству ихъ у другихъ великихъ державъ Европы, и *во-вторыхъ*, — что еще болѣе серьозно, — народное образованіе не можетъ быть ускорено никакими искусственными способами, помимо наличныхъ, для него предназначенныхъ умственныхъ и вещественныхъ капиталовъ въ странѣ. Бережливое и искусное пользо-

ваніе этими капиталами, — это все, что̀ можно требовать отъ правительства. Отъ воли его не можетъ зависѣть размноженіе учебныхъ заведеній, сверхъ количества существующихъ въ странѣ, въ данную эпоху, педагогическихъ силъ; если бы оно на это вознамѣрилось, то единственнымъ послѣдствіемъ было бы пониженіе уровня воспитанія въ старыхъ заведеніяхъ. Только одно здѣсь зависящее отъ воли правительства средство — это увеличеніе денежныхъ средствъ на подготовленіе преподавателей и усиленіе ихъ содержанія, долженствующее парализовать ежедневно возрастающее отвлеченіе силъ отъ педагогической дѣятельности къ другимъ, болѣе выгоднымъ профессіямъ. Но и все это можетъ производительно отозваться только въ неблизкомъ будущемъ, и затѣмъ обусловлено сокращеніемъ спроса на средства государственнаго бюджета по другимъ его отраслямъ. Всѣ онѣ однако нисколько къ такому сокращенію не расположены, и въ особенности военная администрація, главнѣйше непозволяющая, при своихъ безпрерывно развивающихся требованіяхъ на бюджетъ, расширять другія его части. Въ настоящей книгѣ указанъ одинъ изъ заслуживающихъ вниманія способовъ для усиленія денежныхъ средствъ къ народному образованію [1]) и ктому же на той его ступени (начальное образованіе), которая наиболѣе поддается мѣрамъ поощренія и наиболѣе нуждается въ денежныхъ средствахъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что разъединеніе силъ на педагогическомъ поприщѣ, даже антагонизмъ на немъ разныхъ вѣдомствъ, не мало содѣйствуютъ къ ослабленію у насъ даже того небольшаго количества денежныхъ средствъ, какія нынѣ употребляются на народное образованіе. Затѣмъ, и въ самомъ обществѣ, никакое влеченіе къ образованію, единственно ради пріобрѣтенія какихъ бы то ни было привиллегій, и въ томъ числѣ ради избѣжанія тяжестей воинской повинности, не можетъ усилить успѣхи просвѣщенія, требующіе для себя совсѣмъ иныхъ условій. Нужно-же наконецъ примириться съ мыслію, что ходъ народнаго образованія въ своихъ конечныхъ результатахъ, не можетъ быть по произволу ускоряемъ никакими искусственными мѣрами, а скорѣе напротивъ, что онъ не терпитъ скачковъ, и что во власти людей только устраненіе препятствій къ его естественному, органическому росту. Иначе намъ придется претерпѣть много разочарованій, которыхъ наше общество кажется уже достаточно

---

[1]) См. статью профес. *Г. Д. Сидоренки:* «Замѣтка о сокращенныхъ срокахъ воинской повинности», стр. 167.

испытало, — вслѣдствіе своихъ преувеличенныхъ надеждъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, — чтобы не рѣшаться на новыя разочарованія. Одна изъ характеристическихъ чертъ нашей публичной жизни, слишкомъ для всѣхъ замѣтная, — это постоянное увлеченіе всякимъ новымъ дѣломъ, которое чѣмъ болѣе вступаетъ потомъ въ дѣйствительность, тѣмъ болѣе вызываетъ противуположную реакцію въ мысляхъ общества; сперва возбуждаетъ всеобщее негодованіе всякій голосъ, сколько нибудь непристающій къ однозвучному ликующему хору, а впослѣдствіи также точно заподозрѣвается въ гражданской честности всякій, неприсоединяющійся къ однозвучному протестующему хору. Исправить отъ этого порока можетъ только слишкомъ намъ чуждая привычка трезваго изученія всѣхъ сторонъ всякой новизны въ государственномъ бытѣ.

Таковы, кажется, всѣ главныя общія начала, вновь внесенныя въ нашу жизнь воинскимъ уставомъ 1 января 1874 г., и важнѣйшія общія послѣдствія, которыми они отчасти должны, отчасти могутъ сопровождаться, на сколько эти послѣдствія доступны теперь для нашего разумѣнія. Не входя въ подробности новаго законоположенія, для надлежащей оцѣнки которыхъ и въ военномъ, и въ общегосударственномъ отношеніи нуженъ практическій опытъ, — единственный вѣрный способъ оцѣнки частностей всякаго закона, — упомянемъ еще о нѣкоторыхъ, хотя и о второстепенныхъ, но не маловажныхъ общихъ государственныхъ свойствахъ этого законодательнаго акта.

Дѣйствіе военной реформы на всѣ стороны нашего государственнаго устройства и управленія такъ обширно, что она повлекла за собою нѣкоторыя перемѣны въ организаціи даже высшихъ государственныхъ учрежденій. Подобно крестьянскому дѣлу, въ Государственномъ Совѣтѣ учреждено на правахъ Департамента Общее Присутствіе для законодательной части воинской повинности. Это учрежденіе можетъ быть причислено къ успѣхамъ нашей государственной жизни въ томъ отношеніи, что дальнѣйшее развитіе законодательства по воинской повинности, во всей своей совокупности, сосредоточено въ высшемъ законодательномъ учрежденіи государства и изъято изъ исключительнаго вѣдѣнія военнаго министерства и его спеціяльнаго законодательнаго органа (Военнаго Совѣта), до сихъ поръ разрабатывающаго законодательную область по военной части совсѣмъ отдѣльно отъ общаго законодательства и отъ общаго законодательнаго учрежденія, которое еще не такъ давно имѣло въ своемъ составѣ, нарочно для этой цѣли, Департаментъ Военныхъ Дѣлъ,

Затѣмъ учреждены и новые исполнительные или административные органы по воинской повинности. Сообразно съ общимъ направленіемъ, принятымъ у насъ въ послѣднее время, въ составъ этихъ новыхъ органовъ вошли элементы самоуправленія. Членами губернскаго или областнаго по воинской повинности присутствія назначены: губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы и одинъ изъ ея членовъ по собственному ея выбору; членами уѣзднаго или окружнаго присутствія — членъ уѣздной земской управы, и членъ городской управы, по ихъ выбору, и оно состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Тамъ, гдѣ учреждены особыя городскія присутствія, они состоятъ подъ предсѣдательствомъ городскихъ головъ, и въ нихъ назначаются по два члена городскаго общественнаго управленія, по его выбору. Сверхъ того, участіе самоуправленія въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ проявляется и въ назначеніи дополнительныхъ на ихъ содержаніе денежныхъ расходовъ *по усмотрѣнію* губернскихъ земскихъ собраній, на земскій счетъ. Далѣе, по многимъ другимъ частямъ воинскаго устава, земства привлекаются къ участію въ распорядительной дѣятельности: по распредѣленію уѣздовъ на участки и опредѣленію призывныхъ пунктовъ, по призрѣнію семействъ ратниковъ, поступившихъ на службу, и т. д. Во всемъ этомъ сказалась крайняя необходимость, ощущаемая нынѣ и всѣми западными европейскими правительствами, прибѣгать въ администраціи къ помощи органовъ самоуправленія: въ нынѣшнихъ условіяхъ государственной жизни, бюрократическая организація не можетъ исполнить сама собою всѣхъ возлагаемыхъ на нее требованій; у насъ это явленіе тѣмъ любопытнѣе, что оно постоянно развивается, не взирая на всеобщія жалобы на недостатки земскихъ учрежденій и ихъ дѣйствій. Нельзя не радоваться, что исполнительныя учрежденія по воинскому уставу не имѣютъ въ самомъ своемъ личномъ составѣ чисто бюрократической организаціи; личная самостоятельность нѣкоторыхъ ихъ членовъ и предсѣдателей (въ уѣздахъ и большихъ городахъ) будетъ не мало обезпечивать правильность ихъ дѣйствій. Сверхъ того, въ видахъ общаго усовершенствованія нашей мѣстной администраціи, полезны учрежденія, соединяющія въ себѣ представителей столь разнообразныхъ нынѣшнихъ административныхъ органовъ, — бюрократическихъ, земскихъ и городскихъ, — хотя механическое ихъ объединеніе еще далеко не можетъ замѣнить органическое, въ которомъ чувствуется, и ежедневно будетъ живѣе чувствоваться, на-

стоятельная необходимость. Надо однако надѣяться, что всѣ эти учрежденія новаго типа, которыя появляются нынѣ какъ бы на рубежахъ разныхъ порядковъ власти, устроившихся въ мѣстномъ управленіи *одинъ подлѣ другого*, и къ числу которыхъ должно отнести и новыя уѣздныя и губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, будутъ только первымъ шагомъ къ органическому сплоченію всѣхъ этихъ порядковъ въ одну систему власти. Пока элементы бюрократическіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ находятся въ борьбѣ, или лучше въ какой-то искусственной конкуренціи, съ элементами самоуправленія, — пока эти послѣдніе не получили подобающаго имъ мѣста и устройства, и пока сознаніе истинныхъ началъ самоуправленія и ихъ благодѣтельной силы еще не проникло достаточно въ умы нашихъ правительственныхъ и общественныхъ сферъ, — такіе смѣшанные административные органы, какъ временные компромиссы, представляются единственнымъ выходомъ изъ нынѣшняго многовластія мѣстнаго управленія.

И самому характеру власти новыхъ воинскихъ учрежденій данъ нѣкоторый оттѣнокъ самостоятельности, свойственной органамъ самоуправленія; однако полной такой самостоятельности, — права окончательнаго, *на основаніи закона*, вершенія дѣлъ въ кругу своей компетенціи — имъ все-таки не предоставлено. Губернскія присутствія поставлены надъ уѣздными и городскими, на подобіе высшихъ инстанцій, надзирающихъ надъ низшими, въ бюрократической системѣ властей (уставъ о воинской повинности ст. 89, п. 6, и ст. 90, п. 9); хотя въ этомъ подобіи нѣтъ совершеннаго тождества съ подчиненіемъ низшихъ властей высшимъ въ бюрократической іерархіи, однако уѣздныя и городскія присутствія все-таки должны дѣлать въ извѣстныхъ случаяхъ *представленія* губернскимъ присутствіямъ и получать отъ послѣднихъ *разрѣшенія* всѣхъ своихъ недоразумѣній. Сущность самоуправленія заключается именно въ управленіи по закону, на свой страхъ, безъ всякихъ начальническихъ указаній и разрѣшеній, подъ окончательною отвѣтственностью только передъ судомъ, общимъ или административнымъ. Это чрезвычайно упрощаетъ администрацію, удешевляетъ ее, и главнѣйше *усиливаетъ личную отвѣтственность* (а потому усиливаетъ и правильность дѣйствій) представителей мѣстной административной власти, на которыхъ въ дѣйствительности (какъ въ настоящемъ случаѣ на уѣздныхъ и городскихъ присутствіяхъ) лежитъ все дѣло; отъ ихъ энергіи зависитъ весь его успѣхъ. Эта энергія значительно ослабляется пропорціонально коли-

честву высшихъ инстанцій, надзирающихъ надъ низшими, и потому съ ними раздѣляющихъ всякую отвѣтственность; къ сожалѣнію этого воззрѣнія на административную организацію у насъ еще очень чуждаются.

Какъ бы то ни было, коллегіальное устройство, неизбѣжно связанныя съ нимъ извѣстныя формы дѣлопроизводства новыхъ воинскихъ учрежденій и независимые личные элементы, введенные въ ихъ составъ, значительно усиливаютъ самостоятельность ихъ дѣйствій, а потому и гарантіи законности ихъ распоряженій для всѣхъ прикосновенныхъ къ нимъ частныхъ интересовъ; въ особенности важно въ этомъ послѣднемъ отношеніи дарованное уставомъ право жалобы на рѣшеніе губернскаго присутствія Правительствующему Сенату (ст. 211). Но это право жалобы ограничено, къ сожалѣнію, лишь нѣкоторыми (хотя и важнѣйшими) случаями (по вопросамъ о льготахъ и объ освидѣтельствованіи способности къ военной службѣ), тогда какъ желательно видѣть возможно большее развитіе компетенціи Сената, на пути административнаго суда, котораго онъ, въ лицѣ Перваго своего Департамента, является верховнымъ у насъ представителемъ; это значеніе Сената уже заключалось въ мысляхъ самого великаго его учредителя, было снова указано правительствомъ при недавней судебной реформѣ, и появляется во многихъ законодательныхъ актахъ нынѣшняго царствованія, по разнымъ административнымъ частямъ [1]). Судя по изложенію и духу многихъ постановленій воинскаго устава, большая часть спорныхъ вопросовъ и случаевъ его примѣненія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и ихъ столкновеній съ частными интересами будутъ разрѣшаться высшими административными и единоличными властями. Кромѣ того и самый порядокъ разсмотрѣнія жалобъ въ мѣстныхъ воинскихъ инстанціяхъ еще не облеченъ въ формы двухсторонней судебной процедуры, которая служитъ весьма существенною охраною законности административныхъ распоряженій, и совершенно возможна не въ однѣхъ только судебныхъ инстанціяхъ, а также и въ административныхъ; въ особенности коллегіяльныхъ (какъ это доказали всѣ бывшія мѣстныя наши учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ). Для охраны личныхъ интересовъ, затрогиваемыхъ воинскою повинностью, такая процедура (въ особенности, если она гласная) можетъ получить особенное

---

[1]) См. въ этомъ томѣ Сборника статью *А. Д. Градовскаго*: «Законъ и административное распоряженіе по русскому праву». Также *В. И. Безобразова*, Земскія учрежденія и самоуправленіе. Москва. 1874 г.

значеніе: напримѣръ разбирательство по жалобамъ на поступленіе въ новобранцы прежде лицъ, которыя по вынутымъ имъ жеребьевымъ нумерамъ должны были бы поступить ранѣе (но почему-либо не явились, признаны неспособными, и проч.), жалобы на медицинскій осмотръ, и проч. Тутъ является нѣсколько заинтересованныхъ сторонъ; всѣ онѣ должны быть выслушаны и съ пользою могли бы взаимно оспаривать свои права.

Порядокъ и формы дѣлопроизводства въ исполнительныхъ по воинской повинности учрежденіяхъ опредѣляются, по уставу (ст. 92), инструкціями министра внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ военнымъ министромъ. Этотъ порядокъ и формы, какъ мы видѣли, имѣютъ сами по себѣ большую важность; неограниченная власть, предоставленная тутъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и военному, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ отношеніи не только къ этому спеціальному предмету, но и къ гораздо болѣе общему и болѣе важному вопросу. А именно, по многимъ другимъ частямъ усмотрѣнію министерской власти предоставлено право дополненія и разъясненія правилъ устава о воинской повинности; военному и морскому министерствамъ предоставлено не только право увольненія нижнихъ чиновъ, во все время ихъ службы, во временные отпуски, срокомъ до одного года, но даже и право увольненія ихъ въ запасъ *ранѣе сроковъ*, установленныхъ для выслуги на дѣйствительной службѣ. Можетъ ли быть сомнѣніе, что это послѣднее право очень велико; отъ того или другаго пользованія имъ зависитъ большая или меньшая тяжесть всей воинской повинности для всего народа. Продолжительность сроковъ службы вызвала, какъ извѣстно, самыя горячія пренія въ коммиссіяхъ, составлявшихъ проектъ Устава, и не только годы, но мѣсяцы, были въ средѣ ихъ предметомъ непримиримаго разногласія; вопросъ этотъ имѣетъ такую капитальную государственную важность, что даже въ Высочайшемъ манифестѣ 1 января 1874 г., указывающемъ только на самые основные пункты военной реформы, торжественно подается народу надежда на *возможность распущенія по домамъ нижнихъ чиновъ ранѣе шести лѣтъ*. Итакъ, то или другое разрѣшеніе этого вопроса, который будетъ разсматриваемъ массою нашего народа не иначе, какъ вопросъ царской милости, а нами долженъ быть разсматриваемъ какъ вопросъ высшей политики, требующій соображенія всей совокупности внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ государства и могущій зависѣть, по своему существу, только отъ усмотрѣнія верховной власти, — разрѣшеніе

даже и этого вопроса поставлено въ полное и безотчетное распоряженіе министерской власти. На такое-же точно увольненіе солдатъ ранѣе сроковъ должно быть въ Германіи испрашиваемо всякій разъ императорское повелѣніе. Казалось и у насъ было-бы необходимо, если не разсмотрѣніе каждаго такого случая въ общемъ законодательномъ порядкѣ, то по крайней мѣрѣ, мотивированное, по представленію министровъ, Высочайшее соизволеніе. Также точно, военному и морскому министерствамъ предоставлено право, собственною ихъ властью, созывать чины, состоящіе въ запасѣ, на учебные сборы, до двухъ разъ въ теченіе срока состоянія въ запасѣ, и каждый разъ на время до шести недѣль (ст. 23). Пользованіе этимъ правомъ можетъ существеннымъ образомъ измѣнить положеніе людей, находящихся въ запасѣ, потрясти и иной разъ совсѣмъ разстроить ихъ занятія и бытъ.

Мы указываемъ на всю эту особенную сторону устава о воинской повинности не только въ спеціяльномъ интересѣ военной реформы, но и ради общаго государственно-юридическаго принципа, съ нею связаннаго. Весьма широкое административное право, которое предоставлено министерской власти по дополненію, распространенію и примѣненію закона о воинской повинности и котораго примѣры мы представили выше (сюда также напр. принадлежитъ росписаніе болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ, препятствующихъ пріему на службу, ст. 43), можетъ въ дѣйствительности до того видоизмѣнить значеніе закона для частныхъ лицъ (къ лучшему или худшему, это совсѣмъ другой вопросъ), что буква закона будетъ совсѣмъ ничтожна сравнительно съ административными объ немъ постановленіями; размѣры и свойства самой главной повинности подданнаго передъ государствомъ, — повинности *священной*, — будутъ опредѣляемы этими постановленіями, а не закономъ.

Вопросъ объ отношеніяхъ административной власти къ законодательной, о точномъ ограниченіи предѣловъ первой и объ правомѣрной охранѣ противъ всякаго нарушенія этихъ предѣловъ, со стороны представителей администраціи, есть теперь самый первый вопросъ въ государственной теоріи; онъ несомнѣнно и самый важный, хотя и весьма щекотливый, практическій вопросъ въ практической государственной жизни. Ему посвящена особая статья въ нашемъ изданіи [1]) и распространяться объ немъ здѣсь было-бы

---

[1]) См. статью *А. Д. Градовскаго:* «Законъ и административное распоряженіе по русскому праву».

неумѣстно. Замѣтимъ только, что въ новѣйшее время, у насъ вошло въ обычай, при изданіи новыхъ законовъ, предоставлять высшей административной власти право издавать отъ себя постановленія «*въ ихъ развитіе*». На уставѣ о воинской повинности, въ значительной степени, отозвалась сила этаго обычая, ежедневно у насъ возрастающаго. Правда, что онъ отчасти возникъ естественно: кругъ административной дѣятельности постоянно усложняется и расширяется; у насъ доселѣ господствуетъ въ ней бюрократическая или приказная организація, требующая для себя несравненно болѣе административныхъ постановленій и инструкцій (регулятивовъ), чѣмъ самоуправленіе, и наконецъ эта масса труда превышала-бы нынѣшнія наличныя силы нашего законодательнаго органа, едва достающія ему для массы законодательныхъ проектовъ, къ нему приливающей со всѣхъ сторонъ. Иная организація Государственнаго Совѣта и законодательной власти, хотя и неминуемая съ развитіемъ государственной жизни, пока далеко не на очереди. Все это такъ. Но тѣмъ болѣе возрастаетъ необходимость, установлять, въ каждомъ новомъ законодательномъ актѣ, съ одной стороны, положительныя границы для административнаго развитія его нормъ, и съ другой стороны, гарантіи противъ нарушенія этихъ границъ. Эти гарантіи не могутъ быть иныя, какъ судебныя,— мы разумѣемъ, конечно, административно-судебныя, какова власть Правительствующаго Сената по I Департаменту. Безъ этого власть законодательная можетъ практически быть совсѣмъ поглощена во власти административной: инструкція и циркуляръ, не поставленные ни подъ чей контроль, могутъ совсѣмъ парализовать дѣйствіе закона; вмѣсто усиленія того духа законности и правомѣрности, въ нашемъ государственномъ строѣ, который, очевидно, воодушевлялъ законодателя, въ нынѣшнее царствованіе, во всѣхъ главнѣйшихъ его дѣяніяхъ, сталъ-бы усиливаться у насъ административный произволъ. Этого никто не можетъ желать, и всего менѣе сама Верховная Власть, — высшая представительница законности въ государствѣ.

Въ заключеніе объ новомъ уставѣ о воинской повинности должно упомянуть, съ благодарностью, объ порядкѣ работъ, положенномъ въ основаніе его составленія. Онъ былъ выработанъ цѣлымъ рядомъ коммиссій, въ среду которыхъ были, безъ различія чина и званія, призваны въ качествѣ не только экспертовъ, но и полноправныхъ членовъ, представители всѣхъ затронутыхъ этимъ законоположеніемъ интересовъ и всѣхъ мнѣній о военной реформѣ.

Первоначальныя коммиссіи, состоявшія при Военномъ Министерствѣ, были самыя многолюдныя изо всѣхъ подобныхъ законодательныхъ коммиссій, у насъ учреждавшихся; свобода преній и мнѣній въ ихъ средѣ не претерпѣвала стѣсненій. Въ теченіе трехъ лѣтъ, предположенія военныхъ коммиссій были съ полною свободою обсуждаемы въ періодической печати, и иные вопросы, очень близко соприкасавшіеся съ дѣйствующею военною администраціей, подверглись весьма ожесточеннымъ и для нея непріятнымъ спорамъ. Все это принесло свои добрые плоды въ томъ сочувствіи, съ которымъ былъ встрѣченъ новый законъ публикою, вполнѣ къ нему подготовленною, не взирая на суровыя тягости, имъ налагаемыя на всѣхъ, и все это заслуживаетъ подражанія въ будущихъ законодательныхъ работахъ. Этотъ порядокъ, хотя и принимавшійся во многихъ новѣйшихъ реформахъ, не настолько еще у насъ упрочился, чтобы можно было имѣть увѣренность, что ему будутъ неукоснительно слѣдовать во всѣхъ другихъ преобразованіяхъ. Такъ напримѣръ ничего еще не слышно о ходѣ работъ, предположенномъ для податной (подушной) реформы.

Уставу о воинской повинности мы обязаны были дать несравненно болѣе мѣста въ нашемъ обозрѣніи, чѣмъ то, которое займутъ въ немъ всѣ другія вновь изданныя, въ первой половинѣ 1874 г., узаконенія, такъ какъ этотъ уставъ не только, по своему спеціяльному предмету, важнѣе всего остальнаго законодательства за эту эпоху, но въ немъ, какъ въ общей государственной реформѣ, затрогивающей всѣ части государственнаго устройства и управленія, отражается характеръ движенія всѣхъ этихъ частей. Прежде чѣмъ однако перейти къ обозрѣнію каждой изъ нихъ, нужно упомянуть о законодательныхъ и административныхъ распоряженіяхъ, дополнившихъ собою уставъ о воинской повинности въ первой половинѣ 1874 г.

Изложимъ эти распоряженія, какъ и всѣ прочія, въ хронологическомъ порядкѣ [1]). На основаніи 95 ст. устава о воинской повинности

---

[1]) Всѣ узаконенія и правительственныя распоряженія изложены нами въ томъ порядкѣ, въ какомъ они распубликованы въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, который положенъ въ основаніе настоящаго обозрѣнія. Узаконенія, состоявшіяся до 1 января 1874 г. и лишь опубликованныя послѣ этого числа, не вошли въ обозрѣніе; также не вошли и войдутъ въ обозрѣніе II тома Сборника узаконенія, состоявшіяся въ первой половинѣ 1874 г. и распубликованныя во второй. Иначе нельзя было поступить при томъ порядкѣ, въ какомъ обнародуются у насъ нынѣ законы; на этотъ порядокъ, влекущій за собою не мало сбивчивости и неудобствъ, слѣдуетъ обратить вниманіе.

министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашеніи съ военнымъ министромъ, издалъ правила для приписки лицъ, достигшихъ 20-лѣтняго возраста, къ призывнымъ участкамъ и для выдачи приписныхъ свидѣтельствъ. 18 іюня 1874 г. было распубликовано постановленіе, составленное министрами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ (на основаніи 43 ст. устава) для освидѣтельствованія тѣлосложенія и здоровья лицъ, призванныхъ къ воинской повинности. 9 марта Высочайше утверждено положеніе о воинской повинности уральскаго казачьяго войска. Новый уставъ не можетъ быть примѣненъ къ казачьимъ населеніямъ, которыя доставляютъ слишкомъ драгоцѣнную для обороны государства боевую силу, чтобы ея своеобразныя особенности были подводимы подъ одинъ общій уровень воинской повинности. Такъ кажется и дѣлается. 19 марта Высочайше утверждены правила о пріемѣ вольноопредѣляющихся и о прохожденіи ими службы (въ дополненіе отд. I гл. XII устава). Высочайше утвержденнымъ 14 мая Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, для предупрежденія уклоненій отъ воинской повинности, установлены нѣкоторыя правила относительно выдачи паспортовъ, *впредь до изданія новаго общаго законоположенія о паспортахъ* (какъ сказано въ текстѣ этого узаконенія). Вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненъ порядокъ увольненія изъ русскаго подданства колонистовъ и выселенія ихъ, до отбытія ими воинской повинности (Высочайше утвержденное 14 мая мнѣніе Государственнаго Совѣта).

Въ связи съ новымъ порядкомъ отправленія воинской повинности, мы укажемъ на новыя законодательныя мѣры по прочимъ частямъ *военной организаціи*. Высочайшимъ повелѣніемъ 2 марта всѣмъ офицерамъ гвардейскаго инвалида предоставлены права арміи (по жалованью и чину). Высочайшимъ повелѣніемъ, распубликованнымъ 20 іюня, сформированъ, въ одесскомъ военномъ округѣ, особый эскадронъ подъ названіемъ «крымскаго эскадрона» (съ зачисленіемъ въ него новобранцевъ, ежегодно поступающихъ, по призыву изъ татаръ Крымскаго полуострова).

Отъ военной обороны всего ближе перейти къ *международному праву*.

Въ сферѣ *международныхъ отношеній* Россіи, продолжалось въ первой половинѣ 1874 г., рядомъ нѣсколькихъ конвенцій, развитіе такъ называемаго *частнаго* международнаго права (гражданскаго и уголовнаго), на которое нынѣ обращено особенное вниманіе и науки, и государственныхъ людей, и которое столь важно какъ

для внутренняго благосостоянія каждаго европейскаго государства, такъ и для упроченія мира между народами. Между Россіей и Австро-Венгріей заключена 24 января декларація о взаимномъ огражденіи фабричныхъ и торговыхъ клеймъ и знаковъ, предоставляющая подданнымъ каждаго изъ этихъ двухъ государствъ равныя съ туземцами права въ другомъ государствѣ. Такая же декларація была заключена 16 марта съ С.-Американскими Штатами. Въ мартѣ вступили въ дѣйствіе почтовыя конвенціи съ Франціей и Австріей, столь важныя для облегченія и удешевленія нашихъ иностранныхъ сношеній. Будемъ ожидать еще значительнѣйшихъ облегченій, обѣщанныхъ Бернскимъ почтовымъ конгрессомъ.

Послѣ организаціи военныхъ силъ и международныхъ актовъ, переходимъ къ государственной дѣятельности по внутреннему благоустройству. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на перемѣны, послѣдовавшія въ *устройствѣ высшихъ государственныхъ учрежденій*. Высочайшимъ повелѣніемъ 17 января предоставлено всѣмъ товарищамъ министровъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и общихъ его собраніяхъ по дѣламъ ихъ вѣдомствъ, въ случаѣ временнаго исправленія ими должности министровъ, или если министры за другими дѣлами и обязанностями сами присутствовать въ Сенатѣ не могутъ. Это Высочайшее повелѣніе вполнѣ объясняется возрастающимъ значеніемъ Сената въ государственномъ управленіи, и необходимостью облегчить и ускорить его дѣлопроизводство личнымъ участіемъ въ его засѣданіяхъ представителей высшаго государственнаго управленія, когда обсуждаются дѣла ихъ вѣдомствъ. Между тѣмъ сами министры загромождены у насъ личною работою, какъ нигдѣ въ другихъ государствахъ; возможно большее освобожденіе ихъ отъ обязанностей по текущему дѣлопроизводству позволитъ имъ сосредоточить свое вниманіе на высшихъ интересахъ управленія и въ особенности на законодательныхъ проектахъ, всюду составляющихъ главное призваніе этихъ правительственныхъ органовъ. Въ этомъ направленіи уже сдѣлано у насъ въ послѣдніе годы немало распоряженій, но можетъ быть, въ будущемъ, предстоитъ еще болѣе сдѣлать. До упомянутаго Высочайшаго повелѣнія товарищи министровъ, чтобъ присутствовать въ Сенатѣ, должны были получать званіе сенаторовъ, а это оказывалось, во многихъ отношеніяхъ, неудобнымъ. Высочайше утвержденнымъ 15 января мнѣніемъ Государственнаго Совѣта усилена канцелярія 1-го Департамента Сената (въ томъ числѣ однимъ това-

рищемъ оберъ-прокурора) и сокращенъ составъ канцеляріи 5-го Департамента. Послѣ судебной реформы дѣятельность 1-го Департамента Сената постоянно развивается, а такъ называемыхъ старыхъ судебныхъ департаментовъ уменьшается.

Указомъ Сенату 29 января упраздненъ Комитетъ Желѣзныхъ Дорогъ (учрежденный въ 1858 г.) и дѣла, подлежавшія его разсмотрѣнію, переданы въ вѣдѣніе Комитета Министровъ. Этотъ указъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ распоряженій, которыми усилено сосредоточеніе высшаго государственнаго управленія по его спеціальнымъ и областнымъ отраслямъ въ общихъ установленіяхъ и закрыты отдѣльныя учрежденія, возникавшія временно (таковы были напр. кавказскій и сибирскій комитеты), вслѣдствіе новости этихъ отраслей. Такое сосредоточеніе какъ нельзя болѣе правильно; оно усиливаетъ значеніе общихъ государственныхъ установленій, которое ослабляется подобными спеціальными комитетами, поставленными въ непосредственныя и исключительныя отношенія къ Верховной Власти.

Въ порядкѣ *государственной службы* и почетныхъ *отличій*, которыхъ удостоиваются лица ее несущія, состоялся указъ Капитулу Орденовъ, отъ 14 февраля, измѣняющій статуты нѣкоторыхъ орденовъ: отмѣнена императорская корона, присвоенная орденамъ св. Анны 1 и 2 степеней и св. Станислава 2 степени, и установлено, въ извѣстныхъ случаяхъ, представленіе разныхъ выборныхъ и сословныхъ должностныхъ лицъ къ ордену св. Владиміра 3 степени, черезъ кавалерскую думу. Высочайше утвержденнымъ 8 февраля положеніемъ Комитета Министровъ продолженъ срокъ особыхъ преимуществъ по службѣ въ Амурской области впредь до ожидаемаго изданія общаго положенія о преимуществахъ по службѣ въ отдаленныхъ краяхъ имперіи.

Въ кругу *сословныхъ отношеній и правъ*, еще сохранившихъ свое значеніе въ нашемъ государственно-общественномъ строѣ, изданъ новый законъ, дарующій рожденнымъ въ податномъ состояніи дѣтямъ лицъ, которые пріобрѣли послѣ того права высшаго состоянія, эти права. (Высочайше утвержденное 5 марта мнѣніе Государственнаго Совѣта).

Въ *общей организаціи государственнаго управленія* произошли слѣдующія перемѣны. Указомъ Сенату 17 января 1874 г. упразд-

нена должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, и затѣмъ управленіе въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской, со всѣми ихъ градоначальствами, введено въ общій порядокъ губернскаго управленія имперіи. Это распоряженіе есть самое нормальное явленіе въ исторіи генералъ-губернаторской власти, которая учреждалась на окраинахъ, посреди исключительныхъ обстоятельствъ вновь пріобрѣтенныхъ областей, и постепенно упразднялась, съ минованіемъ этихъ обстоятельствъ. Только особенныя и временныя политическія условія даютъ содержаніе этой власти.

Для водворенія правильнаго гражданскаго управленія на азіатскихъ нашихъ окраинахъ состоялось нѣсколько законоположеній. Высочайше утверждено 29 января положеніе объ управленіи Закатальскимъ округомъ. Составленные по распоряженію главнокомандующаго кавказскою арміей проекты временнаго Положенія объ управленіи Закаспійскимъ краемъ Высочайше утверждены, 9 марта, въ видѣ опыта. Изданіе этого Положенія *какъ временнаго* могло быть изъято изъ общаго законодательнаго порядка. Недавнее расширеніе нашихъ границъ въ средней Азіи будетъ болѣе и болѣе вызывать дѣятельность правительства по устройству всѣхъ вновь пріобрѣтенныхъ нами областей, населенныхъ народностями, совсѣмъ чуждыми, по своимъ нравамъ и обычаямъ, европейской культурѣ. Между тѣмъ мы обязаны передъ исторіей и вынуждены нашими собственными интересами водворять здѣсь гражданственность, — гражданственность *европейскую*, ибо другой никто нынѣ не знаетъ. Въ этомъ трудность положенія, требующая особыхъ законодательныхъ и административныхъ пріемовъ; лучшее для этого назиданіе можно найти въ урокахъ исторіи, и между прочимъ въ нашихъ собственной по отношенію къ Азіи. По этому предмету, одному изъ весьма современныхъ нынѣ въ нашей государственной жизни, читатели найдутъ въ настоящемъ изданіи любопытный историческій очеркъ В. В. Григорьева [1]).

Права *городскаго самоуправленія* расширены разрѣшеніемъ всѣмъ городскимъ думамъ издавать постановленія о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни (Высочайше утвержденное 19 марта Мнѣніе Государственнаго Совѣта).

---

[1]) См. статью *В. В. Григорьева:* «Русская политика въ отношеніи къ Средней-Азіи».

Переходя къ разнымъ отдѣльнымъ частямъ государственнаго управленія, мы должны дать первое мѣсто *финансамъ*, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ развитіе всѣхъ прочихъ частей и которыми опредѣляется общее движеніе государственной администраціи. *Государственный бюджетъ* на 1874 г. заключенъ съ значительнымъ излишкомъ (болѣе 3 милліоновъ руб.) доходовъ (539 милліоновъ 851 тысяча) противъ расходовъ (536 милліон. 683 тыс.). Сравнительно съ государственной росписью 1873 года доходы возвысились на $22^1/_2$ мил., а расходы увеличились на 19 мил. 361 тыс. Нѣсколько слабѣйшее возрастаніе расходовъ противъ доходовъ — фактъ утѣшительный въ виду непрерывнаго и значительнаго развитія ихъ во всѣ предъидущіе годы. Повышеніе доходовъ противъ 1873 г. произведено, въ бюджетѣ, главнѣйше по слѣдующимъ статьямъ: по питейнымъ налогамъ, на $12^1/_2$ милліоновъ (вслѣдствіе увеличенія размѣровъ акцизнаго и патентнаго сборовъ, съ 1873 г., и вслѣдствіе общаго возрастанія этого дохода въ 1873 г.), по соляному доходу, на 840 тыс. (въ виду усиленія разработки соли и вслѣдствіе постояннаго возрастанія этого дохода), по таможеннымъ сборамъ почти на 2 мил. (въ виду постояннаго возрастанія этого дохода), по гербовымъ и крѣпостнымъ пошлинамъ, на 2 мил. (по соображеніи съ предъидущимъ трехлѣтнимъ ихъ движеніемъ), по доходу отъ казенныхъ оброчныхъ статей и лѣсовъ, почти на 1 мил. (въ виду постояннаго предъидущаго возрастанія этого дохода), по доходамъ отъ Закавказскаго края, на $1^1/_4$ мил. (въ томъ числѣ преимущественно по питейному доходу и табачному акцизу, вновь введенному въ этомъ краѣ), по почтовому и телеграфному доходамъ, почти на $2^1/_2$ мил. (вслѣдствіе предъидущаго ихъ возрастанія), и по платежамъ отъ компаній желѣзныхъ дорогъ, на 848 тыс. (вслѣдствіе обязательнаго возрастанія этихъ платежей, по вновь выпущеннымъ правительствомъ консолидированнымъ облигаціямъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ). Возвышеніе по разнымъ другимъ отраслямъ доходовъ незначительно. Изъ вышеприведенныхъ цифръ, видно что самое существенное увеличеніе доходовъ на 1874 г. предположено было по питейнымъ сборамъ; по тѣмъ отраслямъ доходовъ, развитіе которыхъ свидѣтельствуетъ объ естественномъ возрастаніи народнаго богатства и промышленности, выдвигаются впередъ, нѣкоторою значительностью цифръ своего повышенія, только таможенные сборы и крѣпостныя и гербовыя пошлины. Но и эти послѣднія цифры слишкомъ не велики сравнительно съ возрастаніемъ тѣхъ-же источниковъ государствен-

ныхъ доходовъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Увеличеніе дохода по желѣзнодорожнымъ платежамъ совсѣмъ ничтожно при громадныхъ капиталахъ, задолженныхъ компаніями правительству; бюджетное предположеніе по этому пункту и не прочно, въ виду постоянной неисправности компаній по ихъ казеннымъ долгамъ. Въ числѣ немногихъ статей, по которымъ ожидалось уменьшеніе доходовъ, вообще незначительное, обращаютъ на себя вниманіе сборы за право торговли и промысловъ: этотъ государственный доходъ, по своей натурѣ, весьма эластиченъ и долженъ бы постоянно увеличиваться съ развитіемъ народной дѣятельности. Расходы возросли главнѣйше по слѣдующимъ предметамъ: по платежамъ государственныхъ долговъ, на 2 мил., по военному министерству, на $4^1/_2$ мил., по министерству финансовъ, почти на 2 мил. (главнѣйше вслѣдствіе постоянно возрастающихъ пособій отставнымъ и безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ), по министерству внутреннихъ дѣлъ, на 836 тыс. (главнѣйше по содержанію мѣстнаго городскаго, уѣзднаго, почтоваго и телеграфнаго управленій), по министерству народнаго просвѣщенія, на 832 тыс. (главнѣйше по среднимъ учебнымъ заведеніямъ), по министерству юстиціи, на 855 тыс. (главнѣйше по содержанію судебныхъ учрежденій, вслѣдствіе распространенія судебной реформы).

Возвышеніе смѣтныхъ расходовъ по государственнымъ долгамъ и также по Военному Министерству требуетъ упоминовенія о двухъ новыхъ финансовыхъ мѣрахъ, вступившихъ въ силу съ 1874 г. и имѣющихъ свое значеніе. Смѣтное увеличеніе платежей по государственному долгу произошло главнѣйше отъ назначенія добавочной суммы по иностраннымъ металлическимъ платежамъ для покрытія убытковъ по вексельнымъ курсамъ (т. е., по разницѣ цѣны кредитныхъ билетовъ, въ которыхъ исчисляются всѣ бюджетныя статьи, со звонкою монетою, въ которой исчисляются иностранные платежи); прежде эта разница не принималась въ расчетъ въ бюджетѣ и приходилось покрывать ее сверхсмѣтными ассигнованіями, въ теченіи года. Новое распоряженіе совершенно правильно, но оно напоминаетъ о нашемъ ассигнаціонномъ рублѣ и принудительномъ курсѣ нашихъ бумажныхъ денегъ, который заставилъ сдѣлать это распоряженіе. По Военному Министерству, началось съ 1874 г. дѣйствіе новой системы бюджетныхъ кредитовъ, Высочайше утвержденной 4 іюля 1873 г., въ видѣ опыта, на пять лѣтъ (по 1878 включительно). Главныя основанія этой системы заключаются въ томъ: 1) что опредѣляется *нормальная* годовая сумма расходовъ по всему Воен-

ному Министерству, на 1874 г. 174 мил. (въ 1873 г. эта сумма составляла 169 мил.) и съ 1875 по 1878 г., каждогодно 179 мил., 2) Что эта нормальная сумма кредитовъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ оборотныхъ расходовъ) предоставляется въ полное распоряженіе Военнаго Министерства съ тѣмъ, что оно можетъ по своему усмотрѣнію пользоваться остатками и сбереженіями отъ этой суммы, въ теченіе всего пятилѣтія (безъ всякаго ограниченія смѣтными сроками). Этою мѣрою, Военное Министерство поставлено, относительно общаго порядка составленія государственнаго бюджета, контроля и счетоводства, въ исключительное положеніе: съ одной стороны, устраняется надобность въ разсмотрѣніи смѣтъ Военнаго Министерства, по отдѣльнымъ предметамъ расходовъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, и съ другой стороны, къ этому вѣдомству не будетъ примѣняемо въ теченіи 5 лѣтъ единство государственной кассы. Черезъ это предполагается, какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи на 1874 г., предотвратить въ теченіе пятилѣтняго періода по военному вѣдомству дополнительныя и сверхсмѣтныя ассигнованія (столь значительныя въ послѣдніе годы преимущественно по этому вѣдомству), однако *за исключеніемъ «особыхъ и чрезвычайныхъ случаевъ»*, и также «дать полную свободу и удобство хозяйственнымъ операціямъ военнаго вѣдомства». Введеніе всеобщей воинской повинности, требующее на первое время измѣненій въ военной организаціи и только въ дальнѣйшемъ будущемъ, могущее отозваться экономіей, указывается какъ одна изъ причинъ увеличенія военнаго бюджета. Та-же мѣра распространена и на морское министерство, которому назначена нормальная годовая цифра расходовъ, съ 1874 по 1878 г., въ 25 мил. 764 тыс. (на 300 тыс. болѣе противъ 1873 г.).

Такова общая сущность государственнаго бюджета на 1874 г.; мы обязаны были ее изложить, такъ какъ бюджетъ — главный законодательный актъ по финансовому управленію, въ теченіе года, но его одного еще далеко недостаточно, чтобъ судить о положеніи нашихъ финансовъ, ибо 1) не всѣ государственные доходы и расходы входятъ въ составъ бюджета (многія отрасли государственнаго управленія и учрежденія изъяты отъ общаго порядка бюджета, контроля и единства кассы), и 2) цифры дѣйствительнаго исполненія росписи всегда представляютъ значительныя различія съ бюджетными цифрами. Въ послѣдніе годы, эти различія, по отчетамъ государственнаго контроля, оказывались благопріятными для

государственнаго казначейства: поступленіе доходовъ значительно превышало бюджетныя ожиданія. Объ этихъ благопріятныхъ условіяхъ нашего нынѣшняго финансоваго положенія свидѣтельствуетъ и г. министръ финансовъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1874 г.; при этомъ онъ въ особенности указываетъ, какъ на одно изъ этихъ условій: на уменьшеніе въ 1873 г. сверхсмѣтныхъ назначеній расходовъ, обращавшихъ на себя вниманіе до этого года. Въ очень скоромъ времени будетъ опубликованъ контрольный отчетъ за 1873 г., и во II т. нашего Сборника уже могутъ быть изложены его результаты.

Въ области государственныхъ финансовъ состоялись, въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдующія узаконенія. Высочайше утвержденнымъ 9 января Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта *натуральное травяное довольствіе* войскъ въ семи военныхъ округахъ отмѣнено, и всѣ расходы по этому предмету отнесены на счетъ Государственнаго Казначейства (государственный земскій сборъ). Переводъ натуральныхъ повинностей на деньги есть одно изъ условій развитія финансовъ въ наше время. Правильный контроль казеннаго хозяйства, при натуральныхъ повинностяхъ, столько-же затруднителенъ, какъ учетъ сельскаго хозяйства при барщинѣ.

Высочайше утвержденнымъ 9 января Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, отмѣнена подать съ земель, розданныхъ въ южной Россіи для заселенія и скотоводства. Эта подать не имѣла никакого финансоваго значенія, по ничтожеству приносимаго ею дохода, и въ своихъ основаніяхъ не имѣла ничего раціональнаго.

Высочайше утвержденнымъ 15 января Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта сдѣланы нѣкоторыя незначительныя измѣненія въ особыхъ правилахъ 16 іюня 1873 г. о раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ въ С.-Петербургѣ.

Высочайше утвержденнымъ 15 января Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта преобразована система извлеченія казеннаго дохода изъ соли въ Закавказскомъ краѣ: установленъ, на мѣсто откупнаго содержанія, акцизъ съ казенныхъ и частныхъ соляныхъ источниковъ (при выработкѣ, и сверхъ того при вывозѣ изъ каспійскихъ портовъ), и всѣ казенные источники передаются въ частное содержаніе. Эта мѣра входитъ въ кругъ общаго распространенія, въ недавнее время, податной системы Имперіи на Закавказскій край; при этомъ однако нельзя не пожалѣть о продолжающемся развитіи у насъ солянаго акциза, вмѣсто его отмѣны, столь необходимой и желательной.

Высочайше утвержденнымъ 23 апрѣля Мнѣніемъ Государствен-

наго Совѣта усилено содержаніе участковыхъ мировыхъ судей въ девяти западныхъ губерніяхъ и для покрытія этого расхода установлены судебныя пошлины съ производства дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ (съ исковыхъ прошеній и выдаваемыхъ ими документовъ).

Высочайше утвержденнымъ 23-го апрѣля Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установлены способы и порядокъ погашенія $5^1/_2\%$ непрерывно-доходныхъ (выкупныхъ) свидѣтельствъ и измѣнена ихъ форма. Это постановленіе не измѣняетъ кредитныхъ условій, присвоенныхъ этимъ бумагамъ, и лишь облегчаетъ, посредствомъ новой ихъ формы, передачу ихъ изъ рукъ въ руки и биржевыя на нихъ сдѣлки. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращена выдача помѣщикамъ выкупныхъ свидѣтельствъ, и причитающіяся ссуды постановлено выдавать одними 5% банковыми билетами. Вся совокупность этихъ мѣръ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ прежде этого выдачи $5^1/_2\%$ непрерывно-доходныхъ билетовъ, истекаетъ изъ хода выкупной операціи. Чѣмъ болѣе развитіе ея замедляется сравнительно съ быстрымъ ходомъ въ ея началѣ, тѣмъ болѣе правительство можетъ выдавать выкупными ссуды бумагами, обладающими всѣми условіями обращаемости (каковы 5% билеты). Осторожность относительно внезапнаго переполненія рынка такими бумагами, въ первомъ періодѣ, заставляла выдавать тогда бумаги, лишенныя этихъ условій ($5^1/_2\%$ рента и выкупныя свидѣтельства).

На Туркестанскій край распространено, съ 1 января 1875 г., общее положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, въ видѣ временной мѣры, на четыре года. При этомъ отмѣненъ взимавшійся до сихъ поръ въ этомъ краѣ закетный (торговый) сборъ (Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ 3 мая).

Высочайше утвержденнымъ 21 мая Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта точнѣе опредѣлена (во измѣненіе 374 ст. устава о питейномъ сборѣ) отвѣтственность содержателей питейныхъ заведеній и ихъ повѣренныхъ за нарушенія правилъ объ узаконенной крѣпости вина.

Самою крупною законодательною мѣрою по финансовому законодательству, въ первой половинѣ 1874 г., было изданіе новаго Устава о гербовомъ сборѣ (Высочайше утвержденнаго 17 апрѣля, согласно съ Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта). Проектъ этого Устава нѣсколько лѣтъ изготовлялся въ Податной Коммиссіи при Министерствѣ Финансовъ, и общія начала, принятыя въ его основаніе, были давно извѣстны публикѣ изъ повременной печати. Эти начала не много отходятъ отъ системы гербоваго сбора, до сихъ

поръ у насъ дѣйствовавшей; однако, въ нѣкоторыхъ, весьма существенныхъ подробностяхъ, новая система значительно отличается отъ старой. Гербовый сборъ установляется, какъ и прежде, двоякій: простой и пропорціональный (прежняя крѣпостная гербовая бумага). Простая гербовая бумага только двухъ разборовъ: 40 к. и 5 к., на мѣсто всѣхъ многочисленныхъ прежнихъ разборовъ; въ этомъ заключается одно изъ важнѣйшихъ новыхъ основаній, вводимыхъ въ систему гербоваго сбора. Высшей, 40-к. пошлинѣ подчинены всѣ акты, оплачивавшіеся до сихъ поръ гербовою пошлиною, съ прибавкою нѣкоторыхъ актовъ, бывшихъ доселѣ отъ нея свободными; низшему, 5-к. сбору подвергаются нѣкоторые мелкіе документы, неоплачивавшіеся прежде пошлиною (росписки, квитанціи, и т. п.). Подчиненіе гербовой пошлинѣ многихъ новыхъ категорій документовъ, по прежней системѣ отъ нея свободныхъ, составляетъ другое существенное нововведеніе; сюда главнѣйше принадлежатъ акціи и облигаціи частныхъ компаній и предпріятій, и нѣкоторыя бумаги, выдаваемыя частнымъ лицамъ земскими, городскими и сословными учрежденіями (40-к. пошлина). Гербовый сборъ съ дѣлопроизводства въ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ прежнемъ его видѣ, отмѣняется и на мѣсто его вводится однообразное взысканіе двукратной 40-к. гербовой пошлины, за всякое прошеніе и за отвѣтъ на него во всякомъ учрежденіи (какого бы оно ни было разряда). Наконецъ взиманіе гербоваго сбора производится тремя способами: продажею гербовой бумаги, гербовыхъ марокъ и уплатою гербоваго сбора наличными деньгами (въ извѣстныхъ случаяхъ). Таковы самыя крупныя нововведенія, оставляя въ сторонѣ всѣ мелкія, которыхъ очень много и которыхъ перечислить здѣсь нельзя. Критика подобнаго обширнаго законоположенія, которое вырабатывалось, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ средѣ многочисленной Коммиссіи и которому ктому же суждено оставаться въ силѣ много времени, безъ измѣненій, была бы безплодна. Теперь практическій опытъ долженъ рѣшить: будетъ ли новая система гербоваго сбора выгоднѣе для казны и удобнѣе для публики, чѣмъ старая система. Послѣдняя дѣйствительно не служила такимъ обильнымъ для нашего бюджета воспособленіемъ, какимъ этотъ-же самый источникъ служитъ въ другихъ европейскихъ странахъ, и это соображеніе побудило къ нынѣшней гербовой реформѣ въ Россіи. Со стороны меньшинства членовъ Податной Коммиссіи было, въ свое время, подано особое мнѣніе, значительно разнившіеся съ принятыми для реформы основаніями.

Къ устройству *государственныхъ имуществъ*, получающихъ послѣ надѣленія государственныхъ крестьянъ совсѣмъ новое у насъ значеніе, должно отнести Высочайше утвержденное 15 января Мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлены новыя правила о передачѣ въ казну земель, возвращаемыхъ ей по судебнымъ рѣшеніямъ изъ крестьянскаго владѣнія.

Высочайше утвержденнымъ 26 марта Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, общія начала поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ распространены на Ставропольскую губернію, съ примѣненіемъ ихъ къ мѣстнымъ условіямъ этой губерніи.

Высочайше разсмотрѣннымъ 26 апрѣля журналомъ *Комитета Остзейскихъ Дѣлъ* прекращенъ безденежный отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ крестьянскимъ обществамъ. Этою мѣрою только распространяется на прибалтійскій край общій порядокъ хозяйства, дѣйствующій въ имперіи, послѣ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. Но распубликованіемъ этой мѣры невольно напоминается о привиллегированномъ законодательномъ порядкѣ, до сихъ поръ остающемся въ силѣ для этого края, вопреки общему ходу нашей государственной жизни, и давно прекратившійся для всѣхъ другихъ нашихъ окраинъ (съ упраздненіемъ Сибирскаго и Кавказскаго Комитетовъ). Исключеніе изъ этого составляетъ только привислянскій край, но продолженіе на нѣкоторое время дѣйствій Комитета по дѣламъ Царства Польскаго оправдывается еще исключительными до сихъ поръ обстоятельствами этого края, объединеніе котораго съ Имперіей производилось впрочемъ въ послѣдніе годы самымъ энергическимъ образомъ. Такихъ обстоятельствъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ не существуетъ, и казалось бы несправедливымъ сохранять привиллегированный для него законодательный порядокъ, связанный ктому-же, большею частью, съ безгласностью. И при разсмотрѣніи законодательныхъ проектовъ и всѣхъ мѣропріятій по этимъ губерніямъ, въ общемъ законодательномъ учрежденіи Имперіи, въ нихъ могутъ быть оставляемы безъ отмѣны тѣ историческія особенности, какія терпимы въ государственномъ строѣ нашего времени. Безусловное уединоображиваніе мѣстной администраціи во всѣхъ областяхъ государства не требуется, но политическое единство власти необходимо.

Впрочемъ не на всѣ еще области или по крайней мѣрѣ не на всѣ сословія даже внутри Имперіи распространяется общій законодательный порядокъ. Такимъ образомъ, новое поземельное устройство въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ (надѣленіе казаковъ извѣстною

пропорціею земли, которая принадлежитъ къ общему составу государственныхъ имуществъ, въ обширномъ смыслѣ слова) послѣдовало по Высочайше утвержденному 2 мая положенію Военнаго Совѣта, въ которомъ сосредоточено у насъ все законодательство, имѣющее какое нибудь отношеніе къ военной части (за исключеніемъ только воинскій повинности). О важномъ вопросѣ объединенія военнаго и гражданскаго законодательнаго порядка мы упомянули уже выше.

По разнымъ отраслямъ государственнаго хозяйства состоялись слѣдующія узаконенія и распоряженія.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашеніи съ другими министрами, установилъ нѣсколько новый порядокъ сдачи на почту казенной корреспонденіи. По той же первостепенной административной отрасли способовъ сообщеній, состоялась болѣе важная мѣра —пониженіе тарифа внутренней телеграфной корреспонденціи (Высочайше утвержденное 17 апрѣля мнѣніе Государственнаго Совѣта). Значительный чистый доходъ, получаемый казною отъ телеграфовъ вполнѣ оправдываетъ эту мѣру и заставляетъ желать дальнѣйшаго пониженія телеграфнаго тарифа, который все еще у насъ гораздо выше всѣхъ западно-европейскихъ. Общее мнѣніе просвѣщенной Европы клонится нынѣ къ тому, чтобы почтовые и телеграфные сборы не превосходили расходовъ содержанія учрежденій ихъ взимающихъ. Могущественное вліяніе этихъ способовъ сообщеній на народное благосостояніе доставляетъ государственному бюджету прибыли косвеннымъ путемъ, — быстрѣйшимъ возрастаніемъ другихъ его источниковъ.

Постановленіемъ Министра Путей Сообщенія 22 февраля, преподаны компаніямъ желѣзныхъ дорогъ нѣкоторыя новыя правила о движеніи грузовъ (между прочимъ преимущественно относительно очереди ихъ по роду и степени порчи товаровъ) и учреждена особая правительственная инспекція на мѣстахъ для наблюденія за исполненіемъ этихъ правилъ. Они вызваны были накопленіемъ грузовъ на нѣкоторыхъ линіяхъ, порчею товаровъ и многочисленными замѣшательствами торговли, происходящими отъ неисправности компаній. Вскорѣ однако затѣмъ (13 апрѣля) эти самыя правила были распоряженіемъ того-же Министра Путей Сообщеній отмѣнены. Послѣ того, были распубликованы утвержденныя 30 мая Министромъ Путей Сообщеній (на основаніи 718 ст. XII т. Св. З.) *правила движенія* по желѣзнымъ дорогамъ, открытымъ для общественнаго пользованія.

Въ этихъ правилахъ изложены: обязательная для желѣзнодорожныхъ компаній организація всего служебнаго состава, сопровождающаго каждый поѣздъ, обязанности каждаго принадлежащаго къ нему лица и общій порядокъ движенія поѣздовъ. Всѣ эти правительственныя распоряженія, которыя нельзя признавать окончательными и которыя еще не разрѣшили всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ эксплоатаціей нашихъ желѣзныхъ дорогъ, напоминаютъ о неустройствѣ вообще этой новой части въ Россіи и о неудовольствіяхъ, съ разныхъ сторонъ, заявляемыхъ противъ желѣзнодорожныхъ управленій. Распоряженія, сдѣланныя пока только административною властью, желательно было бы видѣть упроченными на законодательной почвѣ. Только законодательною властью могутъ быть установлены и тѣ судебныя охраны противъ злоупотребленій на желѣзныхъ дорогахъ, безъ которыхъ не только всякія административныя постановленія, но даже и законодательныя останутся мертвою буквою; судебная расправа необходима и для огражденія интересовъ частныхъ лицъ, которыя, возбужденіемъ исковъ противъ желѣзнодорожныхъ управленій, могутъ лучше всякой бюрократической инспекціи сократить развитіе произвола въ этой области. Къ несчастію все наше желѣзнодорожное дѣло находится въ этомъ отношеніи (и именно во всемъ, что касается отношеній правительства къ желѣзнодорожнымъ компаніямъ) въ болѣзненномъ состояніи, которое вступило нынѣ, какъ кажется, въ свой акутный періодъ. Эти отношенія, сосредоточивающія на себѣ нынѣ все вниманіе и правительства, и публики, очевидно не нормальны: съ одной стороны неисчислимые и неоплатные долги компаній государственному казначейству, сооружившему всѣ наши желѣзныя дороги почти исключительно на свой счетъ и кредитъ, а съ другой стороны, самая крайняя ограниченность права правительства на вмѣшательство въ дѣла компаній и на контроль за ихъ дѣйствіями. Этотъ вопросъ составляетъ нынѣ едва ли не самый главный во всей области нашего государственнаго хозяйства, и отъ него едва ли не въ наибольшей зависимости будутъ даже сами наши финансы, въ ближайшемъ будущемъ. Мы надѣемся помѣстить во II томѣ Сборника обширный трудъ, посвященный нынѣшнему финансовому положенію нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и заключающій въ себѣ точныя данныя для обсужденія упомянутаго вопроса. Въ виду этого труда, мы не будемъ пока разсматривать Высочайше утвержденныхъ, въ первой половинѣ 1874 г., новыхъ уставовъ желѣзныхъ дорогъ: Оренбургской, Уральско-горнозаводской, Фастовской и Привислянской, и но-

ваго устава Россійскаго общества пароходства и торговли и Одесской желѣзной дороги.

Высочайше утвержденнымъ 15 февраля Положеніемъ Комитета Министровъ продолжено еще на пять лѣтъ (по 13 марта 1879 г.) *исключительное право* С.-Петербургскаго акціонернаго общества искусственныхъ минеральныхъ водъ на приготовленіе и продажу этихъ водъ въ С.-Петербургской губ. Мы упоминаемъ лишь о тѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ относительно акціонерныхъ компаній и всякихъ частныхъ обществъ, которыми присвоиваются имъ привиллегированныя права. Множество уставовъ разнаго рода обществъ (въ томъ числѣ банковыхъ и ссудо-сберегательныхъ), утвержденныхъ Высочайшею или высшею административною властью, на общемъ основаніи, не входятъ по существу этихъ правительственныхъ дѣйствій въ кругъ нашего обозрѣнія. Общее дѣйствующее у насъ правило о предварительномъ разрѣшеніи всякаго частнаго общества правительствомъ, на разныхъ ступеняхъ его власти (законодательной и административной), вызываетъ обширную и часто весьма затруднительную правительственную дѣятельность; это правило, въ своемъ абсолютномъ видѣ, недопускающее даже никакихъ исключеній, есть остатокъ стараго государственнаго порядка, дѣйствовавшаго прежде и въ другихъ государствахъ, но нынѣ всюду уступившаго инымъ экономическимъ и юридическимъ воззрѣніямъ на народное хозяйство. Наше правительство уже само давно признало неудобства этого правила, и для устраненія этихъ неудобствъ, вынуждено было предоставить утвержденіе компанейскихъ уставовъ высшей административной власти (министрамъ), на мѣсто законодательной. Сюда принадлежатъ между прочимъ и банковыя предпріятія, быстро получившія у насъ чрезвычайное и не совсѣмъ естественное развитіе (отчасти вслѣдствіе искусственнаго по этому предмету законодательства). Этотъ новый порядокъ административнаго утвержденія уставовъ связанъ съ другими неудобствами, едва ли не худшими, чѣмъ прежній законодательный; онъ даетъ усмотрѣнію административныхъ инстанцій просторъ, несогласный съ началами государственной жизни, всюду, отчасти и у насъ, нынѣ признанными. По этому предмету относительно банковыхъ предпріятій и вообще по важному вопросу объ отношеніяхъ правительства къ частной дѣятельности въ этой сферѣ, читатели найдутъ, въ этомъ томѣ Сборника, интересныя и основанныя какъ на теоріи, такъ и на опытѣ соображенія *Н. Х. Бунге* [1]). Но

[1]) См. статью *Н. Х. Бунге*: «Банковые законы и банковая политика», стр. 67.

правительство, какъ извѣстно, занято уже давно общимъ вопросомъ о пересмотрѣ всего нашего акціонернаго законодательства и, въ ближайшемъ времени, ожидается изданіе новаго Положенія по этому предмету [1]). Наше акціонерное законодательство совсѣмъ обветшало, и его недостаткамъ могутъ быть приписаны многія замѣшательства въ ходѣ у насъ акціонернаго дѣла. Между прочимъ основное правило предварительнаго правительственнаго утвержденія всѣхъ компанейскихъ уставовъ поставило акціонерныя компаніи внѣ общей почвы гражданскаго права и судебной охраны, на которой эти уставы, подобно всякимъ промышленнымъ договорамъ и товариществамъ, легко и лучше могли бы возникать, и прочнѣе могли бы быть обережены отъ всякихъ злоупотребленій, чѣмъ въ привиллегированномъ кругѣ предварительныхъ правительственныхъ разрѣшеній (концессій). Въ этомъ привиллегированномъ кругѣ отношеній государства къ акціонерному дѣлу [2]), всякая компанія, уже въ силу самаго своего существованія (концессіи), есть привиллегія, а потому какъ нельзя болѣе тутъ естественны домогательства ко всякимъ исключительнымъ правамъ, столь вреднымъ для народнаго хозяйства и столь обычнымъ въ Россіи.

Столько же къ мѣрамъ государственнаго хозяйства, какъ и къ военно-политическимъ, должно отнести Высочайше утвержденное 23 апрѣля Мнѣніе Государственнаго Совѣта о водвореніи казачьихъ поселеній на нашей китайской границѣ, въ Зайсанскомъ, Бухтарминскомъ и Курчумскомъ краяхъ. Колонизацію эту предоставлено производить Командующему Западнымъ Сибирскимъ Военнымъ Округомъ (въ теченіе 1874 и 1875 гг., по 50 семействъ изъ сибирскаго казачьяго войска ежегодно), посредствомъ вызова желающихъ, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ — принудительно, по жребію. Если это мѣра государственно необходимая, то надо надѣяться, что она будетъ обдуманно приведена въ исполненіе мѣстными властями и не повлечетъ столь мало удовлетворительныхъ результатовъ, какъ иныя правительственныя переселенія прежняго времени (напр. казачьи переселенія на Амурѣ). Если какая нибудь административная дѣятельность по народному хозяйству затруднительна, такъ это принудительная колонизація.

---

[1]) Во II томѣ Сборника будетъ помѣщена статья по этому предмету, котораго потому мы и касаемся здѣсь только мимоходомъ.

[2]) Само собою разумѣется, что разныя группы особенныхъ по своему свойству предпріятій, подобныхъ желѣзнымъ дорогамъ, должны быть подчинены исключительному законодательному порядку.

Бѣдствія отъ неурожаевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и неустройство продовольственной части снова возбудили живѣйшее къ себѣ вниманіе правительства и публики, въ концѣ 1873 и началѣ 1874 г. Въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, эта часть находится въ распоряженіи земства. По представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, состоялось Высочайше утвержденное 21 мая Мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ установлены новыя правила для наблюденія за запасными магазинами и за общественными продовольственными капиталами, со стороны мѣстной коронной администраціи и земскихъ управъ. Вопросы о мѣрахъ вообще по народному продовольствію (въ томъ числѣ въ особенности самый первоначальный вопросъ: нужны ли вообще эти мѣры?) требовали бы обстоятельнаго изученія и обсужденія въ правительственной сферѣ, такъ какъ при совершенно измѣнившихся условіяхъ народнаго быта (съ прекращеніемъ вотчинной и также бюрократической опеки надъ крестьянскимъ народонаселеніемъ), съ чрезвычайнымъ развитіемъ хлѣбной торговли и путей сообщеній, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и съ полнымъ преобразованіемъ мѣстной хозяйственной администраціи, на началахъ самоуправленія, мѣры по обезпеченію народнаго продовольствія не могутъ оставаться въ своемъ прежнемъ видѣ. Во II томѣ Сборника мы надѣемся опубликовать полное историческое обозрѣніе этихъ мѣръ, какъ въ Россіи, такъ и въ З. Европѣ. Здѣсь кстати замѣтимъ относительно вышеупомянутаго новаго законоположенія, что въ немъ едва ли не впервые (въ сферѣ правительственныхъ актовъ и распоряженій) говорится о *представленіяхъ* уѣздныхъ управъ губернскимъ и о *разрѣшеніяхъ* послѣднихъ первымъ; этимъ какъ бы установляется іерархическая подчиненность между этими инстанціями, какой до сихъ поръ между ними не было. Административная самостоятельность каждаго органа самоуправленія есть одно изъ важнѣйшихъ условій самой системы самоуправленія.

Въ ближайшей связи съ государственнымъ хозяйствомъ находится государственная благотворительность, которая нигдѣ не имѣетъ такого обширнаго развитія, какъ въ Россіи. Нѣсколько вѣдомствъ устроено нарочно для этой цѣли. Тутъ, на самомъ первомъ планѣ, стоятъ Воспитательные Дома. Вопросъ о пользѣ этихъ учрежденій сложный и спорный; практическія затрудненія въ ихъ дѣятельности многочисленны и злоупотребленія со стороны публики слишкомъ легки. Такимъ образомъ приливъ дѣтей, бросаемыхъ самими родителями на попеченіе воспитательныхъ домовъ, возрастаетъ; об-

щество заражается самымъ сквернымъ порокомъ, — беззаботностью относительно исполненія самой святой человѣческой обязанности (попеченія родителей о физическомъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей). Высокое гуманное призваніе воспитательныхъ домовъ превращается въ пособничество самымъ чудовищнымъ наклонностямъ. Это учрежденіе уже давно борется у насъ съ этимъ порокомъ и ставитъ одну преграду за другою для его пагубнаго развитія, ограничивая разными правилами пріемъ законныхъ дѣтей. Высочайшее повелѣніе (по положенію Опекунскаго Совѣта) 19 января, измѣняющее п. 5 Правилъ 1871 г. о пріемѣ дѣтей въ С.-Петербургскій Воспитательный Домъ, является новымъ такимъ ограниченіемъ, вызваннымъ очевидною необходимостью: между прочимъ «законныя дѣти принимаются не старше 10 мѣсяцевъ отъ рожденія только на временное ихъ вскормленіе до годичнаго возраста, и при томъ лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда мать ребенка умерла, или такъ больна, что сама кормить грудью его не можетъ, а отецъ не имѣетъ средствъ нанять кормилицу». Послѣ всѣхъ принимавшихся по этому предмету палліативныхъ мѣръ, рано или поздно наши Воспитательные Дома должны будутъ разрѣшить въ самомъ его корнѣ вопросъ: слѣдуетъ ли имъ вообще принимать на свое попеченіе законныхъ дѣтей и не отвлекаются ли они пріемомъ ихъ, съ какими бы то ни было ограниченіями, отъ прямой своей цѣли? Независимо отъ нравственно-государственной стороны этого вопроса, надо думать, что и финансовая его сторона, — несостоятельность денежныхъ средствъ Воспитательныхъ Домовъ передъ постоянно возрастающими къ нимъ требованіями, — заставитъ дать категорическое разрѣшеніе этому трудному вопросу. Къ сожалѣнію мы не можемъ имѣть никакого сужденія о хозяйствѣ и положеніи денежныхъ средствъ этого вѣдомства, изъятаго отъ общаго порядка единства государственной кассы и отчетности. Совсѣмъ съ другой стороны дѣятельность Воспитательныхъ Домовъ приводитъ къ тому-же вышеуказанному результату: крестьяне, берующіе на свое попеченіе питомцевъ изъ Воспитательныхъ Домовъ, небрегутъ своими собственными дѣтьми, которыя оказываются для нихъ менѣе выгодными, чѣмъ питомцы. Тѣмъ не менѣе смертность между питомцами значительна. По поводу общественнаго призрѣнія замѣтимъ здѣсь кстати, что вся государственная дѣятельность по этой части должна вступить нынѣ въ новую фазу, такъ какъ совсѣмъ измѣнившіяся условія, съ одной стороны, административнаго строя (развитіе самоуправленія) и съ другой стороны, экономическаго быта,

требуютъ и новаго направленія, и новой организаціи этой дѣятельности. По этому предмету мы можемъ указать на статью *И. Е. Андреевскаго*, помѣщенную въ настоящемъ томѣ Сборника. [1])

Переходя къ *полицейской* отрасли государственнаго управленія, мы должны отнести къ этой отрасли, въ обширномъ ея смыслѣ, распоряженіе, знаменующее собою въ высшей степени отрадное направленіе правительства къ забвенію личныхъ преступныхъ дѣйствій участниковъ послѣдняго польскаго возстанія. Высочайше утвержденнымъ 3 февраля Положеніемъ Комитета Министровъ (въ дополненіе и разрѣшеніе Положенія того-же Комитета 11 мая 1873 г.) повелѣно безусловно прекратить всѣ еще производящіяся по западнымъ губерніямъ дѣла о конфискаціи имѣній по мятежу 1863 и не вчинать новыхъ. Милосердіе къ личнымъ политическимъ преступленіемъ, которымъ отличаются всѣ разумные правители, ни сколько не препятствуетъ энергическому отпору противъ мятежныхъ движеній, когда они дѣйствительно возмущаютъ спокойствіе въ государствѣ.

По полиціи изданы Высочайше утвержденныя 4 января временныя правила о порядкѣ полицейской *высылки безпаспортныхъ лицъ изъ С.-Петербурга* и выдачѣ имъ полиціей временныхъ свидѣтельствъ на проживаніе въ столицѣ. Хотя эти правила ставятъ судьбу упомянутыхъ лицъ въ полное распоряженіе С.-Петербургскаго Полицейскаго Управленія и единоличной власти его начальника, но не должно при этомъ забывать, что они вводятъ въ сколько нибудь законные предѣлы порядокъ, который до этого дѣйствовалъ внѣ всякаго закона, что они все-таки его улучшаютъ и что ему подчинены только лица (безпаспортныя), находящіяся сами внѣ закона. Заслуживаетъ вниманіе, что коренные пороки нашей паспортной системы вынуждаютъ само правительство принимать мѣры къ охранѣ частныхъ лицъ противъ этихъ пороковъ, несовмѣстимыхъ съ условіями современной промышленной жизни. При изданіи новаго устава о воинской повинности, нѣкоторые существенные вопросы, къ нему относящіеся, остались неразрѣшенными и переданы въ особую коммиссію, учрежденную уже давно для преобразованія паспортной системы; это обстоятельство напомнило о

---

[1]) См. *И. Е. Андреевскаго:* «Новѣйшія попытки къ лучшему устроенію призрѣнія бѣдныхъ.»

существованіи этой коммиссіи, которой предположенія нетерпѣливо ожидаются въ публикѣ.

Высочайшимъ повелѣніемъ, законъ 1873 г., воспрещающій лицамъ, находящимся, по судебнымъ приговорамъ, подъ надзоромъ полиціи или обществъ, жительство въ столицахъ и губернскихъ городахъ, распространенъ на города придворнаго вѣдомства (Царское Село, Петергофъ и Гатчину).

Высочайше утвержденнымъ 12 марта Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, предоставлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ усилить полицейскія средства въ Самарской губерніи образованіемъ особой подвижной полицейской команды изъ вольнонаемныхъ лицъ.

Относя къ полиціи же, въ обширномъ ея значеніи, правительственную дѣятельность по дѣламъ книгопечатанія, мы обязаны упомянуть здѣсь о Высочайше утвержденномъ 23 апрѣля Положеніи Комитета Министровъ, разъяснившемъ ст. 12 гл. III временныхъ правилъ о цензурѣ и печати. Разъясненіе это заключается въ томъ, что изданія неподцензурныя, представляемыя въ Цензурный Комитетъ, въ установленномъ порядкѣ, для выпуска въ свѣтъ, должны быть представляемы лишь *послѣ окончательнаго ихъ отпечатанія*, и потому послѣ разбора типографскаго набора. Это разъясненіе совершенно согласно съ духомъ и буквою закона, и не заключаетъ въ себѣ ничего новаго противъ прямаго его смысла. Но при этомъ не совсѣмъ только ясно разсужденіе, изложенное въ мотивахъ этого разъясненія и распубликованное въ его текстѣ. Поводомъ къ изданію этого постановленія, какъ сказано въ мотивахъ, послужило представленіе нѣкоторыми издателями неподцензурныхъ книгъ лишь послѣ отпечатанія нѣсколькихъ оттисковъ и съ сохраненіемъ набора (очевидно для отпечатанія дальнѣйшихъ оттисковъ только, послѣ незадержанія Цензурнымъ Комитетомъ выхода книги). При этомъ нельзя не согласиться съ разсужденіемъ, изложеннымъ въ упомянутыхъ мотивахъ, что такой обходъ установленнаго порядка «равносиленъ съ представленіемъ сочиненія на предварительную цензуру и доказываетъ прямое *сомнѣніе* издателя въ томъ, можетъ ли печатаемое сочиненіе по содержанію своему быть допущено къ выпуску въ свѣтъ». Все это справедливо, не понятно только одно: почему означенное сомнѣніе считается въ этомъ случаѣ какъ будто неумѣстнымъ и неестественнымъ, пока цензурная власть сохраняетъ право, по своему усмотрѣнію, задерживать выходъ въ свѣтъ отпечатанныхъ книгъ, хотя-бы только признаваемыхъ ею вредными? Между тѣмъ желаніе издателей избѣгнуть расходы,

сопряженные съ задержаніемъ книгъ, окончательно ими отпечатанныхъ, какъ нельзя болѣе натурально; также невозможно не признавать административнаго права таковаго задержанія (при условіи невыпуска въ свѣтъ до извѣстнаго срока послѣ представленія книги въ цензурное вѣдомство) равносильнымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣйствію предварительной цензуры.

Послѣ полиціи, всего ближе взглянуть на движеніе судебнаго законодательства; тутъ состоялись слѣдующія новыя постановленія. Высочайше утвержденнымъ 9 января Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта усиленъ штатъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда шестью судебными слѣдователями. Распоряженіемъ Министерства Юстиціи, на основаніи Положенія 1866 г. о нотаріальной части разрѣшено открытіе нотаріальныхъ конторъ въ посадахъ (не болѣе двухъ въ каждомъ) въ Саратовской и Костромской губерніяхъ. Высочайше утвержденнымъ 15 января Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установленъ 7-ми-дневный крайній срокъ для изложенія, въ окончательной формѣ, рѣшеній столичныхъ мировыхъ съѣздовъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 2 февраля, общій Военно-Судебный Уставъ (15 мая 1867 г.) введенъ въ дѣйствіе въ войскахъ Варшавскаго военнаго округа (съ 1 іюня 1874 г.), на основаніи особыхъ правилъ, изложенныхъ въ Положеніи, при этомъ изданномъ.

Къ первой же половинѣ 1874 г. принадлежитъ законодательная мѣра по судебной части, значительно измѣнившая условія цѣлой обширной отрасли частной дѣятельности и возбудившая у насъ сильные толки, не прекращающіеся и до сихъ поръ; эта мѣра заключается въ изданіи «правилъ о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ» (Высочайше утвержденное 25 мая Мнѣніе Государственнаго Совѣта). По самому своему существу, эти правила, ограничивающія прежнюю безусловную у насъ свободу судебной адвокатуры, не могли не возбудить противъ себя неудовольствія въ средѣ заинтересованныхъ лицъ. Вопросъ о свободѣ адвокатуры и объ ея ограниченіяхъ можетъ быть въ теоріи признанъ спорнымъ; въ положительномъ законодательствѣ огромнаго большинства образованныхъ государствъ онъ разрѣшался до сихъ поръ [1]) въ пользу ограниченія этого занятія

[1]) Однако въ германскомъ парламентѣ сдѣлано недавно предложеніе, — поддержанное весьма вліятельными политическими людьми, — о введеніи полной свободы адвокатуры.

извѣстными требованіями закона относительно юридическаго образованія и затѣмъ судебнымъ надзоромъ за исполненіемъ обязанностей, принимаемыхъ на себя повѣренными по судебнымъ дѣламъ. Эти обязанности, связанныя съ важными не только общественными, но и государственными интересами, не могутъ быть приравнены ко всякому другому промыслу и оставаться внѣ всякаго правительственнаго или судебнаго контроля; одни экономическія отношенія спроса и предложенія не могутъ еще служить достаточною здѣсь гарантіею правильности дѣятельности, подобно чисто промышленнымъ занятіямъ. Но при всемъ этомъ, съ прямо практической точки зрѣнія, посреди совокупности разнообразныхъ реальныхъ условій, въ которыхъ только что возникла и нынѣ находится наша адвокатская профессія, въ особенности въ провинціи, едва ли уже настала нынѣ государственная необходимость полагать стѣсненія ея свободному развитію; если и были значительныя злоупотребленія въ кругу этой дѣятельности, въ глухихъ мѣстностяхъ и въ массахъ необразованнаго народонаселенія, то онѣ могутъ придти въ безпомощное положеніе въ отношеніи къ судебной защитѣ, когда количество наличныхъ адвокатовъ, каковы бы они ни были, еще болѣе сократится, или же въ иныхъ мѣстахъ ихъ совсѣмъ не окажется. Сверхъ того, могутъ породиться, если и не злоупотребленія, то самовластныя распоряженія со стороны судебныхъ учрежденій въ выдачѣ установленныхъ означенными правилами свидѣтельствъ на судебное «хожденіе по чужимъ дѣламъ»; этого въ особенности должно опасаться въ области мировой юстиціи, гдѣ между судьями и мѣстными адвокатами бываютъ даже личные счеты. Здравая политика состоитъ именно въ умѣньи отличить бо̀льшее зло отъ меньшаго въ данной странѣ, и въ данное время, и не увлекаться отвлеченными принципами; такія политическія соображенія и присоединяются, во всякой государственной мѣрѣ, къ ея абсолютнымъ, теоретическимъ, началамъ, и даютъ собою мѣрило ея практической цѣлесообразности. Никакъ не позволяя себѣ, при кратковременности дѣйствія означенныхъ правилъ, считать сужденіе объ нихъ окончательнымъ, на основаніи однѣхъ только журнальныхъ корреспонденцій, большею частію къ нимъ немилосердыхъ,—нельзя однако усомниться въ ея *крутости*, а это элементъ особый и очень существенный самъ по себѣ во всякомъ правительственномъ распоряженіи. Это вопросъ *темпа* въ государственныхъ мѣрахъ, — совсѣмъ отдѣльный отъ ихъ содержанія. Крутость или мягкость, быстрота или постепенность мѣръ могутъ нравиться и неправиться, смотря по политическому образу мыслей

каждаго. Но несомнѣнно вѣрно тутъ кажется одно, что безъ крайней нужды крутой поворотъ, даваемый условіямъ общественной жизни, не можетъ согласоваться съ охранительными началами политики, столь часто у насъ, именно въ послѣднее время, возвѣщавшимися, а можетъ нравиться развѣ только радикальнымъ на нее воззрѣніямъ. Лишь вслѣдствіе совершенной необходимости, мы были вынуждены употребить здѣсь эти термины, которыхъ мы всячески избѣгаемъ при полной смутѣ и извращеніи понятій, происходящихъ нынѣ въ нашемъ обществѣ по поводу этихъ словъ, «радикализмъ» и «консерватизмъ», заимствованныхъ изъ иноземныхъ политическихъ лексиконовъ. Адвокатская дѣятельность привлекла у насъ, въ короткое время, много лицъ, въ особенности молодыхъ, которыхъ дѣятельность на этомъ поприщѣ никоимъ образомъ не можетъ быть признана болѣе вредною, чѣмъ на другихъ; внезапно принятая мѣра, хотя бы и правильная въ своихъ основаніяхъ, потрясаетъ условія быта множества людей. Все это заставляетъ думать, что ея крутость будетъ смягчена въ примѣненіи дальнѣйшими правительственными распоряженіями и мѣрами. Относительно самаго содержанія правилъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ, нужно замѣтить, что дѣйствія всѣхъ судебныхъ учрежденій по этому предмету поставлены надлежащимъ образомъ подъ судебный контроль высшихъ инстанцій, такъ что заинтересованныя лица, при умѣньи пользоваться предоставленными имъ правами, могутъ найти для себя защиту противъ самовластныхъ дѣйствій; этаго умѣнья у насъ однако еще очень мало, при младенчествѣ судебной практики. Исключеніе въ упомянутомъ отношеніи составляетъ дискреціонерная власть, которою облеченъ Министръ Юстиціи, получившій право «устранять отъ ходатайства по судебнымъ дѣламъ такія лица, которыя, по *доходящимъ* до него несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій» (ст. 16). Противъ распоряженій, на основаніи этого пункта, не указано пути для судебной расправы, тѣмъ болѣе, что *свѣдѣнія* могутъ доходить не до самого Министра, а до канцелярій; по всей вѣроятности остается однако въ силѣ общій порядокъ процедуры въ подобныхъ случаяхъ, т. е., жалоба Сенату, по 1 Департаменту. Наконецъ новые налоги, установленные этими правилами, едва ли соотвѣтствуютъ своими значительными размѣрами среднему уровню прибылей по облагаемой ими профессіи.

Къ первой половинѣ 1874 г. должно отнести составленіе тюремныхъ проектовъ, которые находятся нынѣ на разсмотрѣніи

высшей законодательной инстанціи и возбуждаютъ собою едва ли не самые главные, въ настоящее время вопросы, по нашей судебной части. Имъ посвящена въ нашемъ изданіи обширная статья *И. Я. Фойницкаго* [1]).

Послѣдняя подлежащая нашему обозрѣнію и конечно важнѣйшая нынѣ въ Россіи административная область — *народное образованіе*. Въ этой области распубликована въ самомъ началѣ 1874 г. и съ этого года вступила въ дѣйствіе очень значительная государственная мѣра, — устройство учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ, на основаніи общихъ началъ, дѣйствующихъ въ Имперіи; но какъ Высочайше утвержденное по этому предмету Мнѣніе Государственнаго Совѣта и правила о примѣненіи къ учебнымъ заведеніямъ Кавказскаго учебнаго округа уставовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ Имперіи Высочайше утверждены 22 ноября 1873 г., то они и не входятъ въ кругъ нашего обозрѣнія.

Высочайшимъ повелѣніемъ 9 февраля, въ видѣ опыта (съ 1 сентября), допущены полупенсіонерки и приходящія ученицы въ донскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Высочайше утвержденнымъ 11 февраля Положеніемъ Комитета по дѣламъ Царства Польскаго къ реальнымъ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа примѣненъ общій уставъ реальныхъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (съ нѣкоторыми измѣненіями). Это распоряженіе принадлежитъ къ двумъ рядамъ мѣръ, которыми правительство, съ одной стороны, неуклонно развиваетъ и распространяетъ общія начала учебной реформы по Министерству Народнаго Просвѣщенія, и съ другой стороны, также неуклонно объединяетъ въ государственномъ отношеніи нашу привислянскую окраину съ Имперіею.

Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода (при участіи учебнаго комитета) предоставлено право опредѣлять на учительскія и смотрительскія должности въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ лицъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, когда семинарскія правленія и съѣзды духовенства, имѣвшіе до этого постановленія исключительное право на замѣщеніе этихъ должностей, не имѣютъ своихъ кандидатовъ (Высочайше утвержденное 1 мая опредѣленіе Святѣйшаго Синода).

---

[1]) См. *И. Я. Фойницкаго*: «Русская карательная система», стр. 98.

Самою крупною законодательною мѣрою по народному образованію, въ первой половинѣ 1874 г., были изданіе положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, для губерній, имѣющихъ земскія учрежденія, и новая организація Губернскихъ и Уѣздныхъ Училищныхъ Совѣтовъ, завѣдующихъ этими училищами. Упомянутымъ Положеніемъ все дѣло начальнаго образованія въ административномъ отношеніи болѣе сосредоточено и введено въ болѣе опредѣленныя рамки. Во главѣ училищныхъ совѣтовъ поставлены предводители дворянства, къ патріотической дѣятельности котораго, на пользу этого дѣла, былъ въ прошедшемъ году призывъ самой Верховной Власти. Дворянство, располагающее и матерьяльными средствами, которыми оно всегда, съ рвеніемъ, готово жертвовать, и первенствующимъ умственнымъ вліяніемъ, можетъ оказать поддержку размноженію и правильному развитію начальныхъ школъ. Но если успѣхъ какого государственнаго дѣла зависитъ, помимо законодательныхъ нормъ и общихъ административныхъ распоряженій, отъ непосредственныхъ исполнителей, то это, конечно, прежде всего въ народномъ образованіи. Если-же вообще нашъ педагогическій міръ не богатъ личными силами, то это преимущественно должно быть сказано о сельскихъ учителяхъ. Въ ихъ рукахъ прежде всего это дѣло. Между тѣмъ, съ самыхъ разнообразныхъ и противуположныхъ сторонъ, стали, въ послѣднее время, раздаваться жалобы на несостоятельность педагогическихъ пріемовъ, господствующихъ въ нашихъ народныхъ школахъ. Сколько бы ни было преувеличеній въ этихъ жалобахъ, которыхъ предметъ по своей спеціальности выходитъ за предѣлы нашего изданія, одинъ фактъ положительно извѣстенъ: это,— еще очень далекая отъ прочности, испытанной временемъ,— система преподаванія и въ особенности *воспитанія* въ нашихъ народныхъ школахъ и шаткость понятій, въ большинствѣ случаевъ, вращающихся въ этой сферѣ. Новость дѣла вполнѣ, конечно, извиняетъ эту шаткость. Но если вообще крѣпость и выработанность убѣжденій въ воспитывающей средѣ есть первое элементарное условіе авторитета и его плодотворной силы надъ воспитывающимися, то это условіе тѣмъ необходимѣе на низшихъ ступеняхъ образованія и въ народной школѣ. Тутъ представляется у насъ еще трудность особаго рода. Чѣмъ ниже степень образованія, чѣмъ ближе школа къ такъ называемому простому народу,— и именно къ крестьянину, въ которомъ заключается весь первобытный сокъ національной жизни, — тѣмъ болѣе школа и ея методы должны быть самостоятельны въ національ-

номъ отношеніи, тѣмъ менѣе они могутъ быть заимствованы изъ другихъ странъ. Если напр. весьма возможны иностранные профессора на университетскихъ каѳедрахъ, то мыслимы ли они въ народной школѣ? А по молодости нашего образованія, мы вынуждены были до сихъ поръ руководствоваться иноземными педагогическими пріемами и другаго намъ пока нечего дѣлать. Вотъ кажется намъ исключительная трудность нашего положенія въ народной школѣ, которая между тѣмъ не терпитъ времени.

Вскорѣ послѣ изданія новаго Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ состоялся указъ Св. Синода (10 октября), который объяснилъ духовенству обязанности его по этому Положенію: «Благословляя православное россійское духовенство на дальнѣйшее служеніе великому и священному дѣлу народнаго образованія, Св. Синодъ приглашаетъ, въ этомъ указѣ, и епархіальныхъ архіереевъ содѣйствовать успѣху этого дѣла всѣми зависящими отъ нихъ способами, поощряя отличающихся на этомъ поприщѣ дѣятелей и вразумляя нерадѣющихъ къ оному». Если это новое благословеніе Св. Синода на дѣло, дѣйствительно самое «великое и священное» въ настоящее время въ Россіи, «*вразумить нерадивыхъ*», то весь русскій народъ будетъ обязанъ ему безпредѣльною благодарностью. Одна изъ самыхъ характеристическихъ и замѣчательныхъ чертъ современной Россіи, въ сравненіи съ Западною Европою,— это совершенно противуположное инославнымъ церквямъ направленіе въ дѣйствіяхъ нашего духовенства и въ отношеніяхъ къ нему свѣтскаго общества: въ то время, какъ Западная Европа борется съ излишествомъ рвенія римско-католическаго духовенства на поприщѣ гражданской жизни и между прочимъ народнаго образованія, все наше образованное общество, во слѣдъ за Св. Синодомъ, желало бы только усиленія этого рвенія со стороны православнаго духовенства, и *вразумленія нерадивыхъ*. Однако это нерадѣніе духовенства не можетъ быть поставлено ему въ упрекъ, за исключеніемъ развѣ частныхъ случаевъ, и обусловлено глубокими историческими причинами всего нынѣшняго положенія нашей церкви въ государствѣ. Этимъ первенствующимъ вопросомъ всякой государственной жизни мы надѣемся много заняться во II томѣ нашего Сборника.

21 ноября 1874 г.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано.		*Должно быть.*
Первый Отдѣлъ.		
Страница.	Строка.	
48	6 сверху сдѣланы повороты	сдѣлался поворотъ
48	16 Но 1865	Но съ 1865
57	На одного приходилось Имущества. Пособій.	На одного приходилось Имущества. Пособій. 237 7 120 25 162 18
Второй Отдѣлъ.		
Критика и библіографія.		
47	*Примѣчаніе внизу* однакоже отличающіяся	Однакоже не отличающіяся

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS
0 022 021 263 4